Владимир БУШИН

ГЕНИИ И ПРОХИНДЕИ

Москва
АЛГОРИТМ
2003

ББК 84 Б 90
Бушин В.С.
Б 90 Гении и прохиндеи.-М.: Алгоритм, 2003.-464 с.
ISBN 5-9265-0074-5

Владимир Бушин - один из самых острых отечественных критиков и публицистов. Он не щадит ни чужих, ни своих. Четкая аргументация, принципиальность, сарказм, ирония - отличительные черты его стиля. В этой книге собраны статьи разных лет, опубликованные в газетах «Правда», «Советская Россия», «Завтра», «День», «Патриот» и др.

ББК 84
ISBN 5-9265-0074-5
© Бушин В.С., 2003
© ООО «Алгоритм-Книга», 2003

ОТ РЕДАКЦИИ

Существует разное отношение к предисловию и послесловию. Одни авторы и издатели считают их совершенно необязательными и даже излишними: книга, мол, должна сказать все о себе сама. Другие смотрят на книгу без такого антуража как на что-то неполноценное. Мы же полагаем, что все определяется конкретными обстоятельствами, и думаем, что в данном случае предисловие да еще и послесловие будут полезны. Они дадут представление хотя бы о том, сколь различно и противоречиво в нынешнем обществе отношение к работам Владимира Бушина и к нему самому: от желания «чуть ли не молиться» на него до угроз физической расправы... А это дает представление и о степени расколотости нашего общества, ибо здесь обнаруживается различие не столько художественных вкусов читателей, сколько их жизненных позиций. А пишутся предисловия-послесловия по-разному. В одних случаях это делает сам автор, в других — приглашенный со стороны писатель, ученый, общественный деятель, в третьих — само издательство... Но, как правило, это одно лицо. Мы же решили отступить от канона и дать предисловие и послесловие, составленное десятками авторов. Это подобранные почти всегда в хронологической последовательности высказывания об авторе книги в печати, в письмах и даже устные реплики о нем, так или иначе зафиксированные. Тут охвачен огромный период времени — от писем, полученных еще в юности, до откликов на статьи, напечатанные в 2002 году. Почти шестьдесят лет! А какое пространство — от Сахалина и Чукотки до Минска, Риги, Калининграда... Большинство высказываний содержат прямые характеристики автора и его литературной работы, но в ряде случаев, как, например, в строках Корнея Чуковского или Анастасии Цветаевой, этого почти или совсем нет; однако и здесь читатель получает, как нам думается, интересные сведения о круге общения автора, о его «литературной ауре» или о том, скажем, какова была судьба тех или иных его публикаций.

Иные высказывания носят чрезвычайно эмоциональный характер. Так, писатель Владимир Крупин однажды объявил, что В. Бушин — «лучший критик

современности». Это, конечно, сразу вызывает желание выяснить, как В. Крупину удалось узнать всех критиков нашей эпохи. Где и когда изучал он, допустим, творчество критиков Мадагаскара или Зимбабве. Но тут у читателя есть возможность соотнести столь безоглядные заявления с высказываниями совсем иного рода. А уж достоверное представление о всех похвалах автору и о всех укоризнах ему можно составить, конечно, только после прочтения всей книги. Читатель, надо полагать, обратит внимание на то, что иные авторы, как Александр Солженицын или Станислав Куняев, в предисловии нахваливают В. Бушина, а в послесловии предают его анафеме. Увы, таков мир, таков человек... В этих случаях надо бы писать комментарии, но это слишком перегрузило бы книгу. Не лучше ли оставить читателям простор для размышлений и догадок. В сущности говоря, собранные здесь высказывания об авторе — это намеченная пунктиром его творческая биография, и думается, она не оставит читателя безразличным.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

(Из архива автора)

Тов. Бушин!

Стихотворение Ваше получил. Оно настолько хорошо, что у некоторых товарищей из нашей редакции возникло сомнение: действительно ли Вами написана эта вещь? Не списана ли она из какого-нибудь журнала? Прошу прислать другие Ваши стихи и указать Ваше воинское звание. Прошу не обижаться, если сомнения товарищей окажутся неосновательными. К нам поступает много стихов известных советских поэтов, под которыми стоят подписи, не имеющие никакого отношения к этим стихам.

С приветом!

Капитан *С. Швецов*[1].

20 февраля 1945 г.

ПП 01833-Р. Восточная Пруссия. Редакция газеты «Разгромим врага» (50-я армия, Третий Белорусский фронт).

* * *

Дипломную работу В. Бушина можно хоть сейчас печатать в молодежном журнале. А если он несколько дополнит некоторые разделы, ею может заинтересоваться любой толстый журнал.

Александр Макаров, научный руководитель диплома.

Из отзыва для кафедры творчества Литературного института.

Май 1951 г.

* * *

С удовольствием прочитал ваши статьи о Николае Ушакове и Владимире Карпеко, да и другие статьи[2].

Евгений Евтушенко. Москва, сентябрь 1958 г. В очереди за гонораром.

[1] После войны С. А. Швецов был главным редактором журнала «Крокодил». *(Здесь и далее примечания автора.)*

[2] Речь шла о статьях «Афродита,, рожденная не из пены» и «Лирический рейс», напечатанных в газете «Литература и жизнь» (ныне «Литературная Россия»), где я тогда работал.

* * *

Владимир Сергеевич!

Что бы потом ни писали, что бы ни говорили, но ничего не может быть дороже первой рецензии, первой поддержки[1].

Владимир Богомолов. Москва.

21 июня 1959 г. Дарственная надпись на отдельном издании рассказа «Иван».

* * *

Глубокоуважаемый Владимир Сергеевич!

Нашу встречу и беседы минувшим летом в Ясной я вспоминаю с теплым дружеским чувством... А что касается портрета И. В. Сталина в моей комнате, который по нынешнему времени, как мне показалось, удивил Вас, то он здесь не случайно: этот человек вернул мне родину... С признательностью помню я и о том, что через публикацию в «Молодой гвардии» моей переписки с Н. К. Рерихом Вы дали мне возможность заработать хорошие деньги...

Вал. Булгаков[2].

9 декабря 1960 г. Ясная Поляна.

* * *

В. Бушин — критик не из робкого десятка, он не заботится об академической округлости высказывания. Обычно в своих статьях он следует буквально по пятам литературных событий. Подобное «поспевание» не такое уж частое достоинство нашей критики...

Михаил Лобанов.

Из рецензии для издательства «Советский писатель» 20 октября 1961 г. Москва

* * *

Дорогой тов. Бушин!

Я впервые после большого перерыва прочитал свои письма Рубакину, и они мне не понравились. Умоляю Вас (если Вы намерены печатать их): сделайте кое-какие купюры. В первом письме мне показались отвратительными мои

[1] Имелась в виду моя рецензия «Иван Буслов, судья» на рассказ В. Богомолова «Иван», напечатанная в «Литературной газете».

[2] В. Ф. Булгаков — секретарь Л. Н. Толстого, автор книги «Л. Н. Толстой в последний год его жизни».

жалобы на болезнь, на бессонницу. Вообще, чем больше Вы сократите их, тем лучше...

Корней Чуковский.

17 июня 1962 г. Переделкино

* * *

Многоуважаемый Владимир Сергеевич!

Я очень признателен Вам за присылку «Подъема» № 5...[1] Эта Ваша статья кажется мне очень глубокой и серьезной — именно на том уровне написана она, на котором только и имеет смысл критическая литература... Особенно интересен и содержит много меткого раздел о «Кречетовке»... Много верного и для нашей литературы полезного в том, что Вы пишете, противопоставляя «эстетику песчинок» и «эстетику самородков». Нам надо учиться видеть красоту обыденного... Жаль, что из-за тиража журнала статью мало кто прочтет... Брошюру Вашу я в свое время получил тоже... Такую работу предоставьте тем, кто лишен Ваших незаурядных способностей.

Александр Солженицын.

2 января 1964 г. Рязань.

* * *

Дорогой Володя!

Ты — молодец, сделал великое дело, и книга «Ничего, кроме всей жизни», увидишь, будет долго жить. Она, считай, первая такая о детстве и юности.

Обнимаю.

Иосиф Дик.

7 ноября 1971 г. Москва

* * *

Твоя статья об Окуджаве[2] — это блеск. Блеск! Я не знал, что сейчас так можно писать. Какая ирония! Я думал, это осталось в девятнадцатом веке. Ты открылся мне с новой, с совершенно неожиданной стороны.

Юрий Бондарев.

22 ноября 1979 г. Москва ЦДЛ, партком.

[1] Статья «Герой — жизнь — правда» о первых трех опубликованных произведениях А. Солженицына: «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор» и «Случай на станции Кречетовка». Журнал «Подъем», № 5, 1963.

[2] «Кушайте, друзья мои. Все ваше...» в журнале «Москва», №7, 1970. Несколько следующих далее высказываний относятся именно к этой статье.

Статью об Окуджаве, беспощадную и справедливую, читали буквально взахлеб в гагринском Доме творчества грузинские и русские литераторы. Отклики самые разные, но ни одного равнодушного... Статья блестяща по сарказму, по убедительности и чисто художественной форме, достойной лучших образцов русской критики.

Юрий Помозов

2 октября 1979 г. Ленинград

* * *

Володя молчит-молчит, но уж как выдаст!..

Роман Палехов.

31 августа 1979 г. Москва На похоронах К. М. Симонова.

* * *

Дорогой Владимир Сергеевич!

Как хорошо, что мы встретились в Коктебеле... Конечно же, я всем раззвонил о твоей статье в 7-й книжке «Москвы». Статья хороша не только по своей глубине, по точному и глубокому анализу она просто необходима...

Зот Тоболкин.

15 августа 1979 г. Тюмень.

* * *

Свифт!.. Независимо от того, как относишься к содержанию статьи, нельзя не признать, что написана здорово.

Вадим Сафонов.

Август 1979 г. Малеевка.

* * *

«Анти-Дюрииг»!.. Я получил наслаждение...

Юрий Грачевский.

3 октября I979 г. Москва По телефону.

* * *

Статью об Окуджаве читал с наслаждением. Дочь сказала: «Какое великолепное исследование глупости!» Повеяло девятнадцатым веком...

Владимир Гордейчев.

18 декабря 1979 г. Воронеж.

* * *

Я два месяца лежал в больнице, и самым лучшим лекарством мне за все время была ваша статья в «Москве».

Виктор Полтарацкий.

22 ноября 1979 г. Москва.

* * *

Святыни задел. Бомба! Еще жив?

Виктор Боков.

18 декабря 1979 г. Москва

На пленуме правления Союза писателей в ЦДЛ

* * *

Статья произвела на всех очень сильное впечатление.

Мудро, смело, глубоко

Валентин Лукша.

31 августа 1979 г. Минск.

* * *

Еле-еле разыскала журнал и статью прочла залпом. Вы дали разбор, какого Окуджава, наверное, никогда не имел...Критик Вы блестящий — этого не отнять.

Наталья Суханова.

22 февраля 1980 г. Ростов-на-Дону

* * *

Вот написать одну такую статью, и умереть. Это звездная статья.

С. М. Червонная, доктор искусствоведения.

Сентябрь 1979 г. Москва.

* * *

Я давно не испытывал такого удовольствия. Я вообще ценю остроумие, а когда оно сочетается со смелостью, глубиной анализа, математической точностью — это достойно восхищения.

А. Б. Павлов.

12 мая 1980 г. Алушта.

* * *

Что ни слово Ваше, то истинная правда. Благодарю за то, что с поднятым забралом кинулись в бой. Вот бы всегда и всем так писать!

Д. Я. Стельник.

9 августа 1979 г. Баку

* * *

Прочитал Вашу восхитительную статью — ироничную, умную, злую, красивую... Я обожаю процесс заслуженного развенчания идолов, о которых можно сказать: «В Одессе все так умеют, только стесняются». Ваша статья стала для меня классическим образцом литературной критики. Бейте зуавов, выдающих себя за зулусов!

И. Тарнопольский.

30 апреля 1980 г. Харьков.

* * *

Дорогой Володя Бушин!
Тебя приветствует Глазков,
Который, не пугаясь стужи,
Отчалил от материков!

Побывал в Магадане, где купался в Охотском море...

Николай Глазков, великий путешественник. 22 августа 1975 г.

* * *

Ты, Володя Бушин, мудр.
Мысль твоя, как перламутр.
И тебя я поздравляю
С всеми праздниками мая!

Николай Глазков. Апрель 1978 г.

* * *

Наш край остужен и простужен,
Но, холода преодолев,
Под Новый год Володя Бушин
Прилежно тяпнет за сугрев!

Николай Глазков.
Декабрь 1978 г.

* * *

Уважаемый Владимир Сергеевич, простите ради бога, что с таким запозданием отвечаю на Ваше столь любезное письмо. Я бы даже сказал, что это редкостный случай для нашей среды, где так принято подсиживать друг друга... Ваши замечания о моей книге «Личность Достоевского» для меня очень ценны. Большое спасибо. Надеюсь, через год-полтора у меня будет возможность послать Вам новое издание, и тогда Вы убедитесь, сколь внимательно я отнесся к Вашим замечаниям... При случае был бы рад познакомиться с Вами.

Борис Бурсов.
12 февраля 1991 года. Ленинград

* * *

Милый Владимир Сергеевич!

Простите, что не провожаю — ко мне пришла наш общий друг с М. С. Волошиной — давно не виделись. Жму руку, жду фотографии. Храни Вас Бог в пути! Мой телефон: 280-84-71.

А. И. Цветаева.
18.X.83. Коктебель[1].

* * *

Уважаемый Владимир Сергеевич!

Может быть, Вы, умный и интеллигентный человек, напишете мне, что сделать, чтобы поднять уровень ученых мужей и высокопоставленных сановников до уровня старух на завалинке, за которых Вы так остроумно заступились, хотя бы в нравственном смысле. Посоветуйте...

Вениамин Каверин.
16 февраля 1984 г. Москва.

* * *

Ваши статьи всякий раз доставляют мне удовольствие: точные, очень убедительные оценки разбираемых произведений и при этом — культура полемики, чего в наше время явно не хватает. Мне думается, вершина Вашего творчества в этом направлении — статья «Когда сомнение уместно» в «Нашем современнике» №4 за этот год. Отлично написана! Весьма культурно разделали Вы П. Шатрова и других наших очень модных перестройщков, сняли с них налет фальшивой важности и значительности. «Короли перестройки» оказа-

[1] Написано по случаю моего отъезда из Коктебеля.

лись голыми. Больше того — лгунами, исказителями нашей истории... Большое спасибо за активную защиту Родины!

Леонид Иванов. 25.IV.89 г. Омск.

* * *

Обратившись к жизни, выдающихся деятелей мирового коммунистического движения, воссоздавая титанического наполнения образы Маркса и Энгельса, В. Бушин, безусловно, делает большое дело. Это высокая тема, труднейший жанр, однако художественные достижения автора несомненны. Он рисует своих героев действительно интересно, ярко, в порыве вдохновения...

Игорь Золотусский, критик, член редколлегии «Литературной газеты».

Из внутренней рецензии для издательства «Советская Россия». Октябрь 1986 г.

* * *

Читая твои статьи, старик, я столько раз порывался позвонить тебе, сказать доброе слово, но боялся, что после нашей распри 86-го года ты не так поймешь это...

Владимир Карпов, Герой Советского Союза,
бывший первый секретарь Союза писателей СССР,
бывший член ЦК КПСС,
бывший депутат Верховного Совета СССР,
бывший чемпион Средней Азии по боксу в среднем весе,
бывший разведчик, взявший в плен 79 бывших языков.
16 июля 1994 г.
В метро по дороге на съезд писателей России.

* * *

Уважаемый Владимир Сергеевич!

Бондареву я сказал, что «прорабов перестройки» будут знать в XXI веке по сатире Бушина.

Валерий Ганичев,
доктор филологии, профессор,
ныне первый секретарь Союза писателей России;
25 августа 1989 г. Москва.

14

* * *

Я за публикацию статьи В. Бушина о Сахарове. Пора открыто говорить, кто есть кто.

Валентин Распутин,
член редколлегии «Нашего современника». 11 октября 1989 г. Из внутренней рецензии для журнала.

* * *

Я за то, чтобы статью В. Бушина о Сахарове печатать. Как участник войны он имеет право на такой тон.

Вадим Кожинов,
член редколлегии «Нашего современника». 17 октября 1989 г. Из внутренней рецензии для журнала.

* * *

Вы читали статью Бушина о Сахарове? Какой молодец!

Игорь Шафаревич,
член редколлегии «Нашего современника»[1]. Декабрь 1989 г.

* * *

Всегда, когда читаю статьи Владимира Бушина, я хохочу, негодую, печалюсь и вообще считаю его блестящим публицистом.

Станислав Куняев,
главный редактор «Нашего современника». «Литературная Россия», 14 мая 1993 г.

* * *

Дорогой Владимир Сергеевич!

Ваши статьи произвели на меня огромное впечатление. Значит, есть еще в России люди, не потерявшие ум и совесть!

...Прочитал Вашу рецензию на книгу Окуджавы. Получил огромное удовольствие как от литературного произведения. Вот в таком духе написать бы

целую книгу о писателях, раздутых на Западе и навязанных России в качестве «гениев»! Я имею в виду Солженицына, Аксенова, Войновича и многих

[1] Валентине Кургановой, редактору издательства «Советская Россия».

других. В конце концов должен же кто-то сказать, что все эти короли на самом деле голые... С огромным наслаждением прочитал Ваши последние работы. Думаю, Ваша критика Солженицына особенно важна.

Александр Зиновьев.

20 августа, 30 ноября 1990 г. и 17 декабря 1991 г. Мюнхен.

* * *

Редколлегия учреждает ежегодную премию и называет лучших авторов газеты в 1992 году:

Владимир Бушин — писатель, публицист, критик...

В. Чикин,

главный редактор «Советской Росси». 29 декабря 1992 г.

* * *

Не так давно навестил я Леонида Максимовича Леонова. Он два раза принимался расспрашивать о вас. Позвоните ему. Старику будет приятно. Он интересуется.

Евгений Осетров. 29 июня 1992 года. Москва.

* * *

В последние годы я часто бывал у Леонова. Помогал готовить к изданию его «Пирамиду». Всегда являлся с пачкой свежих газет. И Леонид Максимович обычно сразу осведомлялся: «Нет ли чего-нибудь новенького Бушина?» Если было, я ему непременно читал. Иногда он так смеялся!..

Вадим Дементьев. 1 октября 1994 г. Красновидово-на-Истре.

* * *

Владимир Бушин — лучший критик современности.

Владимир Крупин «Завтра» №6(62). 1996 г.

* * *

Владимир Сергеевич Как приятно знать, что ты не Бухбиндер... Спасибо за рецензию на генерала[1]. Она войдет в

[1] Имеется в виду статья «Идеальный герой» (День литературы», I997, №4). о книге Д. Коржакова «Борис Ельцин: от восхода до заката».

число самых удачных твоих опусов. И насчет нового Репина[1] тоже хорошо. Скажи Володе Бондаренко, чтобы выхлопотал для тебя за нее Антибукера, иначе я с ним стреляться буду. Я ведь ему не Палиевский...

Василий Белов. 13 октября 1997 г. Вологда

* * *

Дорогой Володя!.. Я читаю и храню твои публикации. Восхищаюсь и горжусь твоим гражданским мужеством. Приезжай в гости. Обнимаю как брата.

Сафар Макитов.

8 октября 1992 г. Нальчик

* * *

Приятно сознавать, что и в наше время есть порядочные, думающие люди, пишущие искренно. Из публицистов первое лицо — Владимир Бушин.

С. Б., коммунист.

«Завтра», №35(97). 1997 г.

* * *

Главному редактору «Советской России» В. Чикину.

Вашу газету я открываю в основном из-за него — Владимира Бушина. Его

виртуозные литературные работы благодаря особому дару автора изнутри «взорвать» проблему позволяют воочию увидеть действующие лица «перестройки» во всей их неприглядной красе.

После его полемических заметок о Маяковском «Над бандой рвачей» не выдержал и решил просить Вас дать фото и поместить очерк о Бушине. Это классный мастер пера, какой-то народный мститель от Бога!

А. Сидоров, доктор экономических наук, профессор.

3 июня 1993г. Краснодар.

* * *

Ай да Бушин!. Ай да сукин сын!.. Умница и молодец!

Вера Калинина, социолог. 13 февраля 1991 г. Березники.

[1] Художник Илья Глазунов, упоминающийся в этой статье.

* * *

Молюсь за Вас, чтобы дал Вам Бог силы, здоровья в наше адское время.

А. Е. Пола. 17 августа 1991г. Юрга

* * *

При мне одна женщина на троллейбусной остановке читала наизусть Ваше стихотворение:

Я убит в «Белом доме».
Я стоял до конца.
Я надеюсь, как должно
Вы отпели бойца...

И. П. Кузнецов
Краснодар

* * *

Я знаю таких, как Вы. Они отстреливаются до последнего патрона...

Б. И. Широков. Клин, Московская область.

* * *

Эй, Аллах! Дай счастья Бушину!..

Наил Таиров. Тверь.

* * *

Ваши книги читало почти все наше село...

В. И. Антонова.
Село Камъшовка, Саратовская область

* * *

Бушин пишет гениальные статьи! Почитайте его «Окаянные годы»...

Петр Проскурин. 13 февраля 1998 г. На юбилее Семена Шуртакова в Союзе писателей России.

* * *

Что меня привлекает в Ваших работах? Разумеется, идейная тенденция? Это условие важное, но не самое главное. Ведь тенденцию еще надо провести, надо так подобрать слова и расставить их, чтобы текст представлял собой некую художественную цельность, чтобы он обладал известным эстетическим совершенством. У Вас это получается превосходно. Помню, к примеру, Вашу давнюю статью о господине Евтушенко. Как замечательно написана! С каким литературным мастерством, с каким блеском! Вы обладаете умением легко, без напряга и нажима, почти не прибегая к прямым оценкам, показать ничтожество своего очередного антигероя. Никакие ученые степени, академические регалии и прочие внешние знаки успеха не спасут того, кто стал предметом Вашего

критического разбора, от разоблачения. Слой за слоем Вы снимаете румяна с очередного властителя дум демократической интеллигенции, и в итоге перед нами предстает персонаж в его подлинном обличье... Вы — блестящий клиницист, сумевший глубоко и всесторонне на обширном эмпирическом материале описать патологию под названием «демократия». И вот за этот талант я Вас ценю. Для меня Бушина не может быть слишком много.

Р. Л. Лифшиц, доктор философии.

6 марта 1998 г. Комсомольск-на- Амуре.

* * *

Попал Бушину на суд —
Адвокаты не спасут!

Сергей Михалков.

13 ноября 1994 г.

* * *

...Прочла. Восхищена. Плачу. Рада, что есть люди, как Вы,— луч света в кромешной тьме...

П. И. Дробышева. Краснообск, Новосибирская обл.

* * *

Дай Бог Вам силы и здоровья в наше адское время...

Л. М. Барышева Пос. Ноглики, Сахалин.

* * *

Мне уже 80 лет, но за это долголетие никто не вызывал у меня такого восторга и восхищения, как Вы своей смелостью, справедливостью, дальновидностью и готовностью на личное ущемление ради правды. С низким поклоном

К. И. Джиоев,

генерал-майор артиллерии. Владикавказ.

* * *

Владимир Сергеевич, Вам цены нет. Спасибо за то, что Вы есть.

А. А. Михуткин. Киржач, Владимирская область

* * *

Ваше слово, будьте уверены, авторитетно в народе... Тысяча спасибо за книгу. Вас на моей родине читают, любят и благодарят. Берегите себя хоть малость. Вы так нужны обманутому и униженному народу. Мысленно обнимаю.

В. Т. Шаламов. Дмитровск-Орловский.

* * *

Я храню и перечитываю статьи Главного следователя по особо важным делам предательства Родины — Владимира Бушина.

Д. Трофимов.

Москва.

* * *

Вы один из немногих, кто смело говорит правду. Ваши статьи — эликсир для души. Прошу выслать книгу «Окаянные годы» на любых условиях.

А. А. Рязанов.

Пос. Приобский, Алтай

* * *

Моя благодарность Вам не имеет словесного эквивалента. До сих пор ничего лучшего не встречал, хотя читаю немало. Вы тот человек, который ниспослан свыше взять на

себя тяжкий и великий груз — предупредить оскотинение людей. Это дело ждало

Мастера. Этот Мастер — Вы. Ваши книги цены не имеют.

Е. А. Сигаев Кемерово.

* * *

Печатайтесь, пожалуйста, почаще...

Н. А. Логашина Псков

* * *

Читаю все, что Вы печатаете. Обожаю Ваш сочный, ядреный язык, а главное — огромную любовь к России, к нам, русским... Страстно желаю Вам здоровья и счастья!

Н. А. Бархатова

Асбест

***

Многие у нас, ей-богу, просто молятся на Вас.

Ю. В. Дородько Киев

* * *

Других таких критиков и публицистов я не знаю. Берегите себя и живите долго

М. П. Хорина. Северск, Томская область

* * *

Буду помнить Вас, пока буду жить.

И. И. Петров. Кизляр, Дагестан

Ну наконец-то, Господи, можно связаться с Вами!.. Демократическим авторам нечего противопоставить Вашему поистине золотому перу. Это глубоко русское явление.

М. Я. Ковалев.

Тихорецк

* * *

В нашей воинской части за подшивкой с циклом Ваших статей «Кадры решают все» занимали очередь.

Л. В. Семенов. Камчатка

* * *

Ваши стихи читает вся школа!

Е. Г. Саркисова. Кисловодск

* * *

От общения с Вами чувствуешь себя очищенным, вдохнувшим озона в душной атмосфере лицемерия, лжи, мимикрии. Дай Бог (если Он есть) Вам здоровья, многих лет жизни. Совесть нации не Витя из Овсянки, а Вы.

Л. Г. Погодин.

Пермь

* * *

Получил Ваши книги, и от них я без ума! Получил дозу жизни и надежды.

К. Н. Черников. Магадан

* * *

Я встаю на колени и трижды кланяюсь Вам до земли. А книги Ваши как реликвии завещаю моим потомкам.

З. К. Трубина. Самара

* * *

Потрясло стихотворение «Двадцать восьмая могила». Владимир Сергеевич! Давно уже не плакал, а тут не мог сдержать слез. Спасибо, дорогой наш человек! Я счастлив!.. Нас не сломать!

Б. А. Жуков.
Москва

* * *

Каждая Ваша книга — праздник для всех почитателей Вашего таланта. Ваших статей и книг люди ждут как манны небесной и читают их на одном дыхании

В. Г. Светлаков.
Пермь

* * *

Я давно мысленно говорю с Вами. Я всегда ожидаю Ваши статьи...

Н. А. Угрюмова. Липецк.

* * *

Ваши книги здесь ходят по рукам. У Вас огромная читательская аудитория. Зачитывают до дыр...

В. А. Соловьев. Село Сундырь

* * *

Читая Ваши книги, веришь, что жива Россия!

В. Г. Павлова. Ростовка, Омская область.

* * *

Ваше стихотворение «Двадцать восьмая могила» мы отпечатали в форме листовки и расклеили в городе.

В. А. Игнатьев. Билибино, Чукотка

* * *

Какое бы событие ни произошло, я всегда думаю: а что сказали бы об этом Вы?.. Считаю счастьем, что на склоне дней узнала удивительного человека — Вас, одаренного от Бога талантом... Спасибо Вам, что Вы есть. Не все потеряно, если есть такие люди. Не все! Не все!.. Вы прислали мне книги в день моего рождения...

Н. М. Иванова. Воронеж

* * *

Вы создаете шедевры. Ваш голос должен звучать громко и непрерывно, несмотря на все преграды и шлагбаумы.

С. Н. Землянский. Коломна

* * *

Когда, открывая газету или журнал, вижу подпись «Владимир Бушин», это для меня праздник души.

И. Л. Махитаров. Станица Придорожная, Краснодарский край.

* * *

Осиротели я и мои друзья после Вашего исчезновения со страниц «Советской России», осиротели без Вашего набатного голоса... Ваши книги — энциклопедия света и тьмы, их главное свойство — вселять силу в читателя для борьбы с тьмой.

Г. И. Мурзов.
Тверь

* * *

Некоторые Ваши стихи я перепечатала в десятках экземпляров и пустила по рукам. А недавно перепечатала в трех экземплярах (сколько хватило бумаги) Вашу книгу «Колокола громкого боя» и два экземпляра тоже пустила по рукам. Свою уже не дам никому больше, ее и так порядком затрепали... Беспокоит Ваше молчание. Уж не болеете ли? Не надо! Мы Вас любим и ждем новых книг.

З. Никитина.

Северск

* * *

Ваша лирика так же прекрасна, как публицистика. Это уж точно, так в России никто не писал так и не напишет. Прямо с маху — набело!

А. Сахно.

Арзамас-16

* * *

Вы один делаете для восстановления попранного Октября, для возрождения советской власти больше, чем вся КПРФ. Я всегда сожалею, что у Ваших книг есть конец. Миллионы почитателей Вашего яркого таланта ждут Ваших новых статей и книг.

В. Г. Светланов.

Пермь

* * *

Стихи великолепны! От некоторых буквально ком в горле. Как пьешь кристально чистую воду из природного источника. Это говорит о том, что Россия не погибла, пока живут такие писатели, как Вы. Вас любят и ненавидят...

А. Ф. Смыгин.

Ленинград

* * *

Сегодня у меня праздник — получила Ваши книги. А прежние ходят по рукам. Ваше слово лечит лучше всяких лекарств. Лечит примером рыцарского мужества, образом человека, идущего с поднятым забралом «на вы». Но все же берегите себя!.. Дивлюсь Вашему умению так «сталкивать слова», что искры высекаются...

Н. Ф. Резникова. Майкоп

* * *

Статью «Наши скорбные души над Россией парят» читал по частям, сразу не мог — сердце не выдерживало... Вы обязаны жить долго. На таких держится Отечество.

П. Ф. Тишкин.

Новочеркасск

* * *

От «Клеветников России» получил глубочайшее эстетическое наслаждение Гениально просто!.. Позвольте мне, всю жизнь беспартийному, преклониться перед Вами, коммунистом...

В. С. Летилов. Астрахань

* * *

Милый, дорогой человек, была бы в силе, убавила бы Вам лет тридцать...

Н. М. Душаева. Село Б. Толкай, Самарская обл.

* * *

Я часто, особенно вечерами, думаю о Вас и тревожусь о Вас — за Ваше открытое сердце и ясный ум. Христом Богом молю: будьте осторожны! Наемных негодяев — тысячи. И жить бы Вам — более двухсот лет!..

С. С. Бурачек. Армавир

* * *

Ваше творчество — глас народный. Иркутск

* * *

Восхищен Вашим гениальным стихотворением «Молитва» в «Голосе коммуниста», №17.

Ю. Арутюнов. Гулькевичи, Краснодарский край.

* * *

Сегодня у всей нашей семьи праздник — Ваша статья в «Советской России»!.. Когда Ваших статей долго не бывает, мы за вас волнуемся: не случилось ли чего с Вами? Поэтому постарайтесь писать чаще...

П. М. Белоногова. Щекино, Тульская обл.

* * *

Ждем Ваших публикаций с нетерпением, читаем в семье, даем знакомым, обсуждаем, плачем над ними, и всегда поражаемся, что не оскудела земля русская талантами... Берегите себя!..

Е. М. Кулькова.

* * *

Я потеряла Вас в страшном октябре 93-го года. Но, слава богу, Вы живы!..

В. А. Дымова. Лучегорск-1, Приморский край

* * *

Благодарю за праздник, устроенный мне Вашими книгами. Восхищен!.. И посмеялся до слез.

В. Г. Иванов. Улан-Удэ

* * *

Вы — один из немногих писателей, чьи произведения нужны сейчас больше, чем хлеб насущный. Они нужны как воздух!

Р. Н. Репина

* * *

Знайте, что воздействие Ваших статей на душу и сознание такое же, как сообщения ТАСС в самую глухую и бес-

просветную пору минувшей войны «В последний час» — о разгроме немцев под Москвой или под Сталинградом.

Б. А. Ремизов. Москва

* * *

Спасибо, что Вы есть, защитник униженных и оскорбленных...

П. К. Кучеров. Пос. Тульский, Адыгея

* * *

Стихи читаю, перечитываю и тихо плачу... Ждем газету из-за Ваших статей — глотка чистого воздуха. Сравниваю Вас с Оводом... Я атеистка, но если Бог есть, я хочу, чтобы Он дал Вам счастье увидеть нашу Родину очистившейся и воспрянувшей...

В. С. Захаревская.

Сибай, Башкирия

* * *

На месте Старовойтовой я повесилась бы, после того что Вы о ней написали...

М. Т. Зотова. Новгород

* * *

Присылайте все, что будете издавать. Ваши книги должны читать миллионы!

Н. И. Бритакина. Самара

* * *

Получил Ваше письмо — и радость захлестнула сердце! Мне шлет послание бог вина и любви — Вакх. Без него зачахла «Советская Россия». Потому и не выписал ее на второе полугодие. У меня в семье читают Ваши статьи вслух. Это добрый «час хохота». Ничего подобного публицистика еще не знала. Как будто

не злой сатир пускает ядовитые стрелы, а вот именно веселый и озорной Вакх. И пускает он золотые стрелы, но они разят насмерть...

И. А. Зайцев.

Новгород

27

* * *

Вы поистине солнечный человек!.. Если еще и держимся, то только благодаря Вашей мощной духовной поддержке. Вы нам очень нужны!

Н. Г. Доильницина.

Архангельск

* * *

С Вашими книгами в дом входит радость.

Р. М. Королькова. Ярославль

* * *

Боимся за Вас. Пусть Ваш ангел-хранитель бодрствует всегда!

М. И. Сурикова. п/о Новосельское, Новгородская область

* * *

Товарищ Бушин! Ваши статьи в буквальном смысле помогают мне жить, спасают в это страшное время. Бесконечно благодарна Вам!

Тамара Ивановна Трофимович.

Минская область, г. Солигорск

* * *

Я всегда читаю Ваши статьи, но статья о Павлике Морозове запомнится мне до конца жизни...

Александр Андреевич Кочетков. Рига, февраль 1998 г.

* * *

Я Вам очень благодарна за статьи о Павлике Морозове и в 92-м году и теперь, в 98-м. Вы для многих, по неведению смущавшихся клеветой на него, открыли правду об этом чистом отроке, исповеднике и мученике за Истину — одном из самых ярких алмазов земли российской, одном из самых славных ее святых... Имя его я поминаю в молитвах с 92-го года, еще с той Вашей статьи, и пишу его в записках на богослужении... Спаси Вас, Господи, за Павлика Морозова, за Истину.

Раба Божья Вера.

Москва, 17 января 1998 г.

28

* * *

Сердечно поздравляем с премией Шолохова. Обожаю вас за мужество быть громким патриотом России, за силу русского духа, за нежность любящего сердца. С нетерпением жду новые книги.

Н. Бархатова

Пос. Рефтинский, Свердловская область 14 февраля 2002 г.

* * *

Спасаюсь вашим очищающим гневом, вашей яростью благородной... Прочла Ст. Куняева в №13 «Дня литературы». Он уже второй раз назвал вас завистником. Неубедительно, мелковато... Главное в вас — знание и проницательность. Лживость — вот ваш враг. Вы разите ее везде, где встречаете, и во вчерашнем единомышленнике тоже... Вот собрать бы все ваши статьи и издать книгу! Какой был бы великолепный портрет российского зла, ныне победно шествующего. Неужели это невозможно? Все творения уважаемого Ст. Куняева отдала бы за одну такую книгу! Вы изумительно талантливы. Вы неподражаемы. Это говорит вам человек, ненавидящий всякое притворство и кое-что смыслящий в искусстве.

Елена Фоминична Лаврентьева.
Донецк. Март 2002 г.

ПОЧЕМУ БЕЗМОЛВСТВОВАЛ ШОЛОХОВ

Итак, обретение священной для русской литературы рукописи «Тихого Дона» наконец состоялось. Она хранится в Институте мировой литературы им. Горького, и его директор Ф. Ф. Кузнецов обещает, что в недалеком будущем мы получим ее научное факсимильное издание. Прекрасно... Однако и само чудо обретения, и публикации последнего времени как о нем, так и о Шолохове, и грязная литературно-политическая возня, длившаяся вокруг имени писателя с перерывали более семидесяти лет, все еще порождают немало вопросов и даже недоумений. В самом деле, вот несколько недавно вышедших книг, так или иначе касающихся этого: «Рука судьбы» Ивана Жукова (М.,1994), «Художник и власть» Николая Федя (М., 1994), «Тайная жизнь Михаила Шолохова» Валентина Осипова (М., 1995), «Писатель и вождь» Юрия Мурина (М., 1997), «Православный «Тихий Дон» Сергея Семанова (М., 1999), «Как я нашел «Тихий Дон» Льва Колодного (М., 2000), «Шолохов и Анти-Шолохов» Феликса Кузнецова.

Сколько здесь противоречий и внутри книг, и между ними, сколько неясностей! Взять хотя бы книгу Л. Колодного. Ее первое издание вышло в 1995 году под заглавием «Кто написал «Тихий Дон». Заглавие чисто рыночное, завлекательное, ибо книга однозначно утверждала, что написал М. Шолохов, но в интересах торговли автор подпустил вопросительного тумана. Нынешнее, второе издание названо в том же торговом духу, но еще круче — «Как я нашел «Тихий Дон». Если автор пойдет и дальше в этом направлении, то неудивительно, если третье издание будет называться «Как я написал «Тихий Дон». Но пока — только нашел. Да, говорит, в 1984 году нашел рукопись в семье погибшего на войне писателя Василия Кудашева, большого друга Шолохова. Как Генрих Шлиман искал и нашел Трою? Или хотя бы как Ираклий Андроников поехал в Нижней Тагил и привез оттуда рукописи, имеющие отношение к дуэли и смерти Пушкина?..

Первой согласилась с этим неутомимая Галина Тюрина в «Советской России»: «Вы, уважаемый Лев Ефимович, первым среди сонма поисковиков обнаружили рукописи эпохального романа». И книгу Л. Колодного она тоже считает «по-своему эпохальной»: «блистательная находка!», «открытие!». «Лев Колодный потратил тридцать лет жизни на борьбу с клеветой и вышел победителем в этом вселенском споре...» Верните ему эти тридцать лет! Тут же автор выражает «великое сожаление» по поводу того, что в числе клеветников Шолохова оказался такой замечательный соотечественник (по выражению Колодного, «наш классик»), как Александр Исаевич Солженицын, и позволяет себе пожурить блистательного находчика «за некоторую небеспристрастность по отношению к событиям 1917 года» и за «субъективистскую внеисторическую» оценку Сталина. Прекрасно!

Уверенность Г. Тюриной в том, что Л. Колодный — первопроходец, энергично поддержал в «Правде» Виктор Кожемяко: «Это бесспорный факт. Я вместе с коллегой из «Советской России» категорически утверждаю: известный московский журналист Лев Колодный первым нашел рукописи великого романа, считавшиеся утраченными. Именно он, лауреат премии Союза журналистов СССР, заслуженный работник культуры Российской Федерации, автор многих

книг о Москве, до недавнего времени обозреватель «Московской правды», а ныне обозреватель «Московского комсомольца» Лев Ефимович Колодный». Автор считает, что это получилось случайно в ходе поиска журналистом для репортажей в «Московской правде» шолоховских адресов и шолоховских знакомцев в столице: «И вот в одной из московских квартир произошло потрясающее открытие. Уникальное, историческое, сенсационное — здесь никакой эпитет не чересчур».

Но, дорогие друзья, ведь лауреат и заслуженный работник культуры сам опровергает себя, заглавие своей книги и вас, когда признает: «Никто никогда рукописи не прятал. Шолохов знал, в чьих они руках, был уверен, что в этих руках они никогда не пропадут». Да еще добавляет: «Повторяю: никто ничего не прятал от общественности. В шестидесятые годы трижды выходили книги, где были опубликованы документы, в которых речь идет именно об этих рукописях». Знали и жена писателя, и его дети. Знали и шолоховеды. Так какая же это находка? Что за открытие? По рассказу вдовы Кудашева, один аспирант еще лет за двадцать до Колодного, в начале шестидесятых, разыскал ее, как викинги Америку до Колумба, и «часами просиживал над рукописями». Думаю,

что разыскал он самым простейшим образом, так же, как Л. Колодный,— через широко известного в литературном мире Юрия Борисовича Лукина, многолетнего редактора и друга Шолохова, работавшего тогда в «Правде». Всякий, кто занялся творчеством писателя, не может не знать это важное в его биографии имя, не может обойти его. Оно могло не прийти в голову только уж очень ученым мужам ИМЛИ. А Колодный пишет: «Естественно (!), что, начав поиск, я первым (!) делом связался с Юрбором, как называл его по дружбе Шолохов... Он поддержал меня, направил на верный путь, подсказал некоторые имена, адреса... Так началась в 1983 году работа над книгой, которую читатель держит в руках...» Дальше находчик темнит дело и набивает себе цену: «Осенью 1984 года в конце концов (!) после долгих (!) поисков я попал в дом, где жила вдова писателя Кудашева, Матильда Емельяновна, и ее дочь». Значит, это их первая встреча. Однако через несколько страниц Колодный пишет: «Вскоре после нашей первой встречи скончался Михаил Александрович...» Бдительный В. Кожемяко тотчас засек тут мошенство: М. А. Шолохов умер 21 февраля 1984 года, а не «вскоре после» той встречи осенью 84-го. Журналист полагает, что первая встреча состоялась осенью не 84-го, а 83-го года, то есть еще при жизни писателя. Думаю, так оно и было. Тем более в другом месте Колодный, видимо, забыв о «долгих поисках», сам свидетельствует: «Мне удалось довольно быстро найти искомое». Еще бы! Ведь у Ю. Б. Лукина сохранился телефон вдовы Кудашева, помнил он и предвоенный адрес. А главное, у него была полная уверенность: рукопись — там. Чего еще надо? Так что весь поиск свелся к телефонным звонкам, к запросам в «Мосгорсправку» да к умению войти в доверие к старушке — и рукопись нашлась осенью 1983 года, а не в 1985-м, как думает Ф. Кузнецов. Л. Колодный не раз вспоминает, что писал Шолохову и получал от него ответ. Но странное дело! Казалось бы, такое письмо великого писателя должно украсить книгу, быть предметом гордости автора. Однако из своего письма и из ответа Шолохова автор привел лишь по две-три разрозненные фразы, причем одна даже не закавычена, а вот так: — Да, в Георгиевском переулке я жил... И нет ни обращений, ни дат. Судя по всему, автор хотел скрыть тот неблаговидный факт, что обращался к писателю уже после того, как получил доступ к рукописи.

Я думал, есть основание полагать, что помянутым аспирантом мог быть Л. Г.

Якименко. В своей фундаментальной
32
монографии «Творчество М. А. Шолохова», вышедшей тремя изданиями, он упоминает и цитирует черновики «Тихого Дона». К тому же Ф. Ф. Кузнецов напомнил: бывший заместитель заведующего отделом культуры ЦК А. А. Беляев писал недавно: «Еще в 1974 году покойный шолоховед Л. Якименко рассказывал мне, что рукописи эти в Москве, что он держал их в руках, но у кого и где — не сказал. Возможно, что тут сокрыта какая-то тайна писателя». Нет, не писателя, а вдовы Кудашева, которая могла потребовать у Якименко хранить тайну так же, как позже потребовала этого у Колодного. Впрочем, Ю. П. Якименко, вдова шолоховеда, умершего в 1978 году, сказала мне недавно, что едва ли это был ее муж Лев Григорьевич (он окончил аспирантуру в 1951 году и в начале шестидесятых уже был доктором, профессором), но, возможно, это его аспирант А. Палшков, приехавший в Москву, кажется, из Белоруссии (М. Е. Кудашева называла Смоленск). Но как бы то ни было, а сомневаться, что Л. Г. Якименко держал рукопись в руках, оснований нет. Из статьи Беляева неясно, спрашивал ли он у него, где рукопись. Обратиться же к Лукину важному сановнику ЦК, подобно мудрецам ИМЛИ, тоже не пришло в голову, как сразу догадался сделать это сообразительный и расторопный Лев Ефимович Колодный...

Ф. Кузнецов, отвергая для определения происшедшего слово «нашел», употребляет более точное: «Колодный обнаружил рукопись». Но, по-моему, еще точнее будет сказать, что он первый (если не считать Якименко или его аспиранта) получил доступ, пробрался к рукописи, используя для этого такие эффективные средства (о чем сам рассказывает), как выколачивание для семьи Кудашевых квартиры и телефона, на что она, впрочем, и так имела право как семья погибшего фронтовика.. А уж совсем точно будет сказать, если иметь в виду не Колодного и не ИМЛИ, а всю русскую литературу, что это поистине чудо обретения святыни, ибо за семьдесят с лишним лет с тех пор, как молодой Шолохов, не думая ни о чем плохом, передал ее другу, рукопись очень просто могла и погибнуть, и безнадежно затеряться, и за доллары уйти за цивилизованный бугор. Отнюдь не одинаково отношение Л. Колодного и Ф. Кузнецова и к М. Е. Кудашевой, у них даже разные даты ее смерти. Первый уверен, что «она совершила подвиг, сохранив миру «Тихий Дон». Второй доходит в ожесточении до того, что называет смерть от рака и ее и дочери «карой за совершенные в жизни тяжкие грехи»,— за то, что они столько лет таили рукопись, а позже в сговоре с
33
Колодным пятнадцать лет никого не подпускали к ней в расчете высмолить за нее 500 тысяч долларов. В. Кожемяко согласен с мыслью о каре небесной. Бог вам судья, собратья... Все же они были вдовой и дочерью святой смертью погибшего фронтовика... Но тут опять вопросы. Кузнецов, утверждает, что в 70-е годы, «когда на него началась атака, Шолохов, по свидетельству близких, будто бы попросил Матильду Емельяновну вернуть рукопись, но получил отказ». Такой же ответ на эту просьбу получила и его жена Мария Петровна — «об этом помнят в семье Шолоховых». Допустим, что так, но ведь отказ — это значит «рукопись у меня, но я вам ее не отдам». И тогда совершенно непонятно, каким образом после такого афронта могли сохраниться между семьями добрые отношения, о чем свидетельствует, например, рассказ Кудашевой, как в 1975 году она, получив приглашение, ездила к Шолоховым в Сивцев Вражек за билетами в Большой театр на юбилейный вечер писателя, а потом даже и на похороны ездила в Вешенскую. Ф. Кузнецов пишет также, что и шолоховеды не раз обращались к Кудашевой с той же просьбой, но приводит только один пример: ее посетил

ленинградец В. Н. Запевалов, и она «ответила ему категорически: рукопись пропала во время многочисленных переездов семьи с квартиры на квартиру». Но ведь это совсем другой ответ, это не отказ, это «и рада бы, да не могу, нету!». А когда явился Запевалов? Оказывается, в 1988 году. Проснулся, милый! Уже пять лет, как Кудашева была в сговоре с Колодным. И между прочим, никаких «многочисленных» переездов у нее, кажется, не было. По книге Колодного получается, что до 1986 года только один: из проезда Художественного театра в Матвеевское.

Между авторами названных книг о Шолохове немало и других несогласий, противоречий. Но есть одно, в чем почти все они едины...В прошлом среди этих авторов не замечалось ни диссидентов, ни антисоветчиков. Наоборот! Иные из них были весьма сановными и до скуки правоверными тружениками советской культуры. Один работал заместителем главного редактора четырежды орденоносной «Комсомольской правды», другой — главным редактором «ЖЗЛ», журнала «Человек и закон», третий — главным редактором комсомольского издательства «Молодая гвардия», а потом аж директором издательства «Художественная литература», четвертый был первым секретарем Московского отделения Союза писателей и вот уже давно в звании члена-корреспондента Академии наук возглавляет Институт миро-

вой литературы им. Горького... Но перечисленные книги были написаны уже после того, как на трон России уселась ее препохабие Антисоветчина. И вот тлетворное дыхание помазаницы сатаны веет на нас со многих страниц почти всех этих книг. По-разному, конечно.

У Ф. Кузнецова, например, у самого ученого и многоопытного из них, оно обнаруживается иногда как бы в случайных обмолвках, недоговоренностях, излишнем и туманном умствовании. Так, он говорит о клеветниках Шолохова: «Если их аргументы свести к конечному выводу, то он примерно таков: «Коммунист не мог написать белогвардейский роман. Он мог только переписать чужой «белогвардейский» текст». Казалось бы, тут надо было ясно и твердо сказать, что сам автор неоднократно и решительно, например, во время известной встречи со Сталиным, отвергал попытки объявить роман белогвардейским. Можно именно здесь привести бы и воспоминания белоказака Павла Кудинова, руководителя антисоветского вешенского восстания, о том, как встретили казаки великую книгу в эмиграции, в Болгарии: «Читал я «Тихий Дон» взахлеб, рыдал-горевал над ним и радовался — до чего же красиво и влюбленно все описано. И страдал-казнился — до чего же полынно горька правда о нашем восстании... Казаки-батраки собирались по вечерам у меня в сарае, и зачитывались до слез, и пели старинные донские песни, проклиная Деникина, барона Врангеля, Черчилля и всю Антанту... Скажу вам как на духу: «Тихий Дон» потряс наши души и заставил все передумать заново, и тоска наша по России стала еще острее, а в головах посветлело. Поверьте, что те казаки, кто читал роман Шолохова как Откровение Иоанна, кто рыдал над его страницами и рвал свои седые волосы (а таких было тысячи),— эти люди в 1941 году воевать против Советской России не могли и не пошли. И зов Гитлера «дранг нах Остен!» был для них гласом сумасшедшего, вопиющего в пустыне». Какие еще нужны доказательства, что «Тихий Дон» — насквозь советская книга? А Кузнецов вместо подтверждения этого пускается в туманные философствования: «При таком предельно упрощенном подходе (коммунист-де не мог написать белогвардейский роман.— *В. Б.)* уходят в сторону такие факторы творчества, как литературный талант, индивидуальность и духовный мир писателя, особенности

художественного сознания, никак не тождественного сознанию политическому и идеологическому, категория правды как главного критерия художественности в реализме, сложная диалектика взаимоотношений и

взаимодействия мировоззрения творца, его духовного мира и конечного результата художественного творчества». О господи! Это достойно лучших страниц марксиста в законе Юрия Суровцева... А суть такова: талантливый коммунист вопреки своему идеологическому и политическому сознанию советского человека может, поднатужившись, написать и белогвардейский антисоветский роман, каковым, вишь ты, и является «Тихий Дон». Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять!.. Громче всех этому аплодирует Валентин Осипов, расхваленный Кузнецовым.

А вот еще из того же джентльменского набора: упоминавшегося шолоховеда Л. Г. Якименко — царство ему небесное! — наш исследователь брезгливо назвал «ультрасоветским критиком». А каким же, дорогой Феликс, мог быть он, коммунист и участник Отечественной войны, ее инвалид? Да каким ты и сам-то был, работая долгие годы, в отличие от меня, например, членом редколлегии «Литгазеты», занимая пост председателя секции критики, потом первого секретаря столичного отделения Союза писателей, участвуя в работе райкома, горкома партии и даже ее съездов? Я-то бывал в райкоме (выше — никогда!) только два раза в жизни — когда получал партбилет и когда хотели мне влепить выговор с занесением в личное дело за то, что обидел ненароком одного хорошо известного тебе большого литературного начальника, члена ЦК и Героя Советского Союза. А ты в этих «структурах» был своим человеком. А еще был такой случай. На площади Маяковского над зданием, в котором кинотеатр «Москва», красовался титанический лозунг: «ПРЕВРАТИМ МОСКВУ В ОБРАЗЦОВЫЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД!» Однажды темной ночью, в обществе еще и тогда пленительной Дины Терещенко возвращаясь в тепленьком состоянии из ресторана ЦДЛ, я от станции метро взглянул налево и не увидел пламенного призыва. «Дина, наконец-то!» — воскликнул я. Восторг мой был так велик, что придя домой и все еще пребывая в помянутом состоянии, я накатал письма в горком партии. Спасибо, мол, вам, отцы-благодетели, что избавили столицу от этой нелепости. И тут же высмеял ее, разумеется, с марксистских позиций: о возможности построения коммунизма в одном отдельно взятом городе никто из классиков марксизма не говорил. Наутро, проспавшись, я не поумнел и письмо отправил. О, что тут началось!.. Оказывается, никто лозунг не снимал, он в ту ночь, вероятно, всего лишь не был освещен, или мне в том состоянии просто померещилось, что его нет, или, наконец, Дина виновата. Че-

рез несколько дней получаю открытку (ведь адрес, дурак, дал!) с предложением припожаловать в МГК для разъяснений. Я — ноль внимания. Тогда уже суровый телефонный звонок: «Явитесь!» Я после нескольких неласковых слов бросаю трубку и уезжаю в Малеевку. Вскоре — лозунг-то, оказывается, принадлежал самому Брежневу! — представитель горкома является ко мне домой и, не застав меня, наводит справки о вольнодумце у моего соседа Льва Копелева, известного антисоветчика. А тот был на меня в обиде, ибо он так нагло хлопал дверью лифта, что однажды я выскочил на лестницу с веником в руке и пригрозил ему за неумение вести себя в интеллигентном доме высылкой из образцового коммунистического города. (Вскоре он сам уехал еще дальше — в Германию, в Кёльн, где в 1997 году и почил в бозе.) Но в том эпизоде он вел себя, кажется, достойно. Приезжаю я из Малеевки (то есть прошел уже месяц или больше) — опять звонок: «Явитесь!» И тут я не выдержал. Я сказал, скрежеща зубами,

которых тогда было у меня полон рот, что если вы, бездельники, не отвяжитесь, то я напишу самому товарищу Брежневу, моему фронтовому другу, с которым мы на Малой земле (я там не был и во сне) вместе кровь мешками проливали... И что ж вы думаете? Отвязались. Вот такая была у меня история с этим несуразным лозунгом.

А в это же самое время один собрат мой по Союзу писателей без конца твердил: «Превратим Москву!..» И представлял дело так, будто все мы с ним заодно. Например, на городской отчетно-выборной конференции писателей говорил: «Писатели Москвы были надежными помощниками партии в работе по строительству нового общества, помощниками городского комитета КПСС в борьбе за превращение столицы в образцовый коммунистический город». Это еще в 1980 году. А вот что проникновенно внушал он нам уже в 1986-м: «Вслушайтесь, вдумайтесь, на какую высоту ставит Программа КПСС литературно-художественную критику! «КПСС бережно, уважительно относится к таланту, к художественному поиску. В то же время она всегда боролась и будет бороться, опираясь на марксистско-ленинскую критику, против проявлений безыдейности...» Или: «К 2000 году мы планируем удвоить объем производства и уровень материальных благ. Наш идеал — постепенный переход от социализма к коммунизму, где материальные блага не самоцель, но лишь необходимое условие гармонического развития личности...» Кто же это говорил? Ультрасоветский критик Якименко тогда уже умер. Ультрасоветский критик Бушин, таким и остав-

шийся, дубина, до сих пор, тоже не говорил; он, как видим, отбивался от МГК. Так кто же? Открою секрет, дорогой Феликс: это говорил, конечно же, ультрасоветский, суперкоммунистический, архимобильный критик Кузнецов Ф. Ф.

На должностях, которые Феликс Феодосьевич долгие годы занимал, кроме квартир и дач, полагалось иметь кучу орденов, премий и множество изданий-переизданий. И все это наш вождь имел, включая орден Октябрьской революции в связи с 50-летием союза писателей, Красного Знамени — в связи со своим 50-летием, а на седьмом десятке — премию Ленинского комсомола за достижения в коммунистическом воспитании юношества. А здоровенные тома его сочинений в 300, 400, 500, 600 и даже в 1200 (двухтомник) страниц до сих пор лежат в золотом фонде советской литературы. И вот, имея все это за спиной, он, присосавшись на старости лет к Шолохову, гвоздит теперь ультрасоветских, причем только покойных.

А вот еще «новый русский шолоховед» Валентин Осипов. У него нет кузнецовской учености, его опыта. Этот исследователь в жажде представить нам «истинного Шолохова» доходит в своем антисоветском радении, как сказал бы поэт, «до стона и до бормотанья». Это на живом-то материале жизни и творчества великого советского писателя!.. Все вместе неошолоховеды изображают Шолохова диссидентом вроде Щаранского, антисоветчиком вроде Радзинского, борцом против «бесчеловечной системы» вроде Евгении Альбац, разоблачителем партии и самого Сталина вроде Волкогонова... Ставят «Тихий Дон» на одну доску то с «Доктором Живаго», а то еще и с «Архипелагом ГУЛАГ». «В самый раз,— пишет И. Жуков,— сравнить Шолохова и Солженицына». Сравнивать, конечно, никому не запрещено что угодно, в том числе божий дар с глазуньей. Но коллегу Осипова ужасно огорчают некоторые аспекты сравнения: видите ли, «Шолохов не признал политической праведности (!) отношения Солженицына к советской власти и к советской истории...» Эх-эх... Так что один-то святой — праведник, а другой — грешник, ему эта праведность

была недоступна; так и жизнь прожил, и книги писал, эх-эх, по горло сидя в болоте с ультрасоветскими чертями да с суперкоммунистическими кикиморами. Тем не менее Осипов гневно вопрошает кого-то: «Почему не уберегли Солженицына?!» От чего? От полоумной клеветы на Шолохова как на литературного карманника. Это же все одно что спросить: «Почему не уберегли Ельцина от расстрела Дома Советов?» А как относились в Шо-

лохову партия, ЦК, Сталин? Да им ничего не оставалось, как замалчивать и зажимать, притеснять и преследовать антисоветчика. Да еще как!..

Из книги в книгу переходит ужасный рассказ о том, как, по словам Колодного, «Михаила Александровича пытались разными способами отправить на тот свет». Жуков пишет: «Однажды в Москве знакомые люди из племени окололитературных прилипал пригласили Шолохова пообедать». Что за прилипалы? Откуда взялись? Сколько их? Куда пригласили? Когда дело было? Ничего не известно! Осипов более осведомлен: по его данным, это какой-то переехавший Москву земляк пригласил писателя к себе домой в гости. У Колодного сведения еще обширнее и правдоподобнее, ему известно даже имя злодея: «Некто Павел Буланов, земляк, служивший тогда в НКВД, приближенный наркома, уговорил Шолохова заехать к нему домой, выпить и закусить, что и было сделано. Съев закуску, писатель почувствовал невыносимую боль в животе». Что было на закуску? Неизвестно. Здесь осведомленнее Николай Федь: «Как-то в середине 30-х годов Шолохов и ответственный секретарь НКВД Павел Буланов возвращались вместе домой». Что за ответственный секретарь? Ведь НКВД не редакция, где есть такая должность. Откуда возвращались? Почему вместе? Не совсем ясно. Но слушайте дальше: «Буланов предложил заехать к нему: у жены, мол, гости, очень интересные люди, а заодно и щенка посмотришь». Странная жена: принимает гостей, когда муж на работе. А что за щенок? Какой породы? Откуда взялся еще один персонаж драмы? Может быть, он интереснее гостей? Неизвестно. Дальше: «Заехали, но в доме никого не было». А где щенок загадочной породы? Тоже смылся? «На столе беспорядок — рюмки, посуда, словно гости были и недавно ушли вместе с домашними». Надо полагать, это для того так, чтобы не было свидетелей задуманного смертоубийства. Драматизм нарастает: «Хозяин достал початую (словно своими глазами все видел) бутылку водки, придвинул баночку с консервами — там оставалась одна-единственная сардинка — и поднял рюмку:..» Как вы думаете, за что они выпили? За только что вышедшую третью книгу «Тихого Дона»? За первую книгу «Поднятой целины»? Ничего подобного! «Хозяин поднял рюмку: «Ну что, обмоем щенка...» Не слыхивал я, чтобы обмывали щенков, даже самых породистых, да еще отсутствующих в данный момент. Но дело совсем в другом: «Хозяин выпил и разделил пополам сардинку, но сам есть не стал. А Шолохов и выпил и закусил». Вот оно!.. И

Жуков поддерживает сардинную версию: «Съев одну сардинку, писатель сразу почувствовал невыносимую боль в животе». Сардинка? Так, может, она просто оказалась несвежей? Отравление рыбой не редкость, тем более в ту пору, когда холодильников у нас в квартирах не было. Нет, уверяют нас литературоведы-сыщики, тут было не бытовое отравление, а первый способ транспортировки на тот свет. Это любезный землячок Паша или его странная супруга по приказанию наркома и, разумеется, с благословения товарища Сталина сыпанули в рыбку чего-то несъедобного, может, молотого стекла или сапожных гвоздей... Осипову ничего неизвестно ни про сардину, ни про стекло и гвозди, но он уверяет, что беда приключилась не сразу, не в гостях: «Отужинали вместе. Шолохов

возвратился в гостиницу и в полночь почувствовал страшную боль». В этом уверяет и Федь: «В гостинице почувствовал невыносимую боль в животе». Писателя срочно отправляют в больницу. Жуков не знает, кто и в какую больницу, а энциклопедисту Колодному точно известно: в кремлевскую, что, конечно, опять весьма правдоподобно. С этим согласен и Федь. У Осипова сюжет сложнее, драматичнее: «Шолохов нашел силы вызвать Кудашева, который добился врача из правительственной больницы. Тот приказывает после осмотра: быть операции! Диагноз — приступ аппендицита. Свезли в больницу. Жуков: «В больнице врачи сказали: «Острый приступ аппендицита. Необходимо немедленно сделать операцию». Об этом пишет и Федь. Примерно то же и у энциклопедиста, только после каждой фразы восклицательный знак. Осипов: «Пока хирургов ждали, сестра подошла — молчит, но взгляд и жесты так выразительны, что Шолохов понял: надо бежать...» Сестра? У Жукова несколько иной вариант: «Михаил Александрович заметил, что одна из врачей все время, не отводя глаз, пристально смотрит на него, как бы говоря взглядом: «Не соглашайся». Это, мол, «второй способ» смертоубийства. То же самое слово в слово и у Колодного, только в конце опять восклицательный знак. На враче настаивает и Федь. Далее все в один голос: «Писатель так и поступил. И это спасло его. В действительности никакого аппендицита не было. Отравление скоро прошло, боли утихли». Осипов не согласен, что боли утихли сами собой: «Уж как удалось, неизвестно, но Кудашев помог вернуться в гостиницу и раздобыл теплого молока. Отпоил. Приступов аппендицита больше никогда в жизни не было». Федь уверяет, что спас вовсе не Кудашев: «Отравление снял гостиничный повар, любивший писателя».

40

Итак, заговор не удался, ни один «способ» не сработал, и нам предлагают считать это за неопровержимое доказательство того, что заговор был. А где же все время находился землячок Паша? Неужели не рядом с жертвой своей сардины, зловещей, как пули Каплан? Неизвестно. Может быть, уже писал донесение наркому: «Ваше задание выполнено: антисоветчик Шолохов больше ничего антисоветского уже не напишет». Отменно. Однако тут опять возникает несколько вопросов. Во-первых, что стало с гостями, которые ведь тоже ели эти сардины? Во-вторых, неужели профессионалы НКВД не могли придумать другой, более надежный и менее подозрительный способ транспортировки классика на тот свет? Ведь этим способам нет числа. В-третьих, уж если по тупости избран такой именно, то неужели в НКВД для столь важной операции не нашлось столь же безотказного средства, как у Сальери, о котором он говорил «последний дар моей Изоры»? Там сардинка не потребовалась. В-четвертых, врачи состояли в заговоре с НКВД и готовы были совершить убийство на операционном столе. Но, с одной стороны, как же так недосмотрели профессионалы, что среди этих негодяев оказалась порядочная то ли врач, то ли сестра-спасительница? С другой — если есть полная уверенность, что готовилось злодейское преступление, то почему же потом не привлекли к ответственности всех его участников, начиная со станичника Паши, тем более что известны и его фамилия, и место работы, и даже должность? И куда этот мерзавец девался? Но, главное, где же все-таки доказательства, что был двухступенчатый заговор, а не элементарное отравление рыбой, если и вообще-то что-то подобное данному эпизоду когда-то имело место?.. Авторы уверяют, что эту байку рассказывал сам Шолохов. А почему бы и не рассказать, отчего не потешиться, если перед тобой стоит целый взвод с открытыми ртами. Ведь он любил пошутковать. Будучи уже после смерти писателя в Вешенской, И. Жуков слышал от его вдовы: «Он же такой был

выдумщик!» Уж наверняка в его натуре было что-то и от Христони из «Тихого Дона», и от деда Щукаря. Иначе не написал бы их с такой пронзительной достоверностью.

Еще кошмарнее историю рассказывает В. Осипов. Он предлагает читателю обратить особое внимание на запись в дневнике Корнея Чуковского от 18 февраля 1964 года: «Сейчас ушел от меня Влад. Семенович Лебедев. Вот его воззрения, высказанные в долгой беседе: Шолохов — великий писатель, надорванный сталинизмом. «Разве так писал бы он, если бы не страшная полоса сталинизма? Вы, К. И., не знаете,

41

а у меня есть документы (не один, а несколько! — *В. Б.),* доказывающие, что Сталин намеревался физически уничтожить Шолохова. К счастью, тот человек, который должен был его застрелить (опять избрали столь же примитивный способ; ну никакой фантазии у этих энкаведешников! — *В. Б.),* в последнюю минуту передумал. Человек этот жив и сейчас». Валентин Осипович, вы уже, как Кузнецов, тоже старый человек, скоро будем праздновать в Большом театре и ваше 70-летие. А чего ж темечко-то до сих пор такое мягкое? Неужели вас не удивило хотя бы то, что на последние слова Чуковский не ответил тут же стихами Есенина:

Проведите, проведите меня к нему!
Я хочу видеть этого человека!

Того самого, который передумал в последнюю минуту, видимо, под впечатлением от «Тихого Дона». Не удивило вас и то, что этот человек, улизнувший от выполнения столь ответственного задания самого Сталина, судя по всему, продолжал оставаться на свободе, благоденствовал и даже пережил тирана. Это же так противоречит вашим картиночкам о том времени! А разве невозможно было найти уж если не другой, потише, поласковее способ умерщвления, то другого исполнителя ужасного замысла, который не читал «Тихого Дона»? А почему вы не принимаете во внимание, что этот Влад. Семенович был помощником Хрущева и, надо полагать, целиком разделял сталинофобию своего патрона? И почему бы вам не подумать: если Хрущев, не имея никаких доказательств, тем не менее в своем докладе на XX съезде, где столько беспардонного вранья, бросил на Сталина тень обвинения в убийстве Кирова, то разве умолчал бы он, имея подлинные документы относительно Шолохова? Наконец, через восемь месяцев после той задушевной беседы Хрущева свергли; вскоре, едва перешагнув порог пятидесятилетия, видимо, от огорчения умер Лебедев; через пять лет в глубокой старости скончался Чуковский; а всего прошло с тех пор больше 35 лет — и где эти сенсационные документы? Радзинский давным-давно устроил бы из них цикл телепередач, а Сокуров смастерил бы фильм.

Да уж не на них ли именно опирается Колодный, нашедший еще одного энкаведешника, который «в последнюю минуту передумал»,— тоже, представьте себе, Паша, Павлуша, Павлик. Этот Павлик не выдержал душевных терзаний, но, вместо того чтобы предупредить Шолохова о коварном замысле, как-то тайно (опять же профессионал, и возможности

42

для того были) позвонил по телефону Е. Г. Левицкой, одному из первых рецензентов «Тихого Дона», давнему другу писателя, и завопил: «Евгения Григорьевна, это говорит Паша! Хочу сказать вам и передайте Михаилу Александровичу: я не виноват, меня заставили, прощайте, наверное, никогда не

увидимся!» Что тут можно было понять? Колодный пишет: «Эти слова вселили в душу Левицких страх, лишили покоя». Еще бы! Но я думаю, что это был страх за психическое состояние Павлика. И когда это было, опять же неизвестно. И что стало с этим Павликом, как и с тем Павликом, который угощал живого классика тухлыми сардинами, тоже неизвестно...

В жизни Шолохова и без вас, неошолоховеды, хватало драматизма, ему действительно в 1938 году угрожала большая опасность, поэтому не надо украшать его прекрасную биографию сенсационной клюквой, выращенной на подоконнике или на письменном столе.

В упомянутой работе Ф. Кузнецова тоже, к сожалению, не обошлось без некоторой дозы сенсационности. Кое-где исследователь явно пережимает, причем в том же направлении, что и собратья. Так, он пишет, например, что инсульт, случившийся с писателем в мае 1975 года, был не чем иным, как «прямым следствием той травли (обвинений в плагиате), которая началась в конце 1974 года и от которой не захотела защитить его власть». Да при чем здесь травля, да еще в далекой заграница, и при чем власть, если писателю было уже семьдесят, когда инсульт может хватить без всякой травли и при самой пылкой любви властей. Тем более что человек всю жизнь жил в адском напряжении ума и воли, да к тому же за пятнадцать лет до этого, всего-то в пятьдесят пять, когда не было никакой травли, наоборот, только что получил Ленинскую премию за «Поднятую целину», такая беда с ним уже случалась. Вот и ты, друг, если через полгода проскочишь семидесятилетие без инсульта или инфаркта, непременно поставь пудовую свечу...

Но критик идет дальше по той же самой тропке: «Все последние годы жизни Шолохов носил эту боль (клевету о плагиате) глубоко в себе. Боль, которая, вне всякого сомнения (!), свела его раньше времени в могилу». Разумеется, все мы, кроме Виктора Астафьева, были бы счастливы, продли Господь шолоховские лета, и, конечно, на панихиде или на тризне можно было сказать о преждевременной смерти из-за травли, но исследователь должен брать в расчет, что покойнику было уже и не семьдесят, а все восемьдесят годков. Хорошо бы нам с тобой, Феликс, дожить до этого...

43

Итак, виновник преждевременной смерти писателя найден и назван: власть, не защитившая его. С усердием, достойным применения, например, на футбольном поле, Ф. Кузнецов и дальше бьет и бьет по воротам советской власти и партии, в которых на этот раз стоит не Якименко, а член Политбюро М. А. Суслов. Критик гневно пишет и о том, «сколь велико было равнодушие к судьбе Шолохова у власть предержащих»; его возмущает и «продуманная, сознательная линия поведения в отношении проблемы авторства «Тихого Дона», которую от имени ЦК избрали партийные руководящие круги, полное, тотальное замалчивание этой проблемы»; он изумлен и тем, что «был выбран самый тупиковый путь оппонирования криминальной версии авторства «Тихого Дона» — замалчивание проблемы, так сказать, «критика ее молчанием». И главным проводником такой критики объявляется Суслов. Словом, от прежней линии телячьего восторга и щенячьего восхищения политикой партии, ее ЦК и лично товарища Суслова, поскольку именно он ведал идеологией, от воплей «превратим Москву в образцовый коммунистический!..» критик перешел к скорбным завываниям «превратим Шолохова в жертву сусловизма!». И тут я сразу хочу выяснить: неужели критик думает, что тертый политический калач и стреляный идеологический воробей Суслов был дурнее его? Увы, есть доказательства обратного. Он понимал, что «критика молчанием» есть

эффективнейший вид критики. А Кузнецов не понимает да еще посмеивается над ней, несмотря на то, что ею пользуются против нас и против него лично вот уже много лет. Только один пример. Рукопись «Тихого Дона» у него в руках. И что, пригласили его на телевидение и дали часовую передачу? Или хотя бы «Известия», «Комсомолка» попросили статью об этом? Это и есть критика молчанием, которая дополняется тактикой непомерного кричания о других событиях и лицах. И Суслов понимал это.

Когда в 1974 году в Париже Никита Струве в своем убогом «YMKA-PRESS» выпустил с предисловием Солженицына клеветушку «Стремя «Тихого Дона», сочинительницу которой Медведеву-Томашевскую Бог прибрал сразу после публикации, Константин Симонов, проштудировав книги Ф. Крюкова, объявлявшегося истинным автором эпопеи, дал популярнейшему немецкому еженедельнику «Шпигель» интервью и показал, что эта публикация дело рук трех дружных солжецов. Об этом интервью широко известного писателя, одного из руководителей Союза писателей, сообщили также «Немецкая волна» и «Голос Америки». Критик иронизирует: «М. Суслов считал, что незачем популяризировать сплетни и клевету.
44

Советские люди не нуждаются в доказательстве авторства Шолохова, они в этом не сомневаются». Совершенно правильно считал тов. Суслов. В тех конкретных условиях интервью Симонова было вполне достаточно. Для советских людей действительно не существовало вопроса об авторстве «Тихого Дона». Меня, например, это никогда не интересовало, хотя я знал и о клевете 1928 года, и о потугах Солженицына в 1974-м. Ф. Кузнецов пишет, что самым главным и самым веским доводом клеветников было отсутствие рукописи романа. Но думаю, что и Суслов и Симонов не хуже меня понимали, что это довод демагогов. Пастернак писал: «Не надо заводить архива, над рукописями трястись». Правда, сам он, как показывает хотя бы его обильная переписка, опубликованная теперь, этому девизу не следовал. Но ведь иные писатели и без Пастернака следуют. Есть немало произведений, рукописи которых не сохранились. Таково, например, знаменитое стихотворение Пушкина «Во глубине сибирских руд» или последние шестнадцать строк еще более знаменитого стихотворения Лермонтова «Смерть поэта». И что? А ничего. Есть другие факты, доводы, свидетельства, которые доказывают их авторство. Так и с «Тихим Доном».

Ф. Кузнецов возмущается тем, что во многих публикациях 1975 года, посвященных 70-летию писателя, «ни звука по поводу грязных обвинений в его адрес»; тем, что в статьях 1978 года в связи с 50-летием «Тихого Дона» «также ни слова»; тем, что в 1986 году на советско-американском симпозиуме «Шолохов и Фолкнер» — ни единого звука. Но, что самое ужасное, «молчали все советские шолоховеды». Да, так и было. И это закономерно и вполне разумно, хотя бы потому, что на именинах не принято говорить о навозных кучах. «В защиту доброго имени М. А. Шолохова в 70—80-е годы выступали только зарубежные шолоховеды»,— пишет ученый. Следует перечень имен авторов и названий публикаций. Но — увы! — они были опубликованы в нашей стране только после начала «перестройки».

Да, но потом обстановка решительно изменилась: клеветой на писателя занялись уже доморощенные правдюки да зайцы, радзишевские да кацисы. Обилием и напором своей телевизионно-газетной клеветы они многократно перекрывали редкие публикации зарубежных шолоховедов в малотиражных изданиях. И если бы Кузнецов упрекал наших шолоховедов за молчание теперь,

то был бы совершенно прав. Однако выступить на защиту Шолохова теперь было не так-то просто, ибо в злобно-гнетущей антисоветской атмосфере поношению, глумлению подвергся не он только, а вся советская

культура. Недавно В. Кожемяка, прочитав в «Комсомольской правде» очередную мерзость о Шолохове, пришел к заключению: «Все дело в том, что они его не любят!» А кто сказал, что любить Шолохова, да хоть и Пушкина, обязательно всем? Мало ли кого мы не любим! Я не люблю, допустим, известного сочинителя Бориса Немцова, но не пишу ведь статьи о том, что он-де своего «Провинциала» спер у зазевавшегося Явлинского. Дело не в нелюбви, а в намеренной и хорошо оплаченной установке на тотальное уничтожение русской культуры, одним из столпов которой является Шолохов. Критик изумлен тем, что в клевете на Шолохова «в паре с «Коммерсантом» оказалась, как это ни парадоксально (!), «Литературная газета», которой, казалось бы, по определению пристало заботиться о ценностях отечественной литературы... Еще более удивителен (!) тот факт, что в союзе с «Литгазетой» оказалась в данном вопросе и «Литературная Россия»...» С неба, что ли, свалился? Чему тут удивляться? Ненависть к Шолохову — лишь часть всей антисоветчины, а эти газеты давно уже ее ударные отряды.

Надо заметить, что клевета на творца «Тихого Дона» столь злобна, беспардонна и невежественна, что для ее опровержения вовсе не обязательно быть шолоховедом, но в созданной атмоссфере для этого обязательно мужество. И тут нельзя не спросить Ф.Кузнецова: гневно обличая и власть, и партию, и ЦК, и Суслова, и шолоховедов, где же был он сам и вся его дикая дивизия литературных интеллектуалов ИМЛИ им. Горького, начиная с 70-х годов, поскольку свои обличения он начинает еще с той поры? Ведь проснулся-то только теперь, в 2000-м...

Впрочем, оставим пока Шолохова. Вот Максим Горький. Он первым подвергся бешеной атаке русофобов. И началось это с того, что прислужник всех режимов Ф. Бурлацкий смахнул портрет писателя с первой страницы «Литературной газеты». Это было вполне закономерно, ибо там же на первой полосе оборотни тогда клялись: «Борис Николаевич, мы вас любим!»

Л. Колодный в статье, гнусно названной «Двуглавый Буревестник», ликовал: «Профиль Горького исчез с титульного листа «Литературной газеты», где он сопрягался с профилем Пушкина, как некогда профили Ленина и Сталина». В его шустром уме писатели напрямую «сопрягаются» с политиками. Но ведь ликовали и наши великие патриоты. Мало того, вдохновленные примером ельциноидов, они тоже смахнули Горького с титульного листа «Нашего современника». Вот ведь картиночка: насквозь русский оппозиционный журнал

мчит сломя голову вслед за насквозь еврейской верноподданной газетой и вопит: «Господа! Мы великие русские патриоты! Мы непримиримые оппозиционеры!» И, представьте себе, обогнали Бурлацкого: журнал-то, в отличие от «Литгазеты», основан Горьким... Уж кому, как не Ф. Кузнецову, директору института им. Горького да еще и лауреату премии им. Горького, вскочить бы уже тогда на брустверн и крикнуть на всю державу: «Робята, наших бьют!..»

Помянутая статья этого самого Колодного была напечатана в «Московской правде» 14, 16 и 17 октября 1990 года. Даже в те дни она ошеломляла своим невежеством, демагогией и злобностью... Начиналось издалека: «Про отца писателя в первом (?) научном справочнике 1938 (!) года сказано: «Столяр пароходных мастерских», но, как пишет другой (?) научный труд 1986 года, потом он стал управляющим пароходством». Сколько сразу вопросов! Неужели

великий писатель попал в справочники только спустя два года после своей смерти в 1936 году? А что это за научный труд 1986 года? Кто автор? Почему сплошная анонимщина? Как видно, это труд такого сорта, что и назвать-то его стыдно или опасно. А главное, ну хорошо, управляющий, так в чем криминал? В одном научном труде 1999 года я прочитал, что Ефим Моисеевич Колодный, отец журналиста, сперва работал живодером на бойне, а потом управляющим в публичном доме. За достоверность не ручаюсь, но каждому свое. И я ни в чем не виню его сына.

Дальше автор хватал за бороды дедов писателя. Оказывается, один вовсе «не солдат, как можно прочесть (где?), а офицер, разжалованный в солдаты за жестокость». Второй еще страшнее: «отличался деспотизмом». Откуда известно? Да, видно, это можно прочесть в научном труде 1886 года. Допустим, все так. Но ведь внук за дедов не отвечает. Если у Колодного дед был, допустим, профессиональным шулером, то нам-то что до этого, не тащим же его в суд!

А какое образование у Горького? И тут исследователь вносит полную ясность: «Из всех русских писателей он учился в школе меньше всех, окончил два класса». И что? А то, что еще прошел «свои университеты» и был образованнейшим человеком своего времени. Все удивлялись широте его познаний. Тот же Шолохов, странно полюбившийся Колодному, писал: «Меня поражали колоссальные знания Алексея Максимовича, его неустанное трудолюбие, суровая требовательность к себе». А вот журналист К., который еще в 1955 году окончил филологический факультет столичного университета, но до сих пор пишет черт знает как. Например: «Горький долго

плавал в глубинах социального мира...», «Горький поддерживал контакты с Ролланом и Шоу...», «Писатель принимал активное участие в исторических событиях...», «Горького поместили в Петропавловскую крепость...», «Супруги отправились на вокзал, стремясь в Петербург». Об отъезде Горького за границу: «...произошла нормальная эмиграция». Или: «Поднялась лавина казней». Лавины (снега, камней, грязи и т.п.) не поднимаются, а опускаются. Порой и понять невозможно, что филолог хочет сказать. Например: «В Лондоне Горькому пришлось выискивать средства, чтобы съезд закончился». Какие тут нужны средства? Сколько? И всему этому нет конца. Поучиться бы этому журналисту у Шолохова, который, кстати, учился в школе только на один год больше Горького.

Колодный переходит к другой области разоблачения: «Ни на заводе, ни на фабрике не работал, у станка не стоял, в пролетарском котле не варился, квалификации не заимел ни в одном деле...» Допустим, так, но ведь и Пушкин не работал на фабрике, и Лермонтов у станка не стоял, и Толстой в котле не варился, но зато они в 20—25 лет заимели квалификацию писателей. А Горький, в 24 года выступив с первыми рассказами, сразу заимел всероссийскую славу, в 30 — европейскую, в 35 — мировую! Именно это никак не укладывается в сознании Колодного, который, судя по всему, двадцать лет стоял у станка и тридцать лет в котле варился. Видимо, именно поэтому он, пролетарий, считает себя вправе задать и такой вопрос: «А где был Горький, когда брали Зимний?!» Оказывается, не видели его среди солдат и матросов, которые шли на штурм. Оказывается, в тот день писатель был в Москве. Мало того, он тогда и «не стремился к Никитским воротам, где шел яростный бой», не лез на баррикады, не лежал за пулеметом. И это еще не все. Вскоре он стал издавать газету «Новая жизнь», где, будучи членом РСДРП, однако же критиковал большевиков и лично Ленина. И у Колодного принципиальный вопрос: «Как это совмещалось с

членством в партии?» Ведь налицо нарушение дисциплины, а? Вот бы еще проверить, правильно ли он партвзносы платил... Так вот, дед писателя — царский офицер, отец — управляющий пароходством, сам он Зимний не брал, на баррикадах булыжники в жандармов не швырял, устав партии злостно нарушал, неизвестно как платил взносы — какой же он после этого пролетарский писатель! Колодный, еще один марксист в законе, решительно отказывает ему в этом звании. А кроме того, говорит, считают его великим гумани-

стом. Ну, правда, «жалость из него до конца не выдавили. Кое-кого вытаскивал за волосы из лагерей, кое-кому помогал уехать, упрашивал за несчастных то Ягоду, то Сталина, можно припомнить и другие добрые дела». Однако не припоминает из множества людей, которым Горький помог, кого поддержал, спас, ни единого имени. Но вот говорит: «Простят ли Горького родственники поэтов Васильева и Смелякова, многих других, кого подверг патриарх критике, ставшей основанием для репрессий?» В этом же ряду называются имена Николая Клюева и Сергея Клычкова, которым-де «патриарх ничем не помог». Во-первых, Павла Васильева он критиковал отнюдь не в одиночестве. Сергей Куняев в интересной документальной повести о поэте «Русский беркут», что печатается сейчас в «Нашем современнике», приводит такие, например, слова на вечере в «Новом мире» Ивана Михайловича Гронского о нем и близких ему поэтах: «Эта группа совершенно напрасно, без всяких на то оснований приклеивает себе крестьянскую вывеску. Это не крестьянская, а кулацкая поэзия. Возьмите творчество Клюева, Клычкова и Павла Васильева. Что из себе представляет это творчество? Каким социальным силам оно служило? Оно служило силам контрреволюции... Васильев развился не в сторону революции, а в сторону контрреволюции». А Тройский (1894—1985) — известнейший в ту пору критик, главный редактор одновременно газеты «Известия» и журналов «Новый мир« и «Красная новь», да еще и председатель Оргкомитета Союза писателей, готовившего тогда первый съезд. С другой стороны, в-третьих, и сам Васильев — не ангел, на том же вечере вон как неласково выражался он о старших собратьях, даже друзьях, причем в присутствии второго из упомянутых ниже: «Разве Клюев не остался до сих пор ярым врагом революции?.. Теперь выступать против революции и не выступать активно с революцией — это значит активно работать с фашистами, кулаками... Клычков должен сказать, что он на самом деле служил, по существу, делу контрреволюции...» Как добродушна была по сравнению с этим давняя «критика» Есенина:

Вот Клюев, ладожский дьячок.
Его стихи, как телогрейка.
Но я их вслух вчера прочел —
И в клетке сдохла кенарейка...

Так что можно понять Клюева, когда он, оказавшись вскоре в ссылке, писал другу о Васильева: «Эта пустая гре-

мящая бочка лопнула при первом ударе...» И в письме в другому адресату: «Как живет П. Васильев, крепко ли ему спится?.. Виноват он передо мною черной виной... Он много потрудился, чтобы я умолк навсегда...»

Остается добавить к вопросу о гуманизме Горького, что Васильева арестовали весной 1937 года, а Клычкова — в ночь на первое августа того же года. Горьковед Колодный должен бы знать, что Горького тогда уже не было в живых. Из черного списка остается один Клюев. Он действительно был арестован

при жизни Горького — 2 февраля 1934 года. Но, с одной стороны, при всей его влиятельности Горький вовсе не был всемогущ. С другой — разве трудно представить себе, что у старого уже человека могли быть и веские причины, помешавшие вступиться, допустим, нездоровье. И неужели наш горьковед не знает еще и о такой причине: 11 мая в том самом году умер единственный и горячо любимый сын писателя.

Наконец, откуда он взял, что Горький не помогал Клюеву? В свое время в «Нашем современнике» мы читали: «За смягчение участи Клюева ходатайствовали в Москве его друзья. А. М. Горький, Н. А. Обухова» (№12, 1989. С. 185). А в «Дружбе народов» сообщалось, что хлопоты «увенчались успехом» (№12, 1987. С. 137). Что это значит?

Клюева сослали в Нарымский край, в поселок Колпашев. Поселок и жизнь там он описывал так: «Это бугор глины, усеянный почерневшими от бед и непогодиц избами, дотуга набитыми ссыльными. Есть нечего, продуктов нет, или они до смешного дороги. У меня никаких средств к жизни, милостыню же здесь подавать некому, ибо все одинаково рыщут, как волки в погоне за жраньем» («Новый мир», №8, 1988. С. 168), И вот благодаря хлопотам, в которых принимал участие. Горький, поэта переводят из этой страшной дыры в Томск, в университетский город. «Это на тысячу верст ближе к Москве!» — радовался Клюев. Там ему удалось довольно сносно устроиться в доме сердобольной русской женщины Марии Алексеевны Балакиной. А погиб он в октябре 1937 года, как и Васильев, как и Клычков, уже после смерти Горького.

Вранье Колодного отчасти можно объяснить просто невежеством и самоуверенностью, замешанной на злобе, но не это в его статье главное, а то, что Горький просто чужд, недоступен его пониманию; определить место, значение писателя в литературе и в жизни наш аналитик не в силах. Упомянув об огромной популярности писателя, о его всемирной славе, о любви и почестях, что выпали на его долю, он в полном обалдении вопрошает: «Неужели действительно

его рассказы, сказки, драмы, незавершенный роман «Жизнь Клима Самгина» так значительны? Неужели так воздействовали на творчество других современников? Неужели его произведения играли важную роль в жизни трудящихся?.. Тогда (!), может быть, величие в чем-то другом?..» То есть в творчестве-то никакого «величия» и даже «значительности» он не видит, не чувствует — и не может понять, что если бы Горький написал только пьесу «На дне», то и тогда остался бы в нашей литературе, как Грибоедов. Вспоминается, что о Горьком нередко писал знаменитый тезка Колодного — Троцкий, и при этом доходил порой до таких речений, как «псаломщик русской культуры». И даже в некрологе глумился: «Если Сталин с Кагановичем и Микояном возведены заживо в гении, то, разумеется, Максиму Горькому никак нельзя отказать в этом эпитете после смерти». А когда Горький напечатал воспоминания о Ленине, то Троцкий, который в это время сам работал над книгой о нем, тотчас выскочил в «Правде» с разносной статьей. По этому поводу писатель заметил: «Суждения Льва Троцкого по поводу моих воспоминаний написаны хамовато по моему адресу и с неожиданным для меня цинизмом демагога». Для нас цинизм демагогов давно уже не является неожиданностью... Однако справедливости ради нельзя не заметить, что помянутый некролог о Горьком кончался так: «Мы провожаем его без нот интимности и без преувеличенных похвал, но с уважением и благодарностью: этот большой писатель и большой человек навсегда вошел в историю народа, прокладывающего новые исторические пути». Какой светлой

личностью выглядит Лев Троцкий на фоне Льва Колодного! Особенно если вспомнить еще, что однажды Троцкий даже защищал писателя от того самого Чуковского, характернейшей чертой которого, по его словам, была многолетняя «ненависть к Горькому», и которому так безоглядно верит Валентин Осипов.

А вывод из всего сказанного такой: трудно поверить, что человек, который не понимает Горького, да еще и глумится над ним, клевещет на него, может любить Шолохова. Правда, в нынешней книге Л. Колодный пишет о Горьком совершенно иначе — весьма почтительно, неоднократно ссылается на него как на непререкаемый авторитет, например: «Почему хоронят память о Федоре Крюкове, которого Максим Горький ставил в пример молодым писателям, призывал у него учиться знанию родного края?» Это лицемерие вполне понятно: нельзя же и дальше поносить Горького в книге о Шолохове, который так его уважал, любил и для которого он так много сделал. Чего стоит хотя бы одна только устроенная им

51

встреча молодого Шолохова со Сталиным, во время которой решилась судьба третьей книги «Тихого Дона»!.

Понять истинное отношение Колодного к Шолохову изрядно помогает тот факт, что до самого дня обнаружения рукописи в 1983 году он вовсе не был уверен в его авторстве. «Я рассуждал так,— пишет он о том времени, когда приступил к поискам,— если (!), предположим, совершено преступление (то есть если рукопись украдена.— *В. Б),* то, как при любом преступлении, должны остаться какие-то его следы, какие-то доказательства. То есть рукописи... Если (!) версия (!) о плагиате — клевета, то она должна быть разоблачена». Как видим, он свободно допускал и то и другое. Ф. Кузнецов приводит еще более выразительное заявление Колодного в интервью израильской газете «Окна» 9 декабря прошлого года: «Я слыхал по «Голосу Америки», наверное, что рукопись «Тихого Дона» Шолохов у кого-то украл. Естественно, во мне пробудился охотничий азарт. Я решил, что если рукопись украдена, то я его разоблачу. А если он не крал, то я Шолохова прикрою». Ясно, что «охотничий азарт» не свидетельствует о любви или хотя бы об уважении к писателю. Но Кузнецов определяет отношение Колодного к Шолохову более точно: это конкистадорское отношение. В этом вопросе немало проясняет и то, как Лев Ефимович истолковал одно месте в письме к нему вдовы Кудашева. Тот в первые же дни войны вступил в народное ополчение и вскоре попал в газету «Боевой путь» 32-й армии. Сохранилось двенадцать писем его к жене за июль—сентябрь 1941 года (к слову замечу, у Кузнецова путаница в датировке этих писем), в восьми из которых он с непонятной настойчивостью просит жену связаться с Шолоховым, чтобы тот через ГлавПУР вызвал бы его «на день-два» в Москву: «Мне необходимо сдать ему оригинал рукописи «Тихого Дона». Что значит «сдать»? Разве не могла жена Матильда, Мотя, как звал ее Шолохов, просто передать рукопись? Разве тут требовалась какая-то нотариальная процедура? Ведь Кудашев и Шолохов — лучшие друзья! Кузнецов пишет: «В вихре событий начала войны Шолохов ни в июле, ни в августе, ни в сентябре так и не смог (!) вызвать Василия Кудашева с Московского (?) фронта». То же самое и Кожемяко: «Не смог». А где доказательства, что он пытался сделать это? Я думаю, что в то время, в той обстановке писатель и не стал добиваться вызова с фронта друга, в сущности, по своему личному делу, из-за своей рукописи. До рукописей ли было в те дни, когда трещали фронты и рушилась наша оборона? Тем более что это рукопись уже изданной книги. Вон и рукопись «Слова о полку

52

Игореве» не смогли уберечь в московском пожаре 1812 года. Видно, тоже не

очень беспокоились: ведь опубликована.

По воспоминаниям Кудашевой, Шолохов зашел к ней в октябре и оставил открытку для Василия, попросив ее надписать адрес и отправить. Она не сделала этого, так как муж давно уже не писал. В этих воспоминаниях нет ни слова о его просьбе вызвать с фронта. А в открытке Шолохова была фраза: «Думаю, что увидимся в Москве». Когда? Конечно же, это была лишь надежда на будущее, когда положение на фронте стало бы надежнее. Увы, оно долго оставалось не таким... Тогда ничто не мешало передать рукопись, но обоим было не до нее...

Если Шолохов и вызвал бы Кудашева в июле—сентябре, это никак не изменило бы его судьбу: ведь через «день-два» он должен был вернуться в свою фронтовую редакцию. А 2 октября по плану операции «Тайфун» началось немецкое наступление на вяземском направлении, в ходе которого 7 октября два крыла войск противника соединились и отрезали пути отхода четырем нашим армиям: 19-й, 20-й, 24-й и 32-й, в которой служил Василий Кудашев. Так он оказался в плену, где и умер, как пишет Кузнецов, в начале 1945 года. Кстати замечу, что оборону окруженных армий возглавил генерал-лейтенант М. Ф. Лукин; он тоже попал в плен, и после войны Шолохов вызволил его из нашего лагеря. Да, судьбу Кудашева его друг изменить не мог. Но вдова писала Колодному: «Шолохов не вызвал Кудашева в Москву. Ему не хотелось хлопотать, как сказал он мне, потому что уже кому-то помог и неудобно было повторять хлопоты». Да ведь речь-то шла о том, чтобы помочь не Кудашеву, а самому себе, своей рукописи. Но вдова не желает этого знать: «...ему неудобно... А по-честному, был занят другим, многим известно чем. Этот поступок был коварным (видимо, имела в виду «роковым»,—*В. Б)* в судьбе Кудашева...»

И вот, наконец, эти столь характерные пояснения Колодного к словам письма. В помянутом интервью израильской газете «Окна» он заявил: «Шолохов не вызвал Кудашева с фронта, поскольку, как сказала Матильда, известно, чем занимался он в Москве...» И дальше уже прямо от себя: «...пьянствовал и по бабам... И погиб Кудашев». Как видим, Колодный с помощью вдовы вешает на любимого писателя не только пьянство и распутство в страшные первые дни войны, а еще и гибель друга — что можно придумать подлее! Ф. Кузнецов дает достойную отповедь клевете конкистадора. Критик обстоятельно рассказывает, чем на самом деле занимался в ту пору Шолохов. 23 июня шлет из Вешенской телеграмму С. К. Тимошенко с просьбой принять в Фонд оборо-

ны его Сталинскую премию, добавив при этом: «По вашему зову в любой момент готов встать в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии». Уже 4 июля «Правда» печатает его очерк «На Дону». Об этих же днях редактор «Красной звезды» Д. И. Ортенберг вспоминал: «Шолохов явился в редакцию раньше, чем мы ожидали. Выглядел молодцевато, успел экипироваться. Он был по-казачьи строен, привез очерк «В казачьих колхозах». Ф. Кузнецов добавляет после этого свидетельства: «И сразу — путь на Западный фронт в 19-ю армию И. С. Конева». Критик заглянул и в личное дело полкового комиссара (полковника) Шолохова, где отмечено, что август, сентябрь и октябрь он провел на Западном фронте. Напомню, что 19-я армия как раз из тех четырех, что 7 октября попали в окружение. Так что, когда Кудашев слал письма с просьбой о вызове, Шолохов уже сам был на фронте и очень просто мог попасть в плен. И критик спрашивает Колодного: «Это все похоже на «пьянки да баб»? Как сказал поэт, «самое подлое из лжесвидетельств — лжесвидетельство о войне».

Нужны ли еще пояснения о том, сколь пламенно Колодный любит Шолохова? Занимаясь многообразной литературной «охотой», этот ненавистник

Горького и антисоветчик, любящий порассуждать о «преступлениях партии», просто получил у Ю. Лукина адрес шолоховской рукописи и с большой пользой для себя написал об этом книгу, в которой немало полезного и для нас, чем мы в дальнейшем и воспользуемся с признательностью.

Похожая история у «Тайной жизни Шолохова». Ее автор Валентин Осипов такой же антисоветчик, но в бытность свою высокопоставленным издательским начальником он бывал в Вешенской, беседовал с Шолоховым, с его родственниками; есть даже телеграмма на его имя, в которой Михаил Александрович поздравлял издательство «Молодая гвардия» с юбилеем. Почему же не воспользоваться этим и не написать книгу, изобразив великого советского писателя таким же антисоветчиком, каким стал сам? Ведь это одно из веских оправданий и для себя, и для всех оборотней. И написал...

Но вернемся к статье Л. Колодного о Горьком. Даже такое незатейливое негодяйство не получило отпора от интеллектуалов ИМЛИ... Мне могут сказать: «Так ведь тогда никто не смел рта открыть. Только сейчас кое-кто проснулся...» Ну нет, братцы мои, кое-кто все-таки и в те дни барахтался, оборонял советскую литературу от глумления Солженицына, Бурлацкого, ельцинского пресс-секретаря Костикова, этого самого Колодного и других литературных мародеров. «Литературное обозрение» (№1, 1990) выступило со статьей «Соблазн проку-

карекать первым» в защиту Горького от клеветы Ст. Куняева; «Правда» 30 марта 1993 года достойно отметила юбилей Горького в статье «Правда — бог свободного человека»; «Советская Россия» 8 июня 1993 года в статье «Над бандой рвачей и выжиг» возвысила голос в защиту Маяковского; эта же газета 30 января и 9 февраля 1991 года в статье «Письмо поэту, который больше, чем поэт» дала отповедь Евтушенко за клевету на Шолохова в его статье «Фехтование с навозной кучей», что напечатала «Литературка»...

Евтушенко уверял, что образы большевиков в «Тихом Доне» «написал кто-то другой, а не Шолохов». Сам же он, «может быть, под страхом ареста совершил однажды преступление против нравственности». Вы подумайте: шестидесятилетняя вышедшая в тираж шлюшка толкует о нравственности! Далее речь шла о том, что Шолохов не только плагиатор, душитель нравственности, но, естественно, еще и антисемит. И вот к такому-то человеку в 1961 году, когда подвергся критике «Бабий Яр», в ту пору еще в расцвете всех своих прелестей и опыта, шлюшка кинулась за помощью и защитой в Вешенскую. По ее словам, Шолохов был ужасно рад встрече и «крепко обнял» курвешку. А далее Евтушенко давал портрет писателя. Я по этому поводу тогда писал, что вот, мол, недавно довелось прочитать книгу Солженицына о Ленине. «И чем дальше читал, тем яснее видел, что созданный образ никакой не Ленин, а сам автор: та же злобность, та же патологическая самовлюбленность, та же болезненная мелочность, то же шкурничество... Вот и вы, Евтушенко, в своей «Навозной куче» нарисовали портрет не великого писателя, а свой собственный, вплоть до мелочей. Вы нарядили своего Шолохова во все заграничное «яркого современного дизайна». Но он ведь полжизни проходил в гимнастерке, а вы всю жизнь пялите на себя этот самый заморский дизайн. Ваш Шолохов брехлив и безответствен — это вы, а не он. Ваш Шолохов источает «провинциальное чванство» — это вы, а не он. Ваш Шолохов даже нахваливает вас: «Мой любимый поэт... Ты у нас талантище...» — это вы так о себе думаете и говорите, а не он о вас. Чего стоит такая реклама: «Моя фамилия — Россия, а Евтушенко — псевдоним...»

Ваш Шолохов, желая поразить воображение столичного гостя, разбросал на

письменном столе старые письма с иностранными штемпелями, будто они недавно получены. Это вы способны на такие мелочные проделки литературного папуаса, а не он с его мировой славой. Вы даже навязали своему Шолохову дурацкую манеру говорить о себе в третьем лице: «Михаил Александрович послушает вас с удовольствием» и т.п. Это не его, а ваша манера. В речи на Втором

съезде народных депутатов вы говорили: «Евтушенко написал с композитором Колмановским песню «Хотят ли русские войны». В вашей статье об Ахматовой читаем: «Евтушенко написал лучшее стихотворение на ее смерть». Хватит?.. Наконец, ваш Шолохов хвастун, лжец и провокатор. Именно в этом облике и вылезли вы перед читателем из своей «Навозной кучи». И цель вашей провокации в том, чтобы, клевеща на великого сына русского народа, оскорбить и унизить сам народ, вызвать вражду и ненависть к нему. И воздастся тебе за дела твои полной мерой, провокатор!

О другой статье той поры за давностью времени следует сказать именно потому, что в ней речь шла как раз о «проблеме авторства» «Тихого Дона». Ф. Кузнецов уверяет: «И сегодня Шолохов — один из самых таинственных, неоцененных и непонятых писателей XX века». Друг мой Аркадий!.. Конечно, всякая красота, в том числе литературная, в известном смысле таинственна. Но Шолохов неоценен? Да какие еще в XX веке есть выражения всенародной любви и всемирного признания, какие награды и премии, которых он не получил бы! Еще и непонятен? Да разве «непонятых» так любят, так обильно издают во всем мире, инсценируют, экранизируют и, опять же, награждают?.. В 8-м томе Собрания сочинений Шолохова, вышедшего в 1986 году, напечатано его предисловие к одиннадцатому изданию «Тихого Дона», предпринятому в Швеции в 1957 году. Подумать только, на протяжении 25—30 лет в одной только Швеции каждые 2—3 года — издание! Это что ж, из любви к литературным ребусам и шарадам? Но Ф. Кузнецов настаивает и для подтверждения таинственности и непонятности писателя приводит слова упоминавшейся Е. Г. Левицкой. Она в 1930 году побывала в гостях у двадцатипятилетнего Шолохова: «За семью замками да еще за одним держит он свое нутро... Говорить с ним очень трудно. Замкнутый, он и о себе говорить не любит». Так ведь надо же понимать: Левицкая — «столичный гость в деревне», и разница между ними в двадцать пять лет, их большая дружба еще впереди. Она писала также, имея в виду «Тихий Дон»: «Откуда он знает все это?.. Ведь надо же прожить хотя бы некоторое время на свете, чтобы так тонко понимать женскую душу, ребенка, старика. Загадкой все это было для меня. Загадкой осталось и после пребывания в Вешенской... Я знаю только, что если я, старуха, не разгадала этого человека, то и все окружающие тоже не знают его...»

Насчет окружающих Левицкая ошибалась. Еще до ее приезда Шолохов писал ей 29 октября 1929 года об этих «окружающих», в том числе о работниках райкома партии и

райисполкома: «Моя жизнь для них как на ладони». Но Левицкая была совершенно права в каждом слове, когда, стараясь «понять этого своеобразного, необычного человека, сумевшего в свои 21—22 года дать такие глубокие, тонкие по психологическому анализу страницы», писала: «Он живет какой-то своей особой жизнью». Да, Шолохов был не таинственный и непонятый, а в высшей степени своеобразный, необычный, особенный, с житейской точки зрения даже странный человек и писатель. Та же Левицкая писал о впечатлениях первой встречи с ним: «Он, усмехаясь, смотрел своими странными, желтыми какими-то,

как у степной птицы, глазами... Он улыбался. Странная у него улыбка, какая-то необычная». И опять: «Глаза — странные, «круглые, с наглинкой», как у Митьки Коршунова, «желтые». И рассказала о такой, в частности, странности, свидетельницей которой была. Первое книжное издание «Тихого Дона» вышло в издательстве «Московский рабочий», где Шолохову платили 200 рублей за лист. Гослитиздат предложил 400. И Левицкая пишет: «С нескрываемой презрительной усмешкой он отказался от столь лестного предложения. Писатели возмущались таким отсутствием корыстолюбия у молодого «удачливого» автора... Откуда это презрение к деньгам?.. Ни у одного писателя я не видела такого отношения. Он презрительно говорит об Алексееве, Панферове и других коммунистах, которые гонятся за деньгами (предлагал Панферову отказаться от авторского гонорара). А ведь у него нет никакой профессии, кроме писательской». И вот такого-то человека, объявив его неразгаданной до них тайной, взялись объяснить нам расхрабрившиеся неошолоховеды.

Но если бы только они!... Ф. Кузнецов называет целую свору «антишолоховедов», обвиняющих Шолохова в плагиате. Какой-то Кацис, какой-то Радзишевский, какой-то даже израилец Зеев Бар-Селла... Да что мне за дело до них! Правда, есть тут еще Солженицын и Рой Медведев. Так с ними и спорить-то не пристало. А вот действительно об очень талантливом писателе, о Владимире Солоухине, который тоже оказался в этой компании, исследователь умолчал. Почему? Да как можно-с, патриотизьм не позволяет. Вон ведь что пишет о Солоухине наш главный спец по патриотизьму Владимир Бондаренко: «Хранитель России»! Да, русские иконы хранил, а великого сына России мордовал вместе с радзишевскими. Я был свидетелем и того, как в Колонном зале при появлении Солоухина все вставали, и того, как там же его не стали слушать и прогнали с трибуны. Увы... Так вот, Солоухин вроде бы милостиво шел на компромисс: «Я ничего не говорю, это большой писатель. Да-

же если две трети «Тихого Дона» написаны им, и тогда...» А дальше повторял вслед за Солженицыным и Роем Медведевым: «Шолохов не мог написать первую книгу, ибо она написана с психологией и жизненным опытом по крайней мере пятидесятилетнего человека, много видевшего, знающего, пережившего, а Шолохову ведь двадцать лет. Мальчишка». Если так, то и компромисса никакого нет: получается, что и остальные три книги написал не он, поскольку весь роман закончил в 1940 году, когда ему до пятидесяти было еще пятнадцать лет!

Но Солоухин стоял на своем, и утвердиться в этом ему помог весьма любопытный эксперимент, проделанный им. У него были душевные друзья Миша, Ваня, Володя, Толя, Петя, Андрюша и Егор. Он им сказал: «Все вы известные писатели, то есть одаренные, талантливые люди. Все вы издали много книг романов, повестей, стихов. Все вы — кто лауреат, а кто и Герой Социалистического Труда». Друзья, побрякивая медалями, послушно кивали головами, подтверждали: да, мы талантливые люди. «А теперь...» Обращаясь к каждому персонально, экспериментатор спросил, мог ли кто из них в двадцать лет написать «Тихий Дон» или хотя бы только начать роман, в котором более двухсот персонажей. (Мракобес с калькулятором Семанов подсчитал, что их 827). Герой Труда Миша прямо ответил: «Я не мог бы. Я тогда стихи писал в стенгазету». «А я в этом возрасте, кажется, и считать не умел до двухсот»,— признался лауреат и мульти-орденоносец Ваня. «В восемнадцать лет я уже напечатал в газете «Ленинец» заметку,— сказал Герой Володя.— Как сейчас помню, она кончалась словами «пусть живет и здравствует наш великий советский народ!». Отрицательно ответили и остальные подопытные таланты.

Да, ни у кого из них в двадцать три года, как у Шолохова, не вышла первая книга своего «Тихого Дона». Не вышла и в тридцать пять, когда Шолохов закончил эпопею. Не вышла и в шестьдесят пять. Вот видите, сказал беспощадный экспериментатор, а ведь у вас столько высоких наград! И вывод его таков: не мог тот вешенский Миша, Герой Социалистического Труда, превзойти московского Мишу, ведь тоже Героя. Никак не мог. Не положено!.. С тех пор Толя, Ваня и Петя умерли, не оставив нам ничего похожего на «Тихий Дон». Остальным сейчас 70— 80 лет. Печально. Но я бы такой эксперимент провел несколько иначе. Задал бы другого рода вопросы. Шолохов стал самостоятельным человеком в пятнадцать лет. В ранней юности участвовал в гражданской войне, был продкомиссаром, побывал в плену у махновцев (отпустили по молодости), потом в погоне за куском хлеба работал в Москве груз-

чиком, каменщиком, делопроизводителем. Кто из вас, Миша, Ваня, Володя, Толя, Петя, Андрюша, Егор, уж если не таскал кули на Ярославском, то хотя бы поработал делопроизводителем? Начав в Москве довольно активно печататься, издав две книги, горячо поддержанные классиком того времени Серафимовичем и благожелательно встреченные критикой, девятнадцатилетний Шолохов вдруг возвращается в родную станицу, где его вовсе не ждали блага Ясной Поляны или хотя бы Малеевки, и всю жизнь живет там. Его посылали на Международный конгресс в Париж, ему предлагали пост главного редактора «Нового мира», руководителя Союза писателей СССР, а он отвечал: «Да я бы с удовольствием, только вот билет на поезд до Ростова уже взял. Как-нибудь в другой раз...» И так пятьдесят лет. Вы все, кроме Андрюши, тоже родились не в Москве и не здесь начинали свой литературный путь, но как только стали писателями, тотчас рванули в столицу к редакторским креслам, секретарским постам, казенным квартирам и будете жить здесь до конца дней, имея под Москвой свои Ясненькие Лужайки. Так не кажется ли вам, Миша, Ваня, Володя, Толя, Петя, Андрюша и Егор Александрович, что уже одно это показывает, до чего ж необычным человеком был Шолохов, что он особой, не той, что вы, породы и всегда шел по жизни своим, только ему предназначенным путем, с самого начала глубоко понимая характер и огромность своего дара?

По воспоминаниям современников, как мы знаем, совсем молодой Шолохов отказался от двукратного повышения гонорара за «Тихий Дон». А позже ни одну премию он не оставил себе: в 1941 году Сталинскую премию первой степени за «Тихий Дон» перечислил в Фонд обороны; в 1960 году Ленинскую премию за «Поднятую целину» отдал на строительство новой школы в станице Каргинской, где родился и жил до женитьбы; в 1965 году Нобелевскую премию пожертвовал на строительство больницы в Вешенской. А еще в 30-м году, как пишет Левицкая, Шолохов дал одному колхозу денег на трактор. Притом ведь он далеко не всегда купался в золоте. Так, вскоре после того как подарил трактор, уже будучи прославленным автором двух книг «Тихого Дона», писал Левицкой 19 ноября 1931 года: «Влез я в долги, заимодавцы мои меня люто терзают. А я настолько беден, что не имею денег даже на поездку в Москву...» Вы, Миша, Ваня, Андрей Андреевич и остальные друзья Солоухина, отказывались ли от повышения вам гонорара как Героям и лауреатам? А как употребили свои Ленинские да Государственные? Где построенные вами школы и больницы? Кому вы подарили трактор, бульдозер или трехколесный велосипед? Был слух, что

Виктор Астафьев, в свое время в очередном приступе злобности объявивший друзьям, что день смерти Шолохова будет счастливейшим днем его жизни, из

госпремии подарил яслям в Овсянке три французские фигурные соски для младенцев. Не удивлюсь, если подтвердится.

По воспоминаниям той же Левицкой, когда она приехала в Вешенскую, хозяин поселил ее в своем кабинете. А однажды он приехал в Москву в совершенно разбитых сапогах и пошел по магазинам купить новые, но везде требовали промтоварную карточку, а у него нет ее. Наконец в одном месте нашел, могут продать так, но на всякий случай, видимо, из опасения как бы не осчастливить классового врага, спросили, чем он занимается. А Шолохов возьми да брякни: «Я человек свободной профессии».— «Ах, свободной? — встрепенулся бдительный продавец.— Ну и ходи свободно без сапог!» Левицкая удивилась: «Да чего ж вы не сказали, что писатель?» У нас, мол, писателей любят. Шолохов с досадой ответил: «Ну вот, что ж я буду говорить: вот я писатель, дайте писателю сапоги!» А кто из вас, друзья, никогда не шумел в Литфонде: «Я писатель-лауреат! Дайте мне лучшую комнату в Коктебеле! И чтобы на одного!..», «Я Герой Труда! Дайте мне дачу в Переделкине! И чтобы никаких соседей!» Как вспоминал Андрей Плоткин, друг Шолохова, работавший на Дону председателем колхоза, тот ему однажды сказал: «Смотри, ручку у двери ходоки оторвали!» — столько у него было посетителей, просителей, жалобщиков. А целы ли дверные ручки в ваших квартирах и дачах, Миша, Ваня, Владимир Васильевич и остальные? Нет ли на пути к ним колючей проволоки, секретных кодов, сигнализации да телекамер, как у вечно живого классика Солженицына?

Покойный Петр Сажин рассказывал, что однажды в Москве году в 25-м какой-то человек оскорбил на трамвайной остановке женщину. Шолохов тут же подошел к нему и влепил затрещину. А кто из вас, друзья?.. От Солоухина я не раз слышал, как он однажды в ресторане ЦДЛ дал пощечину писателю М. Б. Да, был такой случай, но, во-первых, этот писатель-фронтовик был на пятнадцать лет старше да еще и тяжело болел чахоткой. Что ж за доблесть ударить такого? А главное, ведь ударил не за оскорбление женщины и вообще не за другого, а за свою собственную обиду.

Был в молодости еще такой случай. В 1923 году в Москве дали Шолохову ордер на комнату в Георгиевском переулке, что за нынешней Госдумой. Но комната была занята, пришлось из-за нее судиться. Суд решил дело в пользу Шолохова. Мария Спуре, женщина, у которой начинающий писа-

тель отсудил комнату, в отклике на одну статью Л. Колодного писала ему: «Шолохов поселился в моей комнате и благодаря своему веселому и общительному характеру расположил к себе всех жильцов квартиры и стал даже часто заходить к нам. Меня он прозвал «лисичкой», угощал часто шоколадом и дымил своей трубкой, заправленной очень душистым табаком». Разве это не чудо — отсудить комнату и остаться в прекрасных отношениях! Кто из вас, друзья Солоухина, мог бы повторить это чудо?

Левицкая записала: «Рассказывает, что пролежал две недели в постели. «Поехал верхом. Вдруг из-за поворота выскочил автомобиль. Едут знакомые ребята из ГПУ. Лошадь испугалась, споткнулась о кучу камней и упала. Я полетел на землю. Хорошо, ногу из стремени вытащить успел. Сгоряча вскочил на ноги — казак, как кошка,— улыбнулся он.— Конь снова упал и придавил крупом ногу. Стал выпрастывать ногу и почувствовал: что-то хрястнуло в спине. Но сел на лошадь, хотя ребята предлагали довезти до дома на машине. Как-то неладно: выехал на лошади, а назад привезут. Решил доехать до Дона, обмыть лошади окровавленную морду, а влезть на лошадь уже не смог...Еле-еле добрался до дома

и свалился. Оказалось, нога вывихнута и связки в пояснице разорваны...» А вы, друзья, когда последний раз падали с лошади? Кто из вас при этом вскочил, как кошка? Кто считает, что это неладно — пойти по шерсть, а вернуться стриженым?

Евгений Поповкин, тогда главный редактор журнала «Москва», пригласил Шолохова в писательскую компанию, возможно, в ЦДЛ, встречать новый, 1959 год. Михаил Александрович поблагодарил, но отказался: была больна Евгения Григорьевна Левицкая, и он хотел в эту ночь побыть рядом с ней. Ее дочь вспоминала о том времени: «Маме исполнилось 79 лет, у нее обострилась давняя болезнь — диабет и другие недуги. Шолохов привез к ее постели знаменитого профессора Мясникова. Врачи считали больную обреченной. Но Шолохов уговорил профессора Гуляева сделать сложную операцию — ампутацию ноги. Михаил Александрович не мог сдержать слезы в больнице, плакал. Операция прошла успешно. Он навещал маму и так продлил ей жизнь на полтора года...» Тут никаких вопросов подопытным друзьям я уже не задал бы...

Да, Шолохов был человеком необыкновенным, общим аршином мерить его нельзя. А Солоухин, меряя гения своими аршинными друзьями, довел дело до нелепости, до уморы. И Ф. Кузнецов в вопросе о том, как Шолохов относился к обвинениям в плагиате, тоже берет в руки аршин и рассуждает просто, прямолинейно: обвинения — ложь, клевета,

значит, писатель переживал, мучился, это и свело его раньше времени в могилу... Прежде всего, замечу, нельзя утверждать что подозрение или обвинение в плагиате всегда, при всех обстоятельствах оскорбительно. В моей литературной жизни было три подобных случая, и не всегда меня это Торчало, порой совсем наоборот. Я был заподозрен в плагиате при первой же попытке напечататься.

Дело было зимой 1945 года на фронте, в Восточной Пруссии. Я послал в нашу армейскую газету «Разгромим врага» лирическое стихотворение. Через несколько дней получаю письмо: «Тов. Бушин! Стихотворение Ваше получил. Оно настолько хорошо, что у некоторых товарищей из нашей редакции возникло сомнение: действительно ли Вами написана эта вещь? Не списана ли она из какого-либо журнала. Прошу прислать другие Ваши стихи и указать Ваше воинское звание. 20 февраля 1945 г. Капитан С Шевцов» Сергеи Александрович Шевцов - царство ему небесное! - был довольно известным в ту пору поэтом-сатириком После воины работал главным редактором «Крокодила». Я бегал по всей роте с этим письмом и читал его друзьям, захлебываясь от радости и гордости. Еще бы! Ведь плагиатор имеет прямое отношение к литературе, это как бы первая ступень ее, и вот я пока ни разу не напечатался, ничего не сделал, а уже плагиатор! Уже первую ступень одолел. Мое стихотворение профессиональные литераторы поставили в один ряд со стихами, что печатаются в журналах. Ночью на нарах, мешая спать соседу Кольке Белоусову, я в упоении шептал слово, красивее которого тогда для меня не было: «пла-ги-атор, пла-ги...»

Второй раз это случилось в 1951 году. Мои однокурсник Гриша Фридман, который тогда вдруг стал Григорием Баклановым, на моей защите диплома назвал меня фашистом. Уже тогда, в молодости, он был злой, как сто чертей и три ведьмы в одном флаконе. И сильно меня не любил. А тут еще незадолго до этого было такое дело. Когда он появился в «Литературке» под псевдонимом, ему кто-то из наших ребят сказал: «Гриша, в чем дело? Ведь «Бакланов» - это же второстепенный персонаж фадеевского «Разгрома». А главный герой романа - Левенсон. Почему бы тебе не взять этот красивый псевдоним?» Все рассмеялись, а Гриша осерчал. Я хохотал всех громче - еще бы не фашист!.. И вот, как

говорится, взяли бедного Гришу на густые решета. На партсобрании он не настаивал, что я замаскированный фашист из дивизии СС «Мертвая голова», но принялся доказывать, что я не советский человек. Уже в наши дни он писал в «Знамени», что этот эпизод едва ли не загубил всю его бли-

стательную литературную карьеру. Круглая чушь. Через несколько дней приехал он ко мне домой со своими извинениями, и на этом все кончилось. Потом дарил мне свои книги, а я ему за неимением оных давал читать свои тираноборческие рукописи. Но сейчас дело не в этом, а в том, что, доказывая, какой я опасно несоветский, Гриша тоже обвинил меня в плагиате. В «Московском комсомольце» я напечатал статью о повести Юрия Трифонова «Студенты». Так вот, Гриша заявил: Бушин не сам написал статью, а пошел на обсуждение повести в юридический институт, все там застенографировал и выдал за свое . Не скажу, что это меня тогда порадовало, скорее опечалило: с кем сидел пять лет в одной аудитории!..

Третий случай произошел в 1979 году. В журнале «Москва», выходившем тогда полумиллионным тиражом, появилась моя неласковая статья «Кушайте, друзья мои... Все ваше» о романе Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов». Статья произвела немалый шум. И вот, выступая 24 декабря в московской библиотеке №114, заведующим которой был мой школьный друг Вадим Тарханов, Окуджава заявил: «Статью писал не Бушин, а целая бригада. Он же только дал свое имя, потому что у него уже была отвратительная статья обо мне в «Литгазете». И что же? Я опять ликовал, как в юности на фронте. Какой, дескать, я вумный — за целую бригаду меня принимают. Вот такие случались у меня истории...

У Шолохова, конечно, все было иначе. Слов нет, когда в 1928 году клевета обрушилась на молодого писателя в первый раз, а вскоре и во второй, в третий, он негодовал, терзался. 1 апреля 1930 года в письме к Серафимовичу писал: «Что мне делать, Александр Серафимович? Мне крепко надоело быть «вором». На меня и так много грязи вылили... У меня руки опускаются, и становится до смерти нехорошо. За какое лихо на меня в третий раз ополчаются братья-писатели?»

По молодости лет и неискушенности в делах литературных Шолохов не знал, что история эта стара, как род людской. Еще Свифт писал: «Когда в мире появляется настоящий гений, вы можете легко узнать этого человека по обилию врагов, которые объединяются против него». Серафимович мог бы ответить Шолохову еще и словами Бальзака: «В Париже, когда некоторые люди видят, что вы вот-вот готовы сесть в седло, иной начинает тащить вас за полу, а тот отстегивает подпругу, чтобы вы упали и разбили себе голову, третий сбивает подковы с копыт вашей лошади; самый честный — тот, кто приближается к вам с пистолетом

в руке, чтобы выстрелить в упор. У вас есть талант, мое дитя, и вы скоро узнаете, какую страшную, непрестанную борьбу ведет посредственность против тех, кто ее превосходит». И так во всех парижах мира... Конечно, вынести все это молодому писателю было трудно. Но он представил комиссии, которую возглавлял Серафимович (Л. Колодный пишет, что М. И. Ульянова) рукопись двух первых книг, комиссия опубликовала в «Правде» заявление, и буря клеветы пошла на убыль, а потом и вовсе заглохла.

Но ведь в 1974 году, когда Солженицын в том самом Париже вцепился зубами в полу Шолохова и пытался сбить подковы с копыт его донского скакуна, Михаил Александрович давно уже был не молодой автор, только что вступивший

в литературу. Он закончил и все четыре книги «Тихого Дона», и две книги «Поднятой целины», и опубликовал главы романа «Они сражались за Родину», и написал замечательный рассказ «Судьба человека»; он был увенчан и прославлен во всем мире. И вот теперь ему опять вытаскивать рукопись, доказывать, оправдываться? Да еще перед кем — перед Солженицыным! Перед человеком, которого он считал «болезненно бесстыдным...». Конечно, он мог тогда настоять и на повторной публикации у нас в стране материалов комиссии 1929 года, и симоновского интервью еженедельнику «Шпигель», и собственного заявления, тем более что ведь в Пушкинском доме имелись 140 страниц рукописи «Тихого Дона», которые согласно его воле передал туда шолоховед К. Прийма. Но Шолохов не желал этого, брезговал, считал унизительным, как правильно пишет Л. Колодный. По воспоминаниям Анатолия Калинина, инспирированную и оплаченную Солженицыным книгу Медведевой-Томашевской «Стремя «Тихого Дона», в которой супернаучно доказывается, что автор эпопеи — Федор Крюков, Шолохов дочитал до 44-й страницы и бросил: «Скучно!» Иначе говоря, с высоты своего скакуна плевал он на лысину Солженицына, согбенного у копыт его коня, и на всю его мышиную возню да злобный писк в Париже.

И последний довод. Ведь в связи с такими сочинениями, как солженицынское «Красное колесо», никогда не возникнет «проблема авторства». Да подавись ты, Меч Божий, своим колесиком! А вот «Гамлет» или «Тихий Дон»... Впрочем, есть версия, что «Архипелаг ГУЛАГ» написал не Солженицын, а смастачили его в ЦРУ. В одном издании уже готовится публикация на сей счет. Л. Колодный в конце своей книги пишет: «Слова Александра Солженицына вдохновили меня в 1983 году начать расследование, которое привело к находке

шолоховских писем и рукописей. Его же слова побудили многих литературоведов на поиски мнимых авторов «Тихого Дона». В результате появились на свет статьи и монографии, образовав основанную на домыслах и мифах антишолоховиану. Чем объяснить, что великий писатель, призывавший народ жить не по лжи, пробудил такую черную силу, которая породила на свет «Стремя «Тихого Дона» и подобные клеветнические опусы?» Чем объяснить? Неужто, Лев Ефимович, до сих пор так и не поняли? Да только тем, что человек, которого вы именуете «великим писателем»,— самый великий, наглый и преуспевший лжец в русской истории. Да, понять этого вы не можете, ибо сам такой же антисоветчик, только помельче. «Я делал неоднократные попытки связаться с Солженицыным, отправлял в США ксерокопию первой страницы романа. Дошли ли мои письма? — чешет в затылке Колодный.— Надеюсь, теперь легче будет установить связь, а моя книга попадет ему в руки». Это было написано в первом издании книги в 1995 году. Прошло пять лет. И что, установил связь? Получил благодарность за то, что открыл глаза старцу?

«Уверен, когда-нибудь сам писатель объяснит причину своего глубокого заблуждения, признается в ошибке и покается перед народом за грех». Да поймите же все-таки, Колодный, это никакое не заблуждение, не ошибка, а обдуманная, рассчитанная злобная диверсия против русской культуры, человека, прожившего жизнь под девизом «отмываться всегда трудней, чем плюнуть; поэтому главное — в нужный момент плюнуть первым». Помянутое «Стремя» и есть очередной его плевок. Покается перед народом? Вашу уверенность в этом я называю «синдромом Бакатина». Помните такого? Будучи председателем КГБ, он выдал обалдевшим американцам наши секреты и был уверен, что те ответят таким же полоумным жестом. Вот когда они такой жест сделают, тогда и вы, Лев Ефимович, дождетесь покаяния Солженицына.

20 августа 2000 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Главному редактору газеты «Завтра» А. А. Проханову

Уважаемый Александр Андреевич!

Обращаюсь к вам в связи с опубликованным в вашей газете (№38 и 39) произведением Владимира Бушина «Почему безмолвствовал Шолохов». Произведение замечательное! И особенно замечательно тем, что демонстрирует поистине безграничные возможности великого нашего сатирика. Взять семь книг о Шолохове, вышедших в последние годы, и одним махом все их уничтожить,— это не каждому дано. Феликс Кузнецов, Сергей Семанов, Иван Жуков, Валентин Осипов с их пусть и не бесспорными, но серьезными исследованиями припечатаны кратко и предельно выразительно — рецензиями типа «мракобес с калькулятором». Да что там Семанов или Кузнецов! Владимир Сергеевич на сей раз и самого Шолохова припечатал. За то, что «по молодости лет и неискушенности в делах литературных» позволил себе терзаться из-за обрушившихся на него клеветнических обвинений. Вот Бушин правильно себя повел: заподозренный в плагиате, когда был еще моложе Шолохова, он совсем не огорчился — наоборот, бегал по всей роте, «захлебываясь от радости и гордости». И позже в аналогичных ситуациях «опять ликовал».

Что ж, дал слабину Михаил Александрович. Выходит, не ведал по молодости лет, что «история эта стара, как род людской». А вот Владимир Сергеевич в самые юные годы уже знал высказывание Свифта по данному поводу: «Когда в мире появляется настоящий гений, вы можете легко узнать этого человека по обилию врагов, которые объединяются против него». Знал, почему и захлебывался от радости и гордости. Совсем юному, ему сразу стало ясно, кто явлен миру в его, бушинском, лице. Конечно же, настоящий гений! И правильно, что не сомневается в этом до сих пор. Очень правильно, что пишет о себе с царским самоуважением, преимущественно во множественном числе: «Мы обороняли Горького...», «Мы дрались за Маяковского...», «Мы врезали гаду Евтушенко за клевету на Шолохова...»

Да, совсем худо пришлось бы и Шолохову, и Маяковскому, и Горькому, не будь Бушина! Ну кто бы тогда их оборонил?

Позвольте через вашу газету пожелать Владимиру Сергеевичу новых успехов в обороне и наступлении. А еще одно пожелание ему вот какое: помнить, что великий сатирик и великий шулер — не одно и то же. Что для карточного шулера дело обычное, сатирику все же противопоказано. Однако Владимир Сергеевич в своем произведении так ловко передернул карты, вырвав из моего контекста несколько фраз, что получилось, будто я на страницах «Правды» воспел славу некоему Льву Ефимовичу Колодному. Между тем все обстоит с точностью до наоборот!

Прошу вас, Александр Андреевич, напечатать в вашей газете эту мою статью. Дело не только в том, что таким образом мне хотелось бы защитить свою честь и достоинство, хотя и это, признаюсь, небезразлично мне. Еще важнее другое: убежден, читатели не только «Правды», но и «Завтра» должны знать об истинных заслугах того самого Льва Ефимовича, которого Бушин называет восхищенно «сообразительный и расторопный». Как можно больше людей должны знать, почему священная для русской литературы рукопись «Тихого Дона» многие годы находилась под спудом и обретение ее, как выражается В. С. Бушин, состоялось

лишь совсем недавно. К сожалению, бушинское произведение «Почему безмолвствовал Шолохов» не проясняет для читателей драматическую историю этой рукописи, а наоборот, затемняет ее..

С уважением *В. Кожемяко,* обозреватель «Правды».

Октябрь 2000 г.

ОТВЕТ ЗАЩИТНИКУ ШОЛОХОВА

Виктор Стефанович, спасибо за содержательное письмо. Давненько я не читал ничего подобного о мире, о человеке вообще и о себе в частности. Пожалуй, со времени заявления Григория Явлинского на меня в суд. Он счел, что я нанес ущерб его чести и достоинству в статье, напечатанной в «Правде». И вдруг удар уже со стороны той самой «Правды»: теперь Вы заявляете, что я нанес ущерб и Вашей чести, Вашему достоинству. Словом, бьют меня с разных сторон — и новый русский и старый коммунист. Я сегодня, как тот мужик в бессмертном фильме «Чапаев», что жаловался комиссару на то, что у него красноармейцы по голодному делу закоси-

ли поросенка: «Белые пришли — грабють, красные пришли... кхе-кхе., тоже беруть. Ну куды бедному крестьянину податься!..» Правда, в отличие от нового русского Вы не требуете с меня 100 тысяч рублей, Вам довольно и того, чтобы «Завтра» опубликовала приведенное выше «Письмо в редакцию» да перепечатала из «Правды» Вашу статью за 11—14 августа этого года о рукописи «Тихого Дона». Что ж, скромно. А скромность украшает любого человека, в том числе нашего брата большевика. Я лично за публикацию обоих Ваших сочинений, редакция же решила ограничиться одним «Письмом». Но должен сразу сказать, что первое и главное впечатление от этого Вашего «Письма» — как кипящим самоваром по кумполу. Удивлен. Изумлен. Ошарашен... Попробую объяснить.

Во-первых, Вы пишете, что бушинское произведение не проясняет историю рукописи «Тихого Дона», а наоборот, затемняет ее. Подумали бы Вы спокойно, зачем мне ее затемнять, как, допустим, Горацию историю его бегства с поля боя при Филиппах, или Солженицыну — историю его ареста в Восточной Пруссии, или Вам — свое недавнее отношение к упомянутому лицу, как к гению, которому все позволено? Я считаю, что публикации Ф. Кузнецова, Г. Тюриной и Ваша дали в совокупности вполне ясную картину. Для меня достаточно было лишь схематично повторить сказанное вами, что я примерно так и сделал: в 1929 году, после того как рукопись была предъявлена Шолоховым комиссии, занимавшейся «вопросом о плагиате», писатель, не желая тащить лишний груз в Вешенскую (а квартиры в Москве тогда у него еще не было), оставил рукопись у своего московского друга В. Кудашева; тот в 1941 году пошел добровольцем на фронт, попал в плен и погиб; хранительницей рукописи остались его вдова Матильда Емельяновна; потом его дочь Наталья; по сведениям названных выше авторов, сам Шолохов и члены его семьи не раз просили вернуть рукопись, но вдова Кудашева отказывала им, как позже и шелоховедам, и сотрудникам ИМЛИ; в 1983 году журналист Лев Колодный, получив у известного критика Юрия Лукина, редактора «Тихого Дона» и друга Шолохова, необходимые сведения о рукописи и о семье Кудашевых, добрался до рукописи и, тайно от хранительницы ксерокопировав некоторые фрагменты, опубликовал их в «Московской правде», позже — в своей книге «Кто написал «Тихий Дон»; Колодный и вдова Кудашева вступили в сговор, желая продать рукопись ИМЛИ, и назначили за нее сначала 50, а потом 500 тысяч долларов; по данным Ф. Кузнецова, 10 августа 1995 года, а

как утверждает Л. Колодный — «весной 1997 года», в глубокой старости
68
умерла от рака Матильда Емельяновна, вскоре и дочь, тоже от рака; рукопись перешла к племяннице то ли Кудашева, то ли его вдовы, она и продала ИМЛИ рукопись за 50 тысяч долларов... Рассказать об истории рукописи не было целью моей статьи, ее цель означена в заголовке, поэтому я не вдавался в подробности всей истории, тем более что судьба рукописи меня никогда абсолютно не интересовала, ибо я никогда не сомневался в том, кто автор.

Однако же что в приведенном конспекте противоречит вашим трем публикациям? Что затемняет историю рукописи? Может быть, то, что я не разделяю безоговорочно вашу уверенность, будто сам Шолохов и его жена обращались к вдове Кудашева с просьбой вернуть рукопись, а та отказалась вернуть? Но ведь никто из вас троих не привел документальных доказательств ни этих просьб, ни этих отказов, такие же аргументы, как «в семье помнят», не слишком убедительны. А мой довод, что при подобных отказах не могли сохраниться добрые отношения между семьями Шолоховых и Кудашевых, представляется достаточно веским. К тому же на покойницу взвалены столь тяжкие грехи, что хоть один из них я попытался поставить под милосердное сомнение. Ведь она была женой друга Шолохова, вдовой погибшего фронтовика-добровольца и сама приняла мученическую смерть от страшной болезни... Здесь уместно сказать и о другом моем несогласии с Кузнецовым и Вами: вы считаете страшную смерть вдовы фронтовика и его дочери заслуженной небесной карой за их поведение с рукописью. Не буду повторяться, но, положа руку на сердце, скажите, Виктор Стефанович, а из неошолоховедов кто, даже и не страдая вместе с дочерью или сыном смертельной болезнью, отказался бы от 500 тысяч долларов, если была вполне реальная возможность получить их? Ведь пятьдесят-то получено. Ведь проклятые доллары могли помочь им излечиться... Так вот — кто отказался бы?.. Разве что членкор Кузнецов, пошли Бог ему долгие лета... Только хорошо бы вам обоим помнить вот эти стихи, кажется, до сих пор неустановленного автора:

Легкой жизни я просил у Бога:
«Посмотри, как тягостно кругом...»
И Господь ответил, глядя строго:
«Скоро ты запросишь о другом...»
Я иду... Все тяжелей дорога...
С каждым днем невыносимей жить...
Легкой жизни я просил у Бога —
Легкой смерти надо бы просить...

69

Дайте переведу дыхание...

Вы говорите, что горькая истина в том, что они хотели получить деньги за то, что им не принадлежало? Да, истина такова. Как быть? Ответ дан давно: «Если надо выбирать между истиной и Христом, я не с истиной, я с Христом...»

Во-вторых, Виктор Стефанович, как рассказ о судьбе рукописи не был целью моей огромной статьи, так и Ваше отношение к рукописи, к «проблеме авторства «Тихого Дона», к Льву Колодному, как и сама Ваша уважаемая личность, тоже не были на сей раз предметами моего рассмотрения или, чтобы еще более точно выразиться, созерцания. Понятно, если бы протест прислали в редакцию Кузнецов или Колодный, которым в статье уделено много внимания, но Вы-то упомянуты всего несколько раз мимоходом — и вдруг такой демарш!.. Право, это похоже на mania grandiosa. Тем более ведь каковы мои упоминания-то! Один раз это несогласие о небесной каре несчастной старухе и ее дочери. Но я не визжал,

не сучил кулаками, а только и сказал: «Бог вам судья, собратья...» Собратья! Что тут ужасного для Вашей чести?.. Другой раз я усомнился в Вашей уверенности, что Шолохов хотел, а возможно, и пытался, но не смог вызвать Кудашева с фронта. Думаю, что в те трагические недели начала войны ему было не до этого. Что тут кошмарного для Вашего достоинства?.. Третий раз я не согласился с Вами, что «находка» Колодного — «потрясающее, уникальное, сенсационное, историческое» и еще какое-то великие открытие. Что тут убийственного для Вашей чести и достоинства, вместе взятых? Ведь не о Вашем же открытии идет речь. Тем более что я назвал Вас при этом «дорогим другом», который, как я считаю, просто заблуждается в своих восторгах, ибо как отсутствие рукописи, так и наличие ее не играют исчерпывающей роли для доказательства как плагиата, так и авторства. Может быть много других доказательств и того и другого. Поэтому не надо думать, что ненавистники русской литературы теперь успокоятся и замолчат. Кто-то — не тот ли человек, которого Вы не так давно называли гением? — уже проверещал: «А может быть, Шолохов переписал своей рукой чужую рукопись?» Благородство и доброту можно предвидеть, подлость и злобу — никогда... Наконец, я писал: «Бдительный В. Кожемяко тотчас засек тут (у Колодного) мошенство». Так это прямая похвала, комплимент! Или для Вас «бдительный» — это непременно тайный агент, как Евтушенко или Ландсбергис? Я же разделяю здесь Вашу точку зрения, повторяю за Вами: Л. Колодный добрался до рукописи не в 1984-м, а в 1983 году, еще при жизни Шолохова.
70

И вот согласие с Вами, поддержку, помощь, даже похвалу Вы объявляете посягательством на Вашу честь и достоинство! Право, с Явлинским мне было легче. Перед ним я действительно был виноват в некоторых полемических перехлестах и готов был извиниться, если бы он извинился за оскорбление моего поколения, за клевету на мое время. Кстати сказать, еще в кодексе Наполеона — по его собственному признанию, это лучшее из всего, что тиран оставил потомкам,— делалось четкое различие между оскорблением и клеветой. О первом в статье 222КН говорилось, что это поношение общего характера, обвинение того или иного лица не в конкретном преступного характера действии или бездействии, а в каком-то пороке, например, в лживости или развратности. О втором в статье 375 было сказано, что это поношение, которое вменяет в вину кому-то нечто вполне определенное, конкретное, например, кражу, взятку, шулерство. Вместо понятия «достоинство» кодекс Наполеона оперировал понятием «деликатность». Во время революции 1848 года в Европе Маркс и Энгельс как редакторы «Новой Рейнской газеты» были привлечены к суду. И вот что, между прочим, сказал в своем выступлении подсудимый Маркс: «Никакому точному определению, господа присяжные заседатели, не поддаются посягательства на деликатность и честь. Что такое честь? Что такое деликатность? Это целиком зависит от индивида, с которым я имею дело, от степени его образованности, от его предрассудков, от его самомнения. Одно понимание чести было, скажем, у Александра Македонского или Аристотеля и совсем другое — у генерала Врангеля, которого «Новая Рейнская газета» действительно назвала «субъектом без головы, без сердца и только с усами...» (Заметим в скобках: как это характеристика Врангеля, одного из душителей революции 1848 года, подходит для Киселева, одного из клеветников революции 1917 года, или для Руцкого, беглого коммуниста и отставного губернатора.) Суд присяжных оправдал подсудимых и на этом суде и на последовавшем за ним... Так вот, согласно кодексу Наполеона, Вы, Виктор Стефанович, обвиняете меня по обеим статьям — и по 222-й, и по 375-й. В дальнейшем мы иногда будем

указывать на это.

Особенно коварный удар по Вашим несомненным добродетелям, в том числе по Вашей тонкой деликатности, Вы усматриваете в том, что Бушин, орудуя, как завзятый карточный шулер, ловко передернул карты, вырвал из контекста несколько фраз и получилось, пишете Вы, «будто я воспел славу некоему Льву Ефимовичу Колодному. Между тем, все

обстоит с точностью до наоборот!» (Здесь все конкретно — статья 222КН!). Прежде всего, Виктор Стефанович, извините, но негоже старому журналисту употреблять такие замусоленные оборотцы, как «с точностью до наоборот». Оставим это Киселеву и Сорокиной, Сванидзе и Новодворской. Потом — вот уже и «некий Колодный». Что с Вами? Л. Е. Колодный — известнейший и прославленный столичный журналист. Как Вы сами же совсем недавно известили нас — мы и не знали! — он автор многих книг, заслуженный работник культуры, лауреат, его обожает Мосстройэкономбанк, его ценит заместитель мэра столицы Владимир Иосифович Ресин, он любимый кунак Казибека Рашидовича Тагирбекова — эти достославные мужи оказали ему «организационную, моральную» и какую-то еще поддержку в издании книги «Кто написал «Тихий Дон». А Вы — «некий»! Грешно, право... Но главное здесь в том, что у Вас же ни единого примерчика моей шулерской ловкости, в результате которой якобы возник Ваш образ как гусляра, восторженно поющего: «Ой ты гой еси, Лев Ефимович!..» Ну что Вам стоило дать хоть один примерчик? Я только что привел все случаи упоминания Вашего имени в моей статье. В каком же из них я изобразил Вас вдохновенно бряцающим на струнах?

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумейте!
Уж потешьте вы боярина Ефимыча
И боярыню его свет Фаинушку!

Не можете привести? Тогда слушайте... Скорее всего, Вам померещилось, что я представил Вас читателю гусляром Ефимыча там, где привел Ваш текст с тщательным перечислением всех его заслуг. Так вот, открываю великую тайну: не было у меня тут ни малейшего намерения изобразить Вас гусляром, просто я хотел намекнуть, что все эти регалии, дотошно перечисленные Вами, совершенно здесь неуместны, ибо не имеют никакого отношения к делу. Ну, примерно, как если бы я подписал эту статью так: «Владимир Бушин, лауреат премии «Правды». Или Вы подписали бы свое «Письмо в редакцию»: «Виктор Кожемяко, обладатель юбилейной Пушкинской медали». Между прочим, именно Пушкин говорил так убедительно о «чувстве соразмерности и сообразности...» Впрочем, Виктор Стефанович, если уж сказать всю правду, не сходятся у Вас концы с концами в данном обвинении по статье 222КН. Вы пишете: Бушин называет Льва Ефимовича восхищенно — «сообрази-

тельный и расторопный». Истинно так: называю. Но если это не простая констатация, а именно восхищение, то выходит, что я и сам вместе с Вами придворный гусляр Колодного! А какие ж могут быть счеты между тружениками одного жанра, служащих одному делу? Так что не будем ссориться и попрекать друг друга, а давайте-ка лучше сыграем на два голоса величальную песню:

Гей вы, ребята удалые, гусляры молодые!
Красно начинали — красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте!

Тароватому Ефимычу слава!
И красавице Фаинушке слава!
И благодетелю Ресину слава!
И всему народу иудейскому слава!

Ну, за что слава — это известно. Ефимычу — за то, что не ленился, звонил по телефону, узнавал адреса, ездил на метро, писал. Фаинушке — за то, что, пользуясь служебным положением сотрудницы Дома журналистов, тайно сделала ксерокопию «Тихого Дона». Ресину — за моральную поддержку энтузиастов совместно с Мосстройэкономбанком. Словом, за то, что подарили они нам великую книгу «Как я нашел «Тихий Дон» под кроватью у соседки».

А уж если хотите знать, Виктор Стефанович, что такое литературное шулерство посредством вырывания слов и обрубания фраз, то, не выходя за пределы нашей темы, приведу пока лишь несколько, но зато уж классических образчиков. Как известно, еще в 1929 году Сталин в письме Ф. Кону писал: «Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что «Тихий Дон» — никуда не годная вещь, заслуживающая изъятия из продажи?» И вот один из тех, кого Вы милосердно именуете авторами «серьезных исследований» о Шолохове, обрубил в письме все ненужное ему и придал высказыванию такой вид: «И. Сталин: «Тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок...» И шлепнул этот обрубок на самое видное место — на глянцевую обложку своего «серьезного исследования». И получилось, как лейбл на колготках или надпись на вратах ада: «Оставь надежду всяк, сюда входящий». Надежду на добросовестность исследователя. Это тем более ясно, что ведь ошибки-то, упомянутые Сталиным, касались лишь трех второстепенных эпизодических персонажей, а их в романе — сотни. Да ведь к тому же до сих пор

прошло и пятьдесят лет, и семьдесят! — никто так и не знает, что это за отмеченные тогда таинственные ошибки. Когда в 1949 году в 12-м томе Собрания сочинений Сталина письмо Кону было опубликовано, Шолохов послал письмецо с просьбой разъяснить, какие именно ошибки имелись в виду. Сталин не ответил. Это дает основание думать, что написал он двадцать лет тому назад об ошибках под впечатлением какого-то момента или каких-то случайных неверных сведений, может быть, даже протеста, жалобы ему от С. И. Сырцова, тогда председателя Совнаркома РСФСР и кандидата в члены Политбюро... И этот сочащийся ложью обрубок на обложке — ключ ко всему «исследованию». В ненависти к Сталину автор порой просто теряет разум. Пишет, например, что вождь так ненавидел писателя, что за прекрасную «Поднятую целину» тот не получил Сталинскую премию. Ну не может же исследователь не знать, что в 1932 году, когда вышла книга, никаких Сталинских премий не было! Или вот уверяет, что Шолохов в 1933 году просил Сталина прислать для голодающих земляков 160 тысяч пудов хлеба, а тот — какое коварство и бессердечие! — лишь «обещал» 160, а прислал только 40 тысяч, в четыре раза меньше. На самом же деле просьба Шолохова была удовлетворена полностью... Вот что такое шулерство-то, Виктор Стефанович. Не там Вы его ищете.

И вместо того чтобы успокоиться, собраться с мыслями, Вы, однако же, еще обвиняете меня и в том, что я пишу о себе «с царским самоуважением — преимущественно во множественном числе: «Мы обороняли Горького...», «Мы дрались за Маяковского...» Тут я буквально офонарел... Дорогой друг, неужели Вы, зубы съевший на газетно-литературном поприще, до сих пор не знаете, что

местоимение «мы» имеет много весьма различных употреблений. Одно дело, когда наши с Вами единомышленники поют «Мы наш, мы новый мир построим...» Здесь «мы» — множество людей, миллионы. Это, так сказать, простейший случай прямого употребления слова. Но если «Мы, Николай Второй...» — то это, конечно, желание подчеркнуть значительность своей личности, придать ей больше веса, в чем Вы меня и обвиняете (ст. 375КН). Однако же это словцо может выражать, наоборот, желание и умалить свое значение. Вспомните, например, как говорит угодливый Молчалин в разговоре с Чацким: «В чинах мы небольших...» Что ж, выходит, презренный Молчалин лучше знал русский язык, чем иные правдисты да еще и пропагандисты серьезных исследований по литературе XX века? Не хотелось бы мне так думать. А загляните-ка в

«Произведение искусства» Чехова. Там доктор встречает молодого человека восклицанием: «А, милый юноша! Ну, как мы себя чувствуем?» Еще одно значение маленького словца, позволяющее выйти из стеснительного положения: видимо, доктор считал чрезмерным говорить с юношей на «вы», но и опасался обидеть его словом «ты» — вот и нашел очень удачный выход с помощью дружеского здесь «мы». Как знаток Пушкина Вы помните, конечно, в «Капитанской дочке»: «В эпоху, нами описываемую, ей было семнадцать лет...» Или вот еще:

Ее сестра звалась Татьяна.
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим...

Опять неисчерпаемое «мы»!.. Неужто Вы и о Пушкине скажете на основании этих его «мы», что поэт писал о себе с царским самоуважением? Право, за это могут и медаль Пушкинскую отнять... Тем более что ведь Вы говорите неправду, будто я «преимущественно» пишу о себе «мы». Я мог бы и всю статью написать так, то есть как Пушкин в приведенных примерах,— это обычная литературная форма. Да, именно «мы боролись за Маяковского» — автор и «Советская Россия», именно «мы обороняли Горького» — автор и «Правда». Неужели хоть это-то неясно!.. Между прочим, за Маяковского пришлось бороться даже против «Правды», где была в 1993-м напечатана юбилейная статья А. Михайлова, который объявил великого советского поэта провозвестником нынешней «революции духа», то бишь ельцинско-черномырдинской вакханалии. Так что подумайте, чего стоит Ваше хихиканье: «Да, совсем худо пришлось бы и Шолохову, и Маяковскому, и Горькому, не будь Бушина! Ну кто тогда бы их оборонил?» Так назовите, кто именно дрался тогда именно, в девяносто третьем, оказавшемся пострашнее, чем у Гюго, в пору самого бешеного разгула кремлевской гориллы, в дни, когда «Правда» спрятала свои ордена, как в сорок первом при отступлении срывали свои «кубики», «шпалы» и «ромбы» иные из горьких моих односумов...

Однако вернемся к нашим стриженым баранам... Вот самое тяжкое Ваше обвинение: Бушин одним махом семерых убивахом, то есть «уничтожил» семь замечательных книг о Шолохове, а четырех авторов этих «серьезных исследований» выразительно припечатал: «мракобес с калькулятором» (ст. 375КН). Да еще «и самого Шолохова припечатал». Виктор Стефанович, ну как Вы можете? Смотрите в книгу и ви-

дите смоковницу... Ведь именно так орудовали в тридцать седьмом... У меня действительно в начале статьи перечислены семь книг, но о большинстве других упомянуто два-три раза, порой в невинно-комических эпизодах. Я не даю оценок книгам в целом. А уж «мракобесом с калькулятором» я и вовсе назвал только одного старого приятеля. Что до Шолохова, то я действительно написал в одном месте о его «неискушенности в делах литературных», за что Вы и схватились. Но это же и есть искомое Вами шулерство или лжесвидетельство, ибо, во-первых, статья моя преисполнена самой горячей любви к писателю, в ней много слов высочайшей оценки его и как человека и как художника; а во-вторых, я тут же пояснял, какие «дела» имею в виду: не литературное умение, не писательское мастерство, а зависть, интриганство посредственности, столь обильной в литературной среде, в подтверждение чего привел два высказывания классиков прошлого. Впрочем, все это ясно и без моих пояснений, и без цитат. А Вы — «припечатал»... Так можно сказать, что и Пушкин припечатал царя Петра, поскольку назвал его памятник «горделивым истуканом». Да много примерчиков и посвежее. В стихотворении Пастернака о Сталине есть строки:

А в те же дни на расстоянье
За древней каменной стеной
Живет не человек — деянье,
Поступок ростом с шар земной...

И вот широко известный в узких кругах критик Станислав Рассадин, подвизающийся ныне в «Новой газете», выхватил полтора словца и ликует: «Поэт сказал главное — «не человек». И это несмотря на то даже, что дальше в стихотворении есть строка:

Но он остался человеком...

Нет, вполне по заслугам Станислав Куняев в свое время у поликлиники Литфонда, дабы сразу можно было обратиться за помощью, залепил Рассадину затрещину. Вполне. Только лучше бы не за себя, а за Сталина и Пастернака... Виктор Стефанович, точно так же, как Рассадин шьет Пастернаку ненависть к Сталину, так и Вы шьете мне вражду к Шолохову, которого я будто бы «припечатал». Прием тот же самый. Один к одному... Другое дело, когда Петр Палиевский в своем отклике на мою статью написал: «Горький и Шолохов все-таки разные, и ох как». Вначале я не понял: ведь в моей ста-

тье и не говорится, что они одинаковые или похожие. Как художники они очень разные, непохожие. Я лишь говорил, что нет никого другого, кто так много сделал бы, как они, для помощи, поддержки и прямого спасения от смерти сотен, тысяч своих соотечественников — и в этом они, конечно, схожи. Надо было бы еще добавить, что Горький с его двухклассным образованием и Шолохов с четырехклассным явили собой самое яркое и убедительное свидетельство глубинной талантливости русского народа — и в этом они тоже схожи. Наконец, оба они самые знаменитые и прославленные русские писатели XX века, что опять-таки очень сближает их... Но П. Палиевский имел в виду не это, а вот какое мое утверждение: «Трудно поверить, что человек, который не понимает Горького да еще и глумится над ним, клевещет на него, может любить Шолохова». Это я сморозил. Художественные вкусы — дело слишком сложное и тонкое, не допускающее такой прямолинейности. Можно любить Лермонтова и быть равнодушным к Пушкину, любить Гюго и отрицать Вольтера и т. д. Однако

замечу, что у меня сказано «трудно поверить». Трудно, но можно. И кроме того, я противопоставляю не любовь к одному писателю и нелюбовь к другому, а любовь и глумление, клевету. Думаю все же, что при любви к Шолохову автор должен был бы воздержаться от выражения упомянутых темных страстей по отношению к Горькому, который немало сделал для младшего собрата. Впрочем, как отмечалось, в этой книге Л. Колодный и не позволил себе выпадов против Горького.

У меня такое впечатление, коллега, что Вы невнимательно прочитали книги, о которых у меня идет речь. А если внимательно, то скажите, зачем счастливый обладатель калькулятора подсчитал, например, что в «Тихом Доне» 16 евреев. Изловил! Да еще соотнес эту цифру с данными ближайшей к той поре переписи населения. Оказалось, в процентном отношении полное совпадение. Какой высокий уровень научности, да? Вот, мол, как исторически достоверен роман. Так это надо понимать? Интересно! А сколько в романе калмыков или китайцев? Почему-то не знает, не изловил ни одного. Может, помочь ему? Или самому заняться ловлей тех же евреев, допустим, у Пушкина. Презренный еврей-доносчик в «Черной шали» — раз. В «Скупом рыцаре» жид-ростовщик — два. Там же еврей Товий, торгующий ядами,— три... Увлекательное литературоведение, а? Можно сказать, совершенно новое направление. Да, пожалуй, больше того, переворот!.. Подсчитал исследователь и то, что Григорий Мелехов убил собственноручно, то есть из винтовки или зарубил шашкой, 14 человек. Зачем мне знать

это? Мне хватает и тех горьких, страшных слов, что Григорий сам о себе говорит жене: «Ха! Совесть! Я об ней и думать забыл. Какая уж там совесть, когда вся жизнь похитнулась... Неправильный у жизни ход, и, может, я в этом виноватый... Все у меня, Наташка, помутилось в голове... Я так об чужую кровь измазался, что у меня уже и жали ни к кому не осталось. Детву — и эту почти не жалею, а об себе и думки нету. Война все из меня вычерпала. Я сам себе страшный стал... В душу ко мне глянь, а там чернота, как в пустом колодезе...» И вот, когда от такого признания у читателя перехватывает горло, ибо он же видит, что не умерла в этом несчастном большом человеке совесть, если он терзается, казнит себя, признает вину, понимает, что жизнь должна быть иной,— в этот момент нам подсовывают реестрик: «Не забудьте — 14 душ!» А тут как тут же и очень мудрый критик: «Григорий в большинстве губил не абстрактные «души», а врагов, вторгшихся в его Отечество, действовав в открытом бою, обнаружив высокое воинское искусство и доблесть. Мелехов — кадровый воин, и его профессиональная обязанность — убивать людей, когда идет война. Что и говорить — тяжкий долг, но это долг перед Родиной и народом, которых солдат защищает». Ну да, ну да. Все чин-чинарем. Только что такое «абстрактные души»? А откуда это «большинство вторгшихся»? Ведь англичан, например, по калькуляторным подсчетам, только двое, французов и американцев вовсе нет. Выходит, эти враги, вторгшиеся в наше отечество — красноармейцы, то есть мужики рязанские да тульские, костромские да тамбовские. Однако кого с большим основанием можно назвать вторгшимися в наше отечество — их, голопузых лапотников, или сытых деникинцев, врангелевцев, колчаковцев, накормленных и вооруженных Антантой?

А критик еще и присовокупляет для успокоения: «Согласно «Постулату православия», «убиение врага на поле брани» отнюдь не является грехом для православного (!) воина...» Зачем восклицательный знак-то поставил в скобках? Ведь такие «постулаты» есть и у католиков, и у магометан, и у иудеев...

Свежим воздухом дыши
Без особенных претензий.
Если мудр, то не пиши
О друзьях таких рецензий...

Калькуляторский подсчет, преподнесенный в качестве научного открытия, искажает образ Григория — великого страдальца и правдоискателя. Перед нами уже не человек ог-
78
ромной притягательной силы, а убийца. Ведь при большом желании и достаточном усердии можно подсчитать многое. Например, сколько раз были регулы у Татьяны Лариной до того, как она встретила Онегина. Или сколько раз Алексей Александрович Каренин сходил в sortir за время отсутствия жены в Петербурге. Или сколько раз Василий Теркин за годы войны мылся в бане... То-то обогатится литературоведение... Человек, всю жизнь занимающийся литературой, не понимает, что есть вещи, которые не надо знать, есть дела, на которые нельзя смотреть, есть слова и мысли, которые нельзя не только говорить самому, но даже повторять за другим, даже нельзя слушать. Как вот здесь:

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернялся скорбный дух...

Ничего этого не понимает малограмотная сарынь нашего телевидения. Об этом убедительно писал Сергей Кара- Мурза. Они показывают на всю страну, как по приговору шариатского суда расстреливают женщин. Недавно мы видели, как в Иерусалиме во время уличных столкновений палестинец, прижавшись с сыном к стене, кричал: «Прекратите стрелять!.. Здесь ребенок!..» И через несколько секунд на наших глазах мальчик упал, сраженный пулей... Этот фотоснимок обошел все газеты мира... Уж не говорю о том, что Михаил Швыдкой, выполняя грязный политический заказ власти, показал по телевидению, за которое тогда отвечал, сцену группового банного секса, после чего по милости президента вместо скамьи подсудимых оказался в кресле министра культуры. Вот и теперь он мучительно размышляет: «Речь о том, меняются ли программы по телевидению или нет. О том, можно врезать рекламу сразу после репортажа о гибели подводной лодки или нет. Это крайне сложные вещи...» Вы подумайте: крайне сложные!.. Мог ли такой вопрос быть крайне сложным и вообще стоять для всех советских предшественников Швыдкого, ведавших культурой, от А. В. Луначарского до П. Н. Демичева, включая Г. Ф. Александрова, П. К. Пономаренко, Н. А. Михайлова и Е. А. Фурцеву. Для них такой вопрос просто не существовал. Извращенца, который заявился бы к ним в кабинет с предложением показать в театре или по телевидению свальный грех, они бы просто отправили в психушку — и были бы тысячу раз правы. Леонид Леонов незадолго до смерти сказал: «Ведь не так уж давно за подобные вещи на кострах сжигали...» Но
79
слушайте дальше: «Все, что касается нравственного облика нации, заключается в вечном противоречии между прошлым и будущем нашей культуры». Путинский министр хочет выдать за «вечный закон противоречия» нынешний отрыв швыдковской квазикультуры от советского прошлого, когда никакого противоречия не было, а существовало отнюдь не прямолинейное, вовсе не простое, но плодотворное развитие на основе достигнутого ранее. Швыдкие,

вместо того чтобы продолжать такое развитие, не только оторвали нынешнюю антикультуру даже от самого ближайшего прошлого и противопоставили их, но и натравили эту квази-, эту антикультуру на великую культуру нашего народа.

Но вернемся к мракобесу. Он продолжает копаться в «Тихом Доне»: «Бунчук восторженно влюбляется в недавнюю гимназистку Анну Погудко. Она деловито осваивает пулемет — орудие массового убийства. Надо всегда смотреть на события прошлого глазами того времени. Так вот, женщинам брать оружие в руки почиталось грехом и позором, а уж стрелять из него, да еще по людям... Видимо, и слов таких не нашлось бы тогда в русском языке!» А вот в языке Пушкина, смотревшего на свою современность глазами современности, нашлись восторженные слова о Надежде Дуровой, знаменитой кавалерист-девице. Она, что, басурманка была? Или Пушкин басурман? А как быть с княгиней Ольгой, первой христианкой на Руси? Летописец Нестор рассказывает, что, когда древляне прислали в Киев сватать ее за своего князя Мала двадцать знатных послов, она велела схватить их и живьем закопать. Ну, правда, своих белых ручек не замарала. «Но разве от этого легче?» — как сказал поэт. А потом она использовала оружие против древлян еще более массового поражения, чем пулемет. Это в те-то времена! Пошла войной на древлян и осадила их столицу. Древляне предложили выкуп — мед и кожи зверей. Нет, сказала княгиня, с каждого дома три воробья и один голубь. Осажденные обрадовались такой легкости дани, быстро наловили птах и доставили их русичам. А вечером вся столица запылала: княгинюшка-то белолицая приказала привязать к птицам тлеющий трут с березовой корой и отпустить. Птицы прилетели на чердаки да под застрехи, где они гнездились. И город вспыхнул!... Спаслись немногие. Это как Хиросима X века... Народ нарек ее Мудрой, церковь назвала святой. А если пробежать десять веков и спросить, что такое был знаменитый «Женский батальон смерти», созданный Временным правительством в мае 1917 года отнюдь не для парадов? Так вышло, что правительство Керенского не смогло организовать ни оборону Зимнего дворца, ни своей власти вообще,

но если бы организовало, то нет оснований думать, что смертоносные дамочки, расположившиеся с винтовками и пулеметами в Зимнем, сражались бы хуже, чем Анна Погудко. Так почему бы Временное правительство могло иметь целое воинское формирование из женщин, а для в Красной Армии даже одна женщина с оружием в руках — это грех и позор? Ведь время-то одно и то же — гражданская война. Наконец, в Великой Отечественной войне принимали участие около 600 тысяч женщин. Если мракобес думает, что они служили только в госпиталях, военторгах да банно-прачечных отрядах, он глубоко ошибается. Известно ли автору имя хотя бы только одной Марины Расковой, майора Красной Армии, командира женского бомбардировочного авиаполка? Княгиня Ольга умерла в 969 году в постели, немного не дожив до 75 лет, а тридцатилетняя коммунистка Марина погибла при выполнении боевого задания в 1943 году. Первая стала святой, вторая — Героем Советского Союза. И зачем приплетать сюда «Постулаты православия»?

Не пожалев сил для защиты вот таких «серьезных исследователей», Вы, Виктор Стефанович, опять обрушиваетесь на их обидчика: когда-де его заподозрили в плагиате, он в отличие от Шолохова правильно себя повел, хотя и был моложе,— не терзался, а ликовал и захлебывался от радости, поскольку уже тогда, в двадцать лет, знал высказывание Свифта: «Когда в мире появляется настоящий гений, вы можете узнать этого человека по обилию врагов, которые объединяются против него». А дальше уж такая лютая демагогия, что хоть святых

выноси, в том числе княгиню Ольгу: «Ему сразу стало ясно, кто явлен миру в его, бушинском лице. Конечно же, настоящий гений!» О господи... Знаете, Виктор Стефанович, если Вы еще раз напишете что-нибудь подобное, то здание «Правды», в котором на восьмом этаже Вы писали это, может рухнуть и придавить ни в чем не повинных людей, в том числе честных и талантливых сотрудников Вашей газете. Особенно жалко мне будет несравненного Валентина Прохорова, замечательного фельетониста... Да поймите же Вы, что в дни своей фронтовой юности, как, впрочем, и теперь, я вовсе не был знатоком Свифта, а радовался, получив из армейской газеты ответ, в котором выражалось сомнение, что посланные туда мной стихи мои, а не списаны из журнала, только потому, что меня, еще ни разу не печатавшегося, приняли за профессионального поэта из толстого журнала. Только поэтому! И об этом сказано в статье совершенно ясно. Откуда у Вас такая слепота?

Вы, конечно, знаете красавчика Сванидзе. Его отец, нареченный при рождении Карлом в честь Маркса и назвавший

сына Николаем в честь Чернышевского, был секретарем парткома Политиздата, главного издательства ЦК КПСС. Ну а кем стал отпрыск этого крупного партийного функционера, Вы знаете. Так вот, не так давно этот карлик назвал в своей передаче по государственному каналу наш комсомол гитлерюгендом. В «Правде», в «Советской России» и в некоторых других газетах старые комсомольцы, бывшие комсорги подняли вой — справедливый, законный вой. «Мы оставляем за собой право!..» — это у них самая первая и самая страшная угроза, дальше которой никогда ничего не идет. Они до сих пор не поймут, что тем, кому они грозят, плевать на их права. Но дело сейчас не в том. Дело в том, что читатели вашей газеты не имели морального права на свой священный вой, ибо Сванидзе лишь повторял и шел дальше в грязной клевете на пионерскую организацию, на комсомол, которая задолго до этого обрушилась на нас со страниц «Правды». Именно вы, правдисты, дали на своих страницах слово человеку, который бросал в лицо миллионам советских людей, и вам всем в том числе: «Недавние руководители советского гитлерюгенда растлили миллионы детских душ... Коммунисты семьдесят с лишним лет растлевали общество беспардонной ложью...» и т.п. Это был парижанин Владимир Максимов. Он Вам плевал в лицо, а вы и утереться не смели, то есть ни сразу, ни потом не дали оратору отпора. Где ж были ваша честь и ваше достоинство?

С коммунистическим приветом!

В. Бушин, лауреат премии «Правды».

22 октября 2000 года

САРАСКИНА КОНТОРА ПРИГЛАШАЕТ

О черная гора,
Затмившая весь свет,
Пора, пора, пора
Творцу вернуть билет!
М. Цветаева

Известный писатель-возвращенец Александр Солженицын, выдающийся пророк и, по собственной аттестации, «меч Божий», а также владелец двух огромных поместий и нескольких царских чертогов по обе стороны океана (в штате Вермонт, США, и в Троице-Лыкове под Москвой), монашеским образом жизни скопив к восьмидесяти годам деньжат и не зная, куда их теперь, на

девятом десятке, девать, учредил литературную премию своего собственного лучезарного имени, ежегодно героически отстегивая на это 25 заморских тысяч. Факт в мировой литературной жизни беспримерный. Не было прижизненных, да еще и самолично учрежденных, премий Данте или Вольтера, Байрона или Гёте, Джека Лондона или Хемингуэя. Это не пришло в голову и русским классикам — ни Толстому, ни Чехову, ни Короленко, ни Горькому, ни Шолохову, хотя все они помогали нуждающимся. Толстой спасал голодающих крестьян и перечислял свои гонорары духоборам, Чехов построил в Мелихове больницу, Короленко — кожный диспансер. Горький содержал орды нахлебников, Шолохов всю Сталинскую премию первой степени за «Тихий Дон» (100 тысяч!) отдал в 1941 году в Фонд обороны, а позже на Ленинскую построил в станице Каргинской, где жил в молодости, школу, на Нобелевскую — больницу в Вешенской. И, разумеется, они не трезвонили об этом, не устраивали пресс-конференций да публичных церемоний. Многое стало известно только после их смерти.

Откуда у пророка деньжишки? Да, видимо, прежде всего это гонорары за полубессмертный «Архипелаг», клонированный всеми русофобскими издательствами мира. И вот делец Солженицын... Он возмущается в «Новом мире»: "Да неужели же к моей борьбе с советским режимом подходит слово «делец»?» (№4, 1999). Это, Александр Исаевич, самое мягкое словцо, что к вам подходит. Делец составил жюри: первый издатель «Архипелага» известный антисоветчик и лауреат русской Государственной премии Никита Струве, живущий во Франции, последний живой пушкинист Валентин

Непомнящий, критикесса «Московских новостей» Людмила Сараскина, критик «Литгазеты» Павел Басинский, ну и, конечно, супруга фундатора Наталья Светлова, неустанно работающая там под руководством своего титана, пророка и живого классика. Отменная компания! Знаменитые имена! Блистательная плеяда! Не так ли? Кто ж не знает хотя бы, например, эту Сараскину и ее эпохальных сочинений? По некоторым сведениям, именно она, а не кто другой, играет в жюри главную роль. Если так, то это жюри целесообразно было бы именовать «Сараскина контора».

4 мая состоялось очередное вручение Солженицынской премии. На этот раз лауреатом оказался прославленный писатель Валентин Распутин. У него немало премий да наград: два ордена Ленина, Золотая Звезда Героя, кажется, две премии России, премия Льва Толстого...И все талантливый писатель получил, бесспорно, по заслугам. Но это государственные советские регалии, а вот теперь будет еще и частная антисоветская. Что ж, такое сочетание разнообразит жизнь, делает ее многокрасочной и полифоничной. Но не обременительно ли почти брежневское обилие? Имели ордена, допустим, Державин и Карамзин, однако далеконько им было до генералиссимуса Суворова. У Пушкина и Лермонтова орденов вовсе не было, удостоили их лишь звания камер-юнкера да поручика. У Толстого — Анна 4-й степени, медаль за оборону Севастополя да премия имени Островского за «Власть тьмы»; дважды выдвигали его на Нобелевскую, но он оба разе пресекал суету. У Чехова — одна-единственная премия имени Пушкина. У Блока, Маяковского и Есенина — ничего. У Горького — один орден Ленина. А ведь тут — ворох! Да еще ко всему перечисленному, что надо отметить особо, Валентин Григорьевич безропотно принял от Владимира Бондаренко, Виктора Кожемяко и других чувствительных почитателей еще и титул «совесть народа», что повыше и потяжелее, чай, титула «совесть интеллигенции», коим были удостоены ранее Старовойтовой, Чубайсом и другими чувствительными почитателями два ныне, увы, покойных академика — А. Сахаров и Д. Лихачев. А недавно кто-то еще и

водрузил Валентина Григорьевича в один ряд с Сергием Радонежским, одним из самых почитаемых у нас святых. Ну это вообще стоит трех Нобелевских. Тяжеленько. Но ничего, покряхтывая, несет он свой крест... И радует уже то, что пока нет у него премии Тредиаковского, творца бессмертной «Телемахиды», раздача которой недавно уже началась, да прославленного Чеховым персидского ордена Льва и Солнца. К послужному списку В. Распутина можно добавить, что,

став в лихие времена советником Горбачева, писатель пришел от него в восторг: «Это вообще очень мудрый человек!» («Славянский вестник», №8—9, май 1991). И это сказано было, заметьте, на седьмом году горбачевского правления! После всех его предательств внутри страны и за ее пределами, после беспримерного холуйства перед Америкой, после того, как подлинная суть самовлюбленной балаболки давно стала ясна уже всем, кому дорога родина, и честные люди мечтали, как бы избавиться от него. Факт загадочный. И не могу же я поверить, что объясняется он только тем, что у Горбачева хватило мудрости дать писателю квартиру в Москве. Нет, дело не в квартире. Тем более что, возможно, она получена и не тогда, а уже в благоуханную ельцинскую эпоху. Тогда чем же продиктована похвала? Ведь советник созерцал предателя вблизи, неоднократно беседовал с ним и должен был все понять гораздо раньше нас... Теперь-то он говорит о нем совсем по-другому: «Горбачев был слаб, труслив, сдавал позицию за позицией. Кроме того, он был неимоверно честолюбив, и слава самого заметного человека в мире вскружила ему голову, во имя ее он снова и снова жертвовал интересами СССР, жертвовал соратниками, предостерегавшими его, и дожертвовался до того, что им откровенно помыкали и извне, и внутри». Что ж, все верно, только не «жертвовал», а предавал, и надо бы добавить «на моих глазах». Да, остальное все правильно. Но простые-то смертные все это видели, понимали и в 1991-м, когда Распутин аплодировал прохиндею, и гораздо раньше, многие еще и в 85-м. А теперь-то что ж обличать отставника! Игра сделана...

Шоу 4 мая меня не удивило отчасти по причине вышесказанного. Да и вообще дело давно шло к тому. Распутин всегда пламенно нахваливал и оборонял выдающегося пророка Александра. Так, еще в 1990 году в те дни, когда советовал Горбачеву, как реформы проводить, выразил твердую уверенность в том, что «пером Солженицына водит глубинная правда, очищенная от скверны не с одной лишь стороны, чтобы скрыть другую, а выявленная полностью и издалека». Тут сразу возникал вопрос: да читал ли уважаемый почитатель сочинения своего кумира? Ведь тот давно и без обиняков объявил свое кредо: «Жизнь я всегда вижу, как луну, только с одной, с худшей стороны». Откуда же взяться у такого писателя глубинной правде, очищенной от скверны со всех как есть сторон?

В своем превознесении Солженицына будущий лауреат не остановился даже перед тем, чтобы поставить его «Архипелаг» рядом с «Войной и миром» Толстого как «луч-

шей книги о патриотизме»: «Архипелаг» он считает тоже великим достижением патриотической литературы. Об этом в 1997 году заявил в беседе с Владимиром Бондаренко, промолчавшем в ответ. Беседу опубликовала «Завтра», а потом она вошла в книгу В. Б. «День литературы» (с. 107).

Там, кстати, есть такое рассуждение: вот, мол, Толстой написал «лучшую книгу о патриотизме», но он, «как известно, не признавал патриотизма (это кому же известно? — *В. Б.)* и даже говаривал:«Патриотизм — свойство негодяев». Здесь много путаницы. Во-первых, нет писателей, которые, садясь за письменный стол, говорили бы себе: «Сем-ка взбодрю я роман о патриотизме!» И нельзя «Войну и мир» назвать «книгой о патриотизме». Толстой, просто не думая ни о

каком патриотизме, с великой любовью, с восхищением писал родную жизнь — жизнь русских людей, России, ее природы, а это и называется иностранным словом «патриотизм». Ему, как и героям романа, была свойственна, по собственному выражению, «скрытая теплота патриотизма». Во-вторых, Толстой говаривал не так, как приведено выше, а совсем иначе: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев». Но это же слова о силе и величии патриотизма: когда негодяй схвачен за руку и разоблачены все его ухищрения, он в последней надежде спастись кричит: «Я патриот! Я готов отдать последние 25 тысяч на благо любимой родины!» Это мы и слышим сейчас со всех экранов... Однажды, в 1905 году, Толстой сказал еще и так: «В этой революции я взял на себя обязанности ходатая по делам стомиллионного крестьянского народа». Мог так сказать человек, который «не признавал патриотизм»? Писатель не отрицал, что не мог преодолеть своего «патриотического пристрастия» даже во время столь драматического матча на звание чемпиона мира по шахматам между Стейницем и нашим Чигориным. А ему шел тогда уже, как ныне Распутину, седьмой десяток!.. Так что поосторожнее надо в рассуждениях о непризнании патриотизма Толстым и о самозабвенном служении патриотизму Солженицына.

А не так давно случилась такая история. В «Нашем современнике» (№11—12 за 1998 год) была напечатана о пророке Александре статья живущего в США русского писателя Владимира Нилова «Образованец обустраивает Россию». Нилов считает, что деятельность Солженицына — «преступление против родины», что он «был в первых рядах легиона могильщиков нашей страны», ибо не только поздравил Ельцина в августе 1991 года с антисоветским переворотом, а потом вслед за Окуджавой благословил расстрел Верховного Совета и защитников конституции от ельцинского наси-

лия, но и задолго до этого «растлевал национальное сознание народа, идеологически готовя страну к предательству Горбачева, Яковлева, Ельцина». Автор доказывал, что всю свою «известность в мире — и состояние! — Солженицын снискал бешеным антикоммунизмом, антикоммунизмом вплоть до гибели России» дошел в этом «даже до безразличия» к исходу Великой Отечественной войны. Действительно, добавим тут, в том самом «Архипелаге», шедевре патриотизма, он так рассуждал о возможности победы немцев: «Подумаешь! Висел портрет с усами, повесим с усиками. Украшали елку на Новый год, будем на Рождество...» Всего-то и делов. И можете вы представить себе в «Войне и мире» такое: «Эка беда, коли победят французы! Висел портрет русского царя с бакенбардами — повесим портрет бритого корсиканца...» Там же, в «Архипелаге», повествуя о той поре, когда у нас еще не было атомного оружия, пророк сообщает свое заветное пожелание: «Будет на вас Трумэн с атомной бомбой, будет!..» А оказавшись в Америке, он молится в церкви: «Господи, просвети меня, как помочь Западу укрепиться... Дай мне средство для этого!» Такие молитвы могли бы возносить и генерал Власов, и ельцинский вице-премьер Кох, и красотка Новодворская...

Статья Нилова ужасно не понравилась В. Распутину и еще двум членам редколлегии журнала — И. Шафаревичу и В. Бондаренко, друзьям титана. В четвертом номере за прошлый год они выступили с письмом, в котором предлагали в пику этой статье опубликовать о «крупном таланте, имя которого знает весь мир», такую статью, которая восстановила бы его репутацию. Даже по соображениям простой логики это было крайне странно. В самом деле, ведь до этого журнал так отменно поработал на репутацию пророка! Весь 1990 год печатал солженицынское «Красное колесо», которое, по мнению отца Михаила,

моего корреспондента из Ивановской области, «нужно нам как пятое колесо телеге». Да еще при этом Распутин печалился: «К несчастью (!), нет времени растягивать эту эпопею на годы». Он бы растянул.. Так вот, казалось бы, уж чего больше? Назовите мне за последние пятьдесят лет хоть одно произведение, что печаталось бы в 12 номерах журнала подряд. Да еще тиражом в 500 тысяч. Но это не все. В 1988 году был большой вечер, посвященный 70-летию «писателя-подвижника», а через два года в виде напутствия или предисловия, что ли, к «Колесу» журнал напечатал пять статей, написанных ораторами этого вечера на основе их выступлений. И каждый из них не какой-то заокеанский никому у нас не ведомый Нилов, а извест-

нейшие в стране авторы — орденоносцы, лауреаты, академики, Герои, секретари Союза писателей!..

И вот образчики их вдохновенной элоквенции.

Владимир Солоухин: «Солженицын — сын российской культуры, сын отечества и народа, борец и рыцарь без страха и упрека, достойнейший человек... В какой-то энциклопедии, издающейся в Англии, написано на букву «Б»: «Брежнев — мелкий политический деятель в эпоху Солженицына...»

Игорь Шафаревич: «Как писатель, мыслитель, человек, Солженицын ближе к Илариону Киевскому, Нестору или Аввакуму, чем к каким-нибудь (!) поздним стилистам (!) — к Чехову или Бунину...»

Владимир Крупин: «Я как писатель обязан очень многим, если не всем Александру Исаевичу... Страдания, которые перенес Александр Исаевич, возвышают его над всеми нами...»

Леонид Бородин: «Солженицын явился той опорой, которая была нам так нужна... «Архипелаг» — это реабилитация моей жизни (посвященной борьбе против советской власти.— *В. Б.)*... В лагерях мы считали Солженицына нашим представителем на воле. Часто он и был таковым...»

По поводу последних слов вспоминается вот что. Однажды в пору его наивысшего взлета, в дни встреч и бесед с самим Хрущевым, министр внутренних дел пригласил Солженицына и предложил ему, как он сам рассказывает, поехать по собственному выбору в любой лагерь посмотреть, как живут его братья по несчастью. Ну, подобно тому, например, как стилист Чехов, который, впрочем, зэком не был, по собственной воле и за свой счет поехал аж на сахалинскую каторгу. И что же? Да ваш «представитель», товарищ Леонид Бородин, и не ворохнулся! Пусть едут дураки да стилисты, а ему некогда, он сел на велосипед (его любимый вид спорта) и покатил с супругой на Куликово поле, о чем напишет в очерке «Захар Калита»...

Наконец, вот что сказал и сам Валентин Распутин: «Солженицын — избранник российского неба и российской земли... Его голос раздался для жаждущих правды как гром среди ясного неба... Великий изгнанник... Пророк...»

Все цитаты из «НС» за 1990 год. За такие песнопения и я, не скупясь, отстегнул бы 25 тысяч заморских, окажись они у меня в заначке от жены...

И все эти акафисты литературных звезд, как и само «Колесо», повторяю, даны тиражом в 500 тысяч. А статья безвестного В. Нилова — 13 тысяч, то есть почти в сорок раз меньше. И однако же какой всплеск благородного негодования, какая чувствительность! Словно академика Шафаревича

наконец в солдаты забрили, а у Распутина один орден Ленина отняли...

Тут, пожалуй, пора внятно сказать о дважды уже упомянутых 25 тысячах. Г. Бондаренко, сын Владимира, в репортаже о церемонии вручения премии, напечатанном в «Дне литературы», выразил намерение «снять какую-то

нездоровую суету вокруг Солженицынской премии этого года в литературных кругах (как всегда (!) вокруг того, что касается, простите, денег!). Я, простите, никакой суеты не заметил. Во-первых, по нынешним временам в мире публичности это деньги не такие уж большие, чтобы из-за них суетиться аж целым «кругам». Вот когда Бунин получил Нобелевскую, тех довоенных долларов, то действительно суетилась почти вся русская литературная эмиграция. Но дело не в этом, а в том, что автор по молодости лет глубоко ошибается, уверяя, будто у нас в литературных кругах «всегда» при денежных премиях затевается «нездоровая суета». Может быть, так стало сейчас и в тех кругах, которые Бондаренко знает лучше, чем я. Но в тех кругах, в которых свою долгую литературную жизнь прожил я сам, были, конечно, толки и споры о справедливости той или иной премии, но о денежном содержании — никогда. Получали, например, Сталинские и Государственные премии Асеев, Шолохов, Уланова, Шостакович... Позже — Смеляков, Шукшин, Федор Абрамов, Распутин... В моих кругах только радовались этому и в карман лауреатам не заглядывали. Это были честные деньги.

И ныне нас интересует не сумма премии, а то, как возникла, казалось бы, очень странная близость, общность, даже любовь Распутина к Солженицыну и какова природа сего феномена. Г. Бондаренко в упомянутом репортаже пишет об этом так: «Солженицына и Распутина, не сверстников, все же объединяет самое голодное и тяжкое для них обоих послевоенное время: для первого — время Экибастузского особого лагеря, для второго — время несытого сибирского детства». Пардон, но ведь это время «объединяет» миллионы — и что? Может, голод «объединил» Распутина и с Горбачевым, почти года два находившимся в оккупации? Они и по возрасту гораздо ближе. А тогда почему не «объединил», допустим, с Ярославом Смеляковым, голодавшим и в финском плену, и в наших лагерях при всех режимах? Но важно еще вот что: я не знаю, каким было детство Распутина, но Солженицын за всю свою жизнь никогда не бедствовал, не голодал и не знал нужды. До войны, в школьную и студенческую пору, за спиной работящей матери он в отличие от большинства сверстников так благоденствовал, что едва ли

не каждый год проводил каникулы в увлекательных туристских походах: то на лодке по Волге, то опять же на велосипедах по дорогам Крыма, то пешочком по сказочным тропам Кавказа или шляхам Украины... А сверстники все каникулы обливались потом на самых черных работах, чтобы скопить на учебу. Ну, во время войны всем приходилось туго, и вполне возможно, что в обозной роте, а потом в военном училище, где Солженицын провел почти два первых года войны, и он затягивал ремень потуже. Однако, оказавшись весной 1943 года на фронте, он, офицер, уж конечно, не ел конину, как приходилось нам, солдатушкам, допустим, той же весной под Сухиничами, что, впрочем, тоже не было голодом. Ведь не от голодной и не от смертельно опасной жизни послал он денщика за две тысячи верст в Ростов, и тот (после войны ловкач укатил то ли в США, то ли в Израиль) по умело состряпанным фальшивым документам привез Солженицыну прямо в уютную землянку молодую жену. Супруги гуляли по лесу, стреляли ворон, фотографировались, читали вслух «Жизнь Матвея Кожемякина», и жена переписывала собственные творения мужа, здесь же, под бомбами и снарядами, между атак написанные. Так продолжалось до тех пор, пока не назначили нового командира дивизиона, не терпевшего в землянках своих офицеров баб да еще с поддельными документами.

О том, как будущий живой классик и меч Божий питался в неволе, он

рассказывает сам: «Большинство заключенных радо было купить в лагерном ларьке сгущенное молоко, маргарин, поганых конфет». Но он никогда ни в чем не принадлежал к большинству и не покупал поганых конфет, ибо, по его словам, «в наших каторжных Особлагерях можно было получать неограниченное число посылок (их вес 8 кг был общепочтовым ограничением)», но если другие заключенные по бедности или отсутствию родственников все-таки не получали, то Солженицын весь срок получал от жены и ее родственников вначале еженедельные передачи, потом ежемесячные посылки.

О питании в Марфинской спецтюрьме, в «шарашке», где Солженицын отбыл большую часть срока, его покойный собрат Лев Копелев в книге «Утоли моя печали» (1991) писал, что за завтраком можно было получить добавку, например, пшенной каши; обед состоял из трех блюд: мясной суп — «именно суп», а не баланда, подчеркивал он,— «густая каша» и компот или кисель, на ужин какая-нибудь запеканка. Сам Солженицын дополняет: «четыреста граммов белого хлеба, а черный лежит на столах», да еще сахар и 20—40 граммов сли-

вочного масла ежедневно. А время-то стояло то самое, послевоенное, несытое. Имел ли все это в своей деревне Валя Распутин? Сомнительно... Картину «солженицынского ада», как выражаются критики, никогда в жизни на нарах не спавшие, дополняет по рассказам мужа Н. Решетовская: «В обеденный перерыв Саня валяется во дворе на травке или спит в общежитии (каторга с мертвым часом! — *В. Б.).* Утром и вечером гуляет под липами. А в выходные дни (их набиралось в год до 60.— *В. Б.)* проводит на воздухе 3—4 часа, играет в волейбол, гоняет на велосипеде... До 12 часов ночи Саня читал. А в пять минут первого надевал наушники, гасил свет и слушал ночной концерт». Ну, допустим, оперу Глюка «Орфей в аду». В Экибастузском лагере, надо полагать, киселей-компотов, волейбола и ночных концертов по радио не было, но и там Александр Исаевич, живя в отдельной комнате, почивая не на голых нарах, тоже отнюдь не бедствовал, о чем свидетельствует такое хотя бы письмо жене в ответ на очередную посылку: «Сухофруктов больше не надо. Особенно хочется мучного и сладкого. Всякие изделия, которые вы присылаете,— объедение!» Это голос, и речь, и желания не горемыки, изможденного трудом и голодом, а сытого и привередливого лакомки, имеющего отличный аппетит. Ну, жена выполнила очередную просьбу насчет сладкого, и вот он сообщает: «Посасываю потихоньку третий том «Войны и мира» и вместе с ним твою шоколадку...» И все это не мешает ему до сих пор время от времени сотрясать атмосферу вскликами: «Уж мне ли не знать вкус баланды!» И ему трепетно внимают все Бондаренки... Они верят, поди, и тому, что их кумир до сих пор, вот уже тридцать лет, твердит о себе, не моргнув глазом: «Я, всю войну провоевавший командир батареи...» («Слово пробивает себе дорогу». М., 1998. С. 215. Тираж 2 тыс.).

Если вспомнить Достоевского, которого так часто притягивают к Солженицыну, то, что ж, он тоже был почти доволен острожными харчами: «Арестанты уверяли, что такой нет в арестантских ротах европейской России... Впрочем, хвалясь своею пищею, арестанты говорили только про один хлеб. Щи же были очень неказисты, они слегка заправлялись крупой и были жидкие, тощие. Меня ужасало в них огромное количество тараканов. Арестанты же не обращали на это никакого внимания». Словом, у одного страдальца за щекой шоколадка, а у другого во щах насекомое шоколадного цвета, только всего и разницы. А общий итог таков: у одного — отдельная комната всего лишь с тремя соседями, кроватка с матрасиком, другой вспоминал: «Это была длинная, узкая

и душная комната, тускло освещенная сальными свечами, с тяжелым удушливым

запахом. Не понимаю, как я выжил в ней. На нарах у меня было три доски: это было все мое место. На этих же нарах размещалось человек тридцать... Ночью наступает нестерпимый жар и духота. Арестанты мечутся на нарах всю ночь, блохи кишат мириадами...» У одного — восьмичасовой рабочий день с послеобеденным мертвым часом, у другого — каторжный от темна до темна; у одного — 60 выходных в году, у другого — три: Пасха, Рождество да день тезоименитства государя; один после обеда из трех блюд валяется на травке или играет в волейбол, другой весь срок каторги ходит в кандалах; один наслаждается музыкой, чтением классики и сам сочинительствует, другой писал потом: «В каторге я читал очень мало, решительно не было книг. А сколько мук я терпел оттого, что не мог в каторге писать...» А сколько мы потеряли из-за этого!

При столь различных условиях жизни, естественно, и облик двух каторжан был весьма несхож. Когда Солженицын находился на Краснопресненской пересылке, В. Н. Туркина, родственница Решетовской, писала ей из Москвы в Ростов, для конспирации превратив молодого арестанта в молодую девушку: «Шурочку видела. Она возвращалась со своими подругами с разгрузки дров на Москве-реке. Выглядит замечательно. Загорелая, бодрая, веселая. Смеется, рот до ушей, зубы так и сверкают. Настроение у нее хорошее». Это начало срока. Ну а как Шурочка выглядела в Марфинской «шарашке», валяясь на травке или сражаясь в волейбол, мы можем представить сами. Но летом 1950 года Шурочку везут в Экибастуз. Решетовская пишет: «Он чувствует себя легко и привычно, выглядит хорошо, полон сил и очень доволен последними тремя годами своей жизни». Еще бы! Сколько маслица сливочного истребил, сколько опер наизусть выучил. И вот Шурочка на новом месте: «И не болеет, и выглядит ничего. Заверяет, что отнюдь не находится в унынии. Дух его бодр». Еще позже: «Лицо у Сани худое, но свежее и с румянцем». Столь отрадная картина вполне понятна: для человека вполне благополучно, без единой царапины миновала страшная война; весь срок заключения находясь в несравнимых условиях, он оставался совершенно здоровым и только в самом конце, в январе 1952 года, заболел, но легко перенес успешную операцию, вскоре после которой пишет, что «выглядит хорошо, чувствует себя крепко...» А вот портрет Достоевского, оставленный П. К. Мартьяновым, знавшим писателя на каторге: «Его бледно-испитое, землистое лицо, испещренное темно-красными пятнами, никогда не оживля-

лось улыбкой, а рот открывался только для отрывистых и коротких ответов по делу. Шапку он нахлобучивал на лоб до самых бровей, взгляд имел угрюмый, сосредоточенный, неприятный, голову склонял наперед и глаза опускал в землю». Ни тебе рта до ушей, ни сверкающих зубов, ни тебе румянца... Таковы портреты ушлого каторжанина сталинской эпохи и честного каторжанина царских времен. Остается добавить, что к эпилепсии Достоевский подхватил на каторге еще ревматизм, после каторги да солдатчины прожил только двадцать лет с небольшим и умер в шестьдесят лет. И опять же никакой Пушкинской или Демидовской премии. А Солженицын вот уже пятьдесят пять лет свободно сотрясает мир воплем «мне ли не знать вкус баланды!» и на всех парах мчится к своему 85-летию...

Вероятно, просто не зная многого из этого и уверив себя, что Солженицын — великий страдалец, каких свет не видывал, Г. Бондаренко делает такой вывод из своей неосведомленности: «Голод лагеря и сибирской глубинки до предела обострили чувства и чуткость Солженицына и Распутина к каждой несправедливости. И не сломали их, не превратили в человеконенавистников». Чуткость Солженицына... О, это нечто!.. Батюшка Григорий Владимирович, да

почитай же на досуге хотя бы то, что пишет ваш любимец о Достоевском и Омском остроге. Отбыв по сравнению с ним не каторжный, а санаторный срок, волейболист злобно издевается, бесстыдно глумится над истинным страдальцем и его собратьями по несчастью. И ведь, как всегда, лжет напролом.

Вот выхватил в «Записках из Мертвого дома» фразу: «Летом все ходили, по положению, в полотняных белых куртках и панталонах». И потешается: «Белые куртки и штаны! Ну, куда уж дальше?» Как известно, достославный Остап Бендер тоже считал белые панталоны символом благоденствия, но ему простительно не знать, что во времена Достоевского солдаты даже в сражение ходили в белых штанах... А вот уличает в лживой хитрости сразу трех авторов: «Ни Достоевский, ни Чехов, ни Якубович не говорят нам, что было у арестантов на ногах. Да уж обуты, иначе бы написали». Но заглянем хотя бы в чеховский «Остров Сахалин» и читаем: «Мы входим в небольшую комнату, где размещается человек двадцать... Оборванные, немытые, в кандалах, в безобразной обуви, перетянутой тряпками и веревками...» А какую обувь носил в лагере сам волейболист? Молчит. Да уж обут был, иначе бы всю жизнь трезвонил... Глумление Солженицына над каторгой Достоевского по низости и подлости можно поставить в один ряд только с тем, что он

пишет еще и о Шолохове. А нам твердят о чуткости! О господи...

После долгого раздумья с горечью и досадой приходишь к мысли, что скорее всего основа близости Распутина с Солженицыным, конечно, не голод, которого во втором случае и не было, а, как видно, общее у них отношение к Октябрьской революции и социализму, к советской власти и коммунистам. Принципиальной разницы между коммунистами, вознесшими родину до небесных высот, и ельцинской бандой, загнавшей ее на задворки мира, Распутин, как и Солженицын, не видит: «И в 17-м, и в 91-м году к власти пришла антинациональная революционная верхушка». В выступлении на X съезде писателей России в ноябре 1999 года будущий солженицынский лауреат назвал Октябрьскую революцию «подлой» («НС», №2, 2000. С. 186). Значит, как видим, и совершили ее подлецы. Мой отец, как тысячи русских офицеров, в семнадцатом году стал на сторону народа, на сторону революции. И вот его сыну теперь говорят: «Поручик Григорьев-Бушин, родитель ваш, сударь, подлец из подлецов!» Мерси... Забыть это невозможно. Одно такое словцо в устах двукратного ленинского орденоносца и «совести народа» тянет на тысяч 10—15 заморских, и, разумеется, оно привело в восторг пророка и его «Сараскину контору». Тем более что оратор еще и присовокупил: «Революция... посягнула на душу, отменив небо, но труд она отменить не могла...» А судя по всему, и сам труд был ей ненавистен, и она хотела его запретить.

Все это очень интересно, только есть маленькая неясность: как мирская власть может «отменить небо», если оно есть и кусочек его у меня в душе? Да кто ж вам, болезные, мешал размышлять и обливаться слезами, допустим, над мыслями, охватившими Пьера Безухова зимой двенадцатого года в плену у французов в подмосковной деревне Шамшево, где он с товарищами по несчастью грелся у костра, наевшись жареного конского мяса: «Жизнь есть все. Жизнь есть Бог. Все перемещается и движется, и это движение есть Бог. И пока есть жизнь, есть наслаждение самосознания божества. Любить жизнь, любить Бога. Труднее и блаженнее всего любить эту жизнь в своих страданиях, в безвинности страданий...» Так вот — что мешало? Отсутствие команды? Или под «отменой неба» имеется в виду просто отделение церкви от государства? Тогда чего ж до сих пор не добиваетесь реституции?

В дополнение к перечисленным грехам социализма Распутин еще и объявил социализм «скомпрометировавшей себя
94
обочиной». Да уж не в отличие ли от столбовой «спасительной дороги» капитализма, ничем и никогда, понимаешь, себя не скомпрометировавшего? И тут же мы услышали, что была, мол, «прямая директива Агитпропа: «Взорвать, разрушить, стереть с лица земли старые художественные формы» (там же, с. 185). Правда, никаких исходных данных этой «директивы» (кто автор, когда издана и т. д.) оратор по рассеянности не указал. А между тем ленинский орденоносец мог бы знать слова Владимира Ильича о том, что он не может и не желает преклоняться в искусстве перед новым только потому, что это новое. Да еще о таком бурном разрушителе старых форм и творце новых, как Маяковский, сказал: «Я не принадлежу к числу поклонников его таланта». А ведь из нынешних лидеров никто не посмеет сказать критическое словцо даже о Хазанове или Наташе Королевой, буйной любимице Ельцина.

Впрочем, подлость революции и коммунистов Распутин видит не только в их отношении к искусству, дело тут гораздо глубже. «Большевики не скрывали своих целей... У большевиков была идея...» Что же за цели, что за идея? Для разъяснения этой тайны писатель обращается к большому для него авторитету — к упомянутому выше пушкинисту: «В одной из последних статей Валентин Непомнящий сказал, что роковой ошибкой большевиков было то, что они не стерли с лица земли русскую классику и позволили ей спасти культуру XX века и тем самым спасти Россию» (там же). Поняли? Цель-то коммунистов состояла в том, чтобы истребить искусство, литературу, а идея — уничтожить Россию, но они почему-то роковым образом оплошали, промешкали, не выполнили помянутую директиву Агитпропа «стереть с лица земли» и только благодаря этому позволили России спастись. Вот какой душевный консенсус у Валентина Григорьевича с Валентином Семеновичем... А ведь совсем нетрудно с большой степенью вероятности предугадать судьбу обоих Валентинов, если большевики не взяли бы власть и не повели Россию к социализму. Скорее всего, первый так и остался бы вольным землепашцем иркутского села Усть-Уда. Второй запросто мог бы угодить в Бабий Яр или в Освенцим. Полезно друзьям Валентинам, поскольку оба они оказались непомнящими, напомнить и о том, что при коммунистах все семьдесят лет, начиная с 1918 года, вопреки «директиве Агитпропа» издавались-переиздавались невиданными в истории тиражами не только русские классики и советские писатели, в том числе В. Г. Распутин, но и писатели всего мира — от Гомера до Кафки, не к ночи будь помянут. Так что слова оратора — нас,
95
мол, «зовут то консерваторами, то традиционалистами, то моралистами» — следует уточнить: такие моралисты, как Солженицын и его почитатели с их поношением советской истории, истории их отцов и дедов, оказались драгоценными пособниками горбачевско-ельцинского режима. Вся разница между ними только во времени созревания.

Однако вернемся к статье В. Нилова и к протесту против нее трех членов редколлегии. По-моему, редакция поступила разумно: пригласила высказаться читателей. Они живо откликнулись, их письма напечатаны в восьмом номере журнала за прошлый год. Причем в противоположность несокрушимо согласному хвалебному хору пяти литературных знаменитостей, о котором говорилось, на этот раз редакция дала возможность выразить разные точки зрения. Разумеется, у Солженицына нашлись почитатели, но, увы, доводы их оказались однообразны и неубедительны, главный из них — «патриоты бьют по

патриотам». Особенно примечательно здесь письмо С. Н. Куликова, патриота, прекрасно освоившего язык новых русских: «Уважаемые господа... Господин Солженицын... Господин Нилов...» и т. д. Статью Нилова он объясняет «завистью эмигранта-неудачника к писателю с мировым именем, который составляет гордость русской культуры и делает честь нации». Такое объяснение вполне закономерно для новых русских, подыхающих от зависти друг к другу из-за евроквартир, фазенд и «мерседесов». Не удивлюсь, если тов. Куликов и эту статью объяснит завистью автора к мультиорденоносцу, суперлауреату, к Герою и «совести нации». И ведь как правдоподобно будет: нет же у меня ни таких наград, ни подобных званий, ни суперквартиры в Старо-Конюшенном с вертолетом на крыше, и 25 тысяч заморских никто мне не сует...

Но полезно заметить, что в подборке читательских писем преобладали совсем иные суждения о том, есть ли Солженицын гордость и честь нации и по своим ли ударил Нилов. Вот несколько выдержек. А. А. Сидоров: «Это общечеловек горбачевского типа, обладавший определенным талантом литератора, но растерявший его в антисоветской злобе... Я лично был бы совершенно безразличен к нему, если бы он в угоду русофобам не поддержал клевету на Шолохова...» П. Васильева: «Все, кто оплевывает советскую власть, мне противны. А уж такой фарисей, как Солженицын, и вовсе не по нутру...» А. В. Бобров: «В. Нилов абсолютно верно оценил Солженицына как врага нашей родины и прислужника Запада...» С. И. Анисимов: «Около пятидесяти лет Солженицын всей своей яростной деятельностью антикоммуниста нахо-

дился в стане наших самых лютых врагов... Поэтому его и прославили наши враги, за это и Нобелевскую дали. Этого «художника и мыслителя» можно с полным правом назвать одним из самых заслуженных могильщиков страны... Никаких чувств, кроме ненависти, я к нему не испытываю... За то, что произошло у нас и с нами, вина его так огромна, что ему ничем ее не искупить, и он не заслуживает никакого снисхождения... Его фигура достойна занять место среди Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе, Ельцина...» Софья Авакян: «Он — враг моей родины. Он употребил все свои силы, весь свой холодный, расчетливый фанатизм на ее уничтожение, а потому он мой личный враг на самом сокровенном уровне моей души, такой же враг, как Гайдар, Чубайс, Ростропович. И я ненавижу его... Я испытываю почти физическую боль, когда пытаются прислонить его хоть каким-то бочком к Толстому...»

Все это член редколлегии «Нашего современника» В. Распутин, конечно, читал. И его, так возвышенно говорящего о читателе, о связи, о дружбе с ним, все это не остановило: 4 мая он явился на церемонию вручения премии и произнес речь. А казалось бы, достаточно было одного лишь напоминания о злобном и самом активном участии Солженицына в травле Шолохова, чтобы опомниться. Ведь Распутин же не только недавно по случаю юбилея, но и раньше устно и письменно многократно объяснял нам великое значении творца «Тихого Дона» в нашей литературе и твердил о своей неизбывной любви к нему. А Солженицын давно исходит пещерной ненавистью свирепого одноглазого циклопа даже к его внешности: «Невзрачный Шолохов... Стоял малоросток и глупо улыбался... На трибуне он выглядел еще ничтожнее...» Одно это должно было, как током, ударить руку патриота России и ее литературы, если она невзначай протянулась вдруг за премией ненавистника Шолохова.

А тот угомону не знает: «Мой архив и сердце мое терзали чекистские когти — именно в эту осень сунули Нобелевскую премию в палаческие руки Шолохова». Его терзали! Именно так он писал и почти о двух первых годах своей

службы в армии, что провел вовсе не на фронте. Миллионы сверстников кровь проливали, оставались калеками на всю жизнь, гибли в боях за Родину, а он где-то в Сталинградском военном округе (в ту пору — глубокий тыл!) кантовался в обозной роте, а потом — в училище. И его терзали!.. На веку Солженицына было два огромных исторических события — Отечественная война и ельцинская контрреволюция. И в обоих случаях, все рассчитав, взвесив, устроив, он изловчился явиться к «шапочному разбору»: на фронт попал только в
97
мае 1943 года, после Сталинградского перелома, когда все определилось и война была уже совсем не та, что в 41 -м и в 42-м; и вернулся из Америки лишь после того, как все определилось и стало для него вполне безопасно... А Шолохов всю жизнь был на переднем крае и своими бесстрашными хлопотами в 1932 году столько земляков спас от голодной смерти, столько в 1937 году вызволил из неволи, столько великого таланта, жара души да и собственных денежных средств отдал на благо соотечественников, что сказать о нем «палаческие руки» мог только... Предлагаю читателям самим найти здесь подходящее слово для человека, способного на это,— у меня цензурных слов для него нет.

Торжественная церемония состоялась в Доме русского зарубежья. Дом тесный, и даже супруга учредителя премии жаловалась на это, но Г. Бондаренко утешает: «В тесноте, да не в обиде». А сам В. Распутин был очень доволен: «Хорошо, что это произошло в этих стенах...» И даже увидел тут некий добрый символ. Странно... Ведь не Бунина чествуют, не Иосифа Бродского. Существует же просторный Дом литераторов, там есть где и побалакать и за воротник пропустить. Нет! Там же ненавистный Солженицыну советский дух, поди, еще не совсем выветрился из туалетов. Все было им пропитано! И Александр Исаевич скорее согласился бы на американское посольство, чем на ЦДЛ... «Гостей в зал набилось много, не все и сидели»,— сообщает Г. Богдаренко. Всех их, «литературных и окололитературных» VIP-гостей и проныр-безбилетников он, как ныне принято на таких церемониях в таких домах, именует, разумеется, господами. Едва лишь порадовались мы тому, что господа не в обиде, как вдруг тут же читаем о них: «Наверное, и те и другие чувствовали себя в этом «невольном» объединении немного не в своей тарелке...» Я думаю! Вот, допустим, VIP-гость Андрей Вознесенский. Наверняка он чувствовал себя в чужой тарелке. Ведь учредитель премии сказал о нем когда-то: «Деревянное сердце! Деревянное ухо!» А он все равно тут как тут и еще, того гляди, стихи напишет об этом. Он уже давно не оставляет без своей рифмы ни один юбилей, ни одно награждение, ни одни похороны.

Церемония началась, естественно, речами, по выражению того же Г. Бондаренко, «двух знаковых русских писателей». Знаковый писатель А. С. говорил длинно и возвышенно. Он, разумеется, очень хвалил знакового писателя В. Р. Но как-то очень странно. С одной стороны, назвал его прозорливцем. Прекрасно! Но, с другой, заявил: «Он не ищет слов, не подбирает их — он льется с ними в одном потоке».
98

Красиво, но сомнительно. Как это «не ищет слов»? Пушкин, о чем буквально вопиют его черновики, искал. Толстой, по нескольку раз переписывая романы и повести, искал. Блок искал. Маяковский божился, что изводил «единого слова ради тысячи тонн словесной руды...» Да ведь и сам оратор даже в этой речи буквально землю роет в поисках нужного словца, другое дело — всегда ли удачно. Например: «перепущен срок отъезда...», «война явно при конце...», «каждение (от слова «кадило», видите ли) советскому режиму...», «повествование просочено сибирской натурой...» (то есть природой), «писатель натурально сжит

с природой...» (то есть натурально «сжит» с натурой), «писатель передает природу нутряно...» Даже о трагическом говорит так, что невольно становится смешно: «догружается неизбежность раскрыва беременности...», «Настена утопляется в Ангаре...» Я не стану это обстоятельно комментировать (о языке живого классика у нас еще будет речь), а замечу только, что в том же номере «Дня» Виктор Топоров пишет: «Сатира Ильфа и Петрова, как прежде, бьет не в бровь, а в глаз. «Инда взопрели озимые». Да разве все, что я привел, не того же пошиба?.. Так вот, все писатели, включая оратора, ищут нужные слова, и только один-единственный Распутин не ищет их, а как только возьмет перо в руки, так оно и скачет само по бумаге: трр... трр... трр... Полно, Александр Исаич, напраслину-то на человека возводить, изображая его литературным выродком.

Но еще удивительнее то, как он нахваливает повесть «Живи и помни»: «Валентин Распутин заметно выделился в 1974 году внезапностью темы — дезертирством,— до того запрещенной и замолченной, и внезапностью трактовки ее. «Все тут — привычное для велосипедиста самоуверенное кручение колес. Никто тему дезертирства и предательства не запрещал, и вовсе не была она «замолчена». Еще в 1941—1942 годах печатались в многомиллионной «Правде», в «Красной звезде», в других газетах и передавались по радио произведения, в которых были и предатели и дезертиры,— таков, например, сильный рассказ Александра Довженко «Отступник». В те же годы написана и шла во многих театрах страны пьеса Леонида Леонова «Нашествие», в которой выведена целая галерея образов предателей: городской голова Фаюнин, его прихвостень Кокорышкина, фашистский холуй Мосальский, начальник полиции Федотов... Где ж тут запрет да умолчания? А чуть ли не за пятнадцать лет до Распутина повесть, которая так и называлась «Дезертир», опубликовал у себя на родине, а потом в Москве замечательный писатель участник Отечественной войны Юрий

Гончаров, живущий в Воронеже. Еще раньше появилась повесть Чингиза Айтматова «Лицом к лицу» — тоже о дезертирстве. И вот при всем этом, не моргнув глазом, публично врет благим матом: «Запретили! Замолчали! Зарезали!» И так всегда и во всем...

А в чем же «внезапность трактовки»? А вот слушайте: «В Советском Союзе в войну дезертиров были тысячи и даже десятки тысяч, о чем наша история сумела смолчать...» Во-первых, откуда знать велосипедисту Анике о «десятках тысяч», если в истории Великой Отечественной войны он так безграмотен, что даже, как увидим дальше, не знает, где он сам-то воевал. Во-вторых, а с какой стати аж сама История должна заниматься хотя бы и «десятками тысяч» шкурников и трусов, оказавшихся в многомиллионной армии? У Истории есть дела поважнее. И потом, уж чья бы корова мычала: сам-то он любуется предателем Власовым, нахваливает мастерство фашистских летчиков, афиширует бесстрашие и ловкость румынских диверсантов, а о героизме защитников Брестской крепости и Одессы, Москвы и Ленинграда, Севастополя и Сталинграда, о мужестве всей Красной Армии не только «сумел смолчать», но и все это оболгал, уверяя, например, что в 41-м году мы бежали в панике по 120 километров в день,— да что ж тогда помешало немцам через две недели быть в Москве? И ведь сам Гитлер признавал уже в конце войны, что ни в одной кампании немецкая армия не одолевала в день больше 50 километров, и притом лишь на короткое время.

И вот венец похвалы: «В отблещенной советской литературе немыслимо было вымолвить даже полслова понимающего, а тем более сочувственного, к дезертиру. Распутин переступил этот запрет». И на девятом десятке велосипедист не устает выдавать отблещенные образцы лжи. Валентин Григорьевич, да вы

поняли, что он сказал публично и вам в глаза, или до вас не дошло сквозь трепет торжестсвенной церемонии? Я всегда считал, что герой повести Андрей — это не родной брат гоголевского Андрия, сознательно предавшего своих и заслужившего смерть, что он не шкурник и трус, а лишь оступился, допустил слабость, не устоял перед соблазном, но в жестоких условиях войны и это было недопустимо, и это привело к страшной беде. Суть повести выражена уже в самом заглавии, и я толковал его так: «Что ж, война кончилась, 7 июля 45-го года была амнистия дезертирам, черт с тобой, ЖИВИ, но всю свою жизнь ПОМНИ, какой тяжкий грех на тебе, сколько зла натворил — не только предал свою армию, своих живых и убитых товарищей, но и

стал причиной безмерных мучений, а затем и гибели любившей тебя жены, беременной твоим долгожданным сыном. Автор сурово осудил дезертира и справедливо наказал его, виновника таких бед, лишив и жены, и ребенка, и обрекая до конца дней на тяжкие мучения совести». «Ничего подобного! — заявил меч Божий.— Распутин сочувствует дезертиру!» Для предателя такое понимание повести закономерно, но как же вы, Валентин Григорьевич, могли проглотить это, смолчать да еще принять из рук такого толкователя повести премию?..

Увы, проглотил, принял да еще пять раз «спасибо» сказал в ответной речи: «великое и огромное спасибо» — персонально благодетелю за саму премию, еще одно «спасибо» — ему же за «мудрое слово», в котором он раскрыл автору глаза на его собственную повесть, два подряд «больших спасибо» — членам жюри, дружно проголосовавшим за премию, и последнее, пятое «спасибо» — аудитории, то есть Андрию Вознесенскому, Белле Ахмадулиной и всем остальным, в том числе тем, сказал он, кто «не очень понимает меня и не очень принимает мое творчество. Но это сегодня не так уж и важно». А что же важно? То, как понимает тебя учредитель премии?

Некоторые места затейливо витиеватой и несколько натужной, но возвышенной лауреатской речи В. Распутина я не совсем понял. Так, верный своей манере анонимных иносказаний, вот что он продекламировал совершенно в библейском стиле: «И погнали совесть и чистоту в рабском виде прочь из дома. И возгласил всемогущий и любимый сюзерен самого короля новый нравственный, закон: больше наглости! И кинулись исполнять вассалы это приказание по всем городам и весям... И трон самого Царя Тьмы с небывалыми почестями перенесен был в Москву...» И в своем недоумении я не одинок, вот и автор «Молнии» (№12) вопрошает: «Это о ком?» Предположил, что о Ленине... Как известно, помянутый «закон» был оглашен Чубайсом. Но почему он назван сюзереном короля «надо полагать, Ельцина?», когда на самом деле он вассал сюзерена, т. е. короля. Да и уместны ли вообще такие вызвышенно-архаичные словеса там, где речь идет о прохвостах vulgaris? Впрочем, в речи есть вещи поважнее.

То, что оратор опять поставил рядом Октябрьскую революцию и нынешний сатанинский переворот, который, по его мнению, «сродни революции»; то, что советскую эпоху, когда он лично под тяжестью гонораров и орденов, премий и звезд безбожно благоденствовал, теперь называет «мрачным временем безбожия»,— все это уже не удивляет. Озадачивает и огорчает другое. Прежде всего — дух покор-

ства, уныния и безнадежности. Так прямо и говорит, предлагая понимать это как позицию патриотов: «Мы, кому не быть победителями... Все чаще накрывает нашу льдину, с которой мы жаждем надежного берега... И на стенания этих

чудаков, ищущих вчерашний день, никто внимания не обращает. Они умолкнут, как только искрошится под свежим солнцем их убывающая опора...» Да, стенаний у нас много. Раскройте любой номер наших бесстрашных патриотических газет: «Многоуважаемый господин президент, неужели вы не видите?..», «Уважаемый господин министр, разве вы не знаете?..», «Дорогой господин губернатор, сколько можно?. .» И на стенающих никто не обращает внимания. Но я, например, на отсутствие к себе внимания пожаловаться не могу. Вот Григорий Явлинский подал на меня в суд. Разве это не знак весьма высокого внимания? А за ним и Сергей Степашин потрусил с иском к прокурору. Тоже весело. С другой стороны, вот был День Победы. И с разных концов страны от Ленинграда до Ростова, от Елгавы до Магадана получил десятка три-четыре поздравительных писем и телеграмм, не говоря уж о телефонных звонках. Некий «граф Нулин» даже стихи прислал (пользуясь случаем, всех от души благодарю). И то и другое не позволяет мне разделить уныние писателя, если в данном случае он представлял точку зрения патриотов. Не могу согласиться и с тем, что все наше общество «низким сделалось пропитано» (так в тексте!). Конечно, низкого, убогого кругом много, если даже не выходить за литературные пределы. Например, один известный академик решил внести новаторский вклад в изучение Пушкина. Привел из «Клеветников России» обращенные к Западу строки о Наполеоне:

Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы...—

и стал уверять, что здесь политический смысл выражен через сексуальный образ отменной выразительности: они же под ним дрожали! А журналист, беседовавший с академиком, вместо того чтобы сказать: «Мыслитель, а вы не злоупотребляете в своем рационе беленой?» — пришел в восторг: как тонко и смело! как своеобразно и глубоко! это ж новое слово в пушкиноведении! до такого и Непомнящий не додумался!..

Разумеется, подобные картинки удручают. Если уж восьмидесятилетние академики под напором американских фильмов становятся фрейдистами и начинают взирать на

политическую лирику Пушкина через призму секса, то дела плохи. И все же я не приемлю мрачного уныния, покорства и обреченности Распутина. Я вижу кругом множество прекрасных людей. По нынешним временам я не стал бы писать развеселую книгу в духе фильма Павла Лунгина «Свадьба» и не буду повторять за ним, что «повода для воплей «катастрофа!» нет». Поводов слишком много. Но режиссер прав: «Базовые ценности общества остались. Семья — это семья, друг — это друг, любовь — это любовь». А кроме того, думаю: не явились ли именно это тяжелое душевное состояние, такой мрачный комплекс чувств Распутина одной из причин его согласия на солженицынский билет в рай? В начале своей церемонной речи лауреат опять же в весьма скорбном тоне сказал: «Чего мы ищем?.. Мы, кто напоминает, должно быть, кучку упрямцев, сгрудившихся на льдине, невесть как занесенной ветрами в теплые воды. Мимо проходят сияющие огнями огромные комфортабельные теплоходы, звучит веселая музыка, праздная публика греется под лучами океанского солнца и наслаждается свободой нравов...» Впечатляющая картина. Но неужели среди этой публики на одном из сияющих теплоходов не видит Распутин своего кумира? Это ж он, наслаждаясь свободой нравов, под веселую музыку обрушил на нас потоки лжи и клеветы. Это он под лучами солнца ельцинской демократии веселит и греет «уже хладеющую

кровь», в частности и такими вот церемониями.

И закончилась речь возвратом к тому же образу: «С проходящих мимо блистающих довольством и весельем океанских лайнеров кричат нам, чтобы мы поднимались на борт и становились такими же, как они». Кому это «нам»? Мне, например, не кричат. И неужели Распутин опять не слышит, что кричат ему персонально: «Герой Труда! К нам, на лайнер «Новая Россия»! Да не забудь захватить орден Ленина!» И уже спущен на воду трап в 25 ступенек... Образ проходящего мимо роскошного корабля, тема перехода на другой борт, потребность поиска иного берега неотступно стоит перед писателем. (В «Правде» его речь так и была озаглавлена — «В поисках берега», в «Дне» ее подали на библейский манер — «Новый ковчег».) Еще в упоминавшейся речи на съезде писателей он говорил: «Полный переход туда, как правило, у нашего брата не получается. Не та порода, да его там и не примут как равного...» Если не та порода, то о каком переходе можно говорить? Но у «наших братьев» иной породы, у таких, как Горбачев, Яковлев, Ельцин и множество других, все прекрасно получилось, и приняты там как равные. Но

примут ли Распутина, несколько запоздавшего неофита, это большой вопрос. Горько и больно за большой талант..

На упоминавшемся съезде писателей Распутин вдохновенно говорил о нашем языке: «Один русский язык, это неумолчное чудо в руках мастеров и в устах народа, занесенное на страницы книг,— один он, объявший собою всю Россию, способен был поднимать из мертвых и до сих пор поднимал». Прекрасно! Но почему же проницательный писатель, взирая на сюзерена, не видит того, что видят читатели? Софья Авакян в уже цитированном здесь письме писала о нем: «Очеркист, публицист, причем сухой, жесткий и холодный, без намека на искру Божью. Где уж тут «глаголом жечь»!... Я бы сказала, что у него нет чувства языка, такие слова-уродцы соскакивают с его пера...» Отчасти мы это уже видели. Так можно ли талантливому писателю не понимать, что это во многом справедливо!..

С юных лет Солженицын был зубрилой, интеллектуальным рвачом, расчетливым торопыгой. Как вспоминает его первая жена Н. Решетовская, еще в студенческие годы он мечтал, чтобы у них дома стояла большая, красивая, с нарисованными лебедями ваза, доверху наполненная фантиками с мудрыми афоризмами, цитатами из классиков, датами исторических событий и т. п. А он, каждый раз проходя мимо вазы, запускал бы в нее руку, вытаскивал фантик, вызубривал и клал обратно. И так всякий день... А перед сном, на супружеском ложе — и это уже не мечта, а реальность — он заставлял молодую жену экзаменовать его по самым разным областям знаний: когда родился Пипин Короткий? сколько лет длилась Семилетняя война? о чем говорится в четвертой главе «Краткого курса истории партии»?.. В результате этой новаторской системы умственного обогащения Солженицын оказался Сталинским стипендиатом Ростовского университета, но, увы, потом, как увидим дальше, в голове у него сделалось как в роковой час в знаменитом доме Облонских. Словом, получился нахватанный образованец, причем прежде всего именно в отношении к слову.

Чувство родного языка, как принято говорить, дается нам с молоком матери, со скрипом колыбели. Потом мы лишь расширяем словарный запас. По неизвестной причине (возможно, был «искусственником»?) у Солженицына так не произошло. Он возрос почти глухим к слову, но и тут уже в зрелом возрасте стал действовать нахрапом. Только лет в тридцать узнав о словаре Даля,

приобрел его и каждый день, как пишет, выучивал наизусть по странице. Даль, конечно, прекрасен, но, как говаривал Пушкин, при «чувстве
104
соразмерности и сообразности». Солженицыну это чувство неведомо. И так — без молока матери! — лет к сорока из мешанины Даля с газетчиной (3 июня сего года: «В последнее время с Олегом Ефремовым у меня контактов не было») он сконструировал себе язык. Потому-то в нем так много натуги, безвкусицы, нелепостей и просто вздора. Драма человека в том, что он понимает важность и силу языка, но не имеет должного чутья к нему и вкуса. Мне уже не раз доводилось писать о языке Солженицына, поэтому не буду повторяться, а лишь отмечу главную тенденцию.

Солженицын давно объявил: «В душе я мужик!» А некто Бернард Левин, живущий в Англии знаток России, кажется, из Жмеринки, однажды уверял в лондонской «Таймс»: глядя, мол, на Солженицына и читая его писания, «начитаешь понимать, что означало когда-то выражение «святая Русь». Вот писатель и лезет из кожи вон, чтобы показать, какой он литмужик на святой Руси. Язык мужика должен быть насыщен пословицами, старинными речениями, простонародными словечками и т. п. Все это он без меры и насовал в свои сочинения из Даля и других источников. Поговорками да прибаутками его тексты просто кишмя кишат. А тут еще и глубочайшие афоризмы своего собственного изготовления. Например: «Отмываться всегда трудней, чем плюнуть». Кто оспорит? И тут же инструкция или, уместнее в данном случае сказать, директива: «Надо уметь быстро и в нужный момент плюнуть первым». Под этим девизом и прожил всю столетнюю жизнь. И ведь сей девизик ничуть не слабее чубайсовского партийного лозунга «Больше наглости!», так возмущающего Распутина. Это просто разные варианты одной и той же человеческой натуры. А сработал Солженицын свой девиз еще в ту пору, когда Толик Чубайс ходил в пионерах и возглашал: «К борьбе за дело Ленина-Сталина всегда готов!» Так что пальма первенства за Александром Исаевичем. Его «Архипелаг» и есть точно рассчитанный плевок.

Назойливо датируя разного рода литературные и житейские дела да факты через церковные праздники и знаменательные религиозные дни, Солженицын старается внушить нам, что он мужик еще и верующий: «Шла Вербная неделя...», «Сгущается все под православную Троицу...», «В Духов день выпустил я свое письмо...», «В Париже вышел первый том «Архипелага» на Рождество...», «Опубликовать интервью назначил 28 августа, на Успение...», «Дату нобелевской церемонии назначили на первый день православной Пасхи...» — и так далее до посинения. Ах как это похоже на нынешних новых русских, надевающих нательный крест поверх дубленок!
105

Естественно, что при такой натужности и вымученности частенько случаются промашки и даже, извиняюсь за выражение анекдотические нелепости как с языком, так и с набожностью. Есть, например, простонародное крестьянское выражение «ехать на лошади охлюпкой» или «охлябь», т.е. верхом без седла. Можно найти его у Даля: «Хоть бы охлябь, да не пеши», «Хоть охлябь, да верхом». Встречается и у Шолохова в «Поднятой целине»: «Ты поедешь охлюпкой, тут недалеко» Словцо, конечно, соблазнительное, и не устоял литмужик, сцапал - «Чем я хуже Шолохова?» - и в свой текст «Сели на лошадей охляблю...» Ишь какой хвостик присобачил! В чем дело? Да просто когда из Даля переписывал на фантик, то в вечной рваческой спешке и суете не так переписал...

А какую уморительную штуку отмочил литмужик с известными

простонародными выражениями «ухом не вести» и «ни уха, ни рыла не знать, не понимать». Он их спарил, и получился гибрид — «не вести ни ухом, ни рылом». Селекционер на ниве словесности! Мичуринец! Но тут он лишь подражает опять Окуджаве, который был шибко горазд на такие проказы Брал, например, пришедшее к нам из французского подзабытое ныне выражение «строить куры» (ухаживать, кокетничать) и спаривал его с нашим исконно русским «чинить козни» и вот один герой у него жалуется на однополчан: «Они чинят мне всяческие куры». Хоть стой, хоть падай! Но, конечно, Окуджава был, в свою очередь, всего лишь прилежным учеником мистера Кука из «Угрюм-реки» Шишкова. Помните? «На чужую кровать рот не разевать», «Пуганая корова на куст садится» и т. п. Так что жива эстафета, жив курилка-новатор, жив!.. Однако же не надо забывать, что ни бессмертный мистер Кук, ни покойный товарищ Окуджава нобелевскими лауреатами не были...

А порой случается у Солженицына и так, что он употребляет даже не искореженные или неуместные речения, а прямо противоположные тем, что требуются по смыслу. Например, там, где надо сказать «ничком» или «ниц», т. е. лицом вниз, он пишет «навзничь» — и наоборот. Или: «Офицер на зенитном пулемете выдержал поединок с тремя «мессерами». Во-первых, что значит выдержал? Сбил, что ли, всех? Или просто постреляли друг в друга и расстались? Во-вторых, какой же это «поединок», если трое против одного? Поединок — это когда Немцов и Жириновский хлещут друг другу в лицо «пепси». Это схватка Явлинского и Чубайса: «Вы уникальный лжец, дорогой Анатолий Борисович!» — «Вы уникальный бездельник, милый Григорий Алексеевич!» Толстой

однажды написал критику Страхову: «Если бы я был царь, я бы издал закон, что писатель, который употребит слово, значение которого он не может объяснить, лишается права писать и получает сто ударов розог». Вот ведь как свирепел в таком деле великий непротивленец!.. Представьте себе: соорудили помост перед памятником Толстому во дворе Союза писателей на Поварской, и наш председатель Валерий Ганичев нещадно сечет нобелевского лауреата, приговаривая: «Вот тебе за «охлюпку»! Вот тебе за «ничком»! Вот тебе за мичуринские гибриды в языке!..» Сюжет, достойный кисти Айвазовского...

Настоящий литмужик должен, конечно, еще и демонстрировать полное пренебрежение орфографией. Разумеется, в том же изобилии есть у Солженицына и это: «приуменьшать», «на мелководьИ», «заподозрЕть», «вещи бросаются в тут же стоящИю бочку», «КишЕнев», «ТарусСа», «ТартусСкий», «Керилл», «ВячИслав», «Черчиль», «Ким-ир Сен», «ФилЛипс», «восСпоминания», «агГломерат», «нивелЛировать», «балЛюстрада», «карРикатура», «асС». Он даже представил в ложном свете «анНальное отверстие»... Нам могут сказать: «Ну что вы лезете? Тут живой классик, титаническая личность, а вы суете ему «анНальное отверстие». Смешно и нелепо!» Так-то оно так, но ведь мы тут всего лишь пытаемся следовать за самим титаном. Однажды он обнаружил, что некий ответственный товарищ вместо «ботинки» написал «бАтинки», и не в книге, изданной в Париже, а в служебной деловой бумаге. На дворе стояла весна 1953 года. Солженицын только что вышел из лагеря. Но даже радость свободы не могла смягчить его гнева и презрения, он запомнил эту ужасную ошибку и через двадцать с лишним лет предал ее гласности в своем «Архипелаге», главной книге жизни. Но кто он был, тот ответственный товарищ,— один из руководителей Союза писателей? министр? академик? секретарь обкома? Нет, это инспектор одного из райпо Джамбульской области Казахстана. Да и русский язык-то для него не родной, он казах. А

ошибочку он сделал не в бестселлере, изданном многотиражно чуть не во всем мире, а в ведомости по учету товаров, составленной в связи с ревизией магазина в ауле Айдарлы. Вот какого масштаба объекты избирает титан и меч Божий для беспощадного обличения и уничтожающего сарказма. А почему? Да потому только, что деятель райпо однажды досадил будущему нобелевскому лауреату. Он такие вещи помнит всю жизнь и никому не прощает ни на Пасху, ни на Рождество, ни на Прощеное воскресенье. Сей эпизод показывает, что наши претензии к знаменитому автору го-

раздо более гуманны, чем его собственные к другим, которым он еще и придумал кличку «образованцы».

Ну и для выразительности картины приведу еще один примерчик, хотя тут речь идет уже и не о собственно языке, а все о том же рвачестве и вранье. Выступая 30 июня 1975 года! на митинге перед рабочими и профсоюзными деятелями США, Солженицын так вспомнил последние месяцы войны: «Мы думали, что вот мы дойдем до Европы (из азиатской Московии.— *В. Б.),* мы встретимся с американцами... Я был в тех войсках, которые прямо шли на Эльбу. Еще немного — и я должен был быть на Эльбе и пожать руку вашим солдатам. Меня взяли незадолго до этого в тюрьму. Тогда встреча не состоялась... И я пришел сейчас сюда вместо той встречи на Эльбе с опозданием на тридцать лет. Для меня сегодня здесь Эльба!..» Это так тронуло слушателей, что некоторые разразились рукоплесканиями, а кто-то, возможно, и прослезился. Нас удерживает от этого одно досадное обстоятельство: Солженицын на Эльбу попасть не мог, даже если бы его и не «взяли в тюрьму». Дело в том, что на Эльбе, в Торгау, 25 апреля 1945 года с американцами встретились войска 1-го Украинского фронта. А Александр Исаевич храбро командовал своей беспушечной батареей звуковой разведки в Восточной Пруссии, где, между прочим, в это время был и я. Это от Эльбы несколько далековато, поди, верст 600—700. На самом деле 48-я армия, в которой он служил, «прямо шла» на Вислу, где встречи с американцами быть не могло. Возможно, сей пассаж ошеломит читателя сильнее всего прочего. В самом деле, как это можно перепутать Эльбу с Вислой, не иметь никакого представления о том, где ты воевал? Что бы вы сказали, если антипатриот Толстой однажды заявил бы, что воевал не в Севастополе, а в Мелитополе, и плакал, скрежетал зубами при виде французского флага над Мелитополем, и написал книгу «Мелитопольские рассказы»?.. Я могу предложить поистине феноменальному заявлению Солженицына лишь такое объяснение. 48-я армия шла не на Эльбу, а на... Эльбинг. Это город недалеко от Вислинского залива. Вероятно, в наступающих войсках часто восклицали: «Эльбинг! Эльбинг!..» Солженицын не мог этого не слышать, ну и... Слышал Ваня звон... Это так характерно для рваческого характера!.. Вероятно, в его голове, как в конце концов и в доме Облонских, все прояснилось бы, доведись ему дойти до Эльбинга, но Ваню «взяли» 9 февраля, а Эльбинг взяли 10-го, лишь на другой день после того, как Красная Армия, увы, осталась без Александра Исаевича и

продолжала воевать в одиночестве... Все это правдоподобно, конечно, при том условии, если он не наврал лопоухим американцам сознательно. Но вот что самое интересное: в книгах Солженицына, изданных у нас, вы всех этих ошеломительных чудес не найдете, они только в парижском и других заграничных изданиях. Как так? Дело тут в одном из несомненных преимуществ социализма перед капитализмом: у нас во всех редакциях и издательствах всегда существовали бюро проверки и корректорские отделы, они очищали рукописи от

нелепостей и ошибок. А на прогрессивном Западе, во всем цивилизованном сообществе издатели не желают тратиться на такие службы. Поэтому если у нас Солженицын появляется перед читателями в милосердно приукрашенном виде, то там — голеньким! Бесспорно, в этом есть своя прелесть, но, как бы то ни было, а благодаря социализму Александру Исаевичу долгое время удавалось фигурировать в образе лживого, но довольно грамотного сочинителя. За одно это ему до конца жизни молиться бы на советскую власть, а он без устали хает да еще брюзжит: «Безграмотная эпоха!.. Образованцы...»

Цитированный выше читатель А. А. Сидоров, по-моему, совершенно прав, утверждая, что талант Солженицына уничтожила антисоветская злоба. Об этом писал в свое время еще и Юрий Бондарев. Злоба же лишает и чувства языка, если зачатки его все-таки есть. И тут я приступаю к самым печальным строкам своего повествования...

Мне кажется, что и у Валентина Распутина на почве антисоветизма появились признаки этой тяжелой профессиональной болезни. Нет, еще не глухоты, но уже некоторой тугоухости. Первый раз я подумал об этом еще в тот день, когда на съезде народных депутатов СССР он с трибуны сказал: «А не выйти ли России из состава Союза?..» Я обомлел... Неужели человек не знает, что ведь поистине «вначале было слово», неужели неведома ему мистическая сакраментальная природа языка, его волшебная сила?.. Есть же слова, которые просто нельзя произносить, уж тем более на всю страну. Этого не понимают иные труженики пера, готовые до бесконечности мурыжить, например, гнусную байку насчет баварского пива, но мастер-то должен знать, что

Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города...

И в разрушении нашей родины черное слово сыграло огромную роль..

А теперь мы услышали еще и такое: «Появились новые формы разговора с человеком, без художественных соплей...» Ну как это можно в столь возвышенной речи, в такой торжественный момент да еще в присутствии пророка и титана! Ведь и Шолохов, пожалуй, дал маху, когда написал: «Дед Щукарь смотрит, забыв все на свете. На кончике его носа зябко дрожит сопля, но он не замечает». Правда, тут сопля обыкновенная, а не самый отвратительный ее вид — художественная, и Щукарю же не дают 25 тысяч заморских, и я не сомневаюсь, что в присутствии нобелевского лауреата Щукарь непременно достал бы из кармана тряпицу и привел свой неадекватный нос в порядок... А тут еще в этой же фразе — «сопля». Это ли опять не тугоухость? Досадно... Однако не в этом дело.

А интересно вот что. Оратор упомянул около десятка американских писателей двадцатого века — Фолкнера, Хемингуэя, Стейнбека, даже Гарднера, заметив при этом, что «мы зачитывались ими после оттепели 60-х». Это что, обязательно, если тебе дают премию в американских долларах? А из русских писателей современности — никого, из XIX века только Пушкина и Достоевского. Впрочем, если уж нельзя было обойтись без большого набора американцев, что ж, мы не возражаем против таких «художественных соплей», но упомянем, что иными американскими писателями, как Джек Лондон или Марк Твен, мы зачитывались задолго до всяких «оттепелей»... Но вот дальше — цитата из Евангелия от Матфея. Хоть это ныне и замуслено, но как возразишь? Скажут: сталинист. Лучше напомним, что такое цитирование тоже, как и высокий штиль праздничной речи, кое к чему обязывает. Оратор сказал: «В мрачные времена

безбожия литература в помощь гонимой церкви теплила в народе свет упования небесного... Из книг звучали заповеди Христовы, и ликовала от восторга читательская душа: Он есмь...» То есть жив Христос. Прекрасно! Однако почему же «есмь»? Ведь это первое лицо единственного числа: аз есмь. А дальше-то: еси... естмы... есте... суть. Конечно, всем знать это вовсе не обязательно, но если ты употребляешь такие слова в помощь гонимой церкви, то должен за это отвечать... Божье милосердие безгранично, но все же не напоминает ли «Он есмь» отчасти солженицынскую «охлябль»? Но умопомрачительная «охлябля» все же несколько извинительнее, пожалуй, поскольку она не сопровождалась ни именами Вседержителя и Христа, ни «светом упования небесного», ни объявленным намерением помочь церкви... Другому простительно, но зна-

току Св. Писания не следовало бы говорить и так: «Над нами довлеет прошлое». Этого не терпел даже тот, кто, по убеждению Распутина, лишил его неба,— Ленин. Ибо сказано: «Довлеет дневи злоба его», что означает «Довольно для каждого дня своей заботы». И сказано это не где-нибудь, а как раз в том самом Евангелии от Матфея (6, 34), которое цитировал оратор.

И ведь до чего это характерно ныне! Нахватаются библейско-церковных словечек «окормлять», «нестроения», «Голгофа» — и ликуют: «Возрождается святая Русь!..» А часто и не понимают слова эти, как и где можно употреблять их... Однажды мне довелось назвать в статье высокого священнослужителя святым отцом. Боже, что пришлось из-за этого выслушать! «Это же издевательство! — шумели щирые патриоты.— Живого человека называть святым! Вот они — ярославско-губельмановские приемчики!..» А я недоумевал: какую жизнь прожили эти люди? с кем дружили? какие книги читали? и как читали? Пушкинского «Бориса Годунова»-то не могли не читать. А там, например, Пимен так излагает слова Грозного к патриарху и церковной братии:

Прииду к вам, преступник окаянный,
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святой отец, припавши...

Но Пушкин далеко, а вот Чехов, «Дуэль»: «Здравствуйте, святой отец! — кивнул он дьякону». Не патриарху — дьякону! Загляните еще в Лескова. А лучше-то всего просто зайти в церковь. Но некогда им заглядывать, спешат выставку своего патриотизма устроить...

Да, подобные речения требуют деликатности, ибо, как сказал Ярослав Смеляков,

Владыки — и те исчезали
Мгновенно и наверняка,
Когда невзначай посягали
На русскую суть языка...

Вот Осип Мандельштам. Уж, казалось бы, эрудит — дальше некуда, аж под завязку. Но вот что писал в своих «Стансах»:

Я должен жить, дыша и большевея,
Работать речь, не слушаясь, сам-друг...

«Сам-друг» значит «вдвоем», а ведь поэт хотел здесь сказать «один», никого не слушаясь, совершенно самостоятельно.

У Блока же в куликовском цикле читаем:

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали
И опять, опять они кричат...
И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!..»

Сам-перст, сам-друг, сам-третей, сам-четверт... Один, вдвоем, втроем, вчетвером... И опять повторю: сейчас необязательно всем это знать. Но Блок знал. В чем же дело? Да только в том, что молоко у матери Блока было совсем другое, чем у матери Мандельштама.

Но, к слову сказать, при всей непохожести двух поэтов невозможно представить ни того ни другого получающим премию в долларах, заработанных на том берегу клеветой на Россию.

КАК НА МАСЛЕНОЙ НЕДЕЛЕ МЫ ГОСТЕЙ ЖДАЛИ

В июне прошлого года в «Завтра» (№25) была напечатана моя статья «Билет на лайнер» («Сараскина контора предлагает»). Суть статьи — горькое сожаление по поводу того, что Валентин Распутин с радостью и благодарностью принял премию, учрежденную известным антисоветчиком А. Солженицыным. Меня поддержал С. Кара-Мурза. А рядом и после нас под общим заголовком «Спор славян» были напечатаны статьи В. Бондаренко и М. Назарова, которые самозабвенно перевоспитывали нас, отстаивая противоположную точку прения: да, у советского писателя Распутина много всяких премий и наград, включая Золотую Звезду Героя соцтруда и два ордена Ленина, много высоких должностей и званий вплоть до «совести нации», но прекрасно, что он получил еще и эту замечательную антисоветскую премию живого классика!..

Сошлись!..

Что ж, как бы то ни было, а позиции были выяснены, оценки даны, и, казалось бы, при нынешней насыщенности жизни событиями и заботами всем нам можно и не возвращаться к этому вопросу. Особенно В. Распутину, ибо, с одной стороны, он не знал о множестве полученных мной читательских откликов вроде таких, например, как письмо москвича В. Максина, который писал: «Повезло Распутину. Заметили его и определили к себе матерые антисоветчики — Горбачев и Солженицын». Или письмо участника Отечественной войны Ю. Н. Епейкина из Липецка: «Мое мнение о Распутине изменилось коренным образом». Или письмо Е. Г. Волкова из Новосибирска, который уверял: «Главный вопрос в том, насколько твое гражданское лицо отличается от мохнатого мурла... Можно много и талантливо писать о любви к родине, но способен ли ты, встав лицом к лицу с вражиной, врезать ему за оскорбление... Так вот, Распутин должен понимать, что одним поступком можно перечеркнуть всю жизнь». Или Н. К. Дружинина из Тулы: «Дружба Распутина с Солженицыным — закономерный итог. Тот бешено орал про-

тив Советской власти, и таким, как Распутин, это тайно грело душу, но они старались остаться в рядах почитаемых. Потому и тренькали о патриотизме. Но

пришло время — и сошлись!..»

МАДАМ ТЕНДИТНИК О ВЕЛИКИХ ГРАЖДАНАХ РОССИИ

Да, не знал, конечно, В. Распутин о таких письмах, я их не печатал. А с другой стороны, он должен был испытывать от «спора славян» тем большее удовлетворение и обрести покой, что на его защиту в лице профессора литературы Иркутского университета Надежды Тендитник поднялись земляки. Что может быть дороже поддержки земляков!.. На страницах газеты «Родная земля» (№18), членом общественного совета которой состоит и сам писатель, профессор выступила с большой статьей, загадочно озаглавленной «Область невидимой брани». Славянка Тендитник обожает Распутина, пожалуй, больше, чем когда-то Горбачев. Она именует его «великим мастером», «выдающимся стилистом», а по поводу слов Михаила Лобанова, что, мол, рановато канонизировать Распутина и величать «совестью России», профессор гневно топнула ножкой, видимо, уже не очень молодой: «Какое кощунство!» Обо мне эта славянка пишет: «Дискутировать с В. Бушиным — занятие бесполезное». И добавила, от волнения даже пропуская слова: «Пересыпанная бранью и перевертыванием сути творчества и биографии известного миру писателя просто не оставляет места для дискуссии». Мадам не оставила в этой фразе даже места для подлежащего, а для дискуссии место все-таки находит и дальше: «Бушин давно и свирепо обрушивается на все, что не укладывается в прокрустово ложе ортодоксального марксизма. Клеймил он «Новый мир» Твардовского за публикацию новых книг о войне». Меня это отчасти тронуло, ибо профессор вспомнила мою нашумевшую тогда чуть ли не пятидесятилетней давности статью «Реклама и факты» в газете «Литература и жизнь». Но в то же время огорчала непочтительность к правде: статья «клеймила» вовсе не какие-то «книги о войне» и вообще не прозу журнала, а отдел критики, возглавлявшийся Владимиром Лакшиным, и таких его авторов, как Бенедикт Сарнов, Андрей Турков, Инна Соловьева, т. е. в основном будущих демократов. Первый из этих авторов сейчас прославился антисоветской клеветнической книгой «Перестаньте удивляться», второй — возвышенными похвалами Александру Яковлеву и т. д. Ну а насчет ортодоксального марксизма — это точно. И. Соловьеву я критиковал, в частности, за выражение

«много морских узлов в час». Я решительно заявил, что такое выражение не укладывается в прокрустово ложе и с яростью марксистского ортодокса разгромил его. Не так давно звонил Инне Натановне. Жива-здорова, много работает... А мадам неудержимо продолжает и впрямь бесполезно дискутировать. То есть, вместо того чтобы привести хоть один живой пример возмутившей ее «брани» или показать конкретно, как именно «перевернута суть биографии» писателя, она продолжает то, что, как говорится, умным давно известно, а дуракам неинтересно: «Не один год занимается Бушин разоблачениями Солженицына. Чего, например, стоит его статья «Александр Солженицын — жертва невыученных уроков» («Народная правда», Ленинград, 1992)». Ну да, да, была такая статейка, в ней речь шла о комическом верхоглядстве и некачественной грамотности живого классика. Вот опять же и опровергла бы ученая дама хотя бы два-три фактика в ней. Нетушки... «С Бушиным дискутировать бесполезно»...

И она уже совсем о другом: «Когда Солженицына исключали в Рязани из Союза писателей, за него сражался великий гражданин России Эрнст Сафонов...»

Это не совсем так, мадам. Эрнст Иванович жил в Москве, был главным редактором «Литературной России». А если в Рязани сражался Сафонов, то это был его брат — Валентин Иванович. Профессора должны не путать великих граждан России.

СИНДРОМ СКОРПИОНА

Мадам продолжает: «За Солженицына сражался Твардовский». Верно, тоже сражался, и не один, а вместе с «Новым миром»: первую же рукопись гения прочитали вне очереди, заключили договор, напечатали при первой возможности с предисловием главного редактора, от критики защищали и аж на Ленинскую премию двинули. Все это не отрицал и сам гений: «Лично я ничего, кроме хорошего, от «Нового мира» не видел». Правда, это в личном письме В. Лакшину. А вот как отплатил за добро на людях, к примеру, в своем бодливом «Теленке». Сотрудникам журнала дает такие оценочки: «полдюжина новомирских редакционных лбов...», «гибрид угодливости и трусости...», «мало у них доглядчивости, вкуса, энергии делать веские художественные замечания...», «баранство»... Эти суммарные характеристики дополняются персональными. Один — «сухой, нудноватый джентльмен, оглядчивый и трусливый»; другой — «мутно-угодливый»; тре-

тий — «с настороженными ушами и вынюхивающим носом»; четвертый — «яростный кабан» и т. д. Да ведь все с конкретными именами, с известными фамилиями... А потом опять нечто суммарное: «вислоухие»... И разве только о сотрудниках! Вот однажды встретил случайно в редакции прославленного маршала — и, ни словом с ним даже не обмолвившись, ярлык: «туповатый средний колхозный бригадир». Казалось бы, «деревенщиков»-то наших одно это должно отвратить. Ведь подумать только: «бригадир» как ругательство...

Если он так крестил и случайных встречных и своих истинных благодетелей, помогавших ему в самую решающую пору его жизни, то я не удивлюсь, если скоро выйдет книга этого литературного скорпиона, где, допустим, о Шафаревиче он скажет «сухой нудноватый джентльмен»; о Распутине — «с настороженными ушами и вынюхивающим носом»; о Бондаренке — «мутно-угодливый»; о Тендитник — «яростная кабаниха» и т.д.

ВСКОРМИЛ КУКУШКУ ВОРОБЕЙ

Но, может, авторитетом для Солженицына был главный редактор «Нового мира»? Ведь большой поэт! Может, хоть его уважал, почитал, был ему благодарен? Ничего подобного! Он видел в Твардовском человека и писателя, который «важнейшей частью своего опыта» считал не знание жизни, не понимание литературы, а «хорошее знание иерархии, ходов заседательских, телефонных и закулисных»; видел в нем редактора с «вельможными навыками», установившего в журнале распорядок жизни «по культовому принципу». Будучи во всем крохобором, гений придавал огромное значение даже тому, что, когда он приходил в редакцию, Твардовский порой просил подать в кабинет чай с печеньем и сушки, и это была, по наблюдению беспощадного реалиста, «высшая форма новомирского гостеприимства». Надо заметить, живой классик вообще чрезвычайно доглядчив относительно того, что подают на стол. Довелось ему, например, присутствовать на секретариате Союза писателей, и он дотошно зафиксировал все, что было на столе: «фруктовые и минеральные воды, крепкий

чай с дорогим рассыпчатым печеньем, сигареты и шоколадные трюфели» — итого, пищевые продукты шести наименований. Но и это не по душе иезуиту! На «новомирцев» он негодовал за скаредность, а на Союз писателей — за расхищение национального достояния. О Твардовском говорит еще и так: «Он заблудившийся бес-

сильный человек...», «туповатая его опека...», «бедняга, ему искренне казалось, что он важное новое слово говорит...» И так без конца: «Бедный Александр Твардовский!..», «Бедный Александр Трифонович!..», «Бедный Трифоныч!..» Однако, несмотря на всю свою слабость и горемычность, говорит классик, Твардовский вовсе был человеком безвредным: «Он помогал меня душить...», «Он меня багром помогал утолкать под воду...» И снова, как в навязчивом бреду: «Он помогал меня душить...» Подумайте, Распутин, если он так о Твардовском, о своем крестном отце, то что может остановить его завтра сказать о вас: «Он хрястнул меня багром по голове и утащил 25 тысяч долларов». Как старший товарищ предупреждаю: будьте к этому готовы...

Со своим душителем гений не церемонился — лгал ему, обманывал, притворялся, разыгрывал перед ним гнусные фарисейские сцены — и все это божий угодник не считал ни малейшим грехом и обо всем бесстыдно рассказал... Однажды Твардовский написал Федину, возглавлявшему тогда Союз писателей, письмо о нем. С курьером, с распиской оно было доставлено адресату. Вдруг Би-Би-Си передает выдержки из письма. Твардовский ошарашен. Солженицын был единственным читателем письма, и он же говорит Твардовскому: «Вот как? Вы же мне дали читать тут, в кабинете, без выноса». Твардовский по благородству души не допуская и тени подозрения, сам же приводит довод полного оправдания собеседника: «Не могли же вы переписать все семнадцать страниц!» Тот подтверждает, что, конечно, не мог, а про себя, мысленно хихикая и потирая руки, говорит: «Верно, я только четыре страницы тогда переписал, экстракт». Этого для Би-би-си было достаточно. А другой раз сфотографировал еще неопубликованную вещь Твардовского и послал ее в антисоветское издательство «Посев», где она, к изумлению и негодованию автора, и появилась...

Вскормил кукушку воробей,
Безродного птенца.
А он возьми да и убей
Приемного отца.

МИХАИЛ ШОЛОХОВ О ЛИТЕРАТУРНОЙ КУКУШКЕ

После всего этого можно по достоинству оценить явление Солженицына со скорбной рожей на похороны своего душителя. В. Лакшин потом вспоминал: «Он умело организовал свое появление. Смерть Твардовского, как теперь видно,

была для него прежде всего средством объявиться на публике и покрасоваться под светом «юпитеров». Запомнилось критику, как Солженицын тщательно «готовился к своему театральному прощанию с покойным, который уже ничего не мог возразить. «А ведь как возражал! Например, о пьесе «Олень и шалашовка». Я бы (в случае ее опубликования) написал против нее статью. Даже бы и запретил». О «Раковом корпусе»: «Даже если бы печатание зависело целиком от одного меня, я бы не напечатал. Там — неприятие советской власти... У вас нет подлинной заботы о народе! Такое впечатление, что вы не хотите, чтобы в колхозах было лучше... У вас нет ничего святого... Ваша озлобленность

уже вредит вашему мастерству». Вскоре после выхода «Теленка» дочь Твардовского выступила с открытым письмом к его автору на страницах итальянской коммунистической газеты «Унита». Она писала: «Призывающий людей «жить не по лжи», вы с предельным цинизмом рассказываете, как сделали обман правилом в общении не только с теми, кого считали врагами, но и с теми, кто протягивал вам руку помощь, поддерживая в трудное для вас время, доверяя вам. Теперь я вижу вас целиком и полностью». Но едва ли она видела то, что именно Солженицын дал толчок всей той лжи, бесстыдству, торжествующей наглости, жульническому успеху прохвостов, что ныне захлестнули страну, прикрываясь разного рода вариантами его девиза о том, как надо жить. До чего ж точно сказал о нем Шолохов: «болезненное бесстыдство». Не случайно столп демократии Немцов взывает на всю страну по телевидению: «Читайте Солженицына!» Это голос верного и благодарного ученика...

В ЧЕМ ДЛЯ РАСПУТИНА МУДРОСТЬ ГОРБАЧЕВА?

Вернемся к Надежде Тендитник. Солженицына она защищает еще и так: да, он оправдал расстрел Ельциным парламента, «но значит ли это, что писатель всегда будет считать народный протест неоправданным?». Нет, не значит, мадам. Вполне возможно, когда Ельцин сядет на скамью подсудимых, именно Солженицын произнесет самую пламенную обличительную речь.

Защитила одного, переходит к защите другого: «В. Бушин и М. Лобанов упрекают В. Распутина за слова доверия к Горбачеву. Было такое доверие (пусть и короткое) не у одного нашего земляка». Верно, мадам, не у одного, но это слова не просто доверия, а восторга, которые, конечно, включают в

себя и доверие: «Горбачев — это вообще очень мудрый человек!» Вы слышите? Мудрый! Очень! К тому же доверие многих действительно было «короткое», а Распутин — это указано и у М. Лобанова, и у меня — восхищался Горбачевым в мае 1991 года, т. е. на седьмом году преступного владычества, незадолго до его полного краха и вышибона, когда уже всем он был давно ясен как облупленный и люди плевались при его имени... Может, обстановка складывалась так, что писатель, даже будучи членом Президентского совет, все-таки не имел возможности видеть Горбачева вблизи? Нет, по его собственным словам, он пять раз наедине беседовал с ним, пять раз пытался чего-то добиться, однако «встречал, казалось бы, полное понимание, но ничего не менялось». Значит, он знал о Горбачеве гораздо больше, чем знали все мы, и однако же, мороча голову любимому народу, продолжал его нахваливать. И тут невольно приходит мысль: так не состояла ли вся мудрость Горбачева в том, что он дал Распутину Звезду Героя и квартиру в Москве?

МЕРСИ, МАДАМ, НО...

Некоторые места статьи Тендитник заставляют задуматься о ее душевном состоянии. Действительно, вот она пишет: «В. Бушин зашифровал злобу насчет антисоветской премии в образе роскошного лайнера, куда и может попасть Распутин, принимая премию...» Да это не мой образ, мадам, а вашего земляка, выдающегося стилиста. Я же ничего не зашифровывал: открыто и прямо осуждаю писателя за эту премию. Так же прямо, как многие мои читатели, например, москвич В. С. Тимофеев: «Чудны дела Твои, Господи! Великий Русский Православный Патриотический Писатель, Живой Классик, получает

многодолларовую премию им. Александра Исааковича Солженицына!.. Долой господ патриётов, получающих иудины сребреники!.. Как жаль, что среди современных русских писателей так мало Шолоховых, но зато до черта Солженицыных, гангнусов <...> и бондаренок!..» Или А. А. Филиппов из Великих Лук: «В. Распутин пошел к Солженицыну и показал свое нутро...» С точки зрения душевного состояния профессора, особого внимания заслуживает такое место. В. Бондаренко писал: «Может быть, не потребуются новому режиму ни Солженицын с Распутиным, ни Бушин с Ксенией Мяло, ни Шафаревич, ни Татьяна Глушкова...» Тендитник процитировала это так: «Может быть, не потребуется новому режиму ни Солженицын с Распутиным, ни Пушкин с
119
Ксенией Мяло...» Бушина заменила Пушкиным как чем-то совершенно равноценным! Мерси, мадам, если, конечно, вы в своем уме. Ведь это не то что спутать братьев Сафоновых...

ПЯТЕРО ПРОТИВ ОДНОГО!..

Конечно, статья Надежды Тендитник небезупречна. Тут не скажешь: «Надежды юношей питают, отраду старцам подают...» И, может быть, на нее следовало бы, как говорил Василий Иванович, наплевать и забыть. Но все-таки это живой страстный голос землячки Распутина. Сколько здесь обличений его противников, какая самозабвенная защита любимого писателя! И мне сперва подумалось, что этот голос не мог не тронуть его сердце, не мог не содействовать умиротворению после пережитой летом бури!.. Но, увы, я ошибся. Через семь с лишним месяцев, в феврале этого года, когда многие уже и подзабыли то кровопролитное сражение, в «Советской России» под заглавием, разумеется, «Доля ты русская...» вдруг появилась большая беседа В. Распутина с журналистом В. Кожемяко, где опять о том же! Поди, лауреат и премию-то уже давно проел, а жажда отпора все не утихла. Причем оба собеседника вместе с двумя упомянутыми выше летними бойцами В. Бондаренко и М. Назаровым, почему-то не трогая С. Кара-Мурзу, терзают и поносят только меня. Их вместе с Тендитник уже пятеро, а я один. Страшно... Что делать! Но не я же лезу на рожон. Приходится отвечать...

Тем более что в октябре еще и В. Кожемяко прислал в «Завтра» гневное письмо по поводу напечатанной там моей статьи «Почему безмолвствовал Шолохов». Он писал, что я «одним махом уничтожил семь серьезных исследований о великом писателе», «припечатал и самого Шолохова», а заодно сокрушил его, кожемякину, «честь и достоинство». А о самом себе, мол, Бушин пишет «с царским самоуважением»: «Мы обороняли...», «Мы защищали...» И тут же: «Между тем все обстоит с точностью до наоборот». То есть я, Виктор Стефанович Кожемяко,— человек великого ума, чести и достоинства, а Бушин — великий шулер.

Я был за то, чтобы письмо напечатать, но руководство газеты сказало, что нет, это невозможно, ибо мы должны понимать, что печатаем, а здесь — сплошная тайна, непроглядная загадка. И было даже высказано предположение, что его сочинил вовсе не многоопытный Кожемяко, ветеран трижды орденоносной «Правды», а какой-то юный шутник с целью посмеяться над «правдистом»-пенсионером. Молодежь-то
120
ныне пошла безжалостная. Словом, письмо не напечатали. Не знаю, правильно ли это. Тем паче что все сказанное Кожемяко обо мне сейчас, в беседе с Распутиным, дает основание считать все-таки его автором октябрьского письма,

притом сильно осерчавшего из-за непубликации. Судите сами, считая, что я как «шулер» горазд «передергивать», «искажать», «извращать смысл сказанного оппонентом», «идти на сознательные подтасовки» и с помощью всего этого «буквально изничтожил писателя-патриота Распутина», он ставит перед мировым сообществом вопрос ребром: «Далеко ли Владимир Бушин от Александра Яковлева?» Того самого, которого считают главным «агентом влияния», самым крупным предателем партии и советской власти, одним из основных разрушителей страны. И вопрос этот имеет здесь чисто риторический характер, ибо из всего контекста непреложно следует: Бушин и Яковлев — близнецы-братья. Что творится у них в головах, а? То с Пушкиным меня путают, то с Яковлевым роднят...

Но на чем же основаны жуткие обвинения? Если в письме доказательств того, например, что я одним махом семь книг побивахом, нет никаких, как доказательств и всех остальных обвинений, то тут, в беседе, представьте себе, есть. Они основаны на анализе уже упоминавшегося литературного образа, использованного Распутиным, о коем в статье «Билет» писал и я.

ПУШКИНИСТ КОЖЕМЯКО И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

Но тут я вынужден осветить хотя бы отчасти интересную тему «Виктор Кожемяко и мировая литература». Точнее, речь пойдет о способности этого журналиста понимать основу всякой литературы — художественный образ. Однажды, в недалекие дни пушкинского юбилея, на страницах глубокоуважаемой «Правды» беседовал В. Кожемяко с глубокоуважаемым антисоветчиком И. Шафаревичем. Тот, видимо, желая внести свой вклад в изучение и прославление Пушкина, обратился к гордым строкам знаменитого стихотворения «Клеветникам России», которые поэт, вспомнив недавние наполеоновские войны, бросил в лицо Западу:

Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы...

И старый академик — хоть поверьте, хоть проверьте! — видимо, не желая отстать от времени, заявил, что здесь

Пушкин прибег к сексуальному образу огромной выразительной силы. Ну как же, мол, никто до сих пор не понял этого! Ведь поэт ясно сказал, что они были «под ним» и при этом «дрожали». И что же Кожемяко? Вместо того чтобы пощупать у академика пульс или сразу вызвать «скорую помощь», он возликовал: ах, как ново! ах, как смело! ах, как тонко!.. Вот его уровень понимания художественной литературы и литературного образа в частности. Мне об этом факте сексуального пушкиноведения уже приходилось писать, но об участии в нем В. Кожемяко я из большевистской солидарности до сих пор молчал. Но сколько можно!

РАСПУТИН, МАНДЕЛЬШТАМ И ПУШКИН

Художественный образ — дело тонкое. Вот Распутин при получении солженицынской премии сказал, а я в своей статье воспроизвел: «Чего мы ищем?.. Мы, кто напоминает, должно быть, кучку упрямцев, сгрудившихся на льдине, невесть как занесенной ветрами в теплые воды». Умный человек сказал: «Образ — экономнейший способ организации мысли». В нем все должно быть точно, ясно и емко. Здесь этого нет. Во-первых, почему «кучка упрямцев»? Так

писатель назвал патриотов и всех, кто не приемлет жизнь, которую нам навязывают, или кружок своих приятелей? Если приятелей, то все верно, но тогда это не имеет общественного интереса. А если патриотов, то приходится напомнить: мы не жалкая кучка — «нас тьмы, и тьмы, и тьмы». И не тупые упрямцы, а сознательные борцы против предателей Родины. Так что же именно тут? Непонятно. Такая же невнятица, как, например, в известном стихотворении Мандельштама: «Мы живем, под собою не чуя страны...» Кто «мы» — трудовой народ? советские писатели? московские евреи? Ося и Надя? Если Ося, то почему страна должна быть «под» ним? А кто виноват в том, что он не чует страну,— она? он сам? или кто-то еще? кто же именно? И так далее по всему стихотворению. А почему у Распутина льдина? Почему, допустим, не лодка, не плот? Он настаивает на ней и в беседе с Кожемяко, пригласив на нее и меня: «Мы с Бушиным на одной льдине». Откуда она появилась, от чего оторвалась? Что, только льдина и осталась под ногами патриотов? Они живут, под собою не чуя страны? В какие воды занесло льдину? А как понимать то, что воды (это подчеркнуто) не холодные, а «теплые»? А что за ветры, что за течения занесли нас в эти таинственные воды, которые бороздят роскошные лайнеры? Словом, писатель

создал образ невнятный, расплывчатый, его можно толковать и так и эдак. Сопоставьте с «Арионом» Пушкина:

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Это иносказательный рассказ о судьбе декабристов и самого Пушкина, их друга. Стихотворение написано 16 июля 1827 года в связи с первой годовщиной казни декабристов (13 июля). Тут любая частность и деталь имеют четкий смысл и ясное значение: «челн» — тайное общество декабристов, «пловцы» — члены общества, «кормчий» — полковник Пестель, «певец» — сам автор, «вихорь» — разгром декабристов, и даже «солнце» можно толковать как царя, который оказался снисходителен к Пушкину и выразил известное намерение быть первым читателем поэта; наконец, даже «скала» наводит на мысль о постоянной опасности, которая, не ровен час, могла когда угодно обрушиться на поэта и придавить его. И все это доступно ясному пониманию. Вот вам разница между гением и солженицынским лауреатом...

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ О ВЛАДИМИРЕ БОНДАРЕНКО

Заодно можно в учебных целях сопоставить образные заголовки моей статьи и В. Бондаренко. У меня все просто и ясно: «билет» — это премия Солженицына,

«лайнер» — благоухающий мир «новых русских», куда заманивают Распутина. А у него? Даже безумная обожательница Тендитник ничего не поняла: «В. Бондаренко назвал свой ответ (Бушину) «Прыжок с корабля современности», не расшифровав, кого имеет в виду и куда, с какого корабля намечен прыжок... С прыжком неясно». В самом деле, то ли здесь обыгрывается известный лозунг футуристов «Сбросить Пушкина и Достоевского с паро-
123
хода современности!» — пора, мол, вам, старичье, самим прыгать в пучину! То ли это намек на Распутина, который, дескать, схватит 25 тысяч долларов и сиганет с лайнера в море, чтобы добраться вплавь до берега, на котором с букетом цветов ждет его Тендитник. Такая же картина и с эпиграфами каждой статьи. Я взял строки Марины Цветаевой:

О черная гора.
Затмившая весь свет!
Пора, пора, пора
Творцу вернуть билет!

И опять все ясно: «гора» — Солженицын, затмивший Распутину ясный взгляд на мир, «творец» — он же, фундатор премии, «билет» — опять же премия, «пора вернуть» — призыв к Распутину не брать премию. Все понятно.

А Бондаренко взял эпиграфом строки Ахматовой:

Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне...

Да это ни к селу ни к городу. При чем здесь такие мрачные вещи, как могила, тюрьма и молитва, когда речь идет о таком радостном деле, как увесистая премия из рук самого кумира? Полный сумбур и несуразность даже в таких частностях. И это совершенно закономерно. Ломоносов был прав: «Кто неясно думает, тот неясно и пишет...» Один только заголовок и эпиграф могли побудить Н. К. Дружинина сказать: «Попытка Бондаренко хоть как-то выкрутиться, смягчить удар выглядит детским лепетом. С этим согласны все, кому я давал читать Вашу статью».

РАСПУТИН О ПОБЕДЕ КОММУНИСТОВ В МОЛДАВИИ

Я цитировал дальше: «Мимо проходят сияющие огнями огромные комфортабельные теплоходы, звучит веселая музыка, праздная публика греется под лучами океанского солнца и наслаждается свободой нравов...» Здесь я увидел удачное изображение нынешней антисоветской паразитической верхушки России. И Распутин говорит: «У меня под океанским лайнером имеется в виду торжествующий в безнравственности и зле мир...» Да, именно так, если только под словом «мир» понимать не «весь божий мир», а мир российской паразитической верхушки, антисоветскую, антикоммунистическую суть которой не отрицает и В. Кожемяко.
124
Но он при этом навязывает именно «всемирный» смысл образа: «Разговор идет о современной так называемой цивилизации, американизированной, западнизированной и все более глобально захватывающей весь мир». Однако Распутин отметает такое толкование замечанием о том, что это «мир, в который издевательски могут приглашать и Бушина и меня». Но «весь мир» нас не знает и приглашать не может, ему наплевать на нас. Мы известны в России. Именно в

российский мир антинародного зла Распутина и приглашают давно и настойчиво: сперва — Горбачев, теперь — Солженицын. А меня туда даже издевательски не приглашали и не пригласят. Почему так? Да потому хотя бы, что Распутин объявил коммунистическую идеологию «твердолобой», Октябрьскую революцию — «подлой», замшелого антисоветчика Солженицына — «мыслителем-великаном» и т. д. Он фигура перспективная, от него закономерно ждать, например, что недавнюю победу коммунистов в Молдавии он назовет «победой негодяев» и т. п. А я в этом отношении личность совершенно бесполезная.

ЗАЧЕМ ВОЛОШИН, КОГДА ЕСТЬ СОЛЖЕНИЦЫН

Я продолжал уже от себя: «Впечатляющая картина. Но неужели среди этой публики на одном из сияющих теплоходов не видит Распутин своего кумира Солженицына? Это ж он, наслаждаясь свободой нравов, под веселую музыку обрушил на нас потоки лжи и клеветы. Это он под лучами солнца ельцинской демократии веселит и греет «уже хладеющую кровь», в частности и такими вот церемониями, как вручение премий». Иначе говоря, я целиком отношу миллионера Солженицына, владельца двух поместий по обе стороны океана, к помянутой благоденствующей верхушке, и именно его, так много сделавшего для ее победы, я вижу главной фигурой на лайнере, возникшем в воображении Распутина. Пушкинист Кожемяко, конечно, ничего не понял и тут: «У Бушина получается, что власти зовут вас, Распутина, персонально на лайнер «Новая Россия». И вы, соблазнившись, польстившись на приманку, предаете товарищей-патриотов...» Повторяю: позвали Распутина не власти, не Касьянов или Волошин. Зачем, когда есть Солженицын, которому, мягко выражаясь, делить с властями нечего? Он, литературный олигарх, и позвал. И потом, разве это так невероятно, что власти иной раз и сами зовут тех, кто им нужен. Разве Кожемяко не знает, что в свое время Ельцин соблазнял то орденком Юрия

Бондарева и Геннадия Селезнева, то Золотой Звездой — генерала Рохлина. И что? Один принял орденок. Другие отказались, и что было потом, всем известно... А что касается предательства, то ведь у меня о нем речи нет — это образец кожемякинского таланта говорить за других. Но вот что, однако, пишет мне, например, Е. А. Коротких из Нижнего Новгорода: «В оценке А. Солженицына я с Вами абсолютно согласна. Это двуликий Янус 96-й пробы. Каким он был, таким и остался... А вот В. Распутин меня очень огорчил. Пожалуй, не погрешу против истины, если скажу, что он предал своих читателей. Приходится только сожалеть об этом». Еще резче судит А. А. Севастьянов из поселка Индустриальный Саратовской области: «Если не признать (и не назвать!) предательством России получение премии из рук одного из главных ее могильщиков, то можно не суетиться ни бондаренкам, ни зюгановым — в таком случае России не подняться никогда!» А читатель Н. В. Васин из Ленинграда считает, что, молча выслушивая, как его собеседник поносит коммунизм и нахваливает антисоветчика Солженицына, В. Кожемяко, работник органа КПРФ, «предает и свою газету и свою партию». Читатель не знает, что журналист и сам не так давно держал Солженицына за гения.

МОЛЧАНИЕМ ПРЕДАЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО БОГ

Сожалением, горечью пронизана и вся статья «Билет на лайнер», в которой, как уверяет все тот же Кожемяко, я «буквально изничтожил писателя». Привел

бы хоть один пример если уж не смертельного удара, то хотя бы грубости. Не могут сыскать они даже вдвоем с мадам Тендитник! Действительно, как обратить в грубость такие, например, слова: «талантливый писатель...», «прославленный писатель...», «горько и больно за большой талант...», «с горечью и досадой...» и т. д. К тому же, упомянув о многочисленных наградах и премиях Распутина, я внятно сказал: «И все талантливый писатель получил, бесспорно, по заслугам». Другой вопрос — надо ли их столько. Я также решительно отмел лживое, «под себя», солженицынское толкование распутинской повести «Живи и помни» как произведения «сочувственного к дезертиру». Это он сам, Солженицын, всей душой сочувствует и генералу Власову, и немецкому летчику, и румынскому диверсанту, орудовавшему у нас в тылу. Я писал: «Распутин сурово осудил дезертира и справедливо наказал его, виновника страшных бед». Солженицын, как всегда, врал, будто

тема дезертирства была у нас запретной, и вот, мол, Распутин первый осмелился сказать словцо. Я напомнил бессмертному классику, что на эту тему были произведения еще во время войны. И в нравственном решении темы Распутин следовал за старшими товарищами, а Солженицын хочет оторвать его ото всех и всем противопоставить как своего единомышленника. И тот, принимая из рук благодетеля чек, промолчал, не посмел защитить свою оболганную повесть.

РАЗРЕШЕННАЯ СМЕЛОСТЬ

Между собеседниками на страницах "Советской России" шло соревнование: кто скажет о Бушине словцо почерней, пооскорбительней? Ну, с достижениями Кожемяко мы уже знакомы. А Распутин? О, он далеко превзошел простодушного правдолюба. Приведу лишь один, но, может быть, самый блистательный пример: «Разве не зачитывались мы «Одним днем Ивана Денисовича» и рассказами Солженицына и разве не он в «Красном колесе» показал нам роль Февраля — роль, которую мы тогда знали слабо?.. Бушин может ответить мне, что он не зачитывался и знал, что это только я зачитывался и не знал,— и это будет неправда: Бушин по своей сыскной способности все знать мог знать и об этом (но не написал же!), а Россия, свидетельствую, во многом жила в отношении своего прошлого в потемках». По-моему, сказано это довольно коряво: пятикратное подряд употребление глагола «знать — не знать» сбивает с толку, но многое, конечно, понять можно. Так вот, прежде всего, не надо бы свидетельствовать от лица всей России, если даже приятель называет тебя за кружкой пива «совестью нации» или «отцом народа». Не надо хотя бы потому, что все равно не превзойти того, кто уже давно сказал: «Моя фамилия — Россия, а Евтушенко — псевдоним». Кроме того, не следует придумывать за оппонента ответы на свои вопросы и потом клеймить его: «Неправда!» Я, конечно же, не отвечу, как Распутин предполагает, что не читал «Один день» и другие рассказы Солженицына. Не только читал, но и написал о них несколько больших одобрительных статей, которые тогда были напечатаны в ленинградской «Неве», в воронежском «Подъеме», а через АПН — во многих газетах страны. К слову сказать, прочитав статью в «Подъеме», которая была напечатана с такими трудностями, какие Распутину никогда и не снились, Солженицын 2 января 1964 года поделился со мной радостью из Рязани: «Эта Ваша статья кажется мне очень глубокой и

серьезной — именно на том уровне написана она, на котором только и имеет смысл критическая литература... Жаль, что из-за тиража журнала статью мало кто

прочтет» и т. д. Теперь они цитируются, например, в сборнике документов о Солженицыне «Слово пробивает себе дорогу» (М., 1998. С. 59—60, 129—131). Да, охотно цитируются, ибо это же были, говорю, положительные статьи: ведь поначалу Солженицын предстал перед нами в идеальном образе героя, прошедшего со своей батареей всю войну, ни за что пострадавшего («жертва культа личности»!) и вот продолжающего борьбу против несправедливости. Мало того, когда Солженицын в свое время разослал по 250 адресам свое известное письмо к IV съезду писателей СССР (как потом выяснилось, насквозь лживое), то большая группа писателей, в свою очередь, тоже обратилась в президиум съезда с предложением предоставить Солженицыну слово на съезде, и я был в числе тех, кто подписал это письмо (цит. соч., с. 217). Тут же, прислав телеграммы, к нашему письму присоединились, например, москвич Валентин Катаев, ленинградцы Виктор Конецкий, Владимир Соснора и другие... А где же был тогда Распутин? Нет ни его подписи под коллективным письмом, ни отдельной телеграммы. А ведь он был уже автором нескольких книг и расхваленной повести «Деньги для Марии». Да и вообще, как писал С. Залыгин, «Распутин вошел в нашу литературу сразу же, почти без разбега», т. е. с первых публикаций в самом начале 60-х годов... Упомянутый В. Соснора, ровесник Распутина, был тогда автором тоже двух книг, в отличие от распутинских не столь восторженно встреченных критикой. Он писал в своем письме: «Мне тридцать один год. Из них три года я служил в армии, шесть лет работал слесарем на заводе, остальные годы — блокада, партизанский отряд, послевоенный голод... Мое имя смутно, мой голос слаб, но как член Союза писателей я считаю себя вправе...» (цит. соч., с. 229). И он присоединялся к нам. А имя Распутина, может быть, именно потому, что он ни в армии не служил, ни слесарем не работал, ни блокады, ни партизанского отряда не знал, а все только, как отмечают биографы, писал да читал — Фолкнера и Хемингуэя, Достоевского и Бунина,— имя Распутина было не смутно, и голос уже давно не был слаб... Но гораздо показательнее то, что он молча сидел со своими восторгами Солженицыну — ни словечка хоть письменно, хоть устно! — еще почти двадцать лет и подал голос только в 1988 году, к семидесятилетию кумира, когда уже было сказано: «Все дозволено!» Глядя на смельчаков той поры, уместно вспомнить слова Маркса:

«Нет большей низости, чем разрешенная смелость». Со временем стало ясно: почти все, что Солженицын писал и рассказывал о себе, оказалось ложью. Он бесстыдно и ловко провел нас. И честные люди, искренние патриоты, встретившие его появление приветливо, решительно и гневно отвернулись от него. Их оказалось много — от Шолохова до Симонова, не говоря уж о миллионах читателей. Среди этих людей был и я.

СЫСКНОЕ БЮРО СОЛЖЕНИЦЫНА

Но не просмотрели ли вы, читатель, самую-то роскошную жемчужину в драгоценной россыпи Распутина? Вот она, полюбуйтесь еще раз: «...уникальная сыскная способность (Бушина) все знать». Вдумайтесь: писатель презрительно высмеивает стремление человека как можно больше знать, он высокомерно глумится над желанием собрата быть возможно более осведомленным, эрудированным в том, о чем пишет. Фолкнер это называл обскурантизмом, Достоевский — мракобесием. Да, прав тут правдолюб Кожемяко: «Многие даже не замечают, насколько они изменились за последнее время». Их раздражает, что

есть люди, берущие примеру трудолюбия и добросовестности с Пушкина, Толстого, Горького... Им сподручнее тяп да ляп: «Он есмь...» А если Распутину уж так хочется поговорить о сыске, то могу предложить ему интереснейший материал на эту тему из жизни его великого кумира. В ряде наших журналов были публикации о тайной доносительской работе Солженицына в лагере. Последняя из таких публикаций — документальный очерк «Каким ты был, таким остался» принадлежит перу С. Никифорова, товарища Солженицына по заключению. «Нет, разлюбезный Александр Исаевич, извините, это не так»,— пишет автор и на конкретных фактах показывает его лживость, разоблачает клевету, приводит доподлинные тексты его доносов. Желающие могут ознакомиться с этим увлекательным очерком в «Нашем современнике» №11 за прошлый год. А я хочу лишь заметить, что если кто был доносчиком, тот легко и просто, без всяких нравственных сомнений и душевных колебаний может и сам пользоваться доносами других — это лишь другая сторона той же медали. Что мы и видим, например, на отношении Солженицына к «Новому миру», о чем он без малейшего смущения поведал в своем «Теленке». Мы узнаем, что он всегда старался «сперва разведать, чем пахнет» в редакции. Больше всего ему помогала в этом давняя

сотрудница отдела прозы Анна Самойловна Берзер, с которой он завязал весьма тесные отношения. Так и пишет, что именно «по рассказам Берзер вызнавал, что там, в редакции, делается». Потом ее «рассказы» он назовет более точным словом. Но Берзер была не единственным лазутчиком, точнее сказать, агентом, как дальше говорит он сам. Солженицыну удалось создать нечто вроде частного сыскного бюро и проникнуть с его помощью не только в «Новый мир», но и в другие интересовавшие его литературные и нелитературные инстанции. В повествовании об этой поре своей жизни у него то и дело мелькают такие признания: «из редакции по секрету передали мне новость...», «получил я агентурные сведения...», «принесли мне завтрашнюю «Литературку», выкраденную из редакции...», «разными путями мне передают: такой-то говорил о вас такую-то ложь...» и т. д.

В результате созданной им системы тотальной слежки за «Новым миром» Солженицыну действительно было известно многое из жизни редакции. Знал, например, что происходило на партийном собрании: кто был, кого не было, кто как говорил о нем, зачем звонили в редакцию из райкома партии, какой разговор был у руководителей журнала с работниками ЦК и т. п. При такой налаженной работе получаемые сведения надо было как-то фиксировать, систематизировать. Он и делает это, заводит досье. Там записано, например: «В. Я. (Лакшин) принимается Твардовским предпочтительно перед другими сотрудниками, легко вхож к нему в кабинет... В 1966 году В. Я. вступил в КПСС» и т. д. Завел папочку «Я и Союз писателей» — «там всякие бумажонки... И доносы мне: где что про меня сказали». Так прямо и называет вещи своими именами: доносы, агенты. Солженицын не останавливается даже перед прямым воровством из редакции или у самого главного редактора нужных ему «бумажонок», но об этом на примере письма Твардовского Федину речь уже шла раньше. Вот, Валентин Григорьевич, что такое уникальные сыскные способности. Чего ж молчите?

НАДО ЖЕ! ЛОМЯТСЯ В ОТКРЫТУЮ ДВЕРЬ

Прочитав беседу в «Советской России» двух светочей гуманизма, я надолго задумался. Как же им ответить?.. Вспомнил, что есть в моей почте письмо

москвички Н. А. Кочановой. Оно в защиту и Солженицына и Распутина. Может, послать им, чтобы умиротворить и на этом окончательно завершить дело?
130

Стал вчитываться: «Уважаемый Владимир Сергеевич! Что же Вы так остро отреагировали, что В. Распутину присудили премию Солженицына? Неужто он, русский писатель, недостоин?»

Господи, ведь в эту же дверь, не понимая, что она открыта, ломится, заикаясь от волнения, и Бондаренко: «Надо же... Надо же... Надо же... Все премии России присуждаются либералам-западникам... И вдруг Александр Исаевич дает пример литературной объективности...» Да не об этом же речь, не о премии самой по себе, я, может, сам дал бы ему 100 тысяч рублей, если бы были. Речь о том, из чьих рук премия. Распутин взывает: «Солженицын не нуждается в моей защите... Но умейте в великане признать великана». Мы и признаём. Точно так же, как сам Распутин признаёт «мародерское величие Чубайса». А что касается объективности, пленившей Бондаренко, то где она там, если выдают премию писателю, который и так давно с головы до ног увешан премиями и наградами, ни от одной из коих не отказался. Тут антисоветчик Марк Захаров, публично спалив свой партбилет, выглядит достойнее.

Я читал письмо Кагановой дальше: «Зачем Вы льете поток грязи? Это недостойно Вас. Вы мечете ядовитые стрелы в А. Солженицына: он это, он то, он поддержал Б. Ельцина и т. д. Народ тоже поддержал — ошиблись...» Да, Нина Алексеевна, народ ошибся — его, непомерно доверчивого, обманули красивыми словами. «Больше социализма!», «Долой привилегии!», «Гласность для всех!» Но тертый калач Солженицын не это поддержал, а кровавый расстрел своих соотечественников. Отдавая приказ стрелять, Ельцин не лицемерил, никого не обманывал. Неужели не понимаете, какая разница между словами и пулями, между потоком пустых слов и потоком крови? А что касается «потока грязи», т. е. лжи, то у Вас, как и у всех, о ком я уже говорил, нет ни одного примера. Вот я говорю, допустим, что Вы, Нина Алексеевна, к сожалению, не шибко грамотно пишете и в доказательство привожу примеры из Вашего письма: «Владимер... болезнено... перемия... отрегировали... чудовещная компания (вместо «чудовищная кампания»)... экспрементировать... не выдет (вместо «не выйдет»)... оставте... эфективен... и т. д. Я думаю, что это убедительно. Вот и Вы сделайте так же: приведите сообща сколько найдете примеров лжи, и я не только поблагодарю всех, но и готов извиниться, как не раз благодарил читателей за правильные замечания, как извинился, например, однажды перед молодым Бондаренко, которого вгорячах обложил. Причем обложил не публично, а по телефону, но извинился при свидетелях. А разве ему могло прийти на ум извиниться хотя бы по телефону передо мной, его отцом по
131
возрасту, за свою клевету в своей статье. Он может лишь писать об уважении к фронтовикам, ветеранам и т. д. Тут одно из главных различий между коммунистами и антисоветчиками с их учениками.

Дальше: «Валентин Распутин наш русский писатель, наша надежда, наша национальная гордость...» Очень хорошо, но об этом уже много раз писали многие авторы от Бондаренко до Тендитник, причем гораздо выше градусом. Так что эти похвалы едва ли порадуют Распутина. Нет, решил я, не стоит посылать ему письмо Кочановой.

СТРАСТИ БОРОДАТОГО КОМСОМОЛЬЦА И БРИТОГО БОЛЬШЕВИКА

Вожусь я с письмами, и вдруг, слышу, жена говорит дочери по телефону: «Завтра масленица. Я блины поставила, приезжай!» Что? Масленица?! И меня осенило... Надо все-таки иногда во имя высших интересов нации наступать на горло собственной песне, надо! И я тотчас решил написать письмо Распутину, пригласить его на блины и с глазу на глаз объясниться. Но что такое? В писательском справочнике есть только его телефон, а адреса нет. Помнится, в былые времена там были адреса самых знаменитых писателей: Фадеева, Твардовского, Симонова... А тут — словно живьем взят на небеса... Что делать? Пришлось писать на имя Кожемяко, у него даже два верных адреса — «Правда» и «Советская Россия». И вот я написал и утром 19 февраля в первый день масленицы отправил электронной почтой для верности по обоим адресам:

«Дорогой Виктор Стефанович!

Помните «Послание пролетарским поэтам» Маяковского?

Товарищи, позвольте без позы, без маски,
как старший товарищ, неглупый и чуткий,
поразговаривать с вами, товарищ Безыменский,
товарищ Светлов, товарищ Уткин.
Мы спорим, аж глотки просят лужения,
мы задыхаемся от эстрадных побед,
а у меня к вам, товарищи, деловое предложение:
давайте устроим веселый обед!

А, Виктор Стефанович? Благородный пример! И все подходит! Вы там с Распутиным надрываете еще нелуженые глотки, ломаете головы, считаю ли я вас после вашей милой беседы «своими», как вы сказали, хочу ли я с вами

«знаться», как выразился Валентин Григорьевич, или задумал окончательно «изничтожить» двух больших патриотов, а у меня, у не такого уж глупого и довольно чуткого старшего товарища, деловое предложение: настала масленая неделя, так приходите на блины. Жена моя Татьяна Николаевна — большая мастерица по блинной части. Есть у меня в заначке и бутылочка «гжелки» нетронутая. «Кристалл»! Посидим, посудачим, подумаем, как жить дальше. Можете и Александра Исаевича прихватить с собой. Тоже рад буду. Ведь мы с ним когда-то переписывались, дарили друг другу свои сочинения с душевными надписями, нахваливали друг друга. Неужто нынешнюю нелюбовь нашу тащить в третье тысячелетие? Смешно. Да и Бондаренко не помешает, и для него блин найдется. Право, приходите, так-то славно вечерок скоротаем.

Между прочим, ведь Маяковский приглашал среди других Безыменского при очень непростых отношениях между ними. Помните знаменитую эпиграмму классика?

Уберите этого бородатого комсомольца!
Нет житья от него ни дня:
Он то на меня неистово молится,
То неистово плюет на меня.

Ну, вы, конечно, не бородатый комсомолец, а бритый большевик, но как подходит к нашим с вами отношениям все остальное! Вспомните, вы то кидаетесь ко мне с объятьями и поцелуями (был такой эпизод в Доме союзов), то, как содержатель публичного дома, в споре со мной на эстетическую тему доходите в экстазе до похабной матерщины, да еще в своем служебном кабинете и в присутствии моего интеллигентнейшего друга С. Г. Кара-Мурзы. То пишете

обо мне восторженную статью, из которой читатель узнает, что «основа нестареющей молодости писателя Бушина в том, что он никогда и никого не предавал» и «никто не воздал по заслугам сильнее, чем Бушин, всем этим Яковлевым», то теперь вдруг этому предателю Яковлеву меня и уподобляете... Совершенно как Безыменский! Однако же я не говорю: «Уберите этого бритого большевика!» Я приглашаю вас на блины. Только с одним условием: пожалуйста, без матерщины. Оставьте ее в своем кабинете, заприте на ключ. Моя жена этого не переносит.

За бутылочкой «гжелки» мы обсудим, в частности, такой вопрос. Вот передо мной ваша беседа с Распутиным в «Правде». Тут же его фотография с Василием Беловым и Владимиром Крупиным на Байкале. И подпись: «В. Распутин со своими друзьями». Так вот, один из этих друзей недавно

133

прислал мне свою книгу с дарственной надписью, где есть и такие добрые слова: «Володя, живи дольше!» Другой однажды на страницах «Завтра» бухнул: «Бушин — лучший критик современности» (Будто он знает, какие критики сейчас на Мадагаскаре!). Интересно, как теперь, назвав меня «ретивым пером», относиться Распутину к этим друзьям. Не объявить ли одного из них на страницах той же «Советской России» невеждой и тупицей, а второго — «ретивым языком»? Заодно обмозгуем, кому больше подходит эпитет «ретивый», мне, Распутину, вам или Бондаренко (Солженицын вне конкурса). И то сказать, я-то сижу сиднем за письменным столом да кропаю свои нетленки. Ну, правда, один разок отлучился на войну и вернулся через три года с медалькой «За отвагу». А Распутин то мчится в Кремль за орденом Ленина, то за вторым, то за Звездой Героя, то за Госпремией. Переведет дух — и опять рысью то в Президентский совет к дружку Горбачеву, то на съезд народных депутатов, то за ордером на квартиру, то к Солженицыну за его зелененькой премией. Это ж какую ретивость надо иметь!.. Да ведь и вам, Виктор Стефанович, не откажешь в ней: то вы в одной газете, то в другой, то, отталкиваясь от увиденной вами заборной надписи какого-то психа, затеваете дискуссию читателей о патриотизме. А Бондаренко! В одной газете он главный редактор, в другой — заместитель главного, в «Нашем современнике» — член редколлегии, в «Роман-газете» — тоже, и на всех вечерах он — ведущий, на всех юбилеях — главный оратор, на всех застольях—тамада или виночерпий... Нет, в смысле ретивости вы все стоите друг друга! После блинов и «гжелочки» покажу я вам кое-какие письмишки, полученные мной в отклик на статью «Билет на лайнер» и на вашу беседу. Речь пойдет не о тех письмах, которые вы знаете, поскольку авторы посылали их вам и мне, как, например, Ю. Н. Епейкин из Липецка. Помните? Он сообщает: «Я написал В. Кожемяко, чтобы он устроил беседу и с Вами, но сомневаюсь, что устроит. Хотя это его долг: очернить в газете и не дать ответить — это непорядочно». Нет, я дам другие письма. Вот, скажем, письмо А. И. Малинина из Твери. Он пишет: «Помню, как В. Бондаренко выступил против Вашей статьи «Билет на лайнер». У меня уже тогда было большое желание помочь Вам, но не собрался. Прошу за это прощения. Но уж сейчас, после беседы В. Распутина с В. Кожемяко, терпеть нет сил... Это ж надо так обидеться на ту статью, что столько времени помнят о ней и посвятили Вам почти четверть беседы. Не зря говорят: правда глаза колет. Сейчас плачется В. Распутин: «Эх, воли бы нам твердой, побольше сплоченности!» А сам то сотрудничает в властью (Горбачев), которая не жалеет

134

простой народ, то получает награды в долларах (а печется о русской душе!). Бушин получает доллары или Распутин?.. Очнитесь, Валентин Григорьевич!..»

Я передам это письмо Распутину, там еще много интересного. Может, он

ответит? А о вас, Виктор Стефанович, написал Малинин вот что: «Ну, совершенно поразил меня В. Кожемяко! Это как же надо обидеться, чтобы в патриотическом издании назвать фамилию В. Бушина рядом с фамилией Александра Яковлева! И намекает, что разница между ними невелика. Болезненное самолюбие у этого «правдиста». Лечиться надо или бросить писать, если мозги от обиды не срабатывают... Этот кусок беседы я посчитал своим личным оскорблением. Как публично поставить за это на место В. Кожемяко, я не знаю, но пакость он сделал большую». Ленинградец В. Дмитриев так объясняет вашу чрезмерную чувствительность на критику: «Валентина Распутина просто заласкали, бесчисленными восхвалениями да наградами убили в нем здоровый иммунитет. У него теперь никакой сопротивляемости на критику, сразу истерика. А сотрудники «Правды» всю жизнь были неприкасаемы, уверенность в своей непогрешимости у них уже в генах. Вот Кожемяко восхищается: «Как гениально сказал Есенин: «Лицом к лицу лица не разглядеть. Большое видится на расстоянье». Да что ж тут гениального?. Элементарная, всем известная мысль, грамотно выраженная. Но разве его убедишь! Они просто не могут без барабанного боя, если заводят речь о талантливом поэте или о Зюганове». Что вы скажете, Виктор Стефанович? Пожалуй, читатель прав: мысль самая простая. И давным-давно бытует она в виде поговорки «за деревьями не увидеть леса». А вот

Выхожу один я на дорогу.
Предо мной кремнистый путь блестит.
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит,—

это действительно гениально. И есенинское «Письмо матери», его же «Мы теперь уходим понемногу» — вот гениальные вершины мировой лирики!.. Как отрадно будет поговорить о таких вещах за рюмочкой «гжелки»...

ЗЕЛЕНЕНЬКИЙ ПАТРИОТИЗМ

Хотел бы я выяснить еще вот что. В. Распутин с негодованием сказал: «Десятки тысяч человек получили в прошлом году новые паспорта, в которых не существует больше гра-

фы о национальности, а возмутился и написал об этом в газету (в «Советскую Россию») только один. Только один пришел в недоумение, почему в основном документе, удостоверяющем личность гражданина, изъято имя его народа». Весьма патриотично. Но надо же иметь в виду, что выражать свои чувства, даже самые сильные, на страницах газет имеют обыкновение немногие. К тому же, а кто сказал, что «Советская Россия» получила только одно такое письмо и что другие газеты да разного рода государственные инстанции не получают их? Словом, суровое обвинение писателем «десятков тысяч» выглядит легковесно. Тем более ведь кому об этом и возвысить голос первым, как не писателям-патриотам. И почему бы, Виктор Стефанович, вместо дискуссий о заборных надписях не начать именно вашей «Правде» эту кампанию?

Тут уместно сказать и о том, что суперпатриоты постоянно обвиняют коммунистов в интернационализме, понимая под этим полное безразличие к национальному вопросу. Дело обстоит как раз наоборот. Коммунисты понимают, что нация — это не выдумка реакционеров, а историческая реальность, и, создавая союз национальных республик и областей, они при этом порой даже хватали через край: такие республики появились даже там, где для этого не было

достаточных оснований, как в Казахстане, где казахи составляют лишь треть населения, или в Карелии, где карелы — десятая часть. И паспорта при коммунистах были с указанием национальности. А первым интернационалистом такого рода, каким суперпатриоты изображают коммунистов, т.е. отрицающим национальность, были вовсе не они, а святой апостол Павел, иудей. Это ж он в послании к галатам (3, 28) возгласил миру: «Несть эллина, несть иудея». Недавно и патриарх наш повторил по телевидению этот девиз. Так что нынешние правители, вводя безнациональные паспорта, действуют в строгом соответствии со Священным писанием. Значит, одно из двух...

Но читаем дальше: «Точно так же многим тысячам из нас, летающим на самолетах, в авиакассах выписывают билеты на внутренних линиях на английском языке. Что, русский не годится, вышел из употребления? Массе людей наплевать, на каком языке компьютер оформляет им билеты — лишь бы везли, и лишь один, насколько я знаю, пытается подать в суд на авиакомпанию «Сибирь», с которой имел он дело и которая не признает государственного языка. Пытается подать в суд да не может найти адвоката, все они непонимающе пожимают плечами: зачем вам русский язык?» Отлично сказано! Однако я прочитал это, Виктор Стефанович, с большим опасением за Распутина. Неужели не боится он, что в ответ

ему врежут примерно так: «Любезный Герой, какое вы имеете моральное право гвоздить и позорить «массу людей» за то, что им, дескать, наплевать на родной язык, после того как сами приняли премию не в русских рублях, а в американских долларах? Что, рубль не годится, вышел из употребления? Чем вы, титан патриотизма, отличаетесь от президента авиакомпании «Сибирь», которая не признает государственного языка? В чем разница между вами, «совестью нации», и безымянными адвокатами, вопрошающими: зачем вам русский язык? Или Солженицын изготовил вам доллары на русском? Так это ж фальшивки... Разве можно представить, чтобы американский писатель принял премию Пулитцера в рублях, а французский писатель — Гонкуровскую премию в немецких марках?.. Мы, люди «массы», ничего не можем сделать против холуйского произвола властей. Но Солженицыну-то ничего не стоило назначить премию, допустим, в 100 тысяч рублей, А вам нетрудно было настоять, чтобы премия имела рублевое выражение. Но ни тому, ни другому великому патриоту это и в голову не пришло при всем вашем патриотическом громыхании! Вы хотели, чтобы и у вас было, как у этих бесчисленных «Букеров», «Антибукеров» да «Триумфов».

Презираемая вами «масса людей» выглядит здесь поприличнее вас еще и по той причине, что они при нынешней дороговизне транспорта летают на самолетах крайне редко, а вы, учитель, будете мусолить свои доллары ежедневно на протяжении нескольких лет».

Да, отказаться от долларов, совершить достойный поступок Распутин не смог, но зато сотрясает воздух суперпатриотическим заявлением: «Не было в XX веке национальной политики в отношении русского человека». Странно, что не привел обычные в таких случаях суперпатриотические доводы: «В Латвии республиканская компартия есть, а в России нету; в Киргизии своя Академия наук есть, а в России нету; в Эстонии свой комсомол есть, а в России нету» и т. д. Прошло десять лет, а все понять не могут при своем удельном образе мыслей: ну получили вы все это и в России, вплоть до ЦК во главе с Купцовым, и что? С этого, с крохоборства русских суперпатриотов, и начался развал страны.

Какая беспросветность!.. Но, Виктор Стефанович, ради праздника мы не будем касаться этого вопроса, налегая на блины. Уж мы с женой постараемся

всех вас умаслить. Глядишь, после такого угощения Александр Исаевич и мне отвалит свою премию. А что? Мало кто поработал на него столько, как я. И ведь он когда еще писал о моих «незаурядных спо-
137
собностях». И никто меня не осудит, если на эти доллары я большим тиражом издам книгу «Солженицын как предтеча Чубайса».

Словом, Виктор Стефанович, есть о чем поговорить. Приходите. Ждем».

Так я закончил письмо. Далее следовали подпись, адрес и все мои телефоны.

ОН ЕСМЬ ПАТРИОТ

Конечно, мы не ожидали, что гости позвонят и заявятся в первый же день или на второй, даже на третий после телеграммы, но жена все-таки ежедневно пекла блины высшего класса. А мне пришло на ум, чтобы скоротать время и вспомнить кое-что к предстоящей встрече, еще разок прочитать июньскую статью патриота Бондаренко.

Она была написана по известному принципу «за вкус не ручаюсь, но горячо будет». Как и при первом чтении, статья опять удивила прежде всего столь дурным языком; дело доходит до употребления просто не тех слов, которые требуются по смыслу. Например: «Сталин использовал православную семантику...», «семантика путинских идеологов явно державная...» При чем здесь семантика? Что за неодолимая тяга к ученым словесам! Очевидно, имеются в виду просто слова, лексика. Или: «Сталин реабилитировал церковь». Опять ученая иностранщина! Но ни в какой «реабилитации» церковь, действовавшая и тогда на вполне законном основании, не нуждалась. Для того, что в 1943 году Сталин предпринял в отношении церкви, больше всего подходят такие русские слова, как «помощь», «поддержка», «содействие». А вот еще: «Валентин Распутин — лидер патриотической русской литературы...», «Валентин Распутин — несомненный лидер русской национальной литературы...» Представьте себе, чтобы кто-то сказал: «Пушкин — лидер русской поэзии XIX века... Толстой — несомненный лидер национальной литературы...» Вы стали бы дальше слушать такого оратора? А нам приходится: «Никита Михалков — неоспоримый лидер русского национального кино» и т. п. Или: «На чем Бушин основывает свое прекраснодушие? Не на гонорарах же из (!) «Завтра»?» И «прекраснодушие» здесь столь же неуместно. По смыслу текста надо бы сказать «вера в лучшее», или «бодрость духа», или, уж если невозможно оторваться от суперпатриотической иностранной лексики, «оптимизм». А вот еще: «царская монархия». Чем она лучше «республиканской республики»?
138

К тому же автор уверял читателей, будто я в своей статье «веселюсь», хотя на самом деле и тут следовало бы говорить об упомянутых уже вере и бодрости. И так автор доходит до Путина, который «стоит за (?) капитанским мостиком». Видимо, имел в виду «за штурвалом»...

В. Бондаренко — большой патриот. Казалось бы, язык, «первоэлемент литературы», должен всегда быть для него главным предметом профессиональных забот, и он, как никто другой, должен бы радоваться, особенно в нынешнее время антикультурной агрессии, что еще не до конца вымерли динозавры родной литературы, думающие о языке. Например, я неоднократно писал о языковых выкрутасах и глухоте Солженицына, много конкретных фактов этого привел и в статье «Билет на лайнер». Там же отметил и языковые промахи В. Распутина. Так, в возвышенной части своей речи тот, желая блеснуть старинным речением, вдруг изрек: «Человек в Родине — словно в

огромной семейной раме, где предки взыскуют (!) за жизнь и поступки потомков...» Писатель, видимо, полагает, будто употребил более сильную, что ли, форму глагола «взыскивать». А на самом деле и на этот раз он использовал неизвестное ему старинное речение, встречающееся, например, в Послании апостола Павла к евреям: «Не имамы бо зде пребывающего града, но грядущего взыскуем», т. е. «ибо не имеем здесь находящегося града, но будущего ищем» (13, 14). Никто не виноват, что писатель-патриот не учил в свое время церковнославянский язык, но хотя бы в торжественных случаях не надо, пуская пыль в глаза, делать вид, что ты знаешь его. При всем этом странно все же, что человек, ныне так часто употребляющий слова религиозно-церковной лексики, никогда не слышал, допустим, о «взыскующих града», т. е. о ждущих «царствия небесного», или всеобъемлющей справедливости. Вересаев, например, писал о Толстом: «Он был страстным, безоглядным искателем, человеком, «взыскующим града».

«СТАНИЦА СМЕЕТСЯ МНЕ В ГЛАЗА СЫНОМ»

Бондаренко должен сказать мне спасибо за посильную помощь обоим его кумирам. Но где там! Он с раздражением пишет о моем внимании к языку как о бездельной блажи, как о стариковском чудачестве: «Филологические изыски — это всегда слабость бушинская. Слабость во всех смыслах. И обожает он подмечать реальные и мнимые стилистические огрехи, иногда до трети статьи в ущерб основному тексту отдает

скучноватым перечислениям языковых оплошностей — этакая личная слабость автора. И, как правило, слаб он в обнаружении погрешностей языка». Что тут сказать? Жаль, что великий патриот до 55 лет так и не понял: забота о языке — это не личная слабость, а государственная забота. Те, кому; она «скучновата», не имеют никакого отношения к литературе. А если Бушин, «как правило, слаб» в своих претензиях, так вот же в этой статье он привел из писаний Солженицына около тридцати конкретных примеров его зверского обращения с родным языком. Так защити кумира, благодетель, приведи хоть один случай, где Бушин выдает мнимые огрехи за реальные и возводит напраслину на живого классика! Не нашел Бондаренко ни одного примера в защиту. Зато обнаружил у меня словцо «покорство» и поставил за ним удивленный знак вопроса: что, мол, за диво такое, откуда взял? Ну я-то взял, вероятно, у родимой матушки или бабушки, а ты, защитник невежества, можешь взять, например, из третьего тома словаря Даля: «Покор, покорство — послушанье, повиновенье, смиренное предание себя власти другого или житье-бытье по чужой воле». Во всех этих рассуждениях и доводах Бондаренко видна не только достопечальная глухота, но и безразличие к родному языку. Да, ему просто скучно читать о языке. Как латынь была когда-то скучна для гимназистов. Такова одна из характерных особенностей суперпатриотизма в литературе...

Но наш герой продолжает одних защищать, других поучать: «Писательский язык — живой язык, и у Достоевского, и у Толстого обнаруживали неправильные обороты. Мне один известный филолог прислал статью о языковых погрешностях Личутина. Так ведь они не прописи пишут, не диктанты, а творят живую речь, расширяют возможности русского языка. Талантливый писатель всегда пишет с какой-то пуританской точки зрения безграмотно». Очень отрадно: Достоевский — Толстой — Личутин... Однако опять множество вопросов и недоумений! Во-первых, ведь снова ни одного примера «неправильного оборота»

у Достоевского или Толстого, что позволяет хотя бы пуританам считать, будто они писали безграмотно. Бондаренко слышал, конечно, о таких примерах, но сам по причине полного равнодушия к языку не смог привести ни одного. Что ж, можем и тут помочь. Толстой: «Сперанский слушал, вперед смеясь тому, что скажет Магницкий...», «Я застал в себе к нему чувство ненависти...», «Он имел репутацию ума и большой начитанности...» А вот в «Тихом Доне» Пантелей Прокофьевич стыдит Григория за связь с чужой женой Аксиньей: «Вся станица в
140
глаза мне смеется родным сыном...» Да, все это «неправильные обороты», но только дубина или суперпатриот может назвать эти жемчужины авторского языка фактами безграмотности. Они действительно расширяют возможности языка, обогащают его.

«ДОГРУЖАЕТСЯ НЕИЗБЕЖНОСТЬ РАСКРЫВА...»

А чем обогащают нас приведенные в статье солженицынские словесные выкидыши? «Писатель передает природу нутряно...», «Повествование просочено сибирской натурой...» (т. е. природой), «писатель натурально сжит с природой... (т. е. натурально «сжит» с натурой. Ведь невольно еще и хочется спросить: кем сжит? Какие возможности языка расширяют выморочные фокусы! «Перепущен срок отъезда...», «Догружается неизбежность раскрыва беременности...», «Настена утепляется в Ангаре...» Кем? Она же сама бросилась в реку. Даже Карамзин не написал, что брошенная Эрастом бедная Лиза утепляется в пруду... Это языковое выдрючивание выглядит особенно жалким пижонством, когда видишь, что сей новатор путает слова «навзничь» и «ничком», пишет «воССпоминания» и т. п. О, глухие защитники глухих! Распутин восклицает: «Разве не Солженицын выступал в защиту русского языка?..» Он самый. Но уже давно пора выступать в защиту русского языка от Солженицына.

А Бонадаренко свою защиту завершает достойным образом: «Но вот стилиста Владимира Бушина что-то не припоминают ни любители прозы, хотя он автор многих романов, ни любители поэзии, хотя стихи его регулярно печатаются во многих газетах». Все вранье! От «многих газет» до «многих романов». А любители прозы и поэзии засыпают меня письмами с просьбой писать больше и не обращать внимания на Бондаренку, которому, впрочем, об этих письмах тоже известно хотя бы по публикации, посвященной моему недавнему юбилею, что он сам и готовил. Ну можно ли, надо ли с таким человеком спорить? Увы, приходится, ибо таких развелось ныне много...

КОГДА ТРЕБУЕТ ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА

А между тем приближалось 23 февраля, начиналась широкая масленица, и она совпадала с Днем Красной Армии. На этот день двойного праздника мы возлагали особые на-
141
дежды. Уж такое угощение приготовила моя Татьяна!.. В этот день я рассказал бы гостям о войне, а они поделились бы воспоминаниями о службе в армии. Правда, мне кто-то говорил, что Распутин вообще в армии не служил, но поверить в это трудно. Ведь такой патриот! И потом, ровесники и друзья его, те же Василий Белов и Владимир Крупин, такие же деревенские ребята, служили, а он — нет? Да вы послушайте, как прочувствованно говорит он: «Когда требует защита Отечества, в ополчение идут, не считаясь, кто монархист, кто анархист, а кто коммунист». Правильно! Именно так и было, например, со мной в

восемнадцать лет и со всеми людьми моего поколения: когда потребовала защита отечества, мы пошли в армию, не спрашивая соседей по шеренге, по нарам, по роте, кто какой национальности, кто верующий, кто нет, какие у кого политические убеждения, только при этом коммунисты были не последними, как в перечне Распутина, а первыми...

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО И БЕННИГСЕН, ГЕНЕРАЛ ОТ КАВАЛЕРИИ

Но пока было еще только 22 февраля, и я продолжал читать Бондаренко, который, как мне кажется, вместе с Михаилом Назаровым служил в парашютно-десантных войсках. Этот большой писатель-патриот был тогда, летом прошлого года, просто неисчерпаем на отеческие упреки и поучения. Да все невпопад! Ну, как было не прийти в изумление, читая: «Не за то В. Бушин ополчился на А. Солженицына, что тот, угождая либеральному лагерю, ранее присудил премию Инне Лисянской. Лишь на третий раз премия нашла своего героя», т. е. Распутина, за что Бушин и ополчился. Опять то же! Одна эта фраза с полной ясностью показывает, что человек абсолютно ничего не понимает в том, о чем пишет. Повторяю: мне никакого дела нет до премии Лисянской! Она в том году и еще какую-то получила. И на Солженицына я публично «ополчился» не сейчас, а давным-давно, в самом начале 90-х годов. А здесь по вопросу премии «ополчился» не на него — мне совершенно безразлично, кому он распределяет свои доллары,— а на Распутина. Именно потому и «ополчился», что он, кого я до этого считал писателем безупречной патриотической репутации, с великой благодарностью принял премию матерого антисоветчика. И мне начхать на то, что Солженицын угождает «либеральному лагерю». Иначе и быть не может: он сам со всеми своими премиями и

потрохами в этом лагере. Подполковник Ханьков из станицы Ленинградская Краснодарского края и его друзья пишут, что Солженицын и его пособники клевещут на советский народ: «Эти люди заслужили презрение и навсегда останутся у позорного столба как предатели родины».

«Главная беда публициста Владимира Бушина в том,— продолжает наставлять мой учитель Бондаренко,— что он считает себя лишь (?) «родом из Октября», и ни днем раньше, иной истории для него не существует, потому и отсутствует в сочинениях В. Бушина объемное видение... Ему почаще бы вспоминать слова Пушкина: «Там русский дух, там Русью пахнет...» Известно, что нередко люди с нерусскими фамилиями особенно озабочены тем, чтобы от них за версту шибало «русский духом». Вот и здесь: к русскому языку он глух, но зато как напичкал свою статью словами «Россия», «русский народ», «русская литература». По тексту совершенно ясно, о каком народе, о какой литературе идет речь, но он все-таки непременно вставляет: «русский». И так в одной этой статье 84 раза. Вот, мол, какой во мне буйный «русский дух»... В «Войне и мире» Толстой изобразил именно такой тип патриотизма в образе генерала Беннигсена, помещика Виленской губернии. Будучи исполняющим обязанности начальника Главного штаба русской армии, он открыл совет в Филях такими возвышенными словами: «Оставить ли без боя священную и древнюю столицу России или защищать ее?» Кутузова покоробила неуместность такого пышнословия. «Священную и древнюю столицу России! — вдруг заговорил он, сердито повторяя слова Беннигсена и этим указывая на фальшивую ноту этих слов.— Позвольте вам сказать, ваше сиятельство, что вопрос этот не имеет смысла для

русского человека. Такой вопрос нельзя ставить, и такой вопрос не имеет смысла. Вопрос, для которого я просил собраться этих господ, есть вопрос военный: «Спасенье России в армии. Выгоднее ли рисковать потерею армии и Москвы, приняв сраженье, или оставить Москву без сражения?» Совет был долгим и трудным. И выслушав всех, главнокомандующий сказал: «Властью, врученной мне моим государем и отечеством, я приказываю отступление...» Тоже высокие слова, но тут они были уместны... Сколько раз на наших литературных вечерах, слушая, как Бондаренко, всегда исполняющий обязанности ведущего, возглашал, например: «Выступает великая русская артистка Татьяна Доронина!» — сколько раз хотелось мне сказать ему что-то подобное тому, что Кутузов сказал Беннигсену на совете в Филях. Но я воздерживался: не поймет!..

143

Дальше, изъясняясь в духе того же исполняющего обязанности патриота, Бондаренко горько сожалеет об «ограниченности детей Октября, ведущих отсчет истории с Октября 1917 года. А вот я-то...» Ну, думаешь, сейчас бабахнет: «А вот я-то, щирый русский патриот, веду отсчет с крещения Руси и даже с Рюрика...» Но слушайте, что, однако, у него получилось: «А я-то помню и про тост генерала Деникина за победу Красной Армии над фашизмом, и про восторги Бунина, и не вижу в них ничего противоестественного». Очень прекрасно. Но ведь и тост и восторги, если они были, это же 1945 год, т.е. патриот показал, что у него, по крайней мере в этом вопросе, память на 27 лет короче, чем у «детей Октября». И уместно заметить: спустя столько лет после того, как один изо всех сил с помощью Запада пытался задушить Советскую Россию, но не удалось, а другой поносил ее как только мог, их тосты и восторги в связи с нашей великой победой, которой они не ожидали, недорого стоят. А вот помнит ли Бондаренко, кроме тоста в честь нашей победы, еще и конницу деникинского генерала Шкуро под Орлом?..

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО КАК ЗЕРКАЛО

А что касается уверений в том, что Бушин считает себя «родом из Октября», «Россию представляет только в красном, а не каком другом цвете», то можно было бы понять, если это сказал бы, допустим, М. Назаров. Этот суперпатриот лет двадцать или больше был в бегах где-то за границей. Последние лет пятнадцать я действительно пишу главным образом о советской истории и о советской литературе, ибо именно они стали главным объектом особенно злобной клеветы, травли единого кагала от Солженицына до Чубайса при поддержке их защитников. И Назаров может не знать другие мои работы. Но Бондаренко-то прекрасно знает, что, допустим, в конце 1965 года в «Литературной газете» я выступил с неслыханной по тому времени статьей «Кому мешал Теплый переулок?», где решительно ставился вопрос о возвращении изначальных названий многим старинным нашим городам и улицам. Вскоре после этого вместе с В. Солоухиным, О. Волковым и другими писателями я принял участие в знаменитой передаче «В защиту русской культуры», прошедшей по Центральному телевидению из Ленинграда. Она была расценена руководством телевидения как идеологическая диверсия и с подачи А. Н. Яковлева заслужила специальное решение Политбюро. А моя большая статья о неряшливо издан-

144

ном в 70-х годах под редакцией Т. Г. Цявловской 10-томном собрании сочинений Пушкина? А посвященная этому же — защите великого поэта — статья «Фахчисарайский бонтан» в «Московском комсомольце»? А статьи против

юбилейного опошления образа Толстого в статьях Семена Машинского и стихах Андрея Вознесенского? Известно Бондаренке и мое большое исследование, где я доказываю, что гнусное стихотворение «Прощай, немытая Россия» написал не Лермонтов. Знает он и неоднократно издававшуюся статью «Кушайте, друзья мои... Все ваше» о романе Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов», суть которой — защита от искажений и лжи русской истории XIX века, нашей литературы и родного языка. Он эту статью не только знает, но и сам предложил перепечатать ее в коллективном сборнике «За алтари и очаги» (1989). Знает он и мою книгу «Колокола громкого боя», где среди мужественных героев нашей истории там не только, допустим, советский адмирал Кузнецов, но и великий князь Иван Третий, князь Яков Долгорукий, граф Николай Мордвинов, о которых Бондаренко едва ли и слышал... И вот после всего этого он меня учит «объемному видению истории», клеймит: «Бушин родом из Октября! Иной, кроме послеоктябрьской, истории для него не существует! Почитал бы ты, коммуняка, Пушкина!..» Я пишу об этом так обстоятельно вовсе не для того, чтобы «отмазаться» от Октября. Родом из Октября много небывало прекрасного и великого — Советская Россия, Советская власть, Советская армия... Чего бы мне, коммунисту, стесняться такого соседства? Пусть стесняется антисоветчик Солженицын, как раз тогда, в 1918 году, и родившийся. Я пишу об этом только для того, чтобы показать, как в зеркале, все убожество и лживость суперпатриотов, все бесстыдство, на которое они способны. С этой целью приведу еще и такое увлекательное обвинение: «В. Бушин тоже виноват в том, что произошло, в том, что бил в своих статьях лишь по внешним врагам, не желая замечать «ползучую контрреволюцию» внутри самой коммунистической элиты». Что ж, как говорится, один Бог без греха. Но все же...

16 марта 1990 года в «Московском литераторе» увидела свет моя статья «Азбука, арифметика и химия», которую потом перепечатала в шестом номере за тот же год «Молодая гвардия», выходившая тиражом 730 тысяч экземпляров. Это был один из первых ударов по Яковлеву, в ту пору всесильному члену Политбюро. Статья вошла в книгу «Колокола громкого боя», изданную в 1994 году тиражом в 10 тысяч. Кто же этот Яковлев — враг унутренний или враг унешний?

Элита или мелкая сошка? Знал Бондаренко об этой статье? Конечно, ибо она тогда, что называется, прогремела. Да и книгу «Колокола...» я ему дарил... А вот эпизодик, относящийся к концу того года. 14 декабря в последний день работы VII съезда писателей России, проходившего в Театре, Красной Армии, мне, наконец, дали слово. Я его произнес, под бешеные аплодисменты делегатов вышел из зала и затаился в фойе на скамеечке в уголке. Это выступление было ударом не просто по «коммунистической злите» той поры, а по главе «ползучей контрреволюции» — по самому Генеральному секретарю ЦК и президенту страны. Причем он явился первым на таком уровне публичным ударом по предателю. Знаменитое выступление Сажи Умалатовой на съезде народных депутатов прогремело через три дня — 17 декабря. Остается лишь добавить, что удар получился такой силы, что первый секретарь Союза писателей Ю. Бондарев и Э. Сафонов, главный редактор «Литературной России», где печаталась стенограмма съезда, не решились опубликовать мое выступление. Позже оно появилось в краснодарской «Кубани», откуда было перепечатано многими газетами СССР. И ведь опять — Бондаренко был делегатом съезда, все это слышал. А чем сам был там занят тогда? Выяснял отношения со стариком Михалковым, которому нахамил по своему суперпатриотическому

обыкновению... Что касается моего отношения к «ползучей контрреволюции» сегодняшней «коммунистической элиты», то Бондаренко может получить ясное представление на сей счет, прочитав мою недавнюю большую статью «Религиозное аскетство» в «Молнии» №1, 2 за этот год, которую не решилась напечатать «Правда».

Впрочем, что ж, я-то вот могу отбояриться от главного нашего спеца по русскому патриотизму, но ведь он бесцеремонно обрушился и на тех, кто уже не может защитить свое имя. Так, поставив на одну доску талантливейшего Константина Симонова и посредственного Александра Борщаговского, Бондаренко назвал их обоих писателями, «такими далекими от патриотизма».

Читательница Л. А. Алыпова из Каширы недоумевает: «За что досталось Симонову? Вся статья Бондаренко — призыв к конформизму, размывание основных моральных принципов». И то сказать, отлучил от патриотизма Симонова, который в 1937 году, когда папа Бондаренко еще не знал его маму, пишет поэму «Ледовое побоище» — об Александре Невском, в 1938-м — поэму «Александр Суворов», в 1939-м едет военным корреспондентом на Халхин-Гол, а 22 июня 1941 года кладет в рюкзак только что вышедший в одной книге «Тихий,

Дон» и... «дачный клязминский вагон, в котором ехать нам до Бреста». Там — сначала корреспондент газеты «Боевое знамя» 3-й армии Западного фронта, потом — «Красной звезды». Всю войну он был самым популярным поэтом на фронте и в тылу, а сколько написал о войне! И вот плевок ему от патриота, который и портянки-то крутить не умеет... Как же все это назвать? Что это такое? По-моему, настоящее коровье бешенство на почве суперпатриотизма и ханжества.

Москвич А. А. Сидоров записал на мой автоответчик в связи с той летней баталией: «По-моему, существует «эффект Бондаренко», состоящий в том, что он усиливает позицию и привлекательность того, на кого он обрушивается».

МЕЖДУ АЛЬБАЦ И РАДЗИНСКИМ

Посмотрел я еще и статью Назаров. Тот же уровень... Вот он, защищая Распутина, естественно, хочет одновременно охаять советское время: «Этот строй был «выстрадан» тысячами крестьянских восстаний в 1920 году...» Какая легкость в мыслях! Как Солженицын, как ползущая за ним Евгения Альбац, как Радзинский, вместе с ними орущий: «Коммунисты уничтожили 110 миллионов!» Не понимают своей горькой беззащитности. В один год — тысячи восстаний.. Так сколько же именно? пять тысяч? двадцать? Но даже если только две минимальные для множественного числа тысячи, то и тогда выходит, что каждый день вспыхивало пять-шесть восстаний. Каждый! Да каким же образом молодая власть успевала с ними справляться? Оказывается, они «подавлялись интернациональными войсками, безжалостными к чужому народу». Что за войска? Из каких держав нагрянули? Кто вооружил их и снабжал? Кто оплачивал? Мы-то можем назвать тех, кто помогал Деникиным и колчакам душить советскую власть: это войска Англии, Франции, США, Италии, даже Греции и Румынии. А Назаров молчит, как сапог, сказать нечего. Мы можем и цифры кое-какие назвать: на севере России, в районе Мурманска, к началу августа 1918 года сосредоточились около 30 тысяч интервентов; на юге, в районе Одессы, Херсона, Николаева, Новороссийска, Севастополя, в феврале 1919 года собрались 130 тысяч оккупантов; в Сибири и на Дальнем Востоке к концу 1918 года — 150 тысяч захватчиков, из них 75 тысяч японцев (БЭС. М., 1983. С. 293).

А есть ли цифры у Назарова? Представьте себе, есть: 250 000 лиц неизвестных заграничных национальностей. Это очень близко к тому, что назвали мы: 30 + 130 + 150 = 210 тысяч. Так
147
не выдает ли Назаров иностранных пособников белогвардейщины за союзников коммунистов?... А что касается «безжалостности к чужому народу», неплохо бы вспомнить, что колчаковцы творили такие зверства по отношению к своим соплеменникам, что даже чехи, находившиеся там же, негодующе протестовали. И полезно добавить, что еще Талейран учил: врать надо в нечетном числе... Но были восстания против советской власти? Да, были, и не только в 1920 году. Но, во-первых, восстания, партизанское движение были и против Колчаков. А во-вторых, посчитал бы Назаров, сколько было против царской власти не только бунтов, мятежей, восстаний, а даже настоящих крестьянских войн: Иван Болотников, Разин, Кондратий Булавин, Пугачев...

МЕЖДУ УЖАСАМИ ВРАНЬЯ И КОШМАРАМИ НЕВЕЖЕСТВА

Не дают ему спать еще и «гиганты пятилеток». Оказывается, они «построены по западным технологиям, первые советские танки, самолеты были копиями иностранных». Ах, как пригвоздил советскую власть! Странно, что вслед за Альбац еще не присовокупил «руками заключенных». Допустим, что так все и было. Но обличитель не в силах сообразить, что его доводы против него самого, ибо свидетельствуют, во-первых, о научно-технической отсталости царской России, которую он превозносит. Во-вторых, говорят о гибкости, ловкости, сноровке коммунистов, умевших заполучить технологии у тех, кто мечтал о крахе советской власти. В-третьих, этот суперпатриот должен бы знать, что уже в 30-е годы на его родине были созданы лучшие в мире и танки и самолеты, нашим летчикам Чкалову, Громову, Гризодубовой, совершавшим на советских самолетах невероятные по дальности и быстроте перелеты, восторженно аплодировал весь мир. Как во время войны — великим сталинским асам. Я уж не говорю о вооружении и военной технике, где мы оставили немцев далеко позади. Ах, если бы еще были живы эти летчики, танкисты и конструкторы их машин! Аналитик не остался бы без нескольких крепких слов, если не оплеух. Впрочем, даже и ныне есть на Руси люди, с которыми не желаю ему встретиться. Например, с очаровательной Светланой Каманиной. Участвуя на своем Су-26 в международных воздушных играх, она 24 раза занимала высшие места. Думаю, и она может постоять за честь нашей авиации, за славу наших летчиков...
148

А обличитель знай дальше кошмары малюет: «1917—1953 годы. Вот когда началось вымирание русских». Все знают, что за годы советской власти население страны постоянно и быстро росло от 150 миллионов почти до 300, т. е. увеличилось в два раза. Но этим суперпатриотам хоть кол на голове теши. У него на языке и еще и такое: «Безбожная пятилетка в конце 30-х годов». Дураков не сеют, не жнут... Да ведь наши пятилетки были богоугодные хотя бы только потому, что лишь благодаря им мы разгромили фашизм. И начались они не в конце 30-х, а в 1929 году. И за одну только первую пятилетку национальный доход вырос почти в два раза. И Господь Бог аплодировал этому. Назаров неисчерпаем в своих обидах на советскую власть. Вот еще: «Щедро тратились русские деньги на дотации нацреспубликам». Господи, уже лет двадцать долдонят об этом! Да, тратились. Но мог бы сообразить народный печальник, что зато наша государственная граница проходила тогда по Финскому заливу (Таллин — Либава — Клайпеда), по Бугу да Пруту,— за это надо было платить, а теперь,

когда не тратим русские деньги на республики, граница в шестидесяти верстах от Смоленска. Есть разница, мыслитель? И опять: «Большевики с целью разложения общества взялись насильственно выкорчевывать духовное начало в человеке, превратив его в производственный «винтик» и замахнувшись в этом (?) на мировую революцию...» Да, да, да, взялись выкорчевывать. Но удалось это злодеям только в отношении таких, как Назаров,— в них духовное начало выкорчевали так, что не оставили даже способность взглянуть на себя со стороны и подумать: «Кому я нужен? Кому интересен с этим ржавым «винтиком», с замшелой «мировой революцией», «безбожными пятилетками», давным-давно замусоленными Киселевым, Немцовым, Собчаком?» Самого Назарова не спасло от выкорчевывания даже двадцатилетнее пребывание в Мюнхене, где в русскую армию не призывают... Желая убедить, что советская власть крайне несправедливо обошлась еще с Солженицыным, Назаров пишет, что вот, мол, в царские времена «неугодных специалистов за их частную переписку не ссылали». Какое прекраснодушие в шестьдесят лет! Да ведь всяко бывало, сударь. Царь Петр отдал на казнь родного сына именно за «частную переписку». Анна же Иоанновна отрезала языки и ссылала в Сибирь не то что за переписку, а просто из бабьей ревности, как это было с красавицей Натальей Лопухиной. А о Герцене слыхал? В 1840 году он вернулся из Владимира в Москву после пятилетней ссылки, но уже в следующем году его опять арестовали и сослали. За что? В письме к от-

цу, которое вскрыли и прочитали, он написал об убийстве городовым прохожего. «Распространение возмутительных слухов». Но это же частная переписка! Хоть и не за частную переписку, но ведь и не за участие в вооруженных мятежах, не за убийства ссылали, сажали в Петропавловку, в Шлиссельбургскую крепость, в Бутырки, в острог таких «специалистов», как Радищев, Новиков, Пушкин, Лермонтов. Шевченко, Полежаев, Достоевский, Чернышевский, Короленко, Маяковский, Горький... Неужто наш суперпатриот не слышал эти имена?.. А что касается Солженицына, то посадили его не за то, что он был на фронте «неугодным специалистом» звуковой разведки, а за то, что, будучи офицером действующей армии, в своих многочисленных письмах сверстникам на фронте и в тылу подрывал авторитет своего наркома, Верховного Главнокомандующего, председателя Государственного комитета обороны, то есть во время войны в боевой обстановке занимался активной вражеской пропагандой. И сам Солженицын давным-давно признал, что наказан был совершенно справедливо. И потому прав Распутин: «Солженицын не нуждается в защите». Не нужен ему ни Резник, ни Назаров, ни Падва... Впрочем, порой хочется защитить даже Солженицына, когда Назаров вдруг обрушивается на него: «Он все еще дипломатично не называет наших врагов своими именами». А сам? Да ведь в большой статье ни одного имени нынешних душителей России, кроме совершенно безопасного Горбачева. Или это не враг?

МЕЖДУ БОНДАРЕНКО И ШАФАРЕВИЧЕМ

С этим Назаровым, как говорится, не соскучишься. Особенно ретив он в вопросе о марксизме. И начинает с корней: «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса провозглашал уничтожение семьи, национальности, государства и т. д. И Октябрь 17-го года имел именно эту идеологию». То есть семья была у нас уничтожена, все спали под одним гигантским одеялом, о национальности запрещено было упоминать, государство ликвидировано. Я не

осуждаю Назарова, он лет 26 прожил за границей, имел время многое забыть о своей родине, но у меня такое впечатление, что он сейчас вынырнул не из Мюнхена, а из сороковых годов XIX века. Ведь это же о нем говорилось в «Манифесте»: "Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании...внушают тем большее отвращения, чем больше разрушаются все семейные связи... Но вы, коммунисты, хотите ввести общность

жен! — кричит нам хором вся буржуазия. Буржуа смотрит на свою жену как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства предполагается предоставить в общее пользование, и, конечно, не может отрешиться от мысли, что и женщин постигнет та же участь. Он даже не подозревает, что речь идет как раз об устранении такого положения женщины, когда она является простым орудием производства». Авторы «Манифеста» едко высмеивают и то, что «коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность». Ну мог же этот бессмертный Назаров за сто пятьдесят лет хоть разок заглянуть в «Манифест»! Мне кажется, он знает о нем только со слов Бондаренко, а тот — от Шафаревича. Так и живут, питая друг друга вздором. И ведь с таким нахрапом всегда и во всем. Читайте: «Я за последние 25 лет не раз обращался к красным патриотам с вопросом, чего они добиваются своей верностью мертворожденному коммунизму, но убедительного ответа не получил». Он обращался! Из своего Мюнхена. К кому? Кто его могучий голос слышал? А насчет «мертворожденного коммунизма» надо сказать этому живородящему писателю, что, появившись в Англии на немецком, «Манифест» вскоре был переведен на английский, французский, польский, датский, русский, испанский, даже армянский и другие языки. С чего бы это так возиться с мертворожденным? Вот Назаров сочинил книгу «Тайна России». И что, когда она появится на армянском или датском?..

МЕЖДУ БЕРЕЗОВСКИМ И ГУСИНСКИМ

Вцепился он в марксизм, челюсти разжать не может: «Православие призывает богатого добровольно поделиться своим имуществом с бедным, а марксизм призывал насильно отнять чужое имущество». Да-да, так и Немцов с Новодворской говорят. Призывали богатых. И не только православие. На Руси призывали еще помянутые выше Болотников и Булавин, Разин и Пугачев, Плеханов и Ленин. И что, поделились богатые с бедными? А марксизм призывал и призывает трудовой народ не отнимать чужое, а вернуть свое, ибо все на свете — плоды его рук. И сейчас не только коммунисты, а весь трудовой народ требует вернуть ему то, что украли Березовские да Гусинские. Но на страже этих кровососов стоят бульдоги суперпатриотической свирепости.

Умствование о марксизме доводит Назарова до чертиков. Вы только полюбуйтесь: «Воплощение марксистских принци-

пов в России пошло по особому немарксистскому пути». Дальше еще решительнее: «При Сталине марксизм переродился». Ну, слава богу, кажется, Россия потрафила Назарову. Так нет же, не может он оставить в покое марксизм, коммунизм и пойти отдохнуть в пивную, не может! Считая себя знатоком, он язвительно спрашивает С. Кара-Мурзу: «Хорошо ли изучил марксизм-ленинизм?» Мало того, объявив, что у нас марксизм переродился, т. е. признав, что марксизма в стране уже и нет, вдруг объявляет: «Марксистская власть паразитирует на народе». Да откуда ж она взялась?

ОПТИНА ПУСТЫНЬ И «МЕРСЕДЕСЫ»

Но вот и пришло 23 февраля. Моя Татьяна уж такие блины закатила, такую закусочку припасла! Одни опята собственного засола чего стоят... Мы были в полной уверенности, что вот уж сегодня дорогие гостечки припожалуют. Дабы беседа была оживленнее и шире, позвали еще наших добрых соседей — поэта Сергея Викулова с женой Галиной Васильевной. На крыльце трем собакам нашим я наказал: «Смотрите у меня, зря не брехать! Придут очень важные персоны, VIP. Встречайте дружным виляниem хвостов и веселыми улыбками!» Шесть часов... семь... восемь... Ни звонка, ни стука в дверь. Что делать? В половине девятого сели за стол. Поскольку мы с Викуловым оба фронтовики, первый наш тост в этот день был за армию. И тут кто-то сказал: «А чем объяснить, что из самых звонких наших патриотов кому на фронте надо бы быть — не были, кому в армии полагалось — не служили. Ни Шафаревич, ни Распутин, ни его покровитель Залыгин?» Ответа никто дать не смог... Второй тост был, конечно, за широкую масленицу. Вот, мол, какой прекрасный праздник. Я рассказал, что хотя отец мой был коммунистом, но в нашей семье она отмечалась всегда, как и теперь.

После второй рюмки стало жарко. Сергей расстегнул воротник рубахи, мелькнул нательный крест. Может быть, отчасти поэтому разговор через некоторое время перекинулся на религию. И тут я сказал:

— Нельзя осуждать тех, кто не служил в армии. Мало ли как складывается судьба. Меня больше удивляет то, что крестились они кто в двадцать лет, кто в сорок с лишним, и вот теперь похваляются друг перед другом своим крещением да еще учат православию других, крещеных, как полагается, в младенчестве.

Неудивительно, что тут на память мне пришли именно те, кого мы ждали. Я достал с полки книгу Бондаренко (вот она — «уникальная сыскная способность»!) и, заглядывая в нее, стал рассказывать:

— Четыре года назад, накануне 60-летия Распутина, была в «Завтра» напечатана его беседа с Бондаренко. Тот гордо заявил: «Я крестился в Оптиной пустыни... А как ты пришел к вере? Где крестился?» Юбиляр ответил: «У меня все-таки, Володя, деревенское воспитание, а там корни православия сильнее. Родная почва всегда ставила на место даже зарвавшихся атеистов... Без православия русский — не совсем русский, а может быть, и совсем не русский...» С последней мыслью, как вы знаете, друзья,— сказал я, разливая по третьей рюмке,— вот уже несколько лет носится по стране и бьет по головам неверующих Никита Михалков, лауреат премии Ленинского комсомола Казахстана, ссылаясь при этом на Достоевского, который, конечно, ничего подобного не говорил.

— Блины стынут, потом доскажешь! — рассердилась жена.

— Нет, вы только подумайте! — воспротивился я.— После слов о крепости православных корней в родной деревне вдруг сообщает: «Я крестился в юбилей поля Куликова в старинном (старше Москвы) русском городе Ельце, где тогда еще живы были ученики оптинских старцев». Да почему же не на родине?

Все засмеялись.

— Конечно, смешно. Как новые русские своими «мерседесами», они похваляются друг перед другом качеством своего крещения: один в Оптиной, а другой в древнем Ельце да еще в юбилей Куликовской битвы, то есть в 1980 году. А шел тогда младенчику сорок четвертый годочек...

Третья рюмка была у нас, конечно, за дам.

ЭКСГУМАЦИЯ «БЕЛЫХ», ФАБРИКАЦИЯ «КРАСНЫХ»

Засиделись мы тогда допоздна. Оставалось еще два дня широкой масленицы. Мы все-таки продолжали ожидать гостей. И как опять могло бы хорошо получиться: 25 февраля — прощеное воскресенье! Вот бы и облобызались. А пока я опять взял статью Бондаренко, и мне вдруг бросилось в глаза, что он то и дело, как всегда не зная меры, твердит обо мне и моих единомышленниках: «красный публицист», «красный идеолог», «красная оппозиция», «красные патриоты», «красная идея» и т. д. до бесконечности. Но, право же, что такое «красная идея», как и «белая», я просто не знаю.

153

никогда не интересовался этим. Жена принесла однажды книгу «Белое дело» — до сих пор ее не открывал. «Красные» и «белые» — это реальность гражданской войны и литературы о ней. А уже в двадцатые-тридцатые годы даже мы, мальчишки, играли не в «красных» и «белых», а в казаков-разбойников. Какие могут быть «белые» спустя 60—70—80 лет после Октябрьской революции и гражданской войны! Они просто все перемерли. Это высосанная из пальца выдумка газеты «День» и лично Бондаренко, который покатался по заграницам и действительно разыскал там несколько «белых» мумий и немецких наймитов времен Отечественной войны. Ну а раз обнаружены «белые», то надо создать и «красных»: вот «певец красной идеи» Бушин. И, откопав тех и других, гальванизировав, они их надули и стали ломать голову, как бы примирить всех — от кавалеристов гражданской войны Буденного и Шкуро до современных литераторов Бушина и Солженицына. Это старая традиция иных советских деятелей — создать своими руками проблему, а потом героически ее решать. Всем этим они изрядно добавили путаницы в умы, в ситуацию, и без того крайне сложную, и нанесли большой вред борьбе против режима, который ведь тоже сюсюкал по поводу «белых» и натравливал их на «красных». На самом деле ни тех ни других не было "и нет. Борьба идет не между «красными» и «белыми», высосанными из пальца, а между советскими людьми и антисоветчиками или, как говорил В. Кожинов, между патриотами и антипатриотами. А разноцветные матрешки, созданные наспех, только путаются в ногах... Но дело не во мне, пусть назовет меня Бондаренко хоть «красным горшком» — все равно поставить в печь сей горшок ему не удастся. Гораздо хуже то, что своей красно-белой схемой, измысленной от безделья, он лезет поверять историю: «Я считаю великую Победу над фашизмом не красной победой, а Отечественной». А кто считает красной, кто сказал «красная победа»? Он выдумывает себе противников и доблестно их сокрушает, привлекая в помощники великие авторитеты: «Так же (как он!) считал и Иосиф Сталин, назвав ту войну не великой коммунистической, а Великой Отечественной». Господи, какое горе от неума! Весь мир объездил, горы книг прочитал и ничего не понял. Какое незнание времени и непонимание своей страны! Оно сквозит даже в поименовании Сталина «Иосифом», чего ни в народе, ни в печати никогда не водилось, а было принято лишь на Западе. А уж «коммунистическая война»... Да ведь никому и в голову тогда не могло это прийти. Как и немцы не назвали войну нацистской. Успокойся ты, Христа ради, Бондаренко. Ты собственный хвост хочешь поймать и укусить. Так нет же!

154

Опять: «Победила не красная, а русская Россия!.. Если лишь красная идея вела русские полки на смертный бой (да кто же это утверждает?), то зачем тогда Иосиф Сталин вводил некрасные атрибуты государственности — погоны офицерские, ордена Кутузова и Суворова» и т. д. Окстись, Вова, давно уже не было никакой «красной России», она выполнила свою великую историческую

роль и ушла со сцены, даже армия вскоре перестала называться Красной. Была Советская Россия, социалистическая. Что же касается «атрибутов», то те, которые названы тобой, были введены лишь в 1942—1943 годах, война-то шла уже давно, перелом к победе произошел и без них. Тебе же и неведомо, что вообще-то они начали вводиться задолго до войны: в 1935 году — звание маршала, в 1940-м — звание генерала и адмирала, а погоны были введены в 1943 году, и вовсе не только для офицеров, как ты думаешь, а для всей армии, а потом для всего военно-морского флота. Ты в армии-то служил? Почему же не знаешь таких всем служивым известных вещей? Заявление о том, что «русификация (!) режима (так совершенно в духе Немцова — Явлинского ты именуешь советскую власть) началась (!) именно в годы войны» есть не что иное, как еще одна малограмотная нелепость штафирки. Особенно если учесть, что тогда же, в тридцатые годы, о чем уже говорилось, шла еще и такая усиленная «русификация режима», как появление множества книг, фильмов, спектаклей об Александре Невском, Дмитрии Донском, Петре Первом, Суворове, Кутузове и др.

Прямых двойников «детей Октября» Бондаренко усмотрел даже в первой русской эмиграции: «И там были свои непримиримые Бушины и Татьяны Глушковы, и там были люди, считающие, что или в России восстановится монархия, или ее необходимо тотально уничтожить. Георгий Иванов призывал сбросить на Москву атомную бомбу...» Но зачем тревожить тень свихнувшегося Иванова, почившего в бозе пятьдесят с лишним лет тому назад? Вот шевелится живой классик Солженицын. Он тоже грозил Москве: «Будет на вашу голову Трумэн с атомной бомбой!» А мы-то с Глушковой при чем здесь? Разве мы говорили, что если Россия не будет социалистической, то ее надо уничтожить? Соображаешь ли ты, что лепечешь, Вова? Лечиться надо, как пишет Малинин из Твери.

ЗАТЯЖНОЕ ПРОЗРЕНИЕ

Но вот и кончилась масленица. Надежды на явление гостей оставалось все меньше. Зато каждый день приходили письма о них. Многие читатели обратили внимание на то, как

бурно В. Распутин восхищается советской эпохой: «Только теперь начинаешь вполне понимать, в какой уникальной стране мы жили. Хлеб в столовых бесплатный, а в магазинах он стоит копейки; образование бесплатное да еще и заставляли учиться (вот диктат!); о наркоманах слыхом было не слыхать; из одного конца страны размером в шестую часть суши в другой конец можно было долететь за половину зарплаты; искусства процветали отнюдь не за счет гадостей; интеллигенция с черными бородками и плутоватыми глазками не в Кремле восседала, а по кухням шепталась... Социальные завоевания долго будут нам сниться как чудный сон». Прекрасно сказано. Но у читателей этот восторг вызвал много вопросов. Неужели писатель Распутин, спрашивают они, так отстал от рядовых своих читателей, что «только теперь» и лишь «начинает» понимать, в какой стране прожил лет пятьдесят? В Горбачеве семь лет не мог разобраться, до Самого краха в 91-м нахваливая его, и вот теперь опять только начинает чесать в затылке: «Сон это был или явь?» Размышляет, как жернова крутит. Откуда такая медлительность?.. В самом деле, я лично, даже не будучи Героем соцтруда, не имея литературных орденов, премий, таких обильных и многотиражных изданий, за всю жизнь не получив от государства ни одной квартиры, всегда понимал, в какой необыкновенной стране родился и жил. Да разве я один! Множество людей

с глубоким чувством и совершенно искренно пели: «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!» Распутин тут же добавляет: «Как можно отвергать целую историческую эпоху, в которой страна добилась невиданного могущества и стала играть первую роль в мире?!» Вот именно. Золотые слова! Но читатели напоминают: ведь есть же люди, которые не только отвергают эту эпоху, а поносят ее, клянут, именуют «черной дырой истории». И первый среди этих, мягко выражаясь, олухов царя небесного — ваш кумир, Валентин Григорьевич, ваш благодетель, о величии которого вы распространяетесь. О чем шептались по кухням интеллигенты с черными бородками и плутоватыми глазами? Прежде всего о нем, о его лживых книгах, клеветавших на дорогое вам время.

УЗКОЛОБАЯ КРИТИКА ТВЕРДОЛОБОСТИ

Но самое главное здесь вот что. Выразив восхищение советской эпохой, ее великими социальными благами, писатель решительно и начисто отделил все это от коммунисти-

ческой идеологии, назвав ее «твердолобой», будто бы «не желавшей поступиться ни одной буквой». Конечно, случались у нас твердолобые идеологи, например, чтоб далеко не ходить, хоть Яковлев с его долдонской статьей «Против антиисторизма», но он имеет такое же отношение к коммунистической идеологии, как Глеб Якунин — к православию. Ведь ничего подобного из того чудного сна, описанного Распутиным, даже бесплатного хлеба в трактирах, не было же в царское время. Почему? А потому, что это не было предусмотрено идеологией того времени. Довелось ли вам, Валентин Григорьевич, между Фицджеральдом да Гарднером прочитать «Войну и мир» Толстого? Так вот, там (т.2, ч. 4., гл. 6) в замечательной сцене охоты на волков мы узнаем, что помещик Илагин за отменных статей суку Ерзу отдал соседу три семьи своих дворовых людей. Расскажите это Солженицыну, напропалую лгущему о прошлом. А все великие социальные блага советского времени прямо вытекали из коммунистической идеологи, утверждавшей в частности, что главный экономический закон социализма состоит в максимальном удовлетворении постоянно растущих материальных и духовных запросов общества. Назвать коммунистическую идеологию «твердолобой», а Октябрьскую революцию — «подлой» можно только при достопечальном состоянии своего собственного лба.

Продолжая тему «красной твердолобости» таких, как Бушин, В. Распутин говорит: «Нежелающие еще с 70-х годов даже слышать имени Солженицына, оно их сразу приводит в неистовство, так же не принимают они Православие; русский человек, по их мнению, не должен был в этом (?) отходить от ортодоксальной коммунистической идеологии...» Откуда все это писатель взял — неизвестно. Но что ж получается — «русский человек», т. е. весь наш народ, находился в плену «ортодоксальной коммунистической идеологии», выразителем которой был Яковлев, и такие, как Бушин, не позволяли ему отойти от нее? Дело тут не во мне, а в народе: ведь нет никаких оснований делать его единомышленником прохиндея Яковлева. Кроме того, ну можно ли ставить на одну доску православие и Солженицына! Ведь не один Ю. Д. Юдин из Петрозаводска пишет о нем: «Я читал «Архипелаг». Некоторые факты там оспаривать бессмысленно, но меня поразила патология ненависти и злобы ко всему нашему обществу». А я лично писал о нем лишь порой с «неистовством» — там, например, где вел речь о том, как он нахваливал генерала Власова, или восхищался галантностью немецких оккупантов, или лгал о Пушкине, или глумился лад Достоевским и

его каторгой, или клеветал на Шолохова и т. п. Но гораздо чаще я писал, просто помирая со смеху по причине лживости и невежества Солженицына,— там, например, где он уверял — хоть стой, хоть падай! — что «Наполеон не нашел Москвы из за болот и лесов», что Александр Второй был убит в 1882 году, что в Новочеркасске был воздвигнут памятник атаману Платонову, что он, прибыв на фронт в мае 1943-го, «доблестно воевал» четыре года, т. е. до 1947-го включительно, что в апреле 1945-го должен был встретиться на реке Эльбе с американцами, хотя на самом деле его армия шла на город Эльбинг, что за многие сотни верст к северу от места встречи с американцами в Торгау, и т. п.

НАРОД СТОНЕТ, А ОНИ РАДУЮТСЯ!..

Перейдя от советской эпохи к нынешней, В. Распутин и здесь сделал немало довольно странных и даже непонятных для читателей заявлений как общеполитического и, если угодно, философского характера, так и частного. Непонятно, во-первых, почему писатель считает, будто «на другом берегу», «на противоположном берегу Реки жизни», т. е. в катастрофическом положении, «мы очутились» только теперь, «ступив в третье тысячелетие», иначе говоря, в январе 2001 года. Большое заблуждение! Страна во многом оказалась «на другом берегу» уже в 1991 году, а окончательно — в 1993-м. Если совсем точно, в ту ночь, когда над Кремлем враги народа спустили красный флаг и подняли власовский. И совсем странно, когда писатель заявляет: «У меня такое впечатление, что все (!) мы испытываем невольную радость (?!) от сравнительно благополучного перехода в новое столетие и тысячелетие». О радости в нынешнюю пору я слышал до сих пор только от того же Яковлева... Поэтому, как уже было сказано, не надо бы говорить за всех, даже если приятель Бондаренко именует тебя «совестью народа», как лучше бы не вещать и за всю страну: «Россия, я свидетельствую, во многом жила в отношении своего прошлого в потемках». Право, как уже отмечалось, лучше говорить за себя лично: «Я, писатель Распутин, лауреат солженицынской премии и Герой Социалистического Труда, испытал, как академик Яковлев, невольную радость». Какова же причина радости? Оказывается, она в том, что хотя с 1992 года народ и вымирает ежегодно по миллиону, но все же «обошлось без апокалиптических разломов и потопов». О, при такой жизнерадостности можно ликовать еще и потому, что соотечественники вымира-

ют в год все же только по миллиону, а не по три или пять. Впрочем. П. В. Убитин из Лысково Нижегородской области пишет: «В 2000 году в нашем районе родились 322 младенца, а умерли 945. При таком раскладе, как в нашем районе, убыль населения по стране ежегодно составляет 2 миллиона! 300 тысяч человек». Проделайте, Валентин Григорьевич, такой подсчет по родному Иркутску, если еще бываете там. Глядишь — и убудет вашей странной радости... Напрасно писатель так уверенно свидетельствует за всю Россию и о том, будто она до ельцинской катавасии, до солженицынских сочинений «во многом жила в потемках в отношении своего прошлого». Конечно, в советскую эпоху имелись белые пятна, разумеется, встречались упущения, но подлинные потемки царили по причине прежде всего дикой неграмотности народа не тогда, а в дореволюционное время. Стоит лишь перечитать хотя бы две книги деревенщиков того времени: «В овраге» Чехова да «Деревня» Бунин. Вот уж где потемки так потемки. Можно лишь удивляться, как у человека, знающего эти книги, повернулся язык приложить это словцо к советскому времени. Минчанин

Э. М. Скобелев прав: Солженицын, которого он называет литературным монстром, взлетевшим на литературный Олимп ценою целенаправленного разрушения своего отечества, «никакого факела над мраком российской истории не поднял» по той причине, что «обслуживал политические интересы западной информационной машины, которая никакой правды не допускает, да и не знает ее».

МАРКС УМЕР 14 МАРТА...

Кончилась масленица, кончился и февраль, а от моих приглашенцев ни слуху ни духу. Как быть? Все-таки надо же объясниться с глазу на глаз!.. Вдруг узнаю (опять «уникальная сыскная способность»!), что 15 марта у Распутина день рождения. Это же прекрасный повод послать письмо, поздравить, расспросить, подарить пару мыслишек. Что ж, писать еще раз? А что делать, если они гордо молчат! Может, все-таки достучусь. И я сел за компьютер. Получилось так:

«Уважаемый Валентин Григорьевич!

Здоровья вам и всех благ! Знать, не случайно вы родились сразу после дня смерти Маркса, скончавшегося 14 марта. Видимо, именно этой мистической близостью объясняется

ваш пристальный интерес к коммунистической идеологии, доходящий до объявления ее «твердолобой». Не случайно и то, что в прошлом вас особенно чтил Горбачев, заявивший недавно в Американском университете в Турции: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма», а ныне чтят и самоотверженно защищают такие свирепые антикоммунисты, как М. Назаров... Но об этом позже, а сперва в этот светлый день хочу развеять некоторые ваши мрачные мысли . Может, у нас обоих на душе станет полегче.

КТО ЛИСА? КТО ЖУРАВЛЬ?

Вы заявили о моем «решительном нежелании знаться» с вами, гордо добавив, что «горевать при этом не следует». С чего вы взяли? По-моему, дело обстоит как раз наоборот. Приведу всего один пример. В июле 1989 года я предложил «Нашему современнику», где вы много лет член редколлегии, резко критическую статью об академике Сахарове. За ее публикацию решительно высказались Сергей Викулов, Вадим Кожинов, Ирина Стрелкова и вы. Но у Станислава Куняева, только что ставшего главным редактором, были совсем другие планы. Заняв кресло коммуниста-фронтовика Сергея Викулова, он первым делом пригласил в редколлегию маститого антисоветчика Игоря Шафаревича («Уважаемый господин Шафаревич!...») и запланировал на весь будущий год печатание «Красного колеса» господина Солженицына. Конечно, моя статья оказалась ему поперек горла. Решая, как бы ловчее выйти из положения, он дал ее на отзыв Шафаревичу, имя которого еще даже не стояло на обложке. Тот, разумеется, статью зарезал, заявив, что ее печатание будет катастрофой для журнала. Куняев игнорировал мнение нескольких членов редколлегии и, ухватившись за отзыв одного Шафаревича — академик! — статью отверг. Ее напечатал в двух номерах «Военно-исторический журнал», который после этого не пережил никакой катастрофы, а даже сильно прибавил в тираже... Так вот, встретив вас в Доме литераторов в январе 1990 года, я подарил оба номера с моей большой статьей, поставив на ней самую дружескую надпись. Разве это поступок человека, который «не желает знаться»? Но это далеко не все. За прошедшие с

тех пор десять лет я неоднократно поминал добром ваше имя в своих статьях и книгах, например, в книге «Честь и бесчестие нации» (М., 1999) или в статье «Менуэт президента», напечатанной в «Завтра» №3 за этот год уже после ста-

тьи «Билет на лайнер». Я писал о невежественных и узколобых властях: «О писателях Бондареве и Распутине, об артистах Игоре Горбачеве и Людмиле Зайцевой, о театрах МХАТ имени Горького и «Содружество» на Таганке они просто не знают и не слышали...» От вас же за десять лет — ни единого доброго словца. А теперь я высказал ряд критических соображений, иные из которых, в частности о языке, могут быть вам полезны, в ответ же получил от вас с Кожемяко поток мыльных пузырей, извлечь из которого хоть что-нибудь годное для употребления не представляется возможным. Но ведь среди не только верующих, как вы, но и неверующих на добро принято отвечать добром, тем более если даритель гораздо старше годами. Так кто же с кем не желает знаться? Я, конечно, не стал бы ворошить столь деликатное прошлое, но у меня нет более убедительного ответа на только что поставленный вопрос. К тому же именно моим нежеланием знаться вы объясняете появление моей статьи о вашей зелененькой премии. Будто бы это мой ответ на ваши настойчивые попытки подружиться. И значит, я был коварнее, чем хитрая Лиса с простофилей Журавлем в известной сказке.

Потом вы сказали: «Думаю, Бушин и не читал моего выступления (при получении премии), а только торопливо похватал отдельные куски, счел их подходящими для приговора, опасаясь, что полный текст может оказаться неподходящим, и повел стрельбу... сверка с текстом не поспевает за бегом ретивого пера». Вопрос тот же: откуда вы все это взяли? Я прочитал даже не один, а два варианта текста вашего выступления: стеснительный вариант в «Правде», которая выступила первой, а потом в бондаренковском «Дне». И в этом легко убедиться. «Правда» опустила ваши расшаркивания перед Солженицыным — я взял их для своей статьи из «Дня». А в «Дне» не было вашего знаменитого речения «Он есмь» (узнав от меня, что это неграмотно, Бондаренко, время позволяло, быстро убрал его),— я взял эту жемчужину из «Правды». Вот уж действительно сверка с текстом не поспевает за работой ретивого языка.

«ДЛЯ КОГО «BELKA» ГРЫЗЛА ЗОЛОТЫЕ ОРЕШКИ?

Жуткое впечатление производят и слова о моей «стрельбе», видимо из ПТР, по вашей уважаемой персоне во исполнение моего же «приговора» к высшей мере наказания. Какой приговор? Какая стрельба? Я всего лишь сожалею, что вы приняли премию антисоветчика, и был бы рад, если

вы отказались от нее. В 1994 году, когда Ельцин в связи с 70-летием Юрия Бондарева наградил его орденом, я написал юбиляру: «Юра, стыдно...» И он отказался от ордена, возможно, конечно, не только из-за моего письма, но все равно я был этому рад. А вы и дальше все о «приговорах»: «С жестокостью, ничуть не меньшей (!), чем решения исполкома народовольцев...» Ну зачем вы стращаете? Что, кого-то приговорили к смерти? «...Вынесли «приговор» Владимиру Солоухину: «Не наш, поди прочь!» Это кто же вынес такой приговор? И что, Солоухина выставили прочь из редколлегии «Нашего современника», или из правления Союза писателей, или, наконец, из переделкинской дачи, которую он имел вдобавок к дому в Алепине? Солоухин долгие годы воспевал коммунизм, Ленина, партию, свой партийный билет. А когда власть захватила наглая

коммунофобская банда, ненавидящая русский народ, то в угоду ей он принялся, порой даже за американские деньги, клеветать на коммунизм, на Ленина, на партию, на советское время. И что же, нельзя было сказать ему, что это предательство, тем более подлое, что совершено уже в старости, после того как получил от советской власти почти столько же, сколько вы, Валентин Григорьевич? Так зачем же взвинчивать обстановку? Если что-то было сказано несправедливо, опровергните. Докажите, например, что не Солоухин издал свою невежественную и лживую антикоммунистическую книжку «При свете дня» на доллары американской фирмы «Belka Trading Corporation», а коммунист Бушин — свою книгу «Клеветники России». Чего попусту воздух-то сотрясать?

УЧЕНЫЙ ПОСОБНИК ЕЛЬЦИНА ПО РУСОФОБИИ

Вы уверяете, что такой же приговор кто-то вынес еще Игорю Шафаревичу: «Не наш, поди прочь!» И что же, выперли его прочь из того же «Современника»? Из академиков? Выселили из Москвы? Лишили гражданства? Зачем вы нагнетаете истерию? Вы привыкли к неприкасаемости, но вот вас задели — и вы уже не владеете собой. В «Нашем современнике» №1 за 1992 год Шафаревич, ставя коммунистов и фашистов на одну доску, исходил завистью к западным немцам: «Солженицын подсчитал, что в ФРГ на процессах по денацификации осуждены 86 тысяч человек...» Это было малограмотное вранье того или другого. Солженицын, конечно, ничего не подсчитывал, да и нужды в этом не было: данные широко приводились в печати. Он или Шафаревич нагло,

врали. На самом деле 86 498 лиц были не осуждены, а лишь привлекались к суду, и 76 602 из них были оправданы, а осуждены всего 9898 («Правда», 5 января 1982 г.). Словом, перед нами факт девятикратного академического вранья: они ведь оба академики. А дальше, назвав фальшивую цифру осужденных нацистов, Шафаревич размечтался: «Если перевести (эти 86 тысяч нацистов) на нас по пропорции, то получится четверть миллиона!» Подсчитал выдающийся математик: четверть миллиона коммунистических преступников. Что же с ними делать? Нет, академик не требует их осуждения или расстрела, он гуманист. Он предлагает помочь идеологически, интеллектуально тем решительным «административным мерам», которые только что пришедший к власти Ельцин и его кровавый режим пустили в ход против коммунистов: «Есть у нас Антифашистский комитет. В Италии или Германии он был бы, наверное, нужен. Для нас — кажется затеей довольно академической. А вот Антикоммунистический комитет действительно необходим» (с. 7). Интересно, кого он хотел видеть председателем столь необходимого комитета. Не вас ли, Валентин Григорьевич? Ведь как эффектно: Герой соцтруда, кавалер ордена Ленина — и председатель коммунофобского комитета! А аппарат можно было использовать тот самый, что был в Антифашистском комитете, укрепив его Немцовым, Жириновским, Новодворской. Эти-то люди давно поняли, что антикоммунизм — крайняя форма русофобии, и уж они бы постарались. А вы хотите, чтобы этого умствующего пособника кровавого режима я считал «нашим»? И возмущаетесь, что его называют так, как он это заслужил?.. Мне остается лишь повторить вслед за читателем Малининым: «Очнитесь, Валентин Григорьевич!»

СТАРЦЫ ЗА СПИНОЙ АПОСТОЛА ПЕТРА

Вы сказали, что некие личности еще и «пытались измазать в грязи имя Владимира Крупина, не однажды набрасывались на многотрудливого Валерия Ганичева». Да что ж вы все в жмурки играете? Ни одного конкретного факта! Уж так и быть, помогу и здесь. Однажды я лично «набросился» на многотрудливого Ганичева, правда, деликатно не назвав его имени. Так посудите сами, какой случай. На чествовании Петра Проскурина он дарит ему икону апостола Петра, сопровождая это елейной речью. Если бы такой подарок сделал присутствовавший там о. Дудко, я бы промолчал. А ведь Ганичев-то в недалеком прошлом — завотделом пропаганды

ЦК комсомола, главный редактор «Комсомольской правды», директор издательства «Молодая гвардия», одной из основных задач коих была борьба с религией. И сам он, многотрудливый, отменно поработал на поприще борьбы с «опиумом народа». Ну надо же хотя бы писателям соблюдать деликатность! Нельзя же выставлять напоказ свою лихость да резвость, готовность крутиться в любом направлении. Тем более что апостол Петр едва ли одобрил бы тот факт, что Валерий Ганичев вот уже много-много лет сидит начальником в «Роман-газете» и уже давно — в кресле первого секретаря Союза писателей. Апостол может спросить: «Не утомился ли, раб божий? Не надоело ли? Ведь уже под семьдесят. Не кажется тебе, что чужой век заедаешь, как заедали его рабы божьи Вадим Кожевников и Михаил Алексеев, сидевшие в «Знамени» и «Москве» лет по 25—30?» Апостол может и добавить: «Надо думать о литературной смене! Ведь из-за вашей многотрудливости сменяют вас на ваших должностях те, кому уже под шестьдесят, как было с рабами божьими Куняевым и Бородиным. Наконец, нельзя ныне забывать и о том, что писатели русские бедствуют, работу ищут, а ты много лет два рабочих места занимаешь. Неужто хочешь угнаться за Бондаренко?..»

Что, Валентин Григорьевич, вы и об этом скажете, что «набросились на крупную фигуру, вставшую за Русь»?

ДУХОВНЫЙ ПОДВИГ КАМПАНЕЛЛЫ И КУНЯЕВА

А рядом с этой многотрудливостью неужели вам не претят бесконечные взаимные восхваления, премии, ярлыки... Вон ваши приятели Бондаренко и Кожемяко именуют вас «совестью народа». Они не понимают, что это пошлость уже по одной той причине, что куда ни плюнешь — попадешь в «совесть»: №1 — Сахаров, №2 — Лихачев, №3 — Солженицын, №4 — Кожинов, теперь №5 — Распутин... Это же неприлично, это то самое, что делают на НТВ и в других подобных очагах культуры. Неужели Вам не хочется осадить своих обожателей? Тем более что ведь они просто не понимают, что говорят. Полюбуйтесь на этого гордеца В. Кожемяку: «Я фигурирую среди ваших «чувствительных почитателей», выдавших вам титул «совесть народа». Что ж, не отрекаюсь. Остаюсь почитателем, по-прежнему ценю совестливость вашу». Не понимает, что именно отрекся, отобрал у вас назад громкий титул, сунул вместо него житейский ширпотреб и уверяет, что все обстоит «по-прежнему». От подобных вос-

хвалений уже просто деваться некуда. И это патриоты! И в такое страшное для народа время!.. Неужели не видите это хотя бы у себя в журнале? Вот главный редактор печатает в пятнадцати номерах свои воспоминания, перемежая их главами сочинения своего родного сына, а также воспоминаниями родной матушки. И еще не окончилась публикация, как уже одиннадцать полос журнала отводятся для хора из шестнадцати голосов, поющих автору аллилуйю под

заголовком «Хочется низко поклониться». И тут же Александр Бобров возглашает в «Советской России»: «Духовный подвиг!» Ну в чем тут подвиг? Может, автор писал свои воспоминания, как писал «Город Солнца» Кампанелла, сидя 27 лет в темнице? Или как Некрасов свои первые стихи — в пучине нищеты и голода? Или как Николай Островский, прикованный болезнью к постели? Или, как у Шолохова с «Тихим Доном», были великие трудности с печатанием? Или, наконец, как Лермонтову за «Смерть поэта», грозила ему ссылка под чеченские пули?.. Да ничего же подобного! Здоровый сытый мужик в тепле и холе писал себе и писал. И когда хотел, тогда и печатал в своем журнале безо всякого постороннего вмешательства в текст. И существовало только одно ограничение: нежелательно было в одном номере с сыном. А тут еще и премию какую-то сходу огреб. Подвиг!.. Вот о чем вам бы, Валентин Григорьевич, словцо православное сказать. Да нет, ни за что не посмеете: свои!

Что ж, на первый случай хватит. Если будет время, заходите. Мы гостям всегда рады. Только уж теперь, пожалуйста, без Кожемяки. Нестабильный, знаете ли, человек. Всего наилучшего!

12 марта 2001 г.

ФИЛЕМОН И БАВКИДА УДИВИТЕЛЬНОГО ВИДА

В моей статье, что была напечатана в конце минувшего года в «Завтра», я выразил крайнее изумление по поводу того, что знаменитая оперная певица Галина Вишневская, советская звезда, обитающая ныне во Франции, явившись не так давно по случаю своего 75-летия в передачу Н. Сванидзе «Зеркало», заявила, что в России пора вводить цензуру. Я ее поддерживаю. Но в чем дело? Ведь мадам Звезда уж до того безбрежная демократка, такая пламенная прогрессистка, столь неукротимая воительница за приоритет прав личности! Оказалось, все дело в том, что какая-то демократская газета, не то «Коммерсант», не то «Независимая», осмелились покритиковать ее несравненного Филемона по имени Мстислав Леопольдович Ростропович — и этого для верной Бавкиды было достаточно, чтобы тотчас наплевать на все свои прогрессивнейшие убеждения, разметать либеральнейшие наряды и на всю Россию возопить: «Цензуру! Немедленно!» В самом конце статьи я терзался догадкой: «Да что же именно написали о прославленном Ростроповиче? Неужто назвали воспитанником гитлерюгенда, как Сванидзе? Или что он, как Чубайс, согласен на истребление 30 миллионов соотечественников? А может, нарекли прислужником кровавого ельцинского режима?» Ответа не было... И вдруг все прояснилось. 12 января в том же «Зеркале» у той же Сванидзы появился сам Филемон Ростропович. Для того чтобы взять у него телеинтервью, ведущий программы прокатился в Италию, где Филемон дирижировал оперой Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Интервью пространное. А изъяснялся суперинтеллигент языком Вити Черномырдина из деревни Черный Острог. И о чем только не наговорил, то и дело путаясь, повторяясь и косноязыча... О себе и своем премированном Сталиным таланте, о своей Бавкиде и ее благородстве, о страсти к неприличным анекдотам, о Шостаковиче как о гении и любителе выпить, о его опере, о своем глубоком почтении к «поллитровочке», о том, что уже в восемнадцать лет обожал шастать по комиссионкам и даже

о своей великой и неутешной любви к России... С объявлением ответа на наш вопрос в прошлой статье спешить не будем. Пока заметим, что чаще других в страстной речи Филемона встречалось категорическое словцо «очень». Именно с

помощью его он силился выразить свою безграничную любовь к родине: «Я очень люблю Россию, больше всего люблю...», «Я очень, очень люблю Россию, больше, чем могу любить что-либо другое...»

Какая широкая душа, какое большое сердце! Прекрасно. Но возникает недоуменный вопрос: если уж так пылко любишь родину, так очень-очень-очень обожаешь ее, то почему же двадцать пять лет бегаешь от нее по закоулкам всего мира? Ну, допустим, раньше не нравилась бездушная советская власть, но уже десять лет в стране власть антисоветская, душевная. Что теперь-то удерживает обнять и облобызать родину? Не свидетельствует ли ваше столь долгое невозвращение, мусье, о том, что в 1974 году вас с Вишневской никто не выгонял из страны, вы сами остались за границей, но вам ловко удалось придать этому форму изгнания и скитальчества двух гениев?.. Оказывается, дело в том, что есть еще одна страна, которую маэстро тоже любит очень-очень-очень: «После семнадцати лет пребывания в Америке могу сказать, что я очень люблю эту страну. Я эту страну очень уважаю. Я очень тяжело вместе с ней пережил 11 сентября. И я очень счастлив, что мы все-таки нашли какую-то общую платформу...»

Но все-таки есть некоторые основания подозревать, что Россию Ростропович любит больше. Во всяком случае, ради Америки он не жертвовал жизнью, а ради России — готов был. Я, говорит, из-за оченной любви к родине приехал в августе 91-го года защищать у Белого дома демократию, «будучи твердо уверен, что меня убьют». Уверен, уверен... Убьют, укокошат... Да откуда же такая уверенность, если тогда погибли только три человека, и притом по своей вине — пытались остановить танк. Нет, говорит, меня бы непременно кокнули — виолончелью по черепушке или смычком, как пикой, в пузо. И положили бы мой красивый труп в футляр, и пустили бы его по Москве-реке. Но поскольку у меня, говорит, на два года вперед были расписаны мои концерты, то во всем мире вздыхали бы: «Жаль, что убили. Можно было еще послушать висельника».

Это одно доказательство любви к родине больше, чем к Америке.

А другое, говорит, Фонд помощи педиатрии в России. И опять заочкал: «Это очень серьезно, очень серьезно, очень!»

Замечательно! А откуда деньги? Да вот: «Соединенные Штаты помогают материально. Я был хорошо знаком с четырьмя президентами. Поэтому, когда прошу президента США о помощи моему Фонду, они очень, очень откликаются. Очень помог Клинтон, очень помог новый президент Буш». Ужасно интересно, столько же каждый президент отвалил и что это были за деньги — не русского ли происхождения? Помните, как молодой Хаммер, разбогатев на махинациях в России, в старости, к восторгу и умилению Немцова и Хакамады, дарил нам, как папуасам, какие-то побрякушки. Так сколько же пожертвований и откуда? Молчание. Тайна. Туман. «Мы обладаем суммой денег (?), которая позволяет, очевидно (!), через два года (!) закончить вакцинацию более полутора миллионов детей от гепатита». Тут воскликнул уже Сванидзе: «Прекрасно! Замечательно!» А мы все-таки хотим внести ясность. «Очень помог Клинтон»?.. Где вы были, что делали, Мстислав Леопольдович, 24 октября 1995 года? Вполне возможно, что находились в США, давали концерт в Белом доме, а потом клянчили у друга Клинтона денег для своего Фонда. Если так, то друг Клинтон явился на ваш концерт и отмусолил вам деньжат после заседания Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США. Там, как недавно напомнил нам в «Правде» академик В. Видьманов, хотя это было известно и раньше, в этот день Клинтон выступил с речью, в которой сказал, в частности: «Используя промахи

советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занимал проамериканскую позицию (подобно вам, Филемон Леопольдович.— *В. Б.),* мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, неразрушенное бомбами государство... За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 миллиардов долларов, сотни тонн золота, драгоценных камней. Под несуществующие проекты нам переданы (!) за ничтожно малые суммы свыше 20 тысяч тонн меди, почти 50 тысяч тонн алюминия, 2 тысячи тонн цезия, стронция и многое другое». А кто же «передал» такие сокровища? Да ведь не коммунисты же, а ваши друзья, Филемоша. И все это — лишь за четыре года, А ведь дальше, после октября 1995 года, грабеж вашей родины, мусье, только рос и ширился и продолжается до сих пор, как и гениальное ваше пиликанье смычком и супергениальное завывание вашей супруги. Не из бюджета США и, уж разумеется, не из своего кармана, а

именно из этих наворованных в России сокровищ Клинтон, Буш и их предшественники швыряли вам подачки, вызывающие у вас такие холопские восторг и умиление... Иначе говоря, ограбив 145 миллионов россиян, в том числе десятки миллионов наших детей, наших потомков, Клинтон и все эти клинтонята теперь дали вам, фигурально выражаясь, несколько болванок из русской меди, и вы уверяете, что, очевидно (!), через два года вакцинируете полтора миллиона детей... А когда в 1974 году вы удрали из Советского Союза, то вскоре, в 1975 году, в США были принята директива НСДД-75, где говорилось: «США обладают необходимой мощью для разрушения СССР. Следовательно, мы должны приложить все силы для разрушения СССР при помощи массированных подрывных операций и огромных денежных субсидий «пятой колонне». Вот вы, Ростропович, и получили часть этих субсидий для «пятой колонны». Может быть, что-то перепало и артисту Олегу Табакову, и телевизионщику Леониду Млечину, и, по выражению одного милиционера, великому писателю Жванецкому...

Но все-таки хочется узнать, сколько все-таки сунули-то, хватит ли на вакцинацию хотя бы и полутора миллиона детей? Ростропович пытается успокоить: там, дескать, не только президентские, там есть и мои деньги, там есть деньги и Вишневской. Но опять — ни слова о суммах. Однако еще удивительнее другое: выходит, муж и жена каждый в своем чулке деньги-то держат. Странно узнать этакое о великих патриотах России. Не по-русски же! Неужели Филемон достает иной раз из персонального чулка десять долларов и говорит Бавкиде: «Сбегала бы ты, ангел небесный, за поллитровочкой». Неужели Бавкида достает иной раз из бюстгальтера пятьдесят долларов и говорит Филемону: «Вот ты едешь в Италию на премьеру «Леди Макбет». Привези мне оттуда, ангел подколодный, десять килограммов лучших макарон».

В интервью было затронуто немало и других вопросов. Так, Ростропович решительно одобрил тот факт, что Россию покидают талантливые молодые музыканты: «Они сделали блистательную карьеру на Запада. Разве это плохо?.. Они прославляют нас. Это совсем не плохо». Да, это совсем не плохо, но, во-первых, несравненно лучше, когда артист или писатель, скульптор или режиссер «делают блистательную карьеру» у себя на родине, а потом обретают славу во всем мире, как это было, например, с Шостаковичем и Шолоховым, с Верой Мухиной и Сергеем Эйзенштейном, а также с вами лично, мусье, и с вашей собственной супругой. И вам бы, патриот, впору не ликовать по поводу бегства

талантов
169
из России, а задуматься, почему же здесь исчезли условия для их расцвета и кто в этом виноват. Во-вторых, при советской власти выезжали в другие страны на гастроли, на разного рода конкурсы, соревнования, матчи множество наших театров, артистов, спортсменов, и порой иные из них, завоевав аплодисменты, высокие призы, лестную прессу действительно там, за рубежом, обретали славу, но потом они возвращались со своей славой на родину. И опять подумайте, почему этого теперь нет. Ответить Ростроповичу нечего, но зато он очень доволен собой: «На Западе через меня знают, что русские — неплохие люди». Неплохие... Ему по бедности этого довольно. А в советское время весь мир восхищался, рукоплескал таким русским людьми, как Ленин и Горький, Чкалов и Шостакович, Жуков и Гагарин, Курчатов и Анатолий Карпов... В-третьих, если вы радуетесь отъезду за границу, в частности в США, музыкантов, то, надо думать, ликуете и при виде отъезда ученых, врачей, спортсменов... Америка богатеет русскими талантами, а ваша очень-очень-очень любимая родина нищает. И вы радуетесь? Какой же вы русский? Этот вопрос невольно всплыл еще раньше, когда Филемон поведал (наконец-то мы добрались до зарытой собаки), почему же именно его Бавкида требует введения в России цензуры. Оказывается, кто-то где-то написал, что сейчас «любой студент играет лучше Ростроповича». Что ж тут обидного для 75-летнего старика? Как сказал классик, «нам время тлеть, а им — цвести». Увы, закон жизни... Ведь сам-то получил первый приз на конкурсе в восемнадцать лет. Через три года — солист Московской филармонии, еще через три — Сталинская премия. Казалось бы, истинный патриот радоваться должен, если на родине так много талантливой молодежи. Как сказал другой поэт, «учитель, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться». Так нет же! Демарш, обида, вопли: «Цензуру мне, цензуру!» И тут, чтобы понять и оценить должным образом столь странное поведение патриота и его супруги, следует обратиться к ее известному сочинению «Галина». Но прежде еще лишь одно замечание. Большое место в интервью заняли воспоминания о Шостаковиче, рассуждения о его опере «Леди Макбет Мценского уезда». Мы к ним еще вернемся. А пока отметим лишь, что, как ни убоги антисоветские размышлизмы Ростроповича, его собеседнику Сванидзе удалось превзойти маэстро. Судите сами: пустившись в рассуждения об упомянутой опере, он, подцепив ту же бациллу «очень», понес: «Только очень молодой человек в 30-е годы в Советском Союзе мог использовать этот сюжет (Н. Лескова.— *В. Б),* перенеся на
170
русскую почву вечные трагические страсти». Вы подумайте: Шостакович перенес на русскую почву русского писателя Лескова Николая Семеновича и его русских героев из Мценского уезда Орловской губернии! А до этого трагических страстей русская земля не ведала. Этот олух царя небесного, знать, уверен, что Мценск — это Мец, что ли, который во Франции на реке Мозель, только русские пентюхи так его произносят. А дальше, пересказав сюжет, шпарит уж совсем полоумно: «Все это очень лично, очень порочно, очень кроваво и очень ново, очень богато адреналином». Ах ты холецистит твою мать!.. Ведь уже написаны первые книги «Тихого Дона», где с избытком и порока, и крови... И вот достойный финал: «Насилие, кровь, смерть, каторжный этап — весь этот багровый набор, такой близко узнаваемый в советские тридцатые годы (опера писалась в самом начале 30-х.— *В. Б.),* но только без шпионов и вредителей, без троцкистов-бухаринцев, без борьбы за выполнение плана по чугуну должен был больно ударить по сильным того мира». Иначе говоря, эта больно ударенная скорбная образина пытается представить оперу Лескова — Шостаковича как сочинение

антисоветское. А вот что говорил о своем произведении сам композитор: «Я старался создать оперу — разоблачающую сатиру, срывающую маски и заставляющую ненавидеть весь страшный произвол и издевательство купеческого быта» (Советское искусство, 16 октября 1932). Какая отменная семидесятилетней выдержки оплеуха безмозглому холую! Но обратите внимание, как изящно этот олух иронизирует по поводу шпионов и вредителей, троцкистов и бухаринцев. Что, разве их не было? Выдумка сталинской пропаганды? До нынешних дней дожили! Ты, образина, и есть один из первых троцкистов и вредителей эпохи Ельцина. А сколько у него яда по поводу выполнения плана по чугуну! Да где бы ты, еврейское отродье, был сейчас без выполнения этих планов?

Итак, обратимся к воспоминаниям Галины Вишневской, скромно озаглавленных «Галина». Она дала ей и подзаголовок «История жизни», а в конце добавила: «Книга — о моей стране, о событиях нашей жизни, о которых пока не написал никто». И еще: «Это жизнь каждого моего соотечественника, старый он или молодой». Так что постоянно помни, читатель, вся эта книга и о тебе. Наконец: «В книге нет ничего выдуманного, вот ей и верят». «Галине» верят?.. И чего это Герцен не догадался «Былое и думы» окрестить на такой же манер — «Александр Иванович»? А у Вишневской есть еще и поместье в США, названное хозяйкой столь же нестандартно — Галино. Ее друг Александр Солженицын 9 февраля 1984 года, обре-

таясь еще в штате Вермонт, писал ей и ее Филемону; «Дорогие Галочка и Слава!.. Если будете в Галино — заезжайте к нам непременно». Видимо, это где-то по соседству, в одной волости. Можно было ожидать, что живой классик последует примеру звездных друзей и назовет свое американское поместье, допустим, Сашино, а московское, что в Троице-Лыкове,— Шуриково. Однако почему-то не последовал. Неужто скромность заела?

Французский композитор Ландовский (ох уж эти французы и там и здесь!) в 1996 году сочинил по книге потрясающую оперу с тем же названием. Но почему ее поставили, однако, не в Париже, а в провинции? Бог весть! Во всяком случае, это была не мировая премьера, как ныне выражаются. И сенсацией опера отчего-то не стала, хотя Вишневская уверяет, что образы и ее и Ростроповича так пронзительны, что, придя на репетицию, она «зажала рот рукой, чтобы не закричать». А уж она это умеет и любит.

Впервые «Галина» появилась в 1984 году на английском языке в США. «Затем,— говорит артистка,— она была переведена на более чем двадцать языков, передавалась (?) по всему миру. По-русски в 1985 году ее издал в Париже Владимир Максимов (кто же еще! — *В. Б.)*. Книга долго была в списке бестселлеров, я получила за нее несколько литературных наград: премию критики, премию французской Академии искусств, другие...» В России воспоминания вышли в 1991 году в издательстве «Согласие», потом кое-где еще. Может быть, кто-то уже и оперу пишет или балет сочиняет по ней. Кажется, последний раз в серии «Женщина-миф» книга вышла в Смоленске в 1999 году в издательстве «Русич». И то сказать, какой же русич не любит женщин-миф! С портретом роскошной красавицы на ядовито-зеленой глянцевой обложке эта книга вот уже третий год стоит и сейчас на полках Сотого книжного магазина, что на улице Горького, пониже Елисеевского. В аннотации к этому изданию перечисляются страны, где книга вышла: США, Англия, Австралия, Швеция, Франция, Италия, Испания, Япония, Голландия, Израиль, ФРГ, Югославия, даже Исландия, ну и теперь Россия. О-го-го! Хотя до «более чем двадцать» это далековато, но все же. Пожалуй, не отстала «Галина» от полубессмертного

«Архипелага».

Видимо, во всех названных странах никакой цензуры, никакого редактирования рукописей и даже «бюро проверки», как было заведено у нас при социализме, не существует. В противном случае есть основания полагать, что хотя бы в Исландии книга в таком виде не вышла. Почему? Об этом

потом. А пока заметим, что, казалось бы, сочинительница должна радоваться, ликовать по поводу отсутствия цензуры, позволившей ее книге расползтись по всему свету. Но, как уже сказано, что мы с изумлением услышали недавно? «Даешь цензуру!» Вот тебе и демократия. И все из-за того, что обидели Филемошу...

Это очень странно, ибо, по-моему, никто так не обижал несчастного Филемона, как его собственная родная Бавкида. Ведь в своей книге, на мой взгляд, она создала яркий образ не столько замечательного музыканта и кавалера ордена «Рыцаря Британской империи», сколько всемирного барахольщика. Да, она ему там то и дело твердит: «Ты гениальный виолончелист!.. Ты грандиозная личность!.. Ты уникальный субъект!» Но в то же время обстоятельно, дотошно рассказывает, как он годами, десятилетиями из каждой заграничной поездки тащил домой все что мог. Например, в дни ее беременности: «Дождалась! Вечером 17 марта (1956 года) он вернулся из Лондона... И вот, как у фокусника из волшебного ящика появляются всевозможные чудеса, так из Славиного чемодана полетели на меня фантастические шелка, шали, духи и еще какие-то невероятно красивые вещи... Наконец вывалилась оттуда роскошная шуба и упала мне на колени. Я только ахала, а сияющий Слава ходил вокруг... Его просто распирало от гордости и удовольствия, что он такой замечательный, такой богатый муж, что смог преподнести мне такие красивые вещи, каких нет ни у одной артистки Большого театра». Вот в чем их гордость: у других нет, а у нас есть! Именно откуда пошли у нас и такие телепередачи, как «Алчность», и призывы нынешней рекламы «Дайте волю своей алчности!», и ее зазывные девизы: «Сотовый телефон Эл-Джи — это прекрасный повод для гордости!» Да, у них так: LG — это звучит гордо!.. А когда Филемоша-барахольщик ходил вокруг, то говорил Бавкидушке вот что: «Теперь тебе легче будет рожать. Как только станет очень больно, ты вспомни про какое-нибудь красивое платье, и все пройдет». Да, видимо, у людей этой породы барахло имеет не только духоподъемное, но и анестезирующее свойство. А до этого из Лондона он внушал ей по телефону: «Не смей читать страшные книги. Читай сонеты Шекспира!» Он уверен, что эти сонеты — сплошной восторг жизни. Увы, Шекспира великий артист знает несколько хуже, чем заграничное барахло. Ведь в этих сонетах немало такого, что беременным, конечно же, читать крайне нежелательно,— и печального, и скорбного, и поистине страшного. Например, 72-й сонет начинается так:

Когда меня отправят под арест
Без выкупа, залога и отсрочки...

Ничего себе перспективочка!.. А 74-й еще страшнее:

О, если ты тот день переживешь,
Когда меня накроет смерть доскою...

Уж не говорю о всем известном 66-м сонете:

Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянье...

И что же, это должна была читать роженица на девятом месяце, буквально на сносях?

Но не думайте, что Филемон был волшебником только в дни беременности Бавкиды. Вот читаем о его другой поездке: «Слава набрался в Америке новых «прогрессивных» идей и привез оттуда огромный запас детского сухого питания, пластиковые бутылочки, соски и очаровательные платьица». Прогрессивность идей не зря тут взята в кавычки: с такими же идеями вернулся из Америки душегуб Ельцин и принялся за свое кровавое дело .

Впрочем, со временем супруги стали работать на пару: «Вся мебель на даче и в Москве (в четырехкомнатной квартире, 100 квадратных метров), посуда, белье, холодильники, машины, рояли (сколько?) — все было привезено из-за границы, даже крышу для дачи мы купили в Голландии. Всю одежду для себя и детей я везла из-за границы, вплоть до ниток на платья. Везла растворимый кофе, колбасу, кастрюли и стиральный порошок». Каков списочек! Крыша — из Голландии... И едва ли он полный, возможно, это лишь часть списка. Может, забыта водосточная труба из Люксембурга или толчок из Норвегии? А вечером Слава, конечно же, читал супруге — они всегда жили насыщенной духовной жизнью — если не Шекспира, то хотя бы Мандельштама:

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список барахла прочел до половины...

— Так и написано? — возможно, переспросила бы радостно супруга.

— Ах, я увлекся,— ответил бы Ростропович.— «Список кораблей».

Пожалуй, он думает, что корабли ахейцев, шедших войной на Трою, были гружены детским питанием, сосисками,

стиральным порошком «Ariel»... Но вот еще один набег на родину Шекспира: «Слава купил огромную машину «ленд-ровер». Я всячески уговаривала его не обзаводиться еще одной лишней вещью». Действительно, ведь это уже четвертая машина, а в семье всего четыре человека, причем две дочери еще школьницы. Быстроумная Вишневская, видимо, уже сообразила, как они выглядят в глазах соседей и знакомых, например, Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, в 41-м году отдавшего свою Сталинскую премию первой степени (100 тысяч рублей) в Фонд обороны. Но Ростропович не ведал угомону и, надо полагать, прекрасно зная толк в каждой мелочи, «он набил новую машину до отказа обоями для московской квартиры, какой-то мебелью для кухни, ящиками... Мы еле закрыли двери, и о том, чтобы войти внутрь машины, не могло быть и речи: оставались свободными лишь два передних места, где мы и разместились. Решив, что не все еще свободное место использовано, на крышу Слава поместил огромный железный сундук, нагрузив его банками краски для дачи. Наконец, прицепив сзади лодку на колесах, счастливый Ростропович объявил, что он готов...» А еще приладил гудок (запомнилось по Мюнхену и не давало спать), который издавал звук коровьего мычания. И в таком виде через всю Европу до улицы Огарева, дом 13, потом — до подмосковной Жуковки... Вы помните, читатель? Вишневская уверяет, что все это, вплоть до коровьева гудка, и о нас с вами... Она пишет, что они с мужем много поработали в мире на славу русского искусства. Никто не спорит. А на что работали они, колеся по Европе в ломящейся от барахла новейшей «Антилопе Гну» с громыхающими железными ящиками на крыше и с

коровьим ревом на все цивилизованное сообщество? Ведь в этой картине не хватало только бегущего сзади Паниковского с украденным гусем под мышкой и истошным криком «Возьмите меня! Я хороший!». Или Глеба Глебовского с флажком «Гражданский форум». И тут особый, непредвиденный ею смысл обрели слова: «С первых шагов по Чехословакии мы поняли, что разговаривать с людьми по-русски не следует: нам просто не отвечают и с ненавистью смотрят на нас». И на вашу груженную барахлом «Антилопу». А как смотрели на них в Белоруссии и России?

Шло время, и дело постепенно обретало скандальный оборот. Бавкида урезонивала Филемона: «Перестань, нам уже ничего не нужно. Ты купил третью машину (как уже сказано, по некоторым сведениям, четвертую). Остановись, посиди дома, с детьми позанимайся». Или уж начал бы кроликов, что ли, разводить... Но он все хватал, цапал, волок...

Глубокого значения исполнена сцена проводов Ростроповича в Шереметьевском аэропорту в 1974 году, когда он получил разрешение поехать на два года за границу. На контроле его попросили открыть чемодан. «Слава открыл, и я остолбенела,— пишет супруга,— сверху лежит его старая рваная дубленка, в которой наш истопник на даче в подвал спускался. Когда он успел положить ее туда?

— Ты зачем взял эту рвань? Дай ее сюда.

— А зима придет...

— Так купим! Ты что, рехнулся?

— Оставь ее...оставь...»

Подумать только, рыцарь Британской империи у бедного кочегара рванину спер... Видимо, последнее слово, сказанное здесь женой, имеет не пустое значение... И вот после всех этих столь колоритных картин — вопль гнева со всероссийской трибуны на каких-то безвестных газетчиков: «Не смейте трогать моего грандиозного Славочку. Даешь цензуру!»

Но тут возникают новые соображения по этой теме. С одной стороны, ведь сам-то Ростропович тоже за словом в карман не лезет. Вот услышал он выступление одного крупного лидера оппозиции и сказал на всю страну: «Как будто побывал в дурдоме!» И это еще цветочек! С другой стороны, Галина Павловна в этом деле далеко превосходит своего знаменитого супруга. Вот лишь несколько словечек и выражений, которые она в своей книге энергично прилагает к нелюбезным ей людям, причем конкретным, названым по именам: «дураки и негодяи», «дура баба»,.«идиот», «сволочь», «тварь», «быдло», «мурло», «мразь», «дерьмо», «плюгавое существо», «шайка», «черт с тобой!», «к черту ваше мнение!», «пошли все к чертовой матери!», «артисты Большого театра скачут, как блохи», «дорвавшийся до власти самодур», «бандит», «лапотное хамство», «он наполнял своими творческими испражнениями Большой театр», «подох, как шакал», «закопают, как падаль», «они пиз...т» и т.п. Интересно, все ли это, в том числе последнее реченьице, удалось адекватно перевести на двадцать с лишним языков... А ведь так, между прочим, изъяснялись когда-то только на Цветном бульваре в Москве да на Лиговке в Ленинграде дамы с ограниченной ответственностью. Нельзя не обратить внимание еще и вот на что. В 1967 году во время гастролей Большого театра в Канаде на спектакле «Пиковая дама», где Вишневская пела партию Лизы, произошел конфуз. И она пишет: «Всю ночь мы не спали и, получив газеты, впились в них глазами так, будто ждали объявления войны. Спектакль понравился одним больше, другим меньше, но музыкальный критик «Нью-

Йорк таймс» спектакль просто разругал. Не стесняясь в подборе слов, он язвил над постановщиком, ругал солистов, бранил декорации и долго изощрялся в остроумии...» Смотрите: критик разнес весь спектакль, не критиковал, а бранил, ругался, не стеснялся в выражениях, но артистка не потребовала введения цензуры в Канаде или США, а на родине из-за ее Славочки — немедленно! Какой содержательный материал для изучения многоликости холуйства...

Галина Вишневская родилась 25 октября 1926 года. По гороскопу это Скорпион. Она откровенна: «Что и говорить, характерец у меня был, конечно, не сахар... Я была ужасно упряма и настойчива. Уж если чего захочу — подай, и кончено. Во что бы то ни стало... Если же ставила перед собой цель, то шла напролом. Хоть кол на голове теши». Это о детстве. Но с годами скорпионье начало только развилось и укрепилось. Вот о юности, о молодости: «В ранней молодости, в 25 лет, получив самое высшее, что есть в стране,— Большой театр, я сразу заняла в нем особое, привилегированное положение, артисты считали за честь петь со мной... Я хотела стать великой артисткой — такой, каким был Шаляпин, какой в Большом театре нет...» А дальше уже о зрелых годах и о старости: «Во время заграничных гастролей мы со Славой жили отдельно от театра и ни разу не отведали его жалкой кулинарии... Я — знаменитая артистка... Драматизм моего исполнения потрясает... Придраться к моей профессиональной форме невозможно — я пою лучше других и выгляжу лучше других...» Все это замечательно, хотя и попахивает Лиговкой. И миллионы телезрителей могли, например, 10 ноября прошлого года воочию убедиться, что Галина Павловна действительно выглядит «лучше других» — таких, допустим, как ее собеседник Сванидзе. Но дело-то в том, что артистка-пенсионерка делит весь народ на две неравные части: одни, немногие — «потомки Пушкина, Достоевского, Толстого, спорящие о смысле жизни», вторые, большинство — «потонувшие в дремучем пьянстве, одичавшие в бездуховности» почитатели алкоголика Высоцкого. Себя она относит, разумеется, к первым, к избранным. Замечательно! Но ведь вот беда: из названных «потомков» никто не стал бы кричать о себе на весь мир, какая у него форма, как он знаменит, как при случае хотел бы вцепиться зубами в глотку собеседнику, а потом взорвать весь мир. Среди «потомков» все это считается плебейством, непотребщиной и человеконенавистничеством.

Как формировалась такая уникальная натура? Тут полезно заглянуть в ее детство. У нее, по собственному признанию,

жуткая наследственность. Она не скрывает, что среди родственников было немало пьяниц, даже алкоголиков, дебоширов, гуляк, да еще были, как ныне говорят, серийные убийцы и самоубийцы. Так, один из них, «пьяный, схватил топор, за-, рубил жену, потом ее сестру, а потом и себя зарезал». Мать, была очень красивой и разгульной женщиной. «В трудный час с отчаяния вышла она замуж» за будущего отца Вишневской: ей не исполнилось еще и восемнадцати, а уже была беременна, и притом от другого. Хорошенькое начало для семейной жизни... Однако в таком положении выйдя замуж, мать не оставила веселой жизни. «Когда отец дома, то и дня не проходит без скандала»,— рассказывает наша писательница. Но по работе отец часто ездил в командировки. «Когда его нет,— продолжает беспощадная дочь,— появляются мужчины. Мне кажется, что она и меня не любит». Возвратившись, отец узнает о визитах ухажеров, и тогда начинаются кошмары такого рода: «Однажды ночью я проснулась от крика: мать в одной рубашке бегала по комнате, а за нею с топором в руке — пьяный, совершенно обезумевший отец. Отец схватил меня, кричит: «Говори, кто был у матери? Говори — или убью!..» Через пять лет, в 1930 году, родители

разошлись...

Вот такая прискорбная семья. Надо полагать, отец-то любил мучительной любовью мать, если женился на беременной и так дико ревновал. Но она его не любила, была равнодушна и к дочери от нелюбимого человека. А дочь, признавая, что «была неласковым ребенком», говорит: «Она никогда не была «моей». Дочь даже не могла произнести слово «мама». А отца она люто ненавидела: «В моей детской душе разгоралось пламя ярости и ненависти к нему самому, к его словам, даже к его голосу. У меня бывало непреодолимое желание подойти к нему сзади и ударить по красному затылку». Чем ударить? Возможно, тем самым топором, что, как видно, всегда лежал у них под лавкой... Что ж, понять это можно, во всех землях, во все времена водились выпивохи, и дебоширы, и гулящие жены, и безумные ревнивцы... Казалось бы, имея за плечами такое детство, испытывая столь свирепую ненависть к отцу даже теперь, когда прошло лет сорок пять после его мучительной смерти от рака, Вишневская должна бы понять драму Павлика Морозова, у которого было гораздо больше оснований ненавидеть своего отца: ее отец лишь грозился, а там — бил смертным боем и жену, и Павлика с братом; ее отец имел причину для угроз матери, а там — без всякой причины бросил семью и ушел от молодой жены к другой женщине в этой же деревне,— ведь, по деревенским

понятиям того времени, это такой позор для брошенной. Вишневская была безразлична к своей матери, даже сейчас называет ее кукушкой, а Павлик обожал свою несчастную мать-труженицу, на руках которой была семья... Да, казалось бы, должна понять, есть же солидарность в беде, есть выражение «товарищи по несчастью». Но вот что она пишет: «Двенадцатилетний предатель Павлик Морозов, удостоенный за свое предательство памятников» и т. д. в духе Альперовича, Куняева, Амлинского, Радзинского... А доносы Павлик не писал. Он встал на суде в защиту своей несчастной матери, которая дала показания о своем муже-прохвосте, о его измывательстве над семьей, о жульничестве, о незаконных корыстных проделках. И вот за это именно — за защиту матери — подросток и поплатился жизнью. Его, а заодно и младшего брата, убили родной дед и родной дядька. О пустячном наказании отца Павлика, об убийстве братьев, о кровавых извергах суперзвезда даже не упоминает, тем самым защищая их.

Родившись в крайне неблагополучной семье, всю жизнь ненавидя отца и будучи совершенно равнодушной к матери, преуспевшая дочка пытается представить свою несчастную семью типичным порождением времени: «Это все-таки удивительно, как быстро сумела советская власть морально развратить людей, разрушить кровное отношение детей к родителям, родителей к детям, уничтожить вековые семейные традиции...» Типичный прием всех демагогов.

Вишневская уверяет, что отец был зверь зверем и ненавидел ее. Но факты, которые сама же приводит, мягко выражаясь, не подтверждают это. В самом деле, когда родители расходились, он спросил четырехлетнюю дочь, с кем она хочет остаться, и та ответила: «С тобой». Фактически жила с бабушкой, но когда было шесть лет, отец, работавший на какой-то далекой стройке, пригласил туда дочь с бабушкой на целый месяц погостить. Перед войной он работал в Тарту, и уже шестнадцатилетняя дочь гостила у него и там. В книге есть очень благостная того времени фотография их вместе. В пору ленинградской блокады, имея уже другую семью, отец подкармливал дочь и однажды даже пригласил ее отметить вместе с женой Новый, 1942 год. Когда Вишневская после первых родов лежала с высокой температурой, отец с новой женой навестил ее.

Да, многие факты противоречат. Но дочь на протяжении всей книги поносит

и проклинает отца. Ну помянула бы единым добрым словечком хотя бы за то, что он с матерью наградили ее отменным здоровьем, красотой, голосом, любо-
179
вью к пению. Нет!.. Пожалела бы хоть за то, что он, по ее же словам, ни за что отсидел десять лет в лагере. Нет!.. Молвила бы хоть малое словцо сострадания — ведь изображает себя верующей! — за его мучительную смерть от рака. Нет!.. Вместо этого уверяет, что отец, выйдя в 1956 году из заключения, первым, делом «пришел в отдел кадров Большого театра с доносом, что его дочь не сообщила в анкетах, что он арестован по политической статье. Надеялся, что дочь немедленно выгонят из театра». Да как в это поверить! Во-первых, уж если отец был такой негодяй да еще больной (через два года умер) и, надо полагать, сразу после лагеря неустроенный, то гораздо вероятнее, что он попытался бы восстановить добрые отношения с дочерью и извлечь какую-то выгоду для себя из успехов и славы восходящей звезды Большого театра. А во-вторых, да откуда вчерашний зэк мог знать, что его дочь несколько лет тому назад писала в анкетах, а что утаила. Сама, что ли, сообщила? Но ведь по книге есть все основания полагать, что преуспевающая дочь все десять лет не только не помогала отцу, не посылала ему хотя бы изредка посылочку в лагерь, но даже и не писала писем. В-третьих, звезда театра, в отличие от Павлика Морозова, которого поносит, состояла тогда в весьма близком общении с сотрудниками КГБ. В секретных номерах «Метрополя» она писала «отчеты» о своих знакомых, начиная с безвестного пианиста Петунина и кончая знаменитым шахматистом Смысловым. А уж им-то, сотрудничкам, не составляло труда проверить достоверность ее анкет.

Чтобы больше не возвращаться к увлекательной, но деликатной теме «Суперзвезда и КГБ», заметим, что Вишневская признает, что да, хаживала по любезному приглашению в «Метрополь», до сих пор помнит. «Второй этаж, направо». Да, писала «отчеты», но, говорит, самого невинного характера. Например, цитирует: «С пианистом Петуниным встречаюсь. Он любит рассказывать анекдоты фривольного содержания. Г. Вишневская» (или кличка?). В другой раз: «Смыслов из заграничной поездки привез красивый галстук. Г. Вишневская» (или кличка?). А больше ни-ни-ни. Прекрасно. Но почему кто-то должен этому верить? Ведь вот же ее гениальный друг Солженицын тоже признал, что был завербован, получил кличку Ветров, но ни разу кличкой не воспользовался, ни о ком не писал. Ни-ни-ни... А прошло время, и сперва за границей, а потом и у нас были опубликованы некоторые плоды энергичной деятельности Ветрова. Почему мы должны думать, что нежная женщина тверже своего железного друга?
180

Тем более что в книге есть страницы, на которых автор предстает в облике, для этой деятельности весьма перспективном. Был в театре замечательный артист Н. (Вишневская приводит, конечно, его полное имя). «Артист безупречного вкуса, высокой вокальной культуры. Был членом партии, имел все высшие награды и звания, несколько Сталинских премий и пользовался большим авторитетом, уважением своих товарищей, любовью публики». И вот о таком замечательном, по ее же словам, человеке Вишневская говорит, что он был доносчик и «многих погубил». Какие у нее доказательства? А во-первых, говорит, я видела своими глазами, как однажды вскоре после XX съезда (1956 год) «какая-то женщина средних лет открыла рот да как плюнет ему в лицо». Дело было в вестибюле Большого. Во-вторых, говорит, при этом присутствовал и Н. С. Ханаев, «бывший тогда директором оперной группы». В-третьих, говорит, в моей книге только правда, и ничего, кроме правды. Да и вообще как можно не верить

мне, кавалеру ордена Почетного легиона и беспорочной супруге Рыцаря Британской империи! Восхитительно! Однако все-таки... Во-первых, чтобы плюнуть, рот надо не открыть, а сперва закрыть. Во-вторых, Никандр Сергеевич Ханаев ушел из Большого в 1954 году, т. е. еще до XX съезда, и, следовательно, крайне маловероятно, что он мог в 1956 году или позже наблюдать разного рода послесъездовские сцены в вестибюле театра. В-третьих, кто была эта «женщина средних лет»? Жива ли? Неизвестно. Но зато хорошо известно, что у женщин нередко могут быть самые разные, в том числе совершенно аполитичные, причины плюнуть мужчине в лицо. В-четвертых, ведь давно уже умерли и народный артист Н., и Н. С. Ханаев, вероятно, и таинственная женщина средних лет...

Вишневская уверяет, что от необходимости докладывать в КГБ, какие галстуки привозит из-за границы экс-чемпион мира Василий Смыслов, ее избавил лично Н. А. Булганин, «глава государства», маршал, оказывавший ей нестандартные знаки внимания. И было это будто бы так: «В тот вечер мы обедали у Булганина, и я решила ему пожаловаться:

— Николай Александрович, меня преследуют работники КГБ. Они требуют, чтобы я писала доносы.

— Что-о-о?.. Федька! — кричит адъютанту.— Соедини меня с Ванькой Серовым! Ах, негодяи! — И побежал в соседнюю комнату к телефону...»

Ванька — это председатель КГБ. А адъютантом Булганина по его положению был не какой-нибудь сержант, а генерал. И вот он ему — «Федька!»? Да и крайне сомнительно, чтобы

Булганин обедал с пассией в присутствии адъютанта в соседней комнате.

Увы, и опять приходится перечислять. Во-первых, Булганин никогда не был главой государства. Во-вторых, трудно поверить, что пожилой интеллигентный человек, высокопоставленный государственный деятель, желающий понравиться молодой красивой женщине, да еще артистке Большого театра, предстал бы перед ней таким хамлом и держимордой, как в этой сцене. Тем более трудно, в-третьих, что Вишневская и в других случаях вкладывает в уста «главе государства» нелепые новости. Например: «Булганин мне рассказывал, как Сталин заставлял их (членов Политбюро) плясать на своих ночных обедах». Лютая замусоленная чушь, заимствованная скорее всего у Фазиля Искандера или у свихнувшегося Антонова-Овсеенко, если не у знаменитого историка Роя Медведева. Притом чушь двойная — и по факту и по психологии, т. е. и принудительных плясок не было, и невероятно, чтобы неглупый человек, желающий понравиться женщине, стал бы рассказывать ей, как он плясал, чтобы потешить вождя. Словом, не Сталин заставлял Булганина плясать при жизни, а Вишневская заставляет его после смерти. Или вот еще: «Булганин рассказывал, что Берия насиловал несовершеннолетних девочек. Кагэбешники некоторых заталкивали в машину и привозили своему хозяину для любовных утех». Такая же древняя чушь. Берия был женолюбив, но никаких насилий не было, хватало энтузиасток. В ту пору я жил в Ермолаевском переулке возле Патриарших, совсем недалеко от особняка Берии, что во Вспольном, и все это знал довольно близко. В-четвертых, а кто докажет, что Булганин рассыпался перед Вишневской мелким бесом, кто был свидетелем приведенных разговоров? Ростропович? Наконец, возвращаясь к рассказу о доносительстве артиста Н., нельзя не отметить, что в живых из его персонажей сохранилась благодаря советской власти одна Вишневская. Так не этим ли и объясняется, что она так смело злоупотребляет своим долголетием в доносе на покойника? И впрямь, если тогда

по принуждению она, как уверяет, не писала доносы, то делает это теперь не по принуждению, а по зову пламенного сердца антисоветчицы. Причем доносы самые мерзкие — на покойников. Ведь ни ответить ей, ни привлечь к суду покойник, увы, не может...

По ее же рассказу, ничего, кроме добра, Вишневская от Булганина не видела. В самом деле, чего стоит хотя бы то, что он оградил ее от КГБ, или то, что помог получить квартиру. Ростропович построил на Сталинскую премию стомет-

ровое четырехкомнатное гнездышко, но на двоих ордер на гнездышко не давали. Тут-то и сыграло свою роль покровительство «главы государства», в новогоднюю ночь навестившего свою пассию. Это переполошило весь дом. А через; день, пишет пассия, «из Моссовета нам домой чуть ли не на подносе принесли ордер, поздравили с новосельем и просили «ни о чем больше не беспокоиться, а если что понадобится, звоните в Моссовет — все будет к вашим услугам». Конечно, столь высокое внимание было несколько обременительно для замужней женщины, однако же ведь и льстило ее честолюбию, которое, как мы видели, не знает границ и позволяет ей идти на прямую рекламу: «Драматизм моего исполнения потрясает...», «К моей форме невозможно придраться...» и т. п. В то же время, если о высоком внимании к Вишневской знали все в доме, где жили многие артисты, то, конечно, ведали о нем и в театре, а Ростроповича «знакомые начали чуть ли не поздравлять при встречах». Галина Павловна уверяет, что однажды она бросила Булганину: «Мне надоели сплетни вокруг меня!» Возможно, и надоели, но разве они могли не сказаться самым благоприятным образом на карьере молодой артистки? А ведь она бывала в одной компании и с Брежневым, читавшим ей стихи Есенина, ее нередко приглашали на приемы в Кремль, она запросто являлась к Фурцевой... Признает: «Сколько на моем веку певцов с прекрасными голосами так и не смогли ярко проявить себя, остались на выходных ролях!» Воистину так. А попади они в сферу повышенного внимания того же Булганина или Брежнева, глядишь, и проявили бы себя поярче Вишневской... Так за что же сочинительница выставила покойного Н. А. Булганина на посмешище? А очень просто: «Ведь я их всех ненавижу». Кого — всех? Да всех, любого встречного-поперечного. Приступы ненависти и злобы накатывают на Вишневскую даже в самых, казалось бы, невероятных для этого местах и обстоятельствах, например, в загсе, в день бракосочетания.

Здесь целесообразно сделать отступление о трех замужествах суперзвезды. Первый раз Галина Павловна вышла замуж «летом 44-го года», когда ей не было еще восемнадцати лет, за молодого моряка Георгия (с. 44). Прожили всего два месяца, в начале сентября разошлись (там же), но и с этого мимолетного брака она кое-что приобрела: вместо заурядной фамилии Иванова получила эффектную фамилию, с которой победоносно прошла всю остальную жизнь. «И только фамилия,— говорит,— напоминает мне о том, что это замужество действительно было». Но так ли?.. Второй раз вышла

буквально через несколько месяцев за Марка Ильича Рубина, вскоре после того как 1 сентября этого же 44-го года поступила в Ленинградский областной театр оперетты. Новый муж был на 22 года старше ее, но — директор этого театра. «Вскоре я почувствовала, что беременна,— сообщает артистка,— но ребенка не хотела... Затягивалась в корсет, пела и плясала почти до восьми месяцев». Родился сын. Вишневская призывает в свидетели Бога, что это произошло «во время войны» — 11 февраля 1945 года (с. 474). Мальчика назвали Ильей — «в память об отце Марка». Он вскоре умер, что неудивительно при отплясывании

молодой мамаши «почти до восьми месяцев»...

Однажды, уже в нынешнее время, Вишневская случайно оказалась в той ленинградской больнице, где это случилось. «И вот я снова пришла сюда 11 февраля 1995 года,— вроде бы искренне пишет она,— как раз в день рождения сына. Ему бы исполнилось 50 лет... И Бог привел меня в эту больницу» (там же). Хочется рыдать и плакать... Но сопоставьте даты... Что получается? Тихо!.. 50 лет назад — это и впрямь 11 февраля 1945 года. И тогда выходит (я, конечно, сильно извиняюсь), что если Вишневская встретилась с Рубиным действительно только 1 сентября 44-го года, как пишет, то считать благородного Марка Ильича отцом Илюши вовсе не обязательно. Более того, отсчитайте назад девять месяцев от 11 февраля 1945 года. Попадете в начало мая 1944-го. А Вишневская уверяет, напомню, что за морячка Георгия вышла «летом 1944 года». Получается — спокойно! — что и морячка считать отцом ребенка тоже не обязательно. Кто ж тогда? Неизвестно... И ведь Вишневская упорно настаивает на дате: во-первых, говорит, это было «во время войны», то есть не позже 9 мая 1945 года; во-вторых, «сыну исполнилось бы 50 лет» в феврале 1995 года; в-третьих, прямо называет дату: 11 февраля 1945 года. Чего ж вам еще? Может быть, загадочной преждевременной беременностью, а не его беспричинной ревнивостью, как уверяет Вишневская, и объясняется столь быстрый разрыв с морячком? Ведь «уже через неделю (!) стало ясно, что брак наш ошибка». Впрочем, тут бывают отклонения: если Ростроповича для полной гениальности мать вынашивала десять месяцев (с. 168), то Галина Павловна родилась «вся волосатая, даже лицо в волосах, да еще недоношенная» (с. 11). Так что и сама могла родить недоноска, тем более если опять вспомнить о ее плясках. Однако, чтобы быть сыном великодушного Марка Ильича, Илюша должен был родиться месяцев на пять раньше, срока. Но этого, кажется, нет даже в книге рекордов

Гиннеса. Да и сама роженица упоминает же о плясках на восьмом месяце... Так вот не эти ли в частности обстоятельства имела в виду суперзвезда, когда говорила: «В нашей жизни столько нелепого, фантастического, несовместимого с обычным здоровым человеческим сознанием, что если бы я напечатала все, что знала и пережила,— мне бы никто не поверил. Читатель не смог бы поставить себя на мое место, даже просто вообразить...» Еще раз шибко извиняюсь за вторжение в столь деликатную сферу, но ведь сама Вишневская на двадцати языках поведала всему миру точно такую же печальную историю о своей родной, увы, покойной матери, о такой же оторви да брось девице, какой была сама. А мне Вишневская не мать, не сестра и даже не знакомая. Более того, я — москвич, а она — парижанка. И едва ли мою статью опубликуют на двадцати языках.

Впрочем, бедный Марк Ильич, второй муж Вишневской, не до конца выдержал роль благородной личности. Когда летом 55-года, прожив с ним больше десяти лет, Галина Павловна объявила престарелому безвестному концертмейстеру, что оставляет его с десятиметровой комнатой на Петровке и уходит к третьему мужу — к молодому и знаменитому сталинскому лауреату Ростроповичу, который вот-вот получит стометровую квартиру, то «Марк запер дверь на ключ и допустил запрещенный прием:

— Ты забыла, что твой отец в тюрьме, и если об этом узнают, то и твоя и Ростроповича карьера закончена».

Это выглядит странно: старый тертый еврей, шантажируя ее, как до этого отец, не понимал, что его угроза липовая, тем более уже в 1955 году? Ведь сама Вишневская-то понимала это и потому ответила:

«— От тебя узнают? Но тебе все равно ничего теперь не поможет. Открой

дверь, или я буду кричать в окно, на все пойду — ты меня знаешь...»

Да, он ее знал. Потому особенно наивно выглядит и второй его запрещенный прием:

«— Хорошо, ступай. Но если через пять минут не вернешься, я брошусь из окна!»

Прием и запрещенный и пошлый. Но как судить пожилого человека, теряющего молодую жену, с которой прожил столько лет, когда она становилась знаменитостью... Да и что взять с заурядного администратора! Однако вскоре, приревновав Вишневскую к Булганину, к тому же пошлому приему прибег и утонченный интеллигент Ростропович: «Я вижу — Славка, почти голый, в одних трусах, лезет на подоконник.

— Я сейчас брошусь вниз!

— Стой! Куда ты прыгать собрался? Я беременна!..»

185

На крик прибежали какие-то родственницы, схватили Славку-гения за ноги и стащили с подоконника.

Надо полагать, в опере Ландовского обе эти сцены заняли достойное место. И хотя в жизни ни второй муж, ни третий не сиганули вниз, в опере можно было бы для оживления сюжета хотя одного сбросить с подоконника и шмякнуть об асфальт.

Но вернемся к пароксизмам злобы и ненависти, накатывающим на Вишневскую. Между помянутыми ужасными сценами с угрозой самоубийства был, по признанию самой Вишневской, счастливейший день, сладчайший час ее жизни: они с молодым сталинским лауреатом идут в загс расписываться. И вот: «Входим в комнату. За письменным столом сидит дородная тетка — как в рассказе Бабеля: «слева фикус, справа кактус, а посередке Розочка». Конечно, на стене — портреты Ленина и Сталина», ненавистных новобрачным. Сразу замечу, что, увы, по такому же поводу мне трижды приходилось посещать загсы в трех разных районах Москвы, но ни в одном я не помню названных портретов. В памяти остались лишь прекрасные лики моих избранниц, и дух мой витал там же, где дух поэта, потом, в разлуке, сказавшего: «И вспомнил я тебя пред аналоем...» Но не во мне дело. За что на неповинную сотрудницу загса вылито столько желчи? Ведь счастливейший день, сладчайший час! Ну будь подобрее!.. Тем более что сотрудница восторженно лепечет: «Ах, Галина Павловна, какая радость видеть вас! Слушала вас в Большом театре. Я просто вас обожаю!» Но это не смягчает суперзвезду, и дальше она рисует свою поклонницу набитой дурой.

А вот совсем другой день, иная обстановка: кладбище. Пришла сюда в 74-м году перед отъездом за границу. И вдруг увидела памятник на одной могиле: «Что за чудище?.. Министр финансов Зверев». Ну что плохого сделал ей покойный министр?

Но и злоба на кладбище для мадам не предел. Рассказывает, что в 69-м году во время общественного прослушивания новой вещи Шостаковича в Малом зале консерватории произошел «знаменательный случай» (!) — умер музыкальный критик А. (в книге имя дано полностью), которого она не любила: «Ему стало дурно, и его вывели из зала. Когда я проходила через фойе, я видела его сидящим на диване, такого ничтожного, плюгавого, маленького человечка... Он поводил вокруг мутными, уже ничего не видящими глазами и отдавал душу... Уж не знаю, кто ее принял — Господь или сатана». Подумайте только: глядя на умирающего, она злоб-

186

но ликует... Не думаю, читатель, что вам приходилось слышать такое, особенно из дамских уст. И ведь не поймет, не поверит, что вопрос тут не о том, кто

примет душу умирающего, а ее собственную душу, назойливо и громогласно объявленную ею христианской.

И с таким клокочущим черным океаном в груди — всю жизнь: «Плюнуть бы ему в рожу!..», «Снимаю сапоги — да ему в рожу...», «А мы тебя лаптем — по роже, по роже...», «Мне хотелось, чтобы от моего крика обрушился зал и поглотил весь народ, который сейчас я так ненавижу...», «Я смотрела на сидящего напротив негодяя, и мне стоило неимоверного усилия не вцепиться зубами ему в глотку...» Господи, ну словно волчица. И как многозначительно она оговорилась года полтора назад в телебеседе с Урмасом Оттом: «Всю жизнь я работала как волк». Вот именно... И после таких приступов бешенства, пронизавших всю книгу, поднялась рука написать: «Спите спокойно, товарищ Сталин, посеянные вами и вашими верными соратниками семена ненависти, - злобы и зависти дают пышные всходы...» Да, пышнее некуда. Ведь и в старости осталась такой же! В 92-м году после возвращения ей и мужу российского гражданства Большой театр устроил вечер в честь 45-летия ее творческой деятельности. Казалось бы, блесни стариной, радуйся, и только! Нет, Вишневская прямо признается, что главным для нее было другое: «Мне нужен был этот вечер, чтобы ушла душившая меня ярость. Я не тот человек, который может копить в себе злость и долго жить с ней». Здесь первая фраза опровергает вторую: ведь ярость она копила и задыхалась от нее почти двадцать лет. И какая ярость! «Когда нас выбросили из нашей страны, во мне была такая ярость, что я готова была взорвать весь мир». Тут мадам превзошла даже товарища Солженицына, который в таком же пароксизме злобы готов был взорвать атомной бомбой все-таки не весь мир, а только родную Россию... «Эта ярость,— продолжает мадам,— мешала мне жить, она душила меня. Эту книгу я должна была написать. В ней было мое спасение». Да, ярость, злоба и диктовали ей книгу. Но надо заметить, что из страны их не выбросили, как, допустим, Александра Зиновьева или того же Солженицына. Наоборот! В 74-м году им разрешили уехать на два года, потом продлили срок еще на полгода, потом стали всеми возможными способами долго уговаривать вернуться. На все это супруги отвечали отказом и высокомерными заявлениями. Что власти оставалось делать? В 78-м году их лишили гражданства. Конечно, это было не обязательно, лучше было просто начхать. В другом

месте Вишневская пишет иначе: «Мы уехали из России нищие, в полном смысле слова без копейки денег». Вот именно, уехали и по своей воле, но — нищие? Опомнитесь, мадам. Вы везли с собой огромный уникальный опыт великой русской музыкальной школы, традиции, у вас за плечами была всемирная слава Большого театра, где вы обрели звонкое имя, а также скандальный антисоветский разрыв с властью, что тогда ценилось на Западе чрезвычайно высоко. Да и вульгарные «копейки» тоже в карманах у вас бренчали.

Но постараемся быть снисходительны. Ведь злобно оклеветанный артист Н. — это все-таки чужой человек да еще и соперник по славе. Чужие и Булганин, и критик А., и сотрудница загса... А чем же объясняется запредельная даже после давней его смерти ненависть Вишневской к родному отцу? Она уверяет, что он бросил ее в блокадном Ленинграде. Но в это трудно поверить, зная о многих проявлениях доброго отношения к дочери, о которых речь шла выше. К тому же отец в книге говорит предельно ясно в январе 42-го года: «Галька не хочет уезжать». Значит, он звал ее с собой в эвакуацию, уговаривал. Мало того, эвакуировались со своими семьями родной дядя, тетя, и Вишневская признает: «Родные звали меня, но я отказалась». Сама отказалась, а теперь — «Отец оставил меня на верную смерть... И не было в моей жизни человека, которого я

ненавидела бы так, как его». А ведь жива осталась. Четыре раза умирала и ни разу не умерла! Первый раз — будто бы в блокаде; второй — вскоре после войны — родами; третий — из-за открытой формы туберкулеза, очень похожего на рак Солженицына; наконец, едва не отдала душу Богу от ужасного радикулита правого плеча... Тут нельзя не вспомнить, как она сама-то обошлась с действительно умиравшей от рака матерью. «Положили ее в больницу, а я уехала на гастроли, и меня не было несколько месяцев». Неизвестно, кто положил в больницу и, судя по рассказу, укатила дочка и все эти месяцы даже не справлялась о больной. А когда вернулась, увидела: «Мать умирала в страшных мучениях...» Кстати сказать, у матери осталась четырехлетняя дочь да, похоже, и отца нет, о нем не сказано ни слова, выходит, она круглая сирота. И Вишневская пишет: «Как и мне когда-то, ей предстояло скитаться по людям». Да когда же сама-то скиталась? Разве жизнь с родной бабушкой, с теткой и с любящим дядей — это скитание по людям? А если четырехлетней девочке действительно предстояло где-то у кого-то скитаться, то почему же благоденствующая звезда эстрады не взяла ее к себе — ведь сестра же! Квартира мала? Но нашлось же там место и для

домработницы, и для собаки, и для пианино. Скудные средства? Но имелись же деньги не только на домработницу и на пианино, но и на «Победу»... Где она, сестричка, сейчас? Больше о ней — ни слова. Это для суперзвезды неинтересно...

Так в чем же все-таки дело? Откуда такая лютая ненависть к отцу еще в детстве, еще до блокады, и сейчас, в старости? Оказывается, все дело в том — хотите верьте, хотите нет,— что отец был коммунистом! Дочь негодует: «Отсидел десять лет в тюрьме и остался коммунистом. Теперь приехал в Москву добиваться восстановления в партии. Сколько же моральных уродов,— восклицает ангелоподобная Галина Павловна,— породила советская власть!»

Оказывается, еще давным-давно, в далеком детстве, когда отец в припадке ревности орал и носился с топором в руке за женой, я, говорит, «стояла, слушала и в этом в дымину пьяном ленинце была для меня вся Октябрьская революция, все ее идеи». Было ей года три-четыре, а уже какая политизированность! Как Хакамада. Но теперь-то?.. Вишневская всю жизнь прожила в театре, и надо думать, что сейчас, в старости, знает мировую драматургию, в частности пьесы Шекспира, лучше, чем ее гениальный супруг. Так вот, подумала бы: отец-коммунист лишь буйствовал в порыве ревности, имея на то веские причины, а венецианский мавр Отелло, которого едва ли можно причислить к ленинцам, который не был членом ни РСДРП, ни ВКП(б), в приступе ревности взял да и задушил свою супругу, как выяснилось потом, совершенно невиновную перед ним. Судебная ошибка... А Евгений Арбенин из лермонтовского «Маскарада»? Тоже едва ли читал Маркса и не состоял ни в КПСС, ни в КПРФ, не был знаком с Геннадием Зюгановым, но и он в ослеплении ревности предал смерти свою жену. Судебная ошибка... Так что, Галина Павловна, вы с Ельциным, Сванидзе и Новодворской защищаете «общечеловеческие ценности», а мы напоминаем, что есть и общечеловеческие беспартийные страсти, увы, порой небезвредные...

Много еще сногсшибательного в этой книге, нескончаема чреда ее персонажей от Шостаковича до Солженицына, от Прокофьева до Евтушенко, от Сталина до Марка Ильича Рубина... Но об этом при случае — в другой раз.

«КУШАЙТЕ, ДРУЗЬЯ МОИ! ВСЕ ВАШЕ...»

Фигура эта возникла, как и в прошлый раз, внезапно...

В один прекрасный день поэт-гитарист Булат Окуджава, почти совсем оставив песни, лучшие из которых снискали ему большую популярность, вдруг принялся писать романы и повести из русской жизни прошлого века. Все они публиковались в журнале «Дружба народов».

Роман «Бедный Авросимов» — первый из них — вызвал несколько противоречивые суждения критики. Одни, как главный редактор помянутого журнала, уверяли, что это «новое слово» в нашей литературе; другие позволили себе, видите ли, иронические сомнения.

Вопреки иронистам роман имел большой издательский успех. По данным Библиотеки иностранной литературы, его появлением первыми заинтересовались любознательные жители итальянской провинции Апулия: в губернском издательстве города Бари (это на заднике Апеннинского сапога) они предали тиснению «новое слово» с поразительным проворством. По тем же сведениям, после апулийцев роман перевели и в некоторых других темпераментных точках планеты. В нагон, уже чуть ли не пятым или шестым, опубликовали его отдельной книгой и у нас в «Политиздате».

Позже на страницах той же «Дружбы народов» возник новый роман Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов», состоящий из двух частей. Есть основания предполагать, что как только была напечатана первая книга, нетерпеливые граждане Бари, обложившись русско-апулийскими словарями, засели за работу... Во всяком случае, в США под названием «Ноктюрн» роман вышел.

Новоданное заглавие немного смутило Б. Окуджаву. «Странно,— сказал он.— Ну да пусть уж!» Вероятно, его смутило то, что у Габриэля д'Аннунцио тоже было сочинение под названием «Ноктюрн» («Notturno»). А ведь знаменитого итальянца очень часто и очень многие именовали представителем «всеобъемлющего дилетантизма». Так вот, мол, не стали бы путать американские читатели эти два «Ноктюрна». Но нам

такие опасения представляются совершенно напрасными. На наш взгляд, странно в некоторой мере только то, что имя дитяти меняется за океаном без всякого участия его родителя. Само же новое заглавие — надеемся, романист нас извинит — кажется нам, право же, гораздо более удачным, чем исходное.

Собственно говоря, почему «Путешествие дилетантов»? Во-первых, в книге нет ни дилетантов, ни дилетантизма, а только эрудиты, знатоки, одна сплошная всеобъемлющая интеллектуальность. Во-вторых, нет и путешествия, а есть бегство: во второй книге несколько глав посвящены описанию бегства из Петербурга главного героя, немолодого уже князя Мятлева, и юной Лавинии, соблазненной им жены статского советника Ладимировского. Путешествие и бегство — вещи совершенно разные. Мы же не говорим «Бегство Афанасия Никитина в Индию» или «Путешествие Наполеона из Москвы».

А «Ноктюрн» — это прекрасно! Такое заглавие гораздо ближе к сути дела. Само слово «ноктюрн» (nocturne) в переводе с французского, которым Окуджава владеет легко и охотно, означает «ночной». Словарь дает такое толкование этого слова, как термина искусства: «художественное произведение, изображающее ночь, ночные сцены, ночные настроения». Но в романе «Путешествие дилетантов» как раз пропасть ночных сцен и ночных настроений. Сколько здесь путевых ночлегов, ночных застолий, кутежей и всяких иных эпизодов, сцен, происходящих ночью. То и дело абзац или глава начинаются фразами вроде таких: «Была ночь...», «Был второй час ночи...», «Уже стояла глухая ночь...»,

«Поздней ночью коляска полковника остановилась у постоялого двора...», «Южная ночь, стремительная и непроглядная, опустилась на город...», «Майская ночь...», «Я пробудился ночью весь в поту. Сердце мое билось учащенно. Мне показалось, что я слышу глухие голоса...» и т. д.

Крайне любопытно и характерно, что один из важнейших эпизодов романа — бегство героев — начинается фразой: «Мы были у Гостиного двора в двенадцать часов пополудни». Судя по всему, автор хотел сказать «в двенадцать часов дня», «в полдень», но перо, привычное к ночным сценам, само невольно перенесло действие в полночь: ведь хотя так никто и не говорит — «двенадцать часов пополудни», но по прямому грамматическому смыслу эти слова могут означать только одно — полночь.

В романе мастерски описываются ночи зимние и летние, осенние и весенние, северные и южные, городские и дере-

венские, тихие и бурные, звездные и беззвездные, русские и грузинские... Что касается «ночных настроений», то иные персонажи романа просто немыслимы вне их. Таков, например, бравый поручик Катакази, преследующий беглеца: «На ночь он обязательно останавливался на станции, либо в деревне, либо в гостинице... Он проявлял легкую, непринужденную заботу относительно собственных сердечных дел, и дамы всякого сорта, встречавшиеся на его пути, оставались обласканными им и сохраняли в своих сердцах самые трогательные воспоминания». Некоторые из этих дам описаны особенно подробно и выразительно. Например, «босая баба не первой молодости» на станции в Чудове. Врезается в память, как «баба поднялась в светелку, взбила подушку и откинула лоскутное одеяло», как «загорелые руки бабы и белые руки поручика переплелись, подобно вензелю, и пребывали так некоторое время».

О ночном эпизоде с другой дамой поручик расскажет сам: «Я долго, трудно и мучительно добивался ее расположения. Я что-то обещал, клялся, от чего-то отказывался. Она таяла, однако оставалась непреклонна... У нее были сильные цепкие руки, и она вертела меня, как зонтик (так в тексте.— *В. Б.).* А время шло... Вакханалия, представьте, началась еще до сумерек, а уже стояла глухая ночь... Это была фурия — рыдающая в полный голос, хохочущая, проклинающая, сжимающая меня в объятиях, хлещущая меня по щекам со сладострастьем трактирщицы, падающая в обморок, зовущая на помощь. Наконец лишь под утро она угомонилась, и все произошло скучно, пошло и бездарно».

Не ясно ли из всего этого, что Булат Окуджава — истинный поэт ночи и ночных страстей. И прямо-таки поразительно, как это заокеанский издатель все разглядел, понял и словно припечатал: «Ноктюрн»!

Кстати, Б. Окуджаве и не привыкать уже к переименованию своих произведений: ведь в «Политиздате» его «Бедный Авросимов» вышел под названием «Глоток свободы». Ну, правда, при этом из журнального текста опустили несколько абзацев, которые уж слишком выпирали из строгого профиля издательства, например: «Вам любо мое тело? — вдруг спросила она.— Вон я какая лежу перед вами: вся горячая да прекрасная... Что же вы не наслаждаетесь, не глядите на меня во все глаза?» и т. д.

Возможно, кого-то смутит, что роман из русской жизни прошлого века, роман, в котором так много истинно русско-

го,— водка, огурчики, граф Орлов, орловский сервиз, орловские рысаки и т. д.— такой роман озаглавлен иностранным словом. Думаю, что самого автора с его широтой языковых познаний и смелостью использования их в своем творчестве это узкое соображение не должно бы смущать. Действительно, что там одно

иностранное слово, хотя бы и в заголовке, когда весь роман словно насквозь прошит яркими узорными нитями многих иностранных языков. В нем мелькают, сверкают, переливаются то латинское выражение POST scriptum (по-русски «постскриптум»), то немецкое слово Schlagbaum (по-русски «шлагбаум»), то французские обороты vis-a-vis и comme il faut (по-русски «визави» и «комильфо»), то английская фраза «У нас будет baby» (по-русски «У нас будет бэби»), то грузинское обращение «генацвале» и т. д. Поскольку действие романа разворачивается главным образом в высших кругах русского аристократического общества, то, естественно, в тексте чаще всего встречаются французские обороты речи и слова: madame (мадам), maman (мамаша), souvenir (сувенир), adulture (адюльтер) и т. п. Персонажи из этого общества даже называют друг друга по-французски.

Во второй книге романа от отдельных иностранных слов и выражений некоторые окрепшие персонажи переходят к целым фразам на чужих языках, а то и ввернут фразочки две-три. Ощущение почти такое же, как при чтении «Войны и мира»! Будто опять находишься в салоне Анны Павловны Шерер...

Правда, критик Зет, известный всем желчевик и грубиян, говорил мне:

— Какие там иностранные языки! Окуджава даже слово «madame» не может написать без грамматической ошибки, пишет — и сколько раз! — «madam». В выражении «vis-a-vis» делает три ошибки: «viz-a-vie». И так всюду. Его французский — это всем известная старинная смесь французского с нижегородским, его немецкий похож на переделкинский, его латинский смахивает на кутаисский...

— Ну, знаете, генацвале,— перебил я его,— на всех не угодишь! А вот мне нравится, что наш писатель-современник уже не робеет ни перед суровой латынью, ни перед другими языками мира, как живыми, так и мертвыми. Нет, что там ни говори, а это повышает тонус, бодрит.

Но главная сила автора «Путешествия дилетантов», конечно, не в бесстрашии перед лицом иностранных языков, а в смелости, своеобразии и свежести его подхода к языку, на котором написан роман. К рассмотрению этого мы теперь и приступим.

1

Ворона кричала нечленораздельное.
— Господи боже мой, какой ужас! —
кричала незнакомка.
«Путешествие дилетантов»

В «Бедном Авросимове» язык повествования, так называемая художественная ткань, был богато изукрашен на такой вот смелый новаторский манер: «Она плачет за любимого брата», «он с большими подробностями оглядел гостиную», «сердце свело от страха», «камень не до конца свалился с души», «душа моя тотчас очерствела на сей подвиг», «пистолет распластался на ковре», «они забавлялись то беседой, то сном» и т. д.

В оригинальности тут не откажешь. Но то же самое и дальше По замшелым правилам надо бы написать, допустим, «новых известий не поступало», «падай к нему в объятья», «вершить правосудие», а романист, круша рутину, уверенно выводил: «новых известий не возникало», «падай к нему в охапку», «вершить закон». Даже из простецкой «завитушки» он сделал неожиданный «вензель». Разве не интересно?

А уж особенно-то увлекательная картина вставала перед нами там, естественно, где автор вторгался в мир пословиц, поговорок, простонародных

речений, идиом. Помните, как вел себя в этом мире знаменитый герой шишковской «Угрюм-реки» мистер Кук? Как лингвист-мичуринец. Он скрещивал отборные фразеологические сорта, делал прививки и получал нужные ему словесные гибриды: «Пуганая корова на куст садится», «На чужую кровать рот не разевать», «Без рубашки ближе к телу» и т. п. Б. Окуджава едва ли уступает здесь прославленному иноземцу. Он взял, например, пришедшее к нам из французского выражение «строить куры» (ухаживать, заигрывать) и наше кондово-русское «чинить козни», спарил их, и у него вылупился чудный оборотец: «чинить куры». Некий его герой, офицер, сетует на однополчан: «они чинят мне всяческие куры». Уж на что незатейлива поговорка «хоть веревки вей», а и мимо нее романист не прошел безучастно, преобразовал-таки: «хоть веревки вяжи»...

Впрочем, «Авросимов» — дело уже давнее. Апулийцев, конечно, жалко: каково им было, едва ли имея соответствующий опыт, переводить эдакое «новое слово»! Однако они вполне заслужили, чтобы им сказать словами того же Ивана
194
Авросимова, внезапно появляющегося в «Дилетантах», чтобы приютить главных героев в их скитаниях и попотчевать своими домашними яствами: «Кушайте, кушайте, друзья мои, все ваше...»

Минуло много лет, и вот мы читаем новое сочинение Б. Окуджавы — это самое «Путешествие дилетантов». Читаем и все больше сомневаемся, действительно ли прошло столько лет: ведь автор-то наш все так же «по-авросимовски» молодо храбр в толковании многих употребляемых им слов, оборотов речи, идиом, он с прежней лихостью уснащает свой текст редкостными дивами. Он не признает, например, разницы между словами «уговор» и «сговор», «пролет» и «марш» (на лестнице), «свидетель» и «зритель», «восторженный» и «восхищенный», «витой» и «витиеватый», «котироваться» и «быть известным» (в обществе), «адюльтер» и «семейный разрыв», «свершения» и «совершенства»... Вместо «на тонкой шее» он смело пишет «на тонком горле», вместо «здоровье жены пришло в расстройство» — «жена пришла в расстройство», вместо «с меня хватит» — «с меня станет»... Мы бы скучно сказали «погода стояла не вдохновляющая», «проклясть врага», «устойчивость вкусов», «молодая барышня», а он с пленительной свежестью говорит «погода стояла не возвышенная», «проклянуть врага», «продолжительность вкусов», «начинающая барышня»...

Одна представительница высшей знати (их там навалом!) расточает в романе «надуманные ласки». Господи боже мой, что тут могут вообразить себе иные неуравновешенные головы! Но это их дело. Автор-то, как догадается вдумчивый читатель, имел в виду всего-навсего ласки неискренние, фальшивые.

О женщине, мечтающей стать женой любимого человека, читаем: «Это было живое существо, завоевывающее право на одиночку с вытянутым лицом в очках». Что это такое? С большой степенью вероятности можно предполагать, что «вытянутое лицо в очках» — это сам возлюбленный, а тюремное словцо «одиночка», означающее камеру, в которой заключенный сидит в полном одиночестве, видимо, есть символ крепости желанного брачною союза. Для кого же не увлекательно разгадывать такие ребусы?

Еще читаем: «Операция удалась бы на славу, не проглоти я не вовремя осиновый кол, не позволивший мне держаться натуральней». Ведь наверняка же читатель до сих пор не знал, что глотание кольев занятие вполне естественное, только делать это надо своевременно.
195

И чем дальше в обширный дремучий лес, выращенный Окуджавой, тем больше отменных осиновых кольев: «за окнами брезжили сумерки», «ароматный

князь», «перезрелый господин, пренебрегший соблазнительными сладостями фортуны», «она не просто очаровательна, она значительна», «рот, обрамленный усиками», «он понял, что отныне сну не бывать», «старый орел английской выправки», «лицо окончательно поюнело, приобретя однозначный вид», «на его челе есть маленький знак, предназначенный для меня», «хотелось презирать себя за суетливые обиды», «их разговор навострился», «вы всегда так сосредоточенно выезжаете на дачу?», «она была красива странной красотой, которая одновременно страшна и необходима, словно серебряный кубок, наполненный ядом, избавляющим от множества мучительных и неразрешимых ужасов, накопившихся за долгую жизнь», «она на него глядела не чинясь, без скромности», «она к нему приникла, словно мотылек к лампадному огоньку», «их видели в стогу с сеном», «их видели на сосне», «кузнечики кричали», «мысли стрекотали», «подумать только, она призналась, что девственница!», «что мне делать? проявить насилие?», «сказал со свойственным ему недоумением», «паучок, собаку съевший в таких делах», «неужели нет иного средства от катастроф, кроме сухих губ, безразличия и вечного сомнения», «всякий раз не будешь недоумевать столь ритмично», «все было лихорадочно просто», «ликование в нем задрожало», «незаметно они простояли более часа, наслаждаясь друг другом», «ароматы, распространяемые героями», «взять бы ее да увезти; она горячая», «они очнулись спустя несколько часов, когда Петербурга и след простыл», «как многозначительно расположились ваши уже не детские ключицы», «у вас уже и слезы пошли?», «эти ключицы казались единственной истиной, впрочем... приспособленной другим», «в затылке ныло от ее насмешливого взгляда», «быть на смеху не хотелось», «я должен был неистовствовать и кусать себе локти», «ворона кричала нечленораздельное», «кузнечика знакомое лицо вдруг выросло среди травы», «человек, полурастворенный в ливне», «постепенно ударило четыре», «вокруг толпилось возмездие», «чудо падения от взлета в бездну», «страдание, похожее на плотный дым без определенной формы», «эти муки мне не по плечу», «на лице его не читалось ни мысли, ни желания, ни направления», «в доме происходил какой-то озноб», «завтра меня убьют; я затылком чувствую», «призрак висел в пустом воздухе», «живые души гнили заживо»...
196

Нетрудно предвидеть, что, конечно же, сыщутся люди вроде поминавшегося критика Зет, которые, прочитав это, захотят сказать словами главного героя романа об одном его собеседнике: «Что можно извлечь из этой тарабарщины?». Э-э, не все так просто! Как раз тут-то извлечь можно очень много. Вот лишь один пример. В конце приведенного выше текста говорится, что герой затылком чувствует, что завтра его убьют, и его действительно убивают. Другой персонаж говорит: «Чувствую затылком, что лопоухий продолжает следовать за мной»,— и опять не ошибается; лопоухий следует. Еще один затылком же «ощутил, что в комнате появились люди» — и снова верно: появились. Ну просто не затылки, а локаторы! И подобных примеров множество. Этого не было ни у одного из предшественников Окуджавы во всей русской литературе Только наивный человек может видеть здесь лишь случайность. А на самом деле это одно из убедительнейших и интереснейших проявлений самого настоящего новаторства.

2

Невежество возводится в систему...
— Господибожемой,— подумал князь с ужасом...
«Путешествие дилетантов»

Страницы романа Б. Окуджавы пестрят именами философов, писателей, богословов, мифологических персонажей, политических деятелей, историков,

героев произведений искусства и т. д. Тут Аполлон и Диана, Марс и Минотавр, Эней и Эрифила, Лавиния и миссис Грехам, Антисфен и Филострат, Аппиан и Лукиан, Блаженный Августин и граф Бобринский, Гейнсборо и Бенкендорф, Вермеер и Дубельт, Рокотов и Нессельроде, Петр Великий и Николай Первый, «берлинский Панин» и «известный Головин», царь Михаил Федорович и великая княгиня Елена Павловна, Левицкий и Алексей Орлов, императрица Александра Федоровна и Некрасов, Пушкин, Тургенев, Герцен, Краевский, Натуар, одинокие перипатетики и полчища нумидийцев, «таинственная кармелитка королевских кровей» и «юная креолка с движениями, исполненными чарующей грации»...

И всем этим текст насыщен не ради показа интеллектуального универсализма, а для того главным образом, чтобы заставить тебя, читатель, шевелить мозгами — думать, решать, отгадывать, т. е., фигурально выражаясь, заниматься

197

умственной гимнастикой то с обручем, то с булавой, то с лентой. Так было еще в «Бедном Авросимове», то же самое и здесь.

Вот, например, главный герой романа предается размышлениям о римском историке Аппиане. Прекрасно! Но только Аппиан жил не в первом веке, как думает герой, а во втором. Почему он так думает? Пораскинь-ка, читатель, умом! Нет ли тут какого-то тончайшего намека, нюанса, подтекста?

Того же плодотворного принципа постоянного тонизирования наших мозговых извилин придерживается автор и там, например, где переходит к фактам и обстоятельствам русской истории и быта. Взять, скажем, сферу титульно-иерархических и религиозно-церковых отношений, понятий, терминов. Ими была пронизана в прошлом вся жизнь, потому романист, пишущий о русской старине, не может не знать ее во всех тонкостях.

Вот Окуджава пишет «о великом князе Михаиле Романове». Но Михаил Романов был не великим князем, а царем, от Ивана Грозного уже шестым по счету, родоначальником династии Романовых, которые вообще были вовсе и не княжеского, а боярского происхождения. Враждебно настроенные к нему поляки не хотели называть Михаила царем «всея Руси», настаивали, чтобы он именовался царем «своея Руси», т. к. тогда еще не все русские земли были под его властью, однако же и поляки, лютые враги Михаила, не отказывали ему в том, в чем ныне отказывает Окуджава. С другой стороны, наследника-цесаревича Александра, сына Николая Первого, романист еще при жизни отца величает государем, что было совершенно немыслимо. Смекнем-ка, друзья, с чего бы все это? Какая идейно-художественная собака здесь зарыта?

Главный герой убеждает себя: «Молчи, Мятлев, притворяйся счастливым и храбрым... пей спирт на панихидах!»... На панихидах? Ведь это, чай, не поминки. Самые из прехрабрых храбрые от веку на панихидах не пивали. Вот и еще работа для нашего серого вещества: какую цель преследовал автор, вводя столь необычный мотив? И зачем он в том же духе продолжает, рассказывая, как некий «батюшка Никитский» над покойником читал акафист»? Ведь, во-первых, акафист не читают, а поют; во-вторых, акафист — это не заупокойная служба по усопшему, это торжественно-хвалебная служба в честь Христа, Богоматери, святых угодников; в-третьих, над покойниками не акафисты поют, а псалтырь читают. Немыслимо представить, чтобы исторический романист, знаток русской, старины путал поминки с панихидой, а

198

псалтырь с акафистом. Тут, конечно, опять какая-то замысловатая игра ума..

Ничуть не меньше мозговой работы предстоит читателю там, где автор уснащает повествование фактами историко-литературными. Например, читаем:

«литература достигла обнадеживающих высот в строках (!) Пушкина и ныне здравствующего господина Тургенева, выше которых (сообразим-ка: высот? строк Пушкина и Тургенева?) уж ничто невозможно». Заметим, что «ныне здравствующему Тургеневу» в описываемую пору едва исполнилось двадцать шесть лет, был он в два с лишним раза моложе нынешнего Окуджавы и еще не написал ничего такого, что позволяло бы ставить его в один ряд с умершим Пушкиным. Почему же поставлен? Да уж, видно, неспроста!

Если теперь в интересах большей полноты картины обратиться к вещам иным — к фактам и обстоятельствам быта, нравов прошлого века, как они рисуются в романе? Удивительные задачки ждут нас и здесь.

Вот некий барон и камергер явился в гости к князю. Вначале они пьют чай, а потом, напузырившись, принимаются за водку, причем пьют ее тоже, как чай, «отхлебывая». Князь к тому же отхлебывает из «посудины». Поскольку даже ямщики в трактирах всей России и извозчики в чайной на Зацепе никогда так не пивали, то вот вопрос, читатель: какие жизненные наблюдения или литературные источники могли послужить автору основанием для данной сцены из быта русских аристократов?

Однако оставим вопросы истории, литературы, старинного быта и нравов. Обратимся к вещам уж вовсе простым, элементарным, сугубо житейским. Даже и тут не перестанем мы изумляться изобретательности нашего романиста в фабрикации загадок.

Пишет: «По случаю Рождества на кресла надели праздничные чехлы». Откуда он это взял? Никаких праздничных чехлов для мебели не существует. Дело обстоит совсем по-другому: по случаю праздника или гостей чехлы снимают, чтобы обнажить красивую обивку. Или: два приятеля расположились «в покойных креслах», обитых «голландским ситцем», сидели «подобно кочевникам», пили водку, и «крепенькие молодые огурчики свежего посола» хрустели у них на зубах. О, это так по-русски — водка и огурчики! Такие детальки любовно разбросаны автором по всему роману. Но, черт возьми, как это — в креслах сидеть подобно кочевникам? И откуда взялись молодые огурчики свежего посола, если на дворе — октябрь? Наш знаменитый аграрий Борис Можаев говорит: «Парники!»

Ну правильно, было тогда в России три парника и две оранжереи.

А когда мы читаем, что уже в начале, в середине мая между Петербургом и Тверью на покосах стоят «стога с (!) сеном», в лесах поспела земляника, а в садах в середине нюня цветут одновременно сирень, нарциссы и ромашки, «дочери степей»,— то разве это не дает еще одну бодрящую встрепку нашим обленившимся умам, привыкшим глотать разжеванное? Ведь здесь-то — думать да думать, что за каждой деталью сокрыто.

Сюда примыкает и сообщение о том, что в сентябре весь Арбат утопает в запахе «вишневых пенок» — варят вишневое варенье. В сентябре! Подумай, читатель, что имел в виду автор, говоря о вишне. Не клюкву ли?

А сколько в романе и дальше ее, этой вишни-клюквы в сферах флоры и фауны, быта и нравов, в описании героев статских и военных! Автор все бодрит да взбутетенивает наши умы, снабжает их богатейшим материалом для размышлений, то упоминая, например, о серых аистах, хотя до сих пор всем известны только белые да черные; то об орловских рысаках, кои, наоборот, чаще всего серые, вороные или гнедые, а в романе — белые; то давая нам понять, что само название этих рысаков пошло от Орловской губернии, а ведь всегда считалось — от имени графа А. Г. Орлова, который вывел эту породу в

Воронежской губернии.

Особенно много захватывающе интересного Б. Окуджава сообщает об оружии — о холодном и огнестрельном, о старинном и по тому времени новейшем. Еще из «Бедного Авросимова» мы узнали, что в русской армии офицеры носили шпагу у правого бедра. Теперь читаем, как некий персонаж смотрит на картину, на которой изображены первые конкистадоры, и укоризненно-поучительно замечает: «Завоеватели в руках держали копья и мечи, что было явной данью невежеству».

Вот уж действительно, как сказал другой персонаж романа, «невежество возводится в систему»! Ведь мы-то, жертвы помянутой системы, признаться, были уверены, что первые конкистадоры — это конец XV века, а меч оставался в Европе на вооружении войск до конца XVI копье же — и того дольше, такая его разновидность, как пика, пережила даже Первую мировую войну, едва не дотянула и до Второй, в подтверждение чего мы всегда были готовы сослаться на песню 30-х годов, написанную на слова Сергея Острового, где казачка просила уходящего в поход казака:

Подари мне, сокол, на прощанье саблю,
Вместе с острой саблей пику подари...

Правда, тут свои великие загадки: во-первых, неизвестно, как же казак поехал бы в боевой поход без оружия; во-вторых, зачем казачке сабля и пика? Разве от ухажеров отбиваться? Впрочем, это уже совсем другой вопрос, далеко выходящий за пределы предмета нашего рассмотрения. Нам важно было пику показать, и только.

Многие герои романа имеют личное огнестрельное оружие —пистолеты, что вполне естественно, ибо они офицеры, они воюют. Но вот стреляют они из своих пистолетов самым невероятным образом — путем нажатия на курок! Как таким образом можно произвести выстрел, это еще одна загадка. Мы считали, что как теперь, так и раньше, чтобы выстрелить из пистолета, надо нажать на спуск, но Окуджава уверяет, что в минувшую войну он и сам на фронте стрелял именно так, как его герои.

Поэт Евгений Евтушенко, вспоминая свое знакомство с Окуджавой, писал: «Меня невольно потянуло к этому человеку — в нем ощущалась тайна. Окуджава показал мне рукопись своей новой книги. Раскрыв ее, я был поражен... Сразу врезались такие строчки:

Сто раз я нажимал курок винтовки,
А вылетали только соловьи...»

Вот она, тайна! Зачем Окуджава нажимал на курок, когда надо, как уже сказано, нажимать на спусковой крючок?

Тема или, лучше сказать, мотив личного огнестрельного оружия проходит через весь роман. У главного героя князя Мятлева уже в 1851 году имеется «шестизарядный лефоше», который упоминается в тексте много раз и всегда с неизменным эпитетом «благородный». Как он у князя очутился — неизвестно, ибо изобретен был парижским оружейником позже, первый его образен относится к 1853 году[1]. Почему он назван благородным — тоже неизвестно, так как это был первый револьвер, заряжавшийся с казенной части, и, естественно, еще весьма несовершенный, например, стреляные гильзы выталкивались в нем шомполом. Более того, его патроны были с весьма хитроумной и капризной

взрывной шпилькой, а значит, в заряженном состоянии револьвер, так и называвшийся шпилечным, был довольно небезопасным.

[1] Б. Окуджава потом уверял: это опытный, персональный экземпляр, подаренный оружейником его герою. Ну разве что!

Приняв все это во внимание, надо признать одной из самых загадочных сцен романа ту, где описывается путевой ночлег главных героев. Перед тем, как лечь на незаконное любовное ложе с чужой женой, Мятлев «взял стальную игрушку, поставил на боевой взвод и сунул его под перину...» Ну понятное дело,, сунул не «его», т. е. не взвод, а «ее» — «игрушку». Но до таких ли тут мелочей! Это был медовый месяц любви-бегства, и молодая женщина на ночлегах, естественно, нередко выказывала нетерпение. Она имела обыкновение ложиться в постель первой и капризно поторапливала немолодого возлюбленного, если тот мешкал: «Какие шутки... Я без вас не засну, учтите...» Князь раздевался, лез под одеяло, и — пусть извинит меня читатель, но это правда жизни, от которой никому никуда не уйти — начинались любовные утехи или, как выражается романист, возникали «милые обстоятельства». Это на перине-то, под которой лежит «благородный лефоше», поставленный на боевой взвод! И в нем семь патронов, которые способны выстрелить даже без удара бойка, от одного неосторожного нажима на шпильку. Словом, любовники не могли ежесекундно не ждать: вот-вот бабахнет! Конечно, сфера интимной жизни чрезвычайно сложна и прихотлива. Вполне допускаем, что есть люди, которые способны ощутить всю полноту и все оттенки сексуального восторга лишь в том случае, если у них под матрацем новейшая противотанковая мина или хотя бы устаревшая граната РГД-33. Для этого даже есть специальное выражение: «любовь под страхом». Такая любовь, кстати, явилась предметом исследования в известном итальянском фильме «Казанова-70» с блистательным Мастрояни в главной роли.

Но все ли понимают эту проблему так же ясно, как мы? Едва ли. Сдается, что сценой, которую можно было бы озаглавить «Между пылким князем и благородным лефоше», Б. Окуджава стремился не только обратить непросвещенное внимание советского читателя на прихотливость помянутой сферы жизни, но и ликвидировать хотя бы частично наше отставание в этом вопросе от итальянцев и других преуспевающих здесь наций. Но это, конечно, только гипотеза. Читатель, разумеется, волен предложить свое толкование сей содержательной и неоднозначной сцены[1].

За читателем остается полная свобода в объяснении и всех других удивительных фактов и обстоятельств, о коих по-

[1] Теперь уверенно можно сказать: помог нам Окуджава обогнать в этом деле и итальянцев, и весь мир.

вествует романист. Например, устами своего главного героя он заявляет, что от Петербурга до Москвы восемьсот верст. Но откуда столько набралось? Все же известно, что по прямой, как проложена железная дорога, тут всего шестьсот.

Или взять тот факт, что герои романа бегут из Петербурга в Москву на перекладных. Почему? Ведь дело происходило в мае 1851 года, а еще два года назад уже началось железнодорожное движение между Петербургом и Чудовым (111 верст) и между Вышним Волочком и Тверью (еще 111 верст). Николаевская железная дорога сдавалась в эксплуатацию и начинала работать по частям, ко времени бегства наших героев действовала уже почти на всем протяжении, до ее торжественного открытия оставалось месяцев пять. Допустим, аристократ Мятлев брезговал новым видом транспорта или боялся его, но ведь и жандармские чины гонятся за беглецами на лошадях.

Уже известный читателю критик Зет по поводу этих, как и многих других похожих фактов отрезал с присущей ему прямолинейностью:

— Элементарное невежество, и ничего больше!

— Ой ли? — не согласился я с ним и на этот раз.— Чтобы романист, описывающий *«путешествие»,* не знал, какое расстояние между важнейшими пунктами этого «путешествия» — между двумя столицами, а не между Тетюшами и Елабугой? Чтобы ему было неведомо о возможности преодолеть поспешающими героями это расстояние иным, гораздо более быстрым способом? Не могу в это поверить! Нет и нет! Здесь какой-то кому-то на что-то о чем-то намек. Нам просто не дано его раскумекать. Но мы еще постараемся.

3

Графиня была тепла, тонка и упруга...
«Господибожемой,— пискнуло где-то
в самой глубине,— что же это такое!..»
«Путешествие дилетантов»

В романе Б. Окуджавы великое множество всяких внезапностей и неожиданностей. Внезапно появляются и исчезают многие герои, неожиданно случаются разного рода события, меняется обстановка: «все было именно так, как вдруг...», «что-то такое вдруг произошло, что-то изменилось...», «дело принимало дурной оборот, но тут, откуда ни возьмись...», «удар был так внезапен...», «скорби нашей не было границ,

как вдруг...», «внезапно он отпустил извозчика...», «внезапно, как снег на голову, свалилось письмо от Кассандры»...

Внезапно, неожиданно героев охватывают те или иные мысли, чувства, ощущения: «внезапно Мятлев понял...», «совершенно неожиданно она обрадовалась...», она «внезапно охладела ко всему...», «16-летняя Александрина внезапно и пылко влюбилась в него...», «внезапно, черт знает с чего, ему сделалось легче»...

Взять даже такое дело, как болезнь и выздоровление героев. Не только первое, против чего в другом контексте нельзя было бы и возражать, но и второе иногда ошарашивает своей неожиданностью: «у мадам Жаклин... вдруг начался жар, прямо с неба свалился...», «внезапно... проснувшись однажды утром, женщина почувствовала себя выздоравливающей...»

Иной читатель, очевидно, полагает, что такой переизбыток впезапностей от осознанной или подспудной боязни трудностей реалистического письма. Нелегко, мол, показать, например, как мысль или чувство зреют в герое, или как он хворает, а потом выздоравливает. Тут нужны мотивировки, зримые картины, невозможные без жизненных знаний и литературного умения. Куда как проще и легче констатировать внезапности.

Думается, дело обстоит не совсем так. Вернее, суть скрыта глубже. Она в том, что роман Б. Окуджавы крайне драматичен, он буквально нашпигован роковыми страстями, бурными событиями, взлетами и падениями; это мир хаоса, сумбура и произвола, и только герои, сфабрикованные из «вдруг», «внезапно» и «как снег на голову», могут выжить в этом специфическом мире, более того — судьбами, жизнями, поступками только таких героев автор может распоряжаться и руководить в этом мире. И Б. Окуджава делает это более чем успешно. С какой легкостью, например, он заставляет своих вдруг-героев встречать самые драматические события, с какой простотой сообщает даже об их смерти. Например: «графиня разрешилась от бремени худосочным младенцем», который

тут же умер. А вот уже не одна смерть, а две — жены и ребенка главного героя, но и это не меняет тона романиста: «Инфлуэнца, прицепившаяся к Наталье... расширилась (!), углубилась (!!) и в четыре дня прикончила (!!!) княгиню с ребенком». Думается, только при очень уж самобытном и незаурядном таланте можно вот так, походя, в двух фразах, в трех строках «приканчивать» своих персонажей вместе с их детьми.

О мастерстве Б. Окуджавы, о его художнической раскованности еще разительнее, пожалуй, свидетельствует то, что порой об одном и том же персонаже он говорит разные вещи, и это, однако, ничуть не нарушает цельности образа и не вредит нашему безразличию к нему. Даже главный герой Мятлев не избежал подобной участи. Автор много раз вспоминает о тяжелом ранении, полученном Мятлевым на Кавказе, но первый раз мы читаем, что это была рана в живот, второй — в бедро, третий — в бок... И каков же результат всего этого разнобоя? А никакой. Образы созданы столь мощной художнической дланью, что им не страшны подобные пустяки. Как слонам дробинки. Можно заметить, что даже Лев Толстой при всем его величии не обладал такой художнической свободой, такой творческой безоглядностью. Он не мог себе позволить, например, чтобы в первом томе «Войны и мира» говорилось, что Волконский был ранен на Праценских высотах в голову, а во втором,— допустим, в грудь, а в третьем — в ногу... Не мог. И в этом его сословно-классовая ограниченность, от которой свободен наш романист.

Кстати говоря, не мы первыми сопоставляем Б. Окуджаву с титанами прошлого и делаем вывод не в пользу последних. До нас это мужественно предпринял критик «Литературный газеты» Я. Гордин. В его статье «Любовь и драма Мятлева» роман «Путешествие дилетантов» сопоставляется с такими орлиными взлетами русской классической прозы, как «Повести Белкина» Пушкина, «Герой нашего времени» Лермонтова, «Хаджи-Мурат» и кавказские рассказы «Набег», «Рубка леса» Толстого.

Ну а раз такое дело, то отношение к Окуджаве должно быть, естественно, самое деликатное и осторожное. Понимая это, Я. Гордин поэтому чрезвычайно озабочен тем, чтоб не дай бог как-то задеть романиста, огорчить его, вызвать недовольство. Высказав то или иное суждение, которое, чего доброго, кто-то по необразованности может принять за критическое, Я. Гордин тут же поспешно и прочувствованно присовокупляет: «Вышесказанное вовсе не ставит под сомнение оригинальность произведения Окуджавы». Или: «Утверждение это не имеет ни малейшего негативного оттенка» (даже оттенка!). Или: «Вышесказанное вовсе не отрицает начитанности автора романа в научной и мемуарной литературе» и т. д.

На страницах не могущего не внушить полного доверия журнала «Наука и жизнь» (№12, 1977) Б. Окуджава без старомодной скромности заявил: «Персонажи романа стали жи-

выми людьми». Что же делает их живыми? Что придает им такую огромную впечатляющую силу?

По нашим наблюдениям, автор достигает этого прежде всего постоянным настойчивым подчеркиванием того факта, что его создания имеют нормальную для живых людей, а часто и повышенную температуру всего тела или отдельных его частей: «графиня была тепла...», «ее разгоряченное лицо...», «гордая полячка с горячими губами...», «Аглая горячим животом толкала князя...», поручик Катакази думает о встреченной бабе, с которой он потом, естественно, переспит (живые ж герои-то!): «мягкие и, наверное, горячие губы...». Мальчик размышляет, заглянув за вырез платья девочки и увидев там нечто: «наверное,

горячее...» Женщина думает о возлюбленном: «это горячее доброе тело...» Он думает о ней: «горячее молодое тело...», «женщина с горячим гибким телом...», «ее молодое горячее тело...», «она была горяча...» и т. д. И даже в описании царя Николая — «горячие губы».

В иных случаях автор не удовлетворяется этим, как говорится, наддает, градус подскакивает еще выше: «жар, исходящий от графини, ощущался на расстоянии...», «пламень, исходящий от баронессы, обжигал наши колени...», «это любвеобильное чудовище, в котором таятся жаркие угли...», «она была горяча, как неостывшая головня...»

Не ограничиваясь телом и отдельными его членами, т. е. внешним, романист и о внутреннем мире своих созданий, об их ощущениях, чувствах, страстях тоже живописует скупыми, но выразительными словами пожарного лексикона: «огонь свирепствовал внутри», «безумный огонь тщеславия», «священный огонь созидания», «они писали, сгорая на медленном огне своих пристрастий», «женщина, сгорающая от тоски», «князь загорелся», «наши окаменевшие сердца запылали»... Еще какой-то загадочный «жар неизбежности» и даже болезнь, которая «разгорелась ярким пламенем»...

Чтобы ни один персонаж, ни одна страница не страдали нехваткой жизни, энергии, динамичности, Б. Окуджава мановением руки вызывает еще и бури. Они страшной силой бушуют на всем пространстве сочинения — и в природе, и в душах героев, и в обществе. Ну вот хотя бы: «ничто не предвещало бури, но...», «случилась буря...», «буря нарастает...», «за ленивыми жестами графини скрывались бури...», «никто не догадывался, что бушевало у нее в душе...», «они не могли без ужаса вспоминать об эротической буре...», «я бурно негодовал, бушевал...», «негодование еще бушевало в Мятлеве...», «сомнения опять бушевали в нем...», «какие бури я

преодолел?» — думает Мятлев, «в душе Мятлева бушевала буря...», «за окнами бушевала вьюга...», «май бушевал...», «под окнами бушевала толпа...», «бушевали бури в Петербурге...» Во всех сочинениях Пушкина, как о том свидетельствует словарь его языка, слово «бушевать» употреблено лишь пять раз. О девятнадцатый век, как ты далеко!

Заканчивая характеристику наиболее примечательных изобразительно-стилистических черт романа, нельзя пройти и мимо того, что в нем пропасть всякой чертовщины, нечисти, несусветицы: привидения, бесы, таинственные утопленники...

Зачем и откуда обилие персонажей такого разряда? Думаем, что оно объясняется прежде всего той же уже привлекавшей наше внимание простотой и удобством обращения с такими персонажами. А это современно, прогрессивно. Тут нет необходимости в дотошных портретах, нудных психологических мотивировках, хитроумных речевых характеристиках и т. п. Кто же не знает, к примеру, внешности черта? А привидения в романе речей не произносят, лишь воют. Как? «Тихо и монотонно» — вот и вся речевая характеристика.:

В то же время эта инфернальщина как бы придает сочит нению некую добавочную философическую значительность. Глядь, кто-то и поставит твою несусветицу в один ряд с тенями из пьес Шекспира, с Мефистофелем из «Фауста», с безымянным чертом из «Братьев Карамазовых» или хотя бы с оборотнями из «Мастера и Маргариты».

Однако, сказав, как нам думается, уже немало о художественной и отчасти нравственной атмосфере романа, мы все еще не поведали, о чем же он и кто его герои. Начать тут лучше всего с образа главного героя князя Мятлева, вокруг

которого все и вертится.

Сам по себе выбор для главного героя такого имени опять-таки весьма загадочен. Это все равно как если бы главному герою романа о наших днях дать имя, допустим, Василий Аксенов или Юрий Яковлев. Ведь именно в ту пору, которую описывает Окуджава, жил известный поэт Мятлев, автор знаменитого романа в стихах «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей». Но дело не ограничивается совпадением времени и имен — у обоих Мятлевых много и других странных, озадачивающих точек соприкосновения, даже общих черт. Тот и другой богаты и принадлежат к высшей знати. Один писал стихи, имевшие шумный успех, другой — тоже одаренная художественная натура! — сочинял музыку, приводившую в восторг даже знаменитых композиторов. Оба жили в Петербурге, причем о доме своего героя

207

Окуджава пишет: «Дом князя Мятлева был знаменит на весь Петербург... В прохладном вестибюле великолепные копии с античных шедевров окружали вас... В полумраке, как в тумане, колыхались мраморные изваяния...» Но и о доме реального Мятлева доподлинно известно, что он был знаменит на весь Петербург своей роскошью и множеством картин (не копий!) выдающихся художников, за что его называли музеем. В таком контексте нельзя не заметить и той детали, что у поэта Мятлева есть сатирическая пьеска «Разговор барина с Афонькой», и у князя Мятлева — слуга тоже по имени Афанасий, Афонька, образ которого дан в сатирическом ключе. И уж окончательно повергает в недоумение тот факт, что романный Мятлев, как и действительно живший, был близким знакомым Лермонтова.

Зачем все это? Циничный критик Зет сказал мне: «Да просто Окуджава отродясь и не слышал о поэте Мятлеве и не встречал его имени в стихах Лермонтова». Мы далеки от того, чтобы так думать об историческом романисте. Мы снова предполагаем тут какую-то тайну, которую можно разгадать лишь впоследствии.

Как бы там ни было, а романист пишет, что его герой «человек незаурядный», особенный; сестра героя корит его «страстью к скандалам», даже называет «злодеем, бросающим вызов»; о нем все время в романе ведутся разговоры как о человеке опасном и злоумышленном.

Такой взгляд подкрепляет и знакомый нам критик Я. Гордин. Он говорит: «Мятлев — это Пьер Безухов другой эпохи... Мятлев — декабрист, опоздавший родиться». Можно было ожидать, что дальше критик скажет: «Мятлев — это Павка Корчагин, родившийся слишком рано!» Но не сказал почему-то. Странно. А ведь ничего не мешало, и все шло к тому.

Но в чем же все-таки конкретно можно усмотреть незаурядность главного героя? Может быть, в том, что он когда-то лично знал Лермонтова (который с милой улыбкой все время именуется в романе «коротконогим поручиком»)? Это, конечно, бесспорный знак незаурядности, что понимал еще Иван Александрович Хлестаков. Кто же не помнит его гордого восклицания: «С Пушкиным — на дружеской ноге!»

Еще Мятлев постоянно читает и цитирует античных авторов. Этим, понятно, тоже отмечен не каждый. Но больше всего характеризуют героя и говорят о его незаурядности, конечно же, его любовные увлечения, заполняющие собой весь роман,— четыре следующие одна за другой, иногда друг на друга наползающие любовно-адюльтерные истории,

208

не считая эпизодов ранних или того, в котором участницей была розовощекая поповна, пахнущая «молодостью, репой и луком». В описании любовных

переживаний Мятлева и его пассий преобладает уже знакомый нам стиль нежданного горения и внезапного бушевания. Например: «как только он ее увидел, нешуточная страсть без приглашения вспыхнула в нем...», «лихорадочная страсть охватила князя...», «что-то вокруг словно ожгло его, едва он коснулся ее руки...», «я сгораю от вожделения, сгораю...», «он дал ей понять, что он сгорает...», «ее потухший взор вновь возгорелся...», «почти угасший огонь вновь бушевал в нем...», «негасимый жар, придающий обнаженным телам божественное совершенство...», «горячая упругая грудь...», «горячее гибкое тело» и т. д. и т. п. все в том же энергичном брандмайорском духе.

Восприятие Мятлевым внешности разных женщин дается едва ли не в одних и тех же словах: «он взглянул на женщину и даже зажмурился на мгновение, так она была хороша и так фантастична...», «графиня была очень хороша собой, а в полумраке вестибюля просто обворожительна...», «неожиданно он понял, что она неописуемо хороша, пленительна...», «она была очень хороша собой и грустна...», «вдруг он понял, что она замечательно хороша, просто чертовски хороша...» и т. д.

Это не просто скудность воображения и изобразительное убожество, это, говоря словами Я. Гордина, «автору так надо». Зачем? Да затем, дорогой, но недогадливый читатель, чтобы на фоне такого портретного убожества эффектнее выглядели страницы, где герои романа ведут тонкие разговоры о портретном мастерстве Гейнсборо, Вермеера, Рокотова. Разве это не очевидно?

Мятлев сторонится людей, живет уединенно, мечтает возвести вокруг дома кирпичную стену в два человеческих роста. Сам о себе он говорит: «У меня тотчас начинается дурнота, едва я пытаюсь коснуться политики». И случаев, когда бы он касался ее, в романе нет. Однако, говоря о Мятлеве, нельзя умолчать, что при всем этом он — непримиримый противник царя Николая. Прав критик Я. Гордин, говоря, что единственная сфера, в которой Мятлев считает возможным «идти до конца»,— любовь. Да, он всегда шел именно до конца со всеми своими пассиями — от пышнотелой поповны до жены статского советника с ее острыми ключицами. А царь постоянно мешает ему идти до конца, стесняет его свободу, отбивая избранниц. Поэтому вражда Мятлева к Николаю выступает в своеобразной и увлекательной форме непримиримого сексуального тираноборчества.

4

«Господибожемой» витало в воздухе подобно пыли…
«Путешествие дилетантов»

Наконец, мы добрались до вещей, гораздо более серьезных и важных, чем то, о чем шла речь выше, и потому нам надлежит изменить тон повествования: тут уже не до шуток, не до усмешек...

В романе, как уже сказано, все вращается вокруг тираноборца Мятлева, освещаемое его взглядом, его суждениями: тень Лермонтова, высшие царские сановники, сам царь, царица, жандармы, приятели, бесчисленные шпионы и т. д. Но главное — четыре возлюбленных, имеющие, в свою очередь, любовные ответвления, порой довольно длинные, включающие в свой ряд представителей едва ли не всех слоев народонаселения Российской империи — и студента, и профессора, и офицера, и купца, и трактирного полового.

Этот многочисленный хоровод персонажей в сочетании с тем, о чем мы говорили выше — с бесконечными внезапностями и неожиданностями, горением

и бушеванием, бурями и привидениями да еще и с известными нам редкостными особенностями слога, вроде «рта, обрамленного усиками», с переходами от непосредственного рассказа к дневниковым записям, от повествования к драматургическому диалогу и т. п.,— все это на первый взгляд создает впечатление хаоса, безумства, словесного самума. Впечатление усиливается и частыми авторскими напоминаниями о психическом расстройстве главного героя, и такими собственными его словами: «То, что происходит со мной, похоже на помешательство. Началась какая-то болезнь...», и замечаниями о других персонажах: «Амиран Амилахвари обезумел...»

Однако при более пристальном рассмотрении начинаешь догадываться, что этот хаос-безумство, этот самум-ералаш имеют и смысл и цель.

Критик Сергей Плеханов спрашивает: почему Б. Окуджава избрал предметом повествования далекие времена девятнадцатого века? И отвечает: это сделано лишь потому, что тривиальность, литературщину легче скрыть за мишурным блеском исторической экзотики. Как мы видели, мишурная экзотика действительно никогда не остается у Окуджавы без дела, но это, пожалуй, лишь производное, а первопричина выбора в другом.

Похоже, что входная дверь, ведущая к смыслу романа, к его цели, открывается, как это издавна заведено, ключом-эпиграфом «Когда двигаетесь, старайтесь никого не толкнуть. Правила хорошего тона». Для чего же спокон веку и придумывают эпиграфы, как не для отмыкания таких дверей! Так вот автор сам и дает нам понять, что он потому избрал для двигания просторы девятнадцатого века, что там, как ему кажется, двигаться легче, там меньше опасность толкнуть многих, а главное — гораздо меньше вероятность в ответ на свой толчок получить сдачи. Словом, там проще соблюсти «правила хорошего тона».

Но расчет романиста, увы, не оправдывается. У него не хватило на это ни способностей, ни других данных. О каком соблюдении правил хорошего тона можно говорить, если книга насквозь пропитана соком анекдотического невежества и самодовольного верхоглядства? А неуважение к русскому языку, малограмотное коверкание его — разве это не грубый толчок читателя?

Но этим дело не ограничивается. Толкаются, прут напролом, топчут на своем пути всем известные факты еще и многие замечания, высказывания, мысли героев романа, его идеи. Особенно напроломной представляется нам идея сопоставления и противопоставления России и Запада, пронизывающая весь роман от начала до конца.

Эта идея развивается целеустремленно, разносторонне, не одним каким-нибудь персонажем, а многими. Возникает она с самого начала в как бы мимоходом брошенных словах героя-повествователя, грузина Амилахвари, о том, что-де при Екатерине в архитектуре царило согласие «русской широты и западной утонченности». Екатерина царствовала с 1762 по 1796 год. В архитектуре это великая и блистательная эпоха, характеризующаяся именами Василия Баженова, Матвея Казакова, Ивана Старова, их продолжателя Андрея Воронихина. Это пора создания Румянцевского музея (дом Пашкова) и Таврического дворца, здания Сената в Кремле и Благородного собрания с его волшебным Колонным залом, Перовского дворца и (чуть позже) Казанского собора. Этим и многим другим архитектурным шедеврам тех десятилетий действительно нельзя отказать в художественной утонченности. Но вот теперь оказывается, что этой утонченностью мы обязаны не сыну сельского дьячка Василию, не сыну бывшего крепостного Матвею, не крепостному Андрею, не

русскому Ивану да Петру, а Западу!

Объявив духовную утонченность привилегией Запада и начисто отказав в ней бедному русскому народу, герой-

повествователь далее рисует такую обобщенную картину русского бытия: «Пусты наши души и холодны глаза перед лицом чужой жизни. С самого раннего детства мы точим оружие друг против друга...» Холопство, «разъедая наши внутренности, принуждает нас лицемерить и лгать, изворачиваться и подобострастничать, чтобы приблизиться и наконец вонзить нож в мягкую спину врага, а после, поплясав на трупе, провозгласить себя единственными... И так всегда».

Обобщенная картина эта потом конкретизируется. Каких бы слоев русского общества повествование ни касалось, везде перед ними нравственная деградация, распутство, раболепие, предательство. Никакого снисхождения автор не знает даже к молодому поколению — от офицерских дочерей, которые-де «готовы на все (!) с любым маломальским похожим (?) на мужчину», до студенток из бедных и разночинных семей, о которых говорится так: «Орды тупых немытых студентов с отвращением истинных верноподданных открещивались от всего, что могло бы смутить их дух, и пели свои несуразные гимны во славу чревоугодия и безобидных для государства шалостей с продажными женщинами». Россия предстает здесь, говоря словами бессмертного Фомы Опискина, современника героев романа, мрачным зловонным омутом неведомой глубины, на дне которого лежит крокодил.

А Запад? О, тут совсем, совсем иной коленкор! Тут не только утонченность... Взять хотя бы Италию. Действительный статский советник Ладимировский говорит жене об этой стране: «Там вам понравится... Я там бывал. Вы попадаете в другой мир», то есть, совсем в другой, чем Россия. А США, Англия? Какими они предстают в романе? Достаточно сказать, что главный герой, которому автор отдал все симпатии, спит и видит, как бы ринуться из России, из этого «болота», как он называет, в Англию, а оттуда в США. Там, говорит он, «иные берега, иные нравы».

Никто не собирается оспаривать того, что в русской жизни, описываемой в романе поры действительно существовало много мрачного, тяжелого, грязного. Но одновременно то были годы подъема антикрепостнического крестьянского движения, распространения прогрессивных социальных идей, то были годы замечательных достижений русской общественной мысли, литературы, искусства, науки. Именно в эту пору вовсю развернулась деятельность Белинского, революционно-демократическая по своей сути, когда входил в зрелую силу Герцен, поднимался во весь рост Некрасов, блистательно начинали Тургенев и Достоевский. Как раз в эти годы действовал и кружок Петрашевского, где обсужда-

лись проекты освобождения крестьян, где говорили о свободе печати, о насильственной замене самодержавия республикой. Кстати, среди петрашевцев мы видим и студентов, которые пошли потом на каторгу и в арестантские роты... Мы уже не говорим о том, что в эту пору, как и раньше, как и позже, оставались незыблемы высокие нравственные основы народной жизни.

Что же касается Запада, хотя бы тех стран, которые объявлены Окуджавой «другим миром», то они в ту пору во многих и важных отношениях по сравнению с Россией не являли собой образцов социального и нравственного превосходства. Италия страдала под австрийским игом, была раздроблена на мелкие королевства и княжества, ее терзали феодальные пережитки, неурожаи 1845 и 1846 годов

вызвали голод, а в 1847 году ее поразил экономический кризис. Россия в это время была уже единым централизованным государством и не знала иноземного гнета. Преимущество бесспорное.

О прелестях Альбиона внятное представление дал в 1845 году Фридрих Энгельс в книге «Положение рабочего класса в Англии». О сути этой книги он писал Марксу: «Я составляю англичанам славный перечень их грехов. Перед лицом всего мира я обвиняю английскую буржуазию в массовых убийствах, грабежах и других преступлениях». Именно в это облюбованное Окуджавой десятилетие сыны Альбиона, покинув благословенные родные берега, вели жесточайшие колониальные войны против Афганистана, Китая, Индии, в Южной Африке и в других местах, завоевав огромные пространства земли с населением в 80 с лишним миллионов человек, причем в некоторых районах, как в Африке, коренные жители полностью истреблялись.

В пользу России и тут можно отметить тот непустячный факт, что она, присоединяя к себе ряд народов, ни один из них не лишила исторического будущего.

Ну а Америка? В романе есть такой эпизод. Некий Иосиф Гамель, академик, добивается через «американский департамент» министерства иностранных дел (такого департамента, конечно, не существовало) разрешения на поездку в Англию и США. Царь наложил на прошение резолюцию: «Согласен, но обязать его секретным предписанием не сметь в Америке употреблять в пищу человеческое мясо, в чем взять с него расписку и мне представить». Понимаем-с, гротеск. Но царь, если исходить из всего контекста темы, представляется здесь не столько предметом насмешки, сколько олицетворением ясного намерения автора дать нам понять, что

в России вообще господствовали дикие представления об Америке, от которых она (Америка) была далека, как небо от земли.

Что же на самом деле являла собой Америка в ту пору? Была ли она действительно «другим миром», где процветали «иные нравы»? Людоедству американцы, конечно, не предавались. Но США вели тогда беспощадные захватнические войны. Так, в 1848 г. они оттяпали у нищей и беспомощной Мексики почти половину ее территории, а через пять лет — еще 140 тыс. кв. километров. Они стремились подчинить себе страны Центральной Америки, пытались купить, а потом захватить Кубу. В 1844 г. США навязали унизительный договор Китаю, где через несколько лет приняли участие в кровавом подавлении народного тайпинского восстания; затем принялись закабалять Японию... В таком облике США представали перед лицом мира. А во внутренней жизни одним из главных определяющих факторов было рабство, гораздо более жесткое и дикое, чем крепостное право в России, ибо негры, оторванные от родной земли, проданные на чужбину за океан, страдали не только от полного общего бесправия, но и от тоски по родине, от расовой ненависти белых хозяев. Недавно в США вышел роман Артура Хейли «Корни», рассказавший горькую правду о рабстве американских негров. Объясняя причины, побудившие его написать роман, А. Хейли сказал: «Долгое время в Америке пытались скрыть или затушевать историю рабства, как будто его никогда не было». Но, как видим, охотники затушевать эту историю есть не только в США.

Не желая считаться с историческими фактами, как и с законами русского языка, Б. Окуджава идет дальше. Ему мало сопоставления в общем плане, его не вполне удовлетворяют слова-символы «другой мир» или «иной берег». Он хочет быть конкретным. Именно с этой целью он обращается, например, к занимающей

его и в других произведениях проблеме шпионажа.

Вокруг главного героя, несмотря на всю его заурядность и полную аполитичность, автор напустил столько шпионов, что они кишмя кишат, как блохи в шерсти дворовой собаки: не только следуют за ним всюду по городу, не только все время бродят под окнами, но и живут у него в доме и даже висят вниз головой в его печной трубе.

Однако сравнительное сопоставление шпионского дела в России и на Западе проводит не главный герой, а некий князь Андрей Приимков, имевший возможность изучить вопрос и там, и здесь. Судя по несуразной фамилии, можно
214
было ожидать, что это персонаж комический, но нет, где там! Он аттестуется вначале как человек «незаурядных способностей», потом — как «высокий ум» и наконец — как «молодой гений».

Занимаясь изучением русских дворянских родов, «молодой гений» в России печатал о данном предмете нечто такое, что здесь одобрялось, а во Франции, под псевдонимом, о том же предмете публиковал нечто прямо противоположное, например, «проехался по адресу безнравственности Петра Великого». Современному читателю схема подобного поведения знакома. Кто же не помнит другого Андрея! Под именем Синявский он писал в советской прессе одно, а под именем Абрам Терц публиковал в той же Франции нечто прямо противоположное, на чем и был схвачен.

Приимков тоже был уличен в двурушничестве и понес наказание. Предавшись на досуге размышлениям, он пришел к такому выводу. «Шпионаж в России — явление крайне своеобразное. Европейский шпион — это, если хотите, чиновник известного ведомства. Вот и все. У нас же, кроме шпионов подобного типа, главную массу составляют шпионы по любительству, шпионы-бессребреники, совмещающие основную благородную службу с доносительством и слежкой Шпионство у нас — не служба, а форма существования, внушенная в детстве, и не людьми, а воздухом империи. Конечно, ежели им за это ко всему же дают деньги, они не отказываются, хотя в большинстве своем, закладывая чужие души, делают это безвозмездно, из патриотизма...»

В другом месте и сам главный герой включится в разработку данной темы, заявив, что в России «каждый третий — переодетый полицейский». И это будет дополнено авторским утверждением о том, что и за границей русских «лазутчиков и тайных агентов видимо-невидимо». Вот до чего доходит усердие: и на Западе-то засилье не своих, а русских шпионов!

Итак, наша Родина рисуется в романе страной массового добровольного доносительства, страсть к шпионству подается как неотъемлемая особенность русской жизни, как национальная черта. На Западе же шпионство строго регламентировано и благопристойно, там шпион — всего лишь корректный чиновник, знающий правила хорошего тона. Никто, конечно, не станет утверждать, что в николаевской России не было шпионажа. Но, во-первых, тут до «формы существования» с детских лет, до основополагающей черты далековато. Во-вторых, шпионы, осведомители, как свиде-
215
тельствуют факты, имелись и во всех других царствах-государствах

14 июля 1850 года, то есть именно в ту пору, когда герои Окуджавы возмущались шпионажем и осведомительством в России, радуясь, как замечательно чисто обстоит дело на сей счет в Европе, два немецких политических эмигранта писали в Лондоне, на Дин-стрит, 64: «Мы никогда бы не подумали, что в Англии вообще существует столько полицейских шпионов. Мало того что у дверей домов, в которых мы проживаем, постоянно сторожат какие-то

личности более чем сомнительного вида, прехладнокровно записывающие приход и уход всякого нашего посетителя,— мы не можем сделать ни шагу, чтобы они всюду не следовали за нами по пятам. Садимся ли мы в омнибус или входим в кафе, нас уже непременно сопровождает по крайней мере один из этих неизвестных друзей. Мы не знаем, состоят ли господа, занимающиеся этим приятным делом, «на службе ее величества». Тут же авторы иронизируют по поводу сердечного согласия, которое установилось в отношении их «между прусскими шпионами и английскими осведомителями».

Из всего того, что они написали — а это была статья «Прусские шпионы в Лондоне»,— в сущности, следовало, что «та система шпионажа, от которой не свободна ни одна из континентальных стран», существует и в Англии, всегда кичащейся своими демократическими установлениями. И нетрудно заметить, что одна из особенностей этой всеохватывающей системы как раз и состоит в сочетании профессионального шпионажа с «внеслужебным» осведомительством. Вот тебе и «другой мир»! Вот тебе и «иной берег»!

Читатель, очевидно, уже догадался, что мы цитировали Маркса и Энгельса, эмигрировавших в 1849 году в Англию. Автору «Капитала» и автору «Диалектики природы» у нас несколько больше оснований доверять, чем автору «Путешествия дилетантов», не отличающему вишни от клюквы. А между тем именно такого рода садоводы постоянно стремятся внушить нам, что все мыслимые безобразия и мерзости были и есть только в России, только у русского народа, и нигде в остальном мире просто немыслимы. Так внушается русским чувство их извечной и неизбывной вины перед человечеством, их неполноценности, порочной исключительности. Мы, дескать, можем лишь мечтать, о приобщении к цивилизации, лишь просить о вхождении в «мировое сообщество».

К разработке темы «Россия — Запад» романист снова привлекает героя-повествователя, грузина Амилахвари. Тот

взялся за проблему перлюстраций и изобразил дело опять же так, будто она — чисто русское изобретение, будто именно Россия — ее родина и зачинательница. Он утверждает, что именно у нас это дело поставили «на широкую ногу» и «придали ему характер научный»: «родились черные кабинеты, в которых тайные служители читали мысли наших отцов... Перлюстраторов было мало, но они успевали читать горы писем, аккуратно и добропорядочно заклеивая конверты и не оставляя на них следов своих изысканных щупалец».

О перлюстрации на Западе в этих рассуждениях конечно, ни звука. Но ведь на поверку, разумеется, и здесь все обстоит иначе. Еще за много лет до описываемого в романе времени перлюстрация процветала в Западной Европе самым пышным образом. Во многих странах были созданы специальные службы для тайного чтения писем граждан — secret de post. И одной из первых, если не самой первой, шла здесь все та же благословенная и добропорядочная Англия. Русский посол в Лондоне князь Кантемир писал в '1733 году: «Обыкновенно всех чужестранных министров письма распечатывают и имеют искусных людей разбирать цифири (шифры) на всяком языке». Кантемир по этой причине посылал письма из Лондона в Россию нарочным через Голландию, а когда был послом во Франции — через Брюссель. Достоверно известно, что в Западной Европе перлюстрировались даже письма русских царей; в частности в Австрии читались письма Екатерины II к де Линю, в Германии — к Циммерману, во Франции и Швейцарии — к Вольтеру.

С течением времени дело это вовсе не захирело, а, наоборот, развивалось все основательнее и шире. 7 июня 1849 года, может быть, именно в тот день, когда

наш друг Амилахвари обличал Россию за перлюстрацию, Маркс писал Энгельсу из Парижа в Кайзерслаутерн (Пфальц): «Прежде всего ты должен мне ответить, пришло ли это письмо неповрежденным. Я полагаю, что письма опять любовно вскрываются» И сколько подобных замечаний в их переписке на всем ее протяжении за десятки лет! В лучшем случае только по невежеству можно этот порок приписывать одной России Но нет, это не невежество, а целенаправленная работа по созданию образа русского монстра.

Такую работу мы видим даже и там, где речь идет о гонке вооружений. Обличительные сентенции вначале адресуются как бы ко всему «роду человеческому», всему «племени людей», но вот один-два словесных поворота — и «человечество» уже забыто, оно ни при чем, объект обличения опять лишь
217
один — все та же Россия, все те же русские. После напоминания о великих научно-технических достижениях века, о том, что «мысль человечества устремляется в небеса», герой-повествователь уже от лица русских произносит следующий монолог: «Мы не ленимся ковать стальное смертоносное оружие и мы с восторгом изучаем искусство владения им, и поощряем себя в этом, с восхитительной наглостью утверждая, что это якобы в целях самозащиты. Когда же нам удается использовать его, мы используем его с легкостью и торжествуем, видя себя еще на шаг продвинувшимися к заветной цели. Но этого нам кажется мало, и рядом со стальным оружием мы носим при себе набор прекрасных и испытанных средств: ложь, клевету, угодничество, которые пострашнее кинжала. И так всегда».

Здесь уместно напомнить, что Россия времен Николая Первого была по сравнению с Западом отсталой и в общетехническом, и в военно-техническом отношении страной; это со всей трагической очевидностью и обнаружилось в кровавых событиях Крымской войны. Поэтому обвинять ее в том, что она кует «смертоносное оружие», совершенствует его и изучает «искусство владения им», иначе говоря, если не возглавляет мировую гонку вооружений, то, уж во всяком случае, участвует в ней одной из первых,— по меньшей мере великая натяжка.

Кстати говоря, Крымская война занимает важное место в последних главах книги Но и здесь, как во многих других вопросах, Б. Окуджава обнаруживает поразительное верхоглядство, обходясь с фактами истории так, словно это его личное достояние, вроде «Жигулей». Прежде всего, он просто не знает, когда, где и что происходило во время этой войны. Например, главный герой романа 18 февраля 1854 года делает в дневнике такую запись: «Говорят, что в Бессарабии дела совсем плохи». Крымская война началась не «в Бессарабии», т. е. не на земле между Днестром и Прутом, а за Прутом, на территории Дунайских княжеств. Ничего «плохого», тем более «совсем плохого», для нас там долго не было. Совсем наоборот. В июне 1853 года наши войска по приказу царя вступили в Дунайские княжества. Турция ультимативно потребовала их вывода. Но мы продолжали там оставаться. 4 октября султан объявил России войну, однако никаких активных военных действий противника на этом театре не последовало. Прошло почти полгода, минул и февраль 1854-го, отмеченный в дневнике Мятлева, но на этом фронте продолжало царить затишье. На других же уча-
218
стках войны дело шло к явной выгоде для нас. 18 ноября 1853 года наша эскадра под командованием адмирала Нахимова разгромила основные силы турецкого флота в его собственной базе у Синопа, уничтожив за четыре с половиной часа все корабли противника, участвовавшие в сражении, кроме одного, спасшегося бегством, и взяв в плен самого командующего Осман-пашу В это же время, точнее, на другой день наш отряд под командованием генерала Бебутова в бою у

Башкадыркляра (Армения) разбил превосходящие силы турок, пытавшихся вторгнуться в Закавказье. Известны эти непустячные факты романисту и его герою? Есть все основания думать, что неизвестны, иначе в дневнике не могла бы появиться столь мрачная запись от 18 февраля 1854 года.

Активные действия на Дунайском театре начались только в марте 1854 года, причем не турецким, а нашим наступлением: отбросив турок, угрожавших Бухаресту, русские войска вступили в Болгарию и 6 мая осадили Силистрию. Энгельс писал 10 июня 1854 года, что «нападение на Силистрию является первой действительно наступательной операцией русских с тех пор, как они закончили оккупацию устья Дуная», и что это «не только смелая, но и в высшей степени правильно рассчитанная операция».

Взять Силистрию штурмом в середине мая не удалось Ввиду явных и опасных угроз Австрии в июне Николай вынужден был снять осаду, а в июле наша армия оставила Дунайские княжества и в конце августа отошла за Прут. Это отступление и явилось нашей первой неудачей в Крымской войне. Причем, говоря «неудача», нельзя забывать, что наша армия отошла на левый берег Прута не под боевым напором со стороны противника, а сделала это по решению командования в полном порядке, без существенных потерь. Всю ее вскоре перебросили в Крым. Турки же так были напуганы нашими предшествующими действиями, что Омер-паша с отрядом в 30 тысяч осмелился переправиться через Дунай лишь 25 июня, через две с половиной недели после того, как наша армия ушла из-под Силистрии.

В той же дневниковой записи от 18 февраля 1854 года после слов о наших «совсем плохих» делах «в Бессарабии» у Мятлева есть и такая фиглярски-драматическая фраза: «Крым содрогается. Лишней крови почти не осталось». Но отчего же содрогался Крым? Может, от землетрясения? И о какой крови идет речь, которая странным образом названа «лишней». Ведь Англия и Франция еще даже не объявляли нам войну, это произойдет спустя почти месяц — 15 и 16 мар-

та 1854 года; а высадятся союзники в Крыму, в Евпатории, лишь в сентябре. Таким образом до первых сражений на крымской земле еще более полугода, а Окуджава уже спешит лить потоки «лишней» русской крови.

Другой герой романа Амилахвари сообщает нам, будто война на Кавказе «заметно захирела перед лицом крымских событий». Захирела? Уж кому-кому, а грузину-то, кавказцу стыдно не знать, что совсем наоборот — военные действия на Кавказе необычайно оживились и обострились. Мы уже упоминали о попытке турок в ноябре 1853 года вторгнуться в наше Закавказье и о разгроме их превосходящих сил отрядом генерала Бебутова у Башкадыркляра. В июне и августе 1854 года турки предпринимают новые попытки вторжения и терпят новые жестокие неудачи. Вскоре наши войска перешли от обороны к наступлению, овладели Баязетом, а в июле 1855 года обложили Карс. Осенью этого же года в районе нынешнего Сухуми высадилась 40-тысячная армия Омер-паши, она пыталась наступать в направлении Кутаиси, но была остановлена нами на реке Цхенис-Цкали. Когда же 16 ноября наши взяли Карс, то турки, боясь быть отрезанными, спешно попятились назад к морю. Воспользовавшись этими операциями нашей армии, ее занятостью, Шамиль со своим воинством по согласованию с союзниками предпринимает две отчаянных попытки вторгнуться с севера в Грузию, в родные Окуджаве и Амилахвари края, в тыл нашим войскам, действовавшим против турок.

Главный герой благородный князь Мятлев в это время предается уже знакомым нам мечтам о бегстве из России: «Я мог бы уйти в горы и сдаться

Шамилю, обворожить его, сделаться его кунаком, получить коня, черкеску, бурку, золотое оружие...» Каким образом он рассчитывал добиться всех этих милостей и щедрот у недоверчивого, хитрого и сурового Шамиля, Мятлев умалчивает, но не надо быть мудрецом и знатоком войны на Кавказе, чтобы ясно понять: стать кунаком Шамиля и получить от него золотое оружие можно было лишь ценой выдачи важной военной тайны. Внутренне князь к этому готов: «Я мог бы...»

Но его мечта не останавливается на этом, он продолжает: «Затем ускакать в Персию, а оттуда отправиться в Европу». Таким образом, ради вожделенной Европы благородный князь мог пойти на двойной, если не тройной, обман, на двойное, если не тройное, предательство: и своих, и Шамиля, и персов.

Но другие русские и грузины смотрели на дело иначе: совместными усилиями они дали отпор Шамилю и отброси-

ли его свирепое воинство от родных Окуджаве пределов Грузии. Так-то вот на самом деле выглядит «захирение» войны на Кавказе.

К невежественному верхоглядству Б. Окуджавы мы уже привыкли, но трудно привыкнуть к тому, что его верхоглядство в вопросах истории всегда, во всем, в применении к самым разных эпохам неизменно носит уже знакомый нам крайне односторонний характер В удивительной полноте это сказалось и в освещении Крымской войны. Сказалось прежде всего в том, что автор полностью предал забвению и игнорировал героический характер неравной борьбы России против англо-франко-турецко-итальянских объединенных сил при угрожающем нейтралитете Австрии; ни словом не упомянуто ни одно из победных деяний нашей армии и флота — даже Синоп, даже 349-дневная оборона Севастополя! А ведь было, к примеру, еще сражение на реке Альме, в котором противник при двойном численном превосходстве одержал победу, по поводу коей один из английских военачальников, герцог Кембриджский, сказал: «Если мы одержим еще одну такую победу, то останемся без войска». Было еще славное дело у Балаклавы, в котором мы уничтожили цвет английской кавалерии; был разгром дивизии английского генерала Каткарта под Инкерманом; были уже упоминавшиеся победы на Кавказе и на турецкой земле, имена этих побед — Гурия, Нигоети, Кюрик-Дара, Баязет, Карс, Цхенис-Цкали; были крепкие пинки и зуботычины, отбившие охоту у англо-французов к бомбардировкам и к захвату Одессы и Або (Финляндия), Соловецких островов и Петропавловска-на-Камчатке; была крепостца Бомарсунд, что на Аландских островах, которую 1600 наших солдат и матросов удерживали целый месяц против 12-тысячного десанта и эскадры, насчитывавшей более 30 боевых судов... Ни о чем этом нет у Окуджавы ни звука. Не упоминает он и прославившихся тогда на всю Россию да не забытых и теперь имен Нахимова и Корнилова, Истомина и Тотлебена, Петра Кошки и Федора Заики, и никого других. Вот только помянул почему-то князя Меншикова, далеко не самое блистательное лицо этой эпопеи, да и то не обошлось без грамматической ошибки.

О главном герое этой горькой войны, о русских солдатах, Окуджава скажет лишь, что они «одеты с иголочки» и на марше в многие сотни верст тянут носок «все как один». И то и другое — невежественная нелепость: экипировка нашей армии как раз оставляла желать много-много лучшего; а сказать, что в походе от Петербурга до Крыма (в романе

именно об этом идет речь) солдаты «тянут носок», мог только человек, просто не понимающий этого выражения.

Все поразительные умолчания о героической стороне Крымской войны к

тому же сопровождаются гаерским тоном в описании нашей армии и хода трагических событий. То Окуджава вдруг ухмыльнется: «Войска были свежие — только что из печки». То выдумает, будто отправляющиеся на войну «дивизии, полки и батальоны» пахли французскими духами То опять ухмылочка: «Лишнюю кровь (все-то она ему мнится лишней, наша кровь! — *В. Б.)* сначала проливали пригоршнями, щедро и самозабвенно, затем, когда ее осталось мало, вздумали поберечь, но теперь она уже текла сама, не считаясь с расчетами и героическими усилиями многочисленных своих благородных жертвователей».

Самые многочисленные «жертвователи» своей крови были, конечно, солдаты, и о них Энгельс, целиком бывший на стороне союзников, тогда вынужденно писал: «Русский солдат является одним из самых храбрых в Европе... Всегда считалось, что легче русских перестрелять, чем заставить их отступить». Но об этом Окуджава ничего не желает знать.

Ну а в каком освещении предстают англо-франко-итальянцы и их действия? Да все в том же, уже известном нам,— это же представители передового Запада, цивилизованного «мирового сообщества». Если о русских ни слова сочувствия или похвалы, а одни упреки да ухмылки, то о союзниках — ни слова осуждения или укора, а одни восторги. Они воюют смело, умно, они удачливы, «проворны» и т. д. Особенно романист выделяет проворство англичан и зулусов. Ну, англичане действительно показали незаурядное проворство. 28 февраля 1855 года газета «Нью-Йорк дейли трибюн» писала в передовой: «Британская армия как армия перестала существовать. Из 54 000 человек под ружьем осталось несколько тысяч». Англичане прославились в Крыму и такой формой проворства, как дезертирское: они во множестве перебегали к русским. Не так уж мешкали и французы, о них там же говорилось: «У французов, возможно, еще находится под ружьем около 50 000, однако было их вдвое больше».

Что касается зулусов, то они, бесспорно, были и есть проворны в самом прямом и хорошем смысле этого слова, только в Крыму тогда никто, кроме Окуджавы, не видел ни одного зулуса. Там их просто не было. Видно, Окуджава спутал их в зуавами, тех насчитывалось до трех полков. Ну, требовать от человека, не отличающего панихиду от поминок, темя от затылка, горло от шеи, чтобы он разбирался, где зулус, а где зуав, было бы жестоко и бессмысленно.
222

Хорошо, пусть не зулусы, а зуавы. Но они-то, зуавы, неужто были проворнее русских? Вот информация к размышлению. Помянутая «Нью-Йорк дейли трибюн» 17 апреля 1855 года писала: «Результат ночной атаки зуавов 24 февраля оказался еще более плачевным, чем мы сообщали неделю тому назад». Еще более!..

И дальше в романе все идет в том же примерно духе. Вот некий полковник Берг пишет главному герою в письме из Крыма: «Наши ржавые дымные пушки бессильны перед французской артиллерией...» Энгельс писал о наших пушках в Крыму нечто совсем иное: «они очень хороши и превосходно действуют... Огонь русских не уступает по своей силе огню союзников». Об английской артиллерии мы там же, у Энгельса, читаем: «Орудия — лучшие в Европе, порох признан лучшим в мире... Несмотря на это, ни одни пушки в мире не дают такого большого отклонения снаряда от цели, и это показывает, какие люди ими управляют. Вряд ли в какой-либо другой европейской армии офицерскому составу артиллерии Так недостает профессиональной подготовки, как в английской. Половина неудач британской армии в Крыму объясняется непригодностью всего ее офицерского состава».

Обобщая свои размышления той поры, Энгельс говорил, что, подобно тому

как сама старая Англия представляет собой «сплошную массу вопиющих злоупотреблений», так и организация ее армии «насквозь прогнила». Отлично зная историю Великобритании и историю ее завоеваний, он к этому еще добавлял, что нигде в мире нет «такой звероподобной» армии, как британская, где грабеж, насилие, убийство являются издавна установленной привилегией, узаконенным правом солдата. Уж мы и тут позволим себе поверить Энгельсу, которого за его военные познания друзья звали Генералом, а не Окуджаве, уровень военной эрудиции которого, увы, еще не достиг того уровня, чтобы он мог отличить курок от спускового крючка.

Итак, наш разбор закончен. Возникает естественный вопрос: как такое произведение в таком виде могло появиться в толстом столичном журнале, выходящем тиражом почти в 200 тыс. экземпляров? Как могли пройти мимо всего, о чем мы здесь писали, и некоторые тонкие, проницательные, эрудированные литераторы, принимавшие участие в обсуждении первой части романа, состоявшемся в Центральном Доме литераторов, или выступавшие в прессе после опубликования второй книги? Думаю, что сей феномен объясняется в основном двумя причинами.

Во-первых, за Б. Окуджавой утвердилась репутация своеобразного художественного дарования. Он действительно своеобразен, самобытен во многих своих песнях, создавших ему заслуженную популярность И вот эту песенную репутацию некоторые редакторы, издатели, критики, видимо, и переносят на его прозу, не утруждая себя или даже опасаясь проверить, допустимо ли это.

Во-вторых, как мы уже отмечали, проза Окуджавы столь хаотична и сумбурна, так изобилует разного рода сюжетными, стилистическими и умственными ужимками, местами, написанными просто неграмотно и невразумительно, что это, должно быть, многих сбивает с толку и лишает способности видеть самые вопиющие несообразности, выдаваемые за творческую оригинальность.

Ну а если, в-третьих, вспомнить и о том, что предыдущее произведение Окуджавы, написанное на таком же литературном уровне, было издано еще и в Бари (Италия), в Мюнхене, в «Политиздате», в Париже, то понять выше подразумеваемых товарищей и совсем нетрудно.

Эта статья написана пятнадцать лет тому назад. Казалось, мой спор с автором носил здесь чисто литературный и только исторический характер.

Но настали страшные дни октября 93-го года... И в те дни Б. Окуджава сказал корреспонденту газеты «Подмосковье» в ответ на его вопрос о расстреле Ельциным Дома Советов: «Я смотрел расстрел Белого дома как финал увлекательнейшего детектива — с наслаждением». Стало ясно, что спор наш был не о литературе только, не об истории, а главным образом о жизни, в которой мы стоим на совершенно разных позициях.

А наслаждение — смысл жизни для таких, как Окуджава. Тогда, после появление романа «Путешествие дилетантов», он сказал корреспонденту «Литгазеты»: «Я очень счастливый человек, потому что всю жизнь, сколько себя помню, я всегда делал то, что доставляло мне наслаждение». Как ни резко и язвительно написал я о нем в этой статье, но все-таки и помыслить не мог, что он способен извлекать наслаждение даже из расстрела соотечественников. А ведь только убитых там было больше тысячи...

2 ноября 1994 года

ЛИЦА И МАСКИ

В лучезарной «Новой газете» (№66) напечатано ослепительно-блистательное предисловие Евгения Евтушенко к выходящей в издательстве «Время» книге избранных стихов Владимира Луговского. Батюшки, а я и не знал, что Евтушенко все еще в России да все еще и продолжает сочинительствовать...

Чем же блещет его предисловие, чем ослепляет? Прежде всего, как всегда, редкостной концентрацией невежества, вздора и лжи. Начать с того, что он не знает фактов, о которых пишет. Например, уверяет, будто Луговской во время войны уехал в Ташкент. Там в 41-м укрылись многие. Вспомним хотя бы допризывника Юрия Трифонова, близкого друга Евтушенко. А заболевший под первой бомбежкой медвежьей болезнью сорокалетний Луговской показал войне свою, по выражению автора предисловия, «военную спину» и очутился еще дальше — в Алма-Ате. Евтушенко очень любил Луговского и Трифонова и потому сочинил для их оправдания изящный афоризм: «Дело не в географическом местонахождении наших тел, а в местонахождении наших душ». Разве не ослепительно? И почему только этот лозунг не висел в призывных пунктах СССР во время войны? Однако вот вопрос: если в ту пору местонахождением тел иных литературных мужиков призывного возраста были Ташкент и Алма-Ата, то не значит ли это, что местонахождением их душ были собственные пятки? Надо полагать, свой афоризм Евтушенко прилагает и к себе: дескать, бренное тело мое в сытой Америке, а бессмертная душа моя в голодной России и вместе с народом голодает. Автор, как верный заединщик Чубайса и Новодворской, разумеется, гвоздит советское прошлое: «Луговской принадлежал к той эпохе, когда почти невозможно было выжить честному человеку без того, чтобы хоть за что-то, но не было бы стыдно». Разве не блистательный набор слов? Однако ведь пальцем в небо, Евгений Александрович, ибо в любую эпоху, буквально в любую, в жизни любого честного человека всегда найдется нечто такое, за что ему

и стыдно, и горько, и отвратительно Честный человек был Пушкин? Так вот он, дитя совсем иной эпохи, признавался:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

О, если бы Евтушенко, порочное дитя нашей эпохи, не смывал печальных и позорных строк своей жизни, а хоть что-нибудь перенял из пушкинского признания! Хоть крупицу отвращения к своей жизни, хоть одну слезинку раскаяния за свои дела, хоть минуту трепета перед днем Страшного суда... Нет, он предпочитает казнить не себя, а эпоху, когда, мол, «благополучно выжившие делились только (!) на две категории — на делавших что-то стыдное по собственной инициативе или же «под давлением обстоятельств». Поскольку, кроме этих двух, никаких иных категорий больше не было, то значит, весь народ, вся страна семьдесят лет творили нечто стыдное. Сам благополучно выживший поэт принадлежит, бесспорно, к первой категории — к добровольным творцам мерзостей. Впрочем, названные им две всеохватные категории имеют у него, в свою очередь, два подразделения: 1) палачи и 2) доносчики. Говорят, сам Евтушенко принадлежал ко второму подразделению первой категории, т.е. был добровольным доносчиком. А вот, допустим, Солженицын — тоже ко второму

подразделению, но второй категории, т.е. стал сексотом «под давлением обстоятельств» (Впрочем, давление-то было пустяковое. Просто позвал опер и спросил: «Можете?» И Александр Исаевич тотчас: «Могу-с! У меня и кличка уже заготовлена — Ветров»). Солженицын рассказал о своем сексотстве сам в полубессмертном «Архипелаге», а о Евтушенко будто бы поведал в воспоминаниях генерал КГБ Судоплатов. Не знаю, не помню. Известно мне только, что его теща, мать первой жены, Белы Ахмадулиной, работала в КГБ, и поэт, как тоже рассказал сам, иногда получал там за нее зарплату. Однако, имея в виду его собственную градацию нашего общества, естественно задуматься: а за нее ли получал? Но если он не доносчик, то уж непременно палач, это не подлежит обсуждению. Причем палач изощренный, просто садист. Ведь уже пятьдесят лет терзает советских людей своими сочинениями в стихах и прозе, кинофильмами, речами с трибун и телеэкранов, клятвами верности коммунизму, проклятиями его и просто словесным недержанием. Как же не палач?

Однако он о себе молчит, а продолжает о советской эпохе и о стране: «страшное время», «эпоха террора», «страна, уникальная в чудовищности своей истории»... От его ненависти к Советской стране не ускользает ничто — даже скульптуры на платформах станции метро «Площадь Революции», которые с пеной на губах он именует «бронзовыми истуканами». Ну, правда, на этих «истуканах» они все помешались. А он тут же рассказывает парочку именно чудовищных историй.

Одна такая. «Луговской, при жизни с такой щедростью помогавший молодым поэтам, помог мне и после смерти. Когда я написал стихотворение на смерть Пастернака «Ограда», напечатать его с посвящением в 1960 году было невозможно — Пастернака все газеты называли предателем...» Разумеется, это рутинное вранье. Ни одну газету, которая так называла бы умершего поэта, он назвать не может— их не было. Но дальше: «...а на переделкинском кладбище лубянские фотографы, не стесняясь, снимали крупным планом тех, кто пришел попрощаться с поруганным поэтом». С чего бы это лубянские фотографы потеряли стеснительность, которая обязательна для них по должности? И вот: «Я обратился к вдове Луговского с просьбой разрешить мне напечатать стихи, явно описывающие портрет Пастернака» с посвящением Луговскому. Елена Леонидовна печально улыбнулась: «Володя не обидится...» Ну, Володе-то, конечно, поздновато было обижаться, но как могла пойти на это известная своей веселостью вдова, которую и так обвиняли в том, что она угробила мужа, потащив тяжело больного человека в Ялту на светский курорт? Как могла согласиться на такой кладбищенский маскарад? Кроме того, тогда прошло уже три года, как умер Луговской. Так не странно ли было внезапное появление столь запоздалых стихов, посвященных его памяти? И неужели вдова не спросила: «А что ж вы, Женечка, не написали тогда стихи на смерть Володи?» Да и с какими же глазами явился сам Евтушенко: на смерть Луговского стихов не написал, а вот на стихи о Пастернаке напялю маску вашего мужа... Наконец, а где и когда именно стихи с маской были напечатаны? И почему из них нет ни одной цитаты? Словом, история не только чудовищная, но и весьма сомнительная. Тем более что автор почему-то решился поведать ее лишь теперь, спустя сорок с лишним лет. Что мешало сделать это хотя бы лет на 15—20 раньше? Сомнения наши еще больше окрепли, когда Евтушенко напомнил: «Андрей Вознесенский свое стихотворение о похоронах Пас-

тернака назвал «Похороны Толстого». Ну, эту-то чудовищно липовую историю мы хорошо помним. Во-первых, стишок назывался не «Похороны Толстого», а

«Кроны и корни». 28 лет после смерти Пастернака автор стихотворения молчал (все-таки не сорок!), а в 1988 году вдруг объявил в еженедельнике «Неделя»: «В тягостной атмосфере антипастернаковских гонений похоронного лета 1960 года мне все же удалось напечатать в газете «Литература и жизнь» стихотворение «Кроны и корни» с подзаголовком «Памяти Толстого»...» Вот, мол, какое было «страшное», «чудовищное» время и как приходилось ловчить да изощряться честным и благородным людям. Но, к сожалению, здесь все вранье в том же евтушенковском духе. Во-первых, стихотворение было напечатано не «похоронным летом», а 20 ноября, т. е. глубокой осенью. Во-вторых, никакой «атмосферы антипастернаковских гонений» тогда не существовало. Об этом говорят хотя бы такие факты: именно в ту пору не где-нибудь, а в издательстве «Художественная литература» готовилась большая книга умершего поэта «Стихотворения и поэмы», которая в 1961 году и вышла. Или: именно в то «похоронное лето» Вознесенский, уже тогда известный своим безумным обожанием Пастернака, был принят в Союз писателей. Да не с его ли рекомендацией? В свете этих фактов можно по достоинству оценить храбрые слова «мне все же удалось (!) напечатать». Можно подумать, что при этом гонимый молодой автор одолел невероятные преграды, чем-то жертвовал, рисковал или выдержал титаническую борьбу. Все это просто уморительно, ибо номер газеты «Литература и жизнь» от 20 ноября 1960 года был целиком посвящен Льву Толстому, 50-й годовщине его смерти. Там напечатаны материалы, принадлежащие перу А. И. Куприна, тогда еще здравствовавших А. Б. Гольденвейзера, Ольги Форш, Алисы Коонен, Ефима Пермитина, Льва Никулина, Виктора Шкловского, Дмитрия Благого... Всего около тридцати авторов, увы, ныне ушедших, кроме долгожителя Вознесенского, которому тогда, только что принятому в Союз писателей молодому поэту, возможно, даже заказали стихи специально для этого номера газеты. А главное, в стихотворении «Кроны и корни» и не пахло Пастернаком, и тени его не было, а все соответствовало облику и обстоятельствам смерти Толстого. Чего стоит хотя бы одно лишь упоминание о «полянах» — кто же при этом не вспомнил бы Ясную. А двукратное упоминание об «уходе» да еще о «побеге» — и этого достаточно, чтобы вызвать в памяти образ Толстого. А Пастернак, как известно, с переделкин-

ской дачи, подаренной Сталиным, никуда не уходил и не убегал, если не считать уход от Евгении Владимировны Лурье к Зинаиде Николаевне Нейгауз и далее — к Ольге Всеволодовне Ивинской. Но это же все в пределах дачного участка... Знатоки биографии Толстого могли отметить и такую деталь в стихотворении Вознесенского;

Художники уходят без шапок...

В ночь ухода из Ясной Поляны Толстой действительно потерял шапку в кустах усадьбы и долго искал ее впотьмах. Уж не говорю о строке

Листву роняют кроны...

Это же бывает осенью, когда хоронили Толстого, а Пастернака хоронили 2 июня, когда иная листва еще и не совсем распустилась... Так вот, не такой ли достоверности «портрет Пастернака» сочинил и Евтушенко, используя маску Луговского? Но больше всего здесь изумляет то, что об акции своего беспримерного мужества один молчал, как уже сказано, 28 лет, а второй — аж 41

год. И так это мужество было умело замаскировано, что ни одна живая душа, даже собратья по стихотворству, о нем не догадывалась. Замечательно! Однако же и досадно: ведь этак могло случиться, что вообще никто никогда не узнает и не оценит беспримерных деяний. И вот, прождав почти четверть века, Вознесенский, наконец, решился подсказать тугодумам. В 1984 году, включая это стихотворение в собрание своих сочинений, строку «зияет дом его» он переделал так: «на даче никого». Уж теперь-то, надеялся, все поймут: кто же не знает, что у Толстого было родовое имение и дом в Хамовниках, а у Пастернака — сталинская дача в Переделкине. Но прошел год, другой, третий — опять никто ничего не понимает! Между тем пошел уже 28-й год... И тут Вознесенский не выдержал, возопил со страниц «Недели»: «Да вот же я о ком скорбел, братцы!.. Нужен мне их Толстой!..» Все рты разинули. Распространилось глобальное недоумение. Из сотоварищей Вознесенского по тому номеру газеты уже никого не осталось в живых. В противном случае, пожалуй, даже молчаливый А. Б. Гольденвейзер (как часто в студенческие годы я встречал его в Большом зале консерватории!) мог бы нарушить свое молчание примерно так: «Да известно ли вам, су-

дарь, как такие проделки называются? Это же все равно что принести на могилу, обливаясь слезами, венок с лентой «Дорогому и незабвенному ММ», а потом под покровом ночи перетащить его на другую могилу и нацепить новую ленту — «Дорогому и незабвенному НН». Однажды в Ясной, когда я играл для Льва Николаевича «Крейцерову сонату», он вдруг прервал меня и сказал: «Александр Борисович, если встретите Вознесенского и Евтушенко, влепите им по оплеухе. Кто-то из них напишет:

Нам, как аппендицит,
Поудалили стыд.—

И оба они будут жить под этим девизом». Гений предвидел ваше паскудство».

Но, увы, и Александр Борисович умер еще в 1961 году. И, может быть, не столько от старости, сколько от огорчения: узнал, что Вознесенского недавно приняли в Союз писателей, а Евтушенко давно уже там. Заметив однажды, что на похоронах Пастернака «так печально мало было писателей», Вознесенский сокрушался по поводу чудовищной эпохи: «Увы, это был пример бытовавшего тогда двоедушия, «двойного счета», когда иные восторженно шептались о поэте дома, но клеймили его с трибуны и не решались даже проститься». Кто ж станет спорить, двоедушие всегда было есть и будет. Об одном из примеров его вспомнила как-то дочь Марины Цветаевой — Ариадна Сергеевна: «Было это в пятьдесят седьмой году в Переделкине. Помню так. В столовой огромная елка. За огромным столом — Борис, его жена Зинаида Николаевна, Ахматова, артист Ливанов, Федин, Нейгаузы, какой-то начинающий поэт Андрюша... Пили, ели, развеселились все. Потом Пастернак читал свои стихи... Начинающий Андрюша всем по очереди смотрел в рот. Этот Андрюша писал под Пастернака. Борис наставлял Андрюшу, а когда умер, улыбчивый Андрюша не отважился даже пойти провожать своего наставника и учителя — оторопь взяла» (С. Грибанов. Тайна одной инверсии. М., Воениздат, 1985. С. 62). Однако же сам Вознесенский уверяет, что на похоронах Андрюша был, а вот от поминок отказался. У него и довод очень веский, даже возвышенный: «На дачу я не пошел. Его там не было». Да, покойники, как правило, в своих поминках не участвуют. Похоже, молодой поэт узнал тогда об этом впервые.

Но вернемся к Евтушенко. Представьте себе, ныне он проклинает не только страшную советскую эпоху, но и

«бесстыдное приспособленчество к сегодняшнему беспределу, происходящее от желания оправдать свою беспринципную готовность лечь под потную волосатую тушу нынешней неизвестно какой системы — результата свального зоологического греха дворняжек, лагерных овчарок и компьютеров на пустырях истории». Во загнул! И волосатая туша власти, и дворняжки, и овчарки, и компьютеры, и пустыри истории... И это не все! Дальше он сливает два потока своей лютой ненависти в один, вспомнив о своей собственной молодости, «не догадывавшейся тогда, как ее растопчут — сначала сталинские палачи, а затем те, кто нагло осмеливался называть себя демократами, а на деле оказались политическими наперсточниками». Как говорил Чехов, сюжет, достойный кисти Айвазовского: наперсточник с доельцинским стажем обрушился на наперсточников ельцинской поры. Но заметьте: ни единого конкретного имечка. «Мы в лесочек не пойдем, нам в лесочке страшно». Я упомянул Беллу Ахмадулину, первую жену Евтушенко. Недавно в интервью «Литературной России» (№32) она сказала: «Я абсолютно нищий человек...» Ах, Белла!.. В 1959 году был вечер, посвященный 25-летию Литературного института. Почему-то его устроили в здании банка, что недалеко от института, на этой же стороне Тверского бульвара. Не помню официальной части вечера, не помню никого, а помню только, как танцевал с пленительной студенткой. Я спросил, как ее имя. «Белла...» — «Так вы Ахмадулина? Это о вас говорят, будто Сельвинский сказал, что в ваших стихах проблески гениальности?» — «Обо мне...» И вот с газетного листа на меня смотрит нищая старушка... Помните старинный романс?

Сказать ли вам, старушка эта
Как сорок лет тому жила?
Она была мечтой поэта,
И слава ей венок плела.
Когда она на сцене пела,
Париж в восторге был от ней.
Она соперниц не имела...
Подайте ж милостыню ей!..

Что, Евтушенко, еще вы скажете о той и этой эпохе?.. А что сейчас Вознесенский? Он недавно меня просто поразил. В «Огоньке» (№35) напечатано его большое интервью. Там он называет себе в некотором смысле «анти-Евтушенко». И это, представьте себе, в данном случае верно. Его вот уже много лет донимают стихотворением «Уберите Ленина с денег!». Развязный и неумный журналист сунул это стихотво-

рение в нос поэту и на сей раз. И что ж вы думаете? Вознесенский ответил: «Это не лучшие мои стихи. Но когда Золотухин читал их в «Антимирах», что делалось в зале! Шквал аплодисментов! Ленин, несмотря на все его минусы, самая сильная личность XX века». Сказать это в «Огоньке», сказать так в той либерально-беспощадной среде обитания... Я готов за это простить ему грех сорокалетней давности.

23 сентября 2001 г.

ПРОЗРАЧНОСТЬ

GLORIA MUNDI

Давненько я не видел и не читал Фазиля Искандера. Знаменитый же писатель и несгибаемый борец против казарменного социализма! Даже в Харькове не так давно вышло собрание его сочинений в шести томах. Премий у него с полдюжины, как у покойной Аллы Тарасовой. В том числе такие экзотические, как «Москва — Пенне». Что за Пенне? Где это? Я и не слышал... А какие критики о нем писали и пишут! Знаменитый Станислав Рассадин, прославленный Бенедикт Сарнов, всем известная Наталья Иванова... И как пишут! Вот хотя бы Иванова: «Трудно отыскать тот социальный институт или исторический момент в жизни общества, который так или иначе не нашел бы своего отражения в поистине энциклопедическом (!) по охвату событий и проблем романе «Сандро из Чегема». Брокгауз и Эфрон! Я уж и не помню, о каком еще романе после «Евгения Онегина» было сказано, что это энциклопедия русской жизни. Вот она gloria mundi писателя, родившегося в Абхазии, живущего в Москве, издающегося в Харькове и любимого в Пенне...

А ведь мы однокашники по Литературному институту. Ужасно меня вдруг заинтересовало, что с Фазилем теперь, где он, не притомилось ли его золотое перо, не подался ли в родную в Абхазию или куда подальше. Ведь вон в последнем адресном справочнике московских писателей, что в жалком виде и под пошлым названием «Московский Парнас» вышел в позапрошлом году, целую страницу занимает список укативших за рубеж. 70 блистательных имен, начиная с Елены Аксельрод и кончая Евгением Шнитцер. Из них 21 москвич ныне в США, 15 в Израиле, 12 в Германии и т. д. Правда, около сорока — «лица еврейского происхождения». А Искандер, как я прочитал недавно в другом справочнике, оказывается, по отцу — перс. Так, с одной стороны, зачем персу ехать в США или Израиль, а с другой — я лично вслед за главным героем рассказа Чехова «Орден Льва и Солнца» порой от души повторяю: «Мы, русские, любим персов!»

И принялся я искать хоть каких-нибудь сведений об Искандере или его новых публикаций. Представьте себе, публикаций не нашел. Но попалась недавно вышедшая увесистая книжечка «Наш советский новояз» упомянутого Бенедикта Сарнова. Из нее узнал, что есть издательство «Материк» (не путать с журналом «Континент», кажется, почившем в бозе). Как водится, в издательстве существует редсовет, который составляют такие слепящие светочи демократии, как известный своей ученостью академик А. Н. Яковлев, разумеется, Беня Сарнов, тоже мой однакашник, и искомый Фазиль, мультилауреат разнообразных премий. Прекрасно! Теперь я хоть знаю, где он обретается...

А тут случись еще и такое дело. Весной я всегда делаю прополку в своем архиве. Так и в этом году. Пользуясь отличной погодой в начале мая, выносил я на огород кипы старых бумаг, газет и бросал в костер И вот швырнул очередную охапку, вдруг мелькнуло в мятущемся пламени знакомое лицо. Батюшки, Фазиль! Обжигая пальцы, выхватил из огня его большой немного уже обгоревший портрет. Оказалось, он украшает страницу «Новой газеты» № 2 за 1998 год, на которой помещена статья Искандера «Государство и совесть». Как видите, газетка уже довольно старенькая, еще ельцинской эпохи, но я и этому был рад. Если устарела статья, так хоть на портрет полюбуюсь, вырежу и на стенку повешу. Но нет, в статье оказалось немало увлекательного и даже сногсшибательного. Судите сами.

ВЫБОРЫ АГРОНОМА

Искандер много, поистине с энциклопедическим охватом и весьма сурово пишет о советском времени. В частности уверяет, что в ту кошмарную эпоху тупоумие в стране повсеместно доходило до такого градуса, что «агронома в колхозе выбирали не по признаку его добросовестности и знания дела, а по признаку его идеологической болтовни». Интересно, правда? И, надо полагать, не только агрономов, но, скажем, и летчиков, паровозных машинистов, хирургов, зубных врачей да, видимо, и начальников Генштаба тоже выбирали голосованием? Вот построили, хотя бы, допустим, Ткварчельскую ГРЭС в Абхазии — и тотчас избрали ее директором, может быть, придурка из ближайшей деревни, лишь бы болтать умел. Может, именно так было в маленькой Абхазии, где Искандер родился и некоторое время жил, издавал свои сочинения? Но в России и других советских рес-

публиках дело обстояло несколько иначе: агронома не выбирали на собрании, его направляли в колхоз сельскохозяйственные отделы районных или областных советов. Да ведь при всей авторитетности источника трудно поверить, что и в Абхазии голосованием плодили опасных болтунов, доверяя им судьбу своих урожаев. Не глупее же абхазы русских или чукчей! Не зря еще в 1935 году республику отметили высшей наградой — орденом Ленина. Тем более трудно поверить энциклопедисту, что, не назвав ни одного колхоза, ни единого агронома-выдвиженца, он в обоснование своего крайне сомнительного навета на земляков и на родную трижды орденоносную республику приводит вот ведь какой пример: «Так, ничего не понимая в литературе, Жданов пытался управлять литературным процессом». Позвольте, сударь лауреат, но, во-первых, что тут общего? Разве Жданов — агроном? Почему Фома должен отвечать за Ерему? Отличие тут хотя бы в том, что Жданов действительно был избран секретарем ЦК на его Пленуме. Во-вторых, желательно понять, если описанные бедствия имели место в колхозах орденоносной Абхазии лет 60—70 тому назад, то сопоставимы ли они с бедствиями наших дней, когда в кресла премьеров страны, их заместителей сажают безвестных газетчиков, комсомольских перестарков и провинциальных гризеток — всех этих Гайдаров и Чубайсов, Кириенок и Степашиных, Хакамад и Матвиенок, а тут еще и Починок, который давно нуждается в починке. Да, много пищи для размышления дает даже старая статья писателя. Вот что значит большой талант!

БЕССОВЕСТНАЯ СТРАНА ПОГИБЛА... УРА!

Продолжая исследование порочной эпохи, наш энциклопедист уверял: «Совесть за семьдесят лет советской власти не только планомерно истреблялась сверху, но и сам наш человек, чтобы выжить, истреблял ее в себе». Ну, с одной стороны, если «наш человек» (т. е. весь народ, кроме перса Искандера) сам истреблял в себе совесть, то зачем же еще верхам работать? Как говорится, процесс идет. А с другой — я лично действительно знаю немало субъектов, которые постоянно занимались и занимаются духовным самоедством. Есть они и в редсовете «Материка». Думаете, имею в виду оборотня Яковлева? Это само собой. Однако не только. Но вот интересно, если взять семьдесят лет советской власти и пятнадцать лет власти горбачевско-ельцинско-путинской, когда было истреблено совести больше, принимая во вни-

мание хотя бы только то, что сейчас контингент заключенных в тюрьмах и лагерях России в два раза превышает контингент 1937 года?

Дальше; «Чаще всего истребление совести делалось неосознанно. При страшном давлении диктатуры молекулы страха в человеческой душе преображались в формулу любви. Человек просыпался и говорил себе: «Я еще жив! Спасибо великому Сталину!» Что ж, надо признать, что абхазы, ставшие агрономами или зубными врачами по голосованию, действительно должны были каждое утро славить товарища Сталина, если после первого неурожая в своем колхозе и первого ошибочно вырванного здорового зуба оставались живы.

Естественно, что о развале своей родины, все граждане которой, кроме него, с детства занимались удушением, четвертованием и колесованием совести, Искандер не сожалеет. Более того, он уверен: «Это было естественной смертью. Такое государство обречено было погибнуть». Еще бы! Ведь чего только стоят хотя бы такие его бессовестные деяния, как истребление германского фашизма или вне очереди бесстыдный прорыв в космос...

БЛЕСТЯЩИЕ УМЫ И ДЛИННЫЕ ДОЛЛАРЫ

Покончив с характеристикой советской эпохи, питомец Брокгауза и Эфрона обратился к демократической современности и сразу возликовал: «Нам повезло, что гибель Советского государства обошлось без кровопролития!» Без?! И это говорит уроженец Абхазии, которая, пока он боролся за демократию и прогресс в столичных редакциях да радовался дарованным «букерам» и «триумфам», отстояла свою свободу и независимость в кровопролитной войне! Говорит житель Москвы, где кровь льется ежедневно! Говорит гражданин России, население которой ежегодно уменьшается на миллион! Неужто ему нет дела до этих ежегодных миллионов только потому, что смерть их чаше всего бескровна?

Гуманист терзается другим: «Разве не стыдно всем нам, что такие блестящие умы, как Сергей Аверинцев и Вячеслав Иванов, обучают за границей тамошних университетских недорослей? Иванов знает около ста языков». Это с какой же стати всем нам должно быть стыдно? Слава богу, пока есть в стране и университеты, и недорослей хватает. Правда, платят маловато, вот в погоне за длинным долларом блестящие умы и рванули за границу, один —-в Вену, другой — в Лос-Анджелес, где-то там с той же целью еще один блестя-

щий ум — Евтушенко... А мы с женой, пенсионеры, должны из-за них умирать от стыда? Это им да их адвокатам должно быть стыдно! И в том, что маловато платят, не мы виноваты, а они, немало сделавшие для утверждения этого режима. Ведь оба вместе с Искандером были в 1989 году нардепами СССР, входили в приснопамятную Межрегиональную группу, сравнимую со 2-й танковой группой Гудериана осенью 41-го года под Тулой. Что же касается ста языков, на большинстве коих поговорить уже не с кем, то Иванову хорошо бы освоить еще один, очень живой и выразительный — для объяснений с правителями.

ПРЕЗИДЕНТ ОБЯЗАН ЗНАТЬ, ГДЕ СОРТИР

Искандер критиковал не только весь народ за ужасную судьбу стоязыкого Иванова и шестикрылого Аверинцева, кстати, тоже энциклопедистов. У него были претензии и к самому главе государства: «Недавно президент наш Борис Николаевич Ельцин сказал по телевидению, что миллиарды рублей, посланные в Чечню, неизвестно куда делись. Президент не следователь, не прокурор, он может не знать, кто их украл. Но он обязан знать, кто именно в правительстве за это отвечает». Золотые слова! Но разве это был единственный факт такого рода?

Да, президент не следователь, но он обязан знать, например, что в самолете есть уборная, и если тебе приспичило, то надо ею своевременно воспользоваться, а не терпеть до приземления, а потом бежать на иностранном аэродроме к колесу самолета и на глазах потрясенных леди и джентльменов справлять, как бобик, малую нужду за три минуты до объятий встречающих. Да, президент и не прокурор, но он обязан не напиваться, как свинья, в стельку, если в другой раз тоже на иностранном аэродроме запланирована государственная встреча с премьер-министром иностранной державы. Президент еще и не министр экономики, но он обязан не брехать, что ляжет на рельсы, если жизнь народа станет хуже, а позже — за 24 часа до дефолта — не клясться, что экономика страны благоухает. Он и не министр обороны, но обязан не выступать в роли петрушки, уверяющего, что послал против чеченских террористов 38 снайперов, и теперь страна может спать спокойно. Наконец, он не должен быть уж таким болваном, чтобы не знать: за предательство родины полагается виселица, а не высшая награда страны из рук человека, который оказался цепным псом межконтинентальной дружбы. Недав-

но краснодарский губернатор Ткачев на встрече в Кремле допустил выражение «куриная война с Америкой». И как он, громыхнув цепью, тотчас кинулся на него: «Никакой войны не было!!!» Его страшит даже такая война и даже упоминание о ней. Действительно, не было войны. Была лишь попытка нашего сопротивления, и заокеанские друзья недели за три-четыре беспощадно ее подавили. И продолжают слать нам не по новой же технологии выращенных за это время парных кур, а из многолетних мороженых запасов, из коих снабжают и Гондурас. Ешьте, русские друзья. А через несколько дней — свидание с Кучмой, и тот возьми да брякни: «трагедия Афганистана». И снова — моментальный бросок: «Никакой трагедии! В Афганистане была бомбежка, а не трагедия. 11 сентября в Америке — вот истинная трагедия!!» Какая реакция! И какая бдительность на страже заморских интересов У человека просто нет такого органа, чтобы понимать: всякая война и любая победа имеют трагическую сторону. Разбили мы немцев под Сталинградом — торжество! Но и трагедия. Взяли мы Берлин, разметали фашистскую орду — победа! Но и трагедия! И никогда не поймет человек, что на свете есть «вино с печалью пополам». Уж такая порода...

НАРОД И «ЗОЛОТОЙ МИЛЛИОН»

И все это и много подобного воочию видя, Искандер, однако же, милостив: «Критикуя правительство, я ни на минуту не забываю о многом хорошем, что оно делает». Что же именно? Ну, выдало ему премию А еще? Как?! — восклицал лауреат. «Оно оберегает нас от мировой скорби. И прекрасно с этим справляется». Надо полагать, тут имеются в виду бесчисленные празднества, юбилеи, дни городов, телешоу, Пугачева и Бабкина, импортированный день святого Валентин, фиглярство Жириновского и Новодворской — и нет никакой Welt Schmerz нигде, кроме очей Сарнова! Но не исключено, что автор имел в виду и бесчисленные убийства, взрывы, аварии, пожары, наводнения, обвалы — где ж тут скорбеть о несовершенстве мира, только успевай поворачиваться, только свою шкуру спасай.

Напомню, что статья Искандера написана почти четыре с половиной года тому назад. И вот недавно, если вернуться к вопросу грабежа страны, в апреле этого года по тому же телевидению председатель Счетной палаты Степашин

заявил, что его сотрудники не могут найти, куда исчезли 4 с лишним миллиарда уже не рублей, а долларов. Президент
238
другой, он тоже не следователь, не прокурор, но все-таки вчерашний офицер КГБ, к тому же гораздо моложе той образины, и умеет своевременно пользоваться уборной в полете, даже спускает после себя воду и еще нигде на людях не обмочился — как все прекрасно, и столько времени прошло, а результат тот же и даже гораздо ужаснее! В чем дело? Да все очень просто. Искандер гневно вопрошал: «Почему у нашего правительства до сих пор нет опубликованной для народа программы своих действий на ближайшие годы? Программа должна быть!» За это время сменились не только два президента, но и полдюжины премьеров, а программы все нет и нет. Теперь-то хоть понимает энциклопедист почему? Едва ли. А дело такое. Для себя программа у власти есть, но объявить ее народу она не смеет, ибо это программа закабаления страны, превращения ее в сырьевой придаток Запада, программа истребления не только совести, но и носителя ее — народа. Так же обстоит дело с проблемой безопасности. После гибели в День Победы на демонстрации в Каспийске 42 человек прошла на НТВ передача «Свобода слова», на которой обсуждали эту трагедию. И одна женщина сказала от микрофона: «Проблему своей личной безопасности правители решили с помощью невиданной охраны, бронированных автомашин и превращения своих гнездышек в крепости, а на всех остальных, на весь народ им наплевать». Да, «золотой миллион» себя обезопасил. Кое-чего не понимая и не видя, Искандер, однако же, порой очень мрачно смотрит на нынешнюю жизнь. Так, свою родину он называет страной, «где каждый второй — вор». Да неужто так и есть? Но я слышу, как перевернулись в гробах Брокгауз и Эфрон. Вот, Фазиль, вас в редсовете «Материка», повторюсь, четверо. Значит, двое воры? Кто же именно — Сарнов и Яковлев? Кабанов и ты? Сарнов и Кабанов? Яковлев и ты? Ты и Сарнов? Молчание

АНТОНИ ЛЕВЕНГУК, ИЗОБРЕТАТЕЛЬ СПЕРМАТОЗОИДОВ

На простой вопрос о ворах автор ответа не дает, но зато он сделал такое великое открытие, что удивительно, почему за минувшие годы оно не овладело умами, не вошло во все энциклопедии мира, а ему за это почему-то не дали еще одну премию или орден Андрея Первозванного. Искандер объявил: «Экономика не является базисом человеческого
239
общества, и это легко доказать». Если уж так легко, то почему до сих пор никто не занялся, например, Юз Алешковский или Мишка Демин? Матвиенко или Починок? Сорокина или Миткова? Загадочно... И как же новатор доказывает? Действительно очень легко: «Экономика не является базисом, ибо человечество тысячелетия жило, когда никакой экономической науки вообще не было и никому в голову не приходило экономическую сторону жизни объявлять базисом». Фазиль, однокашничек, любимец Натальи Ивановой, неужели ты, давно вступив в восьмой десяток, полагаешь также, что если до Левенгука, который в XVII веке изобрел микроскоп, человечество тысячелетия жило без научной микроскопии и не знало о существовании бактерий, сперматозоидов, эритроцитов, то их по этой причине и не было в природе? Ведь это, как говорится, сдвиг по фазе или, если по-научному, солипсизм. Согласно ему, и твоего друга Бени Сарнова не существовало до того лучезарного дня, когда он со своим умом предстал перед твоими очами. К тому же надо пояснить, что базис общества — вовсе не экономика. Так считают только олухи царя небесного,

компанией которых ты почему-то дорожишь на старости лет. А ведь еще в Библиотечном институте читал у Маркса: «Совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания». В 1951 году, перейдя в Литературный институт, ты продолжал штудировать марксизм и прочитал у Сталина: «Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения». Конечно, на восьмом десятке все это может испариться из облысевшей черепушки или засохнуть там в виде таракана, но тогда не надо карабкаться на газетную полосу со своими открытиями. «Базисом человека и человеческого общества является совесть, а экономика — одна из важнейших надстроек. Экономика может хорошо работать при более или менее здоровом состоянии базиса — совести человека». Красиво! Но что такое более или менее здоровая совесть? Если она хромает на обе ноги, но со здоровыми кулаками — это более или менее? Какого пошиба совесть, допустим, у коллеги Яковлева — более или менее, чем у коллеги Сарнова? А что сказать про Америку? Кажется, там экономика работает недурно, но зна-

чит ли это, что и совесть первосортная? А если так, то почему такая отменная совесть не мешает им шататься по всему свету с кистенем и встречным-поперечным раскраивать черепа?

Очень проникновенно, прямо-таки с дрожью в голосе и со слезой сострадания и восторга автор рассказывает о послевоенном восстановление Германии: «Тысячи городов лежали в руинах, миллионы убитых, миллионы раненых, миллионы голодных и беспризорных детей!» И вдруг в одночасье проснулась у вчерашних потрошителей Европы совесть и свершилось чудо — страна расцвела. А план Маршалла, т. е. экономическая помощь Америки, а умная политика канцлера Эрхарда сыграли при этом какую-нибудь роль? Ни слова. Речь только о совести, ни о чем, кроме совести. Прекрасно! Но твоя родина, Фазиль, тоже за пять лет восстановила народное хозяйство. А ведь наши разрушения и потери несоизмеримы с немецкими. Достаточно вспомнить, что по советской земле война прошла дважды, а по германской один раз. И ожесточение сражений при нашем отступлении, как и наступлении, было таким, что многие города — Перемышль, Харьков, Ростов и другие, всего больше двух десятков,— переходили из рук в руки по нескольку раз. В Германии не было таких городов. Как, впрочем, и во Франции и в других завоеванных немцами странах. На Западном фронте и битв, подобных Сталинградской, Курской или Берлинской не было.

И что же мы слышим о чуде восстановления нашей родины? Ни слова. А ведь и довоенный ее рывок из лапотной отсталости на первое место в Европе тоже было чудом. А потом — второе место в мире, супердержава — опять чудо! И опять энциклопедист молчит, ибо не может он допустить, что совесть советских людей была выше, чем у вчерашних стражников Освенцима, расстрельщиков Красухи, грабителей всей Европы. И я думаю, что же все это такое — затухание некогда резвого ума или элементарное угодничество перед антисоветским режимом? Но как бы то ни было, а когда человек, ничего не понимая в основополагающих принципах и терминах какой-либо теории, учения, пускается опровергать их и радуется, как это легко, то он предстает перед нами в образе именно того агронома, которого избрали на общем собрании колхоза

«Новая жизнь», где все выписывают «Новую газету».
241

СОЗДАДИМ НЕСЛЫХАННОЕ ГОСУДАРСТВО!

Ничуть не смущаясь, Искандер еще и объявил рецепт спасения отечества: «На вопрос, что мы строим, мы должны: иметь мужество ответить: мы строим совестливое государство, мы строим Государство Совести. А демократия и рыночная экономика — только рычаги этого неслыханного государства». Конечно, такое государство еще более неслыханно и желанно, чем Город Солнца Кампанеллы. Но как именно это сделать? Да опять же очень просто! «Начинать надо с правительства. Нужно правительство алмазной чистоты и прозрачности». Прекрасно! Но почему не с президента? Одного-то такого легче найти. «Кристалл алмазной честности. Сто абсолютно чистых толковых людей». И где взять людей алмазной чисты и абсолютной прозрачности? «Они кругом». Что значит — кругом? Есть и в вашем редсовете? Сарнов, например? «Они и в самом правительстве». Кто именно — Починок? Клебанов? Матвиенко? «Достаточно найти десять таких людей, и они приведут остальных». Таких же алмазных или уже бриллиантовых, т. е. обработанных? «На это понадобится не больше двух-трех месяцев». Великолепно! Радость какая! Гораздо короче знаменитой программы Явлинского «500 дней», которую в свое время почему-то прочитали и утвердили только в США, на Брайтон-Бич. А нельзя ли все же сократить поиски алмазных личностей и дельце это провернуть еще быстрее? Уж очень не терпится! Можно, говорит Искандер: «Даю точный адрес человека, который укажет на высокообразованных, умных, совестливых людей. Это адрес академика Дмитрия Сергеевича Лихачева».

К ВОПРОСУ О ПРОЗРАЧНОСТИ АКАДЕМИКОВ

Вот это меня несколько озадачило. Во-первых, если люди с алмазными сердцами «кругом», то почему писатель сам не назвал сотняшку таких. Начал бы со своего редсовета, что ли: Яковлев, Сарнов. Во-вторых, ведь сам-то Лихачев не совсем алмазный, не абсолютно прозрачный. Например, почему он не был на войне? Когда она началась, ему шел 34-й год, и здоровье, судя по долголетию, было неплохое. Конечно, академиков или таких выдающихся художников, как Шостакович (он просился на фронта) оберегали от войны, но Лихачев был тогда всего лишь младшим научным сотрудником, каких тысячи, даже кандидатом стал только в 1944 году, всю
242
войну диссертацию писал. Нельзя не сказать и о том, что в последние годы демократы постоянно изображали Лихачева самым отчаянным страдальцем и горьким мучеником советской власти, которого преследовали, не печатали, запрещали и т. п. И он ни разу ни словечком не возразил. А ведь на самом-то деле хотя он в молодости будто бы за хранение «Протоколов сионских мудрецов» действительно отсидел лет пять в Соловках (Т. Миткова заявила однажды по НТВ: «двадцать лет сталинских лагерей»), но потом всю жизнь —как сыр в масле! Опубликовал свыше 900 статей, издал более 30 книг. И доктор, и профессор, и академик, и депутат Верховного Совета, и Ленсовета, и квартиры все менял на лучшие... Орденов едва ли не больше, чем у Буденного. А премии! Еще в 1952 году — Сталинская, в 1962-м — ВДНХ, в 1969-м — Государственная, в 1975-м — опять ВДНХ, в 1986-м — Золотая Звезда Героя Социалистического Труда и орден Ленина... А он делал вид, будто ельцинский орден Андрея

Первозванного — чуть ли не единственный за всю многострадальную жизнь.

Или взять такой вопрос. 10 сентября 1990 года в беседе по телевидению с журналистом Урмасом Оттом академик горько жаловался: «Я был невыездным... Да-да, невыездным... Увы, невыездным...» Но это же прямое вранье, которое нельзя объяснить возрастом. По данным Иностранной комиссии Союза писателей, Лихачев в советское время ездил в Австрию, Англию, Италию, Румынию, а в ГДР, Венгрии и Чехословакии гостевал дважды, в Польше — раз десять, и если это меньше, чем Вознесенский во Франции, то в Болгарии, где он был иностранным членом Академии наук и другом самого товарища Живкова, Лихачева видели чаще, чем Евтушенко — в Америке. Наконец, изрядную дозу непрозрачности в образ академика добавляют публикации о том, что писатель О. В. Волков, умерший в 1996 году, а ранее Т. М. Купоров, отбывавшие срок вместе с Лихачевым, утверждали, будто он под кличкой «Штольц» был секретным осведомителем лагерной администрации, за что и освобожден досрочно с похвальной характеристикой (Ю. К. Бегунов. Тайные силы в истории России. М., 2000. С. 495). Так вот, может, по причине неполной прозрачности Лихачева никто и не кинулся к нему по совету Искандера за списком алмазных людей для бриллиантового правительства?

Впрочем, что ж тут рассуждать. Академик ушел в мир иной, где нет ни премий, ни орденов, ни базиса, а одна сплошная надстройка в виде вечного блаженства. Да еще только ангелы: «Шу-шу-шу... Бр-бр-бр... Тс-тс-тс...» Увы, с

академиком получилось еще конфузнее, чем с выборным агрономом, которого Искандер уж вроде бы своими глазами видел в Пицунде. Только этим, видно, и объясняется, почему до сих пор нет у нас алмазного правительства. А одни совершенно непрозрачные медные лбы... Впрочем, стоп! 17 мая Дума при одном воздержавшемся приняла «Кодекс поведения чиновника». Не есть ли это первый шаг по пути в Государству Совести?.. Интересно, а что сейчас поделывает там академик Лихачев, на которого возлагались такие великие надежды? Не исключаю, что ждет не дождется, когда в книжном магазине райцентра поступит в продажу книга младшего коллеги Б. Сарнова «Наш советский новояз». А что мне делать с обгоревшим портретом Фазиля?..

ЕСАУЛ КАЛМЫКОВ ПОД НАРВОЙ, В КРЕМЛЕ И С КОНСЕРВНОЙ БАНКОЙ

М. А. Глузскому, народному артисту СССР

Михаил Андреевич!

Недавно Вы отметили свое 80-летие, а вскоре и мне стукнуло 75. Так что люди мы одного поколения и работаем в близких областях: Вы — в кино, я — в литературе. Еще, оказывается, и живем рядом. Выходит, есть о чем поговорить, хотя и не знакомы лично. Ну, мне-то известна Ваша творческая стезя. Я всегда любил Вас как артиста, в частности восхищался тем, как в герасимовском «Тихом Доне» сыграли Вы эпизодическую роль есаула Калмыкова, о котором еще скажу дальше. Большим Вашим успехом считаю образ академика Сретенского (деда) в фильме «Монолог».

Там еще в 1973 году было предсказано нашествие на нашу жизнь «новых русских» с их безграничным цинизмом и беспощадностью. Эти два образа, по-моему, лучшее, что Вы сделали в кино.

Хотел написать Вам сразу, как только прочитал в «Новых известиях» Ваше

юбилейное интервью, но не решился нарушить праздничное настроение. Тем более что оно, кажется, затянулось: вскоре увидел Вас в какой-то телепередаче на грандиозном празднестве по случаю юбилея известной политической профурсетки Яковлева. Надо полагать, и профурсетка[1] почтила своим присутствием Ваш юбилей.

Собираясь писать это письмо, захотел выяснить, были ли Вы на фронте, чтобы говорить как солдат с солдатом, прямо и ясно. С этой целью заглянул в два современных биографических справочника. Там об этом в статьях о Вас ни слова, даже о службе в армии — ни гугу. Странно. Ведь в 1941-м возраст Ваш был самый солдатский. И не были Вы так знамениты, чтобы советская власть и партия берегли Вас от фронта, как, допустим, Шостаковича. Он 4 июля, сразу после великой речи Сталина по радио, выразил готовность идти защищать Родину, но его не пустили. Склоняюсь к тому, что неупоминание о Вашем участии в войне есть лишь результат

[1] Здесь в смысле «женщина-бродяга». Словарь тюремно-лагерного блатного жаргона. «Края Москвы». М. , 1992. С. 198.

отношения к самой Великой Отечественной словно к какому-то недоразумению, что ли, составителей этих справочников. Ныне подобные составители не диво. Можно услышать еще и такие заявления, что это, мол, была война между двумя тиранами. Так что говорить с Вами буду как фронтовик с фронтовиком — без утайки, без уверток.

Но вот что еще, замечу походя, поразило меня в этих справочниках. Первый — «Кто есть кто в России и ближнем зарубежье» — вышел тиражом 50 тысяч экземпляров еще в 1993 году стараниями издательского дома «Новое время» при содействии акционерного банка «Деловая Россия». Так вот, статья о Вас там есть, а о таких ныне покойных, но тогда здравствовавших творцах русской культуры, как Леонид Леонов, Галина Уланова, Георгий Свиридов, Святослав Рихтер, народный артист Николай Анненков — ни строчки! Не нашлось места и для таких живых классиков, как Игорь Моисеев, Борис Покровский, Тихон Хренников, не упомянуты Виктор Розов, Евгений Светланов, Ирина Архипова, Герой Социалистического Труда Б. А. Рыбаков, дважды Герой и шестикратный лауреат высших Государственных премий академик Н. А. Доллежаль, чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов (Каспаров, разумеется, есть) и т. д.

О Вас, Михаил Андреевич, в справочнике сказано: «Отечественный кинематограф нельзя представить без ярких образов, сыгранных этим замечательным артистом!» Прекрасно! А разве можно представить нашу литературу, драматургию без образов, созданных Леоновым и Розовым? А наше театральное искусство, балет, хореографию без Улановой и Моисеева, без Покровского и Анненкова? А нашу музыкальную культуру без Свиридова и без Хренникова, без Рихтера и Светланова? А науку без Рыбакова и Доллежаля? А шахматы без Карпова, обладателя девяти шахматных «Оскаров», что Каспарову и не снилось?

Наконец, можно ли представить и наше кино без ярких образов, созданных, допустим, таким замечательным артистом, как Николай Крючков? А ведь его, тогда живого, тоже не пустили в это культурно-просветительское издание... Так не кажется ли Вам, Михаил Андреевич, что оказаться в справочнике, в который демократические держиморды закрыли доступ названным выше славным сыновьям и дочерям советского народа, в том числе Вашему старшему собрату Николаю Крючкову, это подобно публичной пощечине или как порядочному человеку вдруг попасть на юбилей Яковлева, на свадьбу Сванидзе или на поминки Доренко.

Второй справочник — «Кто есть кто в России» — вышел в издательстве «ЭКСМО-пресс» уже в 1997 году. И опять — до
246
чего ж это эскимо недоброкачественное! В нем представлено более 700 лиц. Статья о Вас есть. Можно прочитать даже о таких канцерогенных личностях, как Евгений Киселев, Татьяна Миткова, тот же Сергей Доренко. Правда, некоторые существенные обстоятельства в жизни подобных персонажей почему-то умалчиваются. Так, нет ни слова о том, что когда Березовский дает отдохнуть переутомившемуся от брехни Доренко, тот восстанавливает силы для новой бульдожьей схватки с Лужковым «в собственном роскошном доме, расположенном на великолепном участке американской земли, где уже давно живет его семья» (Константин Ковалев. Взгляд из Нью-Йорка. «Молния», №22, 1999).

Так вот, хоть и в ущербном виде, но такого пошиба личности представлены, но снова нет ни Свиридова и Хренникова, ни Крючкова и Анненкова, ни Игоря Горбачева и Архиповой, ни Доллежаля и Рыбакова.

..Вам, полагаю, не слишком-то все же приятно соседство профессиональных лжецов, провокаторов и невежд, но чем же объяснить, что Вас предпочли, допустим, Хренникову? Не тем ли, что Тихон Николаевич, будучи с молодых лет коммунистом, и в 85 стоит на своих прежних убеждениях, не суетится, не бегает по юбилеям профурсеток, а Вы...

Однако не будем спешить.

Пожалуй, для полной ясности этого письма надо бы сообщить Вам кое-что о себе — не о литературной работе, а просто о жизненном пути. Он не из радужных. Когда было двенадцать лет, умер от туберкулеза на сороковом году отец, оставив троих детей.

В молодости он, между прочим, был офицером, кончил Алексеевское императорское военное училище. Но оказаться заодно с Вашим есаулом Калмыковым он не мог ни при каких обстоятельствах.

В 1917 году, как многие тысячи русских офицеров, как его однокашник по училищу А. М. Василевский, будущий маршал, отец стал на сторону народа.

А овдовевшая мать была всего лишь медицинской сестрой, но ничего, благодаря советской власти, за которую Вы ныне у молодого поколения прощения просите, все получили образование, вышли в люди. Перед самой войной я окончил школу и вскоре — фронт. Со своей 50-й армией протопал от Калуги до Кёнигсберга, а потом — Манчьжурия. Ну, после войны — учеба в Литературном институте, работа в газетах и журналах, женитьба, семья, дети... Несмотря на трудности и утраты, порой самые тяжелые, считаю, что прожил счастливую жизнь, хотя в отличие от Вас не обременен ни почетными званиями, ни увесистыми премиями, ни большими орденами
247
(кроме военных, конечно, да недавнего ордена «Защитнику Советов», а позже — ордена Сталина). Литературная моя работа из этого жизненного пути и проистекает вся...

И вот читаю Ваше интервью. Корреспондент Виктор Матизен спрашивает: «Разделяли ли вы заблуждения тех эпох, в которые жили?» Эпох-то у Вас было две: большая — советская, социалистическая, и короткая — антисоветская, бандитско-капиталистическая, против которой боролись почти все Ваши герои в кино и театре.

Но резвый собеседник Ваш имеет в виду только первую и, судя по всему, совершенно уверен, что ничего, кроме заблуждений, в ней не было и не могло быть. Вы не спорите, что да, дескать, случались в той эпохе и заблуждения, но

была и великая правда.

Более того, Вы вполне согласны с беспросветно черным взглядом на недавнее прошлое Вашей Родины: «Я повинен в тех временах, когда жил». Ничего, кроме горького и стыдного ощущения вины, наше прошлое у Вас не вызывает.

Дальше Вы рассказываете, как прозревали от заблуждений эпохи, которые разделял: «Взгляните в окно. Вон там была квартира одного известного журналиста, которого в 1937 году репрессировали». Что за таинственность? Почему уж сейчас-то не назвать этого журналиста, тем более что он сыграл такую благородную роль в Вашем прозрении? И что значит «репрессировали» — расстреляли? Выселили из Москвы? Отправили в лагерь, как Вашего отчима, о котором упомянем позже? В таких вещах, Михаил Андреевич, необходима точность, чтобы не давать повод для спекуляций, которых здесь больше, чем где-либо.

От этого загадочного журналиста Вы еще в 20-е годы, т. е. когда Вам было лет десять, слышали такие вопли: «Несчастный русский народ! Триста лет татарского ига! Триста лет дома Романовых! И еще триста лет будет терпеть большевиков!» Из этих воплей видно, что сей безымянный печальник русского народа был махровым антисоветчиком, и потому есть основание полагать, что репрессировали его в суровых условиях того сурового времени небеспричинно.

По поводу трехсотлетнего «ига большевиков» Вы с удовлетворением заметили: «На деле, правда, оказалось меньше». А тогда, в двадцатых-то: «Да, я пел «Взвейтесь кострами, синие ночи!» Пионером не был, а пел. И «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка» пел, хоть не был коммунистом. Пел все, что мне вбили в голову». Да кто вбил-то, Михаил Андреевич, если Вы даже не были пионером, не ходили на их сборы да слеты, не ездили в пионерские лагеря?

Не правильнее ли сказать, что песни эти так прекрасны, так соответствовали духу времени, что их могли не петь только такие, как Ваш таинственный кухонный трибун...

Вы признаетесь еще и в том, что во все свое беспартийное горло когда-то кричали «ура Сталину!». Это когда же — при штурме Берлина? Или на съезде Союза кинематографистов, секретарем правления коего состояли? Или при вручении Вам Государственной премии? Хорошо бы уточнить. Я лично, коммунист, ни разу в жизни этих слов раньше не кричал, но теперь, когда на фоне президентов-предателей, премьеров-бездарей, министров-хапуг, губернаторов-лакеев величие сталинской эпохи становится все яснее — теперь подобные слова живут в моей душе всегда. А если Вы, Михаил Андреевич, рассчитывали истошным воплем понравиться начальству, то это всего лишь скорбный факт Вашей биографии, и только.

Но время шло, антисоветская пропаганда печальника русского народа делала свое дело: антисоветчина «попадала в голову» Вам, как Вы говорите. И вот — «У меня голова отряхнулась. Миллионы погибших, среди которых те, кого я знал и в кого верил...» Вы имеете в виду не подлинные миллионы погибших за свободу нашей Родины на войне, а «жертвы сталинских репрессий». Если подлинные миллионы Вы даже не упоминаете, если Вашу память тревожат прежде всего эти «миллионы», то Вы должны бы знать хоть, сколько их. Может, 50, как уверяет Явлинский? Может, 66, как божится Солженицын? Может, 110? Ведь называют и такую цифру. А если Вы не знаете даже приблизительных цифр, но запросто орудуете «миллионами», то ведь трудно поверить в искренность Ваших чувств, в подлинность Вашей боли.

У меня такое впечатление, Михаил Андреевич, что у Вас не «отряхнулась голова», а перетряхнулось и перемешалось все, что в ней было.

Действительно, Вы, например, говорите: «Я не могу сказать: лес рубят — щепки летят». Как это? Почему не можете? Разве не на глазах всего мира, не под носом у Вас ельцинский режим так долго рубил американским топором тысячелетний дуб России? Неужто за киношными заботами, юбилеями да премиями ничего и не слышали даже о таких «щепках», как расстрел сотен Ваших соотечественников в Останкине и в Доме Советов? О таких, как гибель тысяч и тысяч Ваших сограждан в первой Чеченской войне, которую сами кремлевские властители и смастерили? О таких, как ежегодная убыль населения Вашей Родины почти на миллион?.. Я уж не говорю о таких «щепочках», как наш прекрас-

ный Крым или потеря всех друзей и союзников в Европе, как утрата в мире всякого уважения к Вашей стране или бедственная жизнь почти половины родного Вам народа... Надо уж слишком шибко заюбилеиться, чтобы не видеть всех этих «щепок», или забыть о них, или по трусости даже не сметь о них упомянуть.

Корреспондент Матизен задал Вам характернейший для этой публики и для их прессы вопрос: «Вы помните самый страшный момент вашей жизни?» Не радостный, не яркий, не знаменательный, а именно страшный, жуткий, ужасный... Журнал уверен, что всю жизнь Вы прожили под страхом. Это одна из самых замусоленных утех прихвостней ельцинского режима. Вот не далее как на днях выступает по ТВ-6 полузабытый титан мысли Олег Попцов, в прошлом отменный комсомольский служака, и объявляет: «В Советском Союзе царил всеобщий страх. На нем он и держался. Горбачев убрал страх — и Союз рухнул...» Свой персональный шкурный страх за место в ЦК комсомола и за кресло главного редактора «Сельской молодежи» (к этой молодежи сей асфальтовый мыслитель не имел никакого отношения) он выдает за повальный страх всего великого народа. Да уж не с того ли страха советские люди и фашистскую Германию раздолбали в прах, и первыми в космос вырвались, и Родину свою сверхдержавой сделали?..

Абсолютно уверенный в Вашем пожизненном страхе, журналист любопытствует лишь о пикантной частности: когда именно Вы сильнее-то всего дрожали, отчаяннее всего трепыхались в лапах социализма? Другой на Вашем месте дал бы отповедь демократскому нахрапу, сказал бы, что да, порой приходилось и страшно, когда, например, немец стоял под Москвой, да и позже на фронте (если Вы были там, а не в Ташкенте), но ведь сколько было и хорошего, и радостного: разгром фашизма, возвращение домой, интересная учеба у таких больших мастеров, как М. Тарханов, В. Рошаль, потом — любимая работа, роли чуть ли не в 150 фильмах, звание заслуженного артиста, затем народного, премии, ордена, квартиры, наконец, счастливая семейная жизнь, дети, четверо внуков...

Да, Вы могли бы так ответить, но Вы прекрасно знаете, что все это ничуть не интересует ни журналиста, ни приславшую его газету. Вы понимаете, кто Ваш собеседник и что именно ждут от Вас в газете. И Вы приспособляетесь, подлаживаетесь к ним, Вы говорите именно то, что им надо: «Самый страшный момент? Арест отчима...» В яблочко! Это же их главная драгоценность, золотой фонд, цимис мит компот!..

«Жена отчима» говорит Вам по телефону что-то довольно невнятное, из чего Вы заключаете, что отчим арестован, и тут — «со мной была истерика». С

молодым здоровым малым... Ну, такого подарка газета от Вас, пожалуй, и не ожидала...

Впрочем, дело не в этом. Я лично смертельный страх впервые пережил в декабре 1942 года под внезапным артналетом в Мосальске, где тогда стояла наша часть. Это был страх за себя... И вот прошло много-много лет. Теперь я в страхе каждый день. И уже не только за себя, но и за всех родных и близких, «за самую милую, за горькую землю, где я родился», за ее будущее и, конечно, за ее прошлое, которое искажают, чернят, обливают ложью. И Вы, артист Глузский, принимаете в этом посильное участие.

Вы, например, говорите на потребу газете об образе Калмыкова в фильме «Тихий Дон»: «Я поражаюсь, как это моего есаула выпустили на экран в 1958 году. Помните, что он говорит красным? «Вы не партия. Вы — банда гнусных подонков! Кто вами руководит? Немецкий Генеральный штаб! Ваш Ленин — каторжник, который предал Россию за миллион немецких марок!»

Да, примерно так говорит Калмыков. Ничего не скажешь, крутенько. И ведь Вы это сейчас повторяете вроде как истинную правду? Тогда чего ж дали ее в усеченном виде? Калмыков — шпарьте уж до конца! — ведь вот что еще изрыгал: «Большевики... х-х-ха! Ублюдки! Вашу партию, сброд этот, покупают как блядей. Хамы! Хамы!... продали Родину!.. Я бы всех вас на одной перекладине. О-о-о-о! Время придет!..»

Пришло время... Бешеные есаулы, захватившие Кремль, ежегодно истребляют по миллиону, десятки миллионов морят голодом, пускают по миру... А Вы, маэстро, помогаете им своим словом, когда хотите внушить, в первую очередь молодежи, что появление на экране Вашего Калмыкова в 1958 году было каким-то невероятным чудом. С этой целью Вы умалчиваете о том, что ведь роман Шолохова, по которому поставлен герасимовский фильм, вышел еще в 1940 году, а его вторая книга, где этот эпизод,— аж за тридцать лет до фильма.

Вот когда появился Калмыков с его проклятьями Ленину и большевикам. С тех пор великий роман издавался миллионными тиражами, обошел весь белый свет. И никто глотку есаулу не заткнул, ибо понимали: это же литературный герой, он может говорить что угодно, в том числе и бешено брехать, как в этом случае. Хотя попытки вообще запретить роман или объявить его белогвардейским известны. Но Сталин тогда сказал: «Знаменитый писатель нашего времени

Шолохов...» И, между прочим, есть основания думать, что в числе обличителей романа был как раз тот печальник русского народа, который Вас воспитывал в отрочестве. Поэтому, возможно, Вы до сих пор и боитесь назвать его имя. У них ведь это было так же просто, как Вам метнуть словцо о «миллионах жертв сталинского террора»: сегодня Ося читал на кухне безумно-гневные стихи о «тонкошеих вождях», а завтра Ося сочинял пламенную «Оду Сталину».

Вы уверенно и восторженно продолжаете: «И когда Калмыкова за такие слова тут же поставили к стенке, он не затрясся от страха, а застегнулся на все пуговицы и сказал: «Смотри, сукин сын, как умеет умирать русский офицер!» Да, смелым, отчаянным был сотенный есаул Калмыков, но расстрелял его хорунжий Бунчук не за слова а, как говорится, «по совокупности» и главным-то образом — за дела.

Кто такой Калмыков? Только что вернувшийся из Петрограда в свою казачью часть под Нарвой посланец, агент генерала Корнилова, которого Временное правительство отстранило с поста верховного главнокомандующего, но он не подчинился и готовил поход в столицу, чтобы задушить революцию. Дело

происходит в самом конце августа 1917 года, т. е. еще до Октябрьского переворота. Калмыков собрал митинг и прочитал казакам обращение к ним Корнилова, дополнив его своими бурными и решительными призывами присоединиться к генералу: «Сегодня же мы выступаем!» Тут и случилась первая стычка есаула и хорунжего. Бунчук, конечно, говорил казакам совсем другое: «Вас ведут на братоубийственную войну, на разгром революции». Но Калмыков напирал: «Что ж, неужели мы будем слушать этого труса и предателя?» Страсти разгорелись. Бунчука едва не пристрелили, но в конце концов казаки поверили ему, уважаемому среди них за человечность офицеру. Митинг разошелся. Но вскоре казак Дугин сообщил, что Калмыков от слов, от агитации перешел к делу: куда-то послал конного гонца, и по его приказанию для пешего похода на Петроград уже начали навьючивать на лошадей пулеметы. Тогда и нагрянул хорунжий:

«— Калмыков, ты арестован! Руки!

Калмыков прыгнул от лошади, избочился, лапнул кобуру, но вытащить револьвер не успел: выше головы его цвиньк-нула пуля; опережая звук выстрела, глухо недобрым голосом крикнул Бунчук:

— Руки!..»

Надеюсь, Вы понимаете, маэстро, как повернулось бы дело, если бы Калмыков успел вытащить револьвер? Неужели думаете, что, как Ваш кухонный печальник русского наро-

да, он стал бы разводить рацеи: «Несчастный русский народ!» А что было дальше? Бунчук не применил оружие, а повел арестованного в ревком гарнизона, т. е. хотел передать его в руки войсковой власти. Но «подле станции Калмыков круто повернулся, плюнул в лицо Бунчуку.

— Под-лец!..

Бунчук, уклонившись от плевка, взмахом поднял брови, долго сжимал левой рукой кисть правой, порывавшейся скользнуть в карман.

— Иди!..— насилу выговорил он.

Калмыков пошел, безобразно ругаясь, выплевывая грязные сгустки слов.

— Ты предатель! Изменник! Ты поплатишься за это! — выкрикивал он, часто останавливаясь, наступая на Бунчука.

— Иди! Прошу...— всякий раз уговаривал тот.

И Калмыков, сжимая кулаки, снова срывался с места, шел толчками, как запаленная лошадь.

Они подошли к водокачке. Скрипя зубами, Калмыков кричал:

— Вы не партия, а банда гнусных подонков общества!..»

И дальше все то, что уже было процитировано. А в самом конце — как слепящее пламя ненависти, отрешенности и величия:

«— Стреляй, сукин сын! Стреляй! Смотри, как умеют умирать русские офицеры! Я и перед сме-е...

Пуля вошла ему в рот...»

Да, конечно, кто спорит, надо бы довести есаула до ревкома и сдать, но надо, Глузский, признать и то, что Бунчук глубоко прав, когда потом сказал Дугину: «Калмыков, если бы его власть, стрелял бы нас, папироски изо рта не вынимая». Да ведь и сам есаул истошно орал: «Я бы вас всех на одной перекладине!..» Или Вы думаете иначе? Так посмотрите, что вытворяет Калмыков теперь, когда захватил власть в Кремле, на телевидении, в банках...

Не было у «Тихого Дона» читателей более пристрастных и ревнивых, чем белоказаки, которые после полного разгрома Белого движения, слившегося с

иностранной интервенцией, опозоренные, бездомные, нищие, оказались на чужбине. Уже в 1961 году один из них — Павел Кудинов из Вешенской, бывший хорунжий,— писал Константину Прийме, известному шолоховеду: «Читал я «Тихий Дон» взахлеб, рыдал-горевал над ним и радовался — до чего же красиво и влюбленно все описано, и казнился — до чего же полынно горька правда о нашем восстании. И знали бы вы, видели бы, как на чужбине казаки — батраки-поденщики — собирались по вечерам у

меня в сарае, и зачитывались «Тихим Доном» до слез, и пели старинные донские песни, проклиная Деникина, барона Врангеля, Черчилля и всю Антанту... Скажу вам как на духу: «Тихий Дон» потряс наши души и заставил все передумать заново, и тоска наша по России стала еще острее, а в головах посветлело. Поверьте, что те казаки, кто читал роман Шолохова, как откровение Иоанна, кто рыдал над его страницами и рвал свои седые волосы (а таких было тысячи!) — эти люди в 1941 году воевать против Советской России не могли и не пошли. И зов Гитлера «дранг нах остен!» был для них гласом сумасшедшего, вопиющего в пустыне».

Да, роман потрясал людские души во всем мире правдой любви и правдой ненависти, подлинностью боли и подлинностью сострадания.

«...Догнав быстро удалявшегося от водокачки Бунчука, так и не сумевшего левой рукой удержать кисть правой, выхватившей револьвер. Дугин твердил:

— Митрич... Что же ты, Митрич? За что ты его?..

У Дугина долго тряслась голова, пощелкивали зубы и как-то нелепо путали большие, в порыжелых сапогах ноги...»

«Вы слышите? Грохочут сапоги...» Рядом с малограмотным казаком Дугиным представьте, маэстро, изысканного поэта Окуджаву, которого так уважительно цитируете:

Человеческое достоинство —
Загадочный инструмент:
Создается столетиями,
А утрачивается в момент...

Неплохо сказано. Так вот, Ваш любимец, как и солдат Дугин, тоже был однажды свидетелем расстрела. Расстреливали не обезумевшего и готового на все от ненависти врага, а много сотен, по иным сведениям, до полутора тысяч сограждан, собравшихся со всех концов страны в Дом Советов, чтобы защитить конституцию Родины, ее честь и достоинство. Расстреливали не в сумбурном припадке взаимной ненависти, не в слепящем пароксизме оскорбленности, как там, у водокачки,— расстреливали спокойно, не спеша и вовсе не «прямой наводкой», как пишут не понимающие, что это приблизительная, «грубая» пальба по близким целям,— расстреливали по точной наводке, так, что ни один снаряд не угодил в стену — только по окнам! только по окнам, за которыми живые люди!..

Поэт Окуджава созерцал картину по телевидению, может быть, лежа на мягкой грузинской тахте, с фарфоровой чашечкой бразильского кофе в руке, с папироской — в другой...

Потом корреспондент «Подмосковья» обратился к поэту с вопросом: «Что вы чувствовали во время расстрела? Что думаете об этом?» Возможно, он ожидал услышать: «У меня дрожат руки, трясется голова, не попадает зуб на зуб... За что? За что они их?.. Я не могу говорить...» Но поэт ответил четко и радостно:

«Расстрел Белого дома я смотрел как финал увлекательнейшего детектива — с наслаждением!» Разве не так же ответил бы и есаул Калмыков?..

Да, человеческое достоинство — загадочный инструмент...

Для меня лично, артист Глузский, результат этого интервью Окуджавы «Подмосковью» и Вашего — «Новым известиям» оказался одинаков. В моих глазах оба вы свое достоинство утратили в момент.

Поэтому, когда Вы говорите, что теперь, прозрев и «отряхнув голову», «портрет Ленина я уже не понесу и красное знамя тоже не понесу», то я хочу Вас успокоить: «Напрасные волнения! Теперь никто Вам портрет Ленина и не доверит, никогда красное знамя в такие руки не передадут. Да и раньше-то зря делали это».

Среди обильных наград этого подлого времени получили Вы приз «Честь и достоинство». И вот, видимо, считая себя поэтому большим авторитетом в данном вопросе, Вы при виде своего ровесника, который просит милостыню или торгует газетами, говорите: «Я никогда бы не вышел с протянутой рукой!» Опомнитесь, Михаил Андреевич, Вы уже давно стоите перед режимом с протянутой рукой, но если Вашим несчастным ровесниками почти такие же несчастные подают пятаки да семишники, то Вам — увесистые премии: «Нику», эту самую «Честь», «Кумир»... И все в долларах. Сколько отмусолили хотя бы за «Нику»? Слышал я, тысяч 20? Это на наши-то деньги 500 тысяч. Моя пенсия за четыре года последних, ибо ветеранско-инвалидная. А у других?.

И после этого у Вас поворачивается язык бросить своим собратьям: «Я очень сержусь, когда мои коллеги позволяют себе говорить, что они «нищие». Недостойно это». Конечно, недостойно, и даже непристойно, если бы говорили такие Ваши коллеги, как братья Михалковы или, допустим, Станислав Говорухин, как Алла Пугачева или какая-нибудь Долина. Но ведь говорят-то совсем другие. Их, живущих за чертой бедности, т. е. получающих, скажем, 500 рублей, когда прожиточный минимум — минимум, чтобы не протянуть, ноги! — свыше 1000 рублей, их в стране больше 50 миллионов, и артистов в том числе, т. е. каждый второй-третий. Это целый народ такой страны, как Франция. И Вас, народного артиста, мультилауреата советских и антисоветских премий, раздражает, когда несчастные отваживаются протестовать против

режима, установленного в стране русскими болванами и еврейскими прохвостами, хотя бы тем, что они на кухне называют себя «нищими». Не сметь! Да?

Однако, несмотря на все Ваше вопиющее благополучие, сытость и заласканность режимом, Вы, как выясняется, тоже в постоянном страхе подобно нам, сирым. Вы признаетесь: «Я очень боюсь оказаться в ситуации потери достоинства». Вы имеете в виду «ситуацию» с рукой, протянутой в прямом смысле, не в Екатерининском зале Кремля, не на сцене Дома кино, а на улице. Да, именно ту «ситуацию», о которой сами же и говорили: «Я? Никогда!..»

Увы, в этой «ситуации» сейчас может оказаться кто угодно... У Вас четверо внуков? Вот за них, надо думать, Вы больше всего и боитесь. А разве знали Вы такой страх в советскую эпоху своей жизни, за которую рассыпаетесь мелким кающимся бесом перед матизенами?

И нетрудно представить себе, что настанет день, когда внуки будут просить деда и бабку, уже проевших свои «ники» и «кумиры», накормить их, но вдруг окажется, что нечем... Вот тогда-то и настигнет Вас подлинный страх, истинный ужас. Это пострашнее, чем арест отчима, который, кстати, отсидев какой-то срок неизвестно нам за что, мирно доживал свои дни в Луцке, а Вы все уговаривали

его покинуть Родину: «Бросай все к черту и поезжай! Хоть поживешь по-человечески!» Видимо, Вы спроваживали его в Израиль? Здесь-то, мол, человеческая жизнь невозможна. Но отчим, даже, допустим, отсидевший несправедливо, отверг Ваши заботливые увещевания...

И тогда-то на девятом десятке, навесив все свои советские и антисоветские медали лауреата, пойдете Вы, маэстро, на перекресток улиц Черняховского и Красноармейской, недалеко от которого мы с Вами живем, и встанете с протянутой рукой или с консервной банкой... И если мне, коммунисту со значком Ленина и с орденом Сталина на лацкане пиджака, случится проходить мимо, то я не прошепчу: «Всех бы вас на одной перекладине!» — но, коли будет возможность, из сострадания не к Вам лично, а к голодным детям — откуда им знать, что их дед оборотень! —положу в протянутую руку или брошу в консервную банку, может, семишник, а то и пятак...

«Завтра», № 48, декабрь 1999

СЕКСУАЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ И ГОСПОДА С ЗОНТИКАМИ

(Письмо старому товарищу)

Ю. А. Андрееву, Ленинград

Дорогой Юра!

Не серчай за мою задержку с ответом на твою книгу «Что человеку надо». Ведь, как ты пишешь, тебе не 70 лет, а 35 цветущих + 35 цветущих, т. е. в тебе как бы два человека в расцвете сил. И супруга твоя тоже как бы двухсоставная: ей не 40, ты говоришь, а 20 солнечных + 20 благоуханных. Счастливцы!.. Да еще сообщаешь, что у тебя давняя традиция: в день своего рождения совершать пробежку длиною в столько километров, сколько тебе исполняется лет. Значит, недавно ты пробежал 35 километров туда (за Андреева №1) и 35 обратно (за №2). При таких данных, надеюсь, тебе нетрудно пережить мою задержку с ответом. Не мелочись, дорогой. Ты же грандиозная личность! И грандиозность твоя не только в том, что, как я узнал из твоей книги, в Ленинградском университете ты был круглым пятерочником (А. Собчак тоже был пятерочником), не в том только, что опубликовал более 500 работ, из коих более 30 книг (у Е. Евтушенки — 93 книги), не в том, что ты доктор филологии (А. Н. Яковлев даже академик!); и не в том только твоя заслуга, что работал когда-то заместителем директора Пушкинского дома, не в том, что был главным редактором знаменитой «Библиотеки поэта»; и не в том только твоя слава, что ты лауреат «Литературной газеты» и медали «Человек-творец» (я тоже лауреат «Правды», «Советской России», «Молодой гвардии» и даже «Советской женщины»); не в том, что действительный член Академии информации (А. Солженицын тоже действительный, и мне предлагали вступить в какую-то славянскую, что ли, Академию, но я постеснялся), не в том, что о тебе в Китае уже пишут диссертацию; не в том только твои тернии и крест, что при советской власти 12 твоих «крупных работ были запрещены» (меня без всякого запрета восемь лет не печатали), не в том, что была «попытка исключения из партии всемогущими ненавистниками, импотентами от науки» (и против меня была такая попытка, только, кажется, не импотентов, а мазохистов), не в том, что ты «яростно был вы-

черкнут теми же импотентами из списка представленных к званию «Заслуженный

работник культуры РСФСР» (а я даже и в список ни разу не попал); уникальность твоя даже и не в том, наконец, что врач Эмилия Виленская (США) назвала тебя «целитель номер один России»... Уже только части этого (а тут не все), как справедливо сказано в послесловии «От издательства», «хватило бы иным на несколько биографий». Но главное, Юра, это то, что у тебя, как у сказочного богатыря, четыре сына и четыре дочери. И какие дети! Старший сын, сообщаешь ты,— пассионарный политик, «ныне депутат Санкт-Петербургского Законодательного собрания, избранный уже второй раз». Младшая дочка — «умница, красавица-фотомоделька». А между ними, надо полагать, не менее достойные личности. И вот при всем этом ты еще строишь какой-то таинственный Храм здоровья и можешь без подкормки пробежать 70 километров... Я снимаю шляпу... Ничего подобного мне в жизни встречать не приходилось...

Книга твоя, как и сам автор, имеет две равных половины или, чтобы еще более выразиться, ипостаси, что ли. Первую я назвал бы пищеварительно-сексуальной, вторую можно назвать историко-политической. Первая построена на фаллоцентрической концепции мира и очень полезна не только для импотентов, но для всех млекопитающих, поскольку указывает прямой путь через разумный образ жизни и питания к «совершенному сексуальному счастью» и «как размножаться в неволе и нищете», то есть в нынешнюю путинскую эпоху. Очень актуально! Ты пишешь, демонстрируя оптимизм без берегов: «Нас жмут, хотят в порошок стереть? Хорошо, значит есть великолепная возможность закалить волю, изострить разум в борьбе с враждебными обстоятельствами!.. Подорожали самые необходимые продукты питания? Замечательно! Есть возможность развить такие внутренние возможности, благодаря которым значительную часть нашего рациона составит самая чистая из всех энергетических субстанций — разлитая в мире энергия прана... Подскочили цены на вино? Великолепно! Это указание самой жизни прекратить самоотравление... Худовато с транспортом? Прекрасно! Нам как будто специально создают условия для увеличения физической нагрузки за счет движения, подсказывают, как ликвидировать застойные явления...» Действительно, можно же трусцой или на велосипеде — прямой дорогой к сексуальному счастью! Здесь ты почему-то остановился. А ведь мог бы продолжать: «Установили повременную оплату за телефон? Отменно! Меньше будете болтать. Вам как будто специально создают условия для чтения моих

книг... Подорожало электричество? Лучше не придумаешь! Это сама жизнь в чудном образе Чубайса дает вам указание, как изострить разум для добычи огня в домашних условиях... Вы уже не в состоянии, как воронежцы, например, платить за квартиру и вас выселили на улицу? Ха-ха! Не будьте как безмозглые воронежцы, тысяч двадцать которых недавно вышли с протестом на улицы! Немедленно выройте землянку в сквере или поставьте палатку на площади, и увидите, как обновится ваша жизнь!.. Лекарства так подорожали, что вы не можете их покупать? Ура! Это вам, обретшим сексуальное счастье, подсказывают, как скорее вознестись на небеса и обрести счастье абсолютное...» Я надеюсь, Юра, ты послал свою книжечку и обожаемому президенту? Жди за нее орден Андрея Первозванного.

Ты радостно приводишь письмо одного взлелеянного твоими поучениями новорусского сексапила: «Мне уже 75 лет, а любовнице, то бишь сексуальной подруге, 26 — и полная гармония». Охотно верю: благодетельное следствие праны в сочетании с велосипедом. Но как бывший редактор «Библиотеки поэта» ты должен был сказать сексуальному счастливцу, что русский народ и вся его

литература до Виктора Ерофеева не знает, что такое «сексуальная подруга». Ему ведомы «подруга жизни», «подруга дней моих суровых», «фронтовая подруга» и тому подобное. Народ пел:

И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет...

Или:

Если ранило друга
Перевяжет подруга
Горячие раны его...

И такое пел:

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам...

А твой духовный выкормыш, Юра, хоть раз за 75 лет пил такое вино, что с печалью о подруге? Нет, он и не знает о его существовании. Уйдет от него 26-летняя сексуальная

подруга, он найдет себе 20-летнюю сексподругу, уйдет 20-летняя — найдет новую сексуалку... Ты восхищаешься тем, что сейчас вытворяют Виктюк и Образцова, видимо, начитавшиеся твоих книг. А Леонид Леонов незадолго до смерти сказал: «Ведь не так давно за это на костре сжигали...» Ты в сексуально-патриотическом экстазе восклицаешь: «Чем мы, русские, хуже китайских мандаринов, которые и в 90 лет с совершеннейшим удовольствием предавались любовным утехам?! Вперед!» Да нет, мы, русские, конечно, ничуть не хуже и китайских мандаринов и марокканских апельсинов, только не привыкли мы взывать при всем честном народе: «Вперед, сексподруга, под одеяло!» Когда мы решаемся говорить на столь деликатную эту тему, то делаем это негромко, иносказательно, как, например, Некрасов:

Знает только ночь глубокая,
Как поладили они...
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани...

Или как уже в наши дни незабвенный Коля Глазков в стихотворении «Лето»:

Мы изнывали от жары,
Мы умирали от любви:
Меня кусали комары,
Ее кусали муравьи...

Это, конечно, несколько фривольно, но вполне искупается остроумием и элегантностью.

Для всей твоей книги характерен всесокрушающий оптимизм. Ты доходишь до уверенности в том, что «силой мысли можно предотвратить землетрясение», а

также, надо полагать, наводнения, засухи, эпидемии и другие беды. Прекрасно! А в издательском послесловии говорится, что самое важное и характерное в тебе — это «неразрывная связь теории и практики». Но вот совсем недавно в несчастном Афганистане, а позже в Грузии, как раз и разразилось землетрясение, у нас в Сибири — наводнение. Где ж ты был, Юра? Почему не показал связь теории и практики? Зачем не воскликнул: «Отставить!»? Странно... Скажи, а хотя бы детей зачинать усилием мысли не пробовал?..

Очень бодро ты смотришь на будущее нашей родины. Однако, извини, твои доводы меня лично не всегда убеждают. Например, этот: «Коль скоро мы созданы по образу и подобию Творца, столь скоро мы будем счастливы и благо-

получны, развивая содержимое огромного Шара — человеческой головы...» Очень приятно слышать, но ведь и сто, и тысячу, и пять тысяч лет тому назад на земле жили люди, созданные по образу и подобию с глазастыми и ушастыми шарами на плечах, а много ли было счастья и благополучия? Трудно согласиться и с тем, что ты пишешь о близком будущем нашей родины. Уверяешь, что «благоприятные изменения в российской действительности начнутся много раньше, чем этого ждут». Более того, по твоим словам, «изгнание оккупантов из Москвы уже началось». А довод у тебя такой: «Русские много раз допускали захватчиков до Москвы, а затем доблестно изгоняли их...Так было с татаро-монгольским игом, с польской интервенцией в начале XVII века, с нашествием французов в 1812 году, с немецким наступлением в 1941 году... История-то за нас!» Действительно, до сих пор была за нас, но кто тебе сказал, что так будет вечно — сам Творец или архангел Гавриил? А вдруг в этом вопросе история, как сказал бы т. Зюганов, исчерпала свой лимит?

Ты же сам указываешь на принципиальную перемену тут по сравнению с прошлым: «Разница заключается лишь (?) в том, что качественно изменилась форма оккупации, и не чужие солдаты маршируют по нашим улицам, но чуждая для нас идеология. Она подобно губительной инфекции отравляет наш общественный организм, умерщвляя в нем орган за органом». В этом-то все и дело! Тут нечто совершенно новое, небывалое, впервые с таким размахом пущено против нас. Как первый выстрел из пушки, как первый пулемет, как первая газовая атака, как первая атомная бомба... Ты верно провозглашаешь: «Сопротивление — вот лозунг, понятие, которое должно стать определяющим для преодоления смертельно опасной болезни». И в самом конце книги: «Проявим же твердый характер во спасение. Будем активно поддерживать лозунг «Сопротивление идеологической оккупации — и победа!» Да, верно, справедливо, хотя, разумеется, и не ново. И тут мы подходим к одной важной и досадной особенности книги и ее автора... Ведь в сопротивлении идеологической оккупации надо явить твердый характер, быть решительным и смелым не только в тех или иных вопросах, а повсеместно, по всему фронту. А что мы видим в книге? Прежде всего, Юра, бросается в глаза, что ты сдал врагу самую первую позицию обороны: отказался от языка советского человека и перенял язык врага. На страницах твоей книги мельтешат: Петербург... Санкт-Петербургский университет... петербуржцы... Ведь жульническая собчаковская афера переименования Ленинграда проходила на твоих

глазах. Анна Ахматова, истинная дочь Царского Села и Петербурга, говорила еще при ней появившимся любителям переименований: «Самые героические и самые страшные дни своей истории этот город пережил как Ленинград. Это имя и должно остаться навеки...» Но дело не только в «Петербурге». Ты, Юра, легко и просто подхватил и популяризируешь чуждое советскому человеку словцо

«господин»: «господа издатели», «господа читатели», «товарищи-господа». Смешно и жалко... Непонятно, как можно лет до 65 всю жизнь прожить со словами «Ленинград» и «товарищ» на устах, а потом вдруг по команде прохвоста выбросить эти слова, предать их, заменить другими. Где же у тебя самого-то твердость характера, к которой ты призываешь других? Ведь сопротивление в этом вопросе ничего не стоит и ничем не грозит. Зачем же бежать навстречу могильщикам страны и капитулировать? Ты же видишь, что слово «господин» не приживается у нас, его употребляет только по телевидению отдельные инфузории вроде Сванидзе или Новодворской. Так помоги народу сопротивляться на данном конкретном редуте. Но ты, наоборот, помогаешь инфузориям и амебам.

Не берусь судить, насколько достоверна и правдива пищеварительно-сексуальная часть книги, но в политико-исторической части, к сожалению, встречаются неточности и ошибки самого разного рода. Начать хотя бы вот с этих слов: «Черчилль, увидев в декабре 1941 года на улицах Москвы людей с эскимо, воскликнул: «Народ, который в такую стужу может есть мороженое, непобедим!» Ничего подобного быть не могло. В декабре 1941 года Черчилль в Москве не наблюдался. Он приезжал в нашу столицу в августе 1942 года и в октябре 1944-го. Если тогда москвичи ели мороженое, то это было удивительно разве только с точки зрения продовольственного положения страны. А приведенные слова принадлежат не Черчиллю — так в одной из своих программ военного времени говорил Аркадий Райкин. Эта ошибка вроде бы имеет нейтральный характер, но не совсем. Наши демократы, такие, как Познер или Лукин, ужасно любят к месту и не к месту вот так с умильной улыбочкой душевно поминать лютого врага Советского Союза Черчилля как трогательного мудреца. Так что и тут, Юра, ты дрейфуешь в том же направлении. Ну зачем тебе тут понадобился Черчилль?

Раз уж зашла речь о войне, то нельзя пройти мимо твоего уверенного заявления о потерях: «Я не напрягаю голоса, говорю спокойно, ибо числа скажут сами за себя. Наши потери составили около 30 миллионов человек; для сравнения, у немцев — чуть более 5 миллионов». Ты что, Юра, с крыши своего Дворца здоровья свалился? Ты привел лживые

«числа». Какие ты книги читаешь, Радзинского, что ли? Кого ты слушаешь, Резуна? Во-первых, что побуждает тебя и без того ужасную официальную цифру 27 округлять до 30? Во-вторых, почему ты не считаешь нужным сказать, патриот, что большая часть наших потерь — это гражданское население, истребленное фашистами. И пленных наших они просто уничтожали: из 4559 тысяч вернулись лишь 1836 тысяч. А где вычитал про 5 немецких миллионов? Да ты подумал бы, доктор наук, как же так: почему при столь сравнительно небольших потерях, при своих 70 миллионах населения да при людских и технико-экономических ресурсах всей Европы немцы не взяли ни мою Москву, ни твой Ленинград, но сдали Берлин, проиграли войну и подписали безоговорочную капитуляцию. Ты что, ничего не слышал о тотальной мобилизации, когда забирали в армию и слали на фронт и стариков и подростков? С чего бы это? Не видел кинохронику: Гитлер идет вдоль строя мобилизованных, останавливается около одного подростка и треплет его по щеке? В чем причина такого зрелища? Однажды я спросил об этом Вадима Кожинова. Он честно ответил: «Не знаю». А в том, что Германия потеряла в ходе войны 46% взрослого мужского населения (Великая Отечественная война. Цифры и факты. М., 1995. С. 105). Почитай «Берлинский дневник» княжны Марии Васильчиковой. Там увидишь, что еще в 1943 году фашисты мобилизовали всех, кого было можно.

Ты продолжаешь: «Из поколения мужчин 20-х годов вернулись с фронта лишь около 3%». Я сам мужчина 20-х годов, поэтому интересовался названной цифрой особо. Эту байку пустил гулять по свету Юрий Богдарев. Я спросил у него, откуда он это взял. «Я спрашивал у генералов».— «У каких генералов?» Молчание. Господи, да какие генералы вели подсчет потерь по возрастам? Эта чушь опровергается простым рассуждением. В каждом сражении, в любой войне, тем более в такой долгой и ожесточенной, как Отечественная, раненых бывает примерно в три раза больше, чем убитых, и в целом и по любому «срезу»: солдат или офицеров, пехотинцев или танкистов, моряков или летчиков и т. д. А что получается среди «мужчин 20-х годов»? Немыслимое! 3% живых и 97% убитых, т. е. не раненых больше, чем убитых, а убитых в 32 раза больше, чем раненых. Да, числа скажут сами за себя... Продолжая тему потерь, ты пишешь: «И реформы Петра, и реформы большевиков были замешаны на кровопролитии, и все ли знают, что население страны уменьшилось при Петре на целую треть?» Я лично этого не знал и не уверен, правда ли это. А знаешь ли ты, академик Юра, что если при Петре население России и впрямь уменьшилось на треть, то за

семьдесят лет правления большевиков оно увеличилось вдвое — со 150 миллионов до почти 300. И это несмотря на страшные войны, ужасающую разруху после них и два тяжелейших голода. Как же ты можешь советскую власть ставить по «кровопролитию» на одну доску с тем временем, когда население сократилось на треть? Где ж твоя ученость? И ведь как любишь ты порассуждать о «пороках прежних лет» — о «тягчайших преступлениях власти», о «чудовищных репрессиях», о неслыханных жертвах. Ты знаком с девицей Новодворской? Странно, если нет.

А вот что пишешь о «кровопролитии» недавних дней, о нашей войне в Афганистане: «потек в страну буйно нарастающий поток похоронок — и поражение, вывод войск, вселенский срам от незадавшейся авантюры». Это тебе не Собчак с того свете продиктовал?.. Во-первых, «буйно нараставший поток похоронок» имеет числовое выражение: 13 600. Американцы во Вьетнаме потеряли в 4,5 раза больше. Во-вторых, с какой стати «авантюра»? Афганистан — соседняя нам страна, сфера наших государственных интересов, и мы защищали там именно их. Это у нынешних отцов отечества нет понимания того, что такое интересы страны, и они последовательно сдают их. Президенту говорят: «Американские войска разместились на военных аэродромах в республиках Средней Азии». Он отвечает: «Не надо делать из этого трагедии. Эти республики — самостоятельные государства, они сами решают, как им жить». И ни слова протеста. Ему говорят: «Американцы обосновались уже и на аэродромах Грузии». Он отвечает: «Если можно в республиках Средней Азии, то почему нельзя в Грузии? Это тоже самостоятельное государство». Жди, Юра, что завтра, вдохновленный обожанием и похвалами таких, как ты, он скажет: «Если можно в Грузии, то почему нельзя в Кубинке? Там прекрасный военный аэродром имени Бакатина! Пошлите туда многосемейного петербуржца Андреева с четырьмя его сыновьями-петербуржцами и четырьмя дочерями-петербуржками. Пусть как следует подметут взлетные дорожки, пусть министр обороны Иванов выдаст им метлы, швабры и мыло... Если хорошо выполнят семейный подряд, я награжу их орденом «За заслуги перед Отечеством»... В-третьих, это кто же тебе сказал, Юра, что в Афганистане мы потерпели поражение? Что, наша армия бежала? Или, допустим, как 6-я армия Паулюса в Сталинграде, была окружена и сдалась?... Ничего похожего! По решению правительства, по приказу командования армия в полном порядке с развернутыми знаменами оставила театр военных действий и

вернулась на родину. Это поражение? На каком языке?.. А «вселенский

срам», наконец, ведь не что иное, как только плод усилий зарубежных и домашних антисоветчиков да демократов, в частности почтительно упоминаемого тобой академика А. Сахарова. Ведь это он, блаженный конвергенец, первым бросил ком зловонной грязи в нашу армию. Несколько раз выступая за границей и дома, в том числе на известном заседании Съезда народных депутатов, академик говорил, что наших солдат, попавших в плен, свои же расстреливали с самолетов. Его спрашивали: «Откуда вы это взяли?» Он отвечал: «Слышал по радио».— «По какому радио? Какая радиостанция?» — «Не помню».— «Когда слышали?» — «Года два-три тому назад».— «В каком месте Афганистана, у какого города расстреливали?» — «Не помню» — «Какая воинская часть при этом называлась?» — «Не помню...» — «Хоть одно имя можете назвать?» — «Не помню...» Ни одного имени, ни географического пункта, ни даты, ни воинской части, а комок грязи бросил. А уж вслед за ним с воплем «позор! оккупанты! душители свободы!» кинулась вся либеральная орда. А теперь, Юра, и ты пристроился к ней в хвост и готов бежать хоть 70 километров без подкормки. Академик А. Сахаров не единственный светоч демократии, сияющий на страницах твоей книги. Тут и академик Лихачев, и Солженицын, и Окуджава... Да это же все создатели или лакеи кровавого ельцинского режима! А ты о первом из них, с которым довелось тебе вместе работать, пишешь благоговейно и восторженно, с пафосом: «Скажу прямо, что его академическая зарплата и его пенсия были смехотворно малы с позиций потребительского общества...» Малы? Конечно, с позиций Березовского-Ходорковского малы. Но он же приветствовал этот строй, радовался этому режиму. Вот радуйся и нынешней пенсии. А при советской власти у него была достойная зарплата да еще то и дело премии ему выдавали — от Сталинской в 1952 году до каких-то премий ВДНХ, покойник и этим не брезговал... Окуджаву, который в ответ на вопрос корреспондента «Подмосковья», как он смотрит на расстрел Ельциным Дома Советов, сказал: «Как на финал увлекательного детектива — с наслаждением!» — этого самого Окуджаву ты называешь «добрым предшественником» и ставишь его, как и Солженицына с Лихачевым, в один ряд с великим сыном родины — завоевателем космоса дважды Героем Социалистического Труда Сергеем Павловичем Королевым. Право, такое впечатление, что ты не просто свалился с крыши Дворца здоровья, а при этом сильно ударился темечком...

Пишешь: «Во времена ликвидации СССР нас блистательно, талантливо, с вдохновением и ненавистью переиграли (!) по всему полю». Переиграли? Но ведь это предполагает со-

противление, борьбу. А разве это было? И Горбачев и Ельцин отдавали даже то, что от них и не требовали, не решались требовать. Оба негодяя играли в ту игру, которая называется поддавки. И все за счет страны, народа. Однако, оставляя свой кабинет в Кремле, второй негодяй, как ты помнишь, сказал В Путину: «Берегите Россию!» Имелось в виду, конечно, «как я, образина, ее берег». И вот ты уверен, что преемник свято выполняет сей наказ.

В мистическом восторге и упоении рисуешь его появление как второе пришествие: «Вышними силами (Мать моя мамочка! — *В. Б.)* на авансцену российской истории был выдвинут именно В. Путин с комплексом именно его индивидуальных качеств...» Юра, опомнись! Какой такой комплекс, какой необыкновенный опыт в управлении государством может иметь сотрудник КГБ, к 47 годам дослужившийся лишь до подполковника? Конечно, раз в триста-

пятьсот лет бывают случаи, когда капитан артиллерии, корсиканец, в 35 лет становится императором Франции или сын сапожника, грузин, в 42 года — руководителем правящей партии России, а затем главой сверхдержавы. Но ведь это какого масштаба личности, каков у них «комплекс» и какой за плечами опыт! А тут?.. Ну, хватило ему специфического опыта на то, чтобы ловко организовать бегство Собчака на спортивном самолете финской фирмы во Францию. А что еще? Ты уверен, что избранник небес «совершенно сознательно готовил себя к жизни: и как человека здорового, и как профессионально подготовленного». Да, он, слава богу, вполне здоров, что не устает демонстрировать нам то как дзюдоист, то как горнолыжник даже в дни, когда страна скорбит о погибших в Чечне. Ельцин все-таки до этого не доходил. «У меня нет сомнений,— продолжаешь, однако, ты свой псалом,— что весь его предшествующий опыт позволяет ему видеть, в какой чудовищной наднациональной (?) паутине бьется нынче Россия, какие неимоверные в своей ядовитой силе тарантулы принялись ее, спеленатую, обсасывать как свою долгожданную добычу». Да никакой особый опыт, а просто нормальное зрение нужно, чтобы видеть и нынешнее положение страны, и всех этих тарантулов и мандавошек. Очень странно читать: «Износ всего и вся достался В. Путину в наследие от его «добрых» предшественников, но расхлебывать кашу пришлось ему». Он, что ж, явился неведомо откуда и никакого отношения к предшественникам не имеет? Он, Юра, вышел из их недр. И до сих пор своих предшественников чтит, награждает, оберегает. Своего предшественника Черномырдина, например, который прославился ведь не только тем, что

под хохот всего мира вернул французам царские долги столетней давности, не заикнувшись при этом ни о том, что в 1815 году Россия отказалась от своей доли контрибуции с побежденной Франции, ни о компенсации за участие французов в интервенции против молодой Советской России, и не только тем он прославился, что американский президент назвал его миллиардером-ворюгой, чего тот не опроверг, а только поскрипел зубами («В суд подам!») — этого прохиндея Путин заботливо убрал подальше с русских глаз послом в Киев. Не забыт даже предшественник Собчак, уже почивший в бозе: 23 февраля этого года Путин «в целях увековечения памяти первого мэра Петербурга» подписал указ об учреждении студенческой стипендии имени Собчака. А сирую вдовицу его Нарусову определил на непыльную должностишку, связанную с большими средствами... Вот так, Юра, расхлебывает он кашу, заваренную его предшественниками. Но ты все свое: «Путин опутан сейчас разного рода «глобалистами», старательно отрабатывающими свои тридцать сребреников... На своем пути Путин опутан (да оставь ты эти убогие давно замусоленные каламбурчики, ты же доктор филологии! — *В. Б.)* вязким сопротивлением тех, кто повинен в национальной катастрофе». Допустим, так. Но за два-то года можно было хотя бы полдюжины «глобалистов» отринуть! Хотя бы Починка или Матвиенко, хотя бы министра иностранных дел, который тебя так восхищает: он-де «обнародовал новую внешнеполитическую концепцию России... Великолепно, что было заявлено, что Россия «была, есть и будет великой державой». Ты, старик, просто млеешь от восторга, глядя на «чудесные приоритеты, поставленные Президентом и министрами». Не много же тебе надо, Юра, для патриотического ликования — одних слов! А дела-то какие за словами последовали, ты помнишь? Так напряги свою академическую память. А потом вспомни и кое-какие слова этого Иванова. Например: «Мы останемся вместе с США даже в том случае, если они будут бомбить Ирак». После такого заявления

президент обязан был немедленно послать в МИД спецназ с приказом выбросить кацо Иванова (он грузин, как разъяснило телевидение) из окна его кабинета на 12-м этаже. Ведь это же предательское по отношению к Ираку и провокационное по отношению в США заявление, подталкивающие американцев на новый международный разбой: бомбите кого хотите, мы вас все равно не разлюбим. И тут самое примечательно то, что Иванова никто и ничто не вынуждало выступать с таким лакейско-подлым заявлением. Кацо от природы такой. Мы думали, что не может

быть министра иностранных дел хуже, чем ельцинский еврей с русской фамилией. Оказалось, путинский грузин с перерусской фамилией еще хуже. То, что он сейчас говорит и делает, подобно тому, что говорили и делали в свое время Чемберлен, Даладье, Галифакс, провоцируя Гитлера на агрессию. Ты знаешь, наверное, что Англия и Франция были перед войной гарантами Польши. В случае нападения на нее они обязаны были немедленно объявить агрессору войну и в первые же часы обрушить на него с воздуха бомбовый удар. Немецкие генералы напоминали об этом Гитлеру, готовившему нападение на Польшу. Тот отвечал, имея в виду неоднократные лакейские визиты к нему и капитуляцию в Мюнхене названных лидеров замечательных западных демократий: «Я видел этих господ с зонтиками. Они ни на что не способны и потому не пошевельнут пальцем...» И Гитлер оказался прав. Во-первых, после немецкого нападения на Польшу ранним утром 1 сентября никакого бомбового удара по Германии не последовало. И только 3 сентября в 11 часов Англия, а спустя еще шесть часов и Франция объявили ей войну. Но и тогда — никакого удара! Гаранты молча наблюдали, как вермахт и люфтваффе рвут и душат их подопечного союзника. Это было самое гнусное предательство XX века, о котором полезно помнить бы нашим обожателям Запада... А что было дальше? А дальше англо-французы восемь месяцев уютно сидели в укреплениях линии Мажино, потягивали бургундское, слушали шансонеток, посещали полевые публичные дома и гадали, когда Гитлер бросится, наконец, на Советский Союз. Как известно, гадание это кончилось появлением Гитлера в Париже... Теперь господа с зонтиками сидят в Кремле. Я не знаю, так ли точно их называет Буш, но нет оснований сомневаться, что он понимает: суть их именно такова.

Вот тебе свежайший примерчик. В начале марта госдепартамент США опубликовал ежегодный доклад о состоянии прав человека в разных странах мира. Ведь у американцев большей заботы нет. В нарушении этих прав наряду с множеством других стран обвинили Россию и Китай. И что кацо Иванов? А ничего. Словно американцы нас и не тронули. А коммунистический Китай дал ответ: да какое, мол, у вас право судить весь мир, лучше посмотрите, что творится в собственном доме. И привел убийственные факты и цифры. Вот несколько. В 1998 году в США было совершено 12,5 миллиона преступлений, и в стране самое большое в мире «тюремное население». С 1977 года по 1996-й убито более 400 тысяч американцев, т. е. по 20 тысяч в год. Ежегодно совершается 700 тысяч изнасилований, США — одна из пяти

стран мира, где казнят несовершеннолетних, и тому подобное. Я думаю, Иванов читал это и плакал: так ему жаль американцев. Ведь плакал же сам Путин. Помнишь? Он говорил: «11 сентября в США погибло в два раза больше людей, чем у нас в Чечне. В два раза больше! В два раза...» Ему и в голову не приходит сопоставить другие цифры: во Второй мировой войне погибло 27 миллионов наших соотечественников и 350 тысяч американцев. Это во сколько раз?.. Сейчас любят рассуждать: почему Россия не Америка? Прежде всего именно поэтому...

Так вот, обожаемый тобой, Юра, кацо продолжает сидеть в кабинете на 12-м этаже. Как и все остальные ельцинские кадры. Никого из них не тронув, Путин набрал новых гавриков с Невского, от которых и тебя тошнит: Греф с изысканными вензелями вместо приличной бороды, невыразимо пресный Кудрин, какой-то нестабильный Миронов... А министром обороны сделал еще одного Иванова. Не удивлюсь, если его настоящая фамилия Иванян и до этого он работал на армянском радио. Во всяком случае, известно, что по образованию он, как и ты, Юра, филолог и, говорят, большой специалист по творчеству баснописца И. А. Крылова.

Ты, Юра, ничего этого не видишь и опять у тебя одни восторги: «Телодвижения (!) Путина — дипломата из дипломатов,— с одной стороны, позволяют паукам не особо пока беспокоиться. С другой, подают некую надежду и России». Во-первых, неужели ты думаешь, что эти пауки, то бишь тарантулы, дурее нас с тобой: ты понял, что Путин будто бы хитрейший и коварнейший дипломат из дипломатов, а они — ни уха, ни рыла. Во-вторых, «некая надежда»? Нас уже пятнадцать лет кормят некой надеждой, а дела все хуже, положение страны все отчаяннее. В-третьих, «дипломат из дипломатов»? Да откуда взяться-то? Вот чтобы иметь свои военные базы, допустим, на Кубе, т. е. на другой стороне земного шара, под носом у Америки, или во Вьетнаме, для этого надо иметь немало разных талантов, в том числе и дипломатический, а для того, чтобы эти базы сдать, а взамен еще и пустить американцев в Среднюю Азию, в Грузию — какой тут талант нужен? Это и Жириновский смог бы, и даже изгой Федулов. Но ты настаиваешь на том, что Путин — великий дипломат: «Очень хочется верить (!), что Президент озвучил мысли рьяных сторонников «либерализации», поставив с восхитительным мастерством подлинного дипломата непроницаемую дымовую завесу, скрывающую его подлинные намерения». Юра, повторяю: не надо считать либералов дурее себя, это крайне опасно. Если ты без большого труда проник сквозь непроницаемую завесу, то и они сделают это

так же легко. Всем честным людям тоже очень хотелось верить, что президент пустил дымовую завесу, когда еще в самом начале сказал: «Приватизация пересматриваться не будет». Но прошло два года, и мы наконец поняли: это не завеса — это суть его политики..

11 сентября два самолета сокрушили в США два всемирно известных небоскреба. Казалось бы, любой политик, а тем паче имеющий опыт разведчика, не должен спешить с оценкой этого факта, обязан скептически проанализировать разные варианты события вплоть до аналогии с поджогом рейхстага, о чем сейчас во всем мире говорят все громче, поскольку уж очень велики выгоды, извлеченные США из этой трагедии. А что же мы увидели? Путин сразу безоговорочно поверил американскому объяснению и немедленно, самым первым среди всех глав государств позвонил Бушу и выразил как соболезнование, так и готовность помочь, содействовать, поддержать «в борьбе с терроризмом». А потом, как уже говорилось, еще и додумался сопоставить их потери в этот день и наши потери в Чечне: ах, ах, их погибло в два раза больше, чем наших!. И что получил в ответ? Моментально — американские базы в Средней Азии и их десант в Грузии... А. и П. служили в КГБ... А. раздобыл в США важные сведения об атомной бомбе. А П. ведет себя так, словно он секретарь Вашингтонского обкома по связи с российской общественностью. А вспомни-ка недавнюю Олимпиаду в Солт-Лейк-Сити. Вот уж показал он при этом свой патриотизм и профессионализм... Как там притесняли, унижали, засуживали наших спортсменов! И даже старец патриарх выражал свое

возмущение решительнее и энергичнее, чем молодой и спортивный президент. «Засуживают? — со своей неизменной улыбочкой сказал он.— Значит, надо выигрывать с явным, с большим преимуществом». Ведь так мог сказать только человек, во-первых, ничего не понимающий в нынешнем спорте. Надо! Будто это так просто — с явным преимуществом... Да, были времена, когда, например, наши хоккеисты чуть не каждый год почти тридцать лет с явным преимуществом над хоккеистами всех стран становились чемпионами мира; когда Анатолий Карпов с блистательным преимуществом выигрывал турнир за турниром, матч за матчем и не только завоевывал чемпионскую корону, а еще и получил девять шахматных «Оскаров»; когда на чемпионате мира по футболу в 1986 году мы выиграли у венгров со счетом 6:1... Да, были такие советские времена, но, увы, прошли. Сегодня спортивный уровень так повсеместно вырос, что победы, как правило, достигаются в одну шайбу, в один

мяч, в несколько сантиметров, в сотую долю секунды. Неужели человек, профессионально занимающийся спортом, не знает этого? Ведь только один расторопный Никита Михалков тотчас подхватил этот бездумный совет: «Так точно, ваше высокопревосходительство!» А совет нелеп еще и потому, что советчик просто не понимает природы тех, кто засуживает нас: они же не знают меры, им ничего не стоит и явный выигрыш объявить проигрышем. А главное, вместо того чтобы решительно, энергично добиваться справедливого судейства от недобросовестных чужеземных судей, советчик капитулирует перед их наглостью и всю проблему, всю тяжесть заботы перелагает на своих, на работающих добросовестно. Как это характерно для него! Он капитулирует даже в таком частном вопросе, ибо такова его натура.

Вот в чьей-то кудрявой голове зародилась мысль упразднить в новом паспорте графу о национальности. В чем дело? Ведь, кажется, никто не стыдится своей национальности. Писатель Владимир Войнович, недавно получивший от Путина Государственную премию, пишет: «Если русского еврея, как бы спокойно он ни относился к своей национальности, подвергнуть испытанию детектором лжи, он будет быстро отвечать на любые вопросы, но при вопросе «кто вы по национальности?» непременно замнется». Надо полагать, Войнович знает этот вопрос лучше, чем я, и он утверждает, что еврей замнется. Почему? Вероятно, стесняется. И не только безымянный среднестатистический русский еврей, а хотя бы и прославленный Пастернак. Как вспоминала Ольга Ивинская (а я видел своими глазами), он писал в анкетах, что национальность у него «смешанная», хотя достоверно известно, что у него и отец и мать евреи. Несомненно и то, что именно среди евреев больше всего псевдонимов.

Но это относится к прошлому. А сейчас иные люди даже выискивают в себе еврейскую кровь. Например, о своем еврейском происхождении вдруг объявил известный Александр Руцкой, о своем частичном еврействе поведала одна замечательная певица. Писатель Жуховицкий, когда-то уверявший меня, что он поляк, теперь не уверяет и т. д. Вот в какие славные времена мы живем! «Несть эллина, несть иудея...» Так кто же добивается ликвидации национальной графы в паспорте? Может быть, министр иностранных дел Иванов? Или все-таки евреи в предвидении бог знает каких перемен в будущем? Они, конечно, народ предусмотрительный, но не знаю... И вот, оказывается, теперь все любят свою национальность, но какой-то злодей задумал учинить вселенскую смазь. И что же президент? Он, Юра, почему-то

молчит. Несмотря на то, что в Татарии, например, настояли на графе о национальности. Так что ж, татарам можно, а русским и евреям нельзя? А как же

равенство всех согласно Конституции?..

В самом конце книги ты пишешь: «Может быть, всеобщей и решительной поддержки ждет от страны нынешний Президент. Без нас не сладить Путину с путами!» Разумеется, глава государства должен строить политику в расчете на поддержку народа. Но, по-моему, эти два года Путин использовал главным образом на то, чтобы отвратить народ. Чего стоит одно лишь «налоговое равенство»: 13% и с учительницы и с миллиардера! Что ему мешало прямо обратиться к народу, к стране за поддержкой. Ничто! Поэтому я думаю, что он ждет от нас совсем другого — молчания, смирения, безропотности, обожания Чубайса, сбора средств на памятник Собчаку и восхищения Америкой. Дождется он от нас этого, когда рак свиснет...

Вот и все, Юра. Спасибо за книгу, которая позволила мне обстоятельно высказаться по некоторым вопросам, касающимся не только нас с тобой. Думаю, это и есть «активная поддержка», которую ты от меня ожидал.

Привет всему семейству!

В. Бушин. Апрель 2002 г..

О НАЦИОНАЛЬНОЙ КРОТОСТИ ВЕЛИКОРОССОВ

И вдруг меня осенило: «лицо еврейской национальности» —
это то же самое, что бывшая «жидовская морда».
Б. Сарнов

У критика Бенедикта Сарнова три больших влечения: любит порассуждать на военную тему, неутомим в борьбе за культуру вообще, за русскую в особенности, за русский язык в частности, и, конечно, не может жить без обличения антисемитизма. Во всяком случае, именно эти «три кита» резвятся в его последних книгах «Перестаньте удивляться!» (М., Аграф, 1998) и «Наш советский новояз» (М., Материк, 2002).

АНДРЕ ЖИД МНЕ РАССКАЗЫВАЛ...

Обе книга представляет собой многолетнее собрание сногсшибательных сюжетиков, соленых и кислых анекдотиков, пахучих побасенок, замшелых побрехушек, завиральных версий и т. п. Еще десять лет тому назад знаменитый эстетик нашего времени Юрий Борев выступил с подобным сочинением «Фарисей», предвосхитив и названные труды Сарнова и «От Ильича до лампочки» Аркадия Арканова. По странной случайности все эти авторы примерно одного возраста и одного прекрасного цвета глаз.

На страницах книг Сарнова то и дело мелькает: «С. Я. Маршак однажды рассказал мне...», «В. Б. Шкловский рассказал мне однажды...», «С. И. Липкин однажды рассказал мне...», «А. А. Бек рассказал мне однажды...», «А. Г. Зархи однажды рассказал мне...», «А. Я. Каплер рассказал мне однажды...», «Наум Коржавин однажды рассказал мне...» и т. д. И тут же в качестве источников забористых анекдотов, пахучих баек и других блистательных текстов мельтешат главным образом Аграновский, Алешковский и Чуковский, Гроссман, Шульман и Эрдман, Ваксберг, Замдберг и Слиозберг, Галич, Агранович и Войнович, Арканов и Бакланов, Рязанов и Хазанов, а также Николай Евреинов и Андре Жид. Всех не перечислишь! Вот как широк и разнообразен диапазон творческих интересов автора, сколь богата среда его духовного и физического обитания. Жаль только, что эти «источники» за ред-

чайшим исключением (Яковлев, Коржавин, Войнович,— кажется, и все), увы, ушли в лучший мир. Сарнов пережил их почти всех. Это лишает нас возможности при желании что-то уточнить или проверить, не злоупотребляет ли сочинитель своим долголетием.

МАРШАЛ ТРОЦКИЙ

С двумя последними из названных трех страстей все понятно: первая объясняется литературным образованием и профессией, вторая — национальностью. А вот страсть к военной теме в самых разных ее аспектах — от довоенных знаков различия до вопроса о профессионализме наших военачальников и событий Великой Отечественной войны — весьма загадочна. В армии человек не служил, на войне не был, а вот поди ж ты, судит-рядит.

Хотя бы со знаков различия и начать. Они, читаем в «Новоязе», были до войны такие: четыре кубика — капитан, одна шпала — майор, две шпалы — подполковник, три шпалы — полковник ... И кто это ему сказал, Войнович, что ли, знаток армии? Ведь здесь все — чушь. Четырех кубиков вообще не существовало, а остальное было так: капитан — одна шпала, майор — две, подполковник — три, полковник — четыре...

В другом месте, не моргнув прозорливым глазом, пишет, что у нас «вчерашний полковник становился маршалом». Это кто же? Когда? Приведи хоть один пример. Где тот таинственный полковник? Сказать он ничего не может. А ведь опять чушь! Даже Булганин прошел необходимую иерархическую лестницу: будучи членом Военного совета Западного фронта, он, естественно, 6 декабря 1942 года получил звание генерал-лейтенанта, затем, оставаясь на фронте членом военных советов других фронтов, стал 29 июля 1944 года генерал-полковником, 17 ноября 1944-го — генералом армии. И только 3 ноября 1947 года, после того как был назначен министром Вооруженных Сил СССР, ему присвоили звание Маршала Советского Союза. А Берия стал маршалом, будучи наркомом, членом ГКО. Даже Брежнев попал в маршалы не из полковников, а все-таки из генералов. Нетрадиционны были пути к маршальскому званию у Буденного, Ворошилова, Егорова, Тухачевского, но они же достигли в армии высокого положения в революционные годы гражданской войны, а в такие времена традиции нарушались не только в России. Молчит же Сарнов о том, что никогда не служивший в армии Троцкий был наркомвоенмором да еще председате-

лем Реввоенсовета страны, т. е. занимал, в сущности, маршальские должности. Однако есть пример, когда не «полковник» даже и не «поручик», а рядовой стал «маршалом»: артист Сергей Бондарчук, сыграв роль Тараса Шевченко в одноименном фильме, сразу получил звание Народного артиста СССР. И разве Сталин здесь ошибся?

Ворошилова критик объявил малограмотным, а Тимошенко и Буденного — вообще неграмотными. Какая лихость! Но я думаю, что они, не говоря уж о военном деле, даже литературу и русский язык знали лучше Сарнова. Уверен, что никто из них не написал бы, как он, о Мандельштаме и его жене, которых конвойные сопровождали в ссылку, так: «...двое разнополых (!) людей под конвоем трех солдат». Тут хочется спросить: «А солдаты были однополые или разнополые?» Никто из маршалов не сказал бы, как он, «обмундиренные генералы» или «цивильное (вместо «мирское») платье митрополита», никто из них не употреблял слов, смысла которых, как он, не знал, и, уж конечно, ни один не стал бы глумиться над знаменитым партизанским командиром дважды Героем

Советского Союза, не кончавшим Литературный институт, который однажды будто бы допустил орфографическую ошибку в слове «читал». Тем более что над этим уже всласть похихикал раньше писатель Г. Бакланов, и Сарнов трусит по чужому следу.

МАРШАЛ БУДЕННЫЙ И КРИТИК САРНОВ -РАЗНОПОЛЫЕ ЛЮДИ

С. М. Буденный, как известно, с двадцати лет, т.е. с 1903 года, служил в армии, там не было лекций профессор Асмуса по эстетике. Но вот что сказано в его аттестации 1921 года: «Прирожденный кавалерист-начальник». Я не слышал, чтобы о Сарнове кто-то сказал, что он прирожденный критик. Дальше: «Обладает оперативно-боевой интуицией». А где у Сарнова интуиция, если он даже известные цитаты из Пушкина и Шолохова приводит неверно? Дальше: «Кавалерийское дело любит и хорошо знает». А что Сарнов любит и знает хорошо? Ну, Галича («знаменитый!»), Войновича («замечательный!»), Алешковского («прекрасный!»), Жаботинского («мировая история идет не по Ленину — по Жаботинскому»), а также, разумеется, Израиль («песок, на котором возвел свое национальное государство Израиль, стал камнем»).
275

Что дальше? «Недостающий общеобразовательный багаж С. М. Буденный усиленно и основательно пополняет и продолжает самообразование». Тогда ему было 37 лет, а позже, пополняя помянутый багаж, он окончил Особую группу при Военной академии им. Фрунзе. А Сарнов, как мы видели и еще увидим, из рук вон плохо пополнял свой багаж после окончания средней школы, а к старости многое и растерял из него. Наконец: «Буденный с подчиненными мягок и обходителен». Даже с подчиненными! А упоминавшийся выше герой-партизан в подчинении у Сарнова никогда не находился, но критик считает возможным вместе с Баклановым поглумиться над покойным героем.

Ну а в итоге почти семидесяти лет своей службы в русской армии и участия во многих войнах Буденный был награжден четырьмя Георгиевскими крестами, четырьмя Георгиевскими медалями, стал Маршалом Советского Союза, трижды Героем, кавалером ордена Суворова первой степени, восьми орденов Ленина, шести орденов Красного Знамени и многих других наград. А Сарнов? Где его хоть какие-то медальки, звания, премии, наконец, аплодисменты? Как получил при окончании института одну литературную лычку, так с ней и ходит. Видимо, этим и объясняется тот странный факт, что критик особенно взъелся на Семена Михайловича, почившего в бозе тридцать лет тому назад. В последней книге, как уже сказано, объявил покойника совершенно неграмотным, а в предыдущей не поскупился даже на отдельную клеветническую байку о нем.

ЗЛОБА 80-ЛЕТНЕЙ ВЫДЕРЖКИ

Рассказывает, будто критик Г. Мунблит... Что за Мунблит? А тот самый, которого в свое время учил уму-разуму Шолохов, и сосед Сарнова по подъезду из квартиры 122 (соседи у него — главный источник знаний и впечатления бытия). Будто бы этот Мунблит, впервые придя по какому-то делу к знаменитому адмиралу Ивану Степановичу Исакову, будто бы увидел у него в кабинете портрет Буденного и вопросил: «Почему у вас здесь висит этот портрет?» Адмирал на такую бесцеремонность мог бы ответить пришельцу: «А какое ваше собачье дело? Мой кабинет — что хочу, то и вешаю. В чужой монастырь...» Но Иван Степанович сдержался и вежливо сказал будто, что это подарок самого

Буденного. «Казалось бы,— пишет Сарнов,— вопрос исчерпан. Но не таков был Мунблит». Он продолжил свое хамство:
276

«— Дело в том, что у нашего брата-литератора свой счет к этому человеку. Мы не можем простить ему Бабеля».

Во-первых, какое дело адмиралу до каких-то неизвестных братьев? Еврейских, что ли? Так бы и сказал. Пусть не вешают у себя портреты маршала, а ему-то что до них. Во-вторых, что же такое ужасное Буденный сделал с Бабелем, после чего его невозможно братьям простить даже спустя много лет,— голову снес шашкой на всем скаку или отправил в лагерь? Да нет, оказывается, в начале 1924 года он выступил в журнале «Октябрь» с резкой критикой повести Бабеля «Конармия». Так ведь тот написал свою повесть, побывав в Первой Конной журналистом, а Буденный был создателем и командующим легендарной армии. Это, что, лишало командарма права на критику книги? Кто лучше знал армию — ее создатель и командующий или корреспондент?

Дело в том, пишет младший брат Сарнов, что Буденный «изничтожил» книгу старшего брата Бабеля. То есть действительно срубил на всем скоку... и книгу запретили, что ли, не издавали? Ничего подобного! В ее защиту выступил сам Горький, и не где-нибудь, а в «Правде». И с 1926 года по 1933-й «Конармия» переиздавалась 7 раз отдельной книгой и дважды в 1934 и 1936 годах включалась в сборники. Другие писатели могли об этом только мечтать. Но Сарнов обо всем этом — ни слова.

Что же было у брата Мунблита с Исаковым дальше? Автор сообщает, что тот «провел пропагандистскую работу» с адмиралом. О, это братья умеют! Разыскал где-то статью Буденного, притащил и «заставил прочесть, буквально ткнув адмирала носом». Подумать только, дело-то кончилось вполне благополучно, даже весьма успешно для писателя, и прошло уже лет 30-40, а Мунблит все не может забыть и успокоиться, землю роет. Но — «адмирал никак не прореагировал». Прошло какое-то время, брат Мунблит опять у адмирала и видит — портрета нет. Он «с чувством глубокого удовлетворения» будто бы сказал:

«— Я вижу, мой рассказ все-таки произвел на вас впечатление.

— Нет, я снял портрет не поэтому.

— А почему же?

— Семен Михайлович утверждал (!), что у него было четыре Георгия, но оказалось, что это липа. Я не счел возможным держать в своем кабинете портрет этого человека».

Поразительно! Ведь если средний брат пылал ненавистью к Буденному и мстил ему спустя лет 40 после его статьи, то младший так же пылает и клевещет, когда прошло уже почти
277
80 лет. Какая неуемная злобность!.. Нам при нашей русской кротости не понять ее.

И. С. Исаков умер в 1967 году. С. М. Буденный — в 1973-м. Я решил позвонить Мунблиту, но, оказалось, что и он не так давно преставился. Как почти во всех байках и побасенках, что Сарнов рассказывает, в живых остался он один. Тогда, негодуя за клевету на покойного маршала, я раздобыл фотографию Буденного, где он был в 1916 году запечатлен со всеми крестами и медалями, и послал любезному однакашничку по Литературному институту с письмецом, в котором советовал: «Повесь, Беня, у себя этот портретик С. М. Буденного и молись на него ежедневно утром и вечером, как на своего спасителя, и проси у него прощения».

Скажите на милость, можно после такой подлой клеветы литературной

штафирки на славного русского маршала верить ей хоть на семишник и уважать хоть на алтын? Даже при том, что перепечатать свое вранье в новой книге, где много перепечаток, брат Бенедикт не решился...

К месту будет добавить, что Буденный получил даже не четыре креста, а пять. Он рассказывает в своих воспоминаниях «Пройденный путь» (М.,1958): «За бой под Бжезинами все солдаты моего взвода были награждены медалями «За храбрость», а меня наградили Георгиевским крестом 4-й степени». А позже, говорит, произошла ссора с вахмистром Хестановым, который «пнул мне в лицо кулаком. Не стерпел я обиды, развернулся и ударил Хестанова. Он упал и долго лежал неподвижно. Солдаты молчали, пока кто-то не предложил свалить вину на коня Испанца».

А дальше произошло вот что:

«Полку приказано было выстроиться в каре. На середину вынесли штандарт. И вдруг я слышу команду:

— Старшему унтер-офицеру Буденному на середину полка галопом, марш!

Адъютант полка зачитал приказ по дивизии, что я подлежу полевому суду и расстрелу.

— Но, учитывая его честную и безупречную службу, решено под суд не отдавать, а ограничиться лишением Георгиевского креста!»

Это, дорогой, посерьезнее, чем твое исключение в Литинституте из комсомола в 47-м году. Никакой вахмистр Хестанов тебе по физиономии не врезал и расстрел тебе не грозил, хоть ты и намекаешь на что-то подобное, да и восстановили вскоре. А сейчас ты сам в роли вахмистра Хестанова, только тот один раз ударил молодого унтер-офицера, а ты без конца плюешь на могилу старого маршала.

Вновь крест 4-й степени Буденный получил на Кавказском фронте в бою за город Ван, во время второго его 3-й взвод 5-го эскадрона 18-го Северского драгунского полка захватил батарею из трех пушек. Георгием 3-й степени Семена Михайловича наградили за участие в нескольких атаках под Менделиджем; 2-й степени — за 22-дневный рейд по тылам противника; наконец, 1-й степени — за ночную разведку, во время которой были взяты в плен шесть турецких солдат. А высокие советские награды были естественным продолжением и развитием этих Георгиевских... А вы-то с Мунблитом сколько пушек захватили, сколько турок в плен взяли? Вы только по тылам советской истории шастаете... Впрочем, возможно, что лгал здесь Мунблит, а Сарнов выступил в роли хранителя и популяризатора грязной лжи. Разделение труда между братьями...

После убийства в сентябре 1911 года русского премьер-министра Столыпина евреем Богровым отец убийцы публично заявил, что гордится сыном, а В. Розанов в декабре 1912 года писал в письме М. Гершензону: «После Столыпина у меня как-то все оборвалось к ним (евреям). Посмел ли бы русский убить Ротшильда или вообще «великого из ихних»?

И вот спустя 90 лет еврей срывает четыре Георгиевских креста с русского героя. И представьте себе, вместо того чтобы встать на защиту национальной чести, ему помогают в подлом русофобском деле русские работники издательства: О. Разуменко, З. Буттаев, М. Сартаков, Р. Станкова... А посмел бы русский, допустим, сорвать две Золотых Звезды с покойного генерал-полковника танковых войск Давида Абрамовича Драгунского, дескать, дали не по заслугам, посодействовал брат Мехлис и т. п.? Если бы и сыскался такой негодяй, перед ним несокрушимой стеной встали бы те же станковы-сартаковы, разуменко-буттаевы...

После фекальной попытки относительно Буденного и других наших маршалов Сарнов, естественно, попытался проделать то же самое с почетными званиями нашей страны.

«Слово «герой» стало официальным званием: «Герой Советского Союза», «Герой Социалистического Труда». Введение такого звания уже самой процедурой его присвоения предполагало, что героем человека можно назначить».

Да, конечно, можно «назначить», но — после того, как человек совершил нечто героическое. Тут поражает не столько злобность ума, сколько его бедность, полная неспособность к аналогиям и ассоциациям: ведь во всем мире существуют подобные почетные звания! Например, английская королева

279

взяла и назначила супруга Галины Вишневской рыцарем. Она присвоили ему звание «Рыцарь Британской империи». Чего ж Сарнов молчал? Почему не вышел с Мунблитом на Красную площадь с плакатом «Долой назначенных рыцарей!»? Чего молчал, когда звание Героя давали Михаилу Ромму, Сергею Юткевичу или , не так давно, Даниилу Гранину?

Тут же читаем, что звание Героя у нас давалось «далеко не всегда заслуженно». Ну, об этом не тому судить, кто не имеет даже медальки «Восьмисотлетие Москвы». Но, конечно, бывало и так, что незаслуженно. Так где ж этого не бывает! И в Союз писателей, случалось, незаслуженно принимали, и даже на работу в «Пионерскую правду». У Бога всего много...

В ЗАЩИТУ РЕЙХСФЮРЕРА ГИММЛЕРА

Но вот началась Великая Отечественная война. Что об этом у Сарнова? Он прежде всего заявляет, что никакой организованной эвакуации населения не было. Как язык не отвалится! Ведь сам-то, как пишет, с папочкой и мамочкой тотчас оказался где-то за Уралом... Совет по эвакуации был создан 24 июня, на третий день войны. К лету 1942 года немцы захватили территорию, на которой проживало, как сказал Сталин в знаменитом приказе №227, более 70 миллионов человек. Целая Германия! Эвакуировать всех было просто невозможно, однако почти 10,5 миллиона все же эвакуировали, в том числе из приграничных западных областей: из Прибалтики — 120 тысяч, из Молдавии — 300 тысяч, из Белоруссии — 1 миллион, а также из Москвы — 2 миллиона, из Ленинграда — 1,7 миллиона и т. д. Да еще 2593 промышленных предприятия, из них 1523 крупных, таких, как Харьковский дизельный и Харьковский тракторный, важнейшие цеха Кировского, заводов «Серп и молот», «Электросталь», «Гомсельмаш», «Запорожсталь», агрегаты «Днепрогэса» и т. д. Да еще 145 вузов, 66 музеев только из РСФСР, десятки библиотек, театров и т. д. Да еще 2,4 млн. голов крупного рогатого скота, 5,1 млн. овец и коз, 0,2 млн. свиней, 0,8 млн. лошадей (Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985, С. 801—803). Ничего подобного мировая история не знала.

13 декабря 1941 года Александр Фадеев докладывал Сталину: «Все писатели и их семьи (271 человек) были лично мною посажены в поезда и отправлены из Москвы 14 и 15 октября... Учтите, что свыше 200 активных московских писате-

280

лей находятся на фронтах, не менее 100 самостоятельно уехало в тыл за время войны и 700 с лишним членов писательских семей эвакуированы в начале войны» (Власть и художественная интеллигенция. М., 1999. С. 476). Кто был впереди всех, мы теперь знаем.

Сарнов пишет: «Оставались многие. В том числе и евреи, не верившие

советской пропаганде. Они были уверены, что слухи об антисемитской политике гитлеровцев сильно преувеличены. Все они, конечно, погибли». Так надо было верить советской пропаганде! Тем более что Гитлер находился у власти уже девятый год, и о его антисемитской политике были не слухи, а достовернейшие сведения. О ней, кстати, во весь голос кричали и советские фильмы — «Профессор Мамлок», «Болотные солдаты», «Карл Бруннер», «Семья Оппенгейм»,— которые поставили по произведениям Фейхтвангера и других немецких евреев наши евреи: Е. И. Славинский, Г. Л. Рошаль, Г. М. Рапопорт, А. И. Минкин. А евреи же, оказывается, им и не верили. Вот публика! «Погибли мои бабка и дед,— пишет мемуарист.— Они жили не так близко от границы и вполне могли уехать. Но дед сказал, что помнит немцев по прежней войне. Это культурные люди и бояться их нечего. На все уговоры он отвечал: «Что, я немцев не знаю?» Смерть их была ужасна: рассказывали, что после расстрела нацистами местных евреев несколько суток шевелилась земля...» Ну, шевелящаяся земля — это избитый газетный штамп, однако же царство им небесное, и еще хорошо, что внук не объявил их жертвами культа личности.

Впрочем, в другом месте книги он, видимо, проникшись дедовской верой в культурность немцев, все-таки снимает с нацистов ответственность: «В сорок втором деда и бабку убили. Считалось, что немцы. Но на самом деле, скорее всего, те самые мужички — «богоносные, достоевские...» То есть русские.

Спи спокойно, рейхсфюрер Гиммлер! У брата Бенедикта к тебе никаких претензий.

БЕЛОБИЛЕТНИК О ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ НА ВОЙНЕ

Итак, война идет, наши дела плохи, и Сталин, говорит наш историк, в отчаянии и страхе «вернул из лагеря Рокоссовского. И даже будто бы пошутить при этом изволил: нашел, мол, время сидеть». Да, Рокоссовский с 17 августа 1937 года находился под следствием, но Сталин, конечно, и

не знал этого комдива (генерал-майора), одного из 993 довоенных генералов. А освободили его, восстановили в звании и вернули все награды не после драматического начала войны, а еще 23 марта 1940 года. И тут же назначили командиром 9-го механизированного корпуса. Как жаль, что Сарнов не служил там хотя бы каптенармусом!

Нет, он трудится писарем, опять берется за наших маршалов: «В первые же месяцы войны обнаружилась полная профессиональная несостоятельность всех советских маршалов... Ворошилов, Буденный не могли воевать с танками Гудериана, оказались вдруг профнепригодными». Этот литературный профессионал рассуждает о профессионализме военном, не подозревая даже о том, например, что Ворошилов с «танками Гудериана» не встречался... А что ж он молчит, допустим, о маршале Рыдз-Смиглы, а также о Кутшебе, Стахевиче, Шиллинге и других генералах Польши, которые командовали так профессионально, что правительство на шестой день войны бежало из Варшавы в Люблин, а еще через десять дней — в Румынию? Ведь у них все-таки была миллионная армия против полуторамиллионной у немцев. А каков профессионализм голландских и бельгийских военачальников, первые из которых капитулировали на четвертый день сражений, а вторые на седьмой день сдали свою столицу? А каковы их профессиональные короли и королевы, моментально оказавшиеся в Лондоне? Наконец, что ты, инвалид, скажешь о профессионализме французских и английских генералов да адмиралов, если у

немцев было 136 дивизий, а у союзников в целом все-таки 147, и к тому же они имели восемь месяцев для подготовки отпора, однако уже 12 июня, на 33-й день битвы, генерал Вейган объявил Париж открытым городом, и 14-го немцы туда припожаловали? У тебя к союзникам никаких претензий? Или ты считаешь, что верх профессионализма — вовремя объявить столицу открытым городом? Хоть бы напомнил им, что у нас одна Брестская крепость продержалась дольше, чем их Париж, а Одесса — в два раза дольше, чем Париж, Брюссель и Амстердам, вместе взятые.

А как думаешь, дружок, когда 5 декабря советские маршалы и генералы начали гнать от Москвы немецких генералов и фельдмаршалов, то за что Гитлер спешно отправил кого в отставку, кого в запас — и командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Бока (18 декабря), и главнокомандующего сухопутными войсками фельдмаршала Браухича (19 декабря), и твоего Гудериана, командующего 2-й танко-

вой группой? Не оказались ли все они профнепригодными? А с февраля 1941 года, когда мы продолжали гнать немцев на запад, по сентябрь 1942 года, когда терпел крах план захвата Сталинграда, Гитлер уволил из действующей армии еще 66 генералов. Вот сколько у него оказалось профнедотеп! А ты молчишь, тебя это не волнует...

Некоторые военачальники заслужили особого внимания автора. Вот что пишет, например, о генерале армии И. Е. Петрове: «Он был легендарным командующим хотя бы уже только потому, что один из всех командующих фронтами не был маршалом». Один из всех... Ах, Беня!.. Ну кто тебя за язык тянет?.. Если бы речь шла о конце войны, то и в ту пору фронтами командовали Черняховский и Баграмян — не маршалы, а генералы. А Петров за неудачу в наступлении тогда был снят с командования 4-м Украинском фронтом и в апреле 1945 года назначен начальником штаба 1-го Украинского. В течение же всей войны фронтами в большинстве случаев командовали не маршалы, а как раз генералы, начиная с Жукова, Конева, Рокоссовского, первый из которых стал маршалом в январе 1943 года, второй — в феврале 1944-го, третий — в июне 1944-го. А Петр Петрович Собенников командовал Северо-Западным фронтом в звании генерал-майора. Ведь обо всем этом нетрудно же было навести справку, но Сарнов так привык, после сытного обеда ковыряя в зубах, повсеместно обличать непрофессионализм и неграмотность, так обленился еще в «Пионерской правде» и так доволен собой и своими познаниями, что уже и не понимает положения, в которое ставит себя как всезнайку. А ведь он тут еще и антисталинскую идейную базу пытается подвести: «Петров не был маршалом не случайно. Когда фронт наступал, Сталин отстранял его и назначал другого командующего. Потому что при наступлении людские потери всегда очень велики (он знает! — *В. Б.),* и Петров всякий раз доказывал, что наступление плохо подготовлено: он жалел людей. Когда же фронт переходил к обороне (при обороне потери не так велики, как при наступлении, он это видел своими глазами.— *В. Б.),* командующим снова назначался Петров». Всю эту чушь критик сморозил только для того, чтобы внушить читателю: Сталин людей не жалел! А вот я пишу об этом, и значит, жалею. Но почему Петров не стал маршалом если уж не во время войны, то хотя бы после нее или после смерти Сталина, как Баграмян, Гречко, Еременко, Москаленко, Чуйков? Этого Сарнов так и не объяснил. Мозгов не хватило? Хоть бы у Войновича занял...

СЛЕЖКА ВЫСОКОЛОБОГО ЛИБЕРАЛА ЗА УЗКОЛОБЫМ

МРАКОБЕСОМ

На Верховного Главнокомандующего наш летописец кидается с еще большей свирепостью, чем на генералов и маршалов Красной Армии. Оказывается, слежку за Сталиным он начал еще в восьмилетнем возрасте, как только в школу пошел, а талант к этому уже прорезался. Еще тогда пришел к выводу, что вот его папа — умный человек, и его друзья Рабинович, Шульман — тоже умные. «Но Сталин?.. Определение «умный человек» в приложении к нему я воспринимал как совершенно неуместное, неправильное, никак к нему не относящееся». Да почему же? А потому, что он «в его сапогах и полувоенном кителе, о котором папа говорил, что в нем пристало ходить в уборную, а не встречаться с иностранными дипломатами, к сословию интеллигентов явно не принадлежал». Каков вундеркинд! Но каков и папочка, который, судя по всему, имел специальный костюм для посещения уборной! «Не последнюю роль для меня,— продолжает вундеркритик,— играл и низкий сталинский лоб». Правда, это соображение он сейчас считает «совсем уж детским». Но тем не менее пишет: «Один старый газетчик рассказал мне, что в начале 30-х годов всем газетам «сверху» было спущено специальное указание: публикуя сталинские портреты, увеличивать лоб вождя на два сантиметра». Какой старый газетчик? Где он? Как его звать? Да побойся ты бога! И тут, как в прежних сюжетах, опять просто обираешь брата, на сей раз Роя Медведева. Это он в книге «Семья тирана»(Н. Новгород, «Лета», 1994) божился: «Не только художники, но и фотографы увеличивали на один-два сантиметра лоб Сталина». И ты эту чушь стащил. Но главное, тебе уже не восемь лет, а под восемьдесят, однако же твердо веришь в эту полоумную байку, словно тебе восемь.

А он еще стыдит Сталина за то, что тот будто бы не умел плавать. Допустим. Ну и что? А Гитлер, предположим, был отменным пловцом. Но 30 апреля 1945 года как нырнул в Берлине, так и не вынырнул. А кроме того, вот интересный факт. Однажды молодой Сталин прогуливался с друзьями по морской набережной в Баку. Вдруг с пирса упала в воду трехлетняя девочка. Все растерялись, мечутся, кричат: «Лодку! Спасательный круг!» Но ждать нельзя, ребенок же... И не умеющий плавать Сталин бросается в море и вытаскивает девочку. Ее звали Надя Аллилуева. Как же ей потом было не любить своего мужа-спасителя... А кто из твоих со-

братьев, Беня, из этих плавающих историков, глубоководных мыслителей, двоякодышащих интеллигентов, непотопляемых брехунов способен на такое...

ХОХОТ ВСЕГО ЗАЛА. НАД КЕМ?

Но минул год, вундеркинду уже девять, и он, продолжая слежку, приходит к заключению, что в речах и докладах Сталина «набор банальностей». Допустим. Например, не их ли мы видим в докладе «Итоги первой пятилетки» 7 января 1933 года?

«Каковы итоги первой пятилетки в четыре года в области промышленности? Добились ли мы победы в этой области? Да, добились. И не только добились, а сделали больше, чем могли ожидать самые горячие головы в нашей партии. Этого не отрицают теперь даже враги...

У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест. В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест» и т. д.

Какие скучные банальности! И никаких ораторских красот! А весь мир слушал это, затаив дыхание. Ныне же президент объявляет: «Мы собрали невиданный в истории России урожай!» А его никто не слушает. Глава правительства ликует: «Таких темпов роста нашей экономики не было тридцать лет!» А люди смеются: «Заткнись!..»

Особенно запал в трепетную душу вундеркинда доклад Сталина на Чрезвычайном VIII съезде Советов 25 ноября 1936 года «О проекте Конституции». Отрок слушал доклад по радио, но этого показалось мало — потом еще и прочитал в газетах эти банальности. И вот что его поразило. Перед началом доклада «точно по команде раздавались возгласы: «Родному!.. Любимому!.. Вождю!.. Учителю!.. Лучшему другу!..»

Открываю на странице 545 «Вопросы ленинизма» издания 1952 года, последнее прижизненное. Здесь начинается этот доклад. Приветственные возгласы действительно есть, но ни перед докладом, ни после него нет ни одного словца из перечисленных Сарновым, кроме слова «вождь». Подвела вундеркинда стариковская память. А в газете отрока поразила стенографическая помета «несмолкающие аплодисменты»: «Что значит «несмолкающие»? Ведь раньше или позже они обязательно умолкнут». Листаю текст доклада. Помет много, но, конечно же, нет ни одной «несмолкающие аплодисменты». Ах, как жесток вундерстарец по отношению к вундеркинду...

Вывод такой: все это было фальшиво и организовано заранее. «До сих пор, правда, мне так и не удалось узнать,— пишет бывший вундеркинд,— состояли эти крикуны на штатной должности или это была общественная нагрузка. Знаю только (недавно прочитал в книге А. Н. Яковлева «Омут памяти»), что было у них даже специальное наименование: «ответственные за энтузиазм».

Зловонный яковлевский омут как источник познания жизни! До этого надо дожить... Ну не будем спорить с таким фанатиком истины, как Яковлев. Допустим, были организаторы аплодисментов и восклицаний. Но ведь доклад еще и 16 раз прерывался взрывами смеха всего зала. 16!.. Спроси, Сарнов, учителя Яковлева, как это-то организовывали. Да еще напомни ему, что, скажем, доклад Сталина на XXVII съезде партии в 1934 году прерывался аплодисментами 48 раз, а кроме того, есть в стенограмме и такие пометы: 5 раз — «Смех», 2 раза — «Общий смех», один раз — «Общий хохот» и еще один раз — «Хохот всего зала».

ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗА ЭНТУЗИАЗМ

А теперь открой свою книгу на 122-й странице и перечитай дневниковую запись К. Чуковского от 22 апреля 1936 года: «Вчера на съезде сидел в 6-м или 7-м ряду. Оглянулся: Борис Пастернак. Я пошел к нему, взял его в передние ряды... Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что

сделалось с залом! А ОН стоял, немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила — и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица...» Попроси Яковлева сделать нежное лицо, попробуй сам перед зеркалом придать

своему лицу одухотворенный вид. Что у вас получится? А разве у твоего друга Войновича было влюбленное лицо, когда он недавно получал из рук Путина премию?..

Но Чуковский продолжает: «Видеть его — просто видеть — для всех нас было счастьем. К нему все время обращалась с какими-то разговорами Демченко. И мы все ревновали, завидовали — счастливая! Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой — мы все так и зашептали: «Часы, часы, он показал часы...» — и потом, расходясь, уже возле вешалок вновь вспоминали об этих часах. Пастернак все время шептал мне о нем восторженные слова, а я — ему, и оба мы в один голос сказали: «Ах, эта Демченко заслоняла его!» Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упивались нашей радостью».

И ведь это дневник не колхозного бригадира Марии Демченко, знатного свекловода, а суперинтеллигентного писателя. И я не удивлюсь, если со временем откроется, что «организаторами энтузиазма» именно они с Пастернаком и были. И разве думал Борис Леонидович, что после XX съезда и доклада Хрущева он напишет стихи «Культ личности забрызган грязью...» И Сарнов — один из ее поставщиков. Читатель может удивиться: неужели автор привел в своей книге эту дневниковую запись? Зачем? А затем лишь, чтобы объявить ее «сублимацией страха». То есть со страха, мол, написал это Чуковский, может быть, даже «в расчете на чужой глаз». Если однажды посланцы НКВД нагрянули бы с обыском или арестом, Корней Иванович тотчас сунул бы им под нос дневничок, раскрыв его на нужной страничке... И тут становится предельно ясно, что нет такой ситуации, которую вундеркритик при всей его незатейливости не вывернул бы наизнанку.

ЛОВКОСТЬ ЕВРЕЙСКИХ РУК НА СТРАЖЕ РУССКОГО НАРОДА

Вот еще и такой факт. «За всеми этими переменами я следил с гигантским интересом». С титаническим!.. То есть слежка продолжается. Парню уже семнадцать, появились вторичные половые признаки.. Пишет, имея в виду 1945 год: «Я хорошо помню, как в День Победы над Японией Сталин сказал: «Мы, русские люди старшего поколения, сорок лет

ждали этого дня». Тогда, услышав эту фразу, я был возмущен... Фраза Сталина, причислившего себя к русским людям старшего поколения, которые воспринимали поражение России в той войне как личную травму и сорок лет мечтали о реванше, была в моих глазах предательством». Что сказать? Во-первых,- Сталин произнес эту речь не в День Победы, а в день капитуляции Японии. Во-вторых, почему же так возмутила попытка руководителя страны, грузина по рождению, причислить себя к русским людям? Разве, допустим, корсиканец Бонапарт не причислял себя к французам? Разве еврей Дизраэли, будучи главой правительства Англии, не считал себя англичанином? Разве, наконец, Гитлер, родившийся и выросший в Австрии, не причислял себя к самым кондовым немцам? Это же вполне естественно. У Сталина было уж никак не

меньше оснований причислять себя к основному народу страны, чем у всех названных выше, чем и у его обличителя тоже.

Но вот что самое существенное для понимания не столько Сталина, сколько Сарнова и его творческого метода. Раскрываю речь. Оказывается, Сталин сказал: «Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня». Во-первых, «старого», а не «старшего», что в данном случае гораздо точнее и еще раз доказывает: политик-грузин знал русский язык лучше, чем литератор-еврей. А главное-то, слова «русские» у Сталина нет, его наш друг просто вписал для своего удобства, чтобы было чем возмущаться. Как это называется в цивилизованном обществе, он должен знать без нашей подсказки.

Критик неутомим и неисчерпаем в своих усилиях «забрызгать грязью» или хотя бы принизить Сталина. Так, уверяет, что в 1925 году он был менее значительной и известной политической фигурой, чем нарком иностранных дел Г. В. Чичерин; что даже в 30-е годы в правительстве США не понимали, что за фигура Сталин, чем занимается, какую роль играет в стране. Ну на каких идиотов это рассчитано!..

В то же время пишет, что после войны «величественные портреты генералиссимуса ежедневно глядели на нас со страниц газет»; что «в газетах его называли Спасителем, причем это слово писалось с заглавной буквы, как если бы речь шла о Христе»; что после войны «едва ли не каждый советский фильм был о Сталине...» На самом деле, если уж ответить на последнюю чушь, о Сталине, в отличие от Ленина, не было ни одного фильма, но были фильмы «со Сталиным», а это не одно и то же.

ТОСТ-ШИЛО

Неоднократно поминает Сарнов великий тост Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года. Тост этот вот уже почти шестьдесят лет не дает покоя всем сарновым. Старовойтова так и погибла с проклятием ему на устах — была уверена, что от него и пошел государственный антисемитизм. Эти странные люди ощущают сталинский тост как шило в заднице, пытаются вытащить, но не могут. И тогда хлопочут, как бы извратить и оболгать. Первый раз Сарнов кидается на тост как бы с позиции интернационализма: «Воевали ведь все, не только русские. Зачем же противопоставлять один народ всем другим народам многонационального отечества!» Но в тосте не было никакого противопоставления. Его первые же слова были такими: «Я хочу поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа». То есть за здоровье всего народа-победителя, но прежде всего — русского. И это естественно, ибо русские — народ государствообразующий. Если бы подобный тост захотел поднять, допустим, Черчилль, то и он, вероятно, упомянул бы о всем народе страны в целом (то есть и о шотландцах, валлийцах, ирландцах), но прежде всего сказал бы об англичанах. И де Голль говорил бы не о корсиканцах или алжирцах, а прежде всего о французах.

Другой раз Сарнов изображает знаменитый тост еще и так: «У русского народа есть два замечательных качества: ясный ум и терпение». И Сталин добавил, что другой народ давно бы уже прогнал такое правительство».

Опять вранье и опять воровство. На этот раз у своего друга Бориса Слуцкого. Тот сочинил гнусный стишок «Терпение», жульнически сведя весь тост даже не к двум «замечательным качествам», а к одному, именно к терпению:

Сталин взял бокал вина
(может быть, стаканчик коньяка),
поднял тост, и мысль его должна
сохраниться на века:
— За терпение!..
Вытерпели вы меня, сказал
вождь народу. И благодарил.
Это молча слушал пьяный зал.
Ничего не говорил,
Только прокричал «ура!».
Вот каковская была пора.

289

Такой омерзительной видится им великая пора нашей победы над фашизмом, пьяной оравой изображают они своих спасителей. А В. Войнович уверяет, что Сталин сказал и не о терпении, а о покорности народа.

На самом же деле в тот незабываемый час всенародного торжества Сталин возгласил: «Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкость и терпение».

Что же касается «прогнал бы», то у него речь шла не вообще, как хочет представить Сарнов, а о той драматической обстановке, «отчаянном положении», что складывались в 1941-м и 1942 годах на фронте. Как уже упоминалось, иные европейские правительства при похожем положении сами бежали: польское — в Румынию, бельгийское и голландское — в Лондон, французское на шестой день сражения — в Тур и т. д.

«ТИХИЙ ДОН» И «ЧОНКИН»

Сарнов, конечно же, поднатужился еще и высмеять художественный вкус Сталина: «плоские, примитивные, школярские представления о природе художественного творчества...», «не очень-то умел отличать Божий дар от яичницы...» Допустим, не отличал, но интересно, а отличал ли классик грузинской литературы Илья Чавчавадзе (1837—1907), который не только в своей газете «Иверия» печатал юношеские стихи Сталина, но и включил их в учебник «Родной язык» («Дэда эна»). А Сарнов если не в юности, то сейчас что мог бы предложить из своих сочинений для такого учебника русского или еврейского языка? Может быть, хоть одну из главок своей книги, например, «Два столба с перекладиной»? Или «Если бы победил Троцкий»? Или «И подивился Тарас бойкой жидовской натуре»? Сталин, бесспорно, был человеком художественно одаренным. Об этом свидетельствуют не только его юношеские стихи, но и речи. Ну разве ты-то, ненавистник, способен хотя бы в кругу своей жены и тещи произнести речь, которая, как речь Сталина на XVII съезде, 48 раз прерывалась бы аплодисментами и взрывами хохота... (Впрочем, я лично, читая эту его книгу, хохотал 597 раз — над каждой страницей.) А речь Сталина 3 июля 41 года, слова, которые он там нашел в трагический час истории для обращения к народу, просто не с чем сравнить в мировом ораторском искусстве. Но и этим дело не исчерпывается. А Сталинские премии! Взять хотя бы самые первые, 1941 года.

290

«Тихий Дон» Шолохова, фортепьянный квинтет Шостаковича, «Страна Муравия» Твардовского, «Рабочий и колхозница» Мухиной, фильм «Чапаев»

Васильевых — разве это не «Божий дар»? Уланова, Игорь Ильинский, Николай Симонов, Эйзенштейн — где здесь «яичница»? А вот когда «Похождения Ивана Чонкина» называют «замечательным» и «знаменитым» сочинением, то это не что иное, как попытка выдать за вкусную яичницу несъедобное варево бог знает какой консистенции.

А история с премией Виктору Некрасову в 1946 году? Сарнов сам рассказал ее, а смысла не понял, как это с ним часто бывает. Фадеев вычеркнул Некрасова из списка лауреатов, а Сталин вписал. И что же, ошибся? А таких случаев, когда он вопреки мнению литературных авторитетов сам принимал решение, немало. Так было, например, и с повестями Веры Пановой «Спутники», «Кружилиха».

КРИТИК САРНОВ И ГЕНЕРАЛ КУРОПАТКИН

Но вот война кончилась... Я не уверен, что Сарнов знает, чем она кончилась. Во всяком случае, в обильных рассуждениях о войне — ни слова о наших победах, о капитуляции врага, о спасении народов Европы, а только — о неграмотности маршалов, о бездарности генералов, о своей ненависти к Верховному Главнокомандующему.

Что же заслужило наибольшее внимание автора в нашей послевоенной жизни? Восстановление разрушенных городов и народного хозяйства? прорыв в космос? обретение родиной статуса сверхдержавы? новые книги, фильмы, спектакли?.. Нет, прежде всего, конечно же, антисемитизм! Причем не какой-то там подпольный. «Государственный антисемитизм постепенно поразил всю жизнь страны, проник в каждую пору государственного организма... Самым удивительным было то, что после смерти Сталина (главного, дескать, антисемита.— *В. Б.)* государственный антисемитизм набирал все большую силу, день ото дня становился все жестче и изощреннее... Тогда за всеми евреями в народе (!) утвердилось прозвище «инвалидов пятой группы»...»

Жуткая картиночка!.. Но в каком народе, от лица которого так любит говорит Сарнов, утвердилось приведенное прозвище? Я лично, принадлежащий к русскому народу, узнал о прозвище только сейчас из этой книги. Так не есть ли оно изобретение самого автора или его друзей? А какие доказательства антисемитизма, обоснования, имена, факты? О, у

Сарнова их навалом. Я, говорит, этих антисемитов проклятых видел живьем, с некоторыми даже учился вместе в Литературном институте. Это кто же? Например, «со мной на одном курсе учился Алексей Марков, будущий видный в Союзе писателей антисемит, получивший за это — по аналогии с известным думским черносотенцем — прозвище Марков Второй...»

Тут вспоминается эпизод, имевший место в 1916-м военном году в Государственной думе. Депутат из Одессы профессор Левашов сказал с трибуны, что в его Новороссийском университете в 1915 году на медицинский факультет принято 586 студентов, из них — 391 еврей, т. е. 65 процентов; в Варшавском университете, эвакуированном в Ростов-Дону, на юридическом факультете 81 процент евреев, на медицинском — 56, на физико-математическом — 54. Вот тебе и «черта оседлости»... Но депутат Гуревич, заявив в ответ, что, дескать, все русские, желающие учиться, приняты, а больше среди них таковых нет, воскликнул: «Так что, вам нужны пустые аудитории?» Тогда помянутый Марков Второй сказал: «Университеты пусты оттого, что русские молодые люди взяты на войну». Это антисемитизм?.. А. Солженицын, воспроизведя в своей последней книге «Двести лет вместе» ту давнюю перепалку в Думе, осторожненько заметил:

«С одной стороны, конечно, был прав Гуревич: зачем аудиториям пустовать? каждый пусть занимается своим делом. Но, так поставив вопрос, не подтвердил ли он подозрения и горечь правых: значит, дело наше не общее? дело одних — воевать, а других — учиться?» (с. 506). Этот текст интересно сопоставить с некоторыми цифрами в другом месте книги, правда, более ранними. Так, известный адвокат А. Шмаков со ссылкой на «Правительственный вестник» утверждал, что за время с 1876 года по 1883-й «из 282 466 подлежавших призыву в армию евреев не явилось 89 105, т. е. 31,6%», тогда как общий недобор по стране был 0,19%. В иные годы этого периода соотношение цифр было еще красноречивей. Например, влиятельная петербургская газета «Голос» 15 февраля 1881 года привела официальные правительственные данные, согласно которым в предыдущем году всего было недобрано в армию 3309 новобранцев, из коих 3504 еврея, что составляет 92% (с. 151).

Далее сообщается, что генерал А. Н. Куропаткин, многолетний военный министр, а затем Главнокомандующий на Дальнем Востоке писал в работе «Задачи русской армии»: «В 1904 году (когда началась война) не явившихся к призыву евреев увеличилось вдвое против 1903 года. На каждую ты-

сячу призываемых недобор был свыше 300 человек, в то время как недобор среди русского племени составил на 1000 всего 2 человека. Да и те евреи, что были призваны из запаса, массами бежали с пути на театр военных действий» (с. 350). Лучше бы мне не знать этих цифр. Может, ошибался Куропаткин?..

А Марков Второй тогда в Думе добавил, что русские «должны охранять свой верхний класс, свою интеллигенцию, чиновничество, свое правительство; оно должно быть русским». Что же тут антисемитского? Ведь не было же сказано «вон евреев из русского правительства!..».

ЖИЗНЬ БЕЛОКРЫЛОГО АНГЕЛА СРЕДИ ЧЕРНЫХ АНТИСЕМИТОВ

Алексея же Маркова я знал хорошо, мне тоже довелось учиться в одной группе с ним и Сарновым. Это был человек талантливый, веселый, озорной, известный поэт доперестроечной поры. Он умер 28 августа 1992 года. Так в чем же его антисемитизм? Может, он выступал с погромными речами? где? когда? Или бросил бомбу в синагогу? Или зарезал сарновскую бабушку? Или, наконец, ходил на демонстрации с лозунгом «Вон Лазаря Кагановича и Вениамина Дымшица из правительства СССР!» А для прикрытия своего антисемитизма дружил с Андреем Марголиным, красавцем-евреем из нашей группы, кстати, и моим другом?.. Нет, ни в чем подобным он не обвиняется. Но вот, говорит мой однокашник, однажды на экзамене по западной литературе, которую нам читал профессор Я. М. Металлов (еврей, как большинство преподавателей института) ему досталась драма Лессинга «Натан Мудрый», и Марков, будто бы драму не читавший, будто бы сказал: «Эта драма за евреев». Ответ несколько комический, но, во-первых, почему я должен верить, что он был именно таким: во-вторых, он вовсе не бессмысленный, ибо действительно эта драма — за религиозную терпимость. Прав Сарнов: «Ее содержание в краткую формулу Маркова не укладывается». Да, но где же тут антисемитизм? А ведь никаких других доводов у критика нет. Или неважно ответить экзаменатору-еврею — это уже антисемитизм? Думаю, что дело тут вот в чем. У Маркова была поэма «Михайло Ломоносов», в ней речь шла и о немецком засилье в русской науке и жизни в то время. А такие евреи, как Сарнов, принимали это на свой счет. Вот вам и Марков Второй. Впрочем, сам Владимир Жаботинский, основоположник сионизма,

умный
293
человек, однокашник Чуковского по гимназии, еще в 1909 году говаривал: «Можно попасть в антисемиты за одно слово «еврей»... Евреев превратили в какое-то табу, на которое даже самой невинной критики нельзя навести». Сарнов доказывает, что за сто лет тут ничего не изменилось.

А еще был Михаил Бубеннов, продолжает свои разоблачения знаток Лессинга,— «один из самых злостных антисемитов». Что же такого злостно-антисемитского совершил еще и этот писатель, умерший в 1983 году? Может быть, в его романах «Белая береза», «Орлиная степь», «Стремнина» выведены какие-то отталкивающие образы евреев или есть суровые мысли о них, как встречается это, допустим, в «Скупом рыцаре» или «Черной шали» Пушкина, в «Тарасе Бульбе» Гоголя, в рассказе «Жид» Тургенева, в дневниках Блока, в письмах Куприна? Нет, никаких отталкивающих образов, никаких суровостей. Может, антисемитский характер имела его статья «Нужны ли сейчас литературные псевдонимы?» (Комсомольская правда, 27.2.1951)? Конечно, при желании это легко истолковать как антисемитизм, ибо псевдонимами больше всего пользуются евреи. Но ведь Бубеннов тут не одинок, многие открыто выступают против псевдонимов. Может, антисемитской была его резкая статья о романе «За правое дело» Василия Гроссмана («Правда», 13.2.1953)? Конечно, при очень большом желании ее можно представить именно так, ибо Гроссман — еврей. Но ведь сколько евреев писали разносные статьи о писателях русских. Например, Марк Щеглов — о «Русском лесе» Леонова, или Зиновий Паперный — о Кочетове, или Михаил Лифшиц, который громил не только Александра Дымшица да Мариэтту Шагинян... Во всяком случае, надо иметь в виду, что если злоба критика на Буденного за статью против «Конармии» брата Бабеля не остыла за 75 лет, то ведь здесь дело гораздо свежее — ему всего 50. Но никаких фактов, хотя бы упоминания двух названных статей у Сарнова опять нет. Вместо доказательных доводов он рассказывает байку о том, как М. Бубеннов однажды поссорился с приятелем, таким же, мол, злостным антисемитом: «Уж не знаю, чего они там не поделили. Может быть (!), это был даже принципиальный спор. Один, может быть (!), доказывал, что всех евреев надо отправить в газовые камеры, а другой предлагал выслать их на Колыму или, может быть (!), в Израиль». Значит, сам критик при ссоре, как и при экзамене Маркова, не присутствовал, от кого узнал о ее характере, неизвестно, главный и единственный довод у него — «может быть». Этого ему достаточно, чтобы объявить покойного писателя антисемитом. Право, тех, кто
294
пользуется такими доказательствами для грязных целей, я, может быть, сослал бы на Колыму.

А коли антисемит, то можно лгать и клеветать сколько угодно. Например: «Один писатель-фронтовик рассказал мне, что Бубеннов кинул ему однажды такую реплику: «Вам легко писать военные романы. А вот мне-то каково: я на фронте ни одного дня не был». Кто же этот «один писатель»? Молчок. Оклеветал — и концы в воду. Так вот, любезный, рядом с полученным от меня портретом Буденного с Георгиевскими крестами повесь у себя над столом выписку из справочника «Писатели России — участники Великой Отечественной войны»: «Бубеннов Михаил Семенович (21.11.1909 в с. Второе Поломощново Алтайского края — 03.10.1983, Москва). Член СП с 1939. С марта 1942 — командир стрелковой роты 88-й стрелковой дивизии 30 армии (с 16 апр. 1943 — 10-й гвардейской армии) Западного, 2-го Прибалтийского, Ленинградского фронтов. Старший лейтенант. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу» и

др.». Справочник «Русские писатели XX века» уточняет: Бубеннов кончил войну корреспондентом дивизионной и армейской печати, что вполне естественно для человека, пошедшего на войну членом Союза писателей.

Итак, антисемиты на «А» и на «Б» уже разоблачены. У Сарнова они есть, пожалуй, на все буквы алфавита, но копаться в них скучно и утомительно. Ограничимся еще лишь одним: «Смирнов Василий Александрович — известный прозаик, более, впрочем, известный как ярый антисемит... Он свою нелюбовь к евреям не просто не скрывал — он ею гордился. Он был самым искренним, самым горячим и самым последовательным проводником государственной политики антисемитизма. Можно даже сказать, что он был ее знаменосцем. В полном соответствии с этой ролью он был тогда главным редактором журнала «Дружба народов». И что же вытворял в журнале знаменосец — печатал антисемитские вещи? Назови! Не печатал авторов-евреев? Кого именно? Сарнову и тут сказать нечего. А я работал журнале с В. А. Смирновым и видел своими глазами, какой там процветал антисемитизм. Ответственным секретарем была Людмила Григорьевна Шиловцева, завредакцией — Серафима Григорьевна Ременик (дочь писателя Герша Ременик), в отделе прозы работали Лидия Абрамовна Дурново, Евгения Борисовна (?) Усыскина, Валерия Викторовна Перуанская, отделом публицистики заведовал Григорий Львович Вайспапир, его заместителем был Юрий Семенович Герш, в корректуре работали Лена Дымшиц, Наташа Паперно — кто тут русский? Кроме того, отде-

лом поэзии заведовала Валентина Дмитриева, жена Леонида Лиходеева (Лидиса), корректор Рита Кокорина тоже была замужем за евреем. Не обошлось и без тех, что с большой «прожидью», как любит выражаться Сарнов: Владимир Александров, Альберт Богданов. Я заведовал отделом культуры, сменив здесь ушедшую, кажется, в «Вопросы литературы» Зою Георгиевну Куторгу. Среди моих авторов, в том числе постоянных, евреев было немало — Александр Канцедикас из Литвы, Ада Рыбачук из Киева, москвичи Григорий Анисимов, Светлана Червонная, Миля Хайтина, а цветные вклейки в журнале делал фотограф Фельдман, кажется, Илья Львович. Как же мог знаменосец антисемитизма работать в таком плотном окружении евреев и притом гордиться? Или он хоть кого-нибудь из них уволил?

В ЧЬИХ ЖЕ РУКАХ ЗНАМЯ АНТИСЕМИТИЗМА?

И ведь такой национальный состав редакций московских журналов и газет, как и обвинения некоторых из них в антисемитизме, весьма типичны... Ст. Куняев вспоминает о журнале «Знамя», где работал с самого начала 60-х годов: «Отделом критики заведует полуеврей Самуил Дмитриев, его помощник Лев Аннинский — тоже полукровка, в отделе публицистики сидят Александр Кривицкий, Миша Рощин (Гибельман) и Нина Канадер, секретарь редакции — Фаня Левина, замглавного редактора Людмила Ивановна Скорино — украинка, но муж у нее — Виктор Моисеевич Важдаев. В отделе прозы Софья Разумовская, жена Даниила Данина...» А вот что писал уехавший в Америку бывший сотрудник «Литгазеты» Владимир Перельман: «В «Литгазете» еврей был главным редактором (Чаковский) и ответственным секретарем (Гиндельман), отдел экономики возглавлял еврей Павел Вельтман (он же Волин), отдел науки — еврей Ривин (он же Михайлов), отделом искусства руководил еврей Галантер (он же Галанов), даже самый крупный раздел русской литературы возглавлял еврей Миша Синельников. Итак, лучшую в стране газету доверили делать евреям... Я

попал в самую умную, самую демократичную, самую еврейскую газету в стране...» («Русская мысль», США. 14.XI.1974).

В ту же примерно пору, 27 ноября 1962 года, Корней Чуковский записал в дневнике: «Был Сергей Образцов и сообщил, что закрывается газета «Литература и жизнь» из-за недостатка подписчиков (на черносотенцев нет спроса), и вместо нее возникает (!) «Литературная Россия». Глава Союза

писателей РСФСР Леонид Соболев подбирает для ЛР сотрудников, чтобы снова проводить юдофобскую и вообще черносотенную линию. Но для видимости обновления решили пригласить Шкловского и Образцова».

Как и в чем именно выражались юдофобство и черносотенство газеты, не знаю, но все же... Я в ту пору работал в этой газете. Главным редактором был Виктор Васильевич Полторацкий, русский. А заместителями его работали А. Л. Дымшиц и Г. С. Куклис, ответственным секретарем — Наум Лейкин, отделом критики заведовал М. Х. Синельников, отделом писем — П. И. Павловский,— все евреи. Членом редколлегии состоял Лев Кассиль. Были евреи и среди рядовых сотрудников — Д. С. Дычко, странноватый Дембо (забыл имя) и другие... Так что никакой необходимости маскироваться стариком Шкловским не было... И вот редакции с такой-то мощной, по выражению Сарнова, прожидью рисовались и ему и давно почившему Чуковскому цитаделями антисемитизма. Право, гораздо больше оснований обвинить в этом их самих...

А как обстояло дело, допустим, в «Новом мире»? Богатую пищу для размышлений об этом дает запись в рабочей тетради, сделанная Твардовским, тогда главным редактором: «Вообще эти люди, все эти Данины, Анны Самойловны, вовсе не так уж меня самого любят и принимают, но я им нужен как некая влиятельная фигура, а все их истинные симпатии там, в Пастернаке и Гроссмане,— этого не следует забывать. Я сам люблю обличать и вольнодумствовать, но, извините, отдельно, а не в унисон с этими людьми».

Увы, слишком часто по своей великоросской кротости Твардовский забывал все это... Упомянутые в записи Даниил Семенович Данин (Плотке) и Анна Самойловна Берзер — многолетние сотрудники «Нового мира». Оба они не так давно умерли. Берзер работала в отделе прозы. Это ей Лев Копелев передал рукопись «Одного дня Ивана Денисовича», а она изловчилась без всяких посредников вручить ее самому Твардовскому. «И пошла всходить звезда Солженицына», как пишет Инна Борисова, сослуживица Берзер, в предисловии к ее публикации «Сталин и литература» («Звезда», №11, 1995).

В этой публикации есть один небольшой фрагмент, очень выразительно характеризующий Асю, как ее звали в редакции. Защищая Демьяна Бедного от критики его Сталиным за антипатриотические фельетоны «Слезай с печки» и другие, она пишет: «Стараясь хоть как-то выразить сочувствие поэту, я, напрягая память, вспомнила, как когда-то все вокруг пели

его песню «Проводы». Приведу по памяти запомнившиеся строки:

Как родная мать меня провожала,
Тут и вся моя родня набежала:
«Ах, куда ты, паренек, ах, куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты!
В Красной Армии штыки, чай, найдутся.
Без тебя большевики обойдутся...»

Что тут описано? Родня уговаривает парня не идти в армию, чтобы вместе с большевиками защищать родину. Дело-то происходит во время гражданской

войны и интервенции. И вот об этих-то уговорах Берзер пишет с похвалой: «Живые слова, как бы вырванные из реальной жизни». И она всю жизнь помнит их. А дальше вот что: «Но после правдивых причитаний родных и близких следовала длинная, идейно-выдержанная речь самого героя, которая разбивала заблуждения родни. Из нее я не запомнила ни слова, хотя ее пели всюду — от начала до конца». В чем дело? Почему эта речь так ей отвратительна, что не осталось в памяти ни слова. Да потому что вот как парень отвечает родне:

Если были б все, как вы, ротозеи,
Что б осталось от Москвы, от Расеи?..

Словом, от патриотизма даже далеких времен у интеллгентной Аси и теперь с души воротило. Вот с какими сотрудничками приходилось Твардовскому делать журнал...

ЕВТУШЕНКО, КОСОГЛАЗЫЙ БОРЕЦ ПРОТИВ АНТИСЕМИТИЗМА

28 мая сообщалось, что на Киевском шоссе под Москвой, через три дня в Воронежской области, 12 июня, в День независимости России от Крыма, кто-то установил щиты с надписью «Смерть жидам!» и «Бей жидов!». Вот это действительно антисемитизм, если не провокация таких евреев, которые способны сорвать с покойного русского маршала четыре Георгия. И молодец Евтушенко, как всегда, и на сей раз первым виртуально бросившийся на амбразуру вместе с Савиком Шустером. Но нельзя не заметить, что, во-первых, опять-таки это антисемитизм не государственного характера, а частнопредпринимательского — при советской власти,

при господстве государственной собственности это было немыслимо. Во-вторых, даю голову на отсечение, что Марков, Бубеннов и Смирнов не имели к этим щитам никакого касательства. В-третьих, что ж, ведь это только слова. Но какой звон устроили! Вслед за Евтушенко Генеральный прокурор Устинов немедленно заявил, что берет расследование под личный контроль, Татьяна Миткова именно с этих щитов начинала свои передачи как с важнейших новостей мирового значения... А где ж вы были, поэты, прокуроры и телеораторы, когда, например, в Кишиневе не только малевали стены грязными русофобскими словами, а убивали русских, как убили паренька Диму Матюшина только за то, что он на улице заговорил по-русски? Что ж вы молчали, стихоплеты, холуи режима и телекурвы, когда в Намангане толпа озверевших националистов сожгла живьем пять русских солдат? С. Кара-Мурза в содержательной и талантливой книге «Евреи, диссиденты и еврокоммунизм» (М., Алгоритм. 2002) пишет: «Э. Фромм в известной книге «Анатомия человеческой деструктивности», подробно цитируя исследования Б. Баттельхайма о поведении разных групп людей в нацистских концлагерях, говорит, что именно «аполитичные заключенные из среднего класса (особенно евреи)» вели себя не солидарно и были пособниками СС: «Они принимали все слова и действия СС как совершенно законные и возражали только против того, что они сами стали жертвами; а преследования других они считали вполне справедливыми» (с. 37). И это мы видим теперь у нас.

Там же читаем, что, по американским данным на 1993 год, 35—40 миллионов взрослых жителей США «бесспорно являются антисемитами». Это в пору экономического процветания и радости от победы в холодной войне! А как только возникает едва заметный кризис, к которому каким-то боком можно прилепить евреев, «антисемитизм достигает белого каления». И автор приводит

такой пример. В 1973 году после арабо-израильского конфликта возник нефтяной кризис. Приехавший в те дни из США приятель «рассказывал в ужасе: подскочили цены на бензин, и множество американцев нацепили круглые значки «Убей еврея!». Значки эти продавались на каждом углу». Свобода!.. Между прочим, Евтушенко, вероятно, по заданию КГБ, был тогда очередной раз в США и, надо полагать, видел этот словесный разгул антисемитизма собственными глазами. Спрашивается, чего ж опять промолчал? почему не обрушил на головы антисеми-

тов очередную железобетонную поэму-проклятие? Вот и дождался, что скоро ему под окном поставят щит «Смерть жидам в России и Америке!».

ЖЕРТВЫ СОВЕТСКОГО ХОЛОКОСТА

А может ли Сарнов назвать конкретных людей, ставших жертвами зверского советского антисемитизма? Конечно! Вот, говорит, хотя бы мой друг Гриша Свирский. Он писал: «Меня не утвердили в должности члена редколлегии литературного журнала, потому что я еврей». Что ж, в принципе это могло быть. Один такой факт мне тоже известен достоверно. Им поделился со мной в свое время упомянутый выше покойный М. Синельников, царство ему небесное. В 1958 году, когда я работал в «Литературной газете», мне довелось напечатать там его статью о Николае Кочине (в 1976-м вышла его книга о нем). Это была первая публикация начинающего критика. С тех пор до его смерти в октябре 1994 года у нас были самые добрые отношения. А в 70-х годах он сидел в том же кабинет «Литгазеты», который когда-то занимал я. Эта должность предполагала членство в редколлегии, но Александр Чаковский, тогда главный редактор газеты, пообещав через какой-то срок ввести Синельникова в редколлегию, что-то тянул время. Прошли все сроки. Тогда Миша поставил вопрос ребром: или редколлегия, или я ухожу. И вот, как он рассказывал, Чаковский ему признался: «В руководстве газеты столько евреев, Миша, что не могу я ввести в редколлегию еще одного. Перебор! Газета превращается в орган московских евреев». Как мы видели по признанию В. Перельмана, это святая правда, но Миша был человек гордый, он ушел из «Литгазеты» в «Литературу и жизнь».

Вот такая внутриеврейская антисемитская история, и время, и действующие лица, и место происшествия которой известны. А что за «литературный журнал», где не утвердили Свирского? Кто именно не пожелал видеть его в редколлегии? Когда это было? Бог весть!.. Я Свирского знал. Писатель он небольшой, ныне забытый, а скандалист выдающийся. Так не резоннее ли предположить, что именно по этим причинам или из-за помянутого «перебора» его и не ввели в редколлегию какого-то таинственного журнала? Уже давно он живет в Израиле. А главное, какой же это государственный антисемитизм, если виновником неутверждения еврея в должности мог быть всего один человек — главный редактор журнала, который, разумеется, мог оказаться лично и антисемитом.

Кто еще жертва? Оказывается, Борис Слуцкий. Он «испытал все прелести политики государственного антисемитизма». И ни единого прелестного факта! Да и где их взять? Провинциальный юноша поступает в столичный юридический институт. Не понравилось — через два года перешел в литературный, который успешно закончил. Вступил в партию. На фронте был сперва военным следователем, потом политработником. Награжден тремя орденами, дослужился до майора, вернулся в Москву. На литературном пути ему содействовали, о нем писали такие мэтры, как Антокольский, Эренбург, Светлов, Симонов, Самойлов,

знаменосец Евтушенко... Обо мне, например, из них писал только знаменосец, причем совсем не ласково. Ну, конечно, были у поэзии Слуцкого и противники. Вспоминаю статью Сергея Григорьевича Острового «Дверь в потолке», напечатанную в «Литгазете». Но это уж очень трудно отнести к прелестям антисемитизма...

А вот еще кошмарная судьба Владимира Войновича, тоже друга Сарнова и упомянутой Аси Берзер. В рахитичной статейке «Фашисты и коммунисты в одном строю» (это любимая мысль и Бенедикта Михайловича), напечатанной в «Литгазете» (№52, 1998), он писал: «Бытовой антисемитизм присутствует всюду — в какой стране мира не рассказывают анекдотов о евреях». Боже мой, да у нас больше рассказывают о чукчах, но они же не шумят об античукчизме. А сколько анекдотов о Чапаеве, о Петьке и Анке? Есть они и в книге Сарнова. Дальше: «Можно ли говорить о вине СССР перед евреями?» Подумал бы лучше, можно ли молчать о долге евреев перед СССР. Хотя бы за спасение миллионов во время Отечественной войны, не говоря уж о создании государства Израиль, куда потом укатили сотни тысяч спасенных,— он не появился бы на карте мира без энергичного содействия СССР и лично Сталина. Дальше: «У нас, слава богу, не было холокоста». Пронесло, дескать. И как язык поворачивается!.. «Но, безусловно, были совершены прямые преступления против евреев, вспомните «дело врачей», расстрелы еврейской интеллигенции». Во-первых, в «деле врачей», где были и русские, никто не пострадал. Во-вторых, расстрелы евреев? А кто были по национальности Павел Васильев, Николай Клюев, Николай Вавилов? Евреи? А кто по национальности хотя бы Троцкий и Ягода, творившие расправы главным образом над русскими? Но идем дальше: «Я уж не говорю о «чистоте кадров», когда во всех ведомствах следили, чтобы у сотрудников пятый пункт был в поряд-

ке». Не во всех ведомствах, но в некоторых за этим действительно следили. И правильно делали, ибо, как сейчас обнаружилось, у множества евреев оказались родственники за границей, а в иных «ведомствах» это крайне нежелательно. Такие «ведомства» есть во всем мире. Взяли бы на работу в Госдепартамент США человека, имеющего тетю в Саратове? А о чем-то говорит и тот факт, что сотни тысяч советских евреев, как уже сказано, при первой возможности сами рванули за бугор? Например, в последнем адресном справочнике московских писателей 2000 года приведен список недавно уехавших. В нем 70 имен, больше половины — еврейские: от Аксельрод до Шнитцер. А какие у Войновича доказательства дискриминации «по пятому пункту»? Оказывается, тут у него личный горький опыт: «Меня в Литературный институт в свое время не приняли потому, что в приемной комиссии решили, что моя фамилия еврейская, хотя она сербская (моя мать еврейка, но в институте этого не знали)». Тут уже действительно попахивает госантисемитизмом, ибо будущий путинский лауреат оказался жертвой не одного человека (главного редактора, как Свирский), а приемной комиссии, целого института. Но откуда же Войнович узнал, что его не приняли именно как еврея? Неужели в приемной комиссии ему так и сказали: «У нас идеологический вуз, евреев не принимаем. Иди в пищевой». Или его Свирский надоумил?

КАКАЯ ЖИЗНЬ НОРМАЛЬНЕЕ?

Сарнов рассказывает, как некий князь в свое время обратился к директору какой-то московской гимназии с просьбой принять мальчика Борю Пастернака. И

получил такой ответ:

«Ваше сиятельство!

К сожалению, ни я, ни педагогический совет не можем ничего сделать для г. Пастернака: из 345 учеников у нас уже есть 10 евреев, что составляет 3%, сверх которых мы не можем принять ни одного еврея, согласно Министерскому распоряжению... К будущему августу у нас освободится одна вакансия для евреев, и я от имени педагогического совета могу обещать предоставить ее г-ну Пастернаку».

Документик несколько сомнительный: ни имени директора, ни номера гимназии, ни даты... Но никто не отрицает, что была процентная норма для евреев как одна из особенностей дореволюционной жизни. И важно заметить, что, по убеждению Сарнова, эта жизнь была «гораздо более нор-

мальная, чем советская», несмотря на то, что тогда норма была 3%, а в советское время... Но об этом дальше. А тут приходится сказать Войновичу, что он ничем не превзошел буйного израильтянина Свирского, ибо ведь не представил же он письмо из Литинститута, в котором говорилось бы: «К будущему августу освободится одна вакансия для евреев, тогда и приходите. Примем согласно Министерскому распоряжению...» Здесь можно добавить вот что. Летом 1946 года я тоже получил от приемной комиссия Литературного института отказ. А ведь у меня, русского, были большие преимущества перед Войновичем: я пришел не со школьной скамьи, а с фронта, имел боевые награды, уже печатался... Но я по своей национальной кротости не стал вопить о русофобии в сионистском институте, а послал свои публикации его директору Федору Васильевичу Гладкову и вскоре получил телеграмму: «Вы допущены к экзаменам».

КАК СЛЕПОМУ НАЙТИ «ПРОЖИДЬ»?

Но Сарнов беспощаден в изобличении того, как антисемитизм поразил всю жизнь и проник в каждую пору: «Академик Понтрягин и другой знаменитый математик, ставший впоследствии крупнейшим идеологом антисемитизма, Игорь Шафаревич, у себя там, на математическом факультете МГУ, установили такую систему экзаменов, что не имел шанса просочиться даже абитуриент с самой микроскопической прожидью. Эта их система была куда более совершенной, чем жалкие «нюрнбергские законы» их педантичных немецких коллег». Легко и бесстыдно ставит покойного академика и его ученика на одну доску с немецкими фашистами. Хоть бы принял во внимание, что «жалкие» нюрнбергские законы беспощадно запрещали не только браки между евреями и немцами, но и внебрачные половые отношения между ними. А ведь Сарнову никто не помешал жениться на украинке. При некоторой фантазии можно допустить, что он имел внебрачные отношения с представительницами и других 127 наций и народностей СССР, включая чукчей. И тоже безнаказанно!.. А между тем, Л. С. Понтрягин, как известно, с тринадцати лет был слепым и уже по одному этому не мог иметь никакого отношения к «системе экзаменов» с предварительной проверкой на «прожидь». Не имел к ней отношения и И. Р. Шафаревич. Экзамены —дело администрации, а оба академика к ней не принадлежали. Тем более что работали в Математическом институте Академии наук.

С какой же стати кинулся Сарнов хотя бы на первого из них? Дело скорее всего вот в чем. В воспоминаниях Лев Семенович писал об одной своей аспирантке: «Она меня совершенно поразила... Жаловалась мне, что в текущем году в аспирантуру принято совсем мало евреев, не более четверти всех

принятых. А ведь раньше, сказала она, принимали всегда не меньше половины». Этих строк вполне достаточно, чтобы сарновы на всю жизнь возненавидели как фашиста знаменитого ученого и мученика, лауреата Сталинской (1941) и Ленинской (1962) премий, Героя Социалистического Труда (1969), гордость русской науки. А ведь данные, приведенные аспиранткой, стоят в одном ряду с цифрами, которые мы уже знаем.

ВРУКОПАШНУЮ С ЯДЕРНОЙ СВЕРХДЕРЖАВОЙ

И треп о недоступности для евреев МГУ, вообще высшего образования продолжается: «Тут я мог бы рассказать тьму-тьмущую разных историй. Но расскажу только одну, услышанную от одной моей близкой приятельницы». Уже были «один старый газетчик», «один журнал», «один писатель» и вот — «одна приятельница», еврейка. Да что мешает теперь-то назвать имена? Ведь это все по нынешним временам либо бесстрашные герои, либо страдальцы тоталитарного режима. Нет, он на всякий случай промолчит.

И вот: «Сын приятельницы обнаружил выдающиеся математические способности и, естественно, хотел поступить на математический факультет МГУ. Тщетно все знакомые твердили, что это совершенно безнадежное предприятие: для евреев, даже для подозреваемых в слабой причастности к «пятому пункту», там установлен совершенно непреодолимый барьер. (Дело было в середине 1970-х). Но приятельница на все эти уговоры не поддалась и решила предоставить своему выдающемуся мальчику возможность схватиться врукопашную с могучей ядерной державой». Кто были эти уговорщики? Надо полагать, евреи. Это не удивляет. Удивительно другое: почему 17—18-летний парень именуется мальчиком, а мать решила ему «предоставить возможность»? Не только в середине 70-х, но и гораздо раньше выпускники школ решали этот вопрос, за редким исключением, сами. Я, например, поступал в шесть вузов, и всегда принимал решение вполне самостоятельно. Но как бы то ни было, а малый ринулся в рукопашную схватку с ядерной сверхдержа--

вой. И что же? «Выдающийся мальчик это сражение, конечно, проиграл...»

К слову сказать, моя дочь, в которой нет ни грамма «прожиди», тоже с первого захода не прошла в МГУ. Но через год она ринулась второй раз в рукопашную схватку с ядерной сверхдержавой и одолела ее.

Так был ли мальчик-то выдающийся? А если был, то что с ним потом произошло? Поступил он все-таки или нет? Молчание... Это излюбленный прием Сарнова: ошарашить ужасающей историей, а чем она закончилась — утаить. Живописует, например, как его в Литинституте исключили из комсомола (теперь-то ясно, что совершенно справедливо). Уверяет, что делом занимался — представьте себе! — «сам Жданов», что «близка была тогда разинутая пасть ГУЛАГа», что он «чуял уже ее зловонное дыхание, спинным мозгом ощущал смертельную опасность». И что же в итоге? Довольно скоро ЦК ВЛКСМ отвел «смертельную опасность» — восстановил Сарнова в комсомоле, институт он окончил в тот же год, что и все однокурсники, а вместо зловонного ГУЛАГа попал в члены благоуханного жюри ЦК по комсомольским премиям. Но обо всем этом — ни звука. Можно подумать, что, ободрав всю кожу, едва вырвался из разинутой пасти.

ЧИСТО ЕВРЕЙСКОЕ САМОУБИЙСТВО

Пообещав рассказать «только одну» историю о живодерстве в МГУ, Сарнов не удержался и поведал вторую, еще более ужасную. На сей раз о русском мальчике, да еще из Сибири, тоже «выдающемся математике». «Он был просто раздавлен, изо дня в день наблюдая, как прославленные профессора сладострастно топят одного блистательного абитуриента за другим, не жалея ни сил, ни времени, тратя по пять часов на каждого». Профессионал, ну, во-первых, каким образом твой новый вундеркинд мог изо дня в день сидеть на чужих экзаменах, тем более что ему надо было готовиться к собственным? Кто бы ему разрешил это? Во-вторых, ну кто тебе поверит, что прославленные профессора, т. е. люди пожилые (если Л. С. Понтрягин, то ему было тогда под семьдесят) тратили на каждого поступающего по пять часов, чтобы завалить? Да и зачем? Ведь это можно гораздо быстрее. Наконец, чего же хотели «прославленные», если безжалостно топили и евреев, и русских, и всех «блистательных» без разбора? Кого они в таком случае принимали — только чукчей, что ли, и притом тупых? «Несчаст-

ный русский мальчик не знал, какая играется тут игра». И я не знаю, хотя давно не мальчик. А ты сам-то знаешь? Впрочем, твой второй вундеркинд, оказывается, до экзамена не дошел, но «убедившись, что такой экзамен ему нипочем не выдержать, он забрался на самый высокий этаж прославленного Московского университета и кинулся вниз». Как жаль, что не прихватил с собой некоторых московских сочинителей... «Если бы это случилось с еврейским мальчиком...— просвещает нас автор.— Что ж! Еврейскому мальчику это на роду написано. И эта история была бы настолько банальной, что мне даже в голову не пришло бы о ней рассказывать. Мало ли было таких историй!» Вот кошмар-то! Еврейским мальчикам, оказывается, на роду написано сигать с верхних этажей высотных зданий, знать, специально построенных для этого в Москве антисемитом Сталиным. И опять: «Да, историй о наглой, подлой, гнусной дискриминации школьников-евреев, тщетно пытавшихся поступить в разные советские вузы, мне приходилось слышать множество. И были среди них совершенно чудовищные!»

ПОЧЕМУ Я НЕ ПЕВЕЦ

Но как же так? Такие жуткие преграды, такая вопиющая несправедливость, а вот цифры: в нашей стране 68% евреев имеют высшее образование, а еще 8% — незаконченное высшее, т. е. они поступали, были приняты, но по каким-то причинам прервали, не завершили учебу. Таким образом, всего в вузы было принято 76% евреев, а вместе с принятыми в техникумы — 90. Цифры эти нам сообщили не антисемиты Марков, Бубеннов или Смирнов с того света, а живая товарищ Рывкина Раиса, кажется, Ивановна, доктор, профессор из Академии наук, сотрудница знаменитой Заславской Татьяны, кажется, Ивановны, академика. Эти цифры — из ее книги «Евреи в постсоветской России: кто они?» (М.,1996). Надо полагать, Сарнов уверен, что евреев не только душат на пороге вузов, но и тем из них, которым все же удается проскользнуть и получить высшее образование, дальше не дают никакого хода. Но вот еще одна поразительная цифра: в 1982 году число докторов наук среди евреев в процентном отношении было в 17,5 раза больше, чем среди русских. Да вот же и наперсный дружок Войнович признает в своей последней книге, что когда он работал на радио, в его редакции «не меньше чем половину составляли евреи и полукровки вроде меня» (с. 213). Не меньше, а мо-

жет, и больше. И нет никаких сомнений — все с высшим образованием.

Разумеется, у евреев есть очень красивое объяснение этих удивительных, ни в одной другой стране не возможных цифр. Так, С. Кара-Мурза приводит слова философа Д. Фурмана: «Несмотря на все препоны, создававшиеся советским антисемитизмом, на ограничения при приеме во все вузы и просто невозможность для евреев поступить в некоторые, наиболее престижные из них, евреи значительно, на порядок образованнее русских (в количественном смысле, конечно.— *В. Б.),* что объяснимо лишь громадной, преодолевающей все препоны тягой к образованию». Значит, философ признает, что свою громадную тягу евреи удовлетворяют не путем, скажем, домашнего образования, а в вузах. Но как же все-таки они туда проникают, если везде ограничения, всюду препоны, кругом заслоны? У меня, например, всю жизнь была громадная тяга стать оперным певцом, но там же перед безголосыми железный заслон, и мне прорваться не удалось. А евреи?..

ГОВОРЯТ СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Самый престижный в стране вуз — это, конечно, Московский университет. Я там, к сожалению, не учился, но вот что пишет Ст. Куняев: «Смотрю на громадное фото нашего выпускного курса 1957 года, читаю фамилии, вглядываюсь в лица и понимаю, что не менее сорока студентов из двухсот двадцати, поступивших на первый курс филфака, были евреями... Судя по сегодняшним стенаниям борщаговских и Рыбаковых (которым он лет до пятидесяти верил), в те годы государственный антисемитизм якобы достиг такого накала, что легче было верблюду пролезть сквозь игольное ушко, нежели бедному еврейскому отпрыску войти под своды главного храма науки... А тут почти двадцать процентов — еврейские юноши и девушки!» Почти двадцать!..

Литературный институт — по-своему не менее престижный вуз, чем МГУ. Вот и передо мной старая фотография. 1950 год. Во дворе Литинститута на его фоне стоят по дуге в два ряда студенты этого года выпуска. В центре — Константин Симонов, он был в тот год председателем экзаменационной комиссии. С левого края во втором ряду с папиросой в руке — проректор В. А. Смирнов, тот самый знаменосец антисемитизма. Кто же рядом со знаменосцем? Слева — Гриша Хейфец (Куренев); справа — Володя Шорор, Костя Левин, Володя Корнилов (по выражению Сарнова, «полтин-

ник»), Сережа Файнберг (Северцев); впереди — П. Г. Печалина, Инна Гофф, Берман (забыл имя). Ведь нарочно не придумаешь такое окружение для знаменосца... А всего на снимке 24 человека, из них 12 евреев (13-й — Александр Шендерович-Ревич — отсутствует), 1 аварец, 1 армянка, 2 украинца и 8 русских. Восемь!.. То есть евреев 50 процентов, а русских — 33. Вот какие антисемитские цифры нас преследуют. А ведь Смирнов был и проректором, и завкафедрой творчества, и секретарем парткома института, т. е. имел большую власть и мог бы многое сделать для оправдания клички знаменосца, данной ему Сарновым. И что же, пользуясь ею, он препятствовал приему евреев? губил их дипломы? изгонял преподавателей евреев? Да ведь там такая была «прожидь», что сопоставима разве лишь с прежней поликлиникой Литфонда да с нынешним телевидением. А право жаль, что кое-кого Смирнов не сослал в кандалах на Колыму. И между прочим, вспоминаю, что два таких небезызвестных русака, как поэт Василий Федоров и автор этих строк, за свои дипломные работы получили у Смирнова тройки. По отношению к Федорову это была вопиющая несправедливость. Вот бы и Сарнову вместо рассказа о «чудовищных историях», неизвестно когда и с

кем происшедших, посмотреть на студенческие фотографии, вспомнить нечто вполне конкретное и документально достоверное. Например, как сам он в 1946 году поступал в Литературный институт. Большинство поступавших были только что вернувшиеся с войны солдаты и офицеры, многие уже печатались, а он, по собственному выражению, «желторотый юнец», вчерашний школьник, еврейский мальчик, возросший у Елисеевского магазина, и за спиной — никаких литературных деяний, кроме школьных сочинений о Татьяне Лариной и «лишних людях». Однако же приняли!

Всего за пять лет через наш курс вместе со студентами-иностранцами и теми, кто внезапно появлялся и внезапно исчезал, прошло 37 человек, но в 1946 году нас было принято 25 честолюбцев. И среди 25 этот милый Сарнов, а также Фридман, Иоффе, Шлейман, Нидерле, Сорин, Марголин — кто тут не еврей? Поскольку Бенедикт уверяет, что в приемных комиссиях выискивали и душили на пороге вузов даже тех, кто «с самой микроскопической прожидью», то можно назвать еще Винокурова, Коршунова, Друнину, Поженяна — у них матери еврейки, позже двое первых и сами женились на еврейках, а Друнина стала женой известного Каплера... Так сколько же получается вместе с «прожидью»? Одиннадцать

человек. Да ведь это 44 процента! И мы в великорусской кротости своей не протестовали. Признаюсь, что у меня лично с одним из них на последнем курсе произошел острый конфликт, а с остальными и в институте и после были самые добрые, даже дружеские отношения: с Андреем Марголиным после первого курса — впервые в жизни! — ездили вместе туристами на Кавказ, Женю Винокурова позже я возил в свою деревню, у Люды Шлейман в Фурманном переулке частенько собирались мы почитать стихи и погудеть. Правда, однажды я ее ужасно напугал. Утром в день экзамена по старославянскому языку она получила телеграмму: «Зрю сквозь столетия: двойку обрящешь днесь. Феофан Прокопович». Получив четверку, Люда показала телеграмму экзаменатору, В. Д. Левину. Тот спросил, кто мог ее послать. Люда ответила: «Скорее всего Бушин». Виктор Давидович сказал: «Передайте ему, что он может не приходит на экзамен. Я ставлю ему в ведомости пятерку...» Милые мои друзья прекрасной советской молодости, незабвенные наши профессора... Пошли вам Бог вечный покой и благодать... Как сказал Женя Винокуров,

Я не решаю сложную задачу,
Глубинную загадку бытия.
Я ничего не знаю. Просто плачу.
Где все понять мне! Просто плачу я...

Вот и сопоставь, Беня: 3 процента евреев-гимназистов в обожаемое тобой царское время и в 15 раз больше студентов при советской власти, проклинаемой тобой. Это тоже вина СССР перед евреями?.. Из приведенных цифр поступающих в вузы евреев (20 — 44 — 50 процентов) и выросли цифры их высокой образованности: 68 — 76 — 90 процентов. И не только это... 24 марта 1953 года три секретаря Союза писателей СССР, А. Фадеев, А. Сурков и К. Симонов, направили в ЦК КПСС письмо «О мерах секретариата Союза писателей по освобождению писательской организации от балласта». Уж они-то знали проблемку. И вот — допекло всех троих... В письме говорилось: «Из 1102 членов Московской писательской организации русских — 662 (60%), евреев — 328 (28,9%), украинцев — 23 человека, армян — 21, других национальностей — 67 человек». Как видим, соотношение русских и евреев в русской столице 2:1. В чем

дело? С одной стороны, в приведенных выше цифрах, в частности цифрах студентов Литинститута. Но не только. У трех секретарей было и свое объяснение: «Такой искусственно завышенный
309
прием в Союз писателей лиц еврейской национальности объясняется тем, что многие из них принимались не по литературным заслугам, а в результате сниженных требований, приятельских отношений, а в ряде случаев и в результате замаскированных проявлений националистической семейственности» («Независимая газета», 29. IX. 2000). Непонятно, кстати, что хотел сказать в связи с этим письмом Ст. Куняев в своих воспоминаниях: «Что мне было делать, если родная партия серьезно прислушивалась к тому, что говорят Борщаговский, Гофман, Симонов. Да, тот самый Симонов, который в марте 1953 года написал Хрущеву письмо с предложением очистить Союз писателей от бездарных еврейских литераторов, пролезших туда благодаря связям, ничего талантливого не создающих и живущих за счет литфондовских пособий». При чем здесь родная партия? И что говорили Борщаговский? И кто слушал Гофмана? И почему Симонов тут в компании с ними, а не в одном ряду с Фадеевым и Сурковым?.. Судя по недоброму отношению автора к Симонову на протяжении всей книги, он осуждает и это письмо в ЦК, но почему лишь одного автора, а не всех трех?

А вот вам конкретные факты приема в Союз писателей. Меня приемная комиссия, которую возглавлял Анатолий Рыбаков, отвергла и принял в конфликтном порядке после дополнительного рассмотрения и рецензирования (Е. Ф. Книпович) лишь Секретариат Московского отделения; было мне 43 года. А Сарнова приняли с ходу, когда ему едва перевалило за 30...

«ЖИДОВСКАЯ МОРДА», СКОРЧЕННАЯ САРНОВЫМ

Наш мемуарист никак не хочет отлипнуть от alma mater как цитадели государственного антисемитизма и сообщает нам вот что: «В Литературном институте на одном курсе со мной учился студент С, обладавший ярко выраженной еврейской внешностью. Такой еврейский нос, как у него, можно было встретить нечасто. И вот однажды другой студент, без всякого к тому повода, ну просто так, ни с того ни с сего, с криком «жидовская морда!» врезал кулаком по этому выдающемуся еврейскому носу. Хлынула кровь. Драчуна оттащили, пострадавшему оказали первую помощь...»

Вы только подумайте, какая зверская картиночка! Ведь не где-то в темном переулке, а в общественном месте, в храме литературы с диким воплем лупцевали в кровь обладателей еврейских носов, прорвавшихся в институт. Ну просто
310
«хрустальная ночь» среди бела дня в центре Москвы! И это при том весомом контингенте евреев не только среди студентов, о чем уже говорилось, но и среди преподавателей: Белкин, Бровман, Исбах, Кунисский, Левин В., Левин Ф., Металлов, Нечаева, Новицкий, Печалина. Симонян (Ежерец), Фейгина, Ширина — кто тут не еврей? Кажется, почти все они справлялись со своими обязанностями и были вовсе не плохими людьми, но это же больше половины преподавательского состава. А что видим среди руководителей творческих семинаров? Антокольский, Голодный, Долматовский, Матусовский, Светлов, Сельвинский, Субоцкий, Шкловский — кто тут русский? И опять — немало среди них интересных писателей, но и тут больше половины!.. Что ж не сплотились против антисемитов обладатели еврейских носов? А видел ли Сарнов своими глазами ту «хрустальную ночь среди бела дня»? Нет, не видел. Но несколько раз опубликовал ужасающую историю в книгах да еще огласил на всю

державу по радио, уверяя как очевидец, что она разыгралась в коридоре института.

А вот что поведал без всякой утайки об этом кошмаре в своих воспоминаниях «Лобное место» (М., 2000) Михаил Годенко, тогда студент этого же курса и даже участник события: «Помню взрывной случай. На одной из лекций Семен Сорин, сидевший сзади Малова, разговаривал с соседом. Малов сделал ему замечание. Сеня, не задумываясь, ответил: «Заткнись, говно!» Обиженный с разворота, с левой наотмашь стеганул по лицу обидчика. Сорин тоже не из флегматиков. Рывком вскочил, вырвал из-под себя стул, занес его над головой Малова... Могла произойти трагедия. Пришлось мне, моряку-балтийцу, вмешаться в конфликт. Успел выхватить занесенный для удара стул, поставил на место. Взяв под локоть Сорина, вывел его из аудитории (от греха подальше!), посадил на низкий подоконник в конце коридора. Сорин бушевал, грозил жестоко отомстить...» (с. 13). Итак, что же мы видим? Во-первых, дело было не в коридоре, а на лекции, притом, добавлю, упомянутого В. Д. Левина, читавшего курс старославянского языка. Это уже ставит под большое сомнение «жидовскую морду» в устах студента. Во-вторых, уверения Сарнова, что Сеня схлопотал «без всякого повода, просто так, ни с того ни с сего» достойны лучших афоризмов Свирского и Войновича, отравленного КГБ. В-третьих, оскорбительный выкрик действительно имел место, но принадлежал не Малову, а Сорину и имел несколько другой смысл и направленность. В-четвертых, потока крови и первой помощи пострадавшему не было, а была элементарная

пощечина. В-пятых, Сеня отнюдь не проявил здесь свою незлобивость и готовность простить.

Вы думаете, это все? Не тот человек Сарнов, у него мунблитовская закалка... Он продолжает: «Обладатель еврейского носа легко согласился с товарищами, уговаривавшими историю эту оставить без последствий. Но вмешалась комсомольская организация. Возникло персональное дело. Объектом разбирательства стал и получил суровое комсомольское взыскание, однако, не студент, который ударил, а тот, которого ударили... Обвинялся он в том, что спровоцировал русского человека на драку... Спровоцировал своей ярко выраженной «жидовской мордой». Точнее, носом. Такой нос не мог не возмутить и не вывести из себя истинно русского человека». Вероятно, Сарнов думает, что говорит все это о национальной кротости великороссов как истинно еврейский человек... А какое же суровое взыскание получил невиновный Сорин? Ведь очень выигрышно назвать. Но автор молчит. Почему? А потому, что никакого взыскания не было. Почему? А потому, что комсомольская организация не вмешивалась и никакого персонального дела не было. Почему? А потому, что Малов был не комсомольцем, а членом партии, Сорин же — ни членом партии, ни комсомольцем не был. Уж это все я знаю точно, поскольку был тогда членом комсомольского комитета, а потом и его секретарем. Из всего сказанного предельно ясно, кто тут истинный провокатор и антисемит. И, к слову сказать, жестоко избитый Сеня пережил своего истязателя на 47 лет...

МАНДЕЛЬШТАМ И ПРОБЛЕМА РОССИЙСКИХ СОРТИРОВ

Как говорилось в начале статьи, Сарнов — великий энтузиаст защиты культуры вообще, русской культуры в частности и особенно — русского языка. Это, пожалуй, даже главное в его последних книгах. Что ж, прекрасно! Как же именно защищает он эти духовные ценности? Прежде всего, проходится по

именам известных русских писателей от Горького до ныне здравствующего Николая Доризо и лепит им ярлыки такого пошиба: «чучело», «слюнтяй», «холуй»... А чаще — известного фекального характера: «г...о», «г...к», «г...ед» и т. д. Иногда это делается мимоходом, иногда сопровождается байкой. Так, пишет, например, что когда арестовали Л. Авербаха,

то одна талантливая русская поэтесса, «выступая на партийном собрании, на котором клеймили разоблаченного, сказала:

— Даю слово коммуниста, что ни в какой связи с врагом народа Авербахом, кроме половой, я не состояла».

Это, видите ли, сарновский юмор. Но ничего подобного быть не могло не только потому, что молодой поэтессе чужд такой цинизм и непристойность (это недоступно пониманию Сарнова), но и просто потому (уж это-то он должен понять), что она была беспартийной. Какое же «слово коммуниста»? Да ведь и замужем. И вот при живом муже публично такие хохмочки? На это способны только существа, подобные нашему критику, да иные активисты телепередач Ханги... Что же касается «г..на», то, как мы уже видели и раньше, критик так привержен к нему в его разных ипостасях, словно ничего прекраснее на свете и быть не может. Так, на странице 485 оно трижды шибает в нос. Отсюда повышенный интерес с тому, что он назвал «проблемой российских сортиров».

Вот однажды побывал критик в гостях у Надежды Мандельштам. О чем конкретно они долго беседовали, не рассказывает, но счел нужным сохранить для истории русской литературы вот что: «Провожая меня, она кивнула на дверь в прихожей: «Первый раз в жизни у меня отдельная уборная». Конечно, Надежда Яковлевна прожила жизнь нелегкую, но все же не всегда без отдельной уборной. Об этом свидетельствует хотя бы Эмма Герштейн, большой друг семьи. Она рассказывает в своих «Мемуарах» (М., 1998), что в 1933 году Мандельштамы получили отдельную двухкомнатную квартиру в писательском доме в Нащокинском переулке. Они не имели права на эту квартиру, поскольку Осип Эмильевич не состоял в Союзе поэтов, построившем дом. Однако «энергия Мандельштамов преодолела все препятствия. Мандельштам был включен в список членов кооператива, но какая-то неуверенность чувствовалась до самого последнего дня. Как только был назначен день вселения, Надя с ночи дежурила у подъезда, поставив рядом с собой пружинный матрац. Утром, как только дверь подъезда открыли, она ринулась со своим матрацем на пятый этаж и первая ворвалась в квартиру. И вот врезан замок, вселение свершилось.

Квартирка казалась нам очаровательной. Маленькая прихожая, напротив — дверь в крошечную кухню, направо — неописуемая роскошь! — ванная, рядом уборная» (с. 40). Именно такая, отдельная. Никто, кроме поэта и его супруги, ею не пользовался.

КУДА КОНЬ С КОПЫТОМ...

Осветив как смог сортирную проблему, Сарнов объявил «благословенным» русский мат и в интересах русской литературы оснастил похабщиной да матерщиной всю книгу. Это отвращало и у Астафьева, но тот все-таки изведал сиротство, беспризорщину, бродяжничество, в юности — войну, было где набраться. А этот? Вырос, как уже отмечалось, на ступеньках Елисеевского магазина, с детства питался апельсиновым соком, слушал лекции профессоров с дореволюционным стажем, работал в «Пионерской правде», в «Пионере», был членом жюри конкурса имени Николая Островского, который проводил ЦК

комсомола, словом, ведь прожил жизнь под парниковой рамой, а тоже туда со своей клешней!.. Вот еще Ерофеев такой же. Но как эти словесно буйные гении беспомощны, банальны и жалки, когда их припирают. Этого Ерофеева недавно в телепередаче загнала в угол с его похабщиной группа молодых ребят. И как же он стал выкручиваться? Ну, самым пошлым способом! Вы, говорит, еще всего Достоевского не прочитали, а обо мне судите. Можно подумать, что он прочитал. Да и зачем читать всего? И никто не читал. Иные большие художники не любили его. Чайковский, например. А Бунин просто терпеть не мог. Да и при чем тут этот большой писатель, когда речь идет о писателе совсем иного масштаба. А дело в том, что такие, как Никита Михалков и Ерофеев, превратили Достоевского в канделябр, которым бьют по головам своих противников. Можно сказать и так: это их последнее убежище...

Да, картина у нас еще более удручающая, чем у Астафьева и даже Ерофеева, особенно для тех, кто помнит Беню ангинозным пай-мальчиком в Литинституте. Вполне в сортирном стиле выдержаны и образцы его остроумия, национального по форме и демократического по содержанию. Например: «Почему у нас всегда проблема с туалетной бумагой?» — «Потому что вся она уходит на сырье для производства сосисок». Смешно? Или: «Между понятиями «социалистические страны» и «сосиски сраные» гораздо более прочная связь, чем брежневское косноязычие». Весело? Или бесчисленные частушки, самая приличная из которых такова:

Жопа гола, лапти в клетку,
Выполняем пятилетку.

Зловонные слова он вкладывает в уста многим персонажам своей книги, от Твардовского до Сталина.

А вот, говорит, сгорая от нетерпения блеснуть остроумием и потешить нас, был у меня знакомый поэт, он не выговаривал букву «р», картавил у него, например, получалось: «Мы прошли говнило Великой Отечественной войны». То же самое видим у Войновича: «Во время войны и после (?) в газетах печатались приказы Верховного Главнокомандующего Сталина. Было несколько случаев, когда в слове «главнокомандующий» была пропущена буква «л».

Таков уровень их ума и сарказма, такова степень злобности. Трудно сказать, то ли это соревнование двух говнопоклонников, то ли один говнопоклонник у другого кучу украл. Так и шагает Сарнов через все 600 страниц своего сочинения с туалетной бумажкой в зубах, с голой жопой и с говнилом в уме и на языке. А за ним трусцой — Войнович...

САРНОВ И ЛЕВ ТОЛСТОЙ

А все это для контрастной выразительности обильно пересыпал мудреными заграничными словами: «аллюзия», «адюльтер», «тезаурус», «эвфемизм», «оксюморон», «перифраз», «макабрический», «флагеллант», «филиация», «эсктраполяция», «сублимация», «контаминация»... Некоторые из этих слов я не только не знаю, но и не нашел в словарях. Побежал по писательскому дачному поселку, пытал всех встречных-поперечных: «Что такое макабрический? А тезаурус?» Никто не знает! Даже Приставкин. А ведь он советник президента. Вдруг Путин завтра спросит его: «Анатолий Игнатьевич, много ли у нас в стране флагеллантов? И не кажется ли вам, что Чубайс — макабрический делец? Представьте мне об этом докладную записку». Что бедный Приставкин будет делать? Для кого ж ты пишешь, Сарнов, если тебя советники президента не понимают?

Да, мне иные из приведенных импортных слов неизвестны, так ведь я не стану и употреблять их, помня Льва Толстого, который писал критику Страхову, что если был бы царем, то приказал бы устраивать публичные порки писателей, которые употребляют слова, смысла коих не разумеют. И представьте себя, это прямо относится к Сарнову. Он высокомерно хмыкал: «Супердержава спотыкалась на каждом иностранном слове». Да еще уверял, что стукачи не знали слово «оксюморон». Возможно, однако и он, критик, дожив до 75 лет, имея специальное литературное образование, всю жизнь

копаясь в книгах и даже сочиняя их, употребляет слова, смыл которых ему неведом. Это тем более странно, что иные из этих слов имеют прямое отношение к литературе, к филологии.

Допустим, раз 10—15 он употребил в своем сочинении слово «перифраз» и хоть бы разочек правильно! Например, пишет: «Бытовал такой перифраз: «Союз нерушимый республик голодных...» Школьники распевали: «Союз нерушимый голодных и вшивых...» Где бытовал — у тебя на кухне? Какие школьники — твой отпрыск? Или вот божится, что «человек человеку друг» — это перифраз старого афоризма «человек человеку волк». Ведь лютая чушь! Разве этому учили тебя, Беня, незабвенные наши учителя Шамбинаго, Реформатский и Виктор Давидович Левин, царство им небесное?.. Никакие это не перифразы, а обыкновенные каламбуры, качество коих остается на совести их глухого популяризатора. Он думает, что если так или иначе перЕфразировать какие-то известные слова, то и получится перИфраз. А между тем греческое «peri» означает «вокруг», «около», «возле», т. е. это совсем не то, что русское «пере». Перифраз — это иносказание, передача смысла какой-либо фразы, оборота речи или слова другими словами. Например, не «лев», а «царь зверей». Прекрасно сказано об этом у Даля: «околичная речь, обиняк, говорить по говоренному, но другими словами». А в двух приведенных примерах, как и во всех остальных «перифразах» Сарнова, не другими словами сказано о том же, а почти теми же словами, но совсем о другом.

Дальше, беспощадно разоблачая Империю Зла, Сарнов пишет: «Велеречивость официального советского новояза особенно ярко проявилась в множестве однотипных гиперболических эпитетов. Тут было что ни слово, то гипербола». И дает длинный перечень «гипербол». Трудно поверить, но Сарнов и тут ничего не понимает. Гипербола — это тоже литературное преувеличение: «златые горы», «реки крови» и т. п. А два десятка слов, приведенных нашим грамотеем, это, во-первых, никакой не «новояз», а обыкновенные русские слова; во-вторых, это и не гиперболы. Так, он считает гиперболами слова «могучий», «беспримерный», «победоносный». Да какие же это гиперболы? Мы говорили: «Могучий Советский Союз». И тут не было никакого преувеличения. Так считал весь мир, половина которого восхищалась этим, а половина трепетала. Другое дело, во что превратили сейчас могучую страну такие вот апельсиновые грамотеи с высшим образованием. Мы говорили: «Беспримерный перелет Чкалова, беспримерный полет Гагарина». И действительно примеров,

аналогов они тогда не имели. Мы говорили: «Победоносная Красная Армия». И опять никакой гиперболы, ибо как же еще назвать армию, которая разгромила интервентов и белогвардейцев, дала прикурить японцам на Хасане и Халхин-Голе, решила все задачи, которые стояли перед ней в Финской войне, а Великую Отечественную закончила в Берлине, загнав туда фашистов и заставив их безоговорочно капитулировать? Сарнов уверенно зачислил в гиперболы и слова «небывалый», «неслыханный», «недосягаемый». Опять чушь. Все зависит от контекста. «Небывалый предатель Горбачев» — где тут преувеличение?

«Неслыханный политический оборотень Яковлев» — гиперболой и не пахнет. «Недосягаемый грамотей Сарнов» — это просто скучная документальная проза... Такой уровень познаний в чисто литературной сфере у литератора с пятидесятилетним стажем, автора многих книг, прямо-таки загадочен. Что такое гипербола, он должен был бы знать еще в школе, а перифраз — ну, на первом курсе Литинститута. Однако приготовьтесь к тому, что дальше еще загадочнее.

САРНОВ И ЛЕРМОНТОВ

Оказывается, наш друг путается не только в словах, выражениях, терминах иностранного происхождения (в них путается и его друг Войнович, не знающий, например, что такое писсуар), но и в чисто русских. А ведь все время внушает читателю, что и папа его — русский интеллигент и сам он — русский борец за величие русского языка. Например, пишет: «Статья стала главным пунктом вменявших (!) ему в вину преступлений». Что это такое? Как понимать? Или: «смертельно раненный Ленин этого сказать не мог». Этого не мог сказать и вполне здоровый Ленин, ибо смертельным называют такое ранение, в результате которого человек умирает. Ранение же от пуль Каплан, о чем здесь речь, таковым, к счастью, не было...

Известный оборот речи «за неимением гербовой пишут на простой» критик называет пословицей. А это поговорка. Конечно, простому смертному простительно не различать такие вещи, но матерый профессионал обязан знать, что пословица — это афористически сжатое, грамматически и логически законченное изречение поучительного смысла, по выражению того же Даля, «ходячий ум народа». Например, «что посеешь, то и пожнешь». В молодости Сарнов посеял в своей душе безразличие к лекциям профессора Шамбинаго,

дуриком сдавал ему зачеты, прикидываясь раненым фронтовиком, вот и пожинает в старости стыдобу. И опять повторю: перед нами же не эстрадный куплетист, не либреттист игривых оперетт, а критик, литературовед, изображающий себя знатоком и радетелем русского языка...

А как удивительны его суждения о многих словах! Пишет, что слово «знатный» означает лишь «принадлежащий к знати», и всякое иное употребление его (знатная доярка, знатная уха, знатная бекеша, у Некрасова — «морозец знатный», у Даля даже «знатно поплясали», и т. п.) есть не что иное, как «чистейшей воды лицемерие». Хоть стой, хоть падай!

Сарнова возмущают еще многие слова и речения: «жилплощадь», «зеленый массив», «пища», «поселок городского типа»... Да отчего же, допустим, «жилплощадь» или «стеклопосуда» хуже, чем «новояз» или «языкотворец», которые критик так часто употребляет в своей замечательной книге? Все эти слова образованы одинаково и совершенно равноправны. А «пища»? Лермонтов, не спросясь Сарнова, написал в своем гениальном «Пророке»:

И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи...

И «зеленый массив», и «поселок городского типа» имеют законное право на существование в соответствующем контексте. Язык имеет множество обличий — язык художественной литературы, деловой переписки, военных донесений и т. д. Похоже, что в языковом воспитании Сарнова коварную роль сыграла книга Чуковского «Живой как жизнь» (М., 1963), которую он благоговейно упоминает и цитирует. А ведь в этой книге немало весьма субъективных нелепостей.

Например: «Если бы чеховская «дама с собачкой» сказала при Дмитрии Гурове своему белому шпицу: «Ляжь!» — Гуров, конечно, не мог бы влюбиться в нее и даже вряд ли начал бы с ней разговор...» Какая недалекость! Какое чистоплюйство, отнюдь не только языковое! Да разве влюбляются лишь в тех, кто безукоризненно говорит? Ведь не академик же Яковлев, а Пушкин сказал:

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю...

В иных случаях «ошибочная» речь составляет едва ли не главное в очаровании женщины. Думаю, что Гуров понимал
318
это, как и то, что злоупотреблять тут, как у Сарнова, не следует.

Но Чуковский шел еще дальше, и автор сочувственно цитирует это: «Представьте себе, что ваша жена, беседуя с вами о домашних делах, заговорит вот таким языком: «Я ускоренными темпами обеспечила восстановление надлежащего порядка на жилой площади, а также в предназначенном для приготовлении пищи подсобном помещении...» После этого вы, конечно, отправитесь в загс и там из глубочайшего сочувствия к вашему горю немедленно расторгнут ваш брак». Вот как! Речь уже не о возможности любви, а о непременном расторжении брака...Но во-первых, браки у нас расторгают не в загсах, а в суде. А во-вторых, конечно, нелепо, если о домашних делах люди говорят таким языком. Однако же, в-третьих, все слова и выражения этой пародии вполне уместны в соответствующих текстах. Например, в докладе Юрия Лужкова: «Ускоренными темпами мы придаем Москве американизированный вид» и т. д.

САРНОВ И ПУШКИН

Возмущает критика слово «мастер», когда так называют писателя или другого художника. В известном телефонном разговоре Сталин спросил Пастернака о Мандельштаме: «Он мастер?» Сарнов и его друг Шульман негодуют: «Почему «мастер»? Откуда такая терминология?» Право, я отказываюсь понимать этих художников. Да почему они с Шульманом до сих пор не объявили, что знаменитая статья Максима Горького «С кем вы, мастера искусств?» озаглавлена нелепо и безграмотно! Они с Шульманом знают, как видно, только такое значение этого слова: мастер сапожный, портной, доменный, мастер огурцы солить... А оно давным-давно употребляется гораздо шире. Кто ж виноват, что Шульман и Сарнов тугоухи и подслеповаты.

Несколько раз Сарнов потешается над строками когда-то очень популярной прекрасной песни:

Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца — пламенный мотор...

Мотор вместо сердца? Фи, как можно! Это ужаснее, чем «мастер»! Какая нелепая индустриальщина!.. Между прочим, давным-давно в «Комсомольской правде» вот так же потешались над этими строками Ф. Бурлацкий и Л. Карпинский.
319

Так что и тут, как обычно, Сарнов лишь подъелдыкивает собратьям. И опять,

словно участкового, чтобы унять скандалиста, приходится вызывать на помощь Пушкина:

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул...

Ведь здесь еще более ужасная трансплантация: мотор-то работает, дает энергию, а уголь попылает и станет золой. Но вот уже почти два века люди твердят: «Гениально!»

САРНОВ И ОПЯТЬ СТАЛИН

Но самое примечательное здесь такое рассуждение: «Называя советских писателей инженерами человеческих душ, Сталин вовсе не хотел унизить их. Наоборот — хотел польстить, подчеркнуть важность их дела. И уж совсем не входило в его планы обнаружить свои плоские, примитивные, школярские представления о природе художественного творчества». Внимание! Вот главное: «Следуя точному (!) смыслу этой языковой формулы, мы получаем примитивную схему, согласно которой таинственная, загадочная, непредсказуемая человеческая душа — всего лишь механизм, который можно регулировать, чинить, а также совершенствовать, добиваясь более продуктивной и целенаправленной его деятельности». Не мы получаем примитивную схему, а ты получил ее, критик, ибо, как в случае с «мастером», с «мотором», ты, буквоед, и тут дотошно следуешь «точному смыслу» там, где это делать недопустимо. Перед тобой литературный троп, метафора, иносказание, образ — «экономнейший способ организации мысли» (Горький). Прибегнув к этой «формуле», Сталин хотел сказать, что писатель прежде всего должен быть знатоком человеческой души и, конечно, способствовать ее совершенствованию. Так что не он, а ты обнаружил здесь свое плоское, примитивное, школярское, неграмотное представление об образе, т. е. о самой сути художественного творчества.

Между прочим, Сталин не только понимал в литературе больше, чем Сарнов, но и слышал текст острее. В одном из вариантов текста нового гимна были слова:

Фашистские полчища мы побеждали.
Мы били, и бьем их, и будем их бить...

Сталин сразу заметил, что «и бьем их» при произношении сливаются в «ибем их», и хотя в 1944 году, когда родился новый гимн, так оно и было на фронте, он однако потребовал убрать сей образец «новояза». А критик начертал, например: «Вот еще одна история в том же духе». И не слышит здесь вопиющую «жидуху», т. е., по его разумению, «лицо еврейской национальности». Так что кому-кому, а уж Сарнову-то следовало бы принять во внимание совет Бабеля учиться работать над словом у товарища Сталина.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ БРАТЬЕВ ПРОФЕССИОНАЛОВ

Собственный язык критика еще и не только пахуч сортиром, но и пестрит замусоленными штампами: «дело пахнет керосином», «осетрина второй свежести», «в области балета мы впереди планеты всей», «это хуже, чем преступление,— это ошибка» и т. п. А взять такое не очень-то красивое словцо

иностранного происхождения, как «реагировать». Ведь есть же много возможностей обойтись без него. Но Сарнов не знает, как это сделать, и шпарит: «Мужик наконец отреагировал...», «Адмирал на это не прореагировал...», «Американка так прореагировала на увиденное...», «Сталин не прореагировал...», «Жена не реагировала...», «Сталин отреагировал благосклонно...» и т. д. Продолжая копошиться в отдельных словах, Сарнов сделал и такое удивительно заявление: «подвиг» — это нечто неповторимое. Почему? С какой стати? Вот близкий самому автору пример: написал книгу «Перестаньте удивляться!» — это великий антисоветский подвиг. Под диктовку то американскую, то Новодворскую автор назвал здесь свою родину Империей Зла, Большой Зоной, «фашистским государством», Сранью. А сейчас выпустил такую же книгу «Советский новояз» — это повторение великого антисоветского подвига: родина поименована здесь посредством тех же грязных слов.

Конечно, кому-то это можно извинить, но дело в том, что Сарнов, считая себя знатоком языка, еще и поучает других, как надо говорить и писать. Кто-то перепутал слова «проблема» и «проблематика» — критик тут как тут с назидательным укором. Кто-то сказал «ваучеры сыграли определенную пользу» — Сарнов грозит ему пальчиком. Кто-то выразился так: «Бывший экс-премьер Гайдар...» Критик усмехается: «Бедняге невдомек, что «экс» как раз и означает «бывший». Верно, но другому бедняге невдомек, что Гайдар

никогда и не был премьером. Сарнов назидает: «Особенно любопытна такая закономерность: чем малограмотнее тот или иной деятель, тем ретивее включается он в борьбу за чистоту русского языка». Совершенно верно, мы это только что видели! Но у критика примерчик другой: «Председатель Госдумы высказал однажды недовольство по поводу того, что его называют спикером. Заодно он выступил против слов «саммит», «консенсус»... А в заключение сказал: «Нам это не надо. У нас, у русских, свой имидж». Да, был такой случай, и все поняли, что Селезнев закончил свою реплику с юмором, сказал это в шутку. Но Сарнов все понимает один к одному, а юмор — только с голым задом, такой вот:

Мы о том, что вся Европа —
Это полное говно
Репортаж ведем из жопы,
Где находимся давно.

Да-да, он там с Шульманом и Коржавиным находится давно. Это их последнее прибежище.

И представьте себе, человек, именно там со своей грамотностью благополучно обитающий, глумится над покойными писателями: «Имя Поповкина стояло в моем сознании в одном ряду с Сартаковым, Пермитиным, Закруткиным и прочими забытыми ныне корифеями соцреализма, о которых кто-то хорошо сказал, что писателями они могли быть только при поддержке армии и флота». А ведь о самом кто-то хорошо сказал: критиком он может быть только там, где нет орфографических словарей.

Не ограничиваясь обличением языковой неграмотности, Сарнов свирепо обрушивается и на «общекультурную неграмотность». Например, стыдит какого-то «едва ли не самого интеллигентного в стране» ведущего теленовостей за то, что тот назвал Станиславского основателем Малого театра. Ну, во-первых, одного этого факта, пожалуй, достаточно, чтобы сильно усомниться в больших достоинствах ведущего. А во-вторых, он может ответить Сарнову: «Почтеннейший, а я у вас читал, что Галина Уланова была руководителем

Большого театра. Это когда же? О Василии Гроссмане пишете, что он был лауреатом Сталинской премии. За что? Уверяете, что Третий съезд писателей проходил в Георгиевском зале Кремля, когда все знают, что этот зал служит только для приемов и банкетов. Вместо Антанас Сметона (Smetona) пишете Сметана. Вы поймали одного старикашку на том, что однажды он спутал Венеру с Афиной Палладой. А еще кого-

то на том, что, приведя цитату из Нового завета, он указал, что она из Ветхого. Но это же все мифология. Тем паче старичок университетов не кончал. А в ваших книгах конца нелепостям нет. Так не свидетельствуют ли они о том, что мы с вами ягодки одного интеллектуального поля?»

Сарнов не понимает, на сколь опасное минное поле вступил, занявшись обличением «общекультурной неграмотности». Его собственные книги действительно кишмя кишат неграмотными нелепостями на любой вкус самого разного рода и уровня. Может быть, при случае мы к этому еще вернемся.

P.S. 16 июня исполнилось 65 лет со дня легендарного перелета Чкалова, Байдукова и Белякова из Москвы через Северный полюс в Америку. 11с половиной тысяч километров за 62 часа беспосадочного парения над земным шаром! Герои-летчики, их машина АНТ-25, их подвиг потрясли тогда весь мир... На пресс-конференции американские журналисты, что естественно для них, спросили Чкалова, богатый ли он человек. Великий летчик ответил:

— Да, я очень богат. На меня работают 170 миллионов человек, как и я работаю на них.

И это было действительным выражением единства героя с народом, который и сам по себе был единым.

За три дня до чкаловской юбилейной даты, в день так называемой независимости России президент Путин выдавал очередные премии. И при этом, обращаясь к награжденным, сказал:

— Сегодня вы встретите праздник в кругу родных и близких. А для меня родные и близкие — все 145 миллионов граждан России.

Слова почти чкаловские, тоже о единстве. Но что мы видели, когда президент вручал премии? Кто их получил? Жрецы искусства той же масти, что и прежде: Герой Социалистического Труда, мультилауреат Даниил Гранин, недавний сотрапезник президента во время поездки в Ленинград; великий эстрадный писатель Жванецкий, только что уже получивший какую-то премию от того же Путина; Константин Ваншенкин, совсем недавно получивший какой-то орден от того же Путина; орденоносная Галина Волчек; кинорежиссер Александр Митта — кто тут русский? Почему-то среди награжденных на сей раз не оказался Хазанов, другой сотрапезник президента, а также Главный московский раввин... Выступая с благодарственным словом от имени награжденных, Жванецкий сказал:

— Раньше интересней было читать, чем жить. А теперь интересней жить, чем читать...

Еще бы! Ужасно интересно жить, когда получаешь одну премию за другой, а читать такие статьи, как эта, совсем неинтересно...

Это и есть, гражданин Путин, 145 миллионов ваших интересных родных и близких. Придет время, вы еще и Березовскому премию дадите и расцелуете его. Получил же от Ельцина какой-то орден Гусинский. А великороссы на это кротко взирают...

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ АЛЕКСАНДРОМ ПРОХАНОВЫМ...

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Что бы я предпринял, сидя в высоком кресле главного редактора всемирно знаменитой газеты «Завтра» и вдыхая несказанный аромат своей собственной великой славы?

Прежде всего я регулярно учинял бы нежные экзекуции своим сотрудникам, в первую очередь заместителям. Например, я заботливо спросил бы одного из них: «Ты на кого работаешь, голубь, когда сочиняешь хвалебную до небес статью о романе Георгия Владимова «Генерал и его армия», который тут же получает демократическую премию то ли Букера, то ли Пукера, то ли Какера?.. Ты кого поддерживаешь, ангел подколодный, когда ставишь в номер стихи безвестного графомана, который, вишь ты, грозится, что, как Кутузов отступающих наполеоновских солдат, он заставит коммунистов жрать конину? Ведь тогда у нас в редколлегии состоял сам товарищ Зюганов, коммунист № 1-бис. А таким коммунистам, как Бушин, конина в охотку. Он еще весной 43-го года на фронте под Сухиничами жрал ее, как и все братья-славяне в обмотках, так что за ушами пищало. Где тогда был твой графоман? Ты кого прославляешь, болезный, когда захлебываешься от восторга по поводу позорной постановки в Малом театре деревянной пьесы Солженицына «Пир победителей»? Шолохов писал о ней, что ее форма «беспомощна и неумна», а если говорить о сути, то «поражает какое-то болезненное бесстыдство автора». Неужели для тебя творец бессмертного «Тихого Дона» меньший авторитет, чем сочинитель уже ныне, при его жизни, никем не читаемых гроссбухов? Да ведь и сам он еще в известном письме к Четвертому съезду писателей СССР в мае 1967 года отрекся от этой пьесы, а теперь видит, что власти-то никакой в стране не существует, никакого надзора за приличием нет, скоро без штанов ходить будут, и он полез на чердак, разыскал там замшелую рукопись, стряхнул полувековую пыль и с тем же болезненным бесстыдством помчался в Малый... Соображаешь ли ты, что делаешь, аспид, когда на первой полосе нашей газеты в День Красной Армии в одном ряду с портре-

тами великих русских полководцев, от Александра Невского до Георгия Жукова, помещаешь — или не ты? — портрет адмирала Колчака? Да это же беспримесный американский наемник! Почитай хотя бы, что писал о нем в «Нашем современнике» Вадим Кожинов. Он не только называет по именам его заокеанских советников и инструкторов, но и приводит дотошные цифровые данные о полученных из США военной технике и снаряжении: винтовки, пулеметы, пушки, шинели, связь...»

И тут на месте А. Проханова я напомнил бы сотруднику газеты, которому втемяшилось украсить первую полосу праздничного номера портретиком несостоявшегося душителя русской свободы, одно место из книги Владимира Солоухина «Последняя ступень». Заглавие очень точное: в смысле литературного падения и тупоумной антисоветской злобности к сочинению действительно последняя ступень. В аннотации к сочинению автор назван «писателем-самородком», и уже это характеризует меру правдивости книги.

Солоухин окончил среднюю школу, техникум, литературный институт — самородок! Так и Солженицына, так и Радзинского можно зачислить туда же. Другое дело, что, кончив разного рода институты да университеты, они так и остались самоучками. Об этом и придется сказать.

Книга построена так, что в ходе многочисленных бесед шибко антисоветский граф Кирилл Буренин, начитавшийся сочинений, и его столь же умная и начитанная жена Лиза (О ней муж говорит: «Это мой Геббельс». Отсюда ясно, кто он сам.) раскрывают глаза темному писателю-самородку на цветущее прошлое царской России и на смрадную советскую действительность. Есть веские основания полагать, что прообразом для знаменитого Фотографа послужил знаменитый художник Илья Глазунов, приятель Солоухина. Однажды умный Фотограф завел речь о германской войне, а потом перешел к гражданской:

«— Поверьте, Россия по всем статьям стояла на уровне задач того времени.

— Но поражение в войне?

— Война была победоносной. Она затянулась, это правда. Она шла с переменным успехом. Но о каком поражении может идти речь?.. К четвертому году войны (т. е. к августу 1917 года.— *В. Б.)* Россией был накоплен такой военный потенциал, что она могла бы победить и одна. Неимоверное количество снарядов, патронов, пулеметов, орудий ...»

Солоухинский умник уверен, что неимоверного количества оружия вполне достаточно для победы над любым врагом. А воинское умение и полководческий талант? А боевой

дух армии? А морально-политическое состояние всего народа? Об этом Фотограф ничего не слышал. Не знает и о том, что дух армии был таков, что «к четвертому году войны» десятки, сотни тысяч солдат дезертировали. Он, видимо, только теперь узнает от нас и такую новость: народ был доведен правителями до столь отчаянного состояния, что еще почти за полгода до августа 1917-го совершил революцию и сбросил царизм, который ничего не мог поделать с ним, несмотря на неимоверное количество оружия. Такова была конкретная живая реальность.

Да и заявление о «неимоверном количестве» оружия представляются более чем сомнительными. Во всяком случае, автор-повествователь возражает:

«— По-моему, вы ошибаетесь, не было ни снарядов, ни орудий. В достаточном количестве, я имею в виду».

И тут начинается самое интересное. Фотограф-эрудит вне себя:

«— Вопрос! — даже подпрыгнул на стуле от нетерпения Кирилл.— Имею задать вопросик. Против скольких государств Антанты отбивалась молодая советская республика?

— Против четырнадцати».

Тут я тоже сразу имею задать вопросик: откуда взялось четырнадцать? Англия, Франция, США, ну, еще Япония и Польша, которые вроде бы уже не Антанта, допустим, войска еще двух-трех стран. Но не четырнадцать же!

Откуда это число? А дело-то было так. 20 декабря 1919 года на одном собрании Ленин сказал: «Английский министр Черчилль (в 1919—1921 годы он возглавлял военное ведомство.— *В. Б.)* несколько недель тому назад в своей речи в палате хвастал, что организовал поход 14 народов против Советской России и что к новому году это даст победу над Россией». Ленин запамятовал: Черчилль хвастал не несколько недель, а уже почти четыре месяца тому назад. Еще 28 августа Ленин прочитал телеграмму РОСТА об этом хвастовстве и своей рукой написал на ней все эти «14 народов»: Англия, США, Франция, Япония, Италия, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Украина, Грузия, Азербайджан, Армения. «Но мы знаем, что из этого вышло! — продолжал Ленин в своем выступлении.— Мы знаем, что эстонцы оставили войска Юденича, а Финляндия, как ни хотела этого ее буржуазия, также не дала помощи Юденичу. Таким образом, и вторая попытка натиска на нас провалилась» (Собр. соч., 5-е издание.

Т. 39. С. 325). Известно, что и некоторые другие страны и народы не поддались на подначку свирепого сэра Уинстона.
327

Словом, 14 государств никак не набрать. Разумеется, это отнюдь не умаляет величие подвига нашего народа в разгроме иностранной интервенции: достаточно было первых пяти стран в ленинском списке, чтобы агрессия оказалась ужасающей по своему размаху и мощи, тем более что она разворачивалась в тесном союзе со всеми этими Юденичами да Колчаками. Так, в Крымской войне против России объединились четыре государства: Турция, Англия, Франция да Сардинское королевство — никаких колчаков! Однако же Россия с ее тысячелетним монархическим строем потерпела поражение. А молодая советская страна, только что вышедшая из кошмарных бедствий германской войны, вышвырнула и всех интервентов, и всех колчаков. Вот и думайте, вот и сопоставляйте... Впрочем, обо всем этом я когда-то уже писал. Сейчас дело в другом. Перед нами два собеседника, которые всю жизнь твердили «четырнадцать государств!» и ни разу не усомнились, не заинтересовались, какие именно государства, не дали себе труда перечислить их, да еще бросают это число словно козырную карту в споре. Можно от таких людей ожидать пронзительности взгляда, свежести суждений?

Продолжение их беседы дает на это ясный ответ. Фотограф-просветитель торжествующе вопрошает:

«— Чем молодая советская республика отбивалась от четырнадцати государств Антанты, разрешите узнать? Эти воспетые потом красные бронепоезда, эти пулеметы «максим» на тачанках... Это откуда? Ведь была разруха. Заводы стояли...»

Право, надо выбирать что-то одно: или «заводы стояли», или «Россия стояла по всем статьям на уровне задач того времени». Но Фотограф не видит, что сам себя опровергает, и делает такое заключение: «Большевики победили в гражданской войне не своим, а русским, российским оружием». Здесь неуместны только слова «не своим». Нет, большевики победили именно своим, русским оружием, изготовленным на русских заводах русскими руками. Никакого другого оружия у них и быть не могло. А вот белогвардейцы воевали не русским оружием, а иностранным, заморским, чужим. Другого оружия у них и быть не могло. Хотите знать, сколько американского оружия и снаряжения было у Колчака? Обратитесь к статье Вадима Кожинова. А каким оружием воевала против нас в 1920 году 740-тысячная армия Польши? Ясно же, что у этого осколка Российской империи своего военного производства не имелось. А большевики были отнюдь не такие олухи, как Горбачев и Шапошников, как Ельцин и Грачев, чтобы, предоставив независимость Польше или Финлян-
328

дии, оставить там все российское вооружение. Так вот, долгосрочный кредит на сумму свыше 1 миллиарда долларов предоставила полякам Франция. Она же передала им ненужное после капитуляции Германии вооружение: 1494 орудия, 2800 пулеметов, 327 тыс. винтовок, 42 тыс. револьверов, 10 млн. снарядов, 518 млн. патронов, 350 самолетов, 800 грузовиков.

США для такого желанного дела, как разгром России, тоже тряхнули мошной: дали кредит на 160 млн. долларов, отправили свыше 200 бронемашин, 300 самолетов. Не поскупилась и Англия: 58 тыс. винтовок, 58 млн. патронов и т. д. А военный план для поляков разрабатывался по указаниям французского маршала Фоша, героя Первой мировой, впоследствии маршала Польши. Так что дело-то было нешуточное. И опять — всему этому противостояло только русское оружие, только русские умы да таланты, только русское мужество. И понять

невозможно, как русский патриот Солоухин мог радоваться. «От Варшавы большевики драпали чуть не до Москвы!» — с восторгом врал он. Поразительно это перерождение! Колчак, по собственному признанию, «американский кондотьер», порол и расстреливал наших отцов и дедов, Пилсудский уничтожил 60 тысяч красноармейцев, тех же отцов и дедов, попавших в плен под Варшавой (их использовали как живой материал в кавалерийских учениях, называемых «рубкой лозы»), а зажравшиеся внуки восхищаются истребителями своего народа, льют слезы и каются за Катынь...

Что я сделал бы еще на месте Александра Проханова? Конечно же, перестал бы печатать литературных психов. Например, того, который настрочил книгу о генерале Власове, духовном сыне Колчака. Он, между прочим, и сам генерал. Ну, правда, газетный, пуровский, как, скажем, адмирал Гайдар, и скорее всего волкогоновской выпечки. Так этот волкогонец уверяет, что всеми самыми крупными победами в Великой Отечественной войне мы обязаны именно Власову. Как это? Как это? А очень просто, говорит: под тайным, но непререкаемым командованием Власова было 50 дивизий, сформированных немцами из наших военнопленных, эти дивизии командование вермахта бросало во все крупные битвы, но в решающий момент они расступались перед Красной Армией, и та наносила удар с фланга или тыла, что и давало нам победу. Ну хорошо, один раз немцы могли оплошать, но как же они попались на удочку и второй раз, и третий, и пятый? Неглупые ведь люди. Это они доказали, между прочим, и тем, что понимали русского солдата и Красную Армию гораздо лучше, чем наш власовец-волкогоновец: немцы боялись дать оружие в руки наших пленных и лишь в конце вой-

ны, в отчаянную пору в ноябре 1944 года, когда Красная Армия уже вступила на немецкую землю, сформировали не 50, а только две дивизии, одной из которых командовал Буняченко, другой — Зверев. Но газетный генерал стоит на своем и требует памятника Власову рядом с памятником Жукову. Ну как же не псих! Тем более что уверяет, будто его любимец был сознательно заслан к немцам и выполнял личное задание Верховного Главнокомандующего, и потому после войны его вовсе не расстреляли, а присвоили звание Героя Советского Союза, маршала, дали отменный пенсион и хотели было отправить доживать дни в Австралию от лишних глаз подальше, но там подняли бунт полчища кенгуру: «Не пустим на свою землю пособника Гитлера!» Тогда ему дали генеральскую квартиру на одной площадке с его будущим биографом и апологетом, и тот уверяет, что Власов жив и поныне; вероятно, заходит картишками перебросится.

Надо сказать, что волкогоновец-власовец в свое время напечатал в «Военно-историческом журнале» множество правдивых статей о Власове как о предателе, но потом побывал в Америке, и там одна ушлая баба прожужжала ему все уши о Власове как о великом народном заступнике от большевиков и главном герое Отечественной войны.

И бравый русский генерал сдался американской бабе. Но думаю, что она все-таки не рассчитывала, что тот напишет хвалебную книгу о мерзавце, ее напечатает аж сама «Молодая гвардия», которую возглавляет великий патриот Александр Кротов, выйдет отдельное издание, его разрекламирует «Советская Россия», где движет умами еще более грандиозный патриот Валентин Чикин, что, наконец, и на страницах «Завтра» журналисту-власовцу будет дозволено писать о Власове как о «славном русском генерале».

Но почему же все-таки американской бабе удалось так легко опрокинуть навзничь и употребить по своему вкусу пуровского генерала? Да потому, что еще

до встречи с ней генерал свихнулся на патриотизме, дойдя в этом вопросе до полной уверенности, что никакой русский человек никогда не может быть предателем. Таким экстрапатриотам говорят: «Позволь, да ведь от Святополка Окаянного до Горбачева их столько было...» — «Вздор! — отвечают они.— Святополк и Горбачев были евреями!..» Ну а подобного заявления вполне достаточно ныне для того, чтобы оставаться в первых рядах патриотов даже с именем Власова на устах, подернутых пеной...

На месте Проханова дал бы я полный отлуп от газеты тому литературному психу (на сей раз не генерал, а газетный капитан первого ранга), что поносит чуть ли не всю нашу ли-

330

тературу, начиная со Льва Толстого. Его он называет «отравителем колодцев русской жизни», а его произведения — это, оказывается, «вагон книг типа (!) «Войны и мира». И при этом, естественно, взывает к авторитету — кого же еще! — дяди Сэма: «Весь этот вагон художественности американцы точно называют «фикшн» — «фикция», вымысел, сочинительство». И не соображает при этом, что с помощью таких доводов можно объявить эталоном барахла не только почти всю русскую литературу — сочинительство же! — но и американскую тоже, хотя бы Фолкнера с его выдуманной Йокнапатофой.

Толстой, Бунин, Вересаев видятся психу то ли вдохновителями, то ли прямыми соучастниками Ягоды, Ежова, Берии, поскольку лет за 30—40 до них имели неосторожность напечататься в газете, которая потом стала большевистской. А свихнулся он на монархизме, и потому истинными светочами русской литературы считает лишь особы великокняжеские: известного Константина Романова да неизвестного Олега Романова, погибшего молодым, но успевшего сочинить несколько стихотворений в духе «Окон ТАСС» времен войны. Например:

Братцы! Грудью послужите!
Гряньте бодро на врага!
И вселенной докажите,
Сколько Русь нам дорога.

Нет, наши «Окна» были все же посильней, правда, мой покойный друг Коля Глазков уверял:

Мне говорят, что «Окна ТАСС»
Моих стихов полезнее.
Полезен также унитаз,
Но это не поэзия.

Тем не менее псих заявляет: «Князь Олег более народен, чем его сверстник Есенин». А недавно надеждой русской литературы объявил по телевидению Олега Романова еще и всем известный Радзинский, который, по меткому замечанию Н. Сванидзе, «в дополнительной рекомендации не нуждается».

В советской литературе капитан-монархист, естественно, признает и любит только Булгакова, только «Дни Турбиных». Но, мамочка родная, какими ворохами новостей и открытий окружена эта африканская любовь! Пишет, что на премьере «Дней Турбиных», которая-де состоялась во МХАТе «в начале тридцатых годов», как только артисты на сцене по ходу пье-

331

сы затянули «Боже, царя храни...», так весь зал вскочил и тоже благоговейно затянул. И вместе со всеми, говорит, затянул председатель Совнаркома Н. И.

Рыков. А когда очухался от приступа монархизма, то побежал за кулисы и устроил артистам разнос: как, мол, посмели меня, предсовнаркома!..

Ах, как все это живописно! Но, во-первых, при чем же здесь артисты? Они лишь играли текст Булгакова, и разнос надо бы делать ему, художественному совету театра, дирекции. Неужто Рыков этого не понимал? Во-вторых, «в начале тридцатых годов» Рыков уже не был предсовнаркома, его сменил сорокалетний В. М. Молотов. В-третьих, премьера «Дней» состоялась во МХАТе и вовсе не «в начале тридцатых». Спроси любого пожарника или омоновца — 5 октября 1926 года. Тогда действительно предсовнаркома был Рыков, но все-таки он не вскакивал и не пел царский гимн, ибо никто, кроме артистов на сцене, его не пел. Все другие рассуждения капитана о литературе на таком же примерно умственном уровне капитана Лебядкина.

И, наконец, последнее. У Александра Проханова юбилей. На его месте я непременно учел бы опыт некоторых нынешних посткоммунистических торжеств этого рода. Недавно я был на одном из них...

Как это делалось раньше? Ну, во главе стола или в президиуме рядом с юбиляром сажали директора или другого большого начальника, секретаря парткома (а то и райкома — по пропаганде), дальше — знатного стахановца, ветерана войны или труда... А что я увидел теперь? Все то же, только наоборот: секретарь, но не партийный, а писательский, не директор, а губернатор (недавний секретарь обкома), наконец, не ветеран войны, не стахановец, а старенький батюшка. Он-то, батюшка, был особенно уместен, ибо сподобился еще и стихи сочинять. В таком роде:

Что перетянет на весах,
Весы под тяжестью не гнутся.
Бывает просто что-то так,
А очень сильно подаются.
Как угадать, кладя на них,
Должно быть, надо кладом веры,
Чтоб вверх и вниз от рук живых
Бежали, как от полной меры.

Еще пронзительнее вот это:

Странно как-то все соединить:
Колокольный звон и грохот этот...

И в раздумья по двору ходить
В поисках разумного ответа.
А решенье может быть одно:
В жизни все соединить возможно,
Вслушайся, ведь не все равно
Этот колокол с щемящей дрожью.

Да, мудро сказано: «В жизни все соединить возможно»... И соединили, например, этого батюшку-стихотворца с Союзом писателей: за такие вот стихи приняли его в члены, сейчас соединили с юбилеем.

А что дарили раньше на юбилеях? Разное. Допустим, однотомник Проскурина или «Книгу о вкусной и здоровой пище», портрет Брежнева или шестеренку, увитую олеандром и т. п. Что подарили теперь? Икону. А кто подарил? Доктор социалистических наук, профессор, член КПСС с 1956 года, бывший редактор «Комсомольской правды», кавалер ордена Красного Знамени, дважды лауреат премии имени Ленинского комсомола, автор замечательного

исторического исследования «Боевой опыт комсомольской печати. 1917— 1925» (в частности, ее опыт по борьбе с религией). Прекрасно! Под «колокольный звон и грохот этот», под бульканье и стук ножей мы воочию насладились вдохновляющей картиной преображения комсомольского Савла в перестроечного Павла...

А как раньше начинались такие торжества? Очень нередко—с пения гимна, или «Интернационала», или (уже после двух-трех рюмок) пели «Вот мчится тройка удалая». А как обстояло дело теперь? Поднялся в президиуме батюшка, член секции поэзии, и возгласил: «Братие! Всякое доброе дело надо начинать с молитвы. Так воздадим же хвалу Господу нашему и возрадуемся хлебу насущному, что он нам сегодня послал!» Все вскочили, и кое-кто тоже затянул вслед за батюшкой. Оно и понятно: сегодня послано нам было отменно, столы ломились от яств и питий. Рядом со мной подпевала, например, мой старый друг Наташа Дурова, знаменитая наша зверолюбка. От умиления и восторга я хотел было ее расцеловать, но вспомнил, что дня три назад на телевидении, кстати, тоже на чьем-то юбилее, она целовалась со своими удавом. Брр!.. Даже под звуки молитвы не могу переступить через это. Пусть целуется теперь с юбиляром или батюшкой, у них должно хватить на это святости...

Так вот, на месте дорогого Александра Проханова я на свой юбилей для полного ажура или, как говорили у нас на Благуше, для понта тоже непременно пригласил бы парочку губернаторов (родного тифлисского — уж обязательно!), ко-

го-нибудь из бывших боссов комсомольской или партийной печати, одного-двух лауреатов КГБ, одну циркачку с проволокой, но без удава и, уж конечно, священнослужителя, желательно из секции критики. Уж то-то они устроили бы торжество!..

И тут не могу не вспомнить одну поучительную историю. Мне как-то довелось высказать несогласие с некоторыми суждениями о прошлом нашей Родины одного высокого церковного иерарха. И то сказать, если я считал эти суждения поспешными, неточными или неосновательными, то почему же мне в пору такого безграничного плюрализма не высказаться, почему я должен следовать за бывшими редакторами комсомольских газет и комсомольскими лауреатами? Тем более что по возрасту я старше этого иерарха, повидал в жизни едва ли уж меньше, а когда он в юности, находясь в оккупированном Мариуполе, бил поклоны, мы с моими товарищами били немецких оккупантов...

И статья появилась. Боже милосердный, что тут началось! Никто ничего не опровергал, а только гвоздили меня. Ну совершенно так же, как если бы лет десять тому назад я выступил с критикой члена Политбюро. Особенно усердствовали, естественно, не московиты, а приезжие,— кто из Одесской области, кто из Николаевской.

Одессит свирепствовал лютее остальных. Его больше всего возмутило то, что в моей статье тот иерарх был назван святым отцом. «Живого человека называть святым! — шумел одессит.— Какое изощренное издевательство! Кто же не знает, что только после смерти человека можно назвать святым, и совершается это по высокому решению церкви. Такое глумление над живыми служителями церкви позволял себе только Ярославский-Губельман в журнале «Воинственный безбожник», Бушин взял это оттуда!..»

Я был потрясен. Но не тем, конечно, что уподобили меня Губельману, журнал которого я никогда и не видел. Меня поразил возникший вдруг образ этого одессита. Ведь он окончил Московский университет, сейчас ему было уже

под шестьдесят, автор многих книг, член Союза писателей. В числе его книг одна о Святом князе Дмитрии Донском, значит, вплотную и практически соприкасался с вопросами религии и церкви. Как же он может путать причисление к лику святых, канонизацию, что действительно является прерогативой церкви, и многовековый житейский обиход, позволяющий едва ли не всех служителей церкви называть святыми отцами.

Как этот писатель читал родную литературу? У Пушкина в «Борисе Годунове» он мог бы встретить такие, например, слова царя Иоанна, обращенные к «игумену и братье»:

334

Прииду к вам преступник окаянный
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, СВЯТОЙ ОТЕЦ, припадши…

Там же князь Шуйский обращается к патриарху:

СВЯТОЙ ОТЕЦ, кто ведает пути
Всевышнего? Не мне его судить...

В пьесе А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» царь точно так же говорит живому, а не во гробе лежащему патриарху:

Прости, СВЯТОЙ ОТЕЦ, что потревожил
Твое уединенье и молитвы...

И писатели более поздней генерации это знали и понимали Так, у Чехова в «Дуэли» читаем: «Здравствуйте, СВЯТОЙ ОТЕЦ!» — кивнул он дьякону». Даже дьякону! То есть служителю церкви, имеющему первую, низшую степень священства.

Ужасно лютовали также поэт Ко-ко, знаменитый переводчик и популяризатор негодяя Коротича, и присносущий философ Ду-ду. «Не тронь! Рассыпься! Нишкни!» — вопили они. Этого Ду-ду недавно кто-то слегка уподобил Геббельсу. Как он взвился, тонкокожий! А ведь обо мне вот что писал: «Это бушины расстреливали крестные ходы!» То есть хотел сделать мое имя нарицательным, щенок адмиральский. А известный марксист-ленинец Чи-чи, три года бегавший ко мне домой за статьями для своей газеты, осыпавший меня похвалами да премиями, тоже член ЦК, напечатал эту грязную клевету малограмотного недоумка. И проделано это было при гробовом молчании упоминавшегося выше коммуниста №1-бис. А ведь обязан был бы защитить не только по долгу мужской порядочности, как я в свое время защищал его, а еще и потому, что тогда я был членом их ЦК. Так чем он лучше Горбачева, который точно так же молча созерцал, как мордуют членов его Политбюро — сперва Лигачева, потом Рыжкова, потом бросают в тюрьму Рубикса... Чем он лучше, спрашиваю я вас, члены КПРФ?

Если он не защитил меня — престарелого участника войны, коммуниста с фронтовых времен, неугомонного автора оппозиционной прессы да еще члена ЦК, который по личной просьбе защищал его на страницах «Советской России»,— то кого защитит он из вас, не столь известных и помоложе? Проснитесь!. Очухайтесь! Протрите глаза!.. Молчание — пер-

335

вая фаза предательства. Тогда поддержали, защитили меня только читатели. Т. Г. Титунова из Тулы: «В восхищении от Вашей статьи. И пусть визжат, исходя злобой разные ду-ду, а правда-то превыше всего. Спасибо!..» Л. А. Мухин из

Череповца: «Наглость всяких ду-ду растет и крепнет. Дошло до того, что конъюнктурщики из вчерашних советских начали им подпевать: духовность, мол, без креста немыслима. Выходит, героическое самопожертвование за Родину Матросова, Гастелло, молодогвардейцев — это не высшее проявление человеческого духа, а кодла высокопоставленных фарисеев со свечкой в храме — духовность!» Р. Дудылева из Таллина: «Пишите, кричите, бейте в колокола!.. Больше пишите в «Завтра», т. к. эта газета в Эстонии более доступна...» В. Г. Светлаков из Перми прислал копию своего обращения в редакцию: «Уважаемый господин Чи-чи! Давно собирался изложить вам свое мнение о сдаче позиций вашей газетой, и вот отклик Ду-ду на статью В. Бушина. Кроме эмоций и словесной шелухи, в отклике ничего нет. Его автору нечего сказать против убедительных фактов и рассуждений. Этот Ду-ду мог бы стяжать немалую известность во времена инквизиции...» А. С. Мерцалов из Волоколамска: «Статейка Ду-ду подленькая, гнусненькая и лживая, сплошное вранье и подтасовка Ваших мыслей. Какую цель преследует редакция, публикуя такое? Газета стала меняться в худшую сторону, исчезли имена Лимонова, Власова, Володина, Исакова, Гарифуллиной, нет Вас — газета поблекла! Остались одни луизы, жанны да куча профессоров...» И. В. Ермакова, Париж: «Статья о святом отце блестящая. Сделала ксерокопии и раздала друзьям. Когда будет продолжение?...» Ну, на Париже пока и остановимся, ибо дальше нога русского солдата еще никогда не ступала.

Какой же из всего этого вывод для юбиляра? Очень важный: приглашай на дружеский ужин священников, но не смей называть их святыми отцами. Крайне опасно! Все эти Ко-ко, Ду-ду, Чи-чи заплюют тебя, дорогой Саша, и заморозят под вопли: «Губельман! Губельман! Губельман!..»

И все, что я тут насоветовал, ты прекрасно успеешь сделать, ибо ты еще очень молодой — всего-то шестьдесят. А по духу и работоспособности тебе нет и сорока. А улыбка у тебя та же, что и в двадцать лет...

ОН ВСЕ УВИДИТ, ЭТОТ МАЛЬЧИК...

В июле прошлого года мне позвонила и попросила о встрече некто Беатрикс Вуд, англичанка, кинопродюсер. Я, конечно, удивился: что такое? Чем скромная и совершенно некиношная особа могла заинтересовать незнакомую мне дочь гордого Альбиона? Помнится, даже обиделся немного: чего они ко мне лезут? что я им, Хакамада какая-нибудь? Однако не ксенофоб же я, согласился на встречу: «Приходите, буду рад». А удивляться потом пришлось еще больше, и не только мне, но и госпоже Вуд.

На другой день в сопровождении своей помощницы Татьяны англичанка припожаловала ко мне домой. Тут сразу выяснилось, что продюсер-то она продюсер, но не английской, а финской кинофирмы. Час от часу не легче! Выходит, и финнам есть до меня дело... Но уж вконец я был ошарашен, когда англофинка поведала, зачем я им понадобился и что они от меня хотят. Еще 1993 году в «Советской России» была напечатана моя статья о Павлике Морозове. И вот, оказывается — вы только вообразите! — что они снимают фильм о герое моей давней статьи. Мы хотели бы, сказала Вуд, чтобы вы приняли участие в этом фильме, поделились своими мыслями об этом широко известном в вашей стране подростке. Выходит, не я их, в сущности, интересую, а мой герой. Ну, уже немного легче, хотя еще удивительнее.

Что ж, я охотно согласился. Моя готовность была тем более твердой, что незадолго до этого в телевизионной передаче «Один на один» известный адвокат

Юрий Иванов бросил в лицо Егору Гайдару, имея в виду его предательство имени и всей жизни Аркадия Гайдара, своего знаменитого деда: «Да вы настоящий Павлик Морозов ельцинской эпохи!» Бросил как браннее слово, как самое тяжкое оскорбление. Я был поражен. Ведь опытнейший юрист, патриот, член коммунистической фракции Госдумы, хотя и не состоит в КПРФ. Помню, как умело в 1992 году он защищал в Конституционном суде компартию. Известно и о других достойных делах Иванова на юридическом поприще. Да и этот поеди-

нок с Гайдаром дорогого стоит. Как мощно, точно, а главное, пророчески он влупил этому, по ельцинской табели об уме, «очень умному» собеседничку, пришедшему на дуэль с ворохом справок, газетных вырезок и каких-то резолюций: «Да что вы там шуршите бумажками, как таракан? Ваша песенка спета! В новый парламент ни вы лично, ни ваши выборосовцы уже не попадут». Как в воду глядел! Сильно умный Гайдар с тех пор обходит Охотный ряд за три версты... И вот в устах даже Иванова имя Павлика Морозова — брань...

На другой день Беатрикс (она была молода и обаятельна) пришла уже с режиссером Пекка Лето, с оператором, осветителем и со всей киноаппаратурой. Они ее установили. «Мотор!» — и я начал свой рассказ, заглядывая иногда в текст своей давней статьи:

— Третьего сентября 1932 года тихим утром два мальчика из глухой уральской деревни Герасимовка, братья Павел и Федя, отправились в тайгу по клюкву. Они надумали это не сами, их настойчиво уговаривала пойти родная бабка Аксинья. Через три дня, шестого сентября, братьев нашли в лесной чащобе убитыми...

Беатрикс, которой Татьяна тут же быстро и точно все переводила, удивленно встрепенулась. А я продолжал:

— Участковый инспектор милиции Яков Титов составил акт осмотра трупов: «Морозов Павел лежал от дороги на расстоянии 10 метров, головою в восточную сторону. На голове надет красный мешок. Павлу был нанесен смертельный удар в брюхо. Второй удар нанесен в грудь около сердца, под каковым находились рассыпанные ягоды клюквы. Около Павла стояла одна корзина, другая отброшена в сторону. Рубашка его в двух местах прорвана, на спине кровяное багровое пятно. Цвет волос — русый, лицо белое, глаза голубые, открыты, рот закрыт. В ногах две березы...»

Беатрикс хотела что-то сказать, но ее остановил режиссер Лето.

«— Труп Федора Морозова находился в пятнадцати метрах от Павла в болотине и мелком осиннике. Федору был нанесен удар в левый висок палкой, правая щека испачкана кровью. Ножом нанесен смертельный удар в брюхо выше пупка, куда вышли кишки, а также разрезана рука ножом до кости...»

Беатрикс остановила съемку и подошла ко мне. Ее губы мелко дрожали то ли от страшной картины, воссозданной прочитанным текстом, то ли от неведомой мне обиды или недоумения.

— Простите, я не понимаю... Его убили?.. Их убили?.. Кто?..

Я остолбенел:

— Как? Вы снимаете о нем фильм — и вам это неизвестно? Вы не знаете, что Павлика и его младшего брата Федю убили?

В разговор вступила Татьяна. Оказывается, работая над фильмом, съемочная группа уже побывала у нескольких авторов, когда-либо писавших или хотя бы упоминавших о Морозове, и все твердили только одно: «Это невиданный предатель! Он предал собственного отца!..» О, я знал их, ненавистников Павла, всех наперечет! Впереди, конечно, как всегда, фигуры, подобные бесстыжему

журналисту Ю. Альперовичу, «юношескому» писателю В. Амлинскому, телевизионно-газетному интеллектуалу Ф. Бурлацкому, всеохватному историку и литературоведу Н. Эйдельману, педагогу, видите ли, С. Соловейчику. За ними — профессиональный «известинский» правдолюб при любом режиме Ю. Феофанов, критик на все руки Т. Иванова и прочие сванидзы. А дальше, как водится, русские суперпатриоты, до того отягощенные своей любовью к родному народу, что не соображают, с кем они в одной компании, у кого на подхвате,— В. Солоухин, Д. Балашов, С. Куняев...

Недавно Э. Лимонов, движимый неусыпной заботой о наших детях и внуках, завел в своей газете, скромно названной им «Лимонка», рубрику «Русской девочке делать жизнь с кого?» Важнейший вопрос! Особенно, как справедливо пишет газета, «в наше время, когда неверность, трусость, предательство стали нормой жизненного поведения миллионов женщин и мужчин». Так с кого же призывает писатель-патриот «делать жизнь» наших дочерей — с княгини Ольги или с Марфы Посадницы? с Марины Расковой или Зои Космодемьянской? Да нет! Они же русские или еще советские, это для суперпатриотов скучно, пресно. И Лимонов объявляет: русские девочки должны взять за образец для подражания «двух Великих женщин», возлюбленных «двух гигантов» — Еву Браун, «девушку Гитлера», и Клару Петаччи, «девушку Муссолини». Да-да! Ибо именно в эти гигантессах (тут же и большой пленительный портрет будто бы первой из них) «Лимонка» разглядела доселе небывалое сочетаете прекраснейших качеств: агрессивность (?), правдивость, правоту (?), верность, веру, мужество, чувство истины, честь, стыд, ответственность, преданность, благородство, готовность жертвовать собой ради порядка, строя и т. п. Какой ароматный букет! Не знаю, как, Муссолини, а Гитлер говорил так: «Умному человеку следовало бы иметь глупую и примитивную женщину. Вообразите, если у меня была бы женщи-

на, которая вмешивалась бы в мои дела». (Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996. С. 89).

Надо полагать, Браун вполне соответствовала этому идеалу подруги, о чем свидетельствует та же энциклопедия: «Она с удовольствием занималась спортом, увлекалась плаванием, гимнастикой, лыжами и скалолазанием. Необычайно любила танцы, которыми занималась профессионально, мало интересовалась политикой, предпочитая спорт, чтение романов и кинофильмы». Кстати, ни о какой агрессивности, если не считать агрессивностью несколько попыток самоубийства, речи нет. Наоборот, говорится, что Браун была «сдержанная, даже застенчивая», более того — «неизменно держалась в тени, отгородившись стеной молчания».

Создается впечатление, что «Лимонка» просто не знает, о ком пишет.

Да и портрет-то помещен вовсе не Евы Браун, а неизвестно кого, возможно Старовойтовой в молодости или возлюбленной самого Лимонова. Автор статьи недолго думая сконструировал из ярких кубиков образ и пытается подогнать под него конкретную личность. И образ, как видим, если убрать загадочную здесь бабскую агрессивность, поистине идеальный. А из этого, естественно, следует, что у таких распрекрасных дам возлюбленные не могли оказаться живодерами и убийцами миллионов, а были, конечно же, гигантами мужества, великанами чести, колоссами благородства, титанами чувства истины.

Странно, что газета не призвала наших девушек «делать жизнь» еще и с Магды Квант, преданной супруги Геббельса. Ведь она в своей «верности порядку» далеко превзошла и Еву т Клару: не только, как те, отравилась вместе о мужем, но еще и собственноручно отправила на тот свет шестерых своих детей,

которым грозила опасность из фашистского порядка оказаться в порядке человеческом. Не исключено, что в одном из ближайших номеров «Лимонки» появится призыв к нашим девушкам взять за образец и эту ведьму...

Пожалуй, призывы «Лимонки» покруче даже статьи Юрия Мухина в его «Дуэли» о Гитлере как о «гении организации масс». Завидуй, Геббельс!..

Маркс, уверяет, красный, как помидор, Мухин, писал бред, Энгельс — вздор, Ленин — чепуху, а Гитлер — гений. Ну правильно. Дело жизни Гитлера была война. А война, как известно, это прежде всего мастерство организации — экономики, вооруженных сил, тех самых «масс». И Гитлер сумел достичь здесь такой степени мастерства, что оказался в Париже и под Москвой. Однако нашлись мастера порасторо-

ней, в результате чего Гитлеру пришлось срочно заняться организацией своего самоубийства. Будем справедливы: здесь он сумел-таки достичь гениального мастерства и абсолютной надежности: сперва для проверки яда отравил любимую собаку, потом принял яд сам и, наконец, пустил пулю в своей гениальный лоб...

— Мотор!

Я продолжал:

«— На первом допросе арестованный по подозрению молодой мужик Данила показал: «Кулуканов несколько раз уговаривал меня убить Павла, однако не было подходящего момента. Третьего сентября я зашел к нему и сказал, что братья ушли по ягоды. Кулуканов сказал: «Я давно договорился с Сергеем обо всем, но ему одному ничего не сделать. Возьми деньги, а когда прикончим Павла, я дам тебе золота две пригоршни». После этого мы с дедом Сергеем решили идти в лес. Мы знали, какой дорогой Павел ходит с болота домой, и пошли ему навстречу. Ребята ничего не подозревали, подошли близко, и тогда дед внезапно ударил Павла ножом. Павел вскрикнул: «Беги, Федя!..» Я кинулся за Федором, схватил его, дед подбежал и нанес ему несколько ударов. Убил обоих дед при моей помощи. Сделали мы это по наущению Кулуканова».

Беатрикс подняла руку, съемка остановилась.

— Надо объяснить,— глухим, странным голосом сказала она,— кто эти люди.

Я согласно кивнул и продолжал:

— Дед Сергей внес важные поправки в показания Данилы. Признал, что замысел убийства принадлежит именно ему, так как «Павел вывел из терпения, не давал проходу, укорял за то, что он содержатель конфискованных кулацких вещей». Но при этом заявил однако, что «сам братьев не убивал. Только держал Федора. Зарезал же ребят внук Данила». Тот вынужден был подтвердить эти показания и добавил некоторые подробности: «Павел не шевелился, но дед вытряхнул ягоды из мешка и сказал: «Надо надеть ему мешок на голову, а то очнется и домой приползет». Потом я стащил Павла с тропы на правую сторону, а дед стащил Федора на левую. Федю мы убили только затем, чтобы нас не выдал. Он плакал, просил не убивать, но мы не пожалели...»

Раздался стук — кто-то уронил на пол что-то твердое. Я взглянул на Беатрикс. Бледная, она недвижно сидела в кресле, стиснув пальцы.

— Кто же они, эти два человека, молодой и старый, с такой беспощадной жестокостью убившие двух мальчиков?

Нет, это не беглые каторжники, не бродяги-душегубы, а Односельчане убитых. Больше того, старик приходился не только своему сообщнику по убийству, но и обоим жертвам родным дедом, а Данила был их двоюродным старшим братом. И надо добавить, что бабка Аксинья, жена деда Сергея, знала о

замысле убийц, одобряла его и сама не раз говорила внуку Даниле: «Да убей ты этого сопливого коммуниста!» Потому в то роковое утро она, как соучастница, так настойчиво и выпроваживала внучат в тайгу. Вот каковы были эти люди, против которых в глухой, пробуждавшейся к новой жизни деревне пошел одинокий отрок-правдолюб. И после этого его, а не их клеймят как предателя, переступившего через узы родства и крови!..

Я попросил остановиться, чтобы промочить горло, и когда выходил в кухню за стаканом воды, услышал, как режиссер Лето сказал: «Да это просто шекспировский клубок страстей и злодеев!» Через минуту я вернулся с отпитым стаканом воды.

— Павел... Павлик Морозов... «Цвет волос русый, лицо белое, глаза голубые, открыты. В ногах две березы...» Пожалуй, нет в нашем советском прошлом другой фигуры, которая так часто и так яростно поносилась бы ныне питомцами горбачевско-яковлевского «нового мышления» и тем самым так резко и глубоко высвечивала бы всю их подлинную духовную суть. Они говорят и пишут о нем с такой злобой, ненавистью и уверенностью в своей правоте, словно не его, нежного отрока, вместе с малолетним братом предали лютой смерти здоровенные мужики, а он, вооружившись ножом, зарезал в лесу немощного старца да еще разбогател на этом или сделал карьеру. Кое-кого из этих горбачевско-яковлевских питомцев я уже перечислил. Накал их ненависти и страстной жажды опорочить несчастную жертву кровавой трагедии классовой борьбы просто изумляет.

— Вы упоминаете Горбачева,— воспользовавшись моей паузой, прервала меня Беактрикс.— Я не понимаю. Как вы к нему относитесь? У нас, в Англии, в Финляндии да и во всем мире, им так восхищаются. Он же дал свободу, гласность. Мне говорили русские друзья, что теперь у вас издается Кафка...

Мне совсем не хотелось уклоняться от темы, и я был краток:

— Наверняка больше всего им восхищаются в США. Еще бы! Это такой предатель, каких не видывал белый свет за всю историю: он предал не только свою партию, которую возглавлял, не только социализм, свою страну, ее союзни-

ков,— он предал эпоху, цивилизацию, надежду всего рода людского на справедливость. Нет другого человека, которого наш народ так презирал бы и ненавидел, как его... А Кафку и на Западе-то признали только лет через десять после его смерти. И у нас он издается уже лет 35, но мы могли бы прекрасно прожить и без него...

Беатрикс все это слушала, изумленно раскрыв большие серые глаза. То, что я говорил, казалось ей невероятным. Она не слышала ничего подобного. Но это был человек дела, которому дорого время, и она не стала расспрашивать дальше. А я тогда еще не мог знать, что это болезненное ничтожество еще и выставит свою кандидатуру в президенты на очередных выборах, а получив 1 процент голосов, займется телерекламой итальянской пиццы....

— Взять упоминавшегося Альперовича, который напакостил в полную меру своих сил на родине и укатил в США.

В 1981 году из московской молодежной газеты, в которой он работал, написал письмо Ларисе Павловне Исаковой, учительнице убитого, с просьбой ответить на множество вопросов и прислать свою фотографию того времени. Надо, мол, для большой публикации, которую готовлю. Старушка, привыкшая верить людям, а уж особенно тем, которые работают в газетах, тщательно выполнила просьбу. Однако публикация не появилась, ибо то, что она написала, никак не укладывалось в схему замысла литературного прохвоста, больше того —

решительно опровергало сей замысел. Тогда Лариса Павловна стала добиваться, чтобы он хотя бы вернул фотографию, дорогую память о молодости, и тут вдруг обнаружилось нечто такое, чему старая учительница долго не могла поверить: журналист втирался к ней в доверие под чужим именем И. М. Ачильдиева, своего коллеги по редакции! Зачем? Да ясно — грязные дела удобнее проворачивать в маске порядочных людей.

Примерно в то же время не поленился Альперович-Ачильдиев еще и поехать в Алупку к Татьяне Семеновне, матери Павла (она умерла в 1983 году). И вот представьте себе эту картину и этого человека: к восьмидесятилетней старушке в маленький городок является столичный журналист с диктофоном и ласковым голосом задает ей множество ловко сформулированных вопросов; является с единственной целью — убить еще раз ее давным-давно убитого сына. А та — простая русская душа — разве может помыслить что-нибудь дурное? Она, радуясь гостю, говорит, не заботясь о формулировках, и мысли у нее нет, что слова ее могут быть вывернуты наизнанку, а в пасквиле под названием «Вознесение

Павлика Морозова» будет сказано для достоверности: «Я встречался с матерью моего героя». Уходя, он целует сухонькие беспомощные руки, вынянчившие пятерых детей, из которых к тому времени четверых уже схоронила, руки, за всю жизнь не знавшие ни дня покоя. «Храни вас Бог в дороге!» — говорит старушка на прощание. И гость с низким поклоном исчезает. Он спешит в Москву, ему не терпится устроить за письменным столом пиршество гробокопателя...

Альперович (кроме украденного второго имени у него было и третье — красивый русский псевдоним Дружников) задумал еще доказать, что убили подростков-братьев не дед Сергей и брат Данила, а некто Карташев и Потупчик. Жаль, говорит, что уже умерли, а то бы я посадил их на скамью подсудимых. Как так? Ведь было следствие, показания многочисленных свидетелей, суд, наконец, было признание самих подсудимых. Все так, не отрицает Альперович-Ачильдиев-Дружников, но те двое, кого осудили, его не интересуют, ибо они простые крестьяне, а эти — коммунисты. Да еще Карташев — «уполномоченный ОГПУ». И вот, мол, убийством хотели спровоцировать массовые репрессии в деревне... Правда, материалов следствия и суда Альперович в руках не держал. Таким людям некогда копаться в архивах, как три года копалась в них Вероника Кононенко, написавшая обстоятельное исследование об этой трагедии. Альперовичам лишь бы побыстрее слепить статейку или книжонку позабористее. А когда иные из них, как Солженицын или Радзинский, обращаются к документам, то бесстыдно препарируют их в соответствии со своими целями. Альперович же строил свое доказательство исключительно по наитию «нового мышления», согласно которому, не было в истории людей ужаснее коммунистов и не существовало страны омерзительнее Советского Союза.

Но тут-то и появилась неутомимая журналистка Вероника Кононенко и разыскала не только все судебные материалы дела, но и самого Спиридона Никитича Карташова, оказавшегося вопреки надеждам и расчетам Альперовича отнюдь не вымершим коммунистом. Нашла дотошная Вероника и Алексея — последнего из семьи Морозовых, младшего брата Павла.

Беатрикс радостно всплеснула руками, ее большие серые глаза сияли, а когда оператор по какой-то своей технической нужде тут же сделал паузу в съемке, она изумленно воскликнула:

— Все оказались живы — и мать, и учительница, и Карташов!

— Ничего удивительного,— ответил я.— Во-первых, все они в дни трагедии

были весьма молоды. А во-вторых, не забывайте, что до ельцинско-черномырдинских реформ средняя продолжительность жизни была в стране 72 года у мужчин и 76 лет у женщин. Теперь же большинство мужчин не доживают даже до пенсии.

— А вот вы упомянули о Солженицыне,— неуверенно сказала англичанка.— Ведь он всемирно известен, нобелевский лауреат...

У меня не было желания распространяться об этом, и я опять ответил кратко:

— Этот нобелиат получил то, что давно заслужил: полное безразличие читателей и оголтелые восторги Радзинского. Больше того, его книги стали предметом насмешек и даже глумления. В последнее время этим занялся, видимо, не отдавая себе отчета в производимом эффекте, или наоборот, слишком ясно понимая это, весьма известный у нас телехохмач Хазанов. Вот, говорит, однажды Ростропович приделал Солженицыну раков и пиво, и это толкнуло писателя на создание великого, бессмертного романа «Раковый корпус». А как была написана книга «Ленин в Цюрихе»? Да очень просто! Однажды картавящий Ростропович, видите ли, напомнил писателю картавящего Ленина, и он бросился к письменному столу. Что же касается многомиллионнотиражного трактата Солженицына «Как нам обустроить Россию», то он зародился на даче у того же Ростроповича в размышлениях о том, как Александр Исаевич обустроил бы эту дачу, если бы она принадлежала ему...

— Это в России называется юмор? — спросила соотечественница Свифта, Бернарда Шоу и Ивлина Во.

— Да, таков у нас теперь юмор. И другого юмора не понимают и не заслуживают ни президент, ни премьер, ни министр культуры. Они сами на уровне таких особенно известных юмористов и сатириков, как Хазанов, Жванецкий, Петросян.

— Мотор!

— Альперович, зачислив Карташова в чекисты, объявив, что именно он убил Павлика Морозова с целью вызвать массовые репрессии, высылку местных кулаков разумеется, врал. Карташов чекистом никогда не был, и никаких репрессий не последовало. Вероника Кононенко установила это точно. Арестовали по подозрению в убийстве всего шесть человек, двое из которых вскоре были отпущены. Не состоялась и «массовая высылка кулаков» из деревни, чем запоздало стращал обличитель. Алексей Морозов свидетельств

вует: «У нас из богатеев никто не пострадал, да и высылать было некуда — и так медвежий угол. Высылали к нам...»

Когда спрашиваешь этих писателей, историков, педагогов, как же так, за что вы люто ненавидите Павла, ведь не он же убил, а его убили, то они, бледнея от гордого негодования, отвечают, например, голосом Соломона Соловейчика: «Он нанес удар в завязь нравственности. Под анестезией жалости к убитым в сердца детей, читавших о них, вливали жуткую вакцину против совести». Какие слова! Завязь... Анестезия... Вакцина. Но позвольте, вакцина вроде бы средство против чумы, холеры, оспы. Разве совесть стоит тут в одном ряду?

Тогда они отвечают голосом Владимира Амлинского: «Павел Морозов — это не символ стойкости, классовой сознательности, а символ узаконенного предательства». Как это не символ стойкости, если ему то и дело грозили расправой, не раз избивали так, что он попадал в больницу, пытались утопить, а он стоял на своем! Кто-нибудь из вас, твердокаменные, пронес свои убеждения сквозь такой кошмар, получил за свои взгляды хотя бы одну затрещину?..

Тогда они отвечают голосом известного ветерана правдолюбия Юрия

Феофанова: «Меня заставляли молиться на Павлика!» Кто заставлял? Побойся бога, старая кикимора! Это от предрасположенности зависит. Есть люди и органы печати, которые не в силах не молится хоть на кого-нибудь. Да и лучше уж молиться на убиенного отрока, чем на малограмотного Гайдара, предавшего деда, или на Чубайса, именуемого в газетах «вором в законе».

Тогда они отвечают хором: «Он совершил преступление, которое неизмеримо тяжелее любого убийства!» Но разве смерть не искупает любую вину хотя бы через шестьдесят лет? Ведь вы все время твердите ныне о милосердии, сострадании, на устах у вас то Божье имя, то имя Искупителя... Но что же все-таки он совершил? И они отвечают: «Он выступил против родного отца!»

Допустим. Но тут обнажается один из основных клеветнических приемов всей вашей империи лжи. Вы так бурно и долго негодуете, словно это единственный доселе невиданный случай во всей истории рода людского. Словно ничего подобного вы не встречали в мировой литературе от Еврипида и Гоголя, у которых родители убивают своих детей, до Шохолова. В «Тихом Доне» сыновья убивают своего отца за то, что он изнасиловал их сестру, свою дочь Аксинью... История рода человеческого, увы, трагична, и тяжко бремя, страстей человеческих.

346

Но ведь Павел-то не убил отца, его всего лишь на несколько лет лишили свободы, и произошло это отнюдь не в результате личных усилий сына, показания против подсудимого давали многие. Может, Трофим, отец Павла, председатель сельсовета, был ангелом во плоти и пострадал несправедливо? Вот что сказал о нем даже спустя почти шестьдесят лет другой его сын, Алексей: «Я про отца старался плохо не говорить. Меня вынудили, чтобы брата от позора спасти. О мертвых плохо говорить — грех». И все-таки: «Привезли ссыльных поселенцев осенью тридцатого года. Вы думаете, отец их жалел? Ничуть. Он мать нашу, сыновей своих не жалел, не то что чужих. Любил одного себя да водку. И с переселенцев за бланки с печатью три шкуры сдирал. Те последнее ему отдавали: деньги, сало, мясо...» За торговлю этими бланками Трофима и посадили вместе с пятью другими председателями сельсоветов, промышлявшими в округе тем же. Однако нам твердят: «Павел изменил кровным родственным узам, самым святым на свете. Он предал отца! Донос — это всегда донос, а уж на отца!..»

Но вот я беру свежайший номерок еженедельника «Аргументы и факты» и читаю письмо, присланное недавно одной девушкой:

«Вы, наверное, подумаете, что я сумасшедшая, ведь я хочу убить своего отца... У моей матери трое детей. Когда я родилась, отца посадили за изнасилование, и моей матери пришлось воспитывать нас одной на 60 рублей в месяц да еще посылать передачи. Когда я была маленькая, очень хотела, чтобы отец вернулся, но вот это произошло, и наши мучения начались. Он пил, пил много, бил нас и мать, а когда был трезвым, его издевательства принимали еще более изощренную форму. Он то спускал на меня собак, то начинал говорить такое, что просто стыдно повторить, а когда я повзрослела, пытался изнасиловать... Вчера в два часа ночи отец ворвался ко мне с ножом, стал бить и кричать, чтобы я пошла с ним. Я упиралась, звала на помощь, но мать тоже боялась подойти, ведь у него в руках был нож. Наконец, на крик вышла соседка и пригрозила, что вызовет милицию. Это было последней каплей. Если он сегодня напьется, он будет в моих руках. Пусть ценой собственной жизни, но я отомщу за свои и мамины страдания. Он сам сделал из меня врага».

Вот такое письмо наших распрекрасных демократических дней в многомиллионную газету...Что же молчите вы — многомудрый педагог

Соловейчик, и вельмигласная критикесса Иванова из «Огонька», и правдолюб Феофанов из «Известий»? Почему не слышно ваших вселенских воплей: «Дочь
347
предала отца! Донос! Измена священным узам крови!» А если девушка выполнит свою страшную угрозу, повернется ли у вас язык осудить ее и объявить чудовищем страшнее Павлика?..

В камере кончилась пленка, и оператор почему-то слишком долго менял ее на новую при гробовом молчании всех присутствующих. Тишину нарушил только глоток, который Беатрикс сделала из стакана воды...

— Мотор!

— Жизнь Павла Морозова мало отличалась от жизни этой девушки эпохи Горбачева-Ельцина, а кое в чем была и по-страшнее. Этот нынешний скот угодил в тюрьму за изнасилование, а жена собирала ему передачи. А тот скот бросил молодую жену с четырьмя детьми и на глазах всей деревни начал жить с другой, ушел к ней. Городские интеллектуалы Амлинский да Бурлацкий, возросшие на асфальте, могут не понимать во всей полноте, что это такое для русской деревни шестьдесят пять лет тому назад, но Солоухин, выросший в такой деревне, или Балашов должны бы ясно представлять себе картину со всей обстоятельностью. Ведь здесь такой срам, что хоть в омут. Но, может быть, еще страшнее другое: как прокормить пять едоков двумя женскими руками? И начали эти едоки «ходить в куски», как говорят на Урале, то бишь побираться.

Алексей Морозов рассказывает: «История Павлика — это трагедия семьи, которую отец растоптал и предал». Да, именно так: не сын предал отца, а отец предал всю большую семью, и в том числе старшего сына. И сделал он это задолго до того, как Павел хоть что-то предпринял против него.

Но в чем же все-таки конкретно состоял поступок Павла? Может быть, послал письмо на Лубянку? Или приехал в Москву и выступил на собрании в ЦДЛ, требуя выслать отца за границу и лишить советского гражданства, как это сделали в отношении некоторых своих собратьев кое-кто из писателей, нынешних разоблачителей убиенного? Или, наконец, обратился в местные органы ОГПУ?

По одной журналистской версии, Павел пришел в сельсовет и рассказал о проделках своего отца приехавшему из райкома партии уполномоченному по хлебозаготовкам Кучину. Это крайне сомнительно, ибо, во-первых, в сельсовете он всегда мог напороться на отца, бывшего там председателем; во-вторых, при чем здесь уполномоченный по хлебозаготовкам?

По другой журналистской версии, Павел никуда не ходил; а, наоборот, к ним в избу сам зашел уполномоченный и слу-
348
чайно увидел оброненную Трофимом справку, а Павел сказал, что отец такими справками торгует, но фамилия уполномоченного была не Кучин, а Дымов.

По третьей версии, принадлежавшей уже не приезжим журналистам, а Л. П. Исаковой, учительнице Павла, в деревне вообще не появлялись представители райкома с такими фамилиями, а был уполномоченный, имевший запоминающуюся фамилию Толстый. Однако в материалах дела нет никаких показаний уполномоченных. Есть показания участкового инспектора милиции Я. Т. Битова. Гораздо вероятнее, что Павел, пожелай он сообщить властям о каких-то непорядках, обратился бы именно к нему. Но в показаниях Битова, как установила В. Кононенко, нет ни слова о том, что Павел говорил ему хоть что-нибудь об отце.

Но допустим на минуту самый неблагоприятный для Павла вариант: он пришел в сельсовет и сообщил приезжему человеку о злоупотреблениях отца. Но

ведь в отличие от зрелых мужей, многоопытных писателей, требовавших, например, в 1958 году лишить гражданства своего собрата, которого они называли предателем, малограмотный тринадцатилетний мальчик, ничего, кроме своей таежной глухой Герасимовки, не знавший, конечно же, не способен был предвидеть все последствия. Тем более что на дворе стоял только 1931 год, и он, опять же в отличие от помянутых выше московских писателей, не мог учесть ничем не заменимый опыт тридцать седьмого года, которым располагали те.

Наиболее вероятным будет предположить, что Павел хотел только припугнуть отца, надеялся, что приезжий дядя всего лишь задаст ему хорошую взбучку, он образумится и вернется в семью. При всем драматизме сложившейся в доме обстановки, при всей горечи и боли, что отец причинил семье, мечта о возвращении отца могла жить в сердце мальчика и двигать его поступками. Помните, что пишет девушка, отец которой сидел в тюрьме за гнуснейшее дело? «Когда я была маленькой, очень хотела, чтобы отец вернулся». Кто докажет, что шестьдесят пять лет назад детские сердца были устроены иначе.

Однако, напомним, никаких доказательств, что Павел сказал о служебном корыстном жульничестве отца работнику райкома или милиции нет. И нет ни слова о доносе в материалах как суда над Трофимом Морозовым с его подельниками по обвинению их в торговле справками, так и суда над убийцами братьев,— ни в показаниях подсудимых и свидетелей, ни в других приобщенных документах.

349

А есть заявления такого рода: «Сергей Морозов был сердит на внука, ругал его за то, что он давал показания против отца на суде...»,. «На суде сын Трофима Морозова, Павел, подтвердил, что видел в доме чужие вещи...», «Мой свекор "ненавидел нас с Павликом за то, что он на суде дал показания против Трофима...» и т. д.

Да, именно так: дал на суде показания против отца, а точнее сказать, по причине малолетства будучи допрошен в присутствии матери и учительницы, Павел лишь подтвердил то, что в качестве свидетельницы показала мать. И никак иначе он поступить не мог. Надо думать, что, как это водится всегда, его предупредили и он знал об ответственности за ложные показания. И вот мать уже дала правдивые показания. Значит, если Павел захотел бы выгородить родимого негодяя, то, во-первых, он скорее всего был бы легко уличен в неправде, а главное, ему пришлось бы выбирать между ненавистным отцом и любимой матерью, которую он ложными показаниями мог поставить под удар. Синклит сердцеведов ныне твердит: вот и должен был во имя отца-страдальца поставить под удар мать! Слава богу, мальчик поступил по-своему: встал на сторону несчастной, опозоренной отцом матери. В этом весь его грех. Судите, серцеведы, защитника матери...

Много, очень много наговорили и написали ненавистники Павла Морозова, и все — ложь. Но однажды вырвалось все-таки словцо правды. Владимир Амлинский заявил в «Литературной газете»: «Он глубоко опасен!» Святая правда. Да, он был крайне опасен, и притом но только для жуликоватого богача Арсения Кулуканова, которого принародно клеймил за то, что он украл 16 пудов общественного хлеба; не только для Ефрема Шатракова, которому советовал сдать припрятанное ружье; не только для хитрого прижимистого деда, которого стыдил за то, что он прячет ворованное и всегда старается поживиться за чужой счет; не только для отца, которого обличал и за махинации с фальшивыми справками и за то, что как председатель сельсовета он во всем потакал богачам... Не только для этих односельчан да родственников был опасен Павел, но и для

всех подобных личностей в округе. Его старая учительница Лариса Ивановна Исакова, у которой в тридцать седьмом расстреляли ни в чем не повинного первого мужа, а в сорок первом погиб на фронте второй, русская женщина поразительной душевной чистоты и стойкости, поднявшая на свою учительскую зарплату шестерых детей, говорит о своем ученике Павле: «Светлый он был человек. Хотел, чтобы никто чужую судьбу не заедал, за счет другого не наживался. За это его и убили».
350

А после смерти, когда его история стала известна, он стал опасен для многих во всей стране. Для кое-кого он глубоко опасен и сейчас. Ну как же не опасен, допустим, для Горбачева, всю жизнь озабоченного только своей шкурой, если Павел с открытой грудью шел в бой за других? Как не опасен для Ельцина, который всю жизнь лгал и будет лгать до могилы, если Павел просто не способен был солгать? Как не опасен для какого-нибудь Марка Захарова, который при первом же шорохе сбежал из партии да еще устроил мерзкое зрелище сожжения своего партбилета на глазах миллионов телезрителей, а он, тринадцатилетний деревенский мальчишка в ответ на угрозу дремучего деда «бить до тех пор, пока не выпишешься из пионеров», бросил ему в лицо: «Убивай хоть сейчас, не выпишусь!»? Он опасен для всех названных и неназванных здесь своих гонителей и клеветников от еврея Соловейчика до русской Ивановой, от нестарого Альперовича до древнего Феофанова, от здравствующего Бурлацкого до покойного Амлинского...

Мой друг и сослуживец по журналу «Дружба народов» Ярослав Смеляков в стихотворении «Судья» писал о солдате, павшем в боях за Родину:

Если правда будет время,
Когда людей на Страшный суд
Из всех земель с грехами всеми
Трикратно трубы призовут,—
Предстанет за столом судейским
Не Бог с туманной бородой,
А паренек красноармейский
Пред потрясенною толпой.
Он все увидит, этот мальчик,
И ни йоты не простит,
Но лесть — от правды,
Боль — от фальши
И гнев — от злобы отличит...

Мне кажется, что в этих строках, где мешаются атеизм и вера, больше правды и жажды справедливости, чем в ином псалме. Эти стихи и о нем — о Павле Морозове. За деланными гримасами боли и гневными воплями своих хулителей он ясно видит фальшь и злобу...

«Цвет волос — русый, лицо — белое, глаза — голубые, открыты. В ногах две березы...» Нашим юношам и девушкам «делать жизнь с кого», Лимонов? С Павлика Морозова. Хотите верьте, хотите — нет: два особенно злобных его ненавистника умерли, это произошло в разные годы, но в обоих случаях — в день убийства Павлика и Феди.
351

Тот, кто не верит этому, вероятно, усомнится и в том, чем я хочу завершить статью. Седьмого января, в Рождество, около одиннадцати часов вечера, когда я был занят некоторыми уточнениями в тексте, уже отданном накануне в редакцию, вдруг раздался междугородний звонок. Париж! И мой добрый приятель сообщает: по французскому телевидению показывают фильм о Павлике

Морозове. Вот на экране ты, Бушин, а теперь Федор Бурлацкий лепечет... Герасимовка... памятник Павлику...

Мистика? Промысел Божий? Простая случайность? Все возможно! Но уж это совпадение могут подтвердить, о одной стороны, все парижане, с другой — сотрудники «Завтра».

Я не знаю, конечно, что за фильм получился в конце концов у студии KinoFinlandia и у ее сотрудников, но я верил всю жизнь и верю до сих пор, что женщину о такими глазами, как у Беатрикс, могут обмануть, но сама она никогда не сделает зла, не скажет неправду.

СОПОСТАВЬТЕ, ПОДУМАЙТЕ, ВЗВЕСЬТЕ!

Моя статья о Павлике Морозове «Он все увидит, этот мальчик» в «Завтра» (№2) вызвала отклики читателей. Были телефонные звонки, даже междугородные, были письма. Хотя бы о двух откликах хочу рассказать.

Позвонил из Твери Андрей Васильевич Семенов и спросил: читал ли я давнюю статью Вадима Кожинова «Проблема искренних сталинистов». Она, мол, имеет прямое отношение к теме моей публикации, имя Павлика Морозова там упоминается, но дело не только в этом. Я ответил, что знаю статью В. Кожинова и даже читал в 1989 году в «Юности» воспоминания, которые автор цитирует. Действительно, это имеет прямое отношение к тому, что я писал в статье «Он все увидит...». Я нашел статью В. Кожинова в книге «Сталин», составленной Михаилом Лобановым, с интересом перечитал ее и, по совету А. В. Семенова, теперь хочу пересказать. Вот какое дело...

В 1929 году один молодой русский поэт, однажды переехав из деревни в областной город, записал в дневнике: «Я должен поехать на родину (тут названа деревня, которую я пока опущу.— *В. Б.),* чтобы рассчитаться с ней навсегда. Я борюсь с природой (видимо, в смысле со своей натурой.— *В. Б.),* делая это сознательно, как необходимое дело в плане моего самоусовершенствования. Я должен увидеть <деревню>, чтобы охладеть к ней, а не то еще долго мне будут мерещиться и заполнять меня всяческие впечатления детства: береза, желтый песочек, мама и т. д.».

Мать, в противоположность отцу Павлика Морозова, ничего дурного в жизни не сделала. Наоборот, она, простая крестьянка, вскормила, вместе с мужем поставила на ноги семерых детей, и вот один из них, став горожанином и начинающим писателем, сознательно возжелал «в плане самоусовершенствования» охладеть не только к родной деревне, но даже и к ней, к родной матери.

Прошло недолгое время, и в марте 1931 года, может быть, в те самые дни, когда в уральской Герасимовке шел

суд над Трофимом Морозовым и его однодельцами, семью молодого поэта, занятого самоусовершенствованием, раскулачили и сослали примерно в те же уральские края, где в это время разыгрывалась трагедия, о которой шла речь в моей статье, а, самого поэта никто не тронул, он продолжал совершенствовать свою природу и поэтическое мастерство, даже издал уже в Москве книгу стихов «Путь к социализму».

Всего через два месяца старшие братья Константин да Иван бежали из ссылки. В. Кожинов объясняет это тем, что они «были сильные и гордые люди». Ну да, вестимо, несомненно. Однако тут невольно возникает вопрос и о том, какова же была охрана ссыльных. Тем более что еще через месяц бежал и отец,

человек, может быть, не менее гордый, но уже далеко не молодой и едва ли такой же сильный. Да и не один бежал Трифон, а с малолетним сыном, которого звали, представьте себе, тоже Павлом.

Через всю страну без документов (где же вездесущее и всеведающее НКВД?) отец с сыном добрались до областного центра, где жил и работал в газете родной им преуспевающий поэт. И вот брат поэта Иван, тот самый, что бежал с Константином, так передает рассказ отца о встрече с городским сыном в августе 1931 года, за год до убийства в Герасимовке:

«Стоим мы с Павлушей, ждем (у здания редакции, где работал сын.— *В. Б.).* А на душе неспокойно... Однако ж и по-другому думаю: родной сын! Может, Павлушу приютит. Мальчишка же чем провинился перед ним, родной ему братик? А он, Александр, выходит... Стоит и смотрит на нас молча. А потом не «здравствуй, отец!» — а «как вы здесь оказались?!»...

— Шура! Сын мой! — говорю.— Гибель же нам там. Голод, болезни, произвол полный!

— Значит, бежали?.. Помочь могу только в том, чтобы бесплатно доставили вас туда, где были! — так точно и сказал.

Понял я тут, что ни просьбы, ни мольбы ничего уже не изменят...»

Вот такая история тех далеких времен. Где же она приключилась? В Смоленске. Как называлась деревенька, к которой поэт так настойчиво хотел охладеть и забыть ее? Загорье. Кто же, наконец, этот поэт, что достиг столь сияющих вершин самоусовершенствования? Страшно сказать... Александр Твардовский. Позже, в 1940 году, он напишет:

На хутор свой Загорье —
Второй у батьки сын —

На старое подворье
Приехал я один...
На хуторе Загорье
Росли мы у отца.
Зеленое подворье
У самого крыльца...
А где ж вы, братья, братцы,
Моя родная кровь?
Вам съехаться б, собраться
На старом месте вновь.

Значит, поэт скучал о братьях, хотел встретиться с ними. А они, родная кровь, и в частности Павел, Павлик, как относились ко второму у батьки сыну? Об этом яснее всего говорит тот факт, что брат Иван и через почти шестьдесят лет не остановился перед тем, чтобы поведать в многомиллионном тиражном журнале о встрече бежавшего из ссылки отца с сыном, восходящей поэтической звездой. Правда, тогда, в начале тридцатых, отцу удалось все-таки вызволить из таежного поселения жену и всех еще остававшихся там детей, приехать в Нижний Тагил, устроиться работать кузнецом, а позже перебраться в Вятскую область. Да, удалось, и все остались живы, устроились. «Но все же, все же, все же...»

Пересказав эту историю, В. Кожинов заметил в 1990 году: «Сейчас много пишут о Павлике Морозове, но встреча Твардовского с отцом, пожалуй, драматичнее, т. к. поэту было не четырнадцать лет, как Павлику, а уже двадцать два...» Но разве все дело в возрасте! Ведь надо учесть еще и то, что Твардовский-то ничего дурного от своего отца-труженика не видел — ни пьянства, ни побоев,

ни ухода на глазах всей деревни из семьи к другой бабе. Поэт прямо признавал:

Мы были хуторяне.
Отец нам не мешал...

Твардовский-то жил не в глухой таежной деревеньке, не в четвертый или пятый класс бегал, а учился в педагогическом институте и уже навострился поступить в знаменитый столичный МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории), который потом и окончит. Твардовский-то — писатель, мыслитель, сердцевед... К тому же сопоставлять-то Твардовского надо не с Павликом, а с отцом Павлика, ибо они, взрослые люди, а не подросток предали свои семьи. Так почему ж правдолюбы и на сей раз молчат? А иные из них пытаются оправдать поступок Твардовского, предавшего «родную кровь». Так, новомирский критик Юрий Буртин уве-
355
ряет, что в начале тридцатых годов это был «человек, терзаемый жестоким внутренним конфликтом», а в апреле 1936 года, будто бы с большим трудом и многим рискуя, он добился перевода отца и всей семьи из Вятской области в Смоленск. В. Кожинов приводит стихи Твардовского, которые, увы, опровергают домысел о его внутренних страданиях. А что касается переезда семьи в Смоленск, то критик напоминает, что в 1934 году вышло Постановление ЦИК СССР «О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков», которое и дало возможность всей семье вскоре переехать в Смоленск. Так что же вы, правдолюбы, если не молчите, то врете? Да не потому ли, что Твардовский пригрел в своем «Новом мире» уж слишком много буртиных?..

И вот еще письмо, на этот раз пишет москвичка, служащая в храме.

«Уважаемый автор!

(Простите, что не называю вас полным именем. В газете не написано отчество, а без него обращаться к взрослому человеку на Руси не принято.)

Я вам очень благодарна за статью о Павлике Морозове и теперь в «Завтра», и в 1992 году в «Советской России». Спасибо, что вы для многих, таких, как я, по неведению смущавшихся клеветой на него, открыли правду об этом чистом отроке, исповеднике и мученике за Истину — одном из самых ярких алмазов земли Российской, одном из самых славных ее святых.

Вот такие люди, как Павлик, как Зоя Космодемьянская, как Георгий Жуков, становятся ныне жертвами всяческих поношений от ненавистников России. И что больнее всего — они побуждают к тому же и многих-многих доверчивых наших соотечественников, которые впадают в грех хулы на угодников Божиих, чем вызывают еще большее нестроение и гнев Создателя. И вы правы в своем негодовании, что в этот же грех впадают и те, кто считает себя защитниками чести родной страны,— упомянутые в вашей статье и многие им подобные, зомбированные таким образом, что слова «коммунист» и «пионер» служат для них сигналом к злобному беснованию.

Особенно ярятся люди церковные, хотя им-то полагалось бы более взвешенно оценивать чужие поступки. Но, видно, по особому тяготению душ они выказывают свою «голубиную простоту» и «агнечью кротость» только в отношении егоров Гайдаров. А уж «мудрости змиевой», судя по последним годам (да что годам — столетиям!), они и вовсе предпочитают избегать.
356

К статье 92-го года была приложена фотография: удивительно светлое, святое лицо маленького мученика. К сожалению, памятник, изображение которого помещено в газете «Завтра», не передает этих свойств. А сама статья

очень хороша и своей документальностью, и образом, светлым и чистым, по особому промыслу Божию запечатленному даже в акте осмотра трупов. Участковый инспектор, составляющий акт, видимо, не мог не поразиться видом святого облика маленького мученика и написал это простыми словами, как мог[1]. А тело убитого брата Феди описано уже вполне протокольно, обыденно.

Имя отрока Павла, за Истину живот положившего, я поминаю в своих молитвах с 92-го года, еще с той вашей статьи, и пишу его в записках на Богослужении. Но рассказать о нем в своем приходе даже сослуживцам по храму не берусь. Не поймут. Даже о. настоятель не знает, за кого вынимает частички[2].

Гражданская война не кончилась. Как мы предстанем на Страшный суд? Непонимающие друг друга, непримиренные, в отчаянии от неудачи с коммунистическим раем бросившиеся в капиталистический ад, топчущие Истину и при этом взывающие к Ней же: «Почай, Господи...»

Спаси вас Господи за Павлика Морозова, за Истину.

Раба Божья Надежда.

17.01.98 г.»

[1] Видимо, на эту мысль мою читательницу навели заключительные слова описания: «Волосы — русые, лицо — белое, глаза открыты, в ногах — две березы». В самом деле, при чем здесь березы, если они не символ чего-то высокого.

[2] Видимо, имеются в виду записки, в которых значатся имена усопших для поминания их за упокой.

ВЫСТУПЛЕНИЕ

3 июня 1986 года в Малом зале ЦДЛ на собрании московских писателей с повесткой «Труд писателя. Социальные и правовые вопросы».

Уважаемые товарищи!

В апреле состоялось очередное присуждение Ленинских премий. На другой день, как издавна заведено, в «Правде» появилась статья председателя Комитета по премиям в области литературы и искусства Г. М. Маркова, в которой автор коротко рассказывал о новых лауреатах. Об одном из них, между прочим, в статье говорилось, что «его творчество давно вошло в сокровищницу мировой культуры». Я не называю имени этого лауреата, дабы не ставить хорошего человека и интересного художника даже заочно в конфузное положение. Ну, действительно, ведь мировая культура в ее высших «сокровищных» проявлениях — это египетские пирамиды и Парфенон, Сикстинская мадонна и Героическая симфония, Гомер и Шекспир, Моцарт и Чайковский, «Дон Кихот» и «Война и мир», Василий Блаженный и «Тихий Дон», «Братья Карамазовы» и Шостакович, это изобретение радио самолетов, это атомная энергия и вакцина против чумы... Раньше определять, что именно входит в сокровищницу мировой культуры, было привилегией и правом лишь истории и потомков, лишь времени и человечества. Но вот ныне при посредстве «Правды» это трудное дело взвалил на свои немолодые плечи лично товарищ Марков Г. М. Не обинуясь, прямо, без дрожи в голосе он при всем честном народе лепит в глаза собрату по Аполлону: ты, мол, братец, того, в сокровищнице, среди бессмертных.

Человеку, читавшему хотя бы только «Капитанскую дочку», видеть это несколько ошеломительно, даже загадочно, однако он легко поймет т. Маркова и даже, может быть, отчасти извинит его, если примет во внимание, что Марков отнюдь не одинок в своих претензиях на прерогативы истории и всего человечество, что есть и еще столь же неробкие

да ухватистые ребята, и они, кстати говоря, пишут о Маркове то же самое, что он

наш сам — о неназванном здесь новом лауреате. Вот, допустим, Михаил Алексеев. Перечислив в статье «Как хорошую песню спеть» ряд писателей, назвав десяток произведений, он уверенно извещает через посредство журнала «Советский воин» все человечество, что все эти произведения «по праву вошли в сокровищницу не только нашей, но и мировой культуры» (1986, № 4. С. 3). И первым, как самое большое сокровище, М. Алексеев назвал роман Г. Маркова «Грядущему веку». Роман еще не окончен, но Алексеева и это ничуть не смущает, он не намерен ждать не только оценки истории и человечества, но даже окончания публикации, ему аж руки жжет от нетерпения. К тому же он, как видно, боится, что его могут обскакать, допустим, И. Мотяшов, С. Смоляницкий, В. Литвинов и десятки других авторов, пишущих оголтело-хвалебные статьи и книги о Г. Маркове.

Вслед за «Грядущему веку» М. Алексеев, поднатужившись, распахнув богатырским плечом ворота пошире, затаскивает в сокровищницу мировой культуры романы «Блокада» и «Победа» А. Чаковского, «Война» и «Москва, 41-й» И. Стаднюка, «Вечный зов» А. Иванова, «Берег» Ю. Бондарева, «Судьба» П. Проскурина и книгу одного покойного писателя, имя которого я опять-таки не назову: остальные-то могут оборониться от несколько назойливых ласк непрошеного доброхота, а покойный этой отрадной возможности, увы, лишен[1]. Впрочем, и у некоторых благополучно здравствующих положение тоже весьма непростое. Взять, скажем, И. Стаднюка. Ведь ему предстоит оборониться от ласк не только своего друга М. Алексеева, но и любимого журнала, где он много лет заведовал отделом литературы и часто печатается до сих пор, да еще и от собственного сына Ю. И. Стаднюка, который ныне заведует в журнале отделом литературы и, следовательно, сам заказал, отредактировал и сдал в набор

[1] Бросается в глаза, что в последнее время М. Алексеев прямо-таки пристрастился к роли непрошеного доброхота. Так, недавно по случаю 75-летия Н. М. Грибачева он, желая воздать юбиляру высшую в своем понимании хвалу, написал в «Литературной газете» (да еще будто бы со слов самого поэта!), что у того нет, мол, в письменном столе ни одного стишка, ни единой строки — все опубликовано! На другой день, выступая по телевидению в программе «Время», Н. Грибачев, естественно, отклонил эту более чем сомнительную похвалу: кому же не ясно, что печатать все выходящее из-под пера стремятся только литераторы, потерявшие над собой контроль. Да немало есть и других причин, не позволяющих печатать все написанное. Право же, очень верна пословица насчет того, как опасна бывает в иных случаях услужливость, вышедшая из-под контроля разума.

статью, где книги его папы объявляются шедеврами мировой литературы на все времена.

Итак, Г. Марков поместил на наших глазах в сокровищницу мировой культуры одного коллегу, а М. Алексеев — сразу семерых. Как видно, в последнем случае сказалась давняя приверженность писателя к шеренге, строю, отряду и другим армейским понятиям. Он выстроил своих любимцев в одну шеренгу, приказал подравняться, повернул направо и зычно скомандовал: «Отряд! В сокровищницу мировой культуры шагом — марш!» И вся недолга.

Видеть произведенное М. Алексеевым отрядно-групповое зачисление в мировые классики, конечно же, еще более удивительно, чем видеть то, что проделал Г. Марков. Но и Алексеева, как ни странно, понять можно: ведь и о нем пишут то же самое, что он пишет о Маркове, и его зачисляют в сокровищницу. Вот, скажем, книга о нем С. Борзунова. Критик не ограничивается бесконечными похвалами и восторгами своему герою, ему мало, что ученические стихи Алексеева он льстиво сопоставляет со стихами Твардовского, Борзунов вот еще что пишет о родном селе писателя: «Уверен, что долго будет жить оно в памяти народной и займет достойное место среди таких дорогих русскому сердцу

названий, как толстовская Ясная Поляна, шолоховская Вешенская, есенинское Константинове тургеневское Спасское-Лутовиново, блоковское Шахматове Так прославил свое село выдающийся советский писатель Михаил Алексеев» (С. М. Борзунов. Михаил Алексеев. Московский рабочий, 1983. С. 5). Видимо, только по соображениям краткости критик не назвал здесь еще и Михайловское, Тарханы, Овстуг, Карабиху и ряд других сел и деревень, к которым не зарастет народная тропа. Но и без этого добавления, конечно же, ясно, что и Алексеев там, в сокровищнице.

Если дело так пойдет и дальше, то завтра в сокровищнице мировой культуры мы увидим и Семена Михайловича Борзунова с его книгой «Михаил Алексеев». А есть веские и многочисленные свидетельства того, что дело именно так и пойдет. Вот здесь присутствует Феликс Кузнецов, наш непотопляемый московский флагман. Не так давно он объявил, что Бела Ахмадулина — «поэт пушкинского дарования». Ну а где место такому поэту? Конечно же, в сокровищнице!.. Как видим, и всесоюзный флагман Марков, и столичный флагман Кузнецов едут одним твердым курсом. И, как видно, изменить этот достопечальный курс можно лишь одним способом — сменой самих флагманов.

Однако чем же все-таки объясняется столь упорный курс на амикошонство с сокровищницей мировой культуры? Я ду-

маю, здесь возможны два объяснения. Первое: названные писатели просто не понимают значения слов «сокровищница мировой культуры», думают, что эта сокровищница нечто вроде личного холодильника, куда можно совать все, что нравится: кусок колбасы, бутылку «жигулевского», соленый огурец... Но если люди действительно не понимают, а следовательно, и не могу объяснить значение употребляемых ими слов, то тут нельзя не вспомнить, что Толстой однажды сказал: «Если бы я был царь, я бы издал закон, что писатель, который употребит слово, значение которого он не может объяснить, лишается права писать и получает 100 ударов розог» (ПСС. Т. 62. С. 438). Вот вам и непротивленец злу!.. Ах, как было бы поучительно и благотворно накануне Восьмого съезда писателей или во время его осуществить хотя бы вторую часть мудрого толстовского закона — учинить воспитательную экзекуцию! Пусть не сто розог, а хотя бы двадцать пять. Пусть не всех пороть, а хотя бы одного Алексеева как самого масштабного инвеститора в сокровищницу, или одного Кузнецова как самого живучего, или одного Борзунова.

Хотя бы одного!.. И учинить это следовало бы непременно улице на Воровского во дворе правления Союза писателей СССР перед памятником сидящего в кресле Толстого.

Конечно, людям, которые мировую культуру путают с собственным холодильником, очень трудно занимать ответственные должности и руководить литературной жизнью великой страны, которая внесла в сокровищницу этой культуры столь достойный вклад. Им, пожалуй, даже труднее, чем их духовным собратьям из бывшего руководства Союзом кинематографистов, среди коих также имелись попытки несколько поспешного проникновения все в ту же сокровищницу, за что недавно, в мае, они и поплатились: ни один из них не был избран в состав нового руководства. Думаю, что они все во главе с Львом Кулиджановым охотно согласились бы и на сто розог, если это избавило бы их от того, что они получили. Впрочем, после ста розог они, вероятно, очень долго не могли бы погрузить свои афедроны в самые мягкие кресла...

Однако объяснение всей этой фантасмагории с сокровищницей мировой культуры прямым невежеством, пожалуй, правильно лишь отчасти, по

отношению только к некоторым из названных литераторов. Есть другое, гораздо более правдоподобное объяснение. Чтобы его понять, вернемся к сокровищному списку М. Алексеева. Нетрудно видеть, что в нем преобладают главным образом представители высокого начальства и есть также личные дружки инвеститора. Почему Алексеев не зачислил в свой отряд, например, В. Распути-
361
на? Ведь не плоше он, допустим, А. Иванова? Нет, конечно, не плоше, но — не начальство. Почему нет среди алексеевских сокровищников, скажем, Ч. Айтматова? Ведь не жиже он, предположим, А. Чаковского? Нет, никак не жиже, но — не дружок.

При виде того, как много среди нареченных Алексеевым классиками мировой литературы нашего благоденствующего литературного начальства — сплошь секретари да председатели, главные редакторы да разные члены, кто редколлегий, кто редсоветов, а кто и самого ЦК — при виде этого невольно закрадывается мысль о ныне, увы, столь частом небескорыстии. В самом деле, если не под дулом пистолета, а совершенно добровольно человек вопреки рассудку объявляет даже незаконченную (о литературных достоинствах пока помолчим) книгу 1-го секретаря Союза писателей, председателя Комитета по Ленинским премиям, члена ЦК сокровищем мировой литературы, то не вправе ли мы допустить, что за этим аморальным поступком стоит желание подольститься к высокопоставленному лицу с целью получения от него каких-то благ, например, содействия в присуждении Ленинской премии, которой у того человека, как ни странно, до сих пор нет? Если книги другого члена ЦК, секретаря Союза писателей СССР и главного редактора влиятельного еженедельника, тот же человек наперекор здравому смыслу и прогрессу всей литературы провозглашает редкостными жемчужинами мирового искусства, то не имеем ли мы основание предположить, что безнравственное деяние это направлено на то, чтобы, допустим, добиться от влиятельного еженедельника одобрения себе как писателю и общественному деятелю? Если... Словом, так ли уж сильно мы ошибемся, расценив эти постыдные действия, с одной стороны, как гомерическую художественную приписку — своеобразную разновидность мерзкого социального зла, проникшего во множество сфер нашей жизни, а с другой — как морально-эстетическую взятку, взятку льстивым словом — разновидность еще одного столь же ядовитого социального зла, поразившего едва ли не все области нашего бытия? Да, конечно же, отбросим сомнения, перед нами отвратительный симбиоз — приписка-взятка. Это явление имеет особенно циничный и социально опасный характер, ибо, во-первых, взятка делается не из своего кармана, а за счет профанации подлинных сокровищ; во-вторых, приписка совершается на глазах миллионов посредством печати, то есть с использованием средств и орудий, принадлежащих обществу. В последнем пункте названные здесь писатели ничем не отличаются от шоферюги, который возит на общественном автобу-
362
се левых пассажиров, выручку гребет себе, а в отчете показывает сотни километров полезного пробега.

Впрочем, не надо понимать дело так, будто взятки в литературе даются только начальству, а лакейские приписки делаются лишь в отношении его. Отнюдь. Вот я упоминал, что Феликс Кузнецов назвал одну нашу современницу «поэтом пушкинского дарования». Эта писательница никаких постов не занимает, но у нее немало влиятельных почитателей, и если приписка совершена в отношении именно ее, то взятка дана не только ей, но и ее почитателям. Такие тонкие взятки-приписки — одна из причин поразительной непотопляемости

многоопытного Кузнецова.

Могут сказать: «Ну, хорошо, допустим, Алексеев, Кузнецов, Борзунов и многие не названные здесь действительно приписчики и взяткодатели. Но Марков? Ведь он зачислил в сокровищницу одного ленинградского артиста, то есть человека, который для него никакой не начальник. Пусть это приписка, но уж никак не взятка». Действительно, надо признать: на этот раз Г. Марков выступил в роли только приписчика. Но вспомним другой не столь давний и гораздо более выразительный эпизод из его жизни. Вручая высшую литературную премию одному очень большому начальнику, Г. Марков назвал его сочинения «подлинно народными книгами», «событием огромного значения в духовной жизни общества», сказал, что «все мыслящие люди были потрясены» ими, что они «духовно обогатили и воодушевили на новые подвиги миллионы и миллионы людей не только в Советском Союзе, но и в других странах планеты», что они оказали «плодотворное влияние на все виды и все жанры литературы», что, наконец, «по популярности, по влиянию на массы, на их сознание они не имеют себе равных»,— тут оратор-вольнодумец в угодническом рвении даже задвинул на задний план книги Маркса, Энгельса и Ленина. Но и этого всего ему показалось мало. Еще он пламенно облобызал нового лауреата и объявил его «великим сыном народа», «создателем, творцом народного счастья» («Литературная газета», 1.4.1980). Вскоре после этого Г. Марков получил свою вторую Золотую Звезду, давшую ему право на прижизненный памятник. Кто же теперь докажет, что та его речь при вручении премии была не взятка ради памятника?[1]

[1] Примечание 2002 года: этот большой начальник был Л. И. Брежнев. Ему вручалась Ленинская премия за трилогию «Малая земля. Возрождение. Целина».

ПАТРОКЛ И ТЕРСИТ В ОДНОМ ФЛАКОНЕ

Письмо в редакцию газеты «Дуэль»

Мы были бы последними людьми, если не сумели
бы этим наглецам ответить: «Ни хера вы у нас не получите».
И. В. Сталин (из письма В. М. Молотову, 9.09.29)

РАЖИЙ МАЛЫЙ ЗА РАБОТОЙ

Уважаемые товарищи!

В конце февраля мне позвонил Верховный Главнокомандующий легендарной Армии Воли народа генералиссимус Ю. И. Мухин, которого кое-кто любовно называет «наш маленький Лопе де Вега», и учинил мне небольшую, но содержательную сценку ревности. Что ж, мол, это такое! В «Завтра» то и дело ваши статьи появляются, а нам вот уже давно не даете ни строчки. Ведь вы называли когда-то «Дуэль» лучшей газетой северного полушария. Да и гонорар я платил вам (иной раз) в долларах или марках, в тугриках или шекелях. Мне звонят, пишут письма: куда девался Бушин? Неужто такой твердокаменный большевик перебежал в лагерь реакции? Уж не соблазнила ли его Галина Старовойтова? Словом, имейте же совесть, Владимир Сергеевич. Дайте хоть что-нибудь! Хотите, сам притащу вам торбочку шекелей?

Я ответил Верховному, что шекелей у меня мухи не клюют. И скоро кое-что предложу. Это будет открытое письмо вам.

— Мне? — изумился наш маленький Лопе.— Зачем? Вы же имеете возможность все что угодно сказать при встрече или по телефону.

— Да я за полтора года сотрудничества сто раз талдычил вам о диких,

постыдных вещах в газете, а вы — ни в зуб ногой.

Тут разговор наш был прерван: звонил гениальный китаец из Гонконга по прозванию Му Хин, свихнувшийся на сексуальной почве. Умолял помочь опубликовать в «Дуэли» полемическую статью «Секс — локомотив истории». Я обещал.

Потом звонили мне сотрудники газеты: очаровательная Саша, неутомимая труженица Галина Тюрина, добрый редакционный домовой Николай Петрович. Все выражали дружеское беспокойство по поводу моего молчания, интересовались здоровьем, просили не забывать. Спасибо, дорогие друзья, спасибо.

31 марта в который уже раз опять позвонил Верховный. В некоторой панике, как мне показалось, спросил, о чем же будет мое письмо. Если сказать коротко, ответил я, о том, что у газеты есть очень сильный враг — это ее главный редактор.

13 апреля я нагрянул в редакцию «Дуэли» и вручил рукопись письма в лапы главреда, о свирепости коих я знал, оказывается, еще не все. Что было дальше, вы знаете. Верховный и сам рассказал: «Я дал команду напечатать бушинский вздор».

Напечатали. Но это было сделано столь антропофагским способом, какого я никогда в жизни еще не встречал. Нечто подобное начальничек не так давно учинил и со статьей профессора С. Г. Кара-Мурзы, талантливейшего автора газеты. Тогда некоторые сотрудники пытались образумить генералиссимуса. Но где там! Скорее можно уговорить телеграфный столб перестать гудеть. И вот опять расправа с чужим текстом, притом еще более зверская. В чем же именно дело?

Начать хотя бы с того, что на первой полосе мое письмо объявлено так: «В. С. Бушин правит Ю. И. Мухина». Какая, мол, дерзость! Какой-то Бушин правит самого Верховного! Но я вовсе не правлю его. Это бесполезное занятие. Поэтому гораздо лучше было бы сказать, допустим, так: «Старый мухомор против Мухина».

Кроме того, редактор сам смастачил заголовочек и прилепил его к моему письму: «Синьор Помидор и беспощадный Чиполлино». Да где ж это видано! Литературное произведение — это дитя автора. Допустим, я дал ему имя Ваня, вдруг является чужой мужик, зачеркивает в метрике Ваню и пишет: «Арчибальд».. Это же самое грубое попрание прав отца-автора. Плоди себе детей и делай с ними что хочешь, а моих не трогай.

И ведь разметал несуразный заголовок аршинными буквами на две полосы...

А еще на восьмой полосе с третьего абзаца второго столбца, с вдохновенных мухинских слов «тупость государственных идей Маркса» просто ничего невозможно понять: какие-то телеграммы Ленина, какие-то расстрелы... Что это такое? Откуда? Оказывается, перепутаны местами здоровенные куски текста. Ничего себе компот! А ведь писатель Мухин так любит говорить о профессионализме...

А главное-то вот что. Представьте себе, что вы сидите дома, работаете, как вдруг без спроса, без звонка, взломав дверь, врывается ражий малый и начинает вас поучать: не

так щи варите, не те книги у вас в шкафу, не той рукой воду в уборной спускаете. Допустим, вы этого малого вышибли, а он на другой день опять: зачем форточка открыта? Зачем портрет Ленина висит? Почему «Дуэль» не выписываешь?.. И так больше месяца каждый день подряд. Ведь ошалеть можно, правда? В Израиль

убежишь.

Или вообразите, что наш уникальный генералиссимус действительно стал драматургом почище Лопе де Вега и написал либретто оперы по своей ароматной статье «Все на горшок!». И вот в Большом театре премьера. Льется небесная музыка, на сцене божественные картины, зрители млеют... Вдруг на сцену врывается тот самый ражий малый, прерывает действие и начинает вопить голосом генерала Лебедя: «Эй, зритель, слушай сюда! Все, что тебе показали,— мухинский вздор! Артист Иванов — козел! Артистка Петрова — мразь! Дирижер Сидоров — умственно неполноценный!» и т. п. С помощью милиции, допустим, малого выперли. Но через десять-двадцать минут он опять на сцене со своим воплем и визгом. И так по ходу спектакля раз тридцать. Да еще заставил третье действие играть после первого, а потом — второе. Разве после таких бандитских вторжений и мешанины может у публики сложиться целостное впечатление от оперы? Разве поймут зрители, кого именно авторы призывают на горшок и во имя каких высших целей?

Но, дорогие товарищи, ведь именно так обошелся с моим письмом ваш буйный начальник: больше тридцати раз он вламывается с кистенем в мой текст, сотрясает визгом атмосферу и крушит все, что попадется под руку. Мало того! В текст письма врезал еще и свое пространное предисловие. Оно начинается категорическим заявлением: «Спорить с В. Бушиным невозможно...» Но тут же пускается в отчаянный спор всеми доступными ему средствами. В частности и таким: в конце письма врезал еще и хвалебный отзыв читателя из Уфы о себе, любимом: «Уважаемый Юрий Игнатьевич! Вы со своими соратниками — единственный, кто ведет бой с оппортунистами конца XX века, как когда-то вел ее Ленин...Вы — единственный из коммунистов, кто «разоблачает» догмы Маркса и идете дальше Маркса... Спасибо за ваше огромное Дело! Победа будет за нами!» и т. д. А сверх всего, дабы придать разбою видимость обыкновенной беседы соратников, окрасил публикацию портретами — своим и моим.

Замечательно! Я тоже уверен, что Мухин — единственный, неповторимый и сверхъестественный, но какое отношение ода в честь генералиссимуса и его портрет имеют к моему письму? Повесь их над своей кроватью и любуйся...

Когда 30 апреля я позвонил Юрию Бондареву, чтобы поздравить с наступающими праздниками, и между делом рассказал, как мое письмо обложили со всех сторон, а потом пропустили через мясорубку, он воскликнул: «Да это подсудное дело!»

Да, конечно. Однако не судят же наше гнусное телевидение, которое по примеру американцев и всего просвещенного Запада теперь постоянно врывается со своей пошлой рекламой в передачи фильмов, спектаклей, юбилеев и чуть ли не похорон. А Мухин всего лишь перенял и узаконил этот наглый прием «рекламных пауз» американизированного телевидения, которое одновременно не устает проклинать. За что же его судить? За то, что перед нами борец и прислужник в одном флаконе? Он этого и не скрывает. Ему так удобно. ..

Принимая все сказанное во внимание, прошу вас, уважаемый товарищи, напечатать мое письмо вторично в чистом виде, т. е. без мухинского заголовка, без мухинского предисловия, без мухинского вторжения с кистенем, без мухинских воплей «Шулер!.. Марксист!!. Убийца!!!» И, конечно, без врезок читательских восторгов о Мухине как о единственном и грандиозном. Можно и без моего портрета. А портрет генералиссимуса, пожалуйста, оставьте — уж очень соответствует.

Вы знаете, что Главнокомандующий не раз вторично публиковал в «Дуэли»

свои великие сочинения, напечатанные ранее не где-нибудь, а именно в этой газете. На радость человечеству он не останавливается даже перед тем, чтобы выпустить и целый номер, составленный из своих уже восхитивших нас шедевров (например, №26 за 1997 г.). Помнится, без моей просьбы перепечатывались и мои статьи. Тем больше у меня оснований настаивать на повторной публикации моего похабно искореженного письма.

ГЕНЕРАЛИССИМУС, БУДЬ МУЖИКОМ!

Почему тов. Мухин избрал форму ответа на письмо «довольно умного», но «тупого лакея марксизма» в виде трех-четырех десятков разрозненных мушиных укусов? По двум причинам. Во-первых, как уже сказано, ясно ведь и самому тупому лакею гитлеризма, что, разрывая текст на части, тем самым разрушаешь у читателя цельность впечатления. Во-вторых, обилием мелких выпадов, ворохом замечаний по частностям он пытается скрыть тот печальный факт, что по главному вопросу ему возразить нечего. А главное-то

в моем письме уж очень серьезное дело. Я заявил, что, насаждая в газете беспардонность, хамство, похабщину, заливая ее страницы грязью, замешанной на сортирной образности и болезненно извращенной сексуальности, Мухин орудует как пособник режима, стремящегося через телевидение и другими средствами уничтожить народную нравственность, оскотинить людей. Я заявил также, что, постоянно глумясь над Лениным и другими титанами прошлого, Мухин и здесь орудует как усердный прихвостень антисоветского, антикоммунистического режима, стремящегося уничтожить всякую память о Ленине, очернить деятелей советской истории. Кое в чем «красный, как помидор» патриот даже превосходит антинародный коммунофобский режим, идет еще дальше, Так, вместе с ним глумясь над Лениным, над марксизмом, он уже в одиночестве и вполне самостоятельно превозносит Гитлера как «гения» и «титана XX века». Представить Мухина среди тех, кто в недавней передаче телевидения пожирал торт — испеченное в натуральную величину тело Ленина в гробу или среди юнцов-чернорубашечников, выбрасывающих руку вперед как гитлеровское приветствие, совсем нетрудно. Правда, порой он трусит и тогда лжет, что всего лишь «не ругает Гитлера».

Не дав ответа на главный вопрос, писатель Мухин не ответил и на частные вопросы, тоже непустячные. Так, я приводил слова Энгельса о том, что, преследуя свои интересы, свою выгоду, угнетатели истребляют лишних, ненужных им как рабочая сила простых тружеников, чтобы освободить место на земле для своих затей и не иметь лишних едоков. Мухин потешался над заявлением классика: «Энгельс отдыхал мозгами, когда писал это...» Генералиссимуса не приводит в чувство даже то, что творится ныне у него под носом на родной земле, где различными путями и средствами буржуазная власть вгоняет в гроб столько душ, что население убывает по миллиону с лишним в год. Вопрос-то кричащий! Так будь мужиком, не прячься за ухмылки, а выйди и прямо скажи: «Врет, мол, ваш Энгельс. И ты, Бушин, клевещешь на лучезарную нашу действительность. Население не убывает, а растет по три миллиона в год как в лучшие времена советской власти». А если понял, наконец, что к чему, то, будь любезен, опять же не прячься, не беги в сооружаемый тобой «Дурдом им. Карла Маркса», а честно признайся: «Виноват. Это я отдыхал жидковатыми мозгами. Больше не буду. Чтоб мне провалиться, чтоб тираж «Дуэли» упал до трех тысяч!» Вот это было бы достойно Главнокомандующего легендарной

армии. Но, увы, ничего похожего мы не услышали...
368

А обвинение Ленина в кабинетности, в мизерности, даже в отсутствии жизненного опыта! Я уже привел факты, опровергающие эту чушь. Так оторвался бы на минутку от углубленного штудирования всех извивов сексопатологии и оспорил хотя бы один пункт моей статьи по этому вопросу. Допустим, сказал бы: «Вы утверждаете, будто Ленин не был кабинетные мечтателем и в частности писал, что кухарка не может управлять государством,— смотри, дескать, том 34, страницы 311—315». Я заглянул в сей томик. И что же? Там ничего подобного нет! Вы — фальсификатор!..

Увы, ничего не сказал Мухин и по этому вопросу тоже... А вспомним умопомрачительное объявление евреями множества известных писателей, ученых, артистов разных национальностей, в том числе русских. Почему это делается? Зачем? Просто по невежеству, помноженному на качество ума, или, возможно, по заданию В. Гусинского, вице-председателя Всемирного еврейского конгресса? Надо же прояснить дело!

Хотя бы принести извинение тем, кого принудительно лишил их национальности, если они живы, или родственникам уже умерших. Ведь когда я сказал нашей знаменитой дрессировщице, моей подружке по Литинституту Наташе Дуровой, вдове замечательного мхатовского артиста М. П. Болдумана, что «Дуэль» зачислила его в евреи, она вздохнула: «Ах, как трудно сейчас моим зверям! Я с удовольствием скормила бы им твоего Мухина! И не спросила бы, кто он по национальности. Лишь бы упитанность была выше средней». Я сказал ей, что выше.

А разве можно было оставить без ответа вопрос о постоянном глумлении главреда над авторами писем в газету, над всеми, кто не по нраву ему, особенно изощренно и злобно — над беззащитными стариками, голодающими пенсионерами, над униженными участниками войны, даже покойными. И тут — как с гуся вода!..

ПРОЛЕТАРСКАЯ ПУШКА

Впрочем, я не совсем прав. На некоторые вопросы Мухин все-таки ответил, но как! В своих вставках в мою статью он с великим усердием, гиканьем и посвистом гонит зайца дальше. Например, вот что пишет об истреблении, населения: «Строго говоря, сегодня в России пожирают людей ваши товарищи по КПСС Ельцин, Черномырдин и др.». Какой матерый демагог! «Ваши товарищи»!
369

Это с какой же стати? Да они гораздо больше товарищи по партии тебе. Когда я, двадцатилетний, на фронте вступал в партию, она и называлась-то не КПСС, а ВКП(б), и во главе ее стоял И. В. Сталин. А названные товарищи в ту пору в школу бегали. Ты же вступал, когда КПСС возглавляли эти свистуны. Но еще важнее другое. Мухин гордо заявляет: «Я, коммунист, считаю идеи Маркса бредом» («Дуэль», №9). Естественное признание в устах обожателя Гитлера. Но ведь идеи Маркса считают бредом, фантазией или утопией и Горбачев, и Ельцин. А Черномырдин недавно заявил об этом аж с трибуны Думы. Вот и шел бы ты, обожатель, христосоваться с Мишей, Борей да Витюшей...

Но главное дальше: «Буржуазия друг друга убивает, но не убила еще ни одного рабочего». Понял, читатель? Ни одного! Вот оно, подлинное мурло прислужника и защитника нынешней власти. За это она ему что угодно простит. Хоть призыв к штурму Кремля. Еще бы!.. Страшную трагедию родного народа он ловко свел к единичным криминальным разборкам между нуворишами. Словно

не было и нет кошмара, устроенного буржуазией на нашей земле, словно не она своей политикой хищника доводит людей до забастовок, голодовок, самоубийств, будто не она повинна в разгуле болезней, нищенства, беспризорщины. Не она бросила под поезд защитника Брестской крепости, старика-солдата из Сибири, не она в прошлой году подвела под пистолет пятьсот с лишним офицеров, не она расстреляла в Доме Советов сотни людей... Ай да Мухин, ай да сукин сын!..

А вопрос о массовом объевреивании православных? И тут полное молчание.

Да что там! Теперь еще и про маршала Жукова ляпнул: «Он — их!»

По-своему, т. е. в смысле дальнейшей погони за несчастным зайцем, ответил Ю. Мухин и на другой известный читателю вопрос моего письма: «Бушин ругает меня за то, что я очень грубо разговариваю о читателями, а они, естественно, бросают не только писать в «Дуэль», но и читать ее».

Да, но не просто грубо, а оскорбительно, высокомерно, глумливо. «Но я думаю так,— продолжает великий теоретик и практик хамства.— Если человек умный, то ему плевать на тон... А если дурак, то факта он понять не в состоянии, и ему очень важен уважительный тон». Замечательный вклад в сокровищницу общечеловеческих ценностей: для умных людей грубость не существует, а дураки, и не только они, не могут жить без вежливости.

Как просто! Только одно непонятно: почему так восхищается Мухин вежливостью Сталина, тем, что он со всеми был на «вы», и так негодует по поводу грубости Жукова? Ведь по его теории получается, что его Сталин был олух, а Жуков — умник из умников. Однако же его клиническая статья «Ученик» вся посвящена доказательству совершенно обратного: Сталин — умник, а Жуков — олух из олухов. Словом, в свете этой теории понять отношение Мухина к двум названным лицам невозможно, он сам себя опровергает и в одном направлении и в противоположном, петляет, как заяц, за которым гонятся. Это с ним случается частенько: хочет одного, а получает прямо противоположное.

Но к похабщине-то у него все-таки отношение ясное — это грозное оружие. В «Баку» он говорил: у нас, мол, война. Не нравится моя похабщина? Ничего, терпите, если не дураки... Когда-то Александр Безыменский гордо известил:

Я — пролетарская пушка.
Стреляю туда и сюда.

Маяковский изумился: как же можно палить куда попало, надо вести прицельный огонь. Мухин орудует как Безыменский: по Ельцину — бах! По Энгельсу — бах! По Черномырдину — бах! По Ленину — бах! По Старовойтовой — бах! По Жукову — бах! бах! бах!.. Каждый найдет здесь то, что ему по вкусу.

Разумеется, Мухин взял под защиту своего воспитанника В. Бабушкина из Самары, который на базарно-бабский манер оскорбил 75-летнего философа и писателя А. А. Зиновьева. Генералиссимус-писатель выскочил на сцену с воплем: Бабушкин адресует Зиновьеву слова, которые вы адресуете Солженицыну, а он-де тоже «фронтовик, орденоносец, любит Россию». Ну, во-первых, если Солженицын такая патриотическая прелесть, то чего ж ты печатал мои огромные разносные статьи о нем: «Загадка ареста Солженицына» (аж в двух номерах!), «Трагедия обманутой любви» и, кажется, еще что-то. Во-вторых, между этими фронтовиками-орденоносцами есть кое-какая разница. Так, Зиновьев и мысли не допускал о победе немцев в войне, об оккупации Родины. А орденоносец-патриот Солженицын ухмылялся: подумаешь, какое дело! «висел портрет с усами, повесим с усиками — всего и делов». К тому же кто-то ему говорил, будто

фашисты церкви открывают,— экое благолепие! Зиновьев никогда не призывал Запад вмешиваться в наши дела и не грозил родине атомной бомбардировкой. А безумно любящий родину Солженицын, оказавшись в США, то и дело умолял:
371

«Вмешивайтесь в дела Советского Союза как можно больше и чаще!» А после войны, когда у нас еще не было атомного оружия, мечтал вслух: «Будет на вас Трумэн с атомной бомбой!» Наконец, Зиновьев сожалеет о своих антисоветских и антикоммунистических книгах. А кто слышал хоть одно словечко сожаления от Солженицына? Он, как и Мухин, уверен, что всегда и во всем прав. Что же касается грязных слов, брошенных хамом Бабушкиным старому человеку, то повторять их я не желаю, но при всем моем презрении к Солженицыну я ему этих слов никогда не адресовал. Тут адвокат Помидор опять лжет.

Особое значение защитник придает тому факту, что «Солженицын живет в России, а не в Мюнхене», как Зиновьев. Но ведь, с одной стороны, в России живут и Горбачев, и Яковлев, и Ельцин — какая в этом заслуга. С другой, у Солженицына в штате Вермонт, США, имеется уютненькое монрепо гектаров в тридцать, что ли. Так что одна-то нога у него здесь, а другую за океаном оставил. Вот такие два орденоносца...

Вместо извинения или хотя бы сожаления адвокат хамства взял под защиту и С. Шимонина из Риги, оскорбившего ведь не кого-нибудь, а сотрудника газеты, одного из талантливейших ее авторов С. Г. Кара-Мурзу. Да и сам главред ранее оскорбил Сергея Георгиевича беспардонным препарированием его рукописи посредством ломовых вторжений в текст. Вот бы и загладить двойную вину. Куда там! Редактору неведомы простейшее чувство, элементарный долг товарищества, обязывающие руководителя защищать, поддерживать, беречь тех, кто рядом стоит и вместе работает. Это всем известный «синдром Горбачева». Кто же не помнит, как он молча смотрел на гдлянов да собчаков, когда те мордовали его товарищей по Политбюро — Лигачева, Рыжкова, Язова... Впрочем, нет, это хуже. Горбачев-то все-таки лично не принимал участия в мордовании, а этот — самое прямое и свирепое.

А защищает он рижанина так: «Когда критик, член КПСС, окончивший и Литературный институт на деньги бессловесного русского работяги, брошенного товарищами критика по партии в фашистской Прибалтике (т. е. Шимонина.— *В. Б.),* называет этого работягу (т. е. Шимонина.— *В. Б.)* презрительно «русскоязычным храбрецом», то ему надо задуматься над словом «маргинал». О, какой редкостный примерчик того, как злоба лишает человека всякого соображения! Уж не говорю о том, что писатель опять навязывает мне своих товарищей. С какой же это стати я учился на деньги живущего в Лат-
372

вии «бессловесного работяги»? Ей-ей, такую чушь можно утверждать только в состоянии крайнего помутнения рассудка.

Не знаю, на чьи деньги в Казахстане или на Украине учился Мухин, на чьи деньги и где учатся сейчас дети Мухина, но в мою пору образование в стране было бесплатным — неужто уже отшибло из-за ненависти к Ленину и Жукову? Образование москвичей, к коим я принадлежал, субсидировалось из бюджета не Латвии, не Украины и не Казахстана, а моей Российской Федерации. Так что великий русский патриот запоздало повторяет клевету украинских, казахских и прибалтийских националистов о том, будто они нас, русских, и кормили, и одевали, да вот еще и образование нам давали. А кроме того, могу сообщить, что работать я начал с семнадцати лет — автоматчиком на московском авиационном заводе №266 им. Лепсе. Тогда ваш папа, молодой человек, еще не знал вашу

маму. Позже со своей 50-й армией протопал от Калуги до Кёнигсберга, оттуда — в Маньчжурию, война с Японией. Так что Родина, помимо общих оснований, имела кое-какие дополнительные, чтобы дать нам, фронтовикам, бесплатное образование. Жаль, если таких оснований она не имела для патриота Мухина и учился он на деньги бессловесного Шимонина.

Замечу еще, что, учась в институте, я к тому же работал, начал печататься в московских газетах, а один год получал повышенную стипендию имен Белинского. Не думаю, что все это оплачивал из своего кармана рижанин Шимонин или украинские родственники Мухина, если все они даже трудились так же не покладая рук, как моя мать в Москве.

Наконец, о презрительном названии мной Шимонина «русскоязычным». Тут опять-таки случай уникальный. На сей раз шедевр демагогии. Действительно, если сам именует иных евреев «жидами», если даже о маршале Жукове говорит «он — их», если десятки миллионов соотечественников (среди которых большинство, конечно, русские), голосовавших за Ельцина, он обозвал «козлами» («Дуэль», №13 и др.), если еще заявил, что эти миллионы соотечественников — «подлецы и умственно неполноценные» («Дуэль», №12 и др.), то ведь просто смешно, когда этот умственно полноценный писатель лезет на стену и исходит томатным соком при виде того, как другой тоже назвал презрительно не миллионы, а лишь одного-единственного человека. Да, малограмотного хама, ни за что грязно оскорбившего хорошего и близкого мне человека, я не желаю считать русским. Как, впрочем, не считаю русскими и некоторых активных авторов «Дуэли».

Примечательно, что свои оскорбительные ярлыки для родных соотечественников Мухин не сам выдумал, а опять-таки заимствовал, перенял, подхватил у других. И у кого! Чистосердечно признается: «козлов» — у Шендеровича из его передачи «Куклы»; «подлецов» и «умственно неполноценных» — у Новодворской. Подхватил и понес дальше... Как видим, и в данном конкретном случае показал себя как сподвижник режима власти, как подпевала.

ИНТЕРВЬЮ ИЗ-ПОД МУЖИКА

Очень любопытно и для Мухина характерно, что, отвечая читательнице Ларисе А. («Дуэль», №10), писатель восклицает: «Лариса! Идет война. Либо с нами, либо с туземным правительством[1]. Вы скажете: я против него! Нет. Вы с ним! Просто Вы этого не понимаете». Да это же точно о себе самом: именно он с ним, с «туземным» правительством. То есть человек соображает, что другой может не понимать истинного смысла своих слов, действий, своей позиции, но помыслить такое о себе он не в силах.

И что поразительно: тут же дает ослепительный примерчик своего именно «туземного» поведения, «туземной» этики, да еще в самом характерном вопросе — в отношении к женщине. Не моргнув глазом, Мухин предлагает помянутой читательнице вообразить такую ситуацию: «Вас застали в кровати с мужиком...» Что за чушь? Какой мужик? Кому какое дело в демократическом государстве до чужой кровати? Кто застал? Уже действует полиция нравов? И она может вломиться в чужую квартиру? Но аналитик спокойно продолжает: «Вас спрашивают: кто этот мужик? Вы гордо отвечаете: муж!» Да ни одна женщина не станет отвечать мерзавцам, вломившимся в ее дом и прервавшим акт любви, а вместе со своим возлюбленным постарается выставить их к чертовой матери. Но

наш знаток жизни не видит здесь ничего особенного — это, мол, обыкновенное интервью. «Спрашивающие

[1] Мне уже приходилось ранее отмечать, что Ю. Мухин, долгие десятилетия проживший на Украине и в Казахстане, не понимает некоторые русские слова и выражения, употребляет их неверно. Вот и здесь. «Туземный» значит тутошний, местный, коренной для данной местности или страны. О нынешнем нашем правительстве можно сказать что угодно, кроме того, что оно коренное для России. Не может назвать себя «туземцем России» и Мухин. Другое дело, что англичане и прочие колонизаторы мира дали этому слову оскорбительный смысл: туземец — дикарь. Украинско-казахский туземец Мухин употребляет это слово в его колонизаторском смысле.

удивляются: как вы узнали, что лежащий на вас мужик ваш муж? Вы отвечаете: а он исполняет супружеские обязанности» и т. д. Это ж все уму непостижимая степень дикости и «туземства»!..

В другой раз учитель использует такой наглядный примерчик для обучения новобранцев Армии Воли Народа: «Представьте себе, что вашу родную мать изнасиловали двадцать человек...»

Да кто тебе дал право, козел, на такие грязные публичные фантасмагории о незнакомых женщинах?! И мысль под рогами не шевельнется, что ведь, допустим, эта Лариса — чья-то жена, дочь, мать, и каково видеть ее родственникам, не говоря уж о ней самой, эти гнусные упражнения литературного козла?!

Выступая 14 марта в «Баку», Ю. Мухин гневно осудил известное заявление Ю. В. Андропова: «Мы плохо знаем общество, в котором живем». Оратор считает, что генсеку следовало сказать «я плохо знаю». Судя по всему, Мухин уверен, что он лично отменно знает наше общество. Что ж, замечательно! Можно только позавидовать. Но требование говорить не от имени безликого «мы», а от себя лично и при этом опираться на собственный опыт, на свои наблюдения, на факты, относящиеся прямо и непосредственно к тебе,— это мудрое требование желательно было бы Мухину приложить и к себе. И тогда в данном случае, если не в силах отлипнуть от сексуальщины, то по крайней мере отвяжись от чужих баб, оставь их в покое и употребляй для учебных пособий своих собственных фемин. Вытворяй с ними что хочешь и дома, и на страницах своей газеты. Иначе говоря, пиши, допустим, в таком духе: «Интересный случай, Лариса! Прихожу я домой и вижу — моя жена в кровати с каким-то мужиком. Я с любопытством спрашиваю: «Солнышко, кто этот мужик?» Она гордо отвечает из-под мужика: «Это мой законный супруг Юрий Игнатьевич, Верховный Главнокомандующий Армии Воли Народа, главный редактор «Дуэли». Я с большим интересом: «А как ты узнала, ангел мой, что лежащий на тебе мужик это и есть Верховный?» И представьте себе, Лариса, что она ответствовала: «Да как же не Верховный, если он на мне сверху лежит!»

Вырваться из круга сексуальной и сортирной образности Мухин не только не может, но и не хочет. Он пишет бедной Ларисе, конечно же, не ожидавшей, что редактор на глазах читателей проделает с ней черт знает что:

«Я привел пошловатый пример, чтобы Вы поняли...» Он уверен, что пошлость — лучший, если не единственный, спо-

соб обучения и путь познания мира. Сам-то, как нетрудно догадаться, именно на этом возрос. А дальше очень галантно: «Лариса, Вы унижаете меня, Вы предлагаете признать себя самого идиотом...» Конечно, в данном случае для человека, который укладывает в кровать с чужими мужиками незнакомых читательниц, больше подошло бы не «идиот», а «содержатель газетного публичного дома». Можно и почетное наименование присвоить ему: «Бордель

имени Юрия Мухина».

РОЛЬ ЛЕВОЙ РУКИ МУХИНА В ТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Как мы видели, писатель Мухин считает, что пошлость — отличное средство обучения новобранцев АВН и познания мира. Поэтому едва ли кто удивится, узнав, что брань, похабщина, всякое буесловие — это в глазах писателя могучее оружие борьбы за свободу и независимость Родины.

Я писал: как, мол, не стыдно перед читателями, перед женой, детьми заливать страницы газеты грязной непотребщиной! Он отвечает: «Мне стыдно за то, что я жив, а моя Родина уничтожена». Что ж, с одной стороны, если стыд так жгуч и непереносим, то есть верное средство избавиться от него. А с другой — я ему про обыкновенного Фому, а он мне про великого Ерему.

Как в известном анекдоте: «Рабинович, тебе жена изменяет?» — «А! Лишь бы войны не было...» Пожелать одновременно и мира и верности жены бедный Рабинович не смеет. Однако тут еще есть и некоторое сомнение в том, что писатель уже похоронил Родину, ибо в другом месте он выражает большое желание, «чтобы не дать (!) захватить власть в стране тем, кто хочет (!) ее ограбить». Значит, власть еще не захвачена, а ограбление страны только планируется?

Трудно сказать, какова истинная точка зрения автора на жизнь и смерть Родины. Поэтому мы вправе рассматривать любую. Что ж, допустим, выдающийся патриот вместе с презираемыми им зюгановцами, которые давно уже в одной своей главной газете напечатали большую статью Владимира Максимова «Поминки по России», а в другой его же — «Надгробие для России», допустим, он Родину тоже похоронил. Но почему же она погибла? Оказывается, объясняет нам писатель, «в числе прочего и потому, что ее вонючие эстеты не пользовались тем оружием, которое применялось врагами против моей Родины. Не пользовались, чтобы на своих

вонючих тусовках в глазах друг друга выглядеть эстетами». Тут не совсем ясно, кто такие «вонючие эстеты» и что такое их «вонючие тусовки». Может быть, такой эстет, допустим, Окуджава, который с наслаждением наблюдал расстрел Дома Советов? А такая тусовка, скажем, извечные радения худинтеллигенции в Бетховенском зале? Нет, не похоже! Скорее наоборот, это такие, как я.

Не будем ломать голову, констатируем факт. Мухин убежден, что если бы вонючие эстеты на своих неблаговонных тусовках лепили в глаза друг другу: «Подонок!.. Мразь!.. Падла!.. Кретин!» — то Родина, может быть, не скончалась бы. И в полном соответствии с таким нестандартным убеждением он продолжает пользоваться мощным оружием похабщины. Вот что мы видим и в самых последних его статьях: «придурок», «дебил», «кретин», «идиот», «вернемся к кретинам», «кретины», «идиоты» «придурки», «олухи», «алчные подонки», «безвольная сволочь», «лакейская наглость», «врожденная подлость», «кретинизм и подлость», «проститутская позиция», «дебил и подонок», «вонючие вожди», «беспросветная тупость», «тупая, подлая болтовня», «полный бред» и т. д.

Странно, что такой крупный, плодовитый, хорошо упитанный писатель не понимает и того, что однообразная назойливая брань обедняет и без этого бедноватый, бесцветный язык, что брань — это не оружие, вернее, это слабое оружие слабых. Сталин говорил негромко и не спеша, почти не употреблял резких слов, но его слышали вся страна, весь мир. Почему бы и в этом нашему беллетристу не последовать примеру великого учителя?

Нет! «Лизать зад», «сексуальные услуги», «смачно облизать зад», «изнасилованная Русь», «комсомольский онанист», «поцелуйте нас в задницу»... Мне хотелось найти какой-то емкий образ для выражения и объяснения такого патологического пристрастия автора, но я долго не мог его найти. Мне помог сам Мухин. В одной из последних статей, развивая свою любимую тему, он пишет: «Двойник Ельцина сидит за столом и обе руки держит под столом на члене». Прочитав это, я воскликнул: «Эврика! Вот оно! Это же о себе!» Да, о себе, но с маленькой поправочкой: Мухин держит под столом на члене только одну руку, левую, а правая у него на столе, ею он пишет. При этом диктует правой руке не голова, а левая рука, блаженно лежащая на члене.

Этим все и объясняется...

ТАРАКАН СУПРОТИВ СОБАКИ

В писаниях Мухина многое объясняется тем, что он часто смотрит на вещи прямолинейно, однозначно, в лоб, не понимает игры, иносказания, шутки. Поэтому спорить с ним скучно, как с чеховским героем, который знал о лошадях только то, что они «кушают овес», а о Волге — что она «впадает в Каспийское море», что «зимой день короче, а летом — длиннее». Вот хотя бы несколько примеров.

В моем письме говорилось: «Те гадости, которые я высказал о вас в разговоре с одной читательницей, не должны удивлять». Слово «гадости» можно здесь понимать по-разному, скажем, так: это с вашей точки зрения сказанное мной — гадость. Или вполне допустимо, что тут я лишь последовал примеру великого учителя, который однажды воскликнул о себе: «Ай да сукин сын!» Между прочим, так однажды и написала мне читательница В. Калинина из Березников по поводу моей статьи о Е. Евтушенко «Гром не из тучи» в «Советской России»: «Ай да Бушин! Ай да сукин сын!» Разумеется, я только посмеялся. Но Мухин понял бы это буквально, «один к одному», как понял он и «гадости». Неоднократно цитируя их, он торжествует: ага, сам признался! Я, говорит, просил высказывать критику, а не гадости, но вы, видимо, одно от другого не отличаете, так что сойдут и гадости.

И опять: «Длинное письмо Бушина, в котором он показал всю (?) мою гнусность». Вот и я радостно воскликну: «Ага, гнусность! Сам признался!» Но тут интересно еще и то, что мою статью он назвал длинной. Да ведь у меня были в «Дуэли» публикации и подлиннее, даже в нескольких номерах, никогда я не слышал от генералиссимуса ни одного упрека. А тут задел его — и уже сразу «длинная». В этом весь наш критиколюбец Мухин. Но не длиннее она, допустим, его статьи «По следам Тухачевского» или шедевра о гениальности Гитлера, а его бредовый «Ученик» раза в два-три пространнее моего письмишка. Но ведь у него марафонские статьи чуть не в каждое номере. И, кстати сказать, мои читатели не жалуются на то, что письмо затянуто. Так, москвич Н. К. Дружинин пишет: «Только-только прочитал ваш «Синьор Помидор». Изумительно!.. «Ему вторит москвич Б. А. Ремизов: «Огромное спасибо. Прочитал взахлеб...» Не расходится с ними и ленинградец В. Миронов, пославший письмо и в редакцию: «Нижайший вам поклон, что вы со всей мощью вашего таланта врезали самому злобному и отпетому антикоммунисту, этой ельцинской ... (непечатно.— *В. Б.)* по фа-

милии Мухин». И никаких жалоб. Я уж не говорю о телефонных звонках... Впрочем, вполне допускаю, что кому-то письмо показалось длинноватым, но есть основание полагать, что виноват в этом сам главред. Он же врезал в мой

текст свое предисловие строк на 150, хвалебное письмо о себе читателя строк на 30, ну и «рекламных пауз» строк 300. Не всякий может одолеть такой принудительный довесок.

Так вот, не понимает Мухин словесной игры, не сечет. Одна моя читательница по примеру самого Помидора, рассказавшего, будто Сталин однажды назвал Хрущева «нашим маленьким Карлом Марксом», в свою очередь назвала самого Юрия Игнатьевича «нашим маленьким Лопе де Вега». Он понял это крайне односторонне и плоско: меня высмеивают, мол, за то, что я, как де Вега, очень плодовит. И потому, когда встретил в моем письме упоминание, что после Ленина осталось 55 томов его сочинений, то злорадно потер руки: «Маленький Лопе де Вега, однако!» Вот, мол, Бушин зачислил нас в одну компанию: великого драматурга, Ленина и меня, ха-ха... Ничего не понял! Дело вовсе не в количестве написанного, а в качестве: если оно низкого уровня, то количество, т. е. обилие написанного, только ярче высвечивает, даже делает смешным, анекдотичным все усердие и трудолюбие автора. Но разве кто из нормальных людей может смеяться над тем, скажем, что Вольтера издают в 25—30— 40—70 томах, Гюго — в 30—50, Бальзака — в 25—30—40, Достоевского, Чехова, Горькой — в 30-ти, а Льва Толстого издали в 90 томах, оказалось мало, теперь издают в 120-ти! Смеяться над этим могут только такие заброшенные к нам по воле рока ненавистники русской литературы, как свихнувшийся на монархизме Карем Раш: «вагоны толстовской художественности!..»

Но вот прошло время, можно бы разобраться, понять, как в любой работе, в том числе в литературной, соотносятся количество и качество.

Нет, не по силам! Бушин, опять твердит наш друг, высмеивает «то, что я много пишу». Маэстро, если сказать по-вашему, протрите свои окуляры!

Все эти годы я пишу больше вас. Вы лишь в одной мелководной «Дуэли» барахтаетесь, а мои многочисленные и пространные публикации народ читал на страницах таких изданий, как «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Советская Россия», «Литературная учеба» (вот бы вас туда редактором!), «Слово», «Правда», «Правда-пять», «День» и «Завтра», даже «Мартеновка», «Аль-Кодс», «Трудовая Россия», «Народная правда» (Ленинград), «За рабочее дело»

(Ленинград), «Волга» (Саратов), «Сибирское время» (Омск), «Кубань» (Краснодар), «Красноярское время», «На страже Родины» (Владивосток), «Мы и время» (Минск), «Интердвижение» (Рига)... Хватит, писатель? Поди, о некоторых из этих газет да журналов и не слышал, а уж напечататься там... Разве что под псевдонимом «Соколов из Химок»... Нет, Галина Васильевна Старовойтова была совершенно права, душечка, когда однажды заявила по радио: «Известный графоман Бушин...» Ждите, Мухин, пока о вас скажет что-нибудь подобное хотя бы Хакамада.

Так что если, дорогой труженик пера, сопоставить нашу плодовитость да принять во внимание, что по возрасту вы могли бы оказаться моим незаконным отпрыском, то выходит, что вы рядом со мной, по выражению классика, все равно что таракан против собаки. А разве станет собака высмеивать трудовые усилия неутомимого таракана. В известной басне даже Бык за то, что она вопит «мы пахали!», не стыдит Муху.

Очень поучительно продолжить цитату: «Бушин высмеивает то, что я много пишу. Но раз так, то значит (у него ни малейшего сомнения! — *В. Б.)* в его кругу (?) человек, который много работает,— это заведомо смешной человек.

«Работа дураков любит»! Как видим, мой благодетель продолжает

доказывать, что не случайно я учился на деньги рижанина Шимонина, что я вообще из племени бездельников и паразитов. Увы, приходится повторить: когда ваш папа, молодой человек, еще не знал вашу маму, молодой человек, я уже стоял у станочка на авиационном заводике и вытачивал симпатичные детальки. Потом — фронт. А после возвращения оттуда, где вы никогда не были и не дай вам бог там побывать, поступление в институт — в том возрасте, в каком вы, вероятно, его уже окончили. Далее — учеба, потом — работа на радио, в «Литгазете», «Литературной России», «Молодой гвардии», «Дружбе народов», дни, а то и ночи напролет за письменным столом... Это где ж я мог, драгоценный мыслитель, проникнуться идеей «работа дураков любит»? Надо же хоть что-нибудь соображать. Тем паче что у вас на глазах в моем возрасте я и для вашей несравненной газетки за полтора года накатал, поди, статеек тридцать, если не больше...

14 апреля меня пригласил Владимир Гусев встретиться со слушателями Высших литературных курсов. Отвечая на один из заданных мне вопросов, я, между прочим, сказал, что вот, мол, некоторых интеллигентов, в том числе авторов «Дуэли», коробит лихое присловье «хочешь жить — умей

вертеться». А мне оно по душе. Слово «вертеться» многозначно. Тот смысл, который в данном случае я вкладываю в это слово, делает эту пословицу для меня вполне приемлемой. Такой, у которой есть множество поэтических эквивалентов. От Лермонтова:

...Понять
Я не могу, что значит отдыхать...

до Пастернака:

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой
Как летчик, как звезда.
Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну,—
Ты — вечности заложник
У времени в плену.

Вот так, обличитель, по-лермонтовски, по-пастернаковски Я и верчусь всю жизнь. Впрочем, больше всего неподвижно за письменным столом.

ТЫ СЕР, А Я, ПРИЯТЕЛЬ, СЕД...

Продолжая скорбную тему незаслуженных насмешек над своей героической личностью, Мухин опять и опять обнаруживает свою неспособность проникнуть в существо вопроса, скользит только по поверхности. «Формально,— говорит со слезой в голосе,— надо мной посмеяться очень легко. Скажем, я один (в прессе) утверждаю, что Ельцин сдох. Один — значит, дурак. Почему не посмеяться над моей глупостью?» Вот, мол, Бушин этим и развлекается. Но, во-первых, гений-одиночка сперва уверял, что Ельцин не сдох, а его укокошило ЦРУ. Во-вторых, гений вовсе не одинок. Уже многих читателей «Дуэли» он довел до такого неистовства, что они только тем и заняты, как бы помочь первопроходцу. Полюбуйтесь хотя бы на О. С. Соколову из Вологды. Я, говорит, с июля 1997 года, т. е., кажется, с первых же публикаций Мухина о двойнике, так поверила

этому и так стало «горько и обидно за наш обманутый народ», что кинулась ему на помощь и написала два письма в «Завтра», аж пять писем в «Советскую Россию» и, говорит, «не думаю, что я была одна» («Дуэль», №9, 1998»). Конечно, отнюдь не одна! Вы, Мухин,

381

вдохновили свору графоманов, которые под кучами писем погребут всю оппозиционную прессу.

В-третьих, и это главное здесь, по своему обыкновению, Мухин силком навязывает мне мысль, девиз, которые ему потребны для последующего опровержения. В данном случае это «один — значит дурак». Давным-давно я напечатал в «Советской России» большую статью «Колокола громкого боя». В ней — восхищение целым рядом конкретных лиц нашей истории, начиная с Ивана Третьего, которые действовали вопреки обстановке, выступали именно в одиночестве против всех: как граф Мордвинов, единственный член Верховного суда, отказавшимся в 1826 году подписать смертный приговор декабристам; как адмирал Кузнецов, единственный вопреки приказу приведший к 22 июня 1941 года все свои войска в состояние полной боевой готовности; как Сажи Умалатова, которая при гробовом молчании всей биомассы народных депутатов 17 декабря 1990 года взошла на трибуну и сказала в глаза Горбачеву: «Пшел вон, предатель!..» По этой статье, имевшей для меня принципиальное значение, я назвал книгу.

Это, говорю, было давно. А совсем недавно в статье о Павлике Морозове в «Завтра» я писал: «Один против всех — только так делается история!» Но дело не только в словах да декларациях — я и сам никогда не боялся оказаться белой вороной. Ведь нынешняя-то брехня в газетах о президенте и министрах, включая первого, уже давно ничего не стоит, ибо совершенно безопасна. А вот в прежние-то времена при живых ЦК и КГБ вам, Мухин, хоть разочек в жизни приходилось схватываться со своими начальниками, которые не только занимали высшие в нашей сфере деятельности посты, но еще и были членами ЦК, депутатами Верховного Совета, лауреатами да к тому же в одном случае — Героем Социалистического Труда, в другом — аж Героем Советского Союза, словом, легендарными и всемогущими личностями. Если не приходилось, то хотя бы почитайте мою статейку «Спорили семь городов», написанную в 1985 году, а напечатанную в журнале «Волга» №7 только в 1989-м. Четыре года никто не решался. Но и тогда, в 1989 году, герой статьи сидел в своем высоком кресле, и многое в моей жизни зависело от мановения его руки. И был я в полном одиночестве...

А еще можете почитать мое выступление о Горбачеве на VII съезде писателей России в Театре Красной Армии. Оно прозвучало за четыре дня до знаменитого выступления Сажи Умалатовой на Съезде народных депутатов. И его литературное начальство даже не решилось включить в официаль-

382

ный стенографический отчет о съезде. Хотя позже оно обошло едва ли не всю оппозиционную прессу от «Интердвижения» (Рига) до «Красноярского времени»... Ваших речей я тогда что-то не слышал.

Впрочем, что ж ворошить былое! Возьмем и нынешний день. Ведь как-никак, а вы главный редактор, хоть и «Елабугских ведомостей», и от вас для автора зависит кое-что существенное. Однако же я встаю и довожу до вашего сведения, маэстро: «Ты сер, а я, приятель, сед, и волчью вашу я давно натуру знаю». И заметьте — опять в полном одиночестве. Нельзя же принимать в расчет отдельные выкрики на страницах «Дуэли». Да, в полном одиночестве. И он еще учит меня храбрости, козел!..

Так вот, смеюсь я над Мухиным не потому, что он герой-одиночка, а по той лишь причине, что сплошь да рядом он порет чушь, плодя графоманов, невежд и недоумков. Ну вот хотя бы в этом же номере: «Вспомните советские книги и кинофильмы. Хоть в одной (?) показано счастье человека от своей работы, от своего творчества в труде? Ноль!» Очаровательный нолик. Совсем как тот, что даже пальчиками изобразил не так давно его товарищ по партии Ельцин: «Дума? Ноль!»

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ОБЪЕКТ МУХИНСКОГО ПРЕЗРЕНИЯ

Гребем дальше: «Мы (?) умудрились создать «инженеров человеческих душ», которые органически ненавидят работу, не понимают ее и неспособны описать ни творчества в ней, ни счастья от итогов творчества... и люди становятся такими же, как эти «инженеры» из СМИ».

Один из обычных приемов Мухина в споре — подмена понятий. Вот и здесь: начал с книг и фильмов, с инженеров человеческих душ, т. е. с писателей, допустим, с Шолохова, а потом подсунул «инженеров СМИ», т. е., допустим, Ноткина или Познера. Да какое отношение «Тихий Дон» или абрамовские «Пряслины» имеют к нынешним действительно отвратительным СМИ? Очень характерно для него и то, что к другим он предъявляет такие требования, которые сам и не думает выполнять. И это мы видим тут же. Споря с читателем Степановым, наш полемист иронически пишет: «Считать, что у нас сегодня «не страна дураков, а страна гениев», конечно, можно. Только если бы еще и парочку фактов в обоснование этого». Ну, один-то факт может привести любой читатель

«Дуэли». Но что же Мухин-то несколькими строками выше уверял, будто ни в одной советской книге, ни в одном нашем фильме не восславлен труд, и «счастье в них — это когда любовь, особенно на стороне», а советские писатели даже ненавидят работу,— что ж он сам-то, драгоценный, не привел не парочку фактов, а хоть один примерчик пусть бы одного лишь советского писателя, который ненавидел бы труд. Кстати, замечу, что если наша литература была такой мерзкой, то совершенно непонятно, почему Мухин вслед за кагэбэшным Абакумовым, как его прихвостень, спустя пятьдесят лет поносит маршала Жукова за то, что «на даче у него не было советских книг — зачем умному человеку такие книги?». Так вот, почему поносит? Да просто потому, что у писателя Мухина нет никаких убеждений и принципов. Вчера ему было выгодно хвалить советскую литературу — он ее хвалил, чтобы напакостить Жукову, а сегодня ему выгодно охаять ее, чтобы превознести себя,— он не останавливается перед самой гнусной клеветой. Это радзинско-солженицынский тип человека.

Такое впечатление, словно советская литература для Мухина не только чужая и ненавистная, но еще и совершенно незнакомая. Да ведь она, наоборот, слишком много внимания уделяла теме труда, за что порой справедливо над ней посмеивались и дома, и за рубежом. Вам парочку примеров?

Единое счастье — работа.
В полях, за станком, за столом.
Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счета...
Это — один из первых советский поэтов.

А потом? «Цемент» и «Энергия» Гладкова, «Гидроцентраль» Шагинян,

«Педагогическая поэма» Макаренко... Да если бы не было больше ничего, кроме этой великолепной поэмы, вдохновенно восславившей именно труд и счастье творческого труда, то и в этом случае можно было бы спокойно сказать Мухину: «Клеветник!» А ведь там еще нескончаемый ряд книг и фильмов такой же направленности. «Иду на грозу» Гранина (одноименный фильм), «Журбины» Кочетова, (фильм «Большая семья»), «Работа и любовь» Смелякова.... И так вплоть до «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына со сценой истинно вдохновенного труда — кладки кирпичного дома... Тут сказать о Мухине, что он невежда, было бы очень милосердно.
384

Что же касается «любовного счастья на стороне», то что ж поделаешь, не все так свято блюдут «Кодекс строителя коммунизма», как Юрий Игнатьевич, сын солнечного Казахстана. и об этом правдиво писала как наша классическая литература (Онегин полюбил замужнюю Татьяну, Вронский — замужнюю Анну и т. д.), так и советская (женатый Григорий полюбил замужнюю Аксинью, и даже есть песня на слова Николая Доризо: «Парней так много холостых, а я люблю женатого»). Да и сами писатели были по этой части порой далеки от мухинского идеала: Андрей Белый любил жену Блока, Маяковский, Булгаков и Макаренко отбивали чужих жен, Пастернак и Нейгауз как бы обменялись женами, у Есенина в этом деле вообще кошмарная вереница, отягощенная кучей детей, у женатого русского красавца Фадеева был загадочный роман с тщедушной еврейкой Алигер, и даже у сталинско-ленинско-нобелевского лауреата Шолохова была, говорят, незаконная любовь с артисткой Эммой Цесарской, первой его Аксиньей в кино, тоже, между прочим, еврейкой. Увы, увы, увы... Некоторые из перечисленных писателей отчасти превосходили писателя Мухина в умственном и чисто творческом смысле, но все они были жалкими пигмеями по сравнению с ним в смысле нравственном. Действительно, чужих жен он не отбивал, а романов на стороне у него не было и не предвидится, хотя, как мы помним, он и взывает: «Ларочка! Я очень хочу вам понравиться!..» Словом, на душе у человека один-единственный грешок — создание Бардака им. Мухина.

ЦАРИЦА МАРФА И НАИНА ИОСИФОВНА

Очень много для понимания «феномена Помидора» дает раздуваемая им тема убийства Ельцина и появления его двойников. Но сразу надо заметить, что он, оказывается, не только вовсе не одинок в этом титанически деле, как уверяет, но и не открыватель ее. Первой-то, как теперь стало ясно, еще в номере 3(47) за 1997 год кинулась на амбразуру отчаянная газета «За русские дело». Как тут не вспомнить слова Василия Ивановича, брошенные комиссару: «К чужой славе хочешь примазаться?!» Если бы я знал, что не Мухин первопроходец, то, может, и поверил бы в эту затею, ибо уж так-то отрадно читать «покойный Ельцин», «почивший в бозе могильщик России» и т. п. Но тут у меня, как у Иосифа Бродского: «Евтушенко против колхозов? Значит, я — за!» В самом деле, как верить человеку, который рисует меня нахлебником неведомого мне рижанина Шимонина, ну как?
385

Но дело, конечно, не в изначальном бродскизме. Под напором неоспоримых аргументов я его преодолел бы. Дело в том, что вся эта очередная мухинская одиссея рассчитана на козлов. И глубока символично, что в «Дуэли» №5 за этот год на первой полосе напечатаны два письма особенно пылкой единомышленницы Мухина, фамилия которой именно Козлова, В. М. В первом Козлова взывает к председателям обеих палат Госдумы и к руководителям

некоторых фракций: «Дорогие наши защитники! (Это Явлинский-то с Жириновским! — *В. Б.*)Уже вся (!) Москва говорит, что Ельцин умер или убит. Все (!) уже перемерили расстояния (на фотографиях) от губы до носа. В том, что Ельцина нет в живых, сомнений нет! Как же вы, лучшие из лучших, не догадываетесь об этом?..» Но ведь не только лучшие из лучших, многие худшие из худших тоже не догадываются, например, Александр Коржаков на вопрос журналиста о двойниках ответил: «Какой глупый вопрос!» (см. «Дуэль», №8 за этот год, первая полоса). А ведь он больше десяти лет вместе с Ельциным и судьбу России решал, и бражничал, и в бане парился, словом, знает его и на вид, и на ощупь, и на суть как облупленного. Александр Котенков, постоянно встречающийся с Ельциным, сказал даже, что «это не глупый, а глупейший вопрос» (там же).

Во втором письме мадам Козлова стыдит супругу покойного президента: «Наина Иосифовна!.. Я узнала, что Борис Николаевич убит. Об этом говорит уже вся Москва... Я потрясена Вашим поведением! Вы не боитесь Бога за то, что Вы предали своего мужа, отца Ваших детей, деда четверых Ваших внуков!.. Будьте же мужественной и откройте истину, даже если Вам это будет стоить жизни. Этим Вы искупите свой позор!!!»

Очень странно, что при этом мадам не напомнила о царице Марфе, которая сперва при встрече с Лжедмитрием в подмосковном селе Тайнинским (там, где в наши дни Вячеславу Клыкову взбрело в голову отгрохать памятник Николаю II) признала самозванца за своего убитого сына Димитрия, т. е. за законного царя, но потом покаялась во лжи, и всюду была разослана ее грамота, в которой говорилось: «Он (т. е. Гришка Отрепьев) ведовством и чернокнижеством назвал себя сыном царя Иван Васильевича, омрачением бесовским прельстил в Польше и Литве многих людей и нас самих и родственников наших устрашил смертию; я боярам, дворянам и всем людям объявила об этом прежде тайно, а теперь всем явно, что он не наш сын. царевич Димитрий, а вор, богоотступник, еретик...» Вот бы и Наине Иосифовне набраться

мужества и объявить на страницах «Дуэли» примерно следующее: «Он, Гришка-98, омрачением бесовским и с помощью ЦРУ прельстил Клинтона, Коля, Ширака и меня, старую перечницу, а дочь мою Татьяну и всех зятьев наших устрашил смертию; я Строеву, Селезневу и Зюганову объявила об этом прежде тайно, а теперь всем явно, что Гришка не мой муж Бориска, а вор, богоотступник, красно-коричневый...» Нет, теперь мы не услышим такого покаянного признания от Наины Иосифовны. Ведь и Марфа-то когда призналась? Уже только после того, как Гришку ухлопали, поляков выгнали и царем стал Шуйский. Так что придется ждать нового Шуйского...

И дабы не шло время попусту, обратимся к самым излюбленным мухинским доводам и рассуждениям, примерам и аналогиям. Среди них оказываешься, право, как на состязании по кретинизму, на Олимпиаде по самым разным его видам. Начать хотя бы с того, что Мухин утверждает: «Никакой операции в 1996 году Ельцину вообще не делали» («Дуэль», №17, август 1997). Какие, мол, операции могут быть, если покойник! Что за основания имеются у Мухина так считать? Да очень просто, говорит. После такой операции на сердце, которую будто бы — ха-ха! — перенес Ельцин (шунтирование), люди чувствуют себя и выглядят совсем иначе, чем мы видим это у двойника: они молодеют, здоровеют, а двойник «похож черт знает на кого». Что ж, если бы Мухин был специалист по этим операциям, или просто врач-кардиолог, или, наконец, ему довелось в жизни много наблюдать людей, перенесших шунтирование, тогда его утверждение

можно бы принять в расчет. Но ведь, во-первых, он не кардиолог, а металлург, ныне журналист. И потому в данной ситуации очень похож на того рожденного его собственной фантазией анекдотического солдата с винтовкой, которого во времена Ленина будто бы ставили у зубоврачебного кресла, и он давал врачу заключения-команды, что надо делать: «Тяни вправо! Тяни влево!» и т. д. Во-вторых, он знал в жизни лишь один-единственный случай такой болезни и такой операции, перенесенной каким-то безымянным его товарищем. Верю, что тот действительно после операции помолодел. Но, в-третьих, поскольку это близкий товарищ, то, надо полагать, он примерный ровесник Мухина и операцию перенес уже давно, когда ему было, допустим, лет сорок. А Ельцина оперировали на 67-м годике. Есть разница? Наконец, ведь можно бы постараться подобрать двойника и по вкусу Мухина, такого, который выглядел бы как помолодевший Ельцин. Короче говоря, аналогия эта — чушь собачья, и ничего больше. По всем линиям — утеха для козлов.

КТО ЛУЧШЕ ВЯЖЕТ ВЕНИКИ?

Дальше приводится такой довод и доказательство того, что никакой операции не было: знаменитый американский кардиолог Дебейки на пресс-конференции назвал 5 шунтов, будто бы поставленных Ельцину. И это-де «вызвало море недоумений у мировой медицины,— говорит ее знаток,— шунтов должно быть парное количество». Я не знаю, сколько должно быть шунтов, но всем известно, что Дебейки — мировая суперзвезда по операциям на сердце. Неужели он не знает, сколько должно быть шунтов? А если он был участником заговора, то неужели не мог квалифицированно соврать, т.е. назвать нужное число шунтов, чтобы не баламутить море медицины и не тревожить сладкий сон Мухина? Если действительно должно быть четное число шунтов, а в газетах писали, что Дебейки назвал пять, то не естественнее ли допустить, что либо древний старец оговорился, либо что-то напутали по невежеству журналисты, либо просто кто-то ошибся при передаче? Мухин, сам никогда в жизни не ошибавшийся, не допускает этого.

Однако Олимпийские игры продолжаются: «Подчеркиваю: ЦРУ веников не вяжет. Двойников Ельцина оно сделало хорошо. Дело усугубляется тем, что истинный образ Ельцина мы уже забыли». Почему же «мы забыли»?

Ни Горбачева, ни Брежнева, ни Сталина, ни Гитлера, ни Ленина, ни даже царя Николая не забыли, а Ельцина все вдруг забыли. Здесь опять тот случай, когда требование, однажды предъявленное Андропову, надо бы предъявить и к себе, т. е. сказать: «Истинный образ Ельцина я уже забыл, , ибо крайне перегружен вязанием веников».

Но дальше: «Двойники вошли в образ, хорошо копируют и мимику и голос, у них отрезаны пальцы на левой руке». Сдается мне, что это очень непростое дело: найти несколько человек, которые, во-первых, были бы сильно похожи на президента и лицом, и ростом, и голосом; во-вторых, имели бы отменные артистические способности, позволившие им «войти в образ»; в-третьих, еще и согласились бы, видимо, за плату на непустячную ампутацию пальцев, чтобы остаться на всю жизнь физическими уродами. Наконец, они так обожают могильщика Родины, что в уже весьма почтенных летах согласились еще и на решительную перемену своего образа жизни.

Но Мухин в ответ на такие сомнения однажды мне сказал: «За деньги? Могли!» Такой ответ дорогого стоит в устах автора сочинения «Наука управлять

людьми».
388

Однако вот что самое-то интересное. ЦРУ веников не вяжет, вестимо. Но его агенты, изготовлявшие двойников, «почему-то забыли нанести шрам на подбородке», который есть у оригинала. Да как же так? Отрезать два пальца — сложное, тяжелое, кровавое мероприятие, и оно сделано. А шрамик — это, с одно стороны, пустячное дело, но, с другой — он же на лице, и если руку можно убрать в карман или под стол и там спокойно положить на член, то лицо никуда не спрячешь. И вот на тебе: ЦРУ пренебрегает! Не свидетельствует ли это о том, что все-таки кто-то из двух вяжет веники — либо ЦРУ, либо, как мы и предполагали, сам писатель Мухин?

ЖИДЫ НЕ ДРЕМЛЮТ! А ЧИКИН И ПРОХАНОВ ЗАТАИЛИСЬ

Есть у Мухина и такой убийственный довод: лидеры бывших союзных республик, говорит, уже пронюхали, что им морочат головы. И вот «ситуация с покойным Ельциным подошла к кризисному состоянию: президенты СНГ опять отказались от встречи с двойником» («Дуэль», №7). Смертельный удар! Только почему же «опять»? Разве помянутые президенты уже раньше отказывались от встречи? Ни разу. Хотя иногда ее откладывали, переносили. И сейчас, в апреле 98-го, когда Мухин писал о «кризисе», никто не отказывался, встреча была. Просто аналитик ее не заметил.

А вот еще шедевр глубоководной проницательности. Мухин дал интервью газете «Завтра» о своем великом открытии, но его все не печатали да не печатали. А как только оно появилось 10 декабря прошлого года, так в тот же вечер какой-то мерзавец огрел главного редактора газеты Александра Проханова чем-то тяжелым по кумполу. Слава богу, все кончилось благополучно. «Что тут скажешь? — пишет писатель Мухин.— На войне как на войне. Международные жиды действуют точно» («Дуэль», №25, 1997). Ну это уж вне всякого сомнения! Только интересно было бы узнать, чем объясняется тот удивительный факт, что международные жиды за публикацию одного-единственного интервью о двойниках молниеносно и беспощадно обрушились на А. Проханова, но обходят своими милостями первоисточник зла — самого автора великого открытия, который вот уже целый год в каждом номере своей «Дуэли» сотрясает атмосферу воплями об этом открытии. Да еще и само слово «жид» не сходит со страниц газеты. Ведь это очень странная дисгармония в жидовском мире!..
389

Кроме того, в свое время подвергся нападению в подъезде дома, где живет, и Владимир Бондаренко, заместитель Проханов. Спрашивается, чьих это рук было дело — международных жидов? местечковых философов? А еще вспоминается, что было уже два нападения на критика Валентина Оскоцкого, и оба раза бедолага демонстрировал нам по телевидению свою понесшую урон физиономию. А ведь он не брал интервью у Мухина о двойниках. Больше того, недавно получил какую-то премию от международных и московских жидов. Так в чем дело? К тому же нельзя игнорировать тот факт, что интервью в «Завтра» шло под заголовком «Лапша на уши». Так, может, «международные жиды» обозлились как раз на такой издевательский заголовок, и, следовательно, они вовсе не враги Мухина, а его друзья и защитники?

Наконец, не могу умолчать, что над такой глубоководной проницательностью потешались еще в Древнем Риме: post hoc, ergo propter hoc — после этого, следовательно, по причине этого. Напечатал утром интервью — следовательно, именно за это и получил вечером по кумполу.

Особенно шумным успехом на мухинской Олимпиаде пользуются футболисты, которые забивают в ворота здравого смысла такой гол: «У непохожего на себя Ельцина совершенно другая манера речи. Исчезло его знаменитое «паньмаешь» и т. п. Ну никак не могут сообразить плохо играющие головой футболисты, что двойник, дабы стать и в речи похожим на Ельцина, сознательно уснащал бы ее этим словечком, если раньше он им не пользовался. Странно, что эти футбольные головы не говорят еще и о двойнике, допустим, Гайдара. Ведь как он чмокал, а теперь перестал под благотворным влиянием критики. Так, может, и Ельцин все-таки восприимчив к критике хотя бы в этой сфере? Кто не потешался над его «паньмаешь»!

Но самый-то смертоносный довод у Мухина вот какой: «Я нагло вызываю огонь на себя, а Дума молчит!» И пресса молчит — как желтая, так и оппозиционная. «В. Чикин и А. Проханов затаились». Дрожат гады! И власть молчит. Что это может означать? Только одно: «Их молчание — это согласие с тем, что Ельцина уже нет, что он умер или убит». Правильно! Только для верности советую произвести следственный эксперимент. Пойти на Красную площади и закатить там вопеж: «Коперник — козел! мразь! дебил! Он нагло надул человечество! Земля не вращается вокруг солнца, а как стояла на трех китах, так и стоит! Я лично знаю этих китов — они подписчики «Дуэли»!» Вот интересно, помешает ли кто-нибудь этому истошному воплю? Думаю, что нет. В крайнем

случае Мухин вызовет на себя не огонь, а самое большее несколько тухлых помидоров...

Нет, дорогие товарищи, болтовня о двойниках Ельцина — это не просто еще одна блажь больного ума, а еще одна сознательная попытка задурачить людям мозги, сбить их с толку, заставить заниматься вздором. «Возьмите линейку... Передвигайте линейку выше... Передвиньте линейку на уровень верхнего края уха... Снова возьмите линейку...» — и так без конца. Это такая же общественно вредная и опасная провокация с целью отвлечь людей от серьезных размышлений и дел, как уже осточертевшая всем возня на государственном уровне с «екатеринбургскими останками». Одним словом, и в этом конкретном деле Мухин опять выступает как пособник антинародного режима. Он заявляет: «Была трагедия с Лжедмитриями на рубеже XVII века. Что происходит сегодня, я не пойму» («Дуэль», №26). Так и не понял за год? Вот мы и разъясняем...

ПОЧЕМУ ЗАСТРЕЛИЛСЯ ФЕЛЬДМАРШАЛ?

Вся эта распря, признаться, ужасно огорчает меня. Ведь генералиссимус так меня любил! Правда, по суровости характера за все время ни за одну мою статью он не сказал мне ни единого доброго слова. Но зато безоговорочно печатал любой вздор, что я ему давал, а гонорар иной раз платил даже вперед да еще в твердой валюте, например, в шекелях... И вот теперь он дошел до того, что устанавливает для меня границы — о чем с его разрешения могу писать, о чем нет. Например, затронул я, фронтовик, военную тему, генералиссимус тут как тут: «Это не ваше, лучше вам не трогать». И в другой раз: «Я должен заботиться о вашем умственном здоровье. Это просто не ваша тема. Не трогайте ее. Пишите лучше о шахматах, о Старовойтовой и т. п.». Даже указывает мне, какие цитаты в его писаниях я обязан разбирать: «Вы почему не разбираете данные мной цитаты!» Ну просто газетная Салтычиха! Сам пишет о чем угодно — от Познера до сфинктера,— а меня приковал к милашке Старовойтовой...

Только я очухаюсь от его немилостей, а он опять гневным голосом генералиссимуса, который затесался в очередь за пивом, а его вышвырнули: «Вы что же это вытворяете, вонючий эстет?! Протрите очки! Это же бушинский вздор! Храни нас бог от ярости осла!..»

Последняя фразочка насчет осла это, говорит, из Роберта Бёрнса. Тянет его, помидорного патриота, на иностран-

щину: то нахваливает битых немецких генералов, то заимствует мерзкие приемчики нашего американизированного телевидения, то вот вам — Бёрнс. Нет чтобы обратиться хоть на сей раз к родному дедушке Крылову. Уж если позарез понадобился осел для борьбы против Бушина, то ведь у Ивана Андреевича басен о нем тьма: «Осел и Соловей», «Осел и Мужик», «Лисица и Осел», «Филин и Осел», «Осел и генералиссимус», и просто «Осел», и еще «Осел». И какие там есть бессмертные строки! Например:

Ты пострадаешь поделом,
Коли тебе закон неведом:
Осел останется ослом,
Хоть посади его главредом.

А та строчка, между прочим, это вовсе не Бёрнс, а Шелли. Вечно он все перепутает, перекорежит, опошлит. Особенно в любимой им военной теме. Так, в своей полугениальной статье о Г. К. Жукове «Ученик» пишет: «В мае 1945 года у Гитлера все еще сохранялась надежда, что к Берлину прорвется 12-я танковая армия. Но он доверил ее не фельдмаршалам Боку или Рундштедту, Манштейну или Клюге, а генералу Венку». Он-де был не только ниже званием, но и гораздо моложе. Можно сказать, это маленький гимн воинской молодости. Прекрасно!

Однако, увы, приходится заметить, что по многим причинам у Гитлера тогда не могло и мысли возникнуть об этом назначении названных лиц. Во-первых, для каждого из них оно было бы оскорбительным понижением, ибо все они фельдмаршалы и командовали огромными группами армий, такими, как «Центр» (Ф. Бок), «Юг» и «Запад» (Г. Рундштедт), «Дон» (Э. Манштейн), «Центр» и «Запад» (Г. Клюге). И вдруг — танковая армия!.. Во-вторых, среди них только Манштейн был танкистом, остальные никогда танковыми частями непосредственно не командовали. В-третьих, после того как Жуков со товарищи в 1941 году разгромили Бока под Москвой, Гитлер сместил его с поста командующего группой армий, сунул в резерв и больше важных постов, ответственной работы не поручал. Так с чего бы он вспомнил о престарелом «задвиженце» в отчаянной обстановке 45-го года? В-четвертых, семидесятилетний Рундштедт, командуя во Франции группой армий «Запад», не сумел летом 1944 год отбить вторжение союзников. Гитлер был взбешен и тоже снял старикана. С какой же стати в критический момент ему вздумалось бы назначить его командовать танковой армией, с ко-

торой он связывал надежду на спасение? В-пятых, самый молодой из них, Манштейн, еще в марте 1944 года тоже был смещен за неудачи группы армий «Юг» и задвинут в резерв, где и просидел до конца войны. Но самое интересное с Гюнтером фон Клюге. Он тоже не танкист, тоже преклонного возраста, но главное не в этом. Главное, он был подписчиком «Дуэли». Еще бы! Ведь даже «Фолькишер беобахтер» не нахваливала так битых немецких генералов. И вот он прочитал в «Дуэли» статью Ю. Мухина «Ученик», в которой утверждается, что маршал Жуков — это «творческий ноль» и «дебил», что Сталин поручал ему

важнейшие дела, а потом щедро награждал только по причине его рабоче-крестьянского происхождения и т. д. Узнав все это, старик Гюнтер пришел в отчаяние: и такое ничтожество раздолбало его под Москвой! и такая бездарь вышвыривает сейчас немцев из России!

Потомственный военный аристократ не мог этого пережить и 18 августа 1944 года покончил жизнь самоубийством. А покойников командовать войсками, тем более танковыми, еще никто не назначал. Но и это не все! «В мае 1945 года у Гитлера еще сохранялась надежда...» Увы, у «гения» и «титана XX века» в те славные дни уже не сохранялось никаких надежд, ибо еще в апреле он тем же путем, что и Клюге, отправился туда, где в ту пору еще выходила «Дуэль» и никогда не было ни танковых армий, ни каких-либо других, кроме армии праведников и грешников. Ну не диво ли дивное: человек без конца пишет о Второй мировой войне и не знает даже того, когда Гитлер отправился на тот свет!

Остается только добавить, что стихотворение Шелли «Молитва поэта», одну строчку из которого привел Ю. Мухин ради образа осла, в переводе М. Ваксмахера выглядит так:

В моей молитве очень мало слов.
Но я нигде не вижу в ней изъяна:
Храни нас Бог от ярости ослов
И от редактора-барана.

P. S. Гонорар за вторичную перепечатку в чистом виде моего открытого письма главному редактору «Дуэли» я жертвую в равных долях на сооружение «Дурдома им. Карла Маркса» (для свихнувшихся антикоммунистов) и «Психушки им. Юрия Мухина» (для читателей, верящих всему, что он пишет).

P.P.S. Мухин пишет: «У нас разные взгляды на жизнь». Наконец-то понял! А я давненько в этом убедился. Был такой

случай, не имеющий Отношения ни к Марксу, ни к Гитлеру, ни к легендарной Армии Воли Народа...

Лет пять тому назад я написал стихотворение

ПОЭТЫ И СОБАКИ

...Я на даче один.
Что ж, камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить...
Иван Бунин, «Одиночество»

А у нас на даче пять собак.
Пять друзей и верных нам и милых.
Я не покупал, не приводил их,
Просто вижу — дело, брат, табак.
И кормить мы стали их. Они
Брошены хозяевами были...
Господи, на что ты ни взгляни —
Вновь до «окаянных дней» дожили!
Прокорми попробуй эту рать —
Спячки нет у них, как у медведей.
Стали мы объедки собирать
У друзей, знакомых, у соседей.
И светлеет будто на душе.
Доброту нам завещали предки...

Жаль, что нету Бунина уже —
Вместе собирали бы объедки.

Это не поэтический вымысел, тут все достоверно, доподлинно. И вот в эти апрельские и майские дни, когда я писал письмо Мухину, две собаки, кажется, самые дорогие мне, околели... умерли... почили. Над телом с трудом найденной (собаки уходят умирать в одиночестве) второй из них даже в присутствии мало знакомой мне женщины, нашедшей ее в 'лесу, я долго не мог унять слез...

А позже вспомнил, что однажды поделился с Мухиным своими собачьими заботами: и кормежка, и какой-то уход, и четырем из них мы с женой, пригласив ветеринара, сделали операции... Собеседник слушал меня с изумлением, а потом сказал убежденно и решительно: «Да зачем столько возни? Пристрелить — и вся проблема!..» У нас не только взгляды, у нас состав крови разный...

14 мая 1988 г.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ШАМАНСТВО

Об этом авторе мне уже приходилось писать в газете «День»,— не в той, которую под таким названием издавал П. Н. Милюков-Дарданелльский, а в той, где главный редактор Владимир Бондаренко. Правда, номер был праздничный, целиком посвященный шестидесятилетию Александра Проханова, и я, дабы в такой знаменательный момент не слишком огорчать одного из постоянных авторов «Завтра», возглавляемой именинником, высказал свои укоризны, не называя имени этого автора. Прошло три года... Появились его новые публикации, в частности совсем недавно — в той же «Завтра». И стало очевидно: писать о нем анонимно больше нельзя, пора назвать имя. Об указанных публикациях у нас и пойдет в основном речь.

Три года тому назад его звали Карем Раш, теперь почему-то Карем стал Кавадом. Что за этим стоит, почему и сам ли на пороге старости человек отказался от имени, данном родителями, или его переименовал какой-то Собчак,— не знаю. Но был персидский шах Кавад Первый. Может, из-за любви к монархизму — оттуда? Впрочем, рядом со многим другим, чего я не понимаю у Карема-Кавада, это и несущественно. Гораздо важнее то, что размах творческих интересов К.-К. Раша очень широк как по времени, так и тематически. Живописует, например: «Мидийская конная лава, сверкая доспехами в златой шумерской пыли, с павлинами и львами на стягах неслась к городу чудес — Вавилону. До рождения Христа оставалось 539 лет». О другом эпизоде скажет: «Итак, когда до рождения Христа оставалось ровно три тысячи лет...» И представьте себе, он чувствует себя в этих исторических дебрях словно рыба в воде. Как, разумеется, и во всех временах более близких, вплоть до нынешних. А тематический его диапазон простирается от проблемы антисемитизма в древнем Иране до феномена Моники Левински, от персидско-курдских отношений 40 веков тому назад до нынешних российско-американских, от побед «одного из величайших кордов Саладина над крестоносца-

ми» до сражений Великой Отечественной войны, от поэзии Гомера до творений князя Олега из династии Романовых, от истории советского театра до истории железнодорожного транспорта и т. д. При этом все насыщено большими страстями — восторгом и ненавистью, хвалой и презрением, обожанием и проклятьями, например, обожанием монархизма и лютой ненавистью к коммунизму, к Советской власти, к недавнему прошлому нашей родины, да и к

давнему, впрочем, тоже; например к нашей классической литературе. А главное, автор уверяет, что это и есть подлинный русский патриотизм, чего мы, русские, не понимаем, а он, Карем-Кавад, давно постиг. Более того, 20 марта В. Бондаренко поведал в «Завтра»: «Известный публицист Карем Раш предлагает свои книги для включения в программу патриотического воспитания молодежи». Сам предлагает! Это главным образом и обязывает нас кое-что высветить в его сочинениях.

Дальше В. Бондаренко пишет: «Определять качество патриотизма будет комиссия, где один из экспертов — Лев Аннинский. Я высоко ценю талант того и другого. Но чтобы Л. Аннинский определял процент патриотизма у Карема Раша, такого я и в дурном сне не мыслил увидеть». Странно... Почему? Да не в процентах же дело, а в том, что эти авторы именно с точки зрения патриотической вполне стоят друг друга.

Конечно, при таком, как у К. Раша, охвате жизни и при таких бурных страстях легко очутиться у Геркулесовых Столпов и даже заплыть дальше. В какой-то мере этим и грешат многие. Вот недавно в том же упомянутом «Дне» Станислав Куняев с торжествующим кликом «лжец схвачен за руку!» и у меня нашел явную гибралтарину. Спасибо умнику, спасибо грамотею и ясновидцу. Однако у Раша концентрация чудес на единицу печатной площади порой достигает уровня и силы знаменитой «царской водки», т. е. смеси азотной кислоты (1 объем) и соляной (3 объема),— жуткий составчик, растворяющий даже золото, в данном случае золото правды. Вот один давний примерчик из его истории советского театра. Уверенно заявляет, что на премьере «Дней Турбиных» во МХАТе, состоявшейся-де «в начале тридцатых годов», как только артисты по ходу пьесы запели старый дореволюционный гимн «Боже, царя храни!», так весь зал вскочил с мест и тоже благоговейно затянул. И вместе со всеми, говорит, затянул «Боже!..» сам председатель Совнаркома Н. И. Рыков. А когда он очухался от приступа монархизма, то побежал за кулисы и устроил артистам разнос: как, дескать, они посмели увлечь его, главу Советского правительства, проклятым монархизмом... Все это очень живописно и увлекательно. Однако... Во-первых, при чем же здесь артисты? Они лишь

играли текст Булгакова. И уж если устраивать разнос, то надо было самому автору или руководителям театра. Неужели Рыков не понимал это? Во-вторых, «в начале тридцатых годов» Рыков уже не был главой правительства, его сменил сорокалетний В. М. Молотов. В-третьих, премьера «Дней Турбиных» состоялась во МХАТе опять же не «в начале тридцатых», а 5 октября 1926 года. Наконец, при звуках царского гимна никто в зрительном зале, конечно, не вскакивал и не подпевал. Было бы гораздо естественнее, если бы зрители того времени подхватили «Интернационал», звучавший в конце спектакля, но ведь и этого не случалось.

Но тут искусствовед-антисоветчик Евгений Громов в некотором смысле превзошел Раша. В своей книге «Сталин и искусство» (М., 1998) он с ухмылочкой пишет: «И в театре Сталин не терял политической бдительности». Ну и что? Бдительность, зоркость нигде не надо терять руководителю страны. Наполеон говорил даже так: «Если ты оказался в незнакомом города, запомни все его улицы и площади: ведь может случится, что этот город тебе придется брать». А для этого искусствоведа идеалом, как видно, служат руководители, подобные Горбачеву да Бакатину, Ельцину да Путину, которые даже в объятиях американцев никогда не думают ни о какой бдительности, а только ликуют.

Дальше с полным доверием к неназванному источнику ученый автор рисует

картину «театральной бдительности» Сталина: «Как утверждает один из (?) мемуаристов, видевший спектакль в 1926 году, якобы часть публики, среди которой находились бывшие царские генералы, преподаватели военных учебных заведений, плакала, когда со сцены звучал старый российский гимн. Говорят, что Сталин приказал Артузову (большому начальнику в ОГПУ) немедленно составить список всех высокопоставленных лиц, которые были тронуты царским гимном. Я заметил в публике несколько «скромно одетых» личностей, вероятно, людей Артузова». Представляете? Скромно одет — значит, человек Артузова, остальные в 1926 году одевались роскошно. А главное, приказано было переписать всех, кого тронул царский гимн. Всех! Вот до чего доходила сталинская бдительность... Но ведь даже того, кто навзрыд плакал, трудненько обнаружить в большом многоярусном темном зале. А как найти тех, которые хотя и были даже очень тронуты, но никак не выражали внешне своих монархических чувств, молча глотали слезы? Но, надо полагать, скромно одетые люди Артузова блестяще справились с поставленной задачей — немедленно составили список сентиментальных монархистов и представили Сталину. И что же? При выходе из театра тут же, в проезде МХАТа, поди,

всех и перестреляли. Известное дело... И ведь этот Громов — доктор искусствоведения, профессор, старый человек...

А в рассказе Раша задача гораздо проще: ведь у него весь зал вскочил и запел. Тут же надо было весь зал и положить из пулеметов, установленных в правительственной ложе, тем более что там было столько царских генералов. Почему эта мысль не пришла в рашскую голову, непонятно.

Так для чего же рассказаны эти несуразные байки? Да только для того, чтобы внушить читателю, будто еще и «в начале тридцатых», т. е. спустя 15 лет после Октябрьской революции, русские люди обожали царский гимн, тосковали о монархии и ненавидели Советскую власть не меньше, чем Раш и Громов.

Сей театральный пример взят по его характерности из прежних писаний. Там же мы видели, что в своем геркулесовом патриотизме Раш дошел до ненависти едва ли не ко всей русской литературы, начиная со Льва Толстого. Его произведения он характеризует как «вагон книг типа (!) «Войны и мира», а сам писатель у него не кто иной, как «отравитель колодцев русской жизни». Это, пожалуй, разухабистее того, что недавно отмочил А. Сегень, с конца пера вскормленный С. Куняевым в «Нашем современнике», другой геркулесов патриот: «Человек, написавший «Хаджи-Мурата»,— предатель России». А еще раньше в бондаренковском «Дне» (в милюковском это было немыслимо) выскочил сочинитель Шиманов: «Русская классика — это раковая опухоль на теле народа». Ну, это как бы в дополнение к ученому трактату в «Литгазете» известного Ерофеева «Поминки по советской литературе»...

Отвлекусь на этого Ерофеева. Недавно в одной телепередаче группа молодежи, считающая его книги бездарными, похабными и вредными, предложила ему прочитать перед камерой указанный ими отрывок из его «Русской красавицы». Отрывок гнуснейший, за каждую его фразу в публичном месте при Советской власти 15 суток давали, а от читателей можно было схлопотать по физиономии.. Для нормального человека огласить его, да еще на всю державу, совершенно невозможно, лучше на глазах публики удавиться. И потрепанный литературный пижон завертелся, как уж на сковороде. А выход-то можно сообразить вполне достойный. Надо было сказать, что, во-первых, предложенный отрывок — это не авторский текст, а прямая речь персонажа. И мало ли что персонаж может брякнуть. Не отвечал же, допустим, Грибоедов за

слова своего Скалозуба «собрать бы книги все да сжечь!». Зачем же, мол, мне оглашать действительно мерзкую речь персонажа, вырванную из контекста? Во-вторых,
398
надо было подчеркнуть, что между словом написанным и произносимым, тем более на всю страну,— огромная дистанция. Первое — в основном для «индивидуального употребления», как правило беззвучного. Второе может слышать чуть не весь народ. Не для телевидения некоторые произведения даже классиков, например, «Гавриилиада» Пушкина или «Сашка» Лермонтова. Объяснив все это, надо было ради пристойности и социальной гигиены решительно отказаться прочитать вслух предложенный текст. Но где там!.. Во-первых, будучи типичным долдоном, каким эти пижоны изображают советских людей, Ерофеев растерялся и просто не сообразил привести названные доводы. Вместо этого, как тот же типичный и пошлый долдон, он начал перечислять, где его книга издана за границей, какие имела тиражи, сколько за эту похабщину получил он премий, как восхищена ею его жена, которой всего 20 (двадцать, на 35 лет моложе его). Жалко, смешно и омерзительно было смотреть... Но главная мерзость была впереди. По причине все того же скудоумного долдонства Ерофеев не умеет достойно отойти, отступить, предпринять маневр. Он уверен, что всякое отступление, любое умолчание — это малодушие и позор, что всегда надо только вперед!. И по всему этому он просто не мог не прочитать вслух гнусное творение своего склеротически-эротического ума. Хоть бы подумал о детях страны, которые могли слышать и наверняка слышали, невольно вдохнули его литиспражнения.... Можно было надеяться, что после этого скотства Ерофеев уже никогда не появится на телеэкране. Ничего подобного! Через несколько дней вы могли видеть его в компании Льва Аннинского рассуждающим о Павке Корчагине. И ведь рожа какая... Трудно представить, что сделал бы с ней Павка, явись он в студию...

Так вот, я не знаю, кто по национальности эти Шиманов, Сегень, Ерофеев, а Раш — курд, но пишут-то они на русском языке, печатаются в русских газетах и журналах, кажется, и в русском Союзе писателей состоят. Как же надо относиться к России, чтобы так оскорблять великого нашего писателя, его произведения, составляющие гордость мировой литературы! Трудно выразить словами внутреннюю суть этих людей. Но, пожалуй, они рассуждают так: «Толстой писатель, и я писатель. Почему ж мне его не обложить? Тем более что он и в Союзе не состоял, а я там член правления. К тому же он был лишь подпоручик и получил только один орденок Анны Третьей степени за Севастополь да в старости уже — одну премию имени Островского за «Власть тьмы», а я — капитан первого ранга (полковник во цвете лет!), у меня орденов и премий — навалом! Кто же смеет запретить мне врезать
399
ему?» И до какой духовной анемии должны дойти русские редакторы, чтобы печатать эти вонючие непристойности... И при этом они изображают себя защитниками русской культуры, беззаветно борющимися против ее разрушителей. Да еще жалуются, что их кто-то там не уважает, не присылает, например, билеты на встречи с министрами в Доме Советов. Да как вас уважать, если вы у себя дома разрешаете инородцам плевать в лицо вам и вашей родине...

Но Рашу этого мало, он объявляет еще, что упоминавшийся молодой князь Олег, отпрыск Романовых, писавший барабанные стихи во время германской войны, которые канули в безвестность вместе с автором, «более народен, чем его сверстник Есенин». Странно, что еще не требует соорудить памятник на Тверском бульваре этому Олегу-стихотворцу, как известный Виктор Филатов

требует памятник генералу Власову рядом с памятником маршалу Жукову. Между прочим, этого же августейшего стихотворца нахваливал по телевидению и Эдвард Радзинский, который, по нечаянно меткому и непредвиденно честному замечанию Н. Сванидзе, в дополнительной рекомендации не нуждается. Как увидим дальше, тут не единственное проявление солидарности малоизвестного Кавада со знаменитым Эдвардом.

Но вот, говорю, прошли годы... И перед нами несколько подряд больших публикации Раша в «Завтра»: в №50 за прошлый год — «Токмо флотом», в №1 за этот год — «Дворяне пречистой Одигитрии» и в №2 — те же дворяне той же Одигитрии, в №8 и 9 — «Сибиряки против СС», в №12 — «Аристократы битв». Большой цикл! Ведь каждая статья — газетная страница... За минувшие годы можно было бы многое прояснить для себя, понять, в чем-то раскаяться, что-то отринуть. И что же мы видим теперь? Да все то же: сногсшибательная эрудиция, умопомрачительная самоуверенность, постоянное вспышкопускательство, превознесение монархизма и монархов, хроническая ненависть к русской литературе, злобная антисоветчина, а еще и лакейство перед властью, усиленное восхвалением чужеземных воителей или негодяев. Тут целесообразно сперва взглянуть на последнюю статью «Аристократы битв». Она начинается так: «Я курд (самоназвание — «корд»). Мы, корды,— самый свободный народ на земле. Мы это доказали, не выходя из сражений пятьдесят веков». Очень хорошо, что ты курд и гордишься этим. Я глубоко уважаю твой мужественный народ. Но почему он «самый свободный на земле»? Ведь свободу дают не сражения сами по себе, а победы. Тем более что тут же читаем: «Из всех национальных проблем в мире нет сложнее кордской — народа, коварно рассеченного Ан-

тантой между четырьмя странами (Ираном, Турцией, Ираком, Сирией)». Непонятно. Прежде всего: что, разве до Антанты, т.е. до Первой мировой войны, существовал единый Курдистан? К тому же если рассечен, что возможно только в результате поражения или предательства, то о какой же свободе, да еще самой-самой на земле, можно говорить? Кроме того, как я, русский, могу согласиться, что нет в мире сложнее национальной проблемы, чем курдская, если мой народ рассечен предателями между не четырьмя, а четырнадцатью странами, где более 20 миллионов моих соплеменников оказались на положении людей второго сорта. А курдов и всего-то миллионов 8—10. Естественно, что человек любит свой народ, его историю, легко понять и тех, кто прославляет то и другое, но все же... Но все же хорошо бы избегать концентрированной напыщенной трескотни в таком духе: «Мидяне (в статье дано несколько названий курдов: корды, язиды, маги, мидяне, и разобраться в этом трудно.— *В. Б.).*., мидяне — любимцы Бога...», «Мидянам первым на земле Господь даровал откровение...», «Корды создали первую великую державу мира — Мидию...», «Мидия — светоносная земля кордов...», «Корды — цвет арийского племени...», «Ни один из живущих на земле народов не имеет такую длительную культурную традицию, как корды...», «Корды оказали наибольшее влияние на духовную жизнь человечества...», «Расселение всех индоевропейских народов по миру началось с Курдистана...», «За кордами соседи закрепили название «народ-герой»...», «Корды восторжествуют...», «Корды победят!» и т. д. Я всей душой желаю курдам победы, хотя почти не знаю их историю. Готов бы и поверить, что курды самые-самые-самые в мире, и даже поздравил бы с этим автора, но от благородного жеста меня невольно удерживают несколько обстоятельств. Во-первых, кое-что из объявленного здесь ведь никак не доказывается. Ну не буду спорить, правда ли, что курды любимцы Бога, и потому именно им Он первым даровал

откровение,— тут материя тонкая. Но как и поверить, если это говорит человек, не знающий гораздо более доступные факты: кто в начале тридцатых годов был главой Советского правительства или когда состоялась премьера «Дней Турбиных». А почему я должен верить, что не греки, не римляне, не евреи, но именно курды оказали наибольшее влияние на духовную жизнь человечества? Ведь автор констатирует лишь многочисленные завоевания и погромы, что учиняли его соплеменники на протяжении веков: «Первый народ, который они покорили, были их братья по языку, вере и крови — персы». Потом, «одушевленные фарной, «воинство Мандалы» кордских гор в 2170 году до нашей
401
эры повело за своими колесницами отряды «сильных кутиев» и стерло с лица земли торгующий рабами семитский Аккад... Через пятьсот лет корды и касситы завладеют всем Нижним Двуречьем, и на Вавилон, по понятиям торговцев, опустилась касситская ночь...» Кто такой Мандал (в другом месте — Манд)? Что это за кутии и касситы? Неизвестно. Автор считает, что вы обязаны знать это. А что дальше? Дальше «разгромили Урарту и работоргующую Ассирию, предав огню ее столицы Ашшур и Ниневию», чему «особенно радовались евреи», потом «пробил час и лукавого города чудес Вавилона». Но и это не все! Оказывается, еще имел место «погром Афин мидянами и персами». И все эти погромы и захваты приводят автора в такой восторг, что однажды у него вырвалось: «Да так разделались с гнездом нечестивых, что до сих пор не могут найти место, где был этот город». Крутенько... А я бы лично хотел быть среди воинов Александра Македонского, когда он «в отместку за погром Афин мидянами и персами сжег Персеполь и двинулся к столице Мидии...» Тут автор переводит разговор на другое, видимо, не в силах выговорить. Александр так разделался с гнездом погромщиков, что до сих пор язык не поворачивается... Так вот, говорю, разгромы и погромы весьма впечатляют, но где же свидетельства духовного влияния на все человечество? Упомянута только священная книга «Авеста», «которую корды подарили человечеству», но которую почему-то принято считать памятником древнеиранской культуры. Во всяком случае, кодифицировали ее при Сасанидах, династии иранских шахов III—VII веков. Правда, К. Раш с обычной для него сокрушительной уверенностью заявляет: «Персидское» государство (т. е. Иранская империя,— *В. Б.)* никогда в природе не существовало». В природе — да, а в истории? Дело в том, уверяет аналитик, что «ядро всех армий Ирана до XX века составляли корды». Может быть. Но если сейчас ядро всех банков России составляют евреи, то можно ли сказать, что русское государство никогда не существовало в природе? Тут еще нельзя не заметить, что иные жертвы курдских погромов автор клеймит как работоргующих нечестивцев. Это большое лукавство, ибо весь тогдашний мир был работоргующим, и не надо изображать своих далеких предков борцами против рабства, в частности «воинство Манда» — подобием армии Спартака.

Нет, гордо возражает Раш, мои предки в 539 году освободили из Вавилонского плена евреев. Похвально! Но не находились ли среди освобожденных на нашу беду предки и Березовского с Гусинским, и Немцова с Явлинским? Если так, то курды от нас спасибо не дождутся. Однако тут же
402
читаем: «Город был покорен вождем иранских дружин Киром Вторым». Но дальше об иранцах-персах — ни слова, а вот «встреча мидян-кордов с евреями на реках Вавилонских будет отныне влиять на духовные судьбы всего человечества». Опять вселенский размах! Но какие доказательства? Их нет. А рядом вообще загадка: «После этого сретения на реках Вавилонских благодарные освобожденные евреи, потрясенные размахом и нравственной глубиной религии

освободителей, впервые уверовали в свою мировую судьбу». Странно. Почему в свою? По логике вещей должны бы, придя в себя от потрясения, уверовать в мировую судьбу своих замечательных освободителей. Нет! Только в свою. А кроме того, в другом месте читаем: «Евреи в плену (!) впервые прониклись идеей мессианства и избранности». Так после освобождения и бесед с курдами на бережку рек Вавилонских или еще в плену? Если в последнем случае, то встреча с курдами не имела для евреев судьбоносного характера, и никакого совместного влияния на духовную жизнь человечества не предвиделось. И это тот случай, когда Василий Иванович воскликнул бы в сердцах, глядя Рашу в глаза: «К чужой славе хочешь примазаться?!» Но капитан первого ранга Раш делает новый крутой поворот на 16 румбов и опять категорически настаивает на том, что именно тогда, после встречи с курдами в 539 году, «евреи, неведомый дотоле миру народ (так ли? — *В. Б.),* разгромленный и плененный Ассирийской державой, нашли в себе силы стать вровень с самой сильной и вдохновенной религией на земле и все исторические обстоятельства подверстать под свою личную судьбу». Как увидим, столь же возвышенно капитан будет потом говорить только о немецких и американских генералах да о Геббельсе, которые, между прочим, тоже мечтали все исторические обстоятельства подверстать под свою судьбу. Но об этом позже. А вообще-то есть некоторые основания полагать, что евреи уверовали в свое избранничество еще не только до Вавилонского пленения, но и до Египетского.

Приходится сказать и о том, что автор доходит в своем курдском патриотическом экстазе до восхвалений образца «Россия — родина слонов». Например: «Все (!) ученые единодушно отдают приоритет в одомашнивании лошади протоиранцам», т. е. курдам. Да неужто все как есть так и отдают? А тогда кто корову приручил? Кто собаку? Кто кошку? Неужели не курды? А если так, то почему патриот скромничает? «Они же, корды,— создатели первых колесниц, сделавших переворот в мировом военном деле». Прекрасно! Да уж не прапрадедушка ли Раша и колесо изобрел? И не прадедушка ли — велосипед? «Предки кордов были в числе

первых на земле всадников. Колесницы произвели отбор и сделали первых на Земле аристократов». Живое доказательство — сам Раш, аристократичный словно Кавад Первый... Да почему же столько великих деяний выпало на долю предков нашего героя? А потому, оказывается, что «при описании физического типа корда неизменно отмечают высокий рост. Это самые рослые на земле люди». (Странно, о самом Раше этого не скажешь.) Но мало того, «они же обладают самым большим на земле черепом», попросту говоря, калганом. Ну, тогда все понятно. Тут и Раш подходит: такой калган!..

Однако с огорчением приходится добавить, что многие крайне пафосные и убежденные объявления Раша так хрупки, что не выдерживают самого осторожного прикосновения к себе недоуменной мысли. Вот, допустим: «Корды создали первую (!) великую державу древности — Мидию». Молодцы! Но ведь Мидия — это конец VII — середина VI века до нашей эры, а, допустим, государство Инь (Китай) возникло в XIV веке до нашей эры, Ассирия — примерно тогда же, Вавилон — веков на пять раньше их, Египет — в начале IV тысячелетия до нашей эры. Мидия — просто младенец по сравнению с этими державами. Даже из благородных патриотических побуждений нельзя злоупотреблять лапшой и чужими ушами. Мы видели, что иногда, как это было у него с избранническим прозрением евреев, автор сам себя то запутывает, то опровергает. Вот и еще. В начале статьи писал, что курды жили, «не выходя из

сражений пятьдесят веков», т. е. пять тысяч лет. Мы сняли шляпы. Но вдруг в конце статьи автор называет курдов рыцарями, «не выходившими из битв три тысячи лет». Мы не нахлобучиваем шляпу, по-прежнему держим ее в руке, но как же можно так бросаться десятками веков...

Читаем еще: «Ариан, автор «Похода Александра», писал: «Горы Кавказа, по словам Аристобула, выше всех гор Азии». Во-первых, кто этот Аристобул? Знал ли он, что такое Азия? Почему городил чушь, а образованный сочинитель Ариан верил ему? Ну, допустим, это было еще детство человечества. Но Раш-то зачем распространяет ерунду? Он-то должен знать, что самая высокая гора Кавказа — это упоминаемый в статье Эльбрус, его высота 5642 метра, но гораздо выше тяньшанский пик Победы — 7439 м., а еще выше Эверест — 8848 м. И все это — Азия. Еще и так нахваливает автор своих замечательных предков: «Мидийцы отвергали хитрую книжность и считали письмо изобретением дьявола». Очень интересно! Но тогда, с одной стороны, непонятно, как же при этом курды смогли оказать уже объявленное нам «наибольшее влияние на духовную жизнь человечества», которое отнюдь не считало письмо, а потом и книгопечатание

изобретением дьявола. С другой — если предки видели тут происки дьявола, то почему бы и Рашу, славному сыну своего народа, не отказаться от писания статей, печатания книг или хотя бы от получения гонораров за потворство дьяволу. Ходил бы себе по улицам Москвы и оглашал их своим праведным многоглаголанием.

Ошарашивает легкость и все та же, словно у Кавада Первого, решительность, с коими автор дает характеристики иным известным историческим личностям в самом широком диапазоне. Взять хотя бы Суллу и Черчилля. О первом говорит: «гордый римский аристократ». Второго называем «кипучим бездельником». Ни тот ни другой не вызывают у меня симпатии, но все же... Если начать со второго, то о нем можно сказать много сурового и беспощадного, но назвать его «бездельником» может только человек, который путает Божий дар с яичницей. Ведь стоит лишь перечислить должности, которые Черчилль занимал с 1906 года в течение полувека. Последовательно он был министром колоний, торговли, внутренних дел, военно-морским, военного снабжения, военно-воздушным, колоний и авиации, финансов, опять военно-морским, премьером и одновременно министром обороны, опять премьер и министр обороны... В отставку ушел, когда перевалило за восемьдесят. Так неужели на все эти высокие и ответственные должности постоянно назначали бездельника? Особо надо отметить, что первый раз премьером Черчилль был назначен 10 мая 1940 года, в роковой день, когда немцы нанесли сокрушительный удар по союзникам в Европе и начали массированное наступление в Голландии, Бельгии, Франции... Я уж не говорю о таком приступе безделья у Черчилля, как организация похода Антанты против молодой Советской России. Учиться надо такому «кипучему безделью», аристократ Раш, а не высокомерничать на потеху публике!

А о «гордом аристократе» Сулле вот что писал беспристрастный Плутарх: «Когда после африканского похода он возгордился и стал держаться надменно, кто-то из людей благородных сказал ему: «Ну, как тебе быть порядочным, если ты, ничего не унаследовав от отца, владеешь таким состоянием?» Сейчас так можно сказать, допустим, Абрамовичу, губернатору Чукотки. Так что, и он тоже гордый аристократ? Дальше: «Молодым и еще безвестным проводил целые дни с мимами и шутами (вроде Хазанова), распутничая вместе с ними, а когда стал верховным властелином, то всякий вечер собирал самых бесстыдных из людей театра и сцены и пьянствовал в их обществе». Однажды Сулла (как Ельцин

министру обороны Родионову) пригрозил Цезарю, и

тот (в отличие от Родионова) ответил ему: «По праву ты почитаешь своей эту власть — разве ты не купил ее?» Наконец: «Сулла производил впечатление человека переменчивого; он много отбирал насильно и еще больше раздавал, без оснований возносил и без оснований оскорблял, обхаживал тех, в ком имел нужду, и чванился перед теми, кто имел нужду в нем, так что непонятно, что было свойственно его натуре — высокомерие или угодливость... Душа его была сплавом из наглости и жестокости». Все точно как Ельцин! Сколько он насильно отобрал у народа и раздал паразитам! Как без всяких оснований возносил убогого духом Бурбулиса или скорбного умом Гайдара, и как без всяких оснований оскорблял Примакова или Рохлина! Как, имея в нем нужду для защиты, обхаживал Клинтона и как чванился перед прокурором Скуратовым, имевшим нужду в нем для борьбы с преступниками! Высокомерие и угодливость, наглость и жестокость переплелись в Ельцине неразрывно. Так что, если Сулла — «гордый аристократ», объявите, Раш, таковым и Ельцина.

А какой страшной смертью умер Сулла! От вшивой болезни... «Вся его плоть сгнила, превратившись во вшей. И хотя многие прислужники собирали их день и ночь, удалить удавалось лишь ничтожную часть вновь появлявшихся. Вся одежда Суллы, ванна, в которой он купался, вода, которой он умывал руки, вся его еда были испакощены этой пагубой, этим неиссякаемым потоком — вот до чего доходило. По многу раз в день погружался он в воду, обмывая и очищая тело, но ничто не помогало...» И это смерть гордого аристократа?..

Плутарх заметил еще, что «вшивая болезнь» погубила также историка и философа Каллисфена, поэта и певца Алкмена, богослова Ферекида и юриста Муция... Все повторимо... И разве историк и философ Волкогонов умер не от того же? А поэт и певец Окуджава? А не это ли ждет богослова Глеба Якунина? А юриста, именующего себя Макаровым?.. Всем недавним и нынешним обитателям Кремля, особенно главным, надо молить Бога, чтобы смерть их была не от суллианской вшивой болезни.

В этой статье, посвященной курдам, автор не обошел своим пронзительным внимание и Россию: «Русская культура и государственность зародились не в Новгороде и не в Киеве. Русь началась на Кавказе с упреждением других очагов едва ли не на семь столетий». Чрезвычайно увлекательно! Даже лестно: семь веков дарит нам Раш. Но опять же: как ему верить, если он считает, что Эльбрус выше Эвереста? Однако нет, на сей раз у автора есть довод: «Никто не оспаривает известной мысли, что «казаки создали Россию». Что значит «никто не оспаривает»? Мало ли чего мы не оспари-

ваем. Например, никто не оспаривает известной мысли, что за компанию и поп (вариант — «и жид») удавился. Но кто хоть раз видел это? «Ядро казачества,— продолжает наш геополитик,— приходится на Дон, Кубань и Терек. Следовательно, можно утверждать: Кавказская Русь создала Россию». Лихо, лихо... Но с какой же стати Кубань, а тем более Дон оказались на Кавказе? Они, конечно, к нему ближе, чем Нева или Москва-река, но все же... А главное, казачество — это же в лучшем случае XVI—XVII века, к тому времени Российская государственность и русская культура давным-давно существовали и развивались. Так что, оказывается, Раш не подарил нам, русским, семь венков, а урезал веков восемь. «Как первые меченосцы и всадники, корды принесли в мир идею Арты — жизни по Божественному порядку и Правде». Какие меченосцы? Какие всадники? Что за «идея Арты»? Может быть, курдам тут пояснений не требуется, но для русского читателя меченосцы — это католический духовно-

рыцарский орден начала XIII века, пытавшийся поработить восточную Прибалтику. Против него воевал Мстислав Удалой, в 1236 году орден был разбит в сражении при Сауле (Шауляй), а остатки его присоединились в Тевтонскому ордену, образовав Ливонский орден крестоносцев, с которым вскоре пришлось иметь дело Александру Невскому на льду Чудского озера. Какое все это имеет отношение к курдам с их 50-вековой историей? И почему с таким пафосом, с гордостью автор уподобляет свой народ меченосцам, которые несли соседям не «Божественный порядок», а рабство, и не «Правду», а насильственное насаждение своей веры. Уже давным-давно и меченосцы и крестоносцы для русских людей — «псы-рыцари».

Но обратимся к другим статьям замечательного цикла, предназначенного автором для патриотического воспитания молодежи. Как литератора меня тут прежде всего несколько ошарашило заявление о том, что у русской литературной классики, в частности у Тургенева, у Толстого, имелась «установка на художественную ущербность». Кто им такую установку дал и заставил выполнять, неизвестно, ведь ни ЦК ВКП(б), ни Союза писателей еще не было, да и никогда они таких «установок» не давали... Как бы то ни было, а выходит, являлся Лев Николаевич из Ясной Поляны в Спасское-Лутовиново и говорил его хозяину: «Вызываю вас, Иван Сергеевич, на соцсоревнование: кто художественно ущербнее напишет очередной роман!» Тот отвечал: «По рукам!» И писали: допустим, Тургенев — антихудожественные «Вешние воды» (1872), а Толстой — сверхущербный роман «Анна Каренина» (1873—1877). Кого читатели признали победителем,

сказать трудно. Не из-за этого ли соперничества однажды и ссора произошла между ними, едва не дошедшая до дуэли? Впрочем, весь дух рашского сочинения позволяет думать, что установку на ущербность давали писателям «демократы-атеисты вроде Белинского и Чернышевского», которых он называет «полоумными», или «славянофилы вроде Аксакова, которые призывали к химерическому славянскому интернационалу». Но тут возникает несколько вопросов. Во-первых, если Чернышевский давал писателям «установку на ущербность», то не за это ли Александр Освободитель подверг его гражданской казни и сослал на двадцать лет в Сибирь? Стоило!.. Во-вторых, откуда такая вражда к «славянскому интернационалу»? О нем мечтали не одни славянофилы, ненавистные Рашу. Разве не об этом с надеждой писал Пушкин:

Славянские ль ручьи сольются в русском море,
Оно ль иссякнет — вот вопрос...

Пушкин одобрительно писал и о более широком, не только славянском «интернационале» народов России, надеясь самому быть одной из его скреп:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык —
И гордый внук славян, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык...

В своем «интернационализме» поэт выходил и за пределы России, когда с симпатией писал о Мицкевиче:

Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Мы жадно слушали поэта...

Если бы Раш читал не Олега-стихотворца, а Тютчева, то обнаружил бы и у него прямой и страстный призыв к «славянскому интернационалу»:

Славянский мир, сомкнись тесней...
«Единство,— возвестил оракул наших дней,—
Быть может спаяно железом лишь и кровью»...
Но мы попробуем спаять его любовью —
А там посмотрим, что прочней...

И тут впервые возникает вопрос, который в дальнейшем станет для нас главным: если Белинский и Чернышевский «полоумные», то как после уже сказанного назвать Раша?

Относительно монархизма нашего героя можно сказать так: что ж, у нас демократия — люби все, что тебе вздумается. Я лично и сам раз в неделю, по субботам, после бани, тоже монархист: опрокидываю по рюмочке «смирновской», выпускаемой, как известно, потомками поставщика двора Его Императорского Величества,— на бутылке четыре царских герба... Правда, здесь дело несколько осложняется тем, что автор доходит в своей страсти до утверждения полной непогрешимости всех русских царей. Так и пишет в экстазе: «Цари всегда (!) были в России на правильном пути, ибо кто-то сказал: «все пути царя правы». И вот он начинает торжественные песнопения, прославляя Петра Великого, Александра I, Николая I, Николая II, а также множество царских генералов, адмиралов и чиновников. Слов нет, советская историография нередко была несправедливо пристрастна в оценке этих фигур. Но еще в середине 30-х годов начала пересмотр социологических штампов, вернула народу в ореоле славы имена Александра Невского, Юрия Долгорукого, Димитрия Донского, Минина и Пожарского, Ивана Грозного, Петра Первого, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова и многих других правителей и полководцев, писателей и ученых, однако все же не успела довести дело до конца. И тут за это взялся Раш... Василий Федоров писал:

Когда неряха моет пол
Истории наследия,
Уже захлюстав свой подол,
Страшно ее усердие.

Поистине страшно... Хочу верить, что многие имена в его статьях, видимо, заслуживают нашей благодарной памяти. Иные из них я лично услышал впервые. В самом деле, откуда бы мне знать, что при Николае II министром путей сообщения был Н. К. Шаффгаузен-Шенберг-Эк-Шауфусс. Но, к сожалению, автор часто рассказывает о своих героях-железнодорожниках в форме кратких послужных списков: кто где образование получил, на каком посту трудился, какой чин заработал, какой награды удостоился. Один стал действительным тайным советником, другому был пожалован орден Владимира IV степени, третьему назначен оклад в 8000 рублей в год и сверх того за выслугу лет еще 3000 рублей и т. д. Кому это нужно? И читать скучно, и в памяти ничего не задерживается. Впрочем, в газете «Гудок», может быть, это и уместно.

Раш уверяет, что при Николае I «среди министров путей сообщения не было ни одного слабого назначенца». Да что

там! Два среди «этой крепкой плеяды» были просто «гениальными министрами». И такие министры, как «фельдмаршал граф Толь, генерал-адъютант граф Клейнмихель тоже были людьми выдающимися по дарованию и воле». Прекрасно! Только непонятно, если в министерстве путей сообщения были такие замечательные царские назначенцы, то почему в не менее важное министерство иностранных дел цари посадили, например, «двух графов-русофобов, поляка Чарторыйского и австрийца Нессельроде». Ведь, скажем, второй из них был министром лет десять при Александре, а потом — лет тридцать при Николае. Как оба царя терпели столько лет русофоба на такой должности? Может быть, все-таки цари не всегда были на правильном пути и не все их пути были правыми? Кроме того, несколько смущает здесь имя Толя. Неужели фельдмаршала назначили министром путей сообщения? Это же все-таки были не ельцинские времена, когда министром обороны чуть не назначили мадам Старовойтову, и не путинские, когда министром культуры сделали игривого бонвивана, свихнувшегося на пропаганде секса, а министром обороны — специалиста по творчеству баснописца Крылова. Был в русской истории граф Толь Карл Федорович, генерал от инфантерии (по другим сведениям, генерал-адъютант), но никак не фельдмаршал. (К слову сказать, генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский накануне Первой мировой войны был не «бездарным генерал-квартирмейстером» Генерального штаба, как пишет Раш, а его начальником.) Толь — участник еще Швейцарского похода Суворова 1799 года, а потом — Отечественной войны, и турецкой войны 1828— 1829 годов. Он умер в 1842 году, когда железную дорогу Петербург — Москва еще не построили. Так он успел еще и побывать выдающимся министром путей сообщения? Удивительно... В январе 1837 года Пушкин послал ему свою «Историю Пугачевского бунта». По этому поводу они обменялись любезными письмами. В письме Пушкина были, между прочим, такие знаменательные слова: «Гений с одного взгляда открывает истину, а истина сильнее царя, говорит Священное писание».

К сожалению, Раш не открывает нам истину и там, где особенно восхищается среди царских министров хорошо известным Клейнмихелем: «человек с сильным характером, жесткой требовательностью и сурово-православными воззрениями». Но, говорит, «разночинцы Клейнмихеля не любили, как и стройку, которой он руководил». Имеется в виду железная дорога Петербург — Москва. Больше того, оказывается, «демократы получили задание очернять стройку». От кого получили? Опять неизвестно. Сплошные тайны и заго-

воры. Но, представьте себе, «даже Некрасов» получил такое задание и, выполняя его, написал стихотворение «Железная дорога», в котором-де занимался очернением: «А по бокам-то все косточки русские... Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?» Увы, от этих косточек никуда не деться. Но дальше-то в стихотворении вон что:

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять....
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что Господь ни пошлет!

Вынесет все — и широкую, ясную

Тут, конечно, сам собой рождается вопрос: «А кто дал задание Солженицыну, Радзинскому, Куняеву очернять, допустим, такую «работу народную», как строительство Беломоро-Балтийского канала?» В том-то и ужас, что никто не давал — сами ринулись вслед за Собчаком и Новодворской...

Но за что же разночинцы не любили прекрасного Клейнмихеля? Да и одни ли только разночинцы? Вот Раш упоминает генерал-лейтенанта А. И. Дельвига, двоюродного брата всем известного лицейского друга Пушкина. Этот Дельвиг был одним из руководителей Министерства путей сообщения. Уж никак не разночинец! Но вот что он писал в «Моих воспоминаниях» о «сурово-православном» министре, которого, надо полагать, прекрасно знал по совместной работе: «В этой должности он производил свирепые неистовства. Если в защиту Клейнмихеля скажут, что он как подчиненный исполнял только поручения Аракчеева, то на это можно возразить, что не всякий способен на исполнение зверских приказаний, а что Клейнмихель был на то способен, служит доказательством то, что когда Аракчеев хотел сильно наказать какую-либо часть военных поселений, то говаривал: «Я вам пришлю Клейнмихеля!» Так что пострашнее Аракчеева был сей министр. Может быть, будучи его подчиненным, Дельвиг сводил посмертно какие-то счеты с начальником? Но вот что писал о нем человек уж совершенно независимый от него — баварский посланник при русском дворе О. Де-Брэ: «Деятельный, беспощадный и неумолимый в выборе средств, он не признает трудностей и как будто хочет доказать, что

на свете нет ничего невозможного. Он относится к людям как к орудиям и машинам, не зная сострадания... Не подлежит сомнению, что можно было достигнуть тех же результатов, действуя с большей кротостью и меньшей поспешностью, не истощая средств казны, не разоряя подрядчиков, не жертвуя множеством человеческих жизней». Так не отсюда ли «по бокам-то все косточки русские»?.. И даже верноподданнейший Н. И. Греч тоже негодовал в воспоминаниях по адресу этого аракчеевского ставленника: «Каково должны идти дела в государстве, где Николай Тургенев в изгнании, Батеньков в душной темнице, другие опытные, умные и даровитые люди в Сибири, а Клейнмихель и Вронченко — министры. Диво ли, что у нас дела идут наперекор уму и совести!» Это можно сказать и сейчас: «Опытные, умные и даровитые люди черт знает где, а Починок и Клебанов, Матвиенко и Иванов — министры!»

О Клейнмихеле стоит разве что еще упомянуть, что, по словам сенатора К. И. Фишера, он «подставлял» царю Николаю свою родственницу Вареньку Нелидову, жившую у него в доме. В 1842 году графиня Нессельроде писала своему сыну: «Государь с каждым днем все больше занят Нелидовой, у которой такое злое выражение лица. Кроме того, что он к ней ходит по нескольку раз в день, он и на балу старается все время быть близ нее. Бедная императрица все это видит и переносит с достоинством, но как она должна страдать». Такие услуги царю и Аракчееву, конечно, способствовали карьерному успеху «сурово православного» Клейнмихеля. Будучи всего лишь сыном каптенармуса, он стал и графом и министром. И все сходило ему с рук, хотя лицейский товарищ Пушкина граф М. А. Корф, управляющий делами Совета министров, а позже статс-секретарь и член Государственного Совета, писал о нем даже такое: «На содержание, отопление и освещение занимаемого им казенного дома Клейнмихель требует из экстраординарных сумм своего ведомства ежегодно от 150 до 200 тыс. рублей, беспрестанно убирая его новой мебелью и проч., а между тем отказывая в сотне

рублей из тех же сумм какому-нибудь голяку чиновнику или в такой же сумме семейству несчастного, которого не на что похоронить...» Вот какую фигуру суллианско-чубайсовской породы превозносит патриот Раш. И тут уж не приходится удивляться, что он нахваливает и другого замечательного министра путей сообщения, Аксененко, нашего современника.

Однако вот что примечательно: столь дотошно фиксируя должности, награды и оклады множества забытых царских чиновников, наш патриот, упомянув, например, одного-

единственного советского «адмирала Горшкова», не счел нужным сообщить, что, во-первых, он был не каким-то «рядовым» адмиралом, а Адмиралом Флота Советского Союза и Главнокомандующим военно-морскими силами, заместителем министра обороны; во-вторых, имел не только много орденов и Государственную премию, но и две Золотых Звезды Героя Советского Союза; в-третьих, был коммунистом. Его оклад меня не интересует, но ведь даже инициалы не обозначил, как у помянутого николаевского министра с четырехсоставной немецкой фамилией. Словом, даже приводя биографические данные, историк Раш не может совладать ни со своим монархизмом, ни со своей ненавистью ко всему советскому. Это с одной стороны. А с другой — обобрав коммуниста «адмирала Горшкова», участника Великой Отечественной войны, смотрите, как рассыпается этот титан мысли мелким бесом перед американцами: «национальные герои Эйзенхауэр и Макартур!.. создатель НАТО легендарный генерал Риджуэй!..» О создании военного союза против его родины, не замечая своего холуйства, говорит, как о благородном подвиге Геракла. Да что за легенды такие витали вокруг имени Риджуэя, если он и генералом-то стал только в 56 лет, почти в пенсионном возрасте, уже после Второй мировой войны. Даже наш замшевый Степашин, сын врача-психиатра, и то без всякой войны стал генералом в 39 лет. Во время Второй мировой Риджуэй выше командира корпуса не поднялся. Правда, он еще года полтора командовал 8-й американской армией во время войны в Корее (1950—1953), но ведь и тут никаких легенд: за три года потеряв 54 тысячи своих солдат да еще 3 тысячи солдат своих союзников по НАТО, а также множество боевой техники (одни лишь советские летчики сбили 1309 американских самолетов), американцы так ничего и не добились, и пришлось им убираться восвояси. А вот что читаем в другой статье этого несравненного цикла об американских «национальных героях» и «легендарных» генералах: «Величайшим человеком в истории США считается не Вашингтон и не Линкольн. Самым великим человеком после Христа американцы считали победителя на Тихом океане генерала Дугласа Макартура, возводящего свою родословную к рыцарям Круглого стола короля Артура». Интересно, а не возводит ли сам Карем-Кавад свою родословную к Рюриковичам? На эту мысль наводит его большая осведомленность в данном вопросе. Он знает, например, что Рюриковичей всего было 281 род, из них «конфирмован» (признан, что ли?) 51 род, к середине XIX века сохранилось 29 родов, сейчас осталось только 10. Ужасная картина вымирания Рюриковичей! Как мамонты! Право, по-

чему в такой драматической ситуации не конфирмовать Раша как Рюриковича? Но вернемся к янки при дворе короля Артура: «Это он, Макартур, а не бесцветный Эйзенхауэр (как так? ведь только что именовался «национальным героем»!) должен был стать президентом США. Ни один человек в США не мог сравниться с ним в популярности. Макартур был настолько крутой патриот-республиканец, что американские демократы легли костьми, чтобы не пустить его в Белый дом». Все тут удивительно. Во-первых, о каком величии, о какой

популярности Макартура можно говорить, когда после провала в Корейской войне он был в апреле 1951 года смещен со всех командных должностей. Да едва ли было забыто и то, что в июле 1932 года под прямым руководством этого «крутого патриота» американские войска, используя танки, учинили кровавую расправу над 15 тысячами ветеранов Первой мировой войны, собравшихся со всех концов страны в Вашингтон требовать выплаты пенсий, которые задерживались. О каком его президентстве можно заикаться, если в 1953 году, когда кончился президентский срок Трумэна и состоялись новые выборы, Макартуру было уже 73 года. В Америке не любят стариков во власти, там могут терпеть их иногда только в искусстве, как терпят 75-летнего бандуриста Ростроповича. А Эйзенхауэр был на десять лет моложе Макартура. Тоже не во цвете лет, но все-таки... Да ведь крутой Дуглас и не выставлял свою кандидатуру в президенты, а с 1952 года возглавлял какие-то промышленные корпорации. А Раш продолжает с тем же пафосом и угодливым восторгом: «Вот что скажет о Жукове этот великий военный, презиравший коммунистов и, как истинный полководец, ревнивый к чужой славе...» Я не знаю, презирал ли великий Макартур коммунистов, но хорошо известно, что великий Жуков с 22 лет был коммунистом. Ясно и то, что в приведенном далее высказывании Макартура речь идет не об одном человеке только, а о всем советском народе, о нашей Победе, о всей Красной Армии, о всех ее полководцах: «В своей жизни я участвовал в ряде войн, другие наблюдал, изучал выдающихся военачальников прошлого. Но нигде я не видел такого эффективного сопротивления сильнейшим ударам до того времени победоносного противника, сопротивления, за которым последовало контрнаступление, отбросившее противника назад к его собственной территории. Размах и блеск этого усилия делают его величайшим военным достижением во всей истории». Изображая, будто это высокая хвала не всему нашему народу и его армии, а персонально Жукову, который тут и не упоминается, Раш просто жульничает. Но вот что еще примечательно. О Жукове прекрасно сказано в

книгах М. А. Василевского, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева, И. Х. Баграмяна и других прославленных советских военачальников. Но патриоту Рашу нужен непременно американец да еще антикоммунист. Впрочем, к проамериканско-натовским и пронацистским симпатиям Раша мы еще вернемся.

А пока посмотрите, что он пишет о времени Александра I, об окончании Отечественной войны 1812 года: «После взятия Парижа и Ватерлоо, после грандиозного смотра русской армии в долине Вертю, где на Каталунских полях в 451 году вождь вестготов Аэций остановил орды Аттилы, где перед изумленной Европой парадным строем прошли 150 тысяч победоносных русских воинов, следовало поставить перед Россией не менее великую идею...» Да, был 10 сентября 1815 года большой парад в долине Добродетели около города Шалон-на-Марне верстах в 150 или больше от Парижа, но при чем здесь Аттила и гунны, при чем Аэций и вестготы, такие же погромщики, как гунны? К тому же надо заметить, что никакого «взятия» Парижа, то есть битвы за него, не было, судьба французской столицы решилась раньше — и не у ее стен, не на ее улицах. Еще на дальних подступах отряд в 1200 штыков без единого выстрела капитулировал, и дорога на Париж была открыта. Что же касается «взятия Ватерлоо», точнее говоря, битвы под этим селением недалеко от Брюсселя 18 июня 1815 года, то русские войска в нем не участвовали. Судя по всему, для Раша это новость. Особого внимания заслуживают его слова об «изумленной Европе». Да, она была изумлена, потрясена до чрезвычайности, но, конечно же, не столько «грандиозным парадом», а тем неизмеримо сильнее, что, во-первых, как потом

сказал Пушкин,

Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы...

Тем, что разгромили, изгнали его армию, освободили родину и пришли в Париж. И, во-вторых, нашим обращением с побежденным врагом. Еще по пути к Парижу по русской армии издавались приказы, в которых говорилось, что солдаты должны быть великодушны не только к мирным гражданам Франции, но и к пленным. Совершенно так же, как было весной 1945 года по пути Красной Армии в Берлин. Это раздражало некоторых союзников. Роберт Каслри, министр иностранных дел Англии, докладывал в те дни премьер-министру Роберту Ливерпулю: «В настоящее время нам всего опаснее рыцарское настроение императора Александра. В отношении к Парижу его личные взгляды не сходятся ни с

политическими, ни с военными соображениями. Русский император, кажется, только ищет случая вступить во главе своей блестящей армии в Париж, по всей вероятности, для того чтобы противопоставить свое великодушие опустошению собственной его столицы». И опять нельзя не вспомнить 1945 год. Упоминавшийся антисоветчик Громов пишет: «К концу войны кремлевское руководство решило сделать вид, что не имеет никакого отношения к резким инвективам в адрес немцев». Что нужно иметь в профессорской голове, чтобы заводить речь о «резкости» по отношению к захватчикам, уничтожившим миллионы соотечественников, терзавшим и грабившим родину, грозившим полным уничтожением ее! А с другой стороны, ученый гуманист делает вид, будто ему неизвестно, что Сталин сказал: «Иногда болтают в иностранной печати, что Красная Армия имеет своей целью истребить немецкий народ и уничтожить германское государство. Это, конечно, глупая брехня и неумная клевета на Красную Армию. У Красной Армии нет и не может быть таких идиотских целей. Красная Армия имеет своей целью изгнать немецких оккупантов из нашей страны и освободить советскую землю от немецко-фашистских захватчиков... Но было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остаются». И дальше: «Сила Красной Армии состоит в том, что у нее нет и не может быть расовой ненависти к другим народам, в том числе к немецкому народу, что она воспитана в духе равноправия всех народов и рас... Конечно, Красной Армии приходится уничтожать немецко-фашистский оккупантов, поскольку они хотят поработить нашу Родину. Красная Армия, как и армия любого другого государства, имеет право и обязана уничтожать поработителей своей Родины независимо от их национальной принадлежности». И сказано это было не «после войны», как врал жуликоватый мыслитель Федя Бурлацкий, а 23 февраля 1942 года, в отчаянную пору, когда немецкая армия еще находилась километрах в двухстах от нашей столицы, когда через полгода ей еще удастся дойти до Волги и до Эльбруса. «18 апреля 1945 года,— продолжает запоздалый адвокат безнадежного дела,— «Правда» помещает статью начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает». Писателя упрекали в том, что он не замечает расслоения немецкого народа, отождествляет его с фашистами...» Совершенно верно, именно в этом Александров упрекал Эренбурга, только речь шла не о позиции писателя вообще, не о всей его публици-

стической работе во время войны в целом, а об одной конкретной статье «Хватит!», появившейся в «Красной звезде» 11 апреля. В ней Эренбург действительно не замечал никакого расслоения, происходившего в Германии под ударами войны, и изображал страну единой зловонной клоакой: «Все бегут, все мечутся, все топчут друг друга... Некому капитулировать. Германии нет — есть колоссальная шайка...» И тому подобное. Но вскоре выяснилось, что по крайней мере капитулировать нашлось кому.

А профессор продолжает усердствовать перед тенью Геббельса: «Сталин вынашивал планы превратить хотя бы часть Германии в союзника СССР». И это пишет русский человек!.. Что, непозволительные планы? Или нашей родине позорно иметь союзников? Все политики мира всегда хотели и хотят иметь союзников. Посмотрите, как суетятся сейчас США, ища союзников в борьбе против арабов. Вот прочитайте им нотацию. Нет, профессорская кишка тонка А сталинские планы были в интересах и всей нашей страны и твоих, ученый муж. Теперь Горбачев и Ельцин разрушили то что мы и немцы построили согласно этим планам Ну так ликуй вместе с Новодворской!.. Но профессору хоть кол на голове теши — он свое: «Сталину требовались теперь реверансы в сторону немецких трудящихся. Из Эренбурга сделали козла отпущения за его несуществующие грехи» Грехи были налицо, и не козла сделали из Эренбурга, а профессор предстает здесь в облике барана.

Но вернемся в начало XIX века... И вот 31(19) марта 1814 года Александр I на белом коне, в свое время подаренном ему Наполеоном, триумфально вступил в Париж во главе 80 тысяч русских, немецких и австрийских войск в сопровождении короля Пруссии и австрийского генерала князя Шварценберга. Свидетель этого Жильбер Стенже (Gibert Stenger) писал: «Толпа бросалась чуть ли не под ноги лошадей, приветствуя монархов как «освободителей» Самые бурные проявления чувств достались на долю императора Александра. Он улыбался толпе, выглядывавшим из окон молодым женщинам, махал им рукою... Прочие участники кортежа казались равнодушными к этому взрыву безумия оставляя всю славу царю, ведь он вел самые многочисленные армии и более всех пострадал от наполеоновских войн... Мы видели, как молодая и красивая графиня де Перигор с белым флагом в руке села на лошадь к какому-то казаку и последовала вместе с колонной», в день нашего вступления в Париж было опубликовано заявление, подписанное Александром и его министром иностранных дел Нессельроде, в котором было сказано, что союзные монархи

«признают целость древней Франции», что «для счастья Европы нужно, чтобы Франция была велика и сильна», что Сенат «приглашают назначить временное правительство, которое составило бы конституцию, приличную французскому народу». Хотя это заявление было сделано от имени всех участников войны против Наполеона, оно насторожило не только виконта Каслри. Больше того, неумный и трусливый Людовик XVIII, возведенный на престол явившимся в Париж Александром, 3 января 1815 года заключил тайный договор с Англией и Австрией против России. Наполеон, вернувшийся на сто дней с Эльбы в Париж, обнаружил этот колоритный документик в рабочем кабинете Людовика и, конечно, тотчас отправил его Александру в надежде, что тот оценит по достоинству предательство за своей спиной. Но Александр, узнав, что Меттерних, Людовик и Ливерпул хотели всадить ему нож в спину, пригласил первого из них, показал ему этот договор и тут же бросил бумагу в камин. Но тому, как известно, хоть плюй в глаза... После разгрома Наполеона под Ватерлоо некоторые союзники дошли в своей ненависти к Франции до того, что

потребовали ее расчленения. Россия выступила решительно против. В собственноручно составленной 7 июля 1815 года ноте император Александр заявлял, что это несовместимо с равновесием в Европе. Кроме того, он сумел снизить требование союзников контрибуции с 800 миллионов франков до 700, а от своей доли контрибуции Россия отказалась. Тут и опять ахнула изумленная Европа: «Как! Русские совсем отказываются?» Совсем... А ведь историк не выдумывал, когда писал: «Александр с волнением читал об отступлении полчищ Бонапарта от Москвы. Эта армия, все еще огромная, несмотря на все потери, влекла за собой несметные обозы с награбленным. Все были мародеры, начиная с маршалов и кончая мальчишкой-барабанщиком. Генералы ехали в колясках, и у каждого были десятки и даже сотни фургонов с серебром, мехами, фарфором, шелками, зеркалами... Зрелище человеческой жадности перед лицом смерти было омерзительно. Французы дрались со злым упорством, защищая награбленное, как будто в этом был весь смысл их похода на Москву». Жадность французов перед лицом смерти и щедрость русских перед лицом победы... И граф Молле был совершенно прав, когда позже писал: «В 1815 году Россия защищала, выступая одна против всех, не только интересы, но и само существование Франции». И добавил, что французы никогда не должны забывать имена Александра и его министров, ибо только благодаря им Франция осталась Францией. Вот о чем, а не о гуннах да вестготах, не об Аттиле да Аэции надо было бы писать су-

перпатриоту Рашу. Впрочем, не стоит ли отказ Александра I от контрибуции с французов в одном ряду с выплатой Черномырдиным тем же французам царских долгов столетней давности? Особенно если вспомнить, что сами французы недавно отказались вернуть долг Ирану, поскольку-де это было еще при шахе, а шаха уже нет...

А теперь посмотрите, читатель, как геркулесов патриот нахваливает одного из самых дорогих своих любимцев: «Первый на Руси человек, который бросил лопатой уголь у топку настоящего паровоза, был император Николай I. Случилось это в 1816 году. Великий князь Николай Павлович пребывал в Великобритании с визитом и попросился на железную дорогу к создателю паровоза Стеффенсону. Там восемнадцатилетний великий князь не мог удержаться, чтобы на время не стать августейшим кочегаром». Впечатляет? Еще бы!.. Однако надо заметить, что, во-первых, когда Пушкин писал о Петре «то мореплаватель, то плотник», за этим стояли действительные факты биографии царя, а если кто кинул хотя бы десять лопат угля в топку паровоза, то это никому еще не дает права называть трудягу кочегаром. Во-вторых, следовало бы объяснить, что это за дорога, на которой великий князь зарабатывал трудовой стаж, поскольку известно, что железная дорога в Англии на линии Стоктон — Дарлингтон (21 км.), на которой Д. Стефенсон впервые применил паровую тягу, была построена в 1825 году, т. е. спустя девять лет после визита Николая. Наконец, Николаю во время визита в Англию было не 18 лет, а шел уже 21-й годик. Выходит, что Раш не знает даже, что его любимец родился в 1796 году.

Надо заметить, что с датами у Раша дело обстоит из рук вон плохо повсеместно. Вот совсем другая область: «Клеветник маркиз де Кюстин издал книгу в 1839 году...» И дальше идет шаманство по поводу этой даты: «Именно в год подвига Николая I... Именно в 1839 году... Это все в том же 1839 году...» А на самом деле книга, о которой автор завел речь («Россия в 1839 году»), была издана не в 1839-м, а в 1843 году. Хоть спросил бы у С. Куняева. Он тоже поминает эту книгу в своих, как бы жуковских, «Воспоминаниях и размышлениях», и тоже поносит ее. А его друг Вадим Кожинов, кое в чем повторяя известный отзыв о

той же книге Герцена, написал о ней статью, которую назвал так: «Восхищенный созерцатель России». Кому же верить — Герцену и Кожинову или этим двум? Однако читаем дальше: «В Англии тогда великий князь покорил всех своей жизнерадостностью, обликом и простотой привычек. Лейб-медик бельгийского короля Леопольда писал о нем...» Позвольте, маэстро, а чего лейб-медик бельгийского короля околачивался при английском

дворе? И потом, в 1816 году и Бельгии-то не существовало, она была частью Нидерландов, а самостоятельным государством стала лишь после революции 1830 года. Автор не обращает внимание на такие мелочи и приводит медицинскую цитату: «Этот молодой человек прям и строен, как молодая сосна, характера очень живого при замечательном изяществе манер. Он говорит по-французски много и хорошо, сопровождая слова грациозными жестами...» Сосна с изящными манерами и грациозными жестами — похвала ли это для мужчины вообще, а для наследника престола в особенности?

Но как бы то ни было, а таинственный лейб-медик если и наблюдал Николая, то довольно кратко, а вот что писала о нем императрица Елизавета Алексеевна, жена Александра I: «Грубость он считает признаком и проявлением независимости... Надменный и неискренний человек». А ведь императрица в отличие от лейб-медика знала Николая близко и видела его в разных проявлениях. И ее слова не расходятся с тем, что читаем в известной книге Георгия Чулкова «Императоры»: «В своих записках его педагоги не скупятся на отзывы, нелестные для юного Николая Павловича. Они уверяют, что он был груб, коварен и жесток. Несмотря на многочисленных воспитателей, этот юноша вел себя в обществе как недоросль». Нет, не зря он еще при жизни получил прозвище Палкин. «Он постоянно хочет блистать своими острыми словцами,— писали приставленные к нему кавалеры,— и сам первый во все горло хохочет, часто прерывая разговор других». Совершенно как известный персонаж «Войны и мира»: «Тут князь Ипполит фыркнул и захохотал гораздо прежде своих слушателей, что произвело невыгодное для рассказчика впечатление. Однако многие, в том числе пожилая дама и Анна Павловна, улыбнулись». Улыбнулся бы и таинственный лейб-медик короля несуществующей Бельгии...

Но Раш продолжает любовную серенаду: «Великий князь Николай Павлович с отрочества и до кончины спал на узкой солдатской кровати, подкладывая матрас, набитый сеном, и укрывшись шинелью. Матрас с сеном ему стелили и в Англии». Я не знаю, правда ли это, но совершенно ясно, что жить в роскошных дворцах и спать на сене, укрываться шинелью — это лютая показуха. А ведь в военных походах, где это могло быть уместно, Николай в отличие от Петра не участвовал. Однако на все это Раш может ответить: а Пушкин?! Вот ведь что писал он в знаменитых «Стансах», обращенных к Николаю:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:

Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни...

Да, писал. Но, во-первых, это была не похвала Николаю, а скорее наказ: «Во всем будь пращуру подобен». А во-вторых, даже и наказ был встречен в обществе неодобрительно, поэта осуждали даже друзья. С. Шевырев, вспоминая пребывание Пушкина в Москве после появления «Стансов», писал: «Москва

неблагородно поступила с ним. После неумеренных похвал и лестных приемов охладели к нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвинения в ласкательстве, наушничестве и шпионстве перед государем». И тогда он пишет стихотворение «Друзьям»:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.
Его я просто полюбил:
Он бодро честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.
О нет, хоть юность в нем кипит.
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит...

Прекрасно! Только полюбил-то поэт царя не совсем уж так «просто», как уверял; там присутствовал «человеческий фактор», связанный с ссылкой в Михайловском:

Текла в изгнанье жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер — и с вами снова я.
Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленье
Ему хвалы не воспою?

А при словах о смелости, с которой-де поэт сказал о своей любви к царю, невольно вспоминается один персонаж из «Принцессы Турандот», говоривший королю так: «Ваше величество, позвольте мне со всей стариковской откровенностью и дерзостью сказать вам: великий вы человек!» Во всяком случае, сам царь пушкинскую смелость тут не приветствовал: став личным цензором поэта, он это стихотворение печатать не разрешил, что, бесспорно, делает ему

честь. С другой стороны, когда он однажды еще раз простер царственную руку, то в ней было 25 тысяч казенных рублей на издание «Истории Пугачевского бунта». Честно говоря, если бы, допустим, Владимир Путин простер мне президентскую руку, в которой трепыхалось бы нечто сравнимое с указанной суммой для издания моей книги, то, может быть, и я написал бы в его честь стишок в таком роде

Его я просто полюбил.
Он лихо с Бушем правит нами.
Россию вдруг он оживил
Чечней и «Курском» под волнами.
Во мне почтил он коммуниста,
Издал он книжицу мою.
И я ль порыве сердца чистом
Ему хвалы не воспою!

Однако вот что самое важное для понимания этого любовного стихотворения

Пушкина: оно родилось в начале 1828 года. Николай «бодро правил» пока лишь год с небольшим. О дальнейшем его правлении поэт похвальных стихов не писал, да и прожил он при Николае всего чуть больше десяти лет. А вот перед взором Тютчева, весьма осведомленного царедворца и дипломата, прошли все тридцать лет царствования Николая, и уже после его смерти поэт подвел весьма скорбный итог:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей.
И все дела твои, и добрые и злые,—
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

Заметьте, автор не отрицает, что были у лицедея дела и добрые. И то сказать, чего стоит хотя бы построенная при нем железная дорога между двумя столицами, но все-таки, но однако же... Так спрашивается опять: кому нам верить, мудрому поэту, который видел и царя и его царствование собственными глазами, или нашему современнику, который даже не знает, когда Николай родился?

Но обожание этим человеком царя не знает границ, ради него он идет даже на то, что в рассказе о Крымской войне густо-черное изображает сияюще-белым: «После Синопа моряки затопят родные корабли в бухте древнего Херсонеса, где крестился русский князь Св. Владимир, и взойдут на бастионы Севастополя, чтобы в 349-дневной осаде выстоять и победить четыре государства, два из коих — Англия и

Франция — были сильнейшими в Европе. Крымская война в моральном и военном плане была безраздельной победой России». Да, были блестящая победа в Синопском морском сражении, героическая оборона Севастополя, взятие Карса и другие успехи, но осаду можно выстоять, как выстоял Ленинград, а победить в осаде нельзя, Севастополь же тогда, несмотря на великий героизм его защитников, увы, и не выстоял. Защитник знаменитого Четвертого бастиона поручик артиллерист граф Толстой писал 4 сентября 1855 года своей родственнице Т. А. Ергольской: «Я плакал, когда увидел город объятым пламенем и французские знамена на наших бастионах». А Раш, который отродясь не только пороха не нюхал, но не знает даже, как портянки пахнут, однако же за свое газетное усердие отхватил чин капитана первого ранга, твердит нам: надо не плакать вместе с Толстым, этим отравителем русских колодцев, а ликовать со мной, с газетным каперангом, ибо Крымская война — безраздельная победа России! И тут же — совершенно несообразное гадание на кофейной гуще: «Если бы не умер в 1855 году Николай I, он, несомненно, довел бы войну до конца и сбросил супостатов в море». Да зачем же было еще стараться, когда победа, и моральная и военная, уже и так была в кармане благодаря великим полководческим талантам царя?.. И остается только спросить очистителя русских колодцев, слышал ли он о тяжелейшем для России Парижском мирном договоре 1856 года, по которому ей даже было запрещено иметь военный флот в Черном море, которое некогда называлось Русским.

Упомянутое гадание на кофейной гуще («если бы да кабы...») — любимое занятие Раша. Вы только посмотрите: «Если бы не смерть, Петр Великий, наш Отец, следующим ударом вернул бы Царьград и открыл Босфор...», «Если бы «орлы» Екатерины выполнили свой священный долг и вернули православию Босфор, то никогда Наполеон не рискнул бы двинуться на Москву...», «Если бы

мы проложили дорогу одновременно к Москве и Одессе в Крымскую войну, ни один супостат не сунулся бы. Французы и англичане были бы сброшены в море. Та же участь после них постигла бы и японцев...», «Если бы не революционный заговор против России, Николай II проложил бы сверхмагистраль от Петербурга до Владивостока...»

Опровергать гадания на кофейной гуще бессмысленно, но все же небесполезно хоть кое о чем спросить гадателя. Во-первых, что значит Петр «вернул бы Царьград»? А когда он принадлежал России? Во-вторых, что же помешало «екатерининским орлам» выполнить свой «священный долг»?

423

Ведь времечко было: Екатерина восседала на троне 34 года. В-третьих, гадатель только что заявил, что Николай «построил бы» сверхмагистраль до Владивостока, но ему помешал какой-то заговор. Значит, не построил? В другом месте той же статьи уверяет: «Великий Трассибирский рельсовый путь построен Николаем II, и таким образом весь путь от Петербурга до Владивостока можно назвать Николаевской царской дорогой через всю Россию». Значит построил? В третьем месте читаем: «Эту свехмагистраль пытались было создать большевики в 20-х годах». Если «было», то, надо полагать, дорога не существовала, и у большевиков из их попытки ничего не получилось? Наконец, еще в одном месте все той же статьи гадатель пишет, что недавно, в 2001 году, «отмечалось столетие Транссиба — от Петербурга до Владивостока». Какому же из этих четырех взаимоисключающих заявлений верить? А если сверхмагистраль все-таки была построена в 1901 году, то при чем здесь какой-то заговор и почему же 1904—1905 годах японцев не сбросили в море? И ведь это еще о не все о Транссибе! Пишет также, что в 1891 году Александр III подписал указ о строительстве железной дороги «от Челябинска до Владивостока», что «согласно плану на всю стройку отводилось десять лет». Прекрасно! Но тут же читаем: «С 1893 года, когда Николай был назначен председателем Комитета Сибирской железной дороги, до открытия моста через Амур у Хабаровска в 1916 году пройдет ровно четверть века, и все эти годы Транссиб станет судьбой царя». Так что, открытие моста через Амур — это завершение строительства Транссиба? Что, планировали десять лет, а строили двадцать пять? Так все-таки построили тогда дорогу или нет? Разобраться в этом нагромождении дат, монархических восторгов и патриотического сюсюканья, понять из этой статьи, когда же дорога все-таки построена, совершенно невозможно.

Среди всего этого шаманства особенно изумляет попытка изобразить наше поражение в Крымской войне «безраздельной победой», тем более что несогласных с ним Раш объявляет врагами отечества. Так и пишет: «Враги России вне и внутри ее раздували Крымскую войну как «поражение царизма». Но вот что писал в своем «Дневнике» о том времени и о той войне граф Петр Александрович Валуев, министр внутренних дел (1861—1868), а позже председатель кабинета министров (1879—1881): «Давно ли мы покоились в самодовольном созерцании нашей славы и нашего могущества? Давно ли наши поэты внимали хвале, которую нам

Семь морей немолчно плещут...

424

Давно ли они пророчествовали, что нам

Бог отдаст судьбу вселенной,
Гром земли и глас небес...

Что стало с нашими морями? Где гром земли и горняя благодать мысли и

слова? Наши корабли потоплены, сожжены или заперты в наших гаванях. Неприятельские флоты безнаказанно опустошают наши берега. Неприятельские армии безнаказанно попирают нашу землю... Друзей и союзников у нас нет... В исполинской борьбе с половиной Европы нельзя было более скрывать под сенью официальных самовосхвалений, в какой мере и в каких именно отраслях государственного могущества мы отстали от наших противником. Оказалось, что в нашем флоте не было тех именно судов, в сухопутной армии того именно оружия, которые требовались для уравнения боя; что состояние и вооружения наших береговых крепостей были неудовлетворительны; что у нас недоставало железных и даже шоссейных дорог... Сверху блеск — внизу гниль... Везде пренебрежение и нелюбовь к мысли, движущейся без особого на то указания. Везде противоположение правительства народу, казенного — частному...» И снова все можно повторить о дне нынешнем: «Друзей и союзников у нас нет... Сверху блеск — внизу гниль...» И опять тот же вопрос: кому нам верить, современнику Крымской войны, высокопоставленному государственному деятелю или странному патриоту, до сих пор самодовольно созерцающему наши мнимые победы? И это созерцание тем более поразительно, что на подлинные наши победы и успехи Раш может запросто начхать: «Мы два столетия (не считая войн с Фридрихом и Наполеоном) барахтались с самым слабым и отсталым государством в Европе — с Оттоманской Портой...» Каким языком говорит патриот о своей родине: «барахталась»... В одной только Крымской войне, «барахтаясь», утонули в крови 522 тысячи русских солдат и офицеров. И об этом — с таким презрением... А с какой легкостью он предлагает нам не считать войн с Фридрихом и Наполеоном, т. е. Семилетней войны (1756—1763) и Отечественной войны 1812 года— двух войн в ходе которых русская армия одержала победы и заняла вражеские столицы. О войнах наш патриот вообще судит крайне удивительно... В шахматном мире одно время было так заведено, что чемпион сам выбирал себе противника. Раш уверен, что и государства должны поступать так же: «Англия выбирает уже 400 лет сильнейшего в мире соперника, побеждает его и тем утверждает себя первой дер-

жавой». Вот, говорит, и Петр Первый «выбрал сильнейшего из соседей — Швецию». Но его потомки затеяли, дескать, «200-летнюю кровавую и бездарную возню с османами и среднеазиатскими «скопищами» при утрате петровской державной поступи». Тут самодеятельному историку приходится напомнить, что Петр при всей его державной поступи тоже не избежал названной «возни», причем весьма прискорбной. Неужели Раш ничего не слышал о Прутском походе 1711 года, в результате которого Россия потеряла Азов и Таганрог? Нет, вероятно, слышал, но эта неудача отца отечества не укладывается в его трескучую декламацию, и он решил сделать вид, будто столь печального факта в нашей истории не было. Еще хорошо, что не объявил Прутский поход очередной безраздельной победой. Уж какое спасибо! Впрочем, совершенно непонятно, почему Раш так старательно умалчивает о наших поражениях или даже изображает поражения победами. Ведь в других местах своего ученого трактата он уверяет, что нет на свете ничего отраднее, слаще и полезнее, чем поражения. Пишет, что немцы разгром их войск Наполеоном под Иеной считали «подарком судьбы». И дальше: «Таким же подарком явился для светоносного Петра разгром под Нарвой». И доволакивает эту мысль до наших дней: «Мы должны воспринять «катастройку» и развал Союза подобно немцам после Иены, как подарок судьбы и признак неизреченной любви к нам Господа». Очень прогрессивно, особенно насчет неизреченной любви, о которой мы уже так наслышаны от Владимира

Крупина, Валентина Распутина и других рабов Божьих в литературе. Но позволю себе выразить недоумение: почему же мыслитель, нахваливая поражение немцев под Иеной от французов, одновременно восхищается нашей победой над немцами под Москвой? Разве наша победа не была Божьим наказаньем и Москве, и народу советскому, и всему миру? Разве это не подарок Гитлеру? А ведь Раш еще и не проклинает нашу победу над Наполеоном.

Идею благодетельности военных поражений Раш придумал не сам. Задолго до него ее высказал у Достоевского в «Братьях Карамазовых» братец Смердяков. Дожила эта идея до нынешних дней в гулких головах кое-кого из тех, кто и Достоевского не читал: горько сожалеют они о нашей победе над немецкими фашистами, мы, говорят, в противном случае сейчас баварское пиво хлестали бы от пуза. Эту идею я обнаружил совсем недавно и в книге весьма умственного автора Льва Аннинского «Русские плюс» (М., Алгоритм. 2001). Как правило, адепты этой идеи обращаются к примеру Швеции. Вот и здесь: «Поневоле задумаешься: а

может, пофартило шведам, что в 1709 году обломали под Полтавой их Карлу рога и вместо нищей имперской славы выпала его стране обильная богатством мирная доля?» (с. 38). Знак вопроса поставлен здесь для видимости раздумья и как бы некоторого философического сомнения. Но нет, на самом деле автор ничуть не сомневается в благодетельности для шведов разгрома под Полтавой: «Погибли? Да наоборот! Освободились от имперских амбиций, вышли из борьбы за всеевропейскую гегемонию, променяли варяжские мечи на «шведские спички», а латы воинов — на щитки хоккеистов, и стали в конце концов всеевропейским эталоном богатства и благополучия, объектом жгучей зависти тех же россиян, по сей день грезящих «шведской моделью социализма». Заслонились нейтралитетом — ускользнули от гибели во всех европейских и мировых побоищах, начиная с наполеоновского, когда уберег шведов бывший наполеоновский маршал Бернадотт, до гитлеровского, когда бежали люди в Швецию спасаться с обеих сторон». Прекрасно! Это называется вселенская смазь. Тут — один из высших ее образцов. Все в одну кучу, все разом: разгром, маршал Бернадотт, чеховские «шведские спички», латы, Гитлер, хоккей, «шведский социализм» и т. д. Пока я хотел бы задать только парочку-другую вопросов. Во-первых, как и от чего Бернадотт «уберег» шведов, если в 1813 году шведские войска во главе с этим бывшим наполеоновским маршалом воевали против Наполеона? Во-вторых, кто из россиян до сих пор грезит «шведским социализмом»? Гайдар, что ли? Да он перегрезил уже всеми социализмами, какие были и есть: и советским, и югославским, и венгерским... А теперь, как признался в «Независимой газете», грезит и бредит «до стона и до бормотанья», разумеется, «китайским». В-третьих, почему автор умолчал о сенсационном поражении шведских хоккеистов, купающихся в благополучии, от наших родных белорусских хоккеистов на недавней Олимпиаде в Солт-Лейк-Сити? Л. Аннинский обожает Солженицына: «Классик... Бородища, длинные волосы, под глазами тяжелые складки... Великий Отшельник... Величие, очерченное молчанием... Наполняет мою душу трепетом сочувствия и болью восторга... Не учит, не пророчит — страдает. Как все». Тоже прекрасно. Каков слог! Только о каком молчании тут речь? Ведь с ноября 1962 года, когда появился «Один день Ивана Денисовича», вот уже сорок лет Солженицын рта не закрывает, молчит только во время приема пищи, но такое впечатление, что что-то бормочет даже при отправлении естественных надобностей. И как это «не учит, не пророчит»? Только тем

занимался и занимается! Неутомимо поучал то «вождей Советское Союза», то

патриарха Пимена, то Четвертый съезд советских писателей, то американцев («Вмешивайтесь в наши дела как можно больше!»), то, наконец, в письмах и при встречах — меня лично... А уж сколько он пророчествовал! Правда, как правило, попадал при этом пальцем в небо. Таково, например, самое главное его пророчество, которым он донимал Америку: скорый и непременный крах Запада под ударами Советского Союза. И последнее: «страдает»? Где, когда, по какой причине он страдал? Кто это видел? Ну разве что только теперь, на 85-м году, от несварения желудка...

Но это все только к слову. А главное тут — весьма вероятное предположение, что смердяковскую идею о благодетельности военных поражений Аннинский с трепетом сочувствия и болью восторга получил из рук Великого Отшельника, имеющего поместья по обе стороны Атлантического океана — в штате Вермонт и в Троице-Лыкове, где с таким комфортом отшельничает.

В самом деле, Солженицын решительно осуждает, даже предает анафеме все военные победы, особенно победы нашего народа, одержанные за долгие века, включая победу над фашистской Германией, а поражения наши приветствует и благословляет. Даже победные салюты столицы его коробили, вызывали отвращение и злобу, словно он не русский офицер, а пленный эсэсовец. «Не для нас та победа... Москва начинает лупить салюты,— писал он в своем «Архипелагишке».— ...Вечером отхлопали еще один салют в тридцать залпов... 2 мая в честь взятия Берлина Москва лупила тридцать салютов» и т. д.

«Благословенны не победы в войнах, а поражения в них. Победы нужны правительствам, поражения нужны народам,— философствует Отшельник,— как страдания и беды нужны отдельным людям>'. Нужны не нужны, а от них никуда не деться. Но разве военное поражение — это единственно возможный вид страдания? И разве сама по себе такая война, какой была Великая Отечественная, гибель десятков миллионов граждан — это недостаточные беда и страдание? Недостаточные, считает Пустынник, в целях нравственного совершенствования он к этому хотел бы непременно присовокупить еще и поражение. Оказывается, оно заставило бы нас «углубить внутреннюю жизнь, возвыситься духовно». Он словно не соображает, что наше поражение — это победа германского фашизма, который всеми силами стремился лишить нас не только «внутренней жизни», но и «внешней», и любой жизни вообще, и в оккупированных областях настой-

чиво и планомерно осуществлял это. Чепуха! — уверяет писатель-возвращенец. «Приходу немцев было радо слишком много людей». Ничего страшного не случилось бы, если фашисты победили: «Вешали портрет с усами — повесили бы с усиками. Елку придется справлять не на Новый год, а на Рождество» (т. 3, с. 16). Только и всего... И после всего этого находятся головы вроде известного Грызлова, которого президент недавно за безукоризненную шарообразность головы назначил министром внутренних дел, проклинающие В. И. Ленина: «В Первой мировой войне он призывал к поражению России! Агент влияния! Изменник! Приятель кайзера!» О, полицейская дубина... Этот Грызлов лишь семенит вслед за тенью Троцкого. А Ленин тогда писал: «Троцкий запутался в трех соснах. Ему кажется, что желать поражения России ЗНАЧИТ желать победы Германии... Чтобы помочь людям, не умеющим думать, Бернская резолюция (№40 «Социал-демократа») пояснила: «во ВСЕХ империалистических странах пролетариат должен желать поражения своему правительству». И дальше для не умеющих думать, т.е. для тех же Троцкого и Грызлова, Ленин подчеркивал, сколь плодотворно может быть «содействие друг другу революционных движений во

ВСЕХ воюющих странах». Если бы эти призывы удалось воплотить в жизнь, мировой войны могло бы не быть. Это была форма борьбы европейской социал-демократии против войны в конкретных условиях того времени. Но, увы, нашлись предатели, отвергшие эти лозунги. Так что, господин Грызлов, оставьте вы в покое Ленина и займитесь наконец Солженицыным.

Совершенно в таком духе пишет и Аннинский. Что, говорит, было бы, если в 1613 году посадили на Москве не Михаила Романова, а голштинца Карла-Филиппа (такой вариант существовал)? «Да ничего... Россия жила бы по-своему... да не так уж важно под чьим, да хоть бы и под голштинским формальным скипетром. Это все равно была бы Россия». И через сто лет: «Ну, выиграл бы Карл XII Полтавскую битву, ну, отпраздновал бы, разбойник, победу — а потом? Что делали бы шведы, свались им на руки «шестая часть суши»? Да то же и делали бы. Омск бы строили, ремесла развивали бы и из развала страну вытягивали бы. Как мы сейчас». Это кто — «мы»? Солженицын с Аннинским? Гайдар с Чубайсом? Явлинский с Немцовым? Жириновский с Хакамадой?... Что делали бы одни из них, если бы заменили во власти других из той же компашки? Да то же и делали бы — разваливали страну.

Л. Аннинский лишь своими словами излагает Солженицына, вот такие его откровения: «Полтавская победа была не-

счастьем для России» (т. 1, с. 231). Да, победа, видите ли, одержанная на собственной земле над агрессором, который вторгся в такую глубь ее и мечтал разбить нас на Украине, а потом повернуть на Москву, была несчастьем, ибо хотя и давала выход великому государству к морю, распахивала настежь окно в Европу, но, по расчету мыслителя, не способствовала углублению внутренней жизни русского народа; оно, углубление-то, шло бы гораздо стремительней и плодотворней при закрытых окнах и запертых дверях. В то же время, уверяет Солженицын, открывая глаза Аннинскому, «Полтавское поражение было спасительно для шведов» (т. 1, с. 277). Почему? Тут они уже как бы в два голоса поют: да потому, представьте себе, что шведы после Полтавы сразу и навсегда «потеряли охоту воевать», увлеклись хоккеем и скоро на зависть всем стали эталоном богатства и благоденствия... Конечно, мы не рассчитывали, что далекую историю чужой страны отличник Саня и медалист Лева выучили в школе лучше, чем современную историю родной, но все же... Все же, пускаясь в историко-философские построения на основе прошлого Швеции, надо бы знать, что, во-первых, после разгрома под Полтавой в 1709 году и общего поражения в Северной войне, завершившейся в 1721 году подписанием Ништадтского мира, по которому она понесла огромные территориальные потери в восточной и южной Прибалтике, утратила острова Эзель, Даго, некоторые весьма влиятельные шведы вовсе не потеряли охоту воевать. В стране очень скоро возникла партия реваншистов, которых называли «шляпами» (в отличие от «колпаков» — сторонников русской ориентации). В 1738 году «шляпы» пришли к власти и не мешкая в 1741-м затеяли новую войну с Россией. Война закончилась в 1743 году полным поражением Швеции, от которой теперь отошла в пользу России еще юго-восточная Финляндия. Но и это не привело в чувство воинственные «шляпы»: они еще вмешались на стороне Франции и России в Семилетнюю войну. Опять полная неудача, полный разгром! Ну, вот после этого свирепые вояки на несколько десятков лет присмирели, занятые внутренними распрями. Однако в конце века король Густав III совсем было уже собрался нарушить передышку — готовился начать интервенцию против революционной Франции, но в 1792 году его убили. Только это, видимо, и спасло шведов еще от

одной войны. Прошло с точки зрения истории не так уж много времени — и черт дернул Швецию ввязаться еще в одну заваруху: в 1805 году под нажимом Англии она вступила в очередную антифранцузскую коалицию, что в 1808-м приве-

ло ее к войне против России и Дании. Эта война оказалось для страны ничуть не радостнее предыдущих. В 1812 году Александр I пообещал Швеции за помощь против Наполеона соседнюю Норвегию, которая тогда принадлежала Дании. Однако запроданная Норвегия не пожелала добровольно стать шведской окраиной, и неугомонные шведы начала еще одну войну. Ну на сей раз поживились: Норвегия стала частью Швеции. Правда только до 1905 года, когда норвежцы выгнали шведов. Эта война и была последней в истории Швеции. Как видим, стране «шляп» и «колпаков» потребовалось после разгрома под Полтавой еще почти двести лет, много войн и много жестоких поражений, пока она не отказалась от всяких захватнических поползновений. Но дух реваншизма жил еще долго. Были в стране весьма деятельные охотники отвоевать Финляндию и объединить всю Скандинавию под эгидой шведской короны. Ради осуществления этих планов Швеция, поощряемая Англией и Францией, была готова даже ввязаться в Крымскую войну, да что-то, слава тебе, господи, промешкала.

Что же касается пресловутого эталона материального благоденствия Швеции, будто бы свалившегося на нее сразу после разгрома под Полтавой, то для его характеристики приведем лишь два факта: в начале XIX века это благоденствие доходило до того, что шведский король вынужден был заложить Мекленбург-Шверинскому княжеству за 1,5 миллиона риксдалеров свой город Висмар, а в 60—80-е годы того же века по отливу населения, искавшего пропитание на чужбине, Швеция стояла в Европе на втором месте после нищей Ирландии. А что касается современности, то не дает ли пищи для размышлений о благоденствии тот факт, что Швеция, если ее в последние годы не обогнала Россия, стоит на первом месте в Европе по числу самоубийств... Я не удивляюсь Солженицыну: откуда ему, свистуну и горлохвату, знать все это? Но Аннинского, которого знаю 45 лет, я всегда держал за человека ума острого и образованного. А оказалось, он не знает, что белорусы недавно разгромили шведов... Так что если Солженицына со спокойной совестью можно назвать шляпой, то и Аннинскому подойдет кличка «колпак». Но спасибо Леве уже за то, что он не лезет дальше Полтавы. А ведь учитель-то его осветил и войну против наполеоновского нашествия:

«Французская оккупация,— говорит,— не была для России реальностью» (т. 1, с. 277). Вот те на! Лилась русская кровь, десятки тысяч соотечественников отдали жизнь на Бородинском поле и в других сражениях, враг захватил Москву — и все это не было реальностью? Да, заявляет шляпа. Провоз-

гласив девиз «довольно лгать и ретушировать историю!», он объявляет всему свету, что французы Москву и не захватывали, и не были в ней вовсе, и пожар не полыхал. Как так? Как это? Как это? Как это? А очень просто: Россия же огромна, просторы ее, черт их дери, необъятные, а на просторах этих леса дремучие, болота непролазные, вот Наполеон со своими маршалами и не смог, оказывается, среди лесов и болот найти Москву. Так прямо черным по белому и вывел: «Наполеон почему Москвы не нашел? Да из-за полесских да ильменских болот» (т. 1, с. 387). Ну а если так, если Наполеон и его маршалы не знали даже, где запад, где восток, и заблудились, как в известной песне матрос Железняк, который «шел на Одессу, а вышел к Херсону» (между ними, поди, верст триста), и перли на Москву мимо Ильмень-озера, что между Новгородом и Старой Руссой, и не нашли ее, то, конечно, французская оккупация не была реальностью, и не лилась обильная кровь на Бородинском поле, и бессовестно морочил нам

головы Лермонтов, когда писал: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французу отдана...» Вот какова правда истории без ретуши!

А если бы французы разбили наголову русских, заняли Москву, а потом, еще раз миновав Ильмень-озеро, и Петербург захватили, оккупировали бы всю Россию, превратили ее в свою колонию, то Солженицын был бы этому только рад... И как же тут не вспомнить опять лакея и отцеубийцу Смердякова, который говорил: «Я всю Россию ненавижу... Я не только не желаю быть гусаром, но желаю, напротив, уничтожения всех солдат-с». Из дальнейшего выясняется, что он желал уничтожения не всех солдат вообще, а солдат лишь той страны, которую ненавидел,— России. Смердякова спрашивают, кто же без солдат стал бы защищать отечество от неприятеля. Он отвечает голосом Солженицына: «В двенадцатом году было на Россию нашествие императора Наполеона Первого французского, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с».

Впрочем, вся философия Солженицына рушится в прах, когда у него дело касается не отвлеченных рассуждений о прошлом, а о насущной современности, достаточно крепко задевающей его. Вот США, потеряв почти в десятилетней войне во Вьетнаме 58 тысяч своих солдат и офицеров, потерпели поражение и выброшены оттуда. Вроде бы Отшельник должен ликовать и поздравлять американцев: это, мол, углубит вашу внутреннюю жизнь. Но ничего подобного! Пре-

бывая в США, он тогда возмущался, негодовал, проклинал: «Мы не могли понять хлипкости перемирия во Вьетнаме. И вдруг это перемирие премируется Нобелевской премией мира! Трагическая и ироническая премия!» И дальше: «Так и писали многие газеты на Западе: скорее бы кончилось кровопролитие во Вьетнаме и наступило бы в США национальное единение. А одна из ваших газет после конца Вьетнама (так он назвал окончание вьетнамской войны.— *В. Б.)* на целую страницу дала заголовок: «Благословенная тишина». Это уж совершенно взбесило Отшельника, обожателя поражений: «Врагу не пожелал бы я такой благословенной тишины. Врагу не пожелал бы я такого национального единения» («Русская мысль», 17 июля 1975). Как известно, американцы обрушили на Вьетнам бомбовый груз, вдвое превышающий все, что было использовано с обеих сторон во Второй мировой войне, убили два миллиона сынов и дочерей этой страны, но Отшельнику все мало, и он продолжал подстрекать и науськивать. Это лишь одна из граней его беспримерной лживости.

Однако вернемся к его ученику Рашу. Беспредельный патриотизм не мешает ему делать самые оскорбительные заявления и о нашей армии, и о стране, и о народе. Так, он объявил Константинополь «вечным позором русской армии». Как легко язык ворочается! И не соображает, что если это позор, то прежде всего — «святейшим» и «православнейшим» помазанникам Божьим, поскольку-де все они от Петра I до Николая II хотели, говорит, захватить Константинополь. Уверяет, что «Николай для этой именно цели в 1916 году назначил на Черноморский флот адмирала Колчака». Да какие этому доказательства? И что за выдающийся флотоводец Колчак? Какие победы одержал? (Оттого, что ныне его нахваливает «Советская Россия», исторический лик его не стал светлее.) Ведь негодует же Раш по поводу того, что во время японской войны «во главе флота (не флота, а лишь Тихоокеанской эскадры.— *В. Б.)* поставили ученого адмирала Макарова, не выигравшего ни одного морского сражения». Вспомнил хотя бы о том, что Степан Осипович Макаров погиб в самом начале войны и не имел возможности

показать себя в ней. Покрыв вечным позором нашу армию, суровый судья принялся за весь наш народ. Уверяет, что после Цусимы «одуревшее от атеизма общество предалось унынию и донесло свои старушечьи стенания до XXI века». Как понимать этот старушечий бред — между Цусимой и гибелью «Курска» ничего отрадного у нас не было, что ли, и мы лишь предавались унынию? Вот что сказал Сталин 2 сентября
433
1945 года в обращении к народу: «Поражение русских войск в русско-японской войне оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции». Но «одуревшее общество» — это еще не все, что этот патриот имеет сказать о нас. Не делая различия между обществом, народом и процветающими ворюгами, он все наше нынешнее общество именует «воровским». И непонятно, почему не бежит при этом из такого общества, например, в Америку, в страну национальных героев и пламенных антикоммунистов, или туда, где обитает «народ-герой».

Но вот исследователь оставил Божьих помазанников и подошел к советскому времени. И что же говорит о нем? Ну, прежде всего Октябрьскую революцию вместе с Немцовым объявляет «катастрофой», а коммунистов в один голос с Новодворской называет «быдлом», которое сверх всех своих ужасных грехов, оказывается, еще и «ублюдочное сквернословие подавало как признак народности». Кто? когда? где? Неизвестно... Наконец, вместе с Радзинским, являя тот же умственный уровень, обвиняет «коммунистическое быдло» в беспредельной агрессивности. Если Радзинский доказательство этой агрессивности видел в строительстве московского метро, то Раш усмотрел ее гораздо раньше: «Большевики были полны пафоса завоевания мира. Именно поэтому родился план ГОЭЛРО». До такого не додумался даже Чубайс. Более того, он нахваливал план в связи с его недавним 80-летием. А этот патриот заткнул за пояс даже первого в стране антропофага и коммунофоба... Метро действительно имеет военное, точнее, оборонное значение, и оно использовалось во время войны как бомбоубежище, но как оно может служить для завоевания мира — это загадка черепной коробки высоколобого Радзинского. Однако еще большая загадка, как той же ужасной цели мог служить план электрификации страны. Выходит, по Рашу, что для доказательства своего миролюбия перед Антантой и всем миром коммунистам надо было держать свою страну во мгле. Правда, нагло опровергая свое собственное обвинение коммунистов в агрессивности, издеваясь над своей собственной черепушкой, этот Раш вдруг заявляет, что только «война заставит Сталина строить державу». Но без могучей державы с одним ГОЭЛРО какое может быть завоевание мира! Так вот, Гитлер пер на Москву,
434
а проснувшийся от бомбежки столицы Сталин только начинал строить державу... В народе говорят: умников не сеют, не жнут, они сами родятся.

Однако со всей, с окончательной полнотой патриот Раш раскрылся в статье «Сибиряки против СС». Замысел, на первый взгляд, прекрасный: восславить Сибирь и сибиряков через их роль в Великой Отечественной войне. Кто же против этого! Но надо делать это с умом и не за счет всей остальной страны.

По уверению сочинителя, вся Россия «перед 1917 годом была полна промышленной, интеллектуальной, духовной мощи», а Сибирь особенно «была

полна промышленной, интеллектуальной, духовной мощи». Полным-полна! И только враги России твердят, что тогда, в 1916—1917-е годы, шла какая-то тяжелая война, немцы сидели в Варшаве и Риге, в Вильне и Гродно, в Пинске и Ковеле, ширилась экономическая разруха, наступал голод, росло дезертирство с фронта... Особенно радуют слова Раша насчет интеллектуальной мощи Сибири. Действительно, ведь Радищев, декабристы, Достоевский, Чернышевский, Ленин, Сталин и многие другие писатели, политики, мыслители преумножали и пестовали ее интеллектуальную мощь — кто три года, кто десять, кто двадцать пять, а кто и всю жизнь. Да-да, «ни одного часа своей истории Сибирь не была каторгой, как бы ни пытались коммунисты создать образ Сибири — холодный застенок». Какой там застенок! Сплошной инкубатор интеллектуальной мощи. А знаете, о чем думал смертельно раненный Пушкин? О четырех своих детях? о судьбе молодой любимой жены? Ничего подобного! Раш знает: «Пушкин умирал с мыслями о Сибири...» Продолжая декламацию, патриот уверяет: «Сибирь стала оплотом Святой Руси. Это особенно станет ясно в 1941 году, когда они (?) спасут Москву и мир». За напыщенными словами стоит отнюдь не святая мысль, будто едва ли не все наши войска уже были разбиты, уничтожены. То есть наш патриот повторяет то, что Гитлер сказал еще 4 июля: «Я все время пытаюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл». Спустя три месяца, 9 октября, Гитлер опять: «Враг разгромлен, он лежит у наших ног и не сможет подняться снова!.. Кампания на Востоке практически закончена». 10 октября Геббельс ликовал в своей газете «Фолькише беобахтер»: «Час великой победы пробил!» 16 октября снова победный визг газеты: «Враг уничтожен. Армии Сталина исчезли с лица земли!»

Все это воспроизведя, Раш заявляет: «Ни один серьезный военный мыслитель не смог бы оспорить последнее утвер-

ждение газеты... Враг рассматривал в бинокль Кремль. Красная Армия разгромлена. Остатки ее истекают кровью в лесах под Вязьмой...» И в подтверждение этого уверяет, например, что «большую часть наших танков (24 тысячи) немцы захватили, остальные подбили...» И к декабрю 1941 года для защиты Москвы будто бы «от танковых советских армад едва наскребли на две бригада». Вы подумайте только: немцы захватили целехонькими 24 тысячи наших танков! Как в какой-нибудь Чехословакии, где все обошлось без единого выстрела. А ведь и всего-то в наших войсках Западного направления накануне фашистской агрессии было 12 378 танков (Великая Отечественная война. Цифры и факты. М., 1995. С.11). И они же сражались. 25 июля, т. е. через месяц после начала войны, начальник штаба Верховного Главнокомандования генерал Кейтель говорил командующему группой армий «Центр» генералу Боку: «Русские то и дело наносят крупными силами удары по нашим охватывающим флангам, сковывают силы, избегают окружения и полного уничтожения. Упорное сопротивление окруженных войск слишком долго сковывает наши силы... Танковые войска, представляющие особую ценность, несут в результате фланговых ударов противника слишком большой урон» (В. И, Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973, Наука. Т. 2. С. 221—222). Каков же именно был этот «большой урон»? По официальным и, надо полагать, скромно преуменьшенным данным, которые приводит начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер, к середине июля потери в танках составили 41% первоначального числа, ВВС потеряли 1284 самолета. А к 12 декабря, по тем же данным, оккупанты потеряли 775 078 человек. Ничего подобного они не знали ни в одной из прежних своих кампаний. Кто же в самом

начале войны истребил эту прорву живой силы и современнейшей техники, в частности танков? Конечно же, прежде всего наши танки. Можно и конкретные примеры из тех дней привести. Так, 12 ноября 11 танков 46-го танкового полка 46-й танковой бригады под командованием старшего лейтенанта коммуниста М. Е. Пятикопа в ожесточенном бою уничтожили пять танков, четыре самоходки и 15 пулеметных точек врага.. Михаилу Евгеньевичу посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза (Оружие победы. М., 1987. С. 24). Вам еще, Раш? Пожалуйста: с 10 июля 1941 года по 20 сентября 1942-го младший лейтенант коммунист К. И. Савельев на тяжелом танке КВ-1, за всю войну лучшем в своем классе, уничтожил 23 танка, 9 орудий, 2 пулемета, 3 тягача и много гитлеровцев. Тоже — Герой Советского Союза! (там же). А как могло быть иначе, если в

436

конце концов загнала же Красная Армия фрицев в Берлин и там заставила подписать безоговорочную капитуляцию. Кто-то должен был это подготовить... Но Раш о немецких потерях — ни слова. Таково своеобразие его патриотизма. А что касается количества наших танков, то, заявив, будто к решающим боям за Москву их осталось едва на две бригады, дальше Раш пишет, опровергая самого себя (это его любимое занятие): «Жуков на стыке армий поставил танковые бригады». А в составе Западного фронта было шесть армий. Значит, пять стыков да еще на севере стык с Калининском фронтом, на юге — с Юго-Западным. Как же тут обойтись двумя бригадами? Но вдруг автор обнаружил еще и целую танковую дивизию Гетмана. Это что ж получается? Для ясности обратимся в «Истории Второй мировой войны». Там в 4-м томе на странице 93 читаем: «Немецко-фашистской группе армий «Центр» на 30 сентября противостояло 95 советских соединений (в том числе 3 мотострелковые и 9 кавалерийских дивизий, 13 танковых бригад)... Всего в составе трех фронтов (Западного, Резервного и Брянского) насчитывалось около 1 250 000 человек, 7600 орудий и минометов, 990 танков, 667 самолетов». Не в этих ли цифрах — 13 бригад, 990 танков — разгадка того, как Жукову удалось поставить на стыках армий танковые бригада?

А по рассказу Геббельса и Раша, Красная Армия была уничтожена. Но вот (тут уж наш патриот продолжает один) явились сибирские дивизии и спасли столицу. Сибиряки были, конечно, во многих, даже, вероятно, во всех воинских частях, дравшихся за столицу, свою славную роль сыграли и войска, переброшенные с Дальнего Востока и других восточных районов, но ни о какой особой, тем паче решающей роли сибирских дивизий нет ни слова ни в «Воспоминаниях и размышлениях» Г. К. Жукова, ни в других мемуарах, как наших, так и немецких, ни в научных трудах. Более того, в главе о битве за Москву Жуков отметил: «Переброска войск с Дальнего Востока и из других отдаленных районов в силу ряда причин задерживалась». Москву отстояли и разбили под ней врага в основном те же закаленные уже войска Западного, Калининского, Северо-Западного, Юго-Западного фронтов, среди которых было немало гвардейских частей: 1-й кавалерийский корпус генерала П. А. Белова, 2-й кавалерийский корпус Л. М. Доватора (после его гибели — И. А. Плиева), 1-я танковая бригада, 15-й минометный полк и т. д. С ноября 9-й гвардейской дивизией под Москвой командовал сибиряк А. П. Белобородое, впоследствии дважды Герой Советского Союза. В большинстве своем эти войска под командованием Жукова, Конева, Еременко, Рокоссовского,

437

Говорова с жестокими боями долго отступали, обретая опыт, которого не могло быть у вновь прибывших войск. Да и не всегда сибирские части направлялись на защиту Москвы. Вот, скажем, 59-я армия, сформированная в ноябре 1941 года в Новосибирске в составе восьми дивизий. Ее направили в Архангельский ВО, где

она сперва вела оборонительные работы, а потом вошла в состав Волховского фронта. Москву и мир спасла не та или иная армия или дивизия — их спас весь Советский Союз. В том числе, конечно, и сибирские войска, в частности 23 дивизии, 19 бригад, переброшенных за годы войны с Дальнего Востока...

И что за странное желание — превознести один край страны за счет молчаливого унижения других? Сибиряки — молодцы! А туляки? А пензяки? А пермяки?.. Они, что, на печках отлеживались? Это напоминает иных назойливых еврейских ораторов, которые в известном смысле действуют так же: всю трагедию Второй мировой войны сводят к еврейским страданиям и жертвам.

Для этой части публикации Раша весьма характерно стремление показать себя большим знатоком и немецкой армии, и германской политической сферы. Но, увы, будучи человеком просто нахватанным сведениями и не имея культуры литературной работы, он то и дело садится в лужу со своей эрудицией: путает имена, даты, звания и т. п. Так, например, именует Гиммлера «рейхсмаршалом СС». На самом деле — рейхсфюрер СС, а рейхсмаршалом был Геринг. Пишет: «Герман Геринг — летчик Первой мировой войны и второй ас в табели о рангах после барона Рихтгоффена». Во-первых, известных немецких летчиков по фамилии Рихтхофен, которая писалась Richthofen, было два: Манфред (1892—1918) и его племянник Вольфрам (1895—1945). Какой же здесь имеется в виду? Во-вторых, что именно значит здесь «табель о рангах»?.. Розенберг у Раша — «выпускник Московского университета», каковым он никогда не был. Уверяет, что Зепп Дитерих создал дивизию личной охраны Гитлера «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». Во-первых, не Дитерих, а Дитрих. Во-вторых, он создал не дивизию, конечно, а всего лишь отряд в 120 человек, который разросся только позже. Это Ельцина охраняли пуще, чем Гитлера,— дивизия, и, пожалуй, не одна. Известный танковый генерал Эрих Гепнер представлен как Хеппнер. Пишет: «танковые армии Рейнгардта и Хеппнера», «танковая армия Гудериана». На самом деле танковые войска у немцев в 1941 году назывались не армиями, а танковыми группами: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я.

Как ни странно, однако не лучше обстоит дело с познаниями Раша и о Красной Армии, о ее командовании, о ее

действиях: так же путает все, что можно. Уверяет, например: «Битва под (!) Москвой гремела полгода. Точнее, шесть месяцев и двадцать дней: началась 30 сентября 1941-го, закончилась 20 апреля 1942 года». Автор путает разные понятия: Московская битва и битва под Москвой. 30 сентября, когда началась Московская битва, враг находился еще за сотни километров от столицы, а подошел к ней ближе всего, действительно почти под ее стены, в конце ноября,— лишь об этом времени и можно говорить «битва гремела под Москвой». Пишет: «Жуков становится главой (!) всех войск, защищающих Москву». В армии нет звания «глава», есть командиры и командующие. И командующим всех войск был Сталин, а Жуков — войск Западного фронта. В своих воспоминаниях маршал приводит «не совсем приятный» разговор в те дни со Сталиным. Тот сказал: «Ваш фронт имеет шесть армий. Разве этого мало?» Шесть! 22-я, 29-я, 30-я, 19-я, 16-я и 20-я. А у Раша читаем: «Пять армий Жуковского (!) фронта оседлали пять главных дорог к столице». Во-первых, ни Жуковских, ни Коневских, ни Рокоссовских фронтов не существовало. Во-вторых, спрашивается, кто же лучше знает, сколько армий было в составе Западного фронта — Верховный главнокомандующий или наш несравненный патриот?.. Тогда Жуков ответил Верховному: «Линия обороны войск Западного фронта сильно растянулась, с изгибами она достигла в настоящее время более

600 километров». А Раш пишет: «Как только Жуков понял, что противник утратил пробивную силу и начал (!) выдыхаться, последовал контрудар в 1000-километровой полосе обороны от Калинина до Ельца». Ну, во-первых, от Калинина до Ельца раза в два ближе. Это полагается знать самому занюханному патриоту. А во-вторых, разве враг только начал выдыхаться? Вот что сам-то маршал писал: «В первых числах декабря по характеру действий и силе ударов всех группировок немецких войск чувствовалось, что противник выдыхается и для ведения наступательных действий у него уже нет ни сил, ни средств... Гитлеровское командование не ожидало таких больших потерь в битве за Москву, а восполнить эти потери не смогло...»

Дальше: «Жуков всю войну будет единственным неизменным членом Ставки, кроме Верховного». Неужели? А куда девался адмирал Н. Г. Кузнецов? И ведь сказано так, словно все остальные оказались негодны, не справились с работой. А на самом деле Ставка несколько раз за войну претерпевала изменения в соответствии с потребностями времени и обстановки.

Немало и других странностей в повествовании Раша. Так, он пишет: «К Параду действующей армии 24 июня 1945 года

на полях сражений родятся восемь маршалов. К концу войны они будут возглавлять восемь из девяти фронтов воюющей державы. Семь из восьми будущих маршалов примут непосредственное участие в битве за столицу. Шесть из них — на передовой. Седьмой — в Генштабе, это Василевский». Тут, во-первых, надо сказать, что упомянутый парад Советской армии имеет общепризнанное историческое наименование Парад Победы. Кому нужна рашская отсебятина? Во-вторых, маршальское звание существовало у нас тогда, так сказать, в трех ипостасях: Маршал Советского Союза, Главный маршал рода войск и «рядовой» маршал рода войск. Те, о ком здесь говорит наш славный историк, стали Маршалами Советского Союза. Но историк до такой степени одержим антисоветчиной, что у него ни разу не поднялась рука написать два последних слова, и он в помутнении разума предпочитает лишить упомянутых им военачальников высшего воинского звания и представить их «рядовыми» маршалами, понизив таким образом на две важные ступени. В-третьих, даже для красного словца не следует уверять читателя, что «маршалы родятся на передовой, в передовых частях». Все военачальники, которых имеет здесь в виду Раш, были в Московской битве командующими фронтами или армиями, и их штабы, их КП располагались за десятки километров от передовой, что совершенно необходимо и вполне понятно.

Итак, Раш убежден, что «родилось восемь маршалов». (Что ж, по сравнению с В. Кожиновым это прогресс: тот писал, что за всю войну лишь два генерала стали маршалами — Жуков и Василевский.) Однако вспомним, кто и когда стал во время войны Маршалом Советского Союза.

1. Г. К. Жуков — 18 января 1943 г.
2. А. М. Василевский — 16 февраля 1943 г.
3. И. В. Сталин — 6 марта 1943 год.
4. И. С. Конев — 20 февраля 1944 г.
5. Л. А. Говоров — 18 июня 1944 г.
6. К. К. Рокоссовский — 29 июня 1944 г.
7. Р. Я. Малиновский — 10 сентября 1944 г.
8. Ф. И. Толбухин — 12 сентября 1944 г.
9. К. А. Мерецков — 26 октября 1944 г

Итак, девять. Почему же Раш твердит о восьми? Да потому, что этот

газетный вояка не желает признавать Сталина. И дальше: «Только один из восьми маршалов не у стен Москвы в этот час». На самом деле трое последних из приведенного перечня, находясь на других фронтах, в боях под Москвой участия не принимали. Кроме названных девяти, Главными маршалами родов войск во время войны стали

Н. Н. Воронов (артиллерии), А. Е. Голованов и А. А. Новиков (оба — авиации). Да еще 12 генералов стали «рядовыми» маршалами родов войск. И тем более странно читать о «восьми маршалах 1945 года», что все они стали маршалами раньше.

Читаем: «Разная биография у будущих маршалов жуковской школы. Все восемь, кроме Мерецкова, уже дрались с немцами в Первую мировую войну и присягали на верность императору. Все Георгиевские кавалеры». Во-первых, уж если сказал «разные биографии», то скажи, в чем различие, а он, наоборот, подчеркивает общее, выделяя в этом общем присягу царю да Георгиевские кресты. А ведь у этих военачальников было нечто общее более существенного характера. Во-первых, несмотря на присягу царю и на Георгиевские кресты, почти все они принимали участие не только в германской войне, но — командирами рот, батальонов, эскадронов — и в гражданской, на которой получили высокие советские награды. Во-вторых, все они были членами коммунистической партии: Жуков. Рокоссовский, Конев, Мерецков — еще со времен гражданской войны, другие — позже. Примечательно, что Василевский стал членом партии лишь в 1938 году, но ни беспартийность, ни происхождения из семьи священника не помешали ему последовательно занимать в Красной Армии высокие должности помощника командира полка, начальника дивизионной школы, командира полка, начальника Управления боевой подготовки РККА и даже начальника отдела Генерального штаба. Еще показательнее военная биография маршала Говорова. В 1919 году он, будучи царским офицером, командовал батареей в армии Колчака. А в партию вступил только в 1942 году. Но и ему ни служба у Колчака, ни беспартийность не помешали окончить Военную Академию им. Фрунзе, Академию Генерального штаба, стать начальником Артиллерийской академии им. Дзержинского, а во время Великой Отечественной войны 9 ноября 1941 года получить звание уже генерал-лейтенанта и командовать армией на самом главном Западном фронте, а потом и Ленинградским фронтом. Все маршалы во время войны стали Героями Советского Союза и были удостоены высших орденов, включая полководческие ордена Суворова, Кутузова и Победы. Но у Раша об этом опять-таки — ни звука, ибо, как уже сказано, он просто не может выговорить слова «Советский Союз» и «советский орден». Тем более, разумеется, не повернется у него язык сказать о службе Говорова в армии Колчака или об отце-священнике у Василевского, ибо, по его уверениям, если такие люди не оказались в чис-

ле первых под «гулаговским катком», то уж ни о какой карьере, ни о высоких орденах тут не могло быть и речи.

Все эти нелепости, ошибки, умолчания, конечно, досадны, но все же некоторые из них не так уж страшны. Что ж, прочитав, например, «танковая бригада Котукова», иные читатели сообразят, что тут имеется в виду прославленный танковый командир, впоследствии дважды Герой Советского Союза, маршал бронетанковых войск Михаил Ефимович Катуков. Гораздо хуже всех нелепостей и умолчаний в сочинениях Раша то, как, с одной стороны, он подает американских или немецко-фашистских политиков и военачальников и как, с другой стороны,— наших, советских. Задыхается от восторга, говоря об

американцах — «великий мастер боевой подготовки», «великий военный», «национальный герой», «легендарный генерал» и даже «величайший человек после Христа»... В таком духе и о немцах. Прежде всего, их имена (впрочем, и американцев тоже), как правило, почтительно даются полностью: Адольф Гитлер, Герман Геринг, Йозеф Геббельс, Альфред Розенберг и т. д. вплоть до какого-нибудь Теодора Эйке... Не забывает указать даже и на титулы: барон Рихтхофен, фон Бок... А то и так ввернет: «бесстрашный Пауль Хауссер». А еще кое-кого из них величает «нибелунгами». Да еще добавит, что этот бесстрашный Пауль в боях под Ельней потерял глаз. Да черт с ним, что он потерял. Но патриот и не вспомнит даже о гибели генералов Ватутина или Черняховского...

Для похвал вермахту и отдельным его соединениям, частям Раш не жалеет своего изысканного словарного запаса. Пишет, например, что при наборе в войска СС «безжалостно выбраковывались гомосексуалисты». Ну, это понятно. В «Энциклопедии Третьего рейха» о руководителе штурмовых отрядов Реме (Roehm) сказано: «Его окружение, не исключая шофера и денщика, составляли гомосексуалисты. Рем пристрастился к этому пороку в армии, где гомосексуализм был в большой моде» (с. 407). В 1934 году Гитлер приказал — и это единственное, что можно у него одобрить,— кокнуть нибелунга Рема. Но мода-то, увы, осталась. Так что 22 июня 1941 года на нашу страну, где до горбаческой-ельцинской катавасии мало кто и слышал об этой «моде», ринулись не только орда фашистов, но и полчища педерастов. И вот сейчас их потомки на телевидении... Да, это понятно. Но Раш пишет еще, что из войск СС заодно с педерастами «изгонялись лица, склонные к преступлениям». Как это понимать? Всем же известно, что самые зверские преступления всюду творили именно эсэсовцы. История каждой эсэ-

совской части — это история гнусных преступлений. Сам же пишет дальше, что «наиболее зловещей и беспощадной была дивизия СС «Мертвая голова» — «солдаты уничтожения», как они себя называли». Но у Раша получается, будто эсэсовцы были как-то абстрактно беспощадны и уничтожали неизвестно кого. У него и тут не поворачивается язык сказать, что наиболее беспощадными эсэсовцы были на советской земле, что особенно рьяно уничтожали они наших людей. А разве не слышится явное сочувствие к будущим оккупантам нашей страны в таких строках: «То были израненные и ожесточившиеся офицеры Первой мировой войны с неутоленной жаждой мщения. Самые отчаянные кинулись на призыв летных школ люфтваффе, другие — к Паулю Хауссеру, выдающемуся военному педагогу...» В связи с очередным упоминанием о любезном его сердцу бесстрашном Пауле добавит еще и такое: «Как все немецкие танковые генералы, он считал своим долгом лично вести в бой дивизию». Командир дивизии в головном танке первым идет в бой? Раш, поищите дураков для своих профашистских сказок о нибелунгах в другой деревне...

И опять взахлеб: «Разгром трех полумиллионных армий (английской, голандской и бельгийской) и сокрушение Франции — дело вермахта». Во-первых, «голландская» надо писать через два «л». Но даже и в этом случае следует признать, что армия Голландии к началу немецкого наступления 10 мая 1940 года имела лишь 350 тысяч солдат и офицеров (История Второй мировой войны. Т. 3. С. 89). Что же касается Англии, то речь надо вести не об армии, а об экспедиционном корпусе, в составе которого было опять же не полмиллиона, а лишь 395 тысяч человек (там же). И он вовсе не был разгромлен, хотя потерял убитыми и пленными 68 тысяч. 338 тысячам человек союзных войск, среди которых большинство (215 тысяч) были англичане, удалось эвакуироваться через

Дюнкерк (там же, с. 102). К чему эти запоздалые жуликоватые приписки в 100—150 тысяч? Конечно, для восхваления нибелунгов!

Другое дело, что удар немцев застал всех союзников врасплох, явился полной неожиданностью для них. У нас любят помусолить вопрос о нашем просчете 22 июня 1941 года. Но ведь у нас был с немцами договор о дружбе. А тут? Никакого договора. Наоборот, шел уже девятый месяц, как Франция и Англия объявили войну Германии. Войска были отмобилизованы, занимали укрепленные позиции. Совсем недавно, всего месяц назад, союзники могли еще раз убедиться в ненасытной агрессивности Германии: в апреле

443

1940 года она расправилась с Данией и Норвегией. Какие нужны еще предупреждения в такой обстановке? И однако же в начале мая свыше 15% личного состава союзных войск находилось в отпуске. Многие части выехали в учебные центры, солдат развлекали шансонетки...

А еще в марте сам министр иностранных дел Италии граф Чиано (что там наш Зорге!) раскрыл замыслы Гитлера французскому послу в Риме известному А. Франсуа-Понсе, а потом и американскому эмиссару С. Уэллесу. К тому и разведка союзников сама имела данные о предстоящем немецком наступлении в ближайшее время. В частности Генеральный штаб голландской армии получил из надежного источника сведения о сроке удара. А французский генштаб получил 7 мая из Бельгии предупреждение о полной готовности вермахта к агрессии. Даже вечером 9 мая дежурный офицер Главной квартиры союзников, проанализировав поступившие к нему сведения, предложил принять срочные меры. Но из высшей инстанции ему ответили, что ничего предпринимать не следует... Итог всего этого известен: 14 мая капитулировала Голландия, 17 мая — Бельгия, 14 июня немцы вошли в Париж... Как об этом пишет Раш, не поддается уразумению: «Разгром Европы — заслуга прусской военной школы и неутоленной ярости 1918 года... Вермахт показал, что он является лучшей на Земле военной машиной. Европа лежала у их (?) ног поверженной». Нет, это не опечатка: «заслуга разгрома Европы»... А дальше такая скрижаль: «Точку в историческом споре в 1940 году поставил от лица рейхсвера вермахт третьего рейха». Какую историческую точку? Ее поставил не вермахт в Париже, а Красная Армия в Берлине. 9 мая 1945 года Сталин сказал об этом так: «Наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом... Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией». Вот тебе и лучшая на Земле военная машина...

Но у Раша свои «исторические точки». В экстазе он доходит до подсчета наград, полученных фашистами за их «заслуги разгрома», и сообщает нам, например: «В дивизии «Рейх» все того же бесстрашного Пауля Хауссера к концу войны будет 69 кавалеров Рыцарского креста — это больше, чем даже в «Лейбштандарте Адольф Гитлер», «Мертвой голове» и «Викинге». Ах, как интересно: 69 рыцарей среди бандюг и педерастов! Но историку войны и в голову не приходит написать, сколько Героев Советского Союза было,

444

допустим, в упомянутых им 32-й дивизии В. И. Полосухина или в танковых войсках М. Е. Катукова, свернувших головы этим бандюгам с крестами. Зачем? Это ему неинтересно.

С великой страстью Раш защищает фашистов (кстати, это слово он ужасно не любит, просто не переносит) даже в таком вроде бы частном вопросе: «Ни один немецкий военный никогда не употреблял выражение «блицкриг». Термин этот

пущен в оборот журналистами, а наши советские комбедовские историки стали употреблять это слово с неким ерничаньем». Вы только гляньте, какое высокомерие, какое презрение к «комбедовским историкам» у мыслителя, который не знает, как правильно писать не только фамилию отдельного человека, например, славного маршала Катукова, но даже и название целой страны, например, Голландии, который ползает на брюхе то перед американцами, то перед немецкими фашистами... Однако что за чушь он плетет и на сей раз! В плане «Барборосса» было сказано четко и категорично: «Нанести поражение Советской России в быстротечной кампании». Что такое быстротечная кампания как не блицкриг? А в известной директиве №21 к этому плану тоже не было на этот счет двусмысленностей: «Основные силы русских сухопутных войск в западной России должны быть уничтожены в смелых операциях посредством быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено. Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские ВВС будут не в состоянии совершать налеты на Германию... По окончании сражений южнее и северней Припятских болот в ходе преследования следует быстро выйти к Москве. Ее захват означает как в политическом, так и экономическом отношениях решающий успех... Конечной целью операции является создание заградительного барьера против азиатской России по общей линии Архангельск — Волга» и т. д. Но Раш никак не уймется: «То, что они (эти презренные комбедовские историки.— *В. Б.)* с ухмылкой называют «блицкригом», есть на самом деле вечная мечта всех полководцев мира и смысл суворовской «науки побеждать». Этот воспитанник Оксфорда пытается именем великого Суворова прикрыть провал фашистского блицкрига.

Нельзя пройти мимо и такой потуги Раша: «Злейшими врагами всех павших в боях советских солдат станут не немцы, а свои историки и мемуаристы, которые полстолетия будут писать о «фрицах», «недобитках», «вояках», выкрадывая у русских воинов величайшую победу». Вы только поду-

майте: историков войны и мемуаристов изображает врагами советских солдат да еще более злыми, лютыми, чем фашисты, от рук которых полегли 27 миллионов и этих солдат, и мирных граждан нашей страны! И только потому, что кто-то из них непочтительно высказался о захватчиках, о поработителях, не сумевших уничтожить нашу Родину только потому, что мы оказались не рашами, а русскими. Но назови хоть одного историка, хоть одну книгу, где бы это было. Нет у него ни одного примера! Да ведь не историки, а мы, солдаты и офицеры, называли на фронте немцев фрицами, вся Красная Армия называла. И если кто-то в романе или в воспоминаниях приводит такие примеры, то это правда. А они тоже по самому распространенному у нас имени называли нас Иванами. Но об этом фашистский адвокат молчит, это его не возмущает.

А полюбуйтесь, что пишет Раш о фашистских идеологах и фюрерах, о Геббельсе, например, боясь что-нибудь пропустить: «...воспитанник Боннского университета, доктор искусствоведения, занял пост министра пропаганды, когда ему было 35 лет, один из образованнейших людей Германии, самый умный и самый агрессивный специалист в деле пропаганды, человек очень сложный... Геббельс был рожден для самых бурных и трагических эпох. От опасностей и кризисов он только расцветал. Обладал острым и проницательным умом и тонко высмеивал своих противников. Обладал поистине дьявольской силой убеждения и благодаря эрудиции слыл вторым оратором рейха после Гитлера. Саркастичный, со сложным внутренним миром, он обладал очень красивым

голосом и умело пользовался им. Маленького роста, хромой простолюдин сумел очаровать одну из самых красивых женщин Германии, живую, элегантную, обаятельную Магду» и т. д. Каков портрет, а! Осмелился употребить единственное вроде бы негативное словцо — «агрессивный». И ни звука о том, что сей доктор искусствоведения — один из самых бесстыжих и наглых лжецов всей мировой истории! О том, что «сложный человек» особенно пышно расцветал, когда плодил ложь о стране, где Раш пребывает. О том, что сей агрессивный эрудит и великий оратор трусливо увильнул от ответственности. О том, что элегантная Магда умертвила шестерых своих детей...

А что этот историк пишет о советских руководителях? Да их персонально тут просто нет. О них сказано суммарно: «коммунистическое быдло». Это вполне соответствует тому, что говорил о них и сложный сукин сын Геббельс: «политические уроды и недочеловеки, засевшие в Москве».

446

Правда, раза три упомянут И. В. Сталин, но ненависть Раша к нему безумней, чем даже у всех других демократов, от Волкогонова до Радзинского, и доходит до того, что он даже Верховный Главнокомандующий пишет так: «верховный». И Ставка у него «ставка», постольку ее возглавлял Сталин. А чаще называет нашего Верховного Главнокомандующего дореволюционной партийной кличкой Коба. Пишет, например, каково было работать и воевать Жукову «под началом у Кобы»... Вот, Александр Проханов, какая низость разрешена в вашей газете иным авторам. А ведь ты сам постоянно пишешь о Сталине чрезвычайно возвышенно. И не по твоему ли замыслу учрежден орден Сталина?.. Никаких фактов, доводов у антисталинствов давным-давно нет. Эти бесстыдные и жалкие лицемеры прекрасно знают, как высоко ценили военное руководство Сталина крупнейшие авторитеты Второй мировой войны, начиная с Жукова и Василевского, но они не приводят в своих публикациях эти оценки, а заодно клевеща и на сталинских полководцев, злобно шипят: «под началом Кобы...», «под командованием Джугашвили...»

Последний пример — из книги генерала армии М. А. Гареева «Маршал Жуков» (Москва, Уфа. 1996. С. 263). За эту книгу он получил премию имени Жукова. Да и как не дать! Генерал расшаркивается в ней не только перед тогдашним министром обороны И. Н. Родионовым, но даже и перед его заместителем А. А. Кокошиным, а заодно на протяжении всей книги, поспешая трусцой за Радзинским, клевещет на Сталина. Заслужил генерал премию! Но подумать только: Сталин и Кокошин! Проклятие первому и похвалы второму... Таков мир, в котором мы оказались...

И при этом — ни слова о том, каково было Кейтелю, Йодлю, Гудериану и другим немецким воякам под началом ефрейтора Шикльгрубера. И ведь, с одной стороны, так злобствует, а с другой — так глухо молчит, словно мы «под началом Кобы» войну проиграли, а немцы под началом своего Шикльгрубера выиграли.

В антисоветском наборе Раша нет ничего нового: без октябрьской «катастрофы» и «коммунистического быдла», без «завоевания мира» коммунистами, без спящего Сталина эти рахитичные патриоты не могут. Однако Раш не в силах отрицать, что спустя лет сорок-пятьдесят после «катастрофы», лет через тридцать после того, как Сталин проснулся, настала пора «наивысшей силы русского флота за всю его историю... Тоннаж морского транспортного флота с 1964 года по 1984 год вырос в восемь раз и с 3 миллионов тонн достиг 23... Мы были первыми в Европе и вторыми в мире, и даже

447

во много раз превосходили всю Европу, вместе взятую...» И не только на море, а во всем. Он не отрицает и этого; «Никогда в своей истории Россия не достигала

такого могущества, как в 70—80-е годы XX века... Страна достигла вершины военной мощи и экономического могущества». И тут, во-первых, спрашивается, почему же во всех этих великих достижениях мыслитель не видит «пафоса завоевания мира», а в плане ГОЭЛРО разглядел? Во-вторых, тридцать — сорок — пятьдесят лет — это в истории страны не такой большой срок, а все эти годы у власти было «коммунистическое быдло» и долгое время во главе с сонным Сталиным. Как же «быдлу» удалось все это сделать? И приходится со всей ясностью сказать: коммунисты, поднявшие свою родину к невиданной вершине могущества и славы,— великие труженики и патриоты, а (такие невежественные, злобные, бездарные) писаки, клевещущие на коммунистов, как здравствующий Раш или покойный Волкогонов, и есть настоящее, доподлинное, беспримесное газетное быдло. Деликатный Коля Глазков говорил еще так: «Мы — умы, а вы — увы!»

Откровенно говоря, лично меня Раш не шибко интересует. Мало ли какие антики с мармеладом вынырнули на поверхность в нынешней обстановке. Но ведь все, о чем тут шла речь, этот автор не в альбоме супердеве Новодворской написал, а обнародовал в популярной патриотической газете «Завтра». И тут мы подошли к самому важному во всей публикации, к тому, ради чего она, видимо, и написана,— к восхвалению нынешней власти, к агитации за дружбу с Америкой, за вступление в НАТО. И начал он... С чего бы вы думали? Читайте: «В нынешнем правительстве самым разносторонне знающим человеком является, может быть, Аксененко...» Да почему же «может быть»? Он и есть. А за ним — непотопляемая статс-дама Матвиенко. Но пока Раш сочинял свою статью,? его любимца наконец-то вытряхнули из министерского кресла, и вдруг обнаружилось, что после него осталось 110 миллионов кредиторской задолженности. А ведь как лихо обскакал в свое время Степашина по дороге в Сочи к Ельцину в надежде перехватить портфель премьера! А сколько своим сотрудникам роскошных квартир устроил! А как взвинтил цены на железнодорожные билеты!. Да, разносторонний человек, может быть, разностороннее Клейнмихеля. Не зря сразу после вышибона ему кто-то премию Высоцкого выдал. Еще бы!.. Интересно, а что останется после Матвиенко? Ведь когда-то Явлинский причислил ее к взяточникам. Конечно, это праведник не первой свежести, но она же промолчала. Но главное, разумеется не в Аксененко, а вот: «За

300 лет после Петра ни один руководитель России не получал такого ужасного наследства, какое досталось президенту Путину...» Понятно, что то наследство, которое в 1917 году получили большевики — разруха, голод, гражданская война, интервенция с юга и севера, с запада и востока — это наследство Рашу не позволяют даже упомянуть его убеждения замшелого антисоветчика. А между тем коммунисты оставили Путину нечто такое, о чем в 1917 году сами они и мечтать не могли, хотя бы атомное оружие. Оно давало полную возможность, например, защитить Югославию от американского разбоя, как в 1956 году Советский Союз одним грозным словом пресек англо-франко-израильскую агрессию против Египта. Но Путин, познания которого в государственных делах и в истории еще прискорбнее, чем у его родителя Ельцина, вместе с ним уверен, что если мы предоставим сербам наши несравненные ракеты, то США объявят нам войну. Атомное оружие давало также возможность запретить размещение американских военных баз в среднеазиатских республиках. Но Путин просто не знает, где эти республики находятся, может быть, думает, что где-то между Чукоткой и Аляской. Атомное оружие вообще дает возможность вести себя с

большим достоинством и смелостью. Но даже если бы Америка не имела такого оружия, а мы имели, Путин все равно вел бы себя так же, как сейчас, потому что он ученик Собчака, ставленник Ельцина, в советниках у него Глеб Павловский да Анатолий Приставкин, а на ночь он читает Жванецкого и думает: зачем великому русскому старцу Борису Покровскому премия или орден по случаю 90-летия, отдам я их лучше несчастному одесситу Жванецкому, которого недавно по случаю пропажи у него «мерседеса» один милиционер назвал по телевидению «великим писателем». Правда, кажется, был под мухой... Анемичная реакция Путина в ответ на небывалое хамство американцев на нынешней зимней Олимпиаде в Солт-Лейк-Сити уж яснее ясного показала, что он хочет всю страну приучить к лакейству перед Америкой. Я не удивлюсь, если завтра он лишит гражданства или отправит в одну камеру с Эдуардом Лимоновым юмориста Михаила Задорного, который мужественно выразил по телевидению негодование американским хамством и на глазах всей страны зачеркнул в своем паспорте бессрочную американскую визу.

Читайте дальше, если есть силы: «Страшнее наследства трудно вообразить, и ни одного честного союзника-созидателя внутри страны, а тем более за рубежом». Да, именно так, за рубежом. А ведь совсем недавно там были

многочисленные союзники, но учителя и воспитатели Путина всех предали, всех разметали. А он на этих учителей продолжает молиться. Как в издевку, 23 февраля, в День Советской Армии, подписал указ: «В целях увековечения (!) памяти А. А. Собчака учредить стипендии его имени для студентов юридических факультетов...» А что Путин сделал для восстановления союзных связей? Даже с Белоруссией так же третий год мурыжит дело, как его предшественник. Словно речь идет не о братском народе, с которым мы долгие века жили душа в душу, а о Мадагаскаре, где и язык, и история, и национальный дух — все другое.

Но Раш неистощим: «Путин успел хотя бы выправить крен государственного корабля, который вот-вот, зачерпнув воды, пошел бы на дно...» Очень отрадно. Однако хотелось бы знать, как именно удалось ему выправить крен. Не за счет ли ежегодного сброса за борт такого балласта, как миллион соотечественников, которые не выдержали чудовищной качки? Или за счет регулярного сброса таких лишних грузов, как станция «Мир»? А может, эффективно способствовало выправлению крена освобождение от крейсера «Курск»? Нет ответа у Раша... А вот у Путина на все есть. Как находчиво он оправдывает даже нахрап агрессора! Он сказал, как всегда странно улыбаясь, о проникновении американских военных баз: «Если в республики Средней Азии можно, то почему нельзя в Грузию!..» С детства помню частушку:

Стоит милый у ворот,
Широко разинув рот.
И никто не разберет,
Где ворота, а где рот.

Так что приготовьтесь, люди добрые, что скоро с такой же улыбкой президент скажет: «Если в Грузии можно, то почему нельзя в Мытищах?» И распахнет ворота в Мытищи...

А недавно президент прокатился в Польшу. Господи, смотреть было жалко и стыдно... Договорился до того, что выразил готовность выплатить какие-то суммы «жертвам сталинских репрессий». Да этим ляхам надо молиться до скончания века на Сталина. Только благодаря его твердости в польском вопросе на Ялтинской и Потсдамской конференциях, только благодаря мужеству Красной

Армии поляки получили едва ли не половину своей нынешней территории. Я не уверен, что Путин хотя бы слышал-то об этих конференциях. А знает ли, что в боях за освобождение Польши полегли 600 тысяч наших солдат и офицеров? Если бы знал, не стал выслушивать речи о «компенсациях жертвам репрессий». Или спросил бы

в ответ: «А сколько вы нам заплатите за освобождение от фашистского рабства? За 600 тысяч погибших ради вас?» Впрочем, может быть все это он и знает, да разве мог осмелиться напомнить полякам! Вместо этого по подсказке Павловского или кого-то из своих декоративных Ивановых, таких же эрудитов, включил заезженную пластинку о великой дружбе Пушкина и Мицкевича. То-то друзьяки были... Пушкин об этом писал:

Он между нами жил...
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на Запад — и благословеньем
Его мы проводили. Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом — и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!.. Боже! Освяти
В нем сердце правдою Твоей и миром...

Вот такая была дружба. Кажется, уже даже Черненко при встречах с поляками помалкивал о ней. И Квасневский, как и все поляки, наверняка знает, что это была за пшиязнь, и потому в душе, конечно, похохатывали над гостем и его советничками. А ведь можно было привести примеры действительной дружбы, сотрудничества хотя бы из истории совместной борьбы против гитлеровской Германии, но для этого надо было обратиться к советскому времени, а у Путина еще ни разу повернулся язык сказать о том времени хоть одно веское доброе слово. Еще бы! Страшно, потому что немедленно вызовет в Барвиху отец родимый и выпорет как Сидорову козу. А то и еще ужасней: явится ночью учитель Собчак и задушит костлявой рукой.

После серенады о пшиязни двух поэтов Путин решил для услады поляков дать несколько образцов добровольного поношения своей родины и ее вождя Сталина: «Нельзя закрывать глаза и нужно честно сказать, что бывший (!) Советский Союз пытался диктовать свою волю не только в Европе, но и в других частях света». Не пытался, сударь, а на самом деле диктовал, и не кому-нибудь, а, например, Америке: «Катись к чертям со своим планом Маршалла! Не смей безобразничать во всем мире! Прочь из Кореи! Вот из Вьетнама!» И мы охотно помогали Америке выполнить наши требования.

А теперь она диктует что угодно и кому угодно. В том числе Польше, и России, и Путину лично: «Утопить «Мир»!..», «Ликвидировать базу на Кубе!..», «Немедленно отпустить нашего разведчика Эдмонда Поупа!..», «Не трогать Чубайса! Он

негодяй, но наш негодяй...» И все это Путин, сбиваясь с ног, выполняет. Но если вдруг напала охота «сказать честно», то возьми да скажи это все в глаза сердечному другу Бушу. Сам же твердишь о «возрождении нравственности» в России. Вот и дай ее образец на высшем уровне. Но нет, нравственность мертва без мужества. А где его взять? Оно (правда, в обличье бесстыдства) до дна исчерпалось, когда подписывал указ о награждении прохвоста высшим орденом

страны.

Поляки продолжали слушать, хихикая и потирая ручки. А он заливался: «Это не пошло на пользу бывшему (!) Советскому Союзу и тем более не могло вызвать положительную реакцию наших квазипартнеров, партнеров поневоле». Господи, язык-то какой! Черномырдин, что ли, на пару с Хазановым речи ему пишет? Сказать «бывший Советский Союз» так же несуразно, безграмотно и смешно, как об умершем отце сказать «мой бывший отец». У Путина как раз не так давно отец и умер. Так неужели он теперь называет его бывшим? А что касается пользы, то мощь и достоинство Советского Союза шли на пользу не только ему, но и всему миру. А сила и спесь Америки ведет весь мир к новой катастрофе. Раньше под эгидой Советского Союза существовал сильный военный союз, а теперь его нет. Раньше между нами и НАТО был барьер в сотни километров, а теперь его нет. Сегодня американцы уже разместили свои военные базы на территории наших вчерашних партнеров, а завтра припожалуют в Тбилиси, послезавтра — в Ригу и Таллин. Вот как прискорбно обстоит дело с унизительными стараниями вновь обрести союзников за рубежом.

А союзники внутри страны? Раш не может понять, что Путин тотчас обрел бы могучего и самого верного союзника в лице всего народа, если перестал бы угодничать перед США, если действительно стал бы отстаивать интересы родины. Почему не может понять? Да потому что сам путинской породы. Сам призывает к лакейству: «Мы должны протянуть руку США через Тихий океан и Аляску». Никто не против протянуть руку, но пусть Америка прежде уберет свою ногу из Средней Азии и свою рожу с наших телеэкранов. Хотя бы это! Но Рашу, как Путину, и в голову не приходит выставить хоть какие-то требования Америке. Как можно-с! Уж лучше мы сами потерпим-с... Там же цивилизованное общество, а у нас «воровское», у нас «коммунистическое быдло» еще не до конца вымерло... Лакейство Раша перед Америкой рождает у него сладостные мечты: недалек, мол, час, когда «янки уберут Саддама Хусейна и всех наших умников в Багдаде спустят с лестницы. И правильно сделают!..»

452

Александр Проханов, твой любимый автор чувствует себя прежде всего курдом, а не российским гражданином, в нем бушуют курдские страсти. Но ты и твоя газета неужели разделяете мечту о ликвидации Саддама Хусейна? Неужели станете кричать «правильно! так им и надо! рашен, гоу хо-ум!», если американцы будут «спускать с лестницы» наших соотечественников, русских?.. Что еще предлагает нам экстраординарный «завтринский» мыслитель? А еще, говорит, «Россия во что бы то ни стало должна вступить в НАТО. Только НАТО даст России на Западе дружелюбный тыл». Я, может быть, подумал бы над советом мыслителя, если, с одной стороны, раньше не убедился бы в его поразительном верхоглядстве и редкостном легкомыслии. А с другой — это кто же «дружественный тыл»? Поляки, которые первый раз захватили и разграбили Киев в 1018 году, а последний раз приперлись туда в 1920-м? 900 лет пламенной пшиязни! Я уж не говорю о снаряженных ими Лжедмитриях или конном корпусе Понятовского в армии Наполеона! Да ведь в Отечественную войну одних лишь поляков набралось у нас 60 280 человек. Тогда, может быть, чехи, которые, даже будучи в Сибири пленными, учинили против России мятеж? Правда, это было давно, но недавно их президент Гавел заявил, поглаживая свой демократический животик: «Лучше слабая Россия, чем сильный Советский Союз». Может, румыны, которые вместе с немецкими фашистами доползли по трупам до Волги, а потом остатки их огрызались до Бухареста? Наконец, уж не прибалты ли мерещатся Рашу нашим дружественным тылом? Съездил бы он туда да

попробовал бы в каком-то людном места заговорить по-русски... Ну а вообще-то я всей душой за вступление в НАТО при одном пустячном условии: если этот агрессивный военный блок преобразуется в спортивную ассоциацию.

Да, Раш сам по себе меня ничуть не интересует. Но я беру «Завтра» и в передовице читаю: «Путин одаривает Ельцина всеми высшими наградами. Сохраняет в политике и экономике все позиции ельцинской «семьи». Покрывает преступников «беловежского сговора» и расстрела Дома Советов. Ни на секунду не прерывает реформы Гайдара — Чубайса, превратившие в прах могучую и цветущую родину». Все верно. Но это на первой полосе. А на пятой в статье Раша — пламенные похвалы Путину. Беру другой номер газеты, читаю: «Путин, стань к Западу задом, а к России передом!» А на пятой полосе в статье Раша — страстные призывы вступить в НАТО. В передовице третьего номера читаю: «Мужество Путина — это «мужество» Горбачева, который

пообещал не поверившему своим ушам Рейгану объединение Германии, сворачивание Варшавского Договора, отказ от мировой коммунистической системы». А на пятой Раш вопит о «коммунистическом быдле». На первой полосе ирония и гнев: «Российский обыватель поверил в вечную дружбу с Америкой, рыдал над пеплом Манхэттена, аплодировал попаданиям американской бомбы в афганский кишлак». А на пятой — истошный призыв бежать, задрав штаны, через Берингов пролив в объятья Америки и просьба к ней спустить с лестницы русских... И этой двуликости нет конца... Что, друзья мои, еще не наелись плюрализма, или в газете под псевдонимом Кавад Раш ведет пропаганду сам президент Путин?

Я встречал в жизни всего лишь двух курдов. Один из них — прекрасный человек, и он понимал, что в условиях малочисленности его соплеменников в России каждый из них словно олицетворяет собой всех остальных, по нему русские судят о всем народе, и он заботился о том, чтобы представить свой народ достойно. Вторым оказался Кавад Раш, который ничего этого не понимает и никогда не поймет.

И последнее. Ни в одной демократской газете я не читал, ни от одного либерального подонка не слышал такого поношения русской литературы, такой злобной клеветы на советское время, такого захлеба о фашистских нибелунгах, что встречаю то и дело либо в «Нашем современнике», либо в «Завтра», либо в «Дне». Правда, иногда вокруг таких публикаций они устраивают «творческие дискуссии» или «спор славян». Но неужели не приходит в голову тому же Бондаренко, что при таком обожании плюрализма может явиться к нему автор и предложить организовать на страницах «Дня» обсуждение его статьи «Мать Владимира Бондаренко — бандерша»?

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Дипломная работа Владимира Бушина поверхностна, декларативна, неинтересна. У него нет качеств, необходимых для критика.

Александр Макаров, научный руководитель диплома.

Из выступления на защите в Литературном институте, 26 июня 1951 г.

* * *

Принцип изучения художественного слова у В. Бушина совершенно порочен. Рецепты В. Бушина отдают такой домостроевской схоластикой, что даже староверу адмиралу Шишкову показались бы анахронизмом.

В. Г. Пустовойт, доктор филологии.

«Наш современник», №1, 1960 г.

* * *

Осуществись пожелания В. Бушина — это привело бы к обеднению творческого многообразия советского искусства, к отказу от «борьбы против старого, отжившего» (Н. С. Хрущев).

Александр Коган, критик.

«Вопросы литературы», №4,1962 г.

* * *

Статью о моем романе «Путешествие дилетантов» писал не Бушин, а целая бригада. Он только дал свое имя. Это не литературно-критическая статья, а политический донос, написанный по заданию редакции «Москвы».

Булат Окуджава.

Из выступления на вечере в ленинградском Доме офицеров, 28 декабря 1979 г.

Это не критика, а политический бандитизм.

Булат Окуджава

Из выступления на вечере в клубе МАИ, 18 декабря 1979г.

* * *

Статья писалась группой лиц с целью отвлечь внимание от критики в «Правде» романа Валентина Пикуля, напечатанного в «Москве»[1].

Булат Окуджава.

Из выступления на встрече с читателями в московской библиотеке № 114, 24 декабря 1979 г.

* * *

Статья Бушина об Окуджаве — это хулиганство!

Александр Борщаговский. Коктебель, лето 1979 г.

* * *

Ну, знаете, читая эдакое, остается только руками развести. Надо защищать чистоту марксизма от В. Бушина.

Юрий Суровцев, критик, секретарь правления Союза писателей СССР.

«Вопросы литературы», № 12, 1979 г.

* * *

Я огорчаю В. Бушина решительно всем...Он предупреждает меня, чтобы не рассчитывал на долголетие...

Владимир Лакшин, критик. «Огонек», №17,1989 г.

* * *

Я получил седьмой номер «Молодой гвардии». Здесь оскорбительные выпады В. Бушина против известных писателей: Е. Евтушенко, Б. Окуджавы, М. Шатрова... Как далеко ушел от комсомольских идеалов журнал ЦК ВЛКСМ!.. Я не

[1] Роман В. Пикуля «У последней черты» был напечатан в 1979 году не в «Москве», а в «Нашем современнике».

считаю возможным участвовать далее в работе Комиссии ЦК ВЛКСМ по премиям Ленинского комсомола.

Андрей Дементьев, поэт,

главный редактор журнала «Юность»,

лауреат премии Ленинского комсомола[1].

«Огонек», №33, 1989 г.

* * *

В. Бушин посмел выступить против академика Сахарова, совести русской интеллигенции!..

Евгений Евтушенко. «Литературная газета», №53, 1939 г.

* * *

Статья В. Бушина о Сахарове написана непрофессионально, она убийственна для журнала, она станет его катастрофой.

Игорь Шафаревич, академик, член редколлегии «Нашего современника».
Из внутренней рецензии для журнала, октябрь 1989 г.[2]

* * *

Окололитературный склочник Бушин... Критик-гурман, критик-рыболов, критик-блохолов... Человек, владеющий как холодным, так и огнестрельным оружием, но не знающий таблицы умножения и азбучных истин марксизма...

Валентин Оскоцкий, доктор филологии, профессор, главный редактор «Литературных вестей».

«Литературная Грузия», № 1, 1990 г.

* * *

Кто агитировал за коммунистов вплоть до последних предвыборных дней? Неугомонный В. Бушин, стяжавший скандальную славу пасквилянта на мерзопакостных поношениях академиков А. Н. Яковлева и Д. С. Лихачева, писателей Б. Окуджавы и Г. Бакланова...

Тот же В. Оскоцкий,
профессор с улицы 26-ти Бакинских Комиссаров,
член КПСС с 1962 г.

«Литературные вести», №2(14), 1996 г.

[1] Ныне посол в Израиле.

[2] Из-за рецензии И. Шафаревича статья была отклонена и напечатана лишь позже в «Военно-историческом журнале №11 и 12 за 1989 г.

* * *

Пагубное пристрастие В. Бушина к горячительным напиткам в нашем профессиональном кругу известно достаточно широко, как равным образом и мое равнодушие к ним.

Все тот же *В. Оскоцкий,* воспитанник Академии общественных наук
при ЦК КПСС.

Из письменного доноса главному редактору «Советской России» В. В. Чикину, 7 сентября 1991 г. (сразу после ельцинского переворота).

* * *

На закончившемся VII съезде писателей России В. Бушин выступил с издевательским открытым письмом к «его благородию полковнику-белобилетнику, возглавляющему страну». В зале очень смеялись. Но в этот момент на трибуну поднялся Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий, орденоносец Виктор Астафьев. Выступление В. Бушина он назвал «диким вздором, недостойным этого собрания и всего человечества».

В. Малухин.

«Известия», 16 декабря 1990 г.

* * *

Это тот самый Бушин, который пытался зарезать соленым огурцом Окуджаву. Дремучий невежда... Предлинную статью посвятил и мне; я мог бы весь этот дикий вздор опровергнуть до единого слова, но много чести. Кажется, на сей счет есть специальная статья в Уголовном кодексе?

Борис Можаев.

«Литературная газета», 11 декабря 1991 г.

* * *

В суд Краснопресненского района Москвы

Прошу привлечь к уголовной ответственности члена Союза писателей СССР

Бушина Владимира Сергеевича.

На протяжении многих лет В. Бушин занимается клеветнической деятельностью. Каждое слово Бушина — ложь, подтасовка, мошенничество. Бесстыдство Бушина не знает границ, желчь у него с лошадиную голову... Бушин предлагает разоблачить В. Карпова, утверждающего, что он был боксером... Прошу привлечь. К заявлению на 52-х страницах прилагаю пять своих фотографий и диплом Комитета по делам физкультуры и спорта Узбекской ССР от 7 ноября 1940

года о присвоении мне звания чемпиона Средней Азии по боксу в среднем весе.

Владимир Карпов, Герой Советского Союза,

член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, первый секретарь Союза писателей СССР, лауреат Государственных премий. 4 апреля 1987 г.

* * *

Не так давно собственными ушами слышал рассказ одного литератора о коллективном визите к 97-летнему Кагановичу, о цветах дорогому имениннику, о светлом уме и высокой душе этого преступника. А ведь рассказчик ходит в неистовых радетелях за народ и русскую культуру.

Эмиль Кардин, критик[1]. «Литературная газета», 7 августа 1991 г.

* * *

Как только В. П. Астафьев высказал единственно приемлемое для нормального человека отношение к проханово-бондарево-варенниково-распутинскому «Слову к народу», тут же какой-то там Бушин напечатал в «Советской России» открытое письмо против астафьевского антимилитаризма. Несомасштабность адресанта и адресата самоочевидна...

Александр Архангельский,

начинающий критик, член Союза писателей,

президент премиального фонда.

«Литературная газета», 14 августа 1991 г.

* * *

В. Бушин — презираемый прогрессивной общественностью партийный критик.

Игорь Золотусский,

член редколлелии "Литгазеты", любимый критик прогрессивной общественности Костянского переулка.

«Литературная газета», 14 августа 1991 г.

[1] Да, вез он меня однажды на своем «Москвиче» с дачи в город, и я рассказывал ему, а он запомнил кое-что, переврал — ив газету. Светлый ум, высокая душа, отменные задатки. А Каганович, конечно же, был человеком незаурядным. Много лет успешно руководил огромным и сложнейшим железнодорожным хозяйством великой страны и, во всяком случае, не предавал ни партию, ни социализм, ни Родину. В отличие от нынешних кумиров Кардина и любимцев «Литгазеты»..

Еще в 1951 году, при Сталине, я назвал Бушина фашистом.

Григорий Бакланов, еврей-интернационалист. «Знамя», №9,1992 г.

* * *

Бушин продолжает врать свое. Змея!..

Александр Солженицын.

Из выступления на встрече с отборными интеллектуалами Омска, 27 июня 1994 г.

* * *

Небезызвестный графоман Бушин...

Галина Старовойтова, депутат всех парламентов, что были и есть.

Из выступления по радио, сентябрь 1992 г.

* * *

— Бушин на последнем пленуме ЦК КПРФ критиковал некоторые антисоветские публикации в «Советской России». Отныне газета для его статей закрыта!

Валентин Чикин,

главный редактор «Советской России»,

член ЦК КПРФ. 28 декабря 1993 г.

* * *

Знаешь, друг Бушин, много я читал в жизни газет, но такого наглого выражения, как ты написал в статье «Ба! Знакомые все лица!», не встречал. Это только наглец из наглецов, дурак из дураков, проходимец из проходимцев, в общем, омерзительный человек,. каких надо уничтожать, мог написать так нагло.

Аноним.

Тверь, 27 июля 1991 г.

* * *

Вошь ты тифозная, холуй ты пакостный, шавка ты беспородная! Как ты посмел прикоснуться своими погаными лапа-

ми к фамилиям таких благородных людей, как А. Яковлев, Шеварднадзе, академик Шаталин!

Аноним. Самара, июль 1991 г.

* * *

Вас убивать надо. Время грядет. Я внес тебя в список. Жди! Каждый день жди!..

Аноним. Москва, 10 августа 1991 г.

* * *

Это ж каким даром Божьим надо обладать, чтобы вызвать такую ярость!

П. Ф. Тишкин. Новочеркасск

* * *

Уважаемый Владимир Сергеевич, прочитав Вашу книгу, хочу сказать вот что. Есть ли Всевышний, я не знаю. Но если Ты есть, Боже, то покарай эту черную банду предателей русского народа, нагло засевших на самом верху..

В. С. Камаричев.

Шахты, Ростовская область

* * *

Ваш бесстрашный смех сильного русского человека укрепляет меня. Да хранит Вас Бог!..

Т. Е. Потехина. Краснообск, Новосибирская область

* * *

Если правда, что смех и вообще хорошее настроение продлевают жизнь, то своей статьей о Евтушенко Вы уж точно продлили мне жизнь. Спасибо!!!

Л. Д. Слеппева.

Пос. Заречный, Московская область, февраль 1991 г.

* * *

Прошу выслать два экземпляра книги «Окаянные годы» и все другие Ваши книги, какие есть. За ценой не постою: готов отдать последнее.

Н. П. Хмеленок, учитель.

г. Городня, Черниговская область, Украина

* * *

Прочитал «Окаянные годы». Восхищен! Жду продолжения. Помните, что вы всем нам очень нужны!..

В. Пушкин.
Украина, Ивано-Франковок, 2 апреля 1998 г. (по телефону)

* * *

Я даже немного отвлеклась от тяжелого недуга. За последнее время и улыбалась-то редко, а пока читала Вашу статью — хохотала. Спасибо. Да хранит Вас Бог!

Виринея Лаврентьевна Фролова, пенсионерка.
Костромская область, деревня Коряково, 11 февраля 1991 г.

* * *

Моя старшая сестра Мария вырезала Ваши статьи и хранила их в молитвослове. А когда в августе прошлого года умерла, я положила ей Ваши статьи в гроб. Так она просила. Ведь Ваше Слово, как и Слово отца Иоанна, Слово Распутина, помогало ей и всем нам жить в это тяжкое время...

Анна Ивановна Каширских.
Новосибирск. 7 февраля 1998 г.

* * *

Здравствуйте, дорогой мой Человек! Я счастлива!.. Представьте себе, вхожу на почту, опускаю в абонементный ящик №3 газеты (я подрабатываю курьером по разноске почты), а мне кричат: «Нина Васильевна! Получите заказное письмо!» Я ахнула и кричу на всю почту: «Это Владимир Бушин!» — «Кто?» — «Это всем известный писатель, поэт, публицист. Вот кто. Ясно?» Послала всей почтовой обслуге воздушный поцелуй и понеслась с такой улыбкой на лице, что жители моего микрорайона тоже заулыбались! На работе прочитала вслух стихотворение «Двадцать восьмая могила». Вот так и буду читать все Ваши потрясающие стихотворения... Пишу и улыбаюсь. Так и буду теперь с улыбкой вставать, с улыбкой ложиться...

Н. В. Шапошникова.
Орехово-Зуево, Московская область

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5
Вместо предисловия 7
Почему безмолвствовал Шолохов... (Лев Колодный) 30
Письмо Виктора Кожемяко в редакцию «Завтра» 66
Сараскина контора приглашает... (А. Солженицын) 83
Как на масленой неделе мы гостей ждали... (В. Распутин) 113
Филемон и Бавкида удивительного вида...
(М. Ростропович и Г. Вишневская) 166
«Кушайте, друзья мои! Все ваше...» (Угощает Б. Окуджава)..... 190
Лица и маски (Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина)..... 225
Прозрачность (Ф. Искандер) 233
Есаул Калмыков под Нарвой, в Кремле и с консервной банкой
(Письмо М. А. Глузскому, народному артисту) 245
Сексуальное счастье и господа с зонтиками 257
О национальной кротости великоросов (Б. Сарнов) 273
Если бы я был Александром Прохановым 325
Он все увидит, этот мальчик... (Павлик Морозов) 337
Сопоставьте, подумайте, взвесьте... (Павлик Морозов) 353
Выступление 358
Патрокл и Терсит в одном флаконе 364
Патриотическое шаманство (В. Бондаренко) 395
Вместо послесловия 455

Владимир Сергеевич Бушин
ГЕНИИ И ПРОХИНДЕИ

Художник В.П.Чечеткин
Набор и верстка А.А.Кувшинников
Корректор Н.Н.Самойлова
ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 151-55-63
Оптовая торговля: «Столица-Сервис» - 916-1882, 375-2118, 375-2433,
375-3673, 375-4652
Розничная торговля: г.Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб. Торговое место № 170
3-й эт.; № 100, 1-й эт. Тел. 8-903-5198541

Сдано в набор 29.11.02. Подписано в печать 28.12.02.
Формат 84x108 /32. Бумага офсетная. Гарнитура HelvDL.
Печ. л. 14,5. Тираж 3000 эк. Заказ 7383.
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Владимир Бушин критик, поэт, публицист. Воевал в Великую отечественную. Окончил Литературный институт им. Горького и Московский юридический институт. Автор книг: "Эоловы арфы", "Ничего, кроме всей жизни", "Колокола громкого боя", "Клеветники России", "Победители и лжецы", "Честь и бесчестие нации" и др.